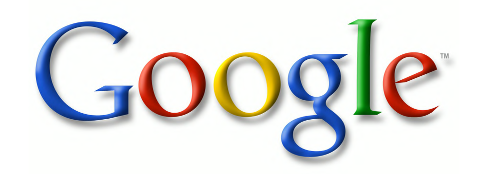
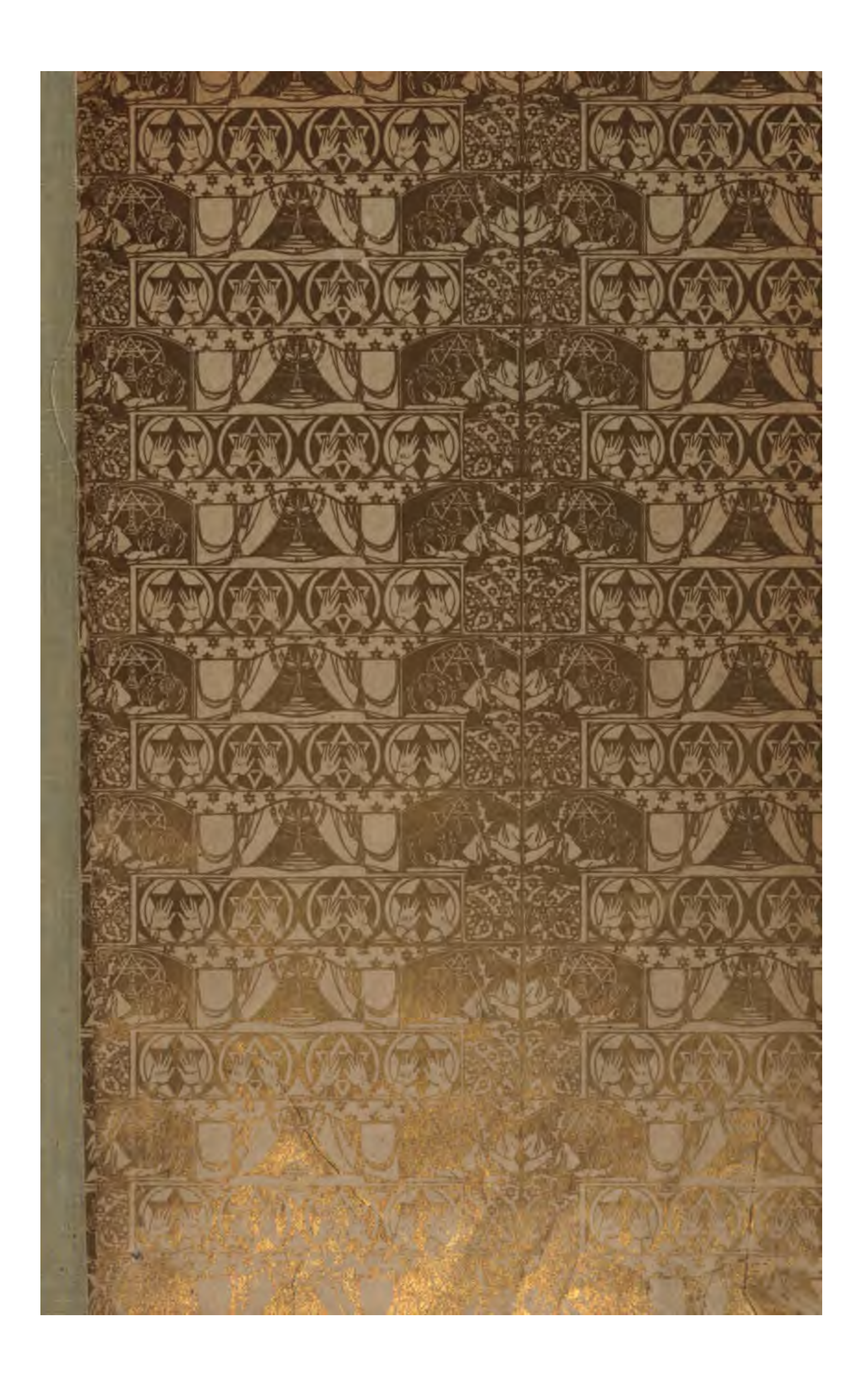
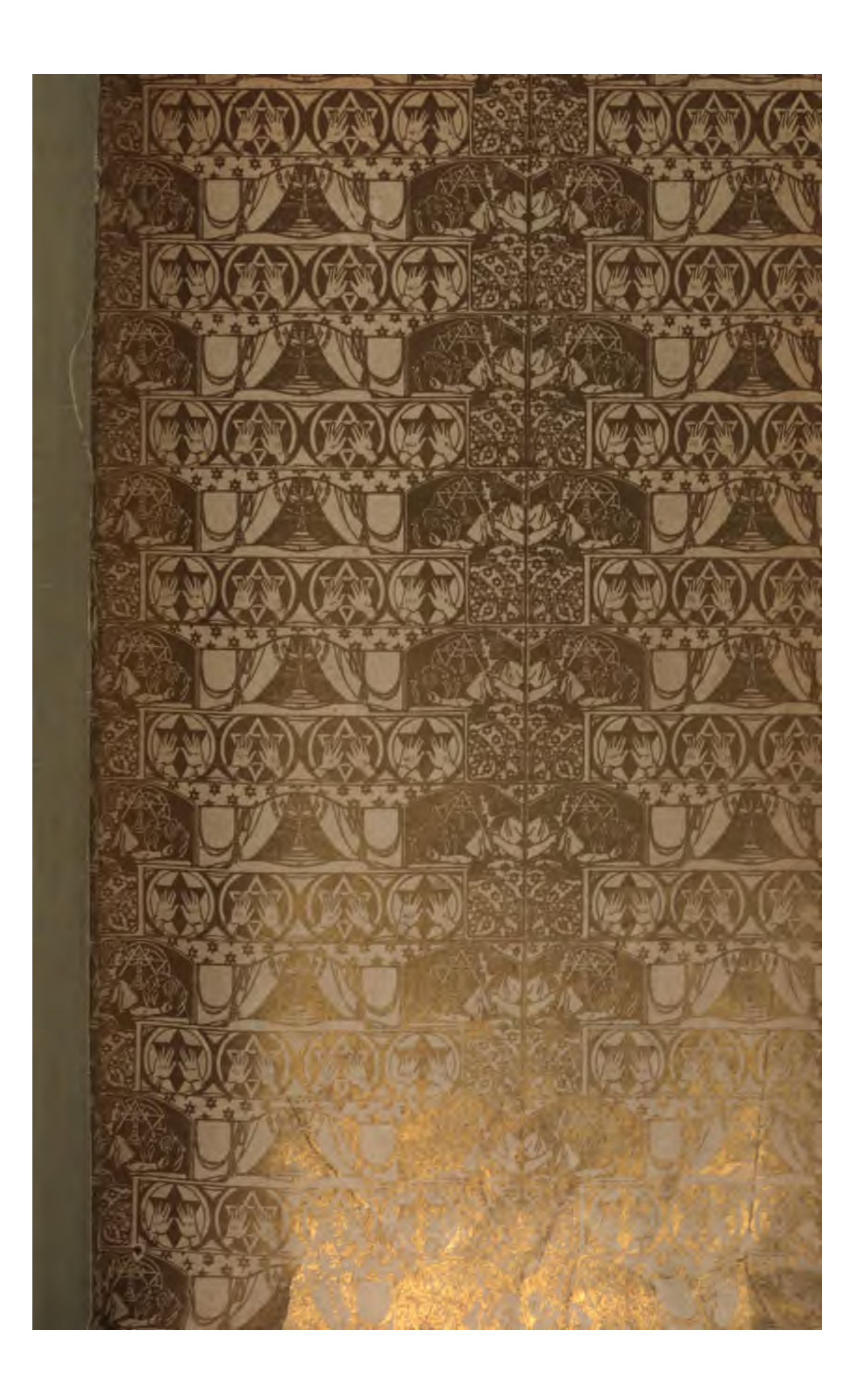

Google

Stanford University Libraries
3 6105 015 798 148

LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES



LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES



Д-ръ ГЕНРИХЪ ГРЕТЦЪ.

ИСТОРІЯ ЕВРЕЕВЪ

ОТЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО НАСТОЯЩАГО

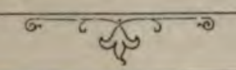
ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОСЛѢДНЯГО НѢМЕЦКАГО ИЗДАНІЯ

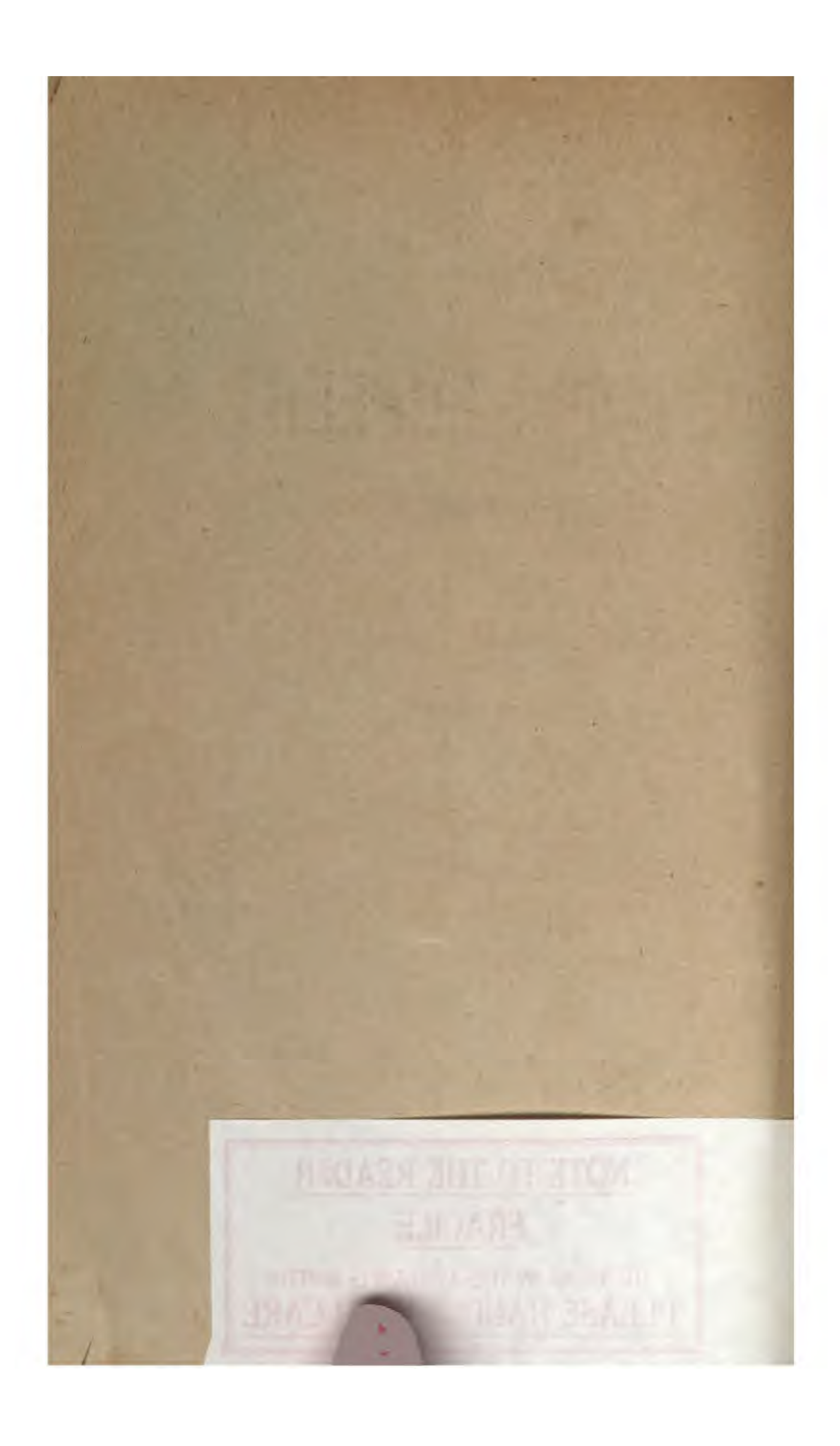
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

О. ИНБЕРА.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Изданіе книжнаго магазина ШЕРМАНА.





Grätz, H. H.

Д-ръ ГЕНРИХЪ ГРЕТЦЪ.

ИСТОРІЯ ЕВРЕЕВЪ

ОТЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО НАСТОЯЩАГО

ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОСЛѢДНЯГО НѢМЕЦКАГО ИЗДАНІЯ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

О. ИНБЕРА.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Изданіе книжнаго магазина ШЕРМАНА.

ОДЕССА.
Типографія „Издатель" Я. Х. Шермана, Еврейская 19.
1906 г.

Дозволено цензурою. Одесса, 30 Октября 1903 г.

НОВѢЙШІЕ ВЗГЛЯДЫ НА БИБЛІЮ*)

(„BABEL UND BIBEL“).

Въ концѣ 1901 года французскій археологъ Морганъ, производя раскопки на мѣстѣ, гдѣ нѣкогда стояла Суза, столица Элама, позднѣйшей Персіи, нашелъ среди развалинъ діоритовую колонну, на которой оказался высѣченнымъ барельефъ съ двумя фигурами, а подъ нимъ и на оборотѣ колонны—большая, въ нѣсколько тысячъ строкъ, надпись. Барельефъ изображаетъ вавилонскаго царя Гаммураби, молящагося мѣстному богу Мардуку или Шамашу, надпись же представляетъ сводъ законовъ въ двѣсти сорокъ семь статей, тѣмъ-же царемъ составленныхъ. Текстъ этой надписи, относящейся, повидимому, къ XXIII вѣку до-христіанской эры, вскорѣ послѣ открытія колонны былъ дешифрированъ французскимъ ученымъ Шейлемъ и въ его переводѣ опубликованъ въ одномъ спеціальномъ изданіи. Здѣсь вавилонскій сводъ законовъ обратилъ на себя вниманіе профессора берлинскаго университета, ассиріолога Фридриха Делича. Въ публичной лекціи, прочитанной въ началѣ 1902 года въ германскомъ обществѣ оріенталистовъ, почтенный профессоръ ознакомилъ германскій ученый міръ, а попутно и нѣмецкое общество вообще съ тѣми весьма неожиданными выводами, къ какимъ его привело изученіе какъ этой надписи, такъ и цѣлаго ряда другихъ вавилонскихъ памятниковъ, въ послѣднее время открытыхъ. Не ограничиваясь этимъ докладомъ, Деличъ въ началѣ настоящаго года выступилъ съ новой лекціей по тому же предмету, на этотъ разъ прочитанной во дворцѣ, въ присутствіи императора Вильгельма. Независимо отъ направленія и содержанія этой лекціи, одно присутствіе на ней императора придало ей въ глазахъ падкой до всякой сенсаціи большой публики особый интересъ, который еще больше былъ возбужденъ,

---

*) Мы ни мало не сомнѣваемся въ томъ, что если бы Гретцъ въ настоящее время былъ еще въ живыхъ, то онъ однимъ изъ первыхъ далъ бы надлежащій отпоръ квазі-ученымъ вандаламъ, подъ предводительствомъ проф. Делича объявившимъ истребительную войну еврейской традиціи. И, во всеоружіи своей колоссальной эрудиціи, покойный историкъ камня на камнѣ, конечно, не оставилъ бы въ новѣйшей „вавилонской башнѣ“, возведенной руками берлинскаго ассиріолога. Но Гретца давно нѣтъ. Редакція же настоящаго изданія отнеслась бы къ своей задачѣ слишкомъ формально, если бъ она вовсе обошла молчаніемъ великое гоненіе, воздвигнутое на ту самую Библію, которая послужила первоисточникомъ для настоящаго труда и на которую такой знатокъ ея, какъ Гретцъ, смотрѣлъ, какъ на величайшее произведеніе еврейскаго генія. Воздавая настоящей статьей весьма скромную дань памяти величайшаго историка еврейства, авторъ ея полагаетъ, что она окажется небезполезной для читателей этой „Исторіи“, незнакомыхъ съ весьма любопытными, во всякомъ случаѣ, деталями новѣйшей кампаніи противъ еврейства, предпринятой германскими ассиріологами, съ г. Деличемъ во главѣ.

когда императоръ въ открытомъ письмѣ, напечатанномъ во всѣхъ газетахъ, высказалъ свой личный взглядъ на выводы Делича. О „Babel und Bibel“ —такъ берлинскій профессоръ озаглавилъ свои лекціи—заговорили тогда во всей Германіи; лекціи, напечатанныя отдѣльными брошюрами, въ короткое время разошлись въ количествѣ тридцати тысячъ экземпляровъ и вызвали цѣлую литературу pro и contra, въ которой приняли участіе всѣ выдающіеся оріенталисты, протестанскіе теологи и ученые раввины Германіи.

Всякій безъ труда пойметъ, что для того, чтобы въ наше, ничему не удивляющееся время вызвать такой шумъ, и въ одинаковой мѣрѣ взбудоражить христіанъ и евреевъ, берлинскій профессоръ долженъ былъ повѣдать міру не только нѣчто совершенно новое и никогда не слыханное, но и кое-что такое, что въ корнѣ подрывало бы выработанныя вѣками и въ плоть и кровь нашу вошедшія воззрѣнія. И въ самомъ дѣлѣ, если бы Деличъ съ своими камнями, глиняными дощечками и кирпичами оказался правъ, то вѣрующему человѣчеству вообще, а еврейству въ особенности, былъ бы нанесенъ весьма тяжелый ударъ. Священное писаніе оказалось бы просто на просто плагіатомъ, монотеистическая идея—заимствованной у вавилонянъ, а самъ Іегова очутился бы въ Обществѣ Шамаша, Мардука и др. боговъ, имъ же нѣсть числа, населяющимъ вавилонскій Олимпъ. Ибо все, что въ 24 книгахъ Библіи есть высокаго и божественнаго: идея о единомъ, духовномъ Богѣ, о богоподобности человѣка въ противоположность языческому представленію о человѣкоподобіи божества, о святости жизни, о милосердіи, о любви къ ближнему, о равенствѣ всѣхъ предъ закономъ,—все это и многое другое, съ чѣмъ человѣчество въ теченіе двухъ тысячъ лѣтъ неразрывно связывало представленіе о Библіи и іудаизмѣ,—все это за много вѣковъ до Моисея въ превосходной степени было извѣстно тѣмъ, которыхъ Деличъ называетъ „культурнѣйшимъ народомъ древности“—вивилонянамъ. Ученіе Авраама и Моисея, Іешаи и Гилела, на которое, какъ на первоисточникъ своей вѣры, съ одинаковымъ благоговѣніемъ смотритъ и іудей, и христіанинъ, и магометанинъ; ученіе, за которое народъ-мученикъ три тысячи пятьсотъ лѣтъ проливалъ кровь въ Египтѣ и Ханаанѣ, въ Вавилонѣ и Персіи, подъ владычествомъ Рима, въ Испаніи и Германіи, въ Польшѣ и Украйнѣ, въ Румыніи и такъ наз. Восточной Европѣ,—эта Тора оказывается добросовѣстно скопированной съ вавилонскихъ памятниковъ. Гг. Деличъ, Винклеръ, Циммернъ и товарищи сами это на нихъ вычитали и неопровержимо доказали, что христіане и евреи тысячи лѣтъ кругомъ заблуждались. Каковы же эти доказательства?

На двухъ глиняныхъ дощечкахъ, найденныхъ въ Хорсабадѣ, и которыя Деличъ воспроизводитъ въ одной изъ своихъ брошюръ, находится написанная клинообразными знаками и нѣсколько разъ повторяющаяся фраза, которая въ транскрипціи Шейля и Винклера читается ya-ah-ve-ilu и ja-hu-um-ilu, что въ переводѣ Делича означаетъ: „Іегова есть богъ.“ Изъ этихъ двухъ, на другихъ вавилонскихъ памятникахъ не встрѣчающихся фразъ Деличъ приходитъ къ не вызывающему у него никакихъ сомнѣній выводу, что ханаанейскія племена, въ третьемъ тысячелѣтіи до Р. Хр., перекочевавшія на низовья Тигра и Евфрата и получившія впослѣдствіи названіе вавилонянъ, въ самыя незапамятныя времена поклонялись уже Іеговѣ и что культъ этотъ, какъ и самое имя единаго Бога перешелъ къ

израильтянамъ путемъ заимствованія, сдѣланнаго Моисеемъ приблизительно въ XV столѣтіи до Р. Хр.

Всякій еврей, болѣе или менѣе основательно знакомый съ Библіей, сразу, конечно, можетъ мнѣ замѣтить, что господинъ Деличъ несетъ страшный вздоръ, котораго не стоитъ опровергать. Мнѣ кажется, что этотъ еврей былъ бы неправъ. И не потому, чтобы заявленіе берлинскаго профессора было основательно. Нѣтъ, мы ниже увидимъ, что оно дѣйствительно представляетъ всесторонній абсурдъ. Еврей, о которомъ я говорю, былъ бы неправъ по другой причинѣ. Всѣмъ извѣстная французская поговорка гласитъ, что каждый глупецъ всегда найдетъ изрядное число еще большихъ глупцовъ, чѣмъ онъ самъ, которые не только повѣрятъ, что онъ умнѣйшій человѣкъ, но будутъ трубить объ этомъ по всему свѣту. Намъ, евреямъ, больше, чѣмъ кому-либо извѣстна вся справедливость этой поговорки. Нѣтъ той бьющей въ глаза нелѣпости, по нашему адресу выпущенной въ обращеніе, которая не нашла бы милліоновъ слѣповѣрующихъ и которую, при всякомъ даже неудобномъ случаѣ, намъ не поставили бы въ счетъ. И мнѣ кажется, что нужно обладать очень толстой кожей и весьма крѣпкими нервами, чтобы отъ всего этого отдѣлаться бездушно-спокойнымъ замѣчаніемъ, что собака, молъ, лаетъ, а вѣтеръ носитъ. Пусть г. Деличъ несетъ вздоръ, но это вздоръ авторитетный, обставленный ученымъ аппаратомъ,—вздоръ, который одобрительно выслушиваютъ во дворцахъ и который, едва родившись на свѣтъ, уже успѣлъ проникнуть въ учебники исторіи и въ энциклопедическіе словари. На такого рода вздоръ нельзя махнуть рукой, подъ тѣмъ предлогомъ, что евреямъ будто бы совершенно безразлично, убѣдитъ ли кого г. Деличъ, или не убѣдитъ. Въ той самой Германіи, еврейство которой мы походя обвиняемъ въ равнодушіи къ общееврейскимъ интересамъ, сразу поняло, что это далеко не безразлично. И все, что въ этой странѣ есть авторитетнаго, отъ ученыхъ раввиновъ и профессоровъ и до извѣстныхъ журналистовъ, десятками рукъ подняло перчатку, брошенную Деличемъ еврейству и дружно ополчилось противъ него и его единомышленниковъ. И только мы, русскіе евреи, ошеломленные и придавленные глубоко-печальными событіями, на насъ въ этомъ году обрушившимися, мы одни ничѣмъ не откликнулись на этотъ новый походъ противъ насъ, имѣющій, если вдуматься въ него, далеко не одинъ теоретическій интересъ.

Вернемся же къ глинянымъ дощечкамъ г. Делича и къ ихъ надписямъ. Прежде всего замѣтимъ, что нѣтъ труда болѣе тяжелаго и неблагодарнаго, какъ дешифрированіе ассирійскихъ и вавилонскихъ надписей. Клинообразное письмо представляетъ опредѣленное число — не менѣе 300—идеографическихъ знаковъ, изъ которыхъ каждый изображаетъ самые различные звуки, и даже не звуки, а цѣлые слоги. Такъ одинъ знакъ—или, точнѣе, група знаковъ—читается ab, be, ne, ku, da, и bil, другой знакъ служитъ для изображенія слоговъ bat, mik, mit, и chuv. На памятникахъ, написанныхъ такой тарабарской грамотой, ключъ къ которой представляетъ настоящее passe-partout, всякій ученый можетъ вычитать все, что ему ни заблагоразсудится. Лейпцигскій профессоръ Киттель, разбирая надпись, о которой сейчасъ идетъ рѣчь, говоритъ, что въ словѣ, которое Деличъ читаетъ Iahve, второй слогъ ve читается также и pi, и ma, и me, такъ что

вмѣсто Iahve можно съ одинаковымъ правомъ читать jaame, jaapi jaupi или jauma. Другой ассиріологъ, берлинскій профессоръ Бартъ, довольно убѣдительно доказываетъ, что рядъ словъ, который Шейль читаетъ ja-ah-ve-ilu, а Деличъ переводитъ: „Iегова есть Богъ" никакой фразы не представляетъ: это просто собственное имя, которое читается ja-chu-el или je-chu-el. Оксфордскій ученый Сейфъ находитъ, что надписи на хорсабадскихъ дощечкахъ представляютъ ничто иное, какъ письма нѣкоего вавилонянина, по имени Iaumilu, къ другому вавилонянину, котораго звали Iоель. На конецъ мюнхенскій ассиріологъ Hommel, объ этихъ дощечкахъ написавшій цѣлую книгу, съ своей стороны доказываетъ, что надписи ни нихъ представляютъ частныя дѣловыя письма отъ нѣкоего Iehoel или Ioel'я къ Iachmeel'ю или Iachuel'ю, и что о какомъ бы то ни было божествѣ въ нихъ и помину нѣтъ.

Но допустимъ, что всѣ эти первоклассные авторитеты ассиріологіи заблуждаются и что правъ одинъ Деличъ; допустимъ слѣдовательно, что въ эпоху, къ которой эти дощечки относятся, т. е. въ 23 вѣкѣ до Р. Хр., вавилоняне знали и даже почитали Iегову. Такъ какъ это было за цѣлыхъ восемъ столѣтій до Моисея и Синая, то Деличъ въ силу положенія post hoc ergo propter рос приходитъ къ выводу, что культъ Iеговы заимствованъ Моисеемъ у вавилонянъ. Но съ чего же Деличъ взялъ, что и этотъ культъ, и самое имя Iеговы, не были извѣстны евреямъ и до Моисея? Изъ цѣлаго ряда мѣстъ въ Библіи видно, напротивъ, что не только Авраамъ, жившій приблизительно въ томъ же 23 вѣкѣ до Р. Хр., но и задолго, можетъ быть за тысячи лѣтъ до него, Ной, Эношъ и чуть-ли не самъ Адамъ знали израильскаго Бога и приносили ему жертвы. И знали именно подъ именемъ Iеговы. Въ 8 стихѣ 12 главы Бытія говорится „Wajiwen schom mizbeach ladonoi vajikru bèschem adonoi"—*„Авраамъ построилъ тамъ* (въ Бетелѣ) *жертвенникъ Iеговѣ и призывалъ имя Iеговы"*, т. е. молился ему; въ главѣ 6, стихъ 8, сказано, что Ной удостоился милости Iеговы, а въ стихѣ 20, что онъ воздвигъ Iеговѣ алтарь. Но ссобенно любопытенъ въ этомъ отношеніи 26 стихъ 4 главы: „У Сета,—гласитъ этотъ стихъ, родился сынъ, которому онъ далъ имя Эношъ". *„Тогда стали называть Господа именемъ Iегова"* („Oz hichal likro beschem Ihwh"). Сетъ же былъ сынъ Адама, „перваго человѣка на землѣ". Имя Iеговы, такимъ образомъ, было извѣстно еще первобытнымъ обитателямъ передней Азіи, за цѣлое тысячелѣтіе до того, какъ существовали самыя имена Израиля или Вавилона, за много лѣтъ до рожденія самаго Сима, родоначальника семитовъ. Весьма интересное замѣчаніе дѣлаетъ по этому поводу одинъ изъ оппонентовъ Делича, Leimdörfer. „Всякому гебраисту, говоритъ онъ, извѣстно, что глаголъ קרא (кара) первоначально означалъ не только звать, называть, но и читать, а весьма вѣроятно также, и писать. Слово „oz hichal likro beschem Ihwh" поэтому можно и даже слѣдуетъ понимать въ смыслѣ: „тогда стали читать и писать имя Господа: „Ihwh". Сама Библія даетъ такимъ образомъ ключъ къ пониманію надписей на вавилонскихъ глиняныхъ дощечкахъ, въ томъ случаѣ, если Деличъ ихъ прочиталъ и перевелъ совершенно правильно. Leindörfer подтверждаетъ свое мнѣніе ссылкой на Iосифа Флавія, историка, жившаго, какъ извѣстно, въ первомъ вѣкѣ христіанской эры.

Во 2 и 3 главѣ первой книги своей „Исторіи Іудейской Войны" Флавій говоритъ, что потомки Сета первые открыли законы теченія звѣздъ и наблюденія свои „записали" на двухъ столбахъ. „Дабы,—говоритъ Флавій, —это открытіе навѣки сохранилось въ памяти людей и приносило имъ пользу, они соорудили два столба, одинъ изъ кирпичей, а другой изъ камня и на обоихъ начертали открытые ими законы, для того, чтобы въ случаѣ, если кирпичный столбъ будетъ испорченъ водой въ новомъ потопѣ, остался бы каменный и научилъ бы людей искусству распознавать звѣзды и ихъ теченіе на небѣ. Каменный столбъ сохранился до настоящаго времени въ Сиріи". Это показаніе Флавія подтверждаетъ, что искусство письма было извѣстно въ Сиріи уже за 3700 лѣтъ до Р. Хр. Конецъ 26 стиха 4 главы Книги Бытія такимъ образомъ не только можно, но и должно переводить: „и тогда стали называть и писать имя Господа „Ihwh". Ясно, что если бы археологи нашли гдѣ-нибудь въ Азіи памятники болѣе древніе еще, чѣмъ хорсабадскія дощечки, съ именемъ Іеговы, то это не только не противорѣчило бы Библіи, но, наоборотъ, лишній разъ подтвердило бы ея указанія на то, что единобожіе существовало у предковъ израильтянъ за цѣлыя тысячелѣтія до Моисея.

Для того, чтобы Моисей могъ заимствовать у вавилонянъ монотеистическій культъ, очевидно, необходимы два условія: 1) чтобъ до него израильтяне не имѣли никакого представленія о единомъ Богѣ, и 2) чтобы это единобожіе существовало у вавилонянъ. Мы видѣли, что перваго условія въ данномъ случаѣ нѣтъ, и что почитаніе единаго Бога, подъ именемъ Іеговы существовало у израильтянъ чуть-ли не съ самаго Адама. Посмотримъ же теперь, какъ обстоитъ дѣло съ вторымъ условіемъ, т. е. знали ли и почитали ли того же Іегову вавилоняне. Заимствовать что-либо можно вѣдь только у того, кто это имѣетъ. Посмотримъ же, располагали ли вавилоняне въ дѣйствительности, а не на черепкахъ только, тѣмъ, что Моисей, по увѣреніямъ Делича, у нихъ заимствовалъ? Всѣ первоисточники, всѣ памятники и вообще весь обширный матеріалъ, на который опирается исторія, свидѣтельствуетъ о томъ, что отъ перваго появленія своего на аренѣ исторіи и до самаго своего исчезновенія съ нея вавилоняне коснѣли въ самомъ грубомъ идолопоклонствѣ. Пользуясь изданіемъ Іенсена („Assyrisch-babylonische Epen und Mythen." Berlin 1900 г.), я попытался было составить списокъ вавилонскихъ боговъ, но ихъ оказалась такая масса, что я реестра своего такъ и не кончилъ: сверхъ нѣсколько десятковъ общенаціональныхъ боговъ, которымъ поклонялись во всемъ Вавилонѣ, каждый городъ въ этой странѣ имѣлъ еще своихъ спеціальныхъ боговъ, такъ сказать мѣстнаго производства. Тѣ и другіе имѣли сверхъ того женъ и дѣтей, которыя, разумѣется, тоже причислялись къ сонму боговъ и доводили ихъ число до весьма почтенной цифры. Я же, какъ еврей, привыкъ думать, что совершенно безразлично поклоняется ли народъ двумъ богамъ, двадцати или двумъ стамъ. Мнѣ, какъ, вѣроятно, каждому изъ васъ, всегда казалось, что и въ умѣ и въ сердцѣ человѣческомъ можетъ умѣститься только одинъ Богъ, и что если ихъ туда попало больше, то это ужъ не боги, а, такъ сказать, суррогаты божества или попросту идолы. Конечно, каждый народъ имѣетъ полное право насочинять себѣ какое ему угодно число боговъ, но вавилоняне положи-

тельно злоупотребляли этимъ правомъ. А такъ какъ количество въ данномъ случаѣ обратно-пропорціонально качеству, то не трудно представить себѣ, что это были за боги. Объ этомъ можно судить по тѣмъ сценамъ, которыя происходили на вавилонскомъ Олимпѣ, гдѣ всѣ эти Бели, Мардуки, Шамаши, Ану, Лахму, Кисары съ ихъ супругами и чадами задавали другъ другу форменныя баталіи и устраивали настоящія оргіи.

Мыслимо ли, чтобы у народа или, вѣрнѣе, у орды съ такого рода религіозными представленіями могла возникнуть идея о едином духовномъ Богѣ. Если бы Деличъ въ доказательство своей гипотезы представилъ намъ не двѣ, а двѣсти тысячъ глиняныхъ дощечекъ съ вполнѣ достовѣрными, а не крайне сомнительными начертаніями имени Іеговы, мы и тогда не повѣрили бы, что у этихъ полудикихъ идолопоклонниковъ существовалъ какой-либо религіозный культъ, хотя бы самымъ отдаленнымъ образомъ напоминающій религію Авраама, Моисея и Іешаи. И въ самомъ дѣлѣ, если бы у вавилонянъ что-нибудь подобное дѣйствительно существовало, то въ огромной массѣ вавилонскихъ надписей, до сихъ поръ разобранныхъ, въ эпосѣ, миоахъ и легендахъ этого народа, до насъ дошедшихъ, или наконецъ въ законахъ Гаммураби, словомъ, гдѣ-нибудь объ этомъ хоть въ двухъ словахъ было бы упомянуто. Между тѣмъ, ни на одномъ изъ этихъ безчисленныхъ памятниковъ, даже весьма дальнозоркій въ этомъ отношеніи Деличъ и тотъ не могъ открыть ни имени, ни культа Іеговы. Въ такихъ условіяхъ очевидно, что хорсабадскія дощечки, какъ бы берлинскій профессоръ ихъ надписи не читалъ, вавилонскаго монотеизма не спасутъ.

Надо, впрочемъ, отдать справедливость Деличу. Онъ не первый пытается развѣнчать Моисея. И до него были ученыя моськи, усердно лаявшія на еврейскаго слона. И какія только легенды на этотъ счетъ не сочиняли! Моисей воспитывался при дворѣ Фараона, познакомился тамъ съ египетскими законами и изъ нихъ выкроилъ свой Sepher ha-Berit. Трудно представить себѣ что-нибудь столь же нелѣпое. Всю жизнь свою Моисей посвятилъ тому, чтобы отучить свою израильскую орду отъ отвратительнаго египетскаго идолопоклонства и не менѣе отвратительныхъ нравовъ, съ этимъ культомъ связанныхъ. Пятьдесятъ лѣтъ онъ возился съ этими, одичавшими въ Гошенѣ, рабами, усердно очищая ихъ отъ насѣвшей на нихъ тамъ грязи, стараясь возвратить имъ человѣческій образъ, сдѣлать ихъ чистыми, свободными, нравственными, заставить ихъ увѣровать въ единаго Бога. Мыслимо ли, чтобы этотъ человѣкъ чтобы то ни было заимствовалъ у египтянъ, которыхъ онъ презиралъ и не навидѣлъ всей душой? Да что онъ могъ у нихъ занять? Законы? Но на чемъ покоилось египетское законодательство? На неограниченной царской власти, на строгой теократіи и на системѣ кастъ. Главными же устоями Моисея законодательства были: самоуправленіе народа, независимость отъ духовенства и отсутствіе классовыхъ подраздѣленій. Если Моисей чему-нибудь научился въ Египтѣ, то не тому, какіе законы слѣдуетъ дать израильтянамъ, а какихъ имъ давать не слѣдуетъ. Крайній египетскій политеизмъ сдѣлалъ его такимъ же крайнымъ монотеистомъ, деспотизмъ фараоновъ сдѣлалъ его демократомъ, а клерикализмъ египетскій—анти-клерикаломъ.

Теорія о египетскомъ происхожденіи Моисеева законодательства, однимъ словомъ, оказалась вздоромъ. Но на смѣну ей новѣйшими англій-

скими фольклористами тотчасъ выдвинута была другая, такъ называемая, индійская гипотеза, въ угоду которой Моисея заставили даже сдѣлать путешествіе въ Индію, для того, чтобы заимствовать свое законодательство у древнихъ браманов, изъ ихъ кодекса Ману. Сами авторы этой фантастической теоріи признаютъ, впрочемъ, что ни въ еврейскихъ, ни въ индійскихъ, ни въ какихъ-либо другихъ источникахъ они не нашли никакихъ указаній на эту поѣздку или на какія-нибудь заимствованія Моисея изъ Индіи. Они говорятъ лишь о большой вѣроятности того и другого. Но въ основаніе законовъ Ману положенъ тотъ же политеизмъ, та же система строго-разграниченныхъ кастъ и та же теократія, что въ Египтѣ. И если мы вмѣстѣ съ Эберсомъ, Вельгаузеномъ, Штаде, Эвальдомъ и другими отвергнемъ синайское откровеніе и допустимъ, что, Моисей самъ никакого представленія о единобожіи, Іеговѣ и т. д. не имѣлъ; если мы, значитъ, вмѣстѣ съ этими учеными допустимъ, что, за неимѣніемъ своего бога и своихъ законовъ, Моисей долженъ былъ искать чужихъ, то спрашивается, зачѣмъ же ему было отправляться въ далекую Индію, если тоже самое онъ имѣлъ подъ рукой, въ Египтѣ.

Іегову и законы Моисея, такимъ образомъ, не удалось пристроить ни на берегахъ Нила, ни у водъ Ганга. И вотъ, когда обѣ эти теоріи самымъ позорнымъ образомъ провалились, на сцену выдвинута была новая, вавилонская. Мы не сомнѣваемся, что когда и этотъ, столь нашумѣвшій, мыльный пузырь также скандально лопнетъ, какъ египетскій и индійскій, то непремѣнно найдется какой-нибудь новый Деличъ, который съ вещественными доказательствами въ рукахъ будетъ доказывать, что Моисей ѣздилъ въ Сандвичевые острова и привезъ оттуда готовый сводъ законовъ, призанявъ его у высокопросвѣщенныхъ канаковъ. И если ученые до этого пока еще не дошли, то просто потому, что вавилонская теорія еще не думаетъ умирать. Намъ поэтому, какъ никакъ, приходится къ ней вернуться.

Если бы Деличъ и его сподвижники ополчились на Библію только съ двумя глиняными дощечками своими, то ихъ, какъ противниковъ, можно было бы, разумѣется, совершенно игнорировать. По воробьямъ изъ пушекъ не стрѣляютъ и въ открытыя двери ломаться не за чѣмъ. И самъ Деличъ понимаетъ, что выступать съ такимъ жалкимъ оружіемъ противъ такого сильнаго противника какъ Моисей, значитъ сдѣлать себя смѣшнымъ въ глазахъ всего міра. И если бы онъ не располагалъ болѣе сильнымъ—въ его глазахъ, по крайней мѣрѣ—оружіемъ, то онъ, по всей вѣроятности, припряталъ бы свои дощечки съ письмами Іоеля, превращеннаго въ Іегову, и міръ такъ и не узналъ бы, что еврейскій Богъ украденъ у вавилонянъ. Но у Делича еще имѣется сверхъ того большая коллекція каменныхъ плитъ, кирпичныхъ столбовъ и цѣлыя горы всякихъ обломковъ и черепковъ, которыя, по его мнѣнію, доказываютъ, что не только Моисей но и ветхозавѣтные евреи вообще были плагіаторами. Вмѣстѣ съ монотеистическимъ культомъ они эскамотировали у вавилонянъ ихъ гуманѣйшіе законы, ихъ религіозные обряды и даже древнѣйшія легенды. Библейскіе разсказы о сотвореніи міра, о грѣхопаденіи, о потопѣ оказываются не еврейскими преданіями, а вавилонскими. И если вы до сихъ поръ были увѣрены, что празднованіе субботы есть исконный еврейскій обычай

или обрядъ, то вы заблуждались: „суббота" это ничто иное, какъ вавилонское „шабату", перенесенное въ Палестину изъ Вавилона Моисеемъ, или кѣмъ-нибудь другимъ послѣ него.

Пользуясь переводами Шрадера[1]) и Делича[2]), приводимъ вавилонское преданіе о сотвореніи міра:

„Въ началѣ всѣхъ вещей, когда вверху еще не было неба, а внизу не простиралась земля, изъ бездны хаотическихъ водъ поднялся, въ образѣ семиголоваго дракона, великій духъ Тіаматъ и сотворилъ боговъ Лахму и Лахаму, Сара и Кисара, Ану и Мардука... Когда же эти боги захотѣли создать міръ, то Тіаматъ въ страшномъ гнѣвѣ возсталъ противъ нихъ. Изъ нѣдръ своихъ онъ произвелъ ужасныя чудовища, въ видѣ исполинскихъ ядовитыхъ змѣй, и въ союзѣ съ ними объявилъ мятежнымъ богамъ войну. Боги дрожали отъ страха. Одинъ лишь Мардукъ, богъ свѣта и солнца, не испугался могучаго противника и принялъ вызовъ, въ надеждѣ, что побѣда надъ Тіаматомъ сдѣлаетъ его первымъ среди боговъ. Окинувъ сѣтями всѣ четыре стороны бездны, дабы ни одинъ богъ не могъ ускользнуть, Мардукъ въ блестящемъ вооруженіи сѣлъ на колесницу, запряженную четыремя огненными конями и предъ изумленными его безумной отвагой богами, ринулся прямо на Тіамата. При видѣ противника, великій духъ огласилъ бездну страшнымъ воинственнымъ кликомъ, широко раскрывъ при этомъ свою исполинскую пасть. Но прежде, чѣмъ Тіаматъ успѣлъ ее закрыть, Мардукъ пахнулъ въ нее ядовитымъ вѣтромъ и метнувъ въ противника свое копье, вонзилъ его ему въ самое сердце. Обезоруживъ затѣмъ тіаматову свиту, Мардукъ всталъ на трупъ семиголоваго дракона и однимъ ударомъ своего меча распласталъ его, какъ рыбу, на двѣ равныя половины. Изъ одной половины Мардукъ сдѣлалъ небо, а изъ другой землю. Небо онъ одѣлъ солнцемъ, луною и звѣздами, а землю снабдилъ животными и растеніями. Изъ смѣси же глины съ кровью Тіамата Мардукъ создалъ затѣмъ человѣка".

Эту легенду Деличъ сопровождаетъ слѣдующимъ замѣчаніемъ:

„Если мы примемъ во вниманіе,—говоритъ онъ,—что Мардукъ былъ богомъ города Вавилона, то намъ нетрудно (?) будетъ понять, что именно это преданіе должно было получить самое широкое распространеніе въ Ханаанѣ (??). Ветхозавѣтные поэты и пророки, разумѣется, воспользовались имъ и при этомъ дошли до того, что героическіе подвиги Мардука приписали своему Іеговѣ, прославляя послѣдняго, какъ творца вселенной".

Выходитъ, стало быть, что библейскій разсказъ о сотвореніи міра заимствованъ изъ только что разсказанной вавилонской легенды. Для нагляднаго сличенія приведемъ всѣмъ извѣстное начало Книги Бытія:

„Въ началѣ Богъ сотворилъ небо и землю. Земля же (т. е. вселенная) представляла хаосъ и пустоту, надъ поверхностью бездны была тьма, и Божій духъ рѣялъ надъ водами. И сказалъ Богъ: да будетъ свѣтъ, и сталъ свѣтъ".

Надо умышленно закрывать глаза, чтобы не видѣть, что отъ одного разсказа до другого также далеко, какъ отъ неба до земли. Въ одномъ

[1]) E. Schrader. Die Keilinschriften und das alte Testament, 2.
[2]) F. Delitsch, Babel und Bibel, I, 32.

творцомъ является одинъ единый Богъ, котораго преданіе просто называетъ „элогимъ", не снабжая его никакими примѣтами, Богъ, слѣдовательно, безтѣлесный, духовный, вѣчносущій; въ другомъ, создателемъ является семиголовый драконъ, который создаетъ, однако, не самый міръ, а только коллекцію боговъ, такихъ же, какъ онъ самъ, только чиномъ пониже. Міръ создаетъ затѣмъ одинъ изъ только-что сфабрикованныхъ боговъ и притомъ изъ весьма оригинальнаго матеріала, изъ трупа убитаго бога, своего же творца. И изъ этой чудовищно-глупой сказки, Деличъ выводитъ величавый въ своей простотѣ библейскій разсказъ о сотвореніи міра.

Перейдемъ къ другому открытію берлинскаго профессора.

„Вопросъ о происхожденіи библейскаго разсказа о грѣхопаденіи,— говоритъ онъ на 37 стр. своей первой брошюры,—имѣетъ весьма важное историко-религіозное значеніе, въ особенности для христіанскихъ теологовъ, которые, какъ извѣстно, виновнику появленія грѣха и смерти на землѣ, первому Адаму, противупоставляетъ второго. Да позволено же будетъ мнѣ приподнять завѣсу съ этой тайны и указать на старый вавилонскій памятникъ съ барельефомъ, изображающимъ сцену въ раю. Въ центрѣ рисунка—дерево съ висящими внизъ плодами; справа отъ него— мужчина, котораго легко узнать по рогамъ (!), символу силы; слѣва женщина, за спиною которой извивается змѣя. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что библейскій разсказъ о первородномъ грѣхѣ находится въ тѣсной связи съ этимъ древнѣйшимъ вавилонскимъ барельефомъ".

Прежде всего замѣчу, что „тайна", съ которой Деличъ впервые будто бы и съ такой торжественностью „приподымаетъ" здѣсь „завѣсу", разоблачена задолго до него Смитомъ, описавшимъ этотъ барельефъ еще въ 1873 г. Кстати прибавлю, что какъ ученый Деличъ, вообще, весьма не безгрѣшенъ. Глиняныя дощечки, напримѣръ, на которыхъ онъ вычиталъ имя Іеговы, были найдены и надписи на нихъ разобраны не имъ, а Шрадеромъ, который, однако, никакого бога на нихъ не нашелъ. Деличъ, во вторыхъ, не прочь и фальсифицировать надписи, вставляя въ нихъ то, чего въ нихъ дѣйствительно нѣтъ и выпуская, наоборотъ, то, что въ нихъ есть, смотря потому, что ему въ его тенденціозныхъ цѣляхъ въ данномъ случаѣ выгоднѣе. Гебраисты, наконецъ, указываютъ на то, что Деличъ недостаточно знакомъ съ Библіей, той самой, которую онъ такъ храбро раздѣлываетъ по всей линіи, и кромѣ того, не весьма твердъ въ самомъ языкѣ Библіи. Оказывается, что онъ даже не знаетъ текста декалога, и шестая заповѣдь у него гласитъ „lo tiqtol", вмѣсто „lo tirzach". Майеръ замѣчаетъ, что Деличъ получилъ эту новую версію шестой заповѣди путемъ перевода съ нѣмецкаго, но при этомъ упустилъ изъ виду или просто не зналъ, что форма tiqtol и глаголъ qotal вообще въ Пятикнижіи вовсе не встрѣчаются. Тотъ же Майеръ ставитъ профессору Деличу на видъ, что слово „scheol" означаетъ не „рай", какъ онъ его переводитъ на 39 стр. своей брошюры, а, напротивъ, преисподнюю, адъ, рекомендуя ему для вразумленія 10 стихъ 16-го и 16 стихъ 49-го псалма. Франкфуртскій раввинъ Гольдшмидтъ замѣчаетъ, что Деличъ неправильно переводитъ 8 стихъ 3 главы книги Бытія. Въ текстѣ этотъ стихъ гласитъ: וישמעו את קול יהוה אלהים מתהלך בגן לרוח היום Деличъ переводитъ его: „И

услышали они голосъ Господа Бога, прогуливавшагося („Spazierte") въ саду при вечерней прохладѣ" Деличъ не понялъ, что глаголъ מתהלך относится не къ Богу, а къ его голосу, *раздававшемуся* въ саду.

Всѣ эти маленькіе грѣхи Делича, впрочемъ, упомянуты здѣсь лишь мимоходомъ. Допустимъ, что все это несущественно и вернемся къ вавилонскому барельефу.

Замѣчательно, что ни одинъ ассиріологъ, ни самъ Деличъ не въ состояніи указать, къ какому именно времени относятся тѣ памятники, на которые они въ своемъ походѣ на Библію ссылаются. Между тѣмъ, для рѣшенія вопроса о томъ, заимствовали ли что-либо авторы Ветхаго Завѣта у вавилонянъ, прежде всего необходимо знать что древнѣе, Библія ли, или деличевскіе памятники. Когда Библія составлена, мы приблизительно знаемъ, когда же всѣ эти надписи и рисунки сдѣланы, о томъ мы не имѣемъ ни малѣйшаго представленія. А для рѣшенія вопроса о заимствованіяхъ параллельныя даты между тѣмъ безусловно необходимы. Вѣдь для того, напримѣръ, чтобы утверждать, что легенда о грѣхопаденіи есть пересказъ вавилонскаго преданія, надо прежде всего доказать, что барельефъ, о которомъ идетъ рѣчь, древнѣе книги Бытія. Разъ этого доказательства нѣтъ, всякія заявленія насчетъ заимствованія представляются совершенно произвольными, тѣмъ болѣе, что какого либо письменнаго доказательства того, что у вавилонянъ вообще существовало преданіе о грѣхопаденіи, нѣтъ. Въ своемъ же утвержденіи о заимствованіи, Деличъ опирается исключительно на этотъ рисунокъ. Доказательства же, что послѣдній изображаетъ именно сцену искушенія, также никакого нѣтъ: надпись на немъ отсутствуетъ, а самъ рисунокъ такъ туманенъ, что въ немъ можно видѣть все, что угодно. Кенигъ, напримѣръ, находитъ, что, несмотря на рога,—которые, по мнѣнію Делича, являются символомъ человѣческой или мужской силы, а не воловьей,—фигуры могутъ быть обѣ мужскія и обѣ женскія. Киттель увѣренъ, что на барельефѣ изображены два бога. Шрадеръ замѣчаетъ, что на рисункѣ не представленъ существеннѣйшій моментъ библейскаго разсказа, т. е., не видно, чтобы женщина вручала мужчинѣ запретный плодъ. Видны лишь двѣ фигуры, наряженныя въ костюмы, о какихъ въ древнемъ Вавилонѣ и представленія не имѣли, и сидящія на стульяхъ, какіе навѣрно и теперь въ средней Азіи составляютъ большую рѣдкость. Эттли прямо говоритъ, что его фантазія не настолько богата, чтобы онъ въ этомъ рисункѣ могъ видѣть сцену грѣхопаденія. Мейеръ, наконецъ, въ деревѣ на барельефѣ находитъ большее сходство съ канделябромъ. Памятнику можетъ быть 200 лѣтъ, можетъ быть и 500, и 1000, и 2000. Деличъ же безъ всякихъ основаній находитъ, что ему *должно* быть 3500 лѣтъ, конечно, для того, чтобы изъ этой совершенно произвольной цифры придти къ столь же произвольному выводу, что библейскій разсказъ о грѣхопаденіи заимствованъ у вавилонянъ. И это называется наукой!

Къ библейскимъ преданіямъ, которыя теперь, словами Делича, „выступаютъ въ ихъ первоначальной и болѣе чистой формѣ" на вавилонскихъ памятникахъ, относится также и преданіе о потопѣ. Берлинскій профессоръ и здѣсь остается вѣренъ своей манерѣ открывать давно открытыя Америки, въ разсчетѣ на дѣйствительное или мнимое невѣжество

своихъ слушателей и читателей. Вавилонское преданіе о потопѣ извѣстно было еще вавилонскому жрецу и историку Берозу, жившему въ III вѣкѣ до Р. Хр. и разсказавшему его въ своихъ дошедшихъ до насъ книгахъ. Какъ ученый, писавшій по-гречески, Берозъ навѣрное зналъ Библію; какъ жрецъ и историкъ своего народа онъ, разумѣется, гораздо лучше зналъ вавилонскую вѣру, законы и преданія, чѣмъ всѣ нынѣшніе ассиріологи вмѣстѣ взятые. И тѣмъ не менѣе онъ нигдѣ не говоритъ, что евреи изъ всего этого что-либо внесли въ Библію. Да и вообще мысль о заимствованіи, напр., преданій, однимъ народомъ у другого—праздная и недоказуемая мысль. У всѣхъ древнихъ народовъ были свои легенды о сотвореніи міра, о потопѣ и т. д., возникшія у нихъ въ незапамятныя времена совершенно самостоятельно, независимо отъ другихъ: сходство легендъ объ одномъ и томъ же предметѣ у разныхъ народовъ объясняется, конечно, одинаковостью сюжета, а не заимствованіемъ. Если два художника, французъ и англичанинъ, въ XX столѣтіи изобразятъ на полотнѣ сраженіе при Ватерлоо, напримѣръ, то картины ихъ неизбѣжно будутъ имѣть нѣкоторое сходство. Но вправѣ ли будетъ кто-нибудь въ XXV столѣтіи сказать, что нѣмецкій художникъ скопировалъ свою картину съ англійской, или наоборотъ? Деличъ, между тѣмъ, ничуть не сомнѣвается, что и преданіе о потопѣ попало въ Библію изъ Вавилона. Посмотримъ же насколько эти преданія схожи. Вавилонская версія представляетъ разсказъ нѣкоего Самасъ-Напистима, мѣстнаго Ноя, о томъ, какимъ образомъ онъ спасся отъ потопа и какъ онъ послѣ него приносилъ жертву богамъ. Я не буду передавать подлиннаго разсказа, слишкомъ длиннаго и также переполненнаго всякими миѳологическими несуразностями, какъ и вышеприведенная легенда о сотвореніи міра. Болѣе важнымъ представляется мнѣ отношеніе къ этому разсказу Делича, который его передаетъ съ весьма характерными сокращеніями. Онъ напримѣръ, пропускаетъ то мѣсто, гдѣ въ оригиналѣ говорится, что боги, протежировавшіе вавилонскому Ною, напали на боговъ, устраивающихъ потопъ и избили ихъ; Деличъ умалчиваетъ также и о томъ, что Самасъ-Напистимъ спасся отъ потопа не за свою праведность (какъ библейскій Ной), а благодаря своему пріятелю, богу Эѣ, который наканунѣ катастрофы предупредилъ его, что она назначена на другой день. Что боги ужасно боялись потопа и укрывались отъ него на самомъ верхнемъ небѣ, что богъ Ану ихъ туда не пускалъ, что они, какъ цѣпныя собаки (выраженіе подлинника) бѣгали вокругъ входа въ небесныя врата; что оберъ-богъ Бель послѣ потопа производитъ вавилонскаго Ноя и его жену въ боги, что при жертвоприношеніи проголодавшіеся во время потопа боги набрасываются, какъ мухи, на жертву, имъ принесенную, и дерутся за куски жертвеннаго мяса,—все это Деличъ тщательно выпускаетъ изъ вавилонской легенды. Почему? Потому,—говоритъ Карлъ Іенчъ,—что онъ отлично понимаетъ, что любой изъ этихъ милыхъ эпизодовъ можетъ въ конецъ скомпрометировать вавилонскую легенду и въ корнѣ подорвать его гипотезу о томъ, что она послужила источникомъ для библейскаго преданія. Нѣкоторые изъ оппонентовъ Делича (Киттель, Эттли) тѣмъ не менѣе допускаютъ, что израильтяне могли вывезти легенду о потопѣ изъ своей первобытной родины, Вавилона. Но при этомъ они дѣлаютъ существенную оговорку. „Попавъ,—говоритъ Эттли,—въ среду библейскихъ

поэтовъ и пророковъ, въ чистую атмосферу монотеизма, вавилонская легенда подверглась коренной переработкѣ и была очищена отъ языческихъ нелѣпостей, ее наполняющихъ". На мой взглядъ эта оговорка уничтожаетъ самое предположеніе, ибо очевидно, что если вавилонскую легенду очистить отъ всѣхъ ея языческихъ наслоеній, то въ ней останется одинъ голый фактъ, что нѣкогда былъ потопъ, отъ котораго спасся одинъ смертный. Почему же евреи должны были занять этотъ фактъ у вавилонянъ, почему они не могли унаслѣдовать это преданіе отъ своихъ же предковъ, какъ греки, египтяне, персы и другіе, у которыхъ также были свои легенды о потопѣ? Неужели евреямъ даже легендъ своихъ не разрѣшается имѣть?

Деличъ и его сподвижники не довольствуются, впрочемъ, лишеніемъ евреевъ права собственности на библейскія преданія,—они идутъ гораздо дальше и, между прочимъ, отвергаютъ еврейское происхожденіе такого специфически-еврейскаго установленія, какъ празднованіе субботы.

„Удивительно,—говоритъ Деличъ на 28 стр. своей брошюры,—что израильская традиція ровно ничего не знаетъ о происхожденіи субботы. А такъ какъ и въ Вавилонѣ былъ свой субботній день („Шабату") и въ одномъ найденномъ тамъ календарѣ 7-ой 14, 21 и 28 день мѣсяца отмѣчены какъ дни, въ которые нельзя производить никакой работы, нельзя мѣнять бѣлье, разводить огонь, ѣздить въ колесницахъ, приносить жертвы, лѣчить больныхъ и творить судъ, то не подлежитъ сомнѣнію, что учрежденіемъ субботы израильтяне обязаны древнѣйшему культурному народу, жившему на берегахъ Тигра и Евфрата."

Прежде всего, почтенный профессоръ ошибается, утверждая, будто „еврейская традиція не знаетъ происхожденія субботы". 11 стихъ 20 главы Исхода гласитъ: „Ибо шесть дней Господь творилъ небо и землю, море, и все, что въ нихъ, а въ седьмой день отдыхалъ. Поэтому Господь благословилъ день субботній и освятилъ его". Повторяю эту заповѣдь въ 15 стихѣ 5 главы Второзаконія, Моисей велитъ израильтянамъ не производить въ субботу никакой работы, „дабы говоритъ онъ,—подобно тебѣ отдыхалъ и рабъ твой и рабыня твоя. Помни, что ты былъ рабомъ въ Египтѣ и что Господь Богъ вывелъ тебя оттуда рукою сильной и мышцей простертой: потому и заповѣдалъ тебѣ Господь Богъ твой соблюдать день субботній".—„Происхожденіе" субботы, такимъ образомъ, совершенно ясно для всякаго, кто хочетъ что-нибудь понимать. Въ Египтѣ евреи были рабами, не знавшими отдыха. Освободивъ эту орду отъ рабства, Моисей хотѣлъ, во первыхъ, чтобы она не одичала снова въ добровольномъ рабствѣ безпрерывнаго труда, чтобъ она знала, что не о единомъ хлѣбѣ живъ человѣкъ и что хоть одинъ день въ недѣлю надо посвятить себѣ, т. е. отдыху, и Богу, т. е. высшимъ, духовнымъ интересамъ. Моисей добивался, во вторыхъ, чтобы эти бывшіе рабы сами своихъ рабовъ не заставляли точно также работать безъ перерыва круглый годъ, какъ ихъ это заставляли дѣлать въ Египтѣ. Еслибъ Деличъ далъ себѣ трудъ вникнуть въ смыслъ приведенныхъ цитатъ, то онъ бы, конечно, не сказалъ, что „еврейская традиція не знаетъ происхожденія субботы". Но онъ этого труда дать себѣ не хотѣлъ, ибо не это совсѣмъ ему нужно: ему во что бы то ни стало хочется доказать, что суббота импортирована евреями изъ Вавилона. Посмотримъ же, что представляетъ собою эта вавилонская суббота.

Во первыхъ, субботы, какъ седьмого дня, посвященнаго отдыху, въ Вавилонѣ потому же не могло быть, что вавилонская недѣля состояла не изъ 7, а изъ 5 дней. Ссылка Делича на календарь, въ которомъ днями отдыха отмѣчены 7, 14, 21 и 28 числа одного мѣсяца, не можетъ, слѣдовательно, относиться къ субботамъ, тѣмъ болѣе, что на календарѣ эти числа вовсе не названы „шабату". Во вторыхъ, на календарѣ „днями отдыха" означены не только 7, 14, 21 и 28, но и 19-ое число того же мѣсяца, о чемъ, однако, Деличъ съ обычной своей безцеремонностью умалчиваетъ. Большіе оригиналы должно быть были эти вавилоняне, если они ухитрялись умѣстить 5 субботъ въ 4 недѣли. Въ третьихъ, всѣ памятники называютъ вавилонскую „шабату" „дурнымъ", „несчастливымъ" днемъ, днемъ покаянія, въ который нельзя было заниматься дѣломъ,—не потому, что этотъ день предназначался для отдыха, а единственно потому, что онъ считался несчастливымъ днемъ, когда всякое дѣло, по народному повѣрью, влекло за собой несчастье. У евреевъ же, наоборотъ, суббота была святымъ, счастливымъ, радостнымъ днемъ. Какое же тутъ возможно сравненіе?

Я пропускаю цѣлый рядъ второстепенныхъ и столь же произвольныхъ положеній Делича, въ которыхъ онъ своей idée fixe приноситъ въ жертву не только историческую правду, но и обязательную для всѣхъ логику, и перехожу ко второй части его брошюры, гдѣ онъ, вооружившись упомянутымъ выше кодексомъ Гаммураби, доказываетъ, что и законодательная часть Библіи заимствована Моисеемъ все изъ того же Вавилона.

Кто такой этотъ Гаммураби, чье имя еще три года тому назадъ не было извѣстно даже записнымъ ассиріологамъ, а нынѣ съ легкой руки Делича, императоромъ Вильгельмомъ произведенный въ „величайшіе мудрецы древности" и въ „орудія" божественнаго откровенія, заслуживающій быть поставленнымъ въ одинъ рядъ съ Моисеемъ, Гомеромъ, Лютеромъ, Шекспиромъ, Гете и Кантомъ? Сами ученые, усиленно рекламирующіе этого свѣжеиспеченнаго благодѣтеля человѣчества, знаютъ о немъ очень мало. Первому оруженосцу господина Делича, ученѣйшему д-ру Винклеру, извѣстно лишь, что Гаммураби былъ шестымъ царемъ первой вавилонской династіи, вассаламъ Элама, царствовавшимъ отъ 2267 до 2213 г. до Рождества Хр. и только. Для такого великаго свѣтила это обидно мало. Самъ Гаммураби, впрочемъ, въ автобіографическомъ введеніи къ своему кодексу, приходитъ на помощь д-ру Винклеру и Деличу. Онъ расказываетъ, что построилъ въ Вавилоніи такіе-то и такіе-то храмы, истребилъ такія-то племена, провелъ каналъ въ Зиппарѣ и какъ бы мимоходомъ прибавляетъ, что далъ своему народу законы. При этомъ Гаммураби нимало не скупится на комплименты по своему собственному адресу. Съ скромностью, свойственной всѣмъ истинно великимъ людямъ, онъ аттестуетъ себя „царемъ могущественнымъ, храбрымъ и непобѣдимымъ, мудрымъ и просвѣщеннымъ правителемъ, отцомъ и благодѣтелемъ своего народа, любимцемъ боговъ, солнцемъ Вавилона, лучами своими освѣщающимъ и согрѣвающимъ страну Сумера и Аккада." Деличъ, принимающій всѣ эти самовосхваленія своего протеже за чистую монету, ими, однако, не довольствуется и уже за свой собственный счетъ, такъ сказать отъ избытка чувствъ, объявляетъ Гаммураби „первымъ монотеистомъ" и первымъ же законодателемъ древности,

Въ общемъ итогѣ всего этого, однако, слишкомъ мало для того, чтобы составить себѣ обстоятельное представленіе о человѣкѣ, котораго намъ рекомендуютъ, какъ равнаго Моисею, Лютеру и Канту. Да и это немногое находится подъ большимъ сомнѣніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, единственнымъ источникомъ всѣхъ нашихъ свѣдѣній объ этомъ царѣ является памятникъ, сооруженный безъ всякаго сомнѣнія по приказу самого этого царя, который, какъ мы только-что видѣли, о своей персонѣ былъ весьма высокаго мнѣнія. Источникъ, во всякомъ случаѣ внушающій не больше довѣрія, чѣмъ оффиціальные историческіе документы вообще. И мнѣ кажется, что я буду весьма недалекъ отъ истины, если скажу, что этотъ Гаммураби былъ обыкновеннымъ азіатскимъ деспотомъ, тѣмъ, что французы называютъ un roi fainéant, сибаритомъ на тронѣ, который весьма мало заботился о своихъ подданныхъ и предоставлялъ управлять своей страной, воевать съ сосѣдями и сочинять драконовскіе законы своимъ министрамъ и генераламъ, съ тѣмъ, чтобы всю честь и славу приписать самому себѣ. Этотъ упрощенный способъ попасть на страницы исторіи въ качествѣ великаго монарха практиковался у всѣхъ рѣшительно народовъ и до и послѣ Гаммураби. Представимъ себѣ, напримѣръ, что о царствованіи Вильгельма I, дѣда нынѣшняго германскаго императора, черезъ какихъ-нибудь пятьсотъ лѣтъ сохранятся однѣ оффиціальныя реляціи. Потомство въ этомъ случаѣ получило бы о немъ представленіе, какъ о мудрѣйшихъ изъ монарховъ, побѣдителѣ Австріи, Франціи и Даніи, объеденителѣ „фатерланда", вдохновителѣ культуркампфа, творцѣ благодѣтельнѣйшихъ законовъ о рабочихъ и т. д. Намъ, почти современникамъ его, между тѣмъ, очень хорошо извѣстно, что этотъ „славный дѣдъ" еще болѣе славнаго внука въ дѣйствительности былъ человѣкомъ съ весьма заурядными талантами, и во всѣхъ только что перечисленныхъ дѣяніяхъ столько же повиненъ, сколько мы съ вами. Не особенно разборчивый въ средствахъ внукъ его распорядился, такъ сказать, административнымъ порядкомъ о зачисленіи славнаго дѣда въ разрядъ великихъ людей и нѣмцы волей неволей титулуютъ его теперь „Wilhelm der Grosse". Если это такъ просто и легко дѣлается въ XX вѣкѣ послѣ Рожд. Хр., то еще въ тысячу разъ проще и легче это могло продѣлываться въ XX вѣкѣ до Рожд. Хр.

Впрочемъ, что намъ до того, подлинно ли этотъ вавилонскій царь былъ великимъ человѣкомъ или нѣтъ, самъ ли онъ составилъ свои законы или за него ихъ сочиняли другіе? Дѣйствительный или мнимый законодатель, Гаммураби насъ вѣдь интересуетъ лишь теперь по стольку, по скольку приписываемый ему кодексъ послужилъ, какъ насъ въ томъ увѣряютъ, источникомъ для законовъ Моисея. Къ этому вопросу мы и перейдемъ.

Цѣлая пропасть раздѣляла израильтянъ и вавилонянъ въ ту эпоху, когда Моисей, Іошуа и Самуилъ создавали для своего народа законы. Между современной Турціей, напримѣръ, и Соединенными Штатами, между Китаемъ и Франціей можно найти гораздо больше сходства. Въ самомъ дѣлѣ, съ одной стороны предъ нами старое государство съ строго-деспотическимъ строемъ,—съ другой—союзъ свободныхъ колѣнъ, не знающихъ иной власти, кромѣ своихъ родовыхъ старѣйшинъ; съ одной—строго разграниченныя, отлившіяся уже въ свои окончательныя формы, сословія; съ другой—однородная масса безъ всякихъ классовыхъ подраздѣленій; съ одной стороны

обширная торговля, капиталистическое производство, основанное на рабствѣ, городская культура, погоня за наживой, борьба за существованіе, съ другой—патріархальная обработка земли и мелкое скотоводство исключительно для нуждъ своей семьи, отсутствіе всякой торговли въ немногихъ городахъ-деревняхъ; съ одной стороны вполнѣ установившійся, для всѣхъ обязательный религіозный культъ; съ другой—смѣсь вынесеннаго изъ Египта язычества съ совсѣмъ почти забытыми религіозными традиціями временъ праотцевъ и съ новымъ ученіемъ, провозглашеннымъ на Синаѣ. Съ какой стороны, однимъ словомъ, ни посмотрѣть—глубокая, непроходимая пропасть. Въ одномъ случаѣ предъ нами народъ съ довольно высокой по тому времени и вполнѣ опредѣлившейся во всѣхъ ея проявленіяхъ культурой; въ другомъ—нестройная толпа недавно лишь освобожденныхъ отъ вѣкового рабства и едва осѣвшихъ въ новой странѣ пастуховъ, ядро будущаго государства, слабые зачатки только-что зарождающейся культуры.

Допустимъ, хотя это ничѣмъ не доказано, что Моисею, Іошуѣ и Самуилу извѣстны были законы Гамураби. Могли-ли они, какъ это утверждаетъ Деличъ и его единомышленники, воспользоваться ими и положить ихъ въ основаніе своего законодательства? Мнѣ кажется, что этого абсолютно не могло быть. И по весьма простымъ, всѣмъ извѣстнымъ причинамъ. Законы, нормирующіе всѣ стороны жизни даннаго народа, составляютъ продуктъ его исторіи, его культуры, его почвы, и на другую почву могутъ быть цѣликомъ перенесены по этому въ томъ только исключительномъ случаѣ, если она вполнѣ съ нею однородна. Подобно тому, какъ растеніе можетъ быть пересажено и привиться лишь на свойственной ему почвѣ и въ подходящемъ климатѣ, такъ и та или другая вѣра, обычаи, нравы и законы могутъ акклиматизироваться лишь въ благопріятной для нихъ средѣ, весьма близко подходящей къ той, откуда они перенесены. Мы знаемъ, напримѣръ, и находимъ вполнѣ естественнымъ, что римскія правовыя нормы, чрезъ Юстиніановъ и Наполеоновъ кодексы, легли въ основу всѣхъ современныхъ западно-европейскихъ законодательствъ, ибо мы, во первыхъ знаемъ, что въ общихъ чертахъ государственный и соціальный строй большинства этихъ странъ близко напоминаетъ римскую имперію, а во вторыхъ намъ извѣстно, что въ своихъ заимствованіяхъ изъ наполеонова кодекса каждая страна считалась и съ своимъ обычнымъ и писаннымъ правомъ, и съ мѣстными политическими, соціальными, экономическими и всякими иными условіями. Но съ другой стороны мы не знаемъ ни одного примѣра и не можемъ себѣ представить, чтобы изъ того же наполеонова кодекса что-либо попало въ законодательства современной Турціи, Персіи, Китая, или, наоборотъ, чтобы Франціи или Англія, непрерывно мѣняющія свои законы, примѣняя ихъ къ новымъ формамъ жизни, что-либо при этомъ позаимствовали у абиссинскихъ эѳіоповъ, напримѣръ, или у алжирскихъ арабовъ. А вѣдь между современными французами и этими эѳіопами дистанція ничуть не больше, чѣмъ между древними вавилонянами и израильтянами временъ Моисея.

Сличеніе важнѣйшихъ законоположеній въ кодексахъ Гамураби и Моисея нагляднѣе, впрочемъ, чѣмъ эти общія разсужденія, убѣдитъ насъ

въ совершенной ихъ непримиримости и покажетъ что Моисей, какъ законодатель, не могъ быть ни ученикомъ, ни послѣдователемъ Гамураби...

По Моисеевымъ законамъ кража наказывается смертью только въ случаѣ похищенія святынь. Всякая другая кража влечетъ за собой лишь возвращеніе похищеннаго или уплату его стоимости, и только въ томъ случаѣ, если у вора ничего нѣтъ, обокраденный можетъ продать его въ рабство. (Исх. 22, 3-14). По законамъ же Гамураби [1]) смертью наказывается всякая кража, причемъ вмѣстѣ съ воромъ обезглавливается и попуститель, укрыватель или покупатель краденнаго (§§ 7-10, 14, 21-22). Гамураби вообще гораздо чаще и охотнѣе Моисея назначаетъ смертную казнь и требуетъ ея даже за такіе проступки, которые Моисеемъ вовсе не наказываются, какъ за клевету и оговоръ (§§ 1 и 11), за пособничество рабу въ бѣгствѣ его отъ владѣльца, за его укрывательство (§§ 15-16), за супружескую невѣрность жены (§ 143; мужа Гамураби за ту же измѣну не преслѣдуетъ) и т. д. Моисей же, съ другой стороны, назначаетъ смертную казнь за чародѣйство, скотоложество и жертвоприношенія языческимъ богамъ. (Исх. 22, 17-19) и т. д., которыхъ Гамураби, конечно, и проступками даже не считаетъ. Въ этой параллели какъ нельзя яснѣе обрисовывается различіе двухъ законодательствъ. Для одного нѣтъ высшаго преступленія, какъ нарушеніе права собственности, причемъ собственностью считается также жена и рабъ, для другого же высшимъ преступленіемъ является нарушеніе вѣры и развратъ.

Не менѣе рельефно оттѣняетъ различіе между обоими кодексами и параллельные законы о такъ называемомъ возмездіи (Talio). Моисей требуетъ воздаянія только въ томъ случаѣ, если смерть или увѣчье причинены въ общей свалкѣ: „А если будетъ отъ драки вредъ,—говоритъ онъ,—то отдай душу за душу, око за око, зубъ за зубъ, руку за руку, ногу за ногу, обожженіе за обожженіе, рану за рану, ушибъ за ушибъ". (Исх. 21, 22—27). Гамураби не ограничивается убійствами или увѣчьями, причиненными въ дракѣ, и распространяетъ возмездіе на такіе случаи, въ которыхъ Моисей вовсе не находитъ состава преступленія. Вавилонскій законодатель при этомъ доходитъ до явныхъ нелѣпостей. „Если свободнорожденный,—говоритъ онъ,—умретъ въ тюрьмѣ отъ побоевъ или дурного обращенія, то слѣдуетъ убить сына смотрителя этой тюрьмы" (§ 117; если умеръ рабъ, то смотритель отдѣлывается незначительнымъ штрафомъ: Ibid). „Если кто изобьетъ свободную женщину такъ, что она умретъ отъ побоевъ, то слѣдуетъ убить его дочь" (§ 210; если убитая была вольноотпущенной или рабыней, то возмездіе замѣняется денежнымъ штрафомъ § 212 и 214). „Врачу, сдѣлавшему неудачную операцію, отъ которой больной умеръ или даже только получилъ увѣчье, слѣдуетъ отсѣчь руки" (§ 218). Гамураби велитъ убивать даже архитектора, если домъ, плохо имъ построенный, обвалился и задавилъ подъ собой владѣльца; если же при этомъ погибъ не самъ владѣлецъ, а его сынъ, то надо убить сына архитектора (§§ 229-230). Еслибъ Моисей и его преемники дѣйствительно были такими ярыми сторонниками принципа „око за око,

[1]) D-r Hugo Winkler. Die Gesetze Hammurabis. Leipzig 1903.

зубъ за зубъ", какими ихъ испоконъ вѣковъ изображали враги еврейства, то, спрашивается, что имъ мѣшало послѣдовать примѣру вавилонскаго законодателя и провести въ своемъ кодексѣ этотъ принципъ до конца. Если же они этого не сдѣлали, то очевидно одно изъ двухъ: либо они, будучи знакомы съ законами Гаммураби, не считали нужнымъ заимствовать изъ него тѣ варварскія постановленія, до которыхъ онъ въ своемъ прямолинейномъ примѣненіи идеи воздаянія дошелъ: либо они о законѣ Гамураби никакого представленія не имѣли и въ свой кодексъ внесли лишь тѣ законы о возмездіи, какіе они нашли въ древне-еврейскомъ обычномъ правѣ. Ясно, что въ обоихъ случаяхъ ни о заимствованіяхъ изъ Вавилона, ни объ особомъ пристрастіи израильскихъ законодателей къ возмездію не можетъ быть и рѣчи.

Любопытная деталь. Мы видѣли выше въ двухъ случаяхъ, что Гамураби не распространяетъ своего весьма строгаго закона о возмездіи на рабовъ, и что даже за убійство раба онъ назначаетъ лишь небольшой штрафъ; за убійство же или изувѣченіе собственнаго раба владѣлецъ и вовсе не подвергается отвѣтственности. Моисей въ тѣхъ же самыхъ случаяхъ проявляетъ гораздо больше гуманности: за убійство раба, безразлично, своего-ли или чужого, онъ требуетъ такого же возмездія, какъ за убійство свободнорожденнаго; „если же кто,—говоритъ онъ,—выбьетъ у своего раба глазъ или зубъ, то онъ за то обязанъ возвратить ему свободу." Ясно, что одинъ смотритъ на раба, какъ на человѣка, по несчастію потерявшаго свою свободу, но имѣющаго вмѣстѣ съ тѣмъ полное право на огражденіе своей личности, другой же видитъ въ рабѣ только вещь, собственность.

Деличъ усматриваетъ „рѣзкое противорѣчіе" между шестой заповѣдью, запрещающей всякое убійство, и обычаемъ кровавой мести у израильтянъ,—обычаемъ, будто бы санкціонированнымъ Моисеемъ въ его законахъ. „Не странно-ли,—говоритъ Деличъ на 6 стр. своей брошюры,—что тотъ самый Богъ, который начерталъ на скрижаляхъ „не убій!", тутъ же освящаетъ кровомщеніе, между тѣмъ, какъ Гамураби уничтожилъ самый его слѣдъ. Съ своими двумя мѣрами и вѣсами Деличъ какъ будто забываетъ, что Гамураби рѣшительно *незачѣмъ* было вводить въ свой кодексъ кровавую месть. Мы только что видѣли, какъ послѣдовательно и широко онъ въ этомъ кодексѣ проводитъ идею о возмездіи. Убійца въ Вавилонѣ никоимъ образомъ не могъ уйти отъ рукъ палача, и родственникамъ убитаго рѣшительно незачѣмъ было самимъ расправляться съ убійцей; имъ достаточно было дать судьѣ клятву въ томъ, что ихъ родича убилъ такой-то, чтобы убійцу безъ всякихъ проволочекъ посадили на колъ, обезглавили, или закопали живымъ въ землю. Строгій государственникъ Гамураби вовсе не допускалъ участія народа въ юстиціи, всецѣло отданной имъ въ руки казенныхъ судей, слѣдователей и палачей. Въ этихъ условіяхъ самосуду въ Вавилонѣ, разумѣется, не оставалось никакого мѣста. Совершенно не то мы видимъ въ Ханаанѣ временъ Моисея. Здѣсь нѣтъ еще ни государства, ни правильнаго суда и ни одной организаціи вообще, которая гарантировала бы родственникамъ убитаго соотвѣтствующее воздаяніе. Въ этихъ условіяхъ самосудъ былъ почти необходимъ. И

все, что Моисей, въ качествѣ законодателя могъ сдѣлать, это по возможности ограничить неизбѣжный въ такихъ случаяхъ произволъ, обставить самораспраѵу хоть какими нибудь гарантіями. Съ этой цѣлью онъ, во первыхъ, создаетъ города-убѣжища, въ которыхъ убійца, совершившій непреднамѣренное убійство, могъ укрыться отъ преслѣдованій мстителей. Онъ предоставляетъ, во вторыхъ, рѣшеніе вопроса о томъ, было ли въ данномъ случаѣ совершено предумышленное или нечаянное убійство не самимъ мстителемъ, а мѣстной общинѣ, ея старѣйшинамъ. Родственникамъ убитаго предоставлялось такимъ образомъ расправляться съ убійцей лишь въ томъ случаѣ, если старѣйшины на основаніи свидѣтельскихъ показаній рѣшали, что убійство было преднамѣренное. Моисей, слѣдовательно, не санкціонировалъ кровавую месть, какъ это утверждаетъ Деличъ, а лишь мирился съ нею, мирился волей неволей, какъ съ совершенно неизбѣжнымъ зломъ. Для того, чтобы его окончательно вывести, Моисею пришлось бы объявить себя царемъ и назначить цѣлый штатъ чиновниковъ, судей, слѣдователей и палачей. Но въ Египтѣ онъ имѣлъ полную возможность оцѣнить по достоинству всѣ прелести деспотическаго режима. И можно поручиться за то, что если бы даже самъ народъ предложилъ ему корону, то въ качествѣ сторонника неограниченнаго самоуправленія народа, Моисей—которому, кстати замѣтимъ, въ то время было уже за семьдесятъ, — рѣшительно отклонилъ бы ее.

Не въ мѣру прославляя вавилонскаго законодателя, Деличъ съ другой стороны всячески старается развѣнчать Моисея. Онъ „увѣряетъ", просто увѣряетъ, не прибѣгая при этомъ къ какимъ-либо доказательствамъ, что все, что въ „Книгѣ Союза" есть хорошаго, взято у Гамураби; за всѣми же остальными, самимъ Моисеемъ составленными законами, онъ не признаетъ никакой цѣны. Онъ отрицаетъ „божественное происхожденіе" законовъ, регулирующихъ повседневный обиходъ израильтянъ, постановленія о пищѣ, гигіеническія правила и т. д. Деличъ, впрочемъ, не первый это дѣлаетъ. И ему можно только отвѣтить прекрасными словами Цунца, еще съ полвѣка тому назадъ точно въ такомъ же случаѣ замѣтившаго Штраусу, что „божественость того или другого закона надо искать не въ происхожденіи его, а въ его результатахъ". Результаты же въ данномъ случаѣ свидѣтельствуютъ, что Моисей вовсе не былъ такъ мелочно-суевѣренъ, какимъ его названные ученые представляютъ, и что столь осмѣянныя ими моисеевы постановленія въ теченіе тысячелѣтій принесли евреямъ огромную пользу. Что же касается происхожденія этихъ постановленій, то надо замѣтить слѣдующее. Моисей, которому предстояла нелегкая задача создать народъ изъ одичалой толпы земледѣльцевъ и пастуховъ, долженъ былъ, не могъ не считаться съ существовавшими тогда условіями. Законы противъ быстрой ѣзды на автомобиляхъ и тайной продажи сахарина этимъ мужикамъ абсолютно не нужны были. Но съ бодливымъ быкомъ, съ украденной овцой да съ вышибленнымъ зубомъ приходилось имѣть дѣло каждый день, и тутъ ввести какой-нибудь порядокъ было безусловно необходимо. Вопросъ тутъ, слѣдовательно, можетъ быть только одинъ: справился ли въ дѣйствительности Моисей съ этой своей задачей? На этотъ счетъ двухъ мнѣній нѣтъ: всѣ историки еврейства единогласно признаютъ, что ни одинъ просвѣщенный юристъ не сумѣлъ бы

дать своему народу столь мудрые и практичные законы, какъ Моисей. Тѣ самыя гигіеническія постановленія его, которыя Деличъ аттестуетъ „продуктомъ грубаго суевѣрія", въ дѣйствительности принесли сотнямъ еврейскихъ поколѣній огромную, неоцѣнимую пользу. И еслибъ Деличъ вспомнилъ, что вся современная гигіена, вся новѣйшая профилактика основаны на томъ самомъ изоляціонномъ принципѣ, который положенъ въ основу моисеевыхъ постановленій, то онъ не издѣваться сталъ бы надъ еврейскимъ законодателемъ, а проникся бы великимъ уваженіемъ къ памяти этого человѣка, который, не восхваляя своей особы на діоритовыхъ памятникахъ, сдѣлалъ для своего народа, да и для всего человѣчества вообще, неизмѣримо больше, чѣмъ всѣ вавилонскіе цари вмѣстѣ взятые.

Этотъ краткій сравнительный обзоръ двухъ законодательствъ лишь подтверждаетъ то что я уже сказалъ выше. Кодексъ Моисея происхожденіемъ своимъ обязанъ древнѣйшему обычному праву евреевъ, согласованному Моисеемъ и его преемниками съ синайскимъ вѣроученіемъ и приноровленному ими къ условіямъ жизни израильтянъ въ Ханаанѣ. Кодексъ Гамураби, это продуктъ вавилонскаго государственно-капиталистическаго строя, согласованный съ языческими вѣрованіями, воззрѣніями и нравами вавилонскаго народа. Никакихъ точекъ соприкосновенія, никакой связи не было и не могло быть между Моисеемъ, свой законъ основавшимъ на волѣ единаго духовнго Бога, требовавшаго отъ своего народа святой, нравственной, цѣломудренной жизни, и Гамураби, въ основу своего закона положившаго чисто-свѣтское, гражданское право, и отъ своихъ подданныхъ главнымъ образомъ требовавшаго уваженія къ собственности. Гипотеза о вавилонскомъ происхожденіи Моисеева законодательства въ виду всего этого представляется столь же неосновательной, какъ и догадка о вавилонскомъ происхожденіи единаго еврейскаго Бога.

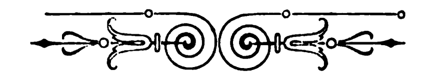
Закончу прекрасной легендой изъ „Мидраша Шемотъ Рабы", которую Деличъ въ списокъ заимствованныхъ изъ Вавилона почему-то не включилъ.

„Въ день рожденія Фараона,—гласитъ эта легенда,—къ нему явились съ привѣтствіями всѣ цари востока. Кромѣ богатыхъ даровъ, каждый изъ нихъ принесъ съ собою своего идола. Пришли также и Моисей съ Арономъ и стали у воротъ царскаго дворца. Фараону доложили, что пришли вожди сыновъ израилевыхъ, и онъ приказалъ ихъ впустить. Но увидѣвъ, что они явились безъ даровъ, безъ идоловъ и даже безъ привѣтствій, царь сердито спросилъ ихъ, кто они и откуда къ нему явились. „Мы пришли отъ имени нашего Бога",—отвѣтилъ Аронъ.—„Чего же вы хотите?",—спросилъ Фараонъ. Моисей отвѣчалъ: „Господь Богъ нашъ послалъ насъ сказать тебѣ, чтобы ты отпустилъ его народъ, дабы онъ могъ ему служить". „Но кто такой вашъ Богъ, посылающій мнѣ приказы? Я Его не знаю, и сыновъ израилевыхъ не отпущу". Фараонъ приказалъ затѣмъ, чтобъ ему принесли списокъ всѣхъ боговъ и сталъ его читать „Богъ Моава, богъ Амона, богъ Эдома, богъ Сидона", и т. д. Дочиталъ царь свой списокъ до конца, но Бога Израиля въ немъ не нашелъ. Тогда Моисей сказалъ: „ты дѣлаешь, царь, какъ тотъ слуга, который искалъ своего господина, когена, на кладбищѣ, и искалъ напрасно до тѣхъ поръ, пока прохожіе не объяснили ему, что когену нельзя подходить

близко къ могиламъ". Аронъ же прибавилъ: „ты ищещь нашего Бога въ спискѣ мертвыхъ боговъ, и, конечно, его не нашелъ, ибо нашъ Богъ— живой Богъ!"

Г. Деличъ и его товарищи точно также, какъ этотъ Фараонъ, ищутъ Бога Израиля на старыхъ вавилонскихъ кладбищахъ и въ спискахъ мертвыхъ боговъ. Но они его тамъ не найдутъ. Ибо то живой Богъ, который никогда не умретъ, какъ никогда не умретъ и его вѣчно-живой еврейскій народъ...

О. Инберъ. *)



*) Статья редактора 1-го изданія.

Третья эпоха.

ОБРАТНОЕ ДВИЖЕНІЕ.

ГЛАВА I.

Распаденіе царства и возрожденіе пророчества.

Рехавеамъ. Право престолонаслѣдія. Мятежный планъ Іеровеама. Происшествіе въ Сихемѣ. Бѣгство Рехавеама. Распаденіе царства на десятиколѣнное и двухколѣнное. Іеровеамъ царь десяти колѣнъ. Сихемъ и Тирца столицы. Заблужденія Іеровеама. Культъ быка въ Бетелѣ и Данѣ. Поведеніе левитовъ. Ближайшія послѣдствія распаденія царства. Вторженіе Шишака и его завоеванія въ Іудеѣ. Отпаденіе васальныхъ странъ. Распри между двумя царствами. Паденіе дома Іеровеама. Баша и Эла въ десятиколѣнномъ царствѣ. Аса въ Іудеѣ. Паденіе дома Баши. Омри. Его планы. Самарія—столица. Культъ Ваала и Астарты. Союзъ съ Тиромъ и Іудеей. Ахавъ и Изевель. Преслѣдованіе пророковъ. Пророкъ Илія—ревнитель за вѣру. Возникновеніе назирейства. Происшествія на горѣ Кармелъ. Войны Ахава съ арамейскимъ царемъ, Бенъ-Ададомъ. Сближеніе Іосафата съ домомъ Омри. Новыя школы пророковъ. Паденіе Омридовъ. Іегу истребляетъ династію Омри и упраздняетъ культъ Ваала.

(977—887)

По смерти Соломона, переходъ престола къ законному его наслѣднику могъ впервые, со времени введенія въ Израилѣ царской власти, совершиться безъ смутъ и раскола. Въ противоположность своему отцу и дѣду, *Рехавеамъ* безъ борьбы могъ вступить въ управленіе страной, уже великимъ государствомъ, которому многіе народы платили дань, и предаваться золотымъ мечтамъ о счастливомъ царствованіи. Потому-ли, что у него не было брата, который оспаривалъ бы у него корону, или же потому, что Соломонъ примѣнилъ къ престолонаслѣдію старый законъ о порядкѣ наслѣдованія частныхъ владѣній, въ силу котораго перворожденный пользовался преимуществомъ, Рехавеамъ могъ безпрепятственно занять отцовскій тронъ. Дѣйствительно, раздоровъ за обладаніе короной, подобныхъ тѣмъ, какіе происходили при вступленіи на престолъ Соломона, въ Іерусалимѣ болѣе не происходило. Рехавеамъ едва ли справился бы съ ними. Ибо, какъ ни скудны свѣдѣнія о личности этого царя, изъ нихъ очевидно, что онъ весьма мало напоминалъ своего отца, имѣя весьма ограниченныя способности. Подобно всѣмъ рожденнымъ въ пурпурѣ царскимъ сыновьямъ, которыхъ природа не одарила выдающимся характеромъ, Рехавеамъ былъ недальновиденъ, спѣсивъ и вдобавокъ такъ несамостоятеленъ, что шагу не могъ сдѣлать безъ чужого совѣта. Ни воинственнаго духа, ни

пониманія великаго въ немъ не было; на свой престолъ онъ смотрѣлъ лишь какъ на средство, обезпечивающее ему власть, сладкій покой и удобства. Мечты, которымъ онъ на этотъ счетъ предавался, были, однако, непродолжительны и весьма скоро смѣнились страшнымъ пробужденіемъ. Предъ нимъ внезапно всталъ врагъ, лишившій его власти и покоя, вызвавшій расколъ въ израильскомъ царствѣ, котораго затѣмъ ужъ не удалось устранить.

Іеровеамъ, сынъ Невата, тотъ самый эфраимитъ, который, въ концѣ царствованія Соломона, развернулъ знамя возстанія, но, потерпѣвъ неудачу, бѣжалъ въ Египетъ (I, 293), вслѣдъ за полученіемъ извѣстія о смерти Соломона вернулся на родину, чтобы вторично попытаться осуществить свой честолюбивый планъ, одобренный пророкомъ *). По всей вѣроятности, его покровитель, египетскій царь, *Шешенкъ* (Шишакъ), содѣйствовалъ его возвращенію на родину, и распорядился доставить его въ какую-либо израильскую гавань. Какъ только этотъ смѣлый, ни предъ чѣмъ не останавливавшійся эфраимитъ появился въ Сихемѣ, второй столицѣ страны, среди всегда склонныхъ къ мятежу жителей его тотчасъ обнаружилось броженіе. Іеровеамъ былъ приглашенъ на народное собраніе, которое онъ же и устроилъ и которымъ самъ руководилъ, для обсужденія тѣхъ мѣръ, которыя необходимо было принять, чтобы, не порывая сразу съ прошлымъ, добиться намѣченной имъ цѣли. Къ участію въ затѣянномъ сихемцами дѣлѣ были привлечены также и старѣйшины другихъ колѣнъ, чтобы придать мятежу характеръ широкаго народнаго движенія. Прежде всего было рѣшено, что старѣйшины не отправятся въ Іерусалимъ привѣтствовать новаго царя, какъ это всегда до того дѣлалось, а царь будетъ приглашенъ въ Сихемъ, чтобы тамъ его привѣтствовать. То былъ первый шагъ къ возстанію. Рехавеамъ принялъ это предложеніе, вѣроятно, безъ большой охоты и лишь въ разсчетѣ на то, что его пребываніе въ Сихемѣ положитъ конецъ зарождавшемуся мятежу. Это былъ роковой, чреватый тяжелыми послѣдствіями моментъ въ исторіи Израиля.

Рехавеамъ отправился въ Сихемъ въ сопровожденіи своихъ совѣтниковъ, изъ которыхъ старѣйшіе служили его отцу, а болѣе молодыхъ онъ самъ приблизилъ къ себѣ. На всякій случай онъ захватилъ съ собою также *Адонирама*, надсмотрщика надъ царскими рабами, который суровымъ взглядомъ и бичомъ своимъ умѣлъ усмирять строптивыхъ рабочихъ. Когда Рехавеамъ прибылъ въ Сихемъ, къ нему явились старѣйшины, чтобы изложить ему свои жалобы. Іеровеамъ, который говорилъ за всѣхъ, обратился къ царю въ весьма рѣзкомъ тонѣ: „Твой отецъ наложилъ на насъ тяжкое иго; ты же облегчи нынѣ жестокую работу отца твоего и тяжкое

*) Ахіею. *Ред.*

иго, которое онъ наложилъ на насъ, и тогда мы будемъ служить тебѣ". Пораженный столь дерзкой рѣчью, Рехавеамъ, затаивъ свой гнѣвъ, сказалъ, чтобы старѣйшины явились къ нему за отвѣтомъ чрезъ три дня. Онъ самъ не зналъ, какой отвѣтъ имъ дать, и посовѣтовался объ этомъ со своими приближенными. Старѣйшіе совѣтники высказались за уступки, молодые же за строгія мѣры; неразумный царь принялъ послѣдній совѣтъ. Когда чрезъ три дня къ нему опять явились старѣйшины съ Іеровеамомъ во главѣ, царь обратился къ нимъ съ рѣчью, которая, какъ ему казалось, должна была ихъ окончательно уничтожить: „Мой мизинецъ толще чреслъ отца моего; отецъ мой наказывалъ васъ бичами, а я буду васъ наказывать скорпіонами". Іеровеамъ ждалъ такого отвѣта и разсчитывалъ на него. Обратившись къ старѣйшинамъ, этотъ, давно думавшій возстать противъ Рехавеама, эфраимитъ воскликнулъ: „Какое намъ участіе въ Давидѣ? Нѣтъ намъ наслѣдія въ сынѣ Іишая; по шатрамъ своимъ, Израиль! Теперь самъ заботься о домѣ своемъ, Давидъ!" Іеровеамъ вслѣдъ затѣмъ развернулъ знамя возстанія и собралъ сихемцевъ, которые охотно примкнули къ нему для враждебныхъ дѣйствій противъ Рехавеама. Вся зависть, вся ненависть, которыя эфраимиты таили въ глубинѣ души своей при Давидѣ и Соломонѣ, будто бы относившихся къ нимъ съ пренебреженіемъ, сразу вышли наружу. Они воспользовались случаемъ, чтобы отложиться отъ дома Давида и снова, какъ во времена Судей, стать во главѣ Израиля. Подъ предводительствомъ Іеровеама, сихемцы съ оружіемъ въ рукахъ напали на домъ, въ которомъ временно проживалъ Рехавеамъ. Царь выслалъ къ нимъ Адонирама, чтобы усмирить бунтовщиковъ, какъ онъ усмирялъ непокорныхъ рабовъ. Его встрѣтили градомъ камней, и онъ упалъ замертво. Опасаясь за свою жизнь, Рехавеамъ поспѣшно сѣлъ на колесницу и убѣжалъ въ Іерусалимъ. Разрывъ совершился, а некому было возстановить единство.

Рехавеамъ, возмущенный, униженный сихемскими событіями, прежде, чѣмъ что-либо предпринять, хотѣлъ убѣдиться въ томъ, можетъ ли онъ еще разсчитывать на вѣрныхъ приверженцевъ. У самой его столицы народъ, увлеченный примѣромъ сихемцевъ, также могъ отказать ему въ повиновеніи; тогда гдѣ предѣлъ измѣнѣ? Это опасеніе не подтвердилось. Іудино колѣно, тѣсно связанное съ домомъ Давида и смотрѣвшее на него, какъ на высшій отпрыскъ свой, осталось вѣрнымъ ему. Симеоново колѣно примыкало къ Іудину и не считалось самостоятельнымъ. Веніаминово колѣно осталось вѣрнымъ Рехавеаму, ибо и оно уже такъ тѣсно слилось съ Іудинымъ, что не могло отдѣлить своей судьбы отъ послѣдняго. Въ большинствѣ веніаминитскихъ городовъ жили въ большомъ числѣ іудеи, которые не допустили бы мятежа. Въ Іерусалимѣ было больше веніаминитовъ, чѣмъ іудеевъ. Итакъ, эти колѣна были на сторонѣ Рехавеама. Послѣдній, убѣ-

дившись, что два (или три) колѣна готовы оказать ему поддержку, рѣшилъ усмирить сихемцевъ и вообще эфраимитовъ силой оружія; это ему, можетъ быть, удалось бы, если бы Іеровеамъ его не предупредилъ, стараясь извлечь изъ этого мятежа возможно большую пользу для себя. Онъ сталъ доказывать эфраимитамъ, что только новый царь сумѣетъ дать крѣпкій отпоръ въ случаѣ нашествія Рехавеама и только такимъ образомъ они избавятся отъ той жестокой экзекуціи, какая ждала ихъ, какъ мятежниковъ, въ случаѣ ихъ подчиненія. Сами эфраимиты надѣялись, что только царь, выбранный изъ ихъ среды, сумѣетъ доставить имъ власть надъ остальными колѣнами. Выборъ царя былъ рѣшенъ. Кто же былъ достойнѣе Іеровеама? Онъ одинъ обнаружилъ мужество и ловкость и къ тому онъ эфраимитъ. Старѣйшины Эфраима поэтому провозгласили его царемъ; за ними слѣдовали остальныя колѣна. Манасіино колѣно всегда слѣдовало за эфраимовымъ; сѣверныя же колѣна не могли отстать отъ нихъ, если бы и хотѣли этого. Отъ Іудеи они были отрѣзаны, отдѣльнаго же союза они по многимъ условіямъ не могли образовать, и они присоединились къ эфраимитамъ. Іеровеама признали и заіорданскія колѣна, вѣроятно недовольныя домомъ Давида, обложившимъ ихъ тяжелыми поборами, уменьшенія которыхъ они отъ Рехавеама не могли ожидать. Выплывшій изъ мрака, Іеровеамъ изъ Цареды сталъ такимъ образомъ царемъ десяти колѣнъ, если обѣ половины Манасіина: одну, живщую по сю сторону Іордана (*Махиръ),* и другую, по ту сторону (*Гилеадъ*), считать за два колѣна. Его область, слѣдовательно, *десятиколѣнное царство*. За домомъ Давида, какъ сказано, остались лишь колѣна Іудино, Веніаминово и Симеоново: но такъ какъ послѣднее не имѣло значенія и смѣшалось съ Іудинымъ, то область, оставшаяся за Рехавеамомъ, образовала *двухколѣнное царство*. Народъ снова распался на двѣ части. *Домъ Израиля,* бывшій въ союзѣ съ *Домомъ Іакова* или *Іуды* всего сто лѣтъ, вновь отъ него отдѣлился. Различія въ ихъ предшествовавшей исторіи мѣшали ихъ сліянію, которому въ одинаковой мѣрѣ сопротивлялись оба. Израиль или, точнѣе, Эфраимъ охотно отказался отъ тѣхъ выгодъ, которыя ему приносилъ союзъ съ домомъ Давида, лишь бы не быть зависимымъ отъ него и не занимать въ странѣ второстепенное мѣсто. Лучшіе люди въ обоихъ царствахъ глубоко скорбѣли по поводу этого разрыва [1]); но поправить дѣла они не могли. Междоусобная война, которая готова была разразиться, была предотвращена пророкомъ *Шемаей*, именемъ Бога заявившимъ іудеямъ и веніаминитамъ, выступавшимъ уже въ походъ: „Не воюйте съ вашими братьями, сынами Израилевыми: возвратитесь каждый въ свой домъ, потому что Мною сдѣлано это дѣло". Между обоими цар-

[1]). Слѣдуетъ изъ Іешаи VII. 17.

ствами долго еще затѣмъ происходили незначительныя стычки, какія вообще неизбѣжны между враждующими сосѣдями [1]); ни къ чему рѣшительному онѣ, однако, не привели.

Чтобы не быть вѣчно вооруженными съ головы до ногъ, а равно предупреждать нападеніе врага, оба царя стали заключать союзы съ другими народами. Рехавеамъ вступилъ въ договоръ съ вновь возникшимъ царствомъ Дамаска [2]). Это государство, основанное при Соломонѣ (I, 294-295) военачальникомъ *Резономъ*, не встрѣтивъ препятствій, получило большое значеніе. Самъ Резонъ или его преемникъ, *Тавримонъ*, объединилъ подъ своей властью многія арамейскія области, образовавъ такимъ образомъ обширное царство, граничившее съ Израильскимъ. Вслѣдствіе этого союза, Іеровеамъ не могъ предпринять большой войны противъ Іудеи; онъ, въ свою очередь, заключилъ союзъ съ Египтомъ, чтобы обезпечить себя со стороны враждебной Іудеи.

Египетскій царь, Шешенкъ (Шишакъ), усердно содѣйствовалъ обратившемуся къ нему за помощью Іеровеаму въ осуществленіи его честолюбивыхъ плановъ. Онъ выдалъ за него старшую сестру своей супруги, принцесу Ано, какъ онъ выдалъ другую сестру за сына идумейскаго царя, также искавшаго у него покровительства. Шешенкъ, вѣроятно, далъ Іеровеаму также средства къ возвращенію на родину. Повидимому, послѣдній заключилъ съ первымъ союзъ противъ Іудеи. Такимъ образомъ Рехавеамъ не могъ предпринять большой войны противъ Израиля. Чтобы обезпечить себя какъ съ египетской, такъ и съ израильской стороны, Рехавеамъ возвелъ вокругъ своей столицы рядъ укрѣпленій [3]), на пространствѣ нѣсколькихъ часовъ пути, болѣе къ югу и западу, чѣмъ къ сѣверу; но они не оправдали возлагавшихся на нихъ надеждъ. На пятомъ году царствованія Рехавеама (972), Шешенкъ предпринялъ противъ него большой походъ съ подавляющимъ числомъ пѣшихъ воиновъ, всадниковъ и колесницъ; также нубійцы, эѳіопы и другія народности были съ нимъ. Укрѣпленные города, уступая превосходству силъ, одинъ за другимъ сдавались египетскому войску, и Шешенкъ проникъ до Іерусалима. Столица, повидимому, также сдалась безъ сопротивленія. Египетскій царь удовольствовался поэтому тѣмъ, что захватилъ всѣ сокровища, спрятанныя Соломономъ въ храмѣ и дворцѣ, все золото, какое нашлось въ Іерусалимѣ, и даже золотые доспѣхи Соломоновыхъ тѣлохранителей; но самаго царства іудейскаго онъ не уничтожилъ, оставилъ Рехавеаму его престолъ и не снесъ даже іерусалимскихъ укрѣпленій [4]). Вернувшись

[1]). Кн. Царей I. XIV, 30; XV, 6-7.
[2]). Слѣдуетъ изъ книги Царей I. XV, 19.
[3]) Хроники 1, XI 8-10.
[4]) Цари I. XIV, 25 и дд.; Хроники II. 12, 2 и дд.

въ Египетъ, Шешенкъ приказалъ увѣковѣчить свои побѣды надъ Іудеей и другими землями въ надписяхъ и изображеніяхъ. Въ развалинахъ одного изъ ѳивскихъ храмовъ виденъ на стѣнѣ рядъ полуфигуръ (156), которыя по петлямъ на шеяхъ кажутся изображеніями плѣнныхъ. Тамъ же изображеніе Бога Амона, подводящаго ихъ къ побѣдоносному царю. Эти полуфигуры, которыя книзу переходятъ въ щиты, не изображаютъ ни плѣнныхъ, ни царя Рехавеама (какъ ошибочно предполагали прежде), а рядъ городовъ, завоеванныхъ египетскимъ царемъ. Въ щитахъ обозначены ихъ имена (большинство неразборчиво и непонятно). Между ними упоминаются нѣкоторые города, укрѣпленные Рехавеамомъ. Въ іероглифическихъ надписяхъ на части стѣны значится, что Богъ Амонъ хвалитъ царя Шешенка за постройку храмовъ ему въ Ѳивахъ и другихъ городахъ, особенно за побѣды, одержанныя надъ народами юга и сѣвера, цари которыхъ пали передъ нимъ ницъ. Союзъ, который Соломонъ заключилъ съ Египтомъ и залогомъ котораго должна была служить фараонова дочь, данная ему въ супруги, оказался, такимъ образомъ, весьма недолговѣчнымъ. Уже сыну его пришлось убѣдиться, какъ ненадежны такіе договоры и какъ мало можно полагаться на хитро задуманные планы и предупредительныя мѣры государственныхъ людей. Соломонъ со всей своей мудростью этого не понималъ и охотно приносилъ всякія жертвы Египту и своему браку съ фараоновой дочерью, для которой соорудилъ даже особый дворецъ; а черезъ пять лѣтъ послѣ его кончины египетскій же царь ограбилъ этотъ самый дворецъ, а съ нимъ и прочія царскія постройки, воздвигнутыя для его славы.

Могущества и величія Соломоновой монархіи какъ будто не бывало. Оно рухнуло въ одинъ день. Большая половина государства отложилась, остальная небольшая часть стала васальной областью Египта[1]) и, можетъ быть, даже платила послѣднему дань. Не подлежитъ сомнѣнію, что филистимляне и идумеи, бывшіе данниками Іудеи, воспользовались ея слабостью, чтобы объявить себя независимыми отъ нея. Вѣдь Шешенкъ покровительствовалъ Ададу изъ Идумеи, какъ и Іеровеаму[2]). Съ потерей же Идумеи, Рехавеамъ не могъ уже посылать свои суда въ Офиръ. Такимъ образомъ изсякъ самый обильный источникъ, изъ котораго притекали богатства въ страну. Другіе источники благосостоянія также перестали служить. Обширная транзитная торговля лошадьми и боевыми колесницами, которыя торговая компанія вывозила изъ Египта и ввозила въ

[1]) Слѣдуетъ изъ Хроникъ II. XII, 8.

[2]) Въ текстѣ нѣтъ никакихъ указаній насчетъ отпаденія Идумеи, но оно весьма вѣроятно; отпаденіе же филистимлянъ слѣдуетъ изъ того, что они вели войны съ Башей и Омри, т. е. десятиколѣннымъ царствомъ.

страны, расположенныя по Тигру и Евфрату, должна была прекратиться, такъ какъ, съ возникновеніемъ независимаго отъ Іудеи десятиколѣннаго царства, доставка товаровъ въ эти страны стала невозможной. Блескъ золотого періода, царствованія Соломона, погасъ. Чтобы сохранить иллюзію прежняго величія, Рехавеамъ приказалъ вмѣсто увезенныхъ Шешенкомъ золотыхъ щитовъ и копій царскихъ тѣлохранителей изготовить мѣдныя [1]). Іудея стала бѣдной страной, населеніе которой, какъ въ до-царскій періодъ, прокармливалось однимъ земледѣліемъ.

Въ десятиколѣнномъ царствѣ не все шло такъ, какъ того хотѣлось Іеровеаму. Своей резиденціей и центромъ государства онъ сдѣлалъ, конечно, Сихемъ, который долженъ былъ соперничать съ Іерусалимомъ и даже затмить его. Іеровеамъ даже укрѣпилъ Сихемъ [2]). Эфраимово колѣно составляло ядро десятиколѣннаго царства, которое называлось *Эфраимомъ* или *Домомъ Іосифа* или *Домомъ Израиля* [3]). Однако, жители Сихема, стоявшіе во главѣ колѣна Эфраимова и провозгласившіе Іеровеама царемъ, никогда не были надежными союзниками, а тѣмъ менѣе покорными подданными. Они съ горячностью бросались на каждую новизну, но быстро охладѣвали къ ней, какъ только она имъ становилась почему-либо въ тягость. Какъ, во времена Судей, они сначала признали Авимелеха своимъ царемъ и даже способствовали ему во всѣхъ его злодѣйствахъ, потомъ сразу стали во враждебныя отношенія къ нему, такъ они и теперь стали проявлять непокорность, какъ только Іеровеамъ, сдѣлавшись настоящимъ царемъ, сталъ требовать отъ нихъ безпрекословнаго повиновенія. Дѣло, повидимому, доходило до столкновеній, такъ какъ царь совсѣмъ оставилъ Сихемъ, и резиденцію свою перенесъ въ Тирцу (нынѣ Толуса [4]). Она лежала приблизительно въ разстояніи одного часа пути къ сѣверу отъ Сихема, на высокомъ холмѣ, въ богатой источниками и плодородной мѣстности, въ которой до сихъ поръ имѣются обширныя оливковыя рощи. Іеровеамъ укрѣпилъ этотъ городъ и построилъ въ немъ себѣ дворецъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ служить и цитаделью (Armon[5]). Онъ укрѣпилъ противъ нападеній враждебныхъ племенъ также нѣкоторые заіорданскіе города, въ томъ числѣ *Пенуелъ* (Пеніелъ), расположенный къ югу отъ р. Ябокъ. Ибо моавитяне и амонитяне, воспользовавшись распаденіемъ царства, повидимому, отложились отъ Израиля, какъ идумеи отъ Іудеи. Встрѣтивъ затрудненія внутри государства, Іеровеамъ предпринялъ нововведенія. По привычкѣ ли или по убѣжденію, многія семейства изъ сѣвер-

[1]) Кн. Ц. I. 14, 27. [2]) Тамъ же 12, 25. [3]) Кн. Осіи. IV, 17; V 3 и слѣд.; Захарія IX, 10 и слѣд.; Іешая VII, 2 и слѣд.; Пс. LXXVIII, 67.

[4]). Это слѣдуетъ изъ того, что въ дальнѣйшей исторіи Сихемъ никакой роли болѣе не играетъ; о Тирцѣ же, какъ резиденціи, источники упоминаютъ не только подъ царствованіями Баши и Омри, но и подъ Іеровеамомъ, Цари I, XIV, 17.

[5]). Цари I XVI, 17-18.

ныхъ колѣнъ и послѣ распаденія царства продолжали каждую осень отправляться въ Іерусалимъ къ празднику жатвы, чтобы помолиться въ храмѣ, лишенномъ изображеній божества. Іеровеама это тяготѣніе народа, хотя бы одной небольшой части его, къ столицѣ Іудеи сильно озабочивало. Число этихъ путешественниковъ въ Іерусалимъ могло увеличиться, и народъ могъ вздумать помириться съ домомъ Давида; тогда не будетъ ли онъ такъ же быстро свергнутъ съ престола, какъ быстро вступилъ на него? Чтобы предупредить эту катастрофу, онъ задумалъ нечестивое дѣло, которое должно было вернуть Израиля къ временамъ варварства и идолопоклонства.

Присмотрѣвшись во время многолѣтняго своего пребыванія въ Египтѣ къ мѣстнымъ религіознымъ обычаямъ, Іеровеамъ пришелъ къ убѣжденію, что поклоненіе животнымъ и въ особенности культъ быка представляетъ для фараоновъ неоцѣнимыя выгоды. Поклоненіе скотамъ до того притупило тамъ народъ, что онъ рѣшительно не въ состояніи былъ относиться сознательно къ тому, что вокругъ него происходило. Все, что цари ни дѣлали, онъ находилъ справедливымъ и разумнымъ, пороки ихъ и злоупотребленія не возмущали его. Іеровеамъ находилъ, что столь выгодный въ политическомъ отношеніи культъ и ему, выскочкѣ, можетъ сослужить огромную службу. Онъ и его совѣтники поэтому рѣшили ввести этотъ культъ въ десятиколѣнномъ царствѣ. Онъ имѣлъ еще слѣдующее въ виду: введеніе этого культа могло принести ему еще другую пользу, именно сохраненіе благорасположенія могущественнаго египетскаго двора; Израиль тогда станетъ какъ бы частью Египта, и оба государства будутъ связаны общими вѣрованіями, обычаями и общими интересами. Вообще онъ былъ расположенъ къ Египту, такъ какъ жена его была изъ египетскаго царскаго дома (стр. 27). Но чтобы не прослыть религіознымъ новаторомъ, Іеровеамъ рѣшилъ объявить почитаніе быка исконнымъ культомъ израильтянъ. Вѣдь они почитали нѣкогда сначала въ Египтѣ, а затѣмъ и въ своей странѣ Аписа-Абира [1]). Такимъ образомъ казалось, что богослуженіе въ іерусалимскомъ храмѣ, лишенномъ всякихъ изображеній божества, есть новшество, введенное Соломономъ, а Іеровеамъ—возстановитель древней израильской вѣры [2]). Этотъ планъ, за которымъ скрывался хитрый разсчетъ, Іеровеамъ привелъ въ исполненіе. Запретивъ паломничество въ Іерусалимъ, онъ велѣлъ изображать Бога Израиля въ видѣ тельца. Два такихъ изображенія изъ золота или вызолоченныхъ

[1]). Грецъ, т. I, стр. 55

[2]). Аналогію къ этому случаю представляетъ исторія царя Хизкіи, который вывелъ въ странѣ идолопоклонство и за то противниками своими былъ объявленъ „новаторомъ“. Іешая XXXVI, 7; Цари II. XVIII, 22.

(Massechah [1]) были поставлены въ двухъ городахъ, которые издревле считались святыми мѣстами: въ *Бетелѣ*—для южныхъ колѣнъ и въ *Данѣ*—для сѣверныхъ. Іеровеамъ такъ удобно помѣстилъ ихъ, чтобы тѣ, которые жили далеко, не имѣли больше надобности отправляться къ осеннему празднику далеко. Когда тельцы были установлены, Іеровеамъ велѣлъ объявить: „Вотъ боги твои, Израиль, которые вывели тебя изъ земли Египетской". Въ Бетелѣ было построено большое капище (Bet Bamoth [2]), съ алтаремъ, на которомъ израильтяне, слѣдуя примѣру самаго царя, должны были приносить жертвы тельцу. Для того, чтобы народъ отвыкъ отъ хожденія въ Іерусалимъ къ осеннему празднику, Іеровеамъ назначилъ празднованіе его на мѣсяцъ позже (въ 8-мъ мѣсяцѣ вмѣсто 7-го). Въ связи съ этимъ, былъ, по всей вѣроятности, введенъ и новый счетъ времени, по египетскому, солнечному календарю вмѣсто іудейскаго, луннаго. Народъ, во всей его массѣ, не находилъ въ этихъ нововведеніяхъ ничего дурного: онъ и въ самомъ дѣлѣ видѣлъ въ нихъ возстановленіе древняго культа, тѣмъ болѣе, что основы израильскаго вѣроученія и глубоко укоренившееся уже въ этой массѣ убѣжденіе въ единствѣ Бога новымъ культомъ какъ будто не уничтожались. Іеровеамъ и не вводилъ многобожія, онъ лишь представилъ Бога Израиля (Ihwh) въ образѣ быка, какъ символа силы и плодородія. Народу, съ его грубо-чувственными представленіями, гораздо легче и пріятнѣе было видѣть своего Бога въ осязаемомъ, конкретномъ образѣ, чѣмъ постигать его однимъ умомъ. Онъ мирился уже съ единствомъ Божества, но до чисто-отвлеченнаго понятія о Богѣ-идеалѣ, не поддающемся никакому изображенію, онъ не могъ еще возвыситься. Культъ быка къ тому же нравственнаго чувства народа нисколько не оскорблялъ, такъ какъ онъ отнюдь не приводилъ къ той разнузданности нравовъ, какая была связана съ культомъ Ваала у хананейскихъ язычниковъ [3]). Мало-по-малу народъ привыкъ, такимъ образомъ, къ великому празднику отправляться въ Бетель и Данъ, въ теченіе же всего года приносить жертвы на ближайшихъ алтаряхъ. Іеровеамъ вполнѣ достигъ своей цѣли: народъ тупѣлъ и рабски ему повиновался.

Колѣно Левіино причиняло царю большія затрудненія. Ни одинъ левитъ не соглашался взять на себя обязанности священнослужителя при культѣ быка; такъ глубоко это колѣно было проникнуто пророческимъ ученіемъ Самуила. Опасаясь, какъ бы царь не принуждалъ ихъ къ тому, они изъ израильскихъ городовъ стали переселяться въ Іудею [4]). Что могъ

[1]. Цари I. XIV, 9. [2]. Цари I. XXII, 31; II. XXIII, 15.

[3]. Пророки гораздо строже осуждали культъ Ваала, чѣмъ поклоненіе быку.

[4]. Ц. I. XII, 31 и слѣд.; XIII, 1 и слѣд. Хрон. II. XI. 13 и слѣд. вѣроятно изъ древняго источника.

Іеровеамъ въ данномъ случаѣ сдѣлать? Левиты и въ особенности потомки Арона искони почитались, какъ духовное сословіе, какъ посредники между Богомъ и людьми въ дѣлѣ жертвоприношеній и богослуженія; и вдругъ эти посредники оказываютъ царю сопротивленіе, отвергаютъ и клеймятъ введенный имъ культъ. Но такъ какъ онъ безъ священнослужителей обойтись не могъ, то онъ сталъ назначать на эту должность всякаго и каждаго, кто только предлагалъ свои услуги. На одномъ праздникѣ царь самъ исполнялъ обязанности священнослужителя, повидимому, для того, чтобы поднять въ глазахъ толпы новый культъ, можетъ быть, и въ подражаніе египетскому обычаю, въ силу котораго жрецъ могъ возвыситься до царя, а царь имѣлъ право исполнять обязанности жреца. Позднѣе, когда Іеровеамъ страдалъ параличемъ руки, разсказывали, что виновникомъ этого былъ пророкъ изъ Іудеи, упрекавшій его за вводимыя имъ новшества; когда царь въ гнѣвѣ воскликнулъ: „держите его!“ и при этомъ протянулъ къ нему руку, она была поражена параличемъ. Такъ Іеровеамъ шагъ за шагомъ шелъ къ уничтоженію основы израильскаго народа.

Іеровеама не разъ предостерегали, чтобы онъ не упорствовалъ въ своихъ стараніяхъ совратить народъ въ идолопоклонство. Престарѣлый пророкъ, Ахія изъ Шило (Силомъ), который первый поощрилъ честолюбиваго сына Невата къ возстанію противъ дома Давида (І, 293), не могъ выступать противъ него по дряхлости своей. Но, когда жена Іеровеама однажды явилась къ нему переодѣтой, чтобы вопросить его на счетъ исхода болѣзни ея старшаго сына, то пророкъ, тотчасъ узнавшій ее, возвѣстилъ ей, что домъ Іеровеама постигнетъ печальный конецъ. Іеровеамъ не могъ уже, однако, повернуть назадъ. Отступить для него значило допустить примиреніе десятиколѣннаго царства съ домомъ Давида. Изъ чувства самосохраненія онъ долженъ былъ твердо стоять на своемъ. Новый культъ сохранился въ продолженіи всего существованія десятиколѣннаго царства. Ни одинъ изъ преемниковъ Іеровеама не пытался его вывести, какъ противъ него ни гремѣли въ своихъ рѣчахъ великіе пророки, какъ они своими ѣдкими сарказмами ни старались сдѣлать его смѣшнымъ. Израильтяне десятиколѣннаго царства думали, что они продолжаютъ почитать Іегову, Бога своихъ праотцевъ, въ дѣйствительности почитая истуканъ быка Аписа. Они и не подозрѣвали, какой огромный шагъ назадъ они дѣлали, Бога-идею, Бога-духа изображая въ видѣ травояднаго животнаго [1]). Народъ совсѣмъ потерялъ разсудокъ. „Эфраимъ сталъ какъ глупый, безсмысленный голубь“ [2]). Онъ снова впалъ въ то безсмысленное суевѣріе, принимающее нелѣпость какъ нѣчто божественное. „Онъ вопрошалъ свое дерево, и жезлъ его давалъ

[1]) Псаломъ CVI, 20.

[2]) Гошеа VII, 11.

ему отвѣтъ“ [1]). Этого хотѣли вершители судебъ его; они угнетали его гораздо болѣе, чѣмъ Соломоновы чиновники; а онъ при столь многихъ дворцовыхъ революціяхъ, совершавшихся на его глазахъ, не смѣлъ возстать.

Въ Іудейскомъ царствѣ, или въ домѣ Іакова положеніе было не столь печально. Политически Іудея правда сильно ослабѣла: отпаденіе большинства колѣнъ и нашествіе египтянъ подъ предводительствомъ Шешенка причинили ей раны, исцѣленіе которыхъ требовало много времени. Но въ религіозномъ и нравственномъ отношеніи она до такого паденія, какъ десятиколѣнное царство, не дошла. Религіозное и нравственное состояніе его подданныхъ, повидимому, Рехавеама весьма мало интересовало. Человѣкъ весьма малодушный, онъ, потерпѣвъ пораженіе, проводилъ дни свои въ полной бездѣятельности. Но храмъ, съ одной стороны, и левиты, массами стекавшіеся въ Іерусалимъ, съ другой, не допускали народъ до паденія. Съ внѣшней стороны, по крайней мѣрѣ, все осталось по старому, какъ при Соломонѣ. Высоты (Bamoth), на которыхъ въ теченіе круглаго года приносились жертвы, остались, но въ осенній праздникъ всѣ посѣщали храмъ. Случаи отступленія отъ традиціоннаго культа были весьма рѣдки и ограничивались кругомъ дворцовыхъ женщинъ. Если Соломонъ (I, 293) допускалъ алтари для своихъ женъ-язычницъ, то отъ сына его нельзя было ожидать большей на этотъ счетъ строгости. Его жена, *Мааха*, дочь или внучка Авесалома[2]), одержимая слабостью къ непристойному ханаанитскому культу, поставила въ своемъ дворцѣ идолъ Астарты, держала при немъ храмовыхъ гетеръ и велѣла даже изготовить для него нѣчто еще болѣе срамное (Miphlezet), значеніе котораго къ счастію забыто потомствомъ. Рехавеамъ на все это смотрѣлъ сквозь пальцы; но эти безстыдства распространенія не получили. Въ Іудейскомъ царствѣ не замѣчалось извращеній въ сторону язычества, но не было и подъема въ сторону болѣе чистыхъ нравовъ со времени воцаренія Рехавеама. То была вообще безцвѣтная эпоха, когда народъ, казалось, впалъ въ какой-то старческій маразмъ. Два столѣтія почти прошло, пока въ Іудеѣ не сталъ обнаруживаться новый подъемъ духа. Ни одинъ пророкъ не

[1]) Т. же IV, 11-12.

[2]) Въ кн. Царн I. XV, 2 ясно сказано, что мать Авіама называлась такъ מעכה בת אבישלום,какъ мать Асы (т. же 10 и 13); въ Хроникахъ II. XI, 20-21 сказано еще яснѣе, что Мааха была любимою женою Рехавеама. Отсюда заключаемъ, что Авіамъ и Аса братья, сыновья Рехавеама; слѣдовательно, въ кн. Ц. XV, 8 вмѣсто בנו надо читать אחיו. Сказанное въ Хроникахъ II, XIII, 2, что мать Авіама называлась מיכיהו בת אוריאל מן גבעה невѣрно. Мнѣніе Кимхи, а также Эвальда, что Мааха была бабушка Асы, не согласуется съ буквою текста. Болѣе вѣроятно, что Мааха была жена Рехавеама и родила двухъ сыновей, Авіама и Асу. Откуда Іосифу Флавію извѣстно, что Мааха не дочь Авесалома, а его внучка отъ Тамары (Древности VIII. 10,1), не можемъ сказать.

являлся, чтобы разбудить народъ отъ его долгой спячки. Преданія, правда, упоминаютъ о двухъ іудейскихъ пророкахъ, *Шемаѣ* и *Идѣ*[1]), но о дѣяніяхъ ихъ и рѣчахъ почти ничего не сообщаютъ. Безславно прошло семнадцатилѣтнее царствованіе (977—961) Рехавеама и безславно было его время. Трехлѣтнее царствованіе (960—958) его сына, *Авіама*, ничѣмъ отъ предшествовавшаго не отличалось. И онъ велъ мелкія войны съ Іеровеамомъ, которыя никакого успѣха не имѣли[2]). Подобно своему отцу, и онъ терпѣлъ языческія непристойности своей матери, Маахи. Авіамъ умеръ, повидимому, молодымъ и наслѣдника не оставилъ[3]). На престолъ вступилъ поэтому его братъ, *Аса* (957—918). Такъ какъ онъ въ это время былъ еще очень молодъ, то правленіе въ первые годы его царствованія было въ рукахъ его матери[4]). Послѣдняя, повидимому, дала или хотѣла дать своему, языческому и непристойному культу широкое распространеніе. Это могло вызвать расколъ въ Іудеѣ; но революція, въ это время вспыхнувшая въ десятиколѣнномъ царствѣ, помѣшала этому и дала событіямъ новое направленіе.

Надавъ, по смерти Іеровеама вступившій на израильскій престолъ (955-954), предпринялъ войну противъ филистимлянъ и осаждалъ данитскій городъ, *Гивтонъ*, занятый филистимлянами. Одинъ воинъ изъ Исахарова колѣна, по имени *Баша*, составивъ противъ царя заговоръ, убилъ его въ самомъ лагерѣ. Оттуда убійца отправился въ Тирцу и истребилъ весь домъ Іеровеама (954). Основатель этого дома никакимъ пророкомъ на царство не былъ помазанъ и не считался поэтому неприкосновеннымъ, какъ Саулъ или Давидъ; убійца поэтому нисколько не боялся наложить руку на его сына. Баша открываетъ собою рядъ цареубійцъ въ десятиколѣнномъ царствѣ, еще болѣе усилившихъ тамъ смуту. Совершивъ свои злодѣйства, Баша овладѣлъ престоломъ (954—933). Столицей онъ оставилъ Тирцу, такъ какъ она была въ центрѣ страны, и къ тому же укрѣплена. Если бъ Баша упразднилъ въ своемъ царствѣ культъ быка, то онъ привлекъ бы на свою сторону лучшихъ людей Іудеи,

[1]) См. выше стр. 26: Хроники II, XII, 15; XIII, 22.

[2]) Въ Хроникахъ (II. XIII, 19) сказано, будто Авіамъ отвоевалъ у Іеровеама города *Бетель*, *Іешану* и *Эфраинъ*, но это извѣстіе весьма сомнительно, такъ какъ Бетель, гдѣ стоялъ золотой телецъ, принадлежалъ къ десятиколѣнному царству до самаго его паденія. Цари II. XXIII, 15 и слѣд.

[3]) Показаніе Хроникъ (II. XIII, 21) о 22 сыновьяхъ и 16 дочеряхъ Авіама не имѣетъ никакой исторической цѣны.

[4]) Это слѣдуетъ изъ выраженія въ кн. Ц. I, XV, 13 ויסירה מגבירה, потому что גבירה значитъ царица-мать, правящая за малолѣтняго сына. Ср. Цари II. XXIV. 8, 15 съ Іереміей XXII, 26 и XIII, 18, гдѣ Нехушта, царица-мать, называется גבירה. Также Изевель называется הגבירה Цари II. X, 13.

возмущенныхъ языческими нововведеніями Маахи, которыя были хуже культа быка, такъ какъ сопровождались неприсгойностями храмовыхъ женщинъ. Въ Іерусалимѣ, повидимому, чувствовали опасность, и Аса поспѣшилъ ее предупредить. По собственной ли иниціативѣ или по настоянію какого нибудь пророка, онъ устранилъ царицу-мать отъ управленія, упразднилъ введенный ею культъ Астарты, удалилъ храмовыхъ гетеръ и сжегъ позорное изображеніе, которое Мааха выставила на поклоненіе народу въ Кидронской долинѣ. Этимъ дѣломъ Аса завоевалъ симпатіи лучшихъ людей въ своемъ царствѣ.

Старыя, безрезультатныя распри между Израилемъ и Іудой возобновились въ правленіе Асы и Баши. Все же первому удалось отвоевать у Эфраима и присоединить къ своимъ владѣніямъ нѣсколько израильскихъ городовъ [1]). Чтобы обезпечить себя со стороны Іудеи, Баша заключилъ союзъ съ Египтомъ и даже побудилъ его къ войнѣ съ Асою. Египетскій военачальникъ, *Зерахъ* (Озорконъ?), вступилъ во главѣ большого полчища эѳіоповъ въ Іудею и дошелъ уже до *Мареши* (въ разстояніи около 10 часовъ пути къ юго-западу отъ Іерусалима). Аса поспѣшилъ ему на встрѣчу съ іудейскимъ и веніаминитскимъ ополченіями и, разбивъ эѳіоповъ, къ сѣверу отъ Мареши, преслѣдовалъ ихъ до Герара, и вернулся съ богатою добычею въ Іерусалимъ (943[2]). Ободренный побѣдой надъ египетско-эѳіопскимъ войскомъ, Аса сталъ сильно безпокоить сосѣднихъ израильтянъ. Баша встревожился и, чтобы предотвратить угрожавшую ему опасность, заключилъ союзъ съ арамейскимъ царемъ, Бенъ-Ададомъ изъ Дамаска, до того состоявшимъ союзникомъ Іудеи (стр. 27) и охранявшимъ ее отъ нападеній. Сынъ Тавримона, Бенъ-Ададъ, нарушилъ союзъ съ Асой и перешелъ на сторону Баши. Обезпеченный такимъ образомъ съ тыла, послѣдній предпринялъ большую завоевательную войну противъ Іудеи. Прежде всего онъ занялъ *Раму*, родину пророка Самуила, принадлежавшую веніаминитамъ, и укрѣпилъ ее для того, чтобы отсюда дѣлать набѣги на сосѣднюю область. Онъ думалъ продолжать завоеванія. Аса, съ своей стороны, принялъ всѣ мѣры къ возобновленію своего союза съ

[1]) Цари I. XV, 32: Хроники II, XV, 8.

[2]) Хроники II. XIV, 8 и дд. Этотъ разсказъ кажется исторически вѣрнымъ, такъ какъ въ немъ указаны подробно мѣстности. Нѣкоторые египтологи предполагали, что военачальникъ Зерахъ тождественъ съ египетскимъ царемъ Озоркономъ I, а другіе отвергали это предположеніе, противъ котораго говоритъ слѣдующее: египетскаго царя Озоркона нельзя было бы назвать эѳіопомъ, и Зерахъ не называется царемъ. Время этого сраженія указано т. же XV, 10 „въ пятнадцатый годъ царствованія Асы“; мѣстомъ сраженія не была долина Цефата, какъ ошибочно принимаетъ Эвальдъ, а къ сѣверу отъ Мареши; выраженіе т. же XIV, 9 בגיא צפתה למרשה не понятно, и слѣдуетъ читать: צפונה למרשה, въ какомъ смыслѣ и переведено септуагинтой.

царемъ Дамаска. Онъ отправилъ къ нему особое посольство, снабдивъ его золотомъ, серебромъ изъ сокровищъ храма и дворца своего. Бенъ-Ададъ далъ себя уговорить; ему не мало льстило, что оба царства, которымъ Дамаскъ еще недавно платилъ дань, теперь заискиваютъ въ его дружбѣ. Онъ думалъ извлекать пользу изъ слабости обоихъ. Отправивъ войско на сѣверъ израильскаго царства, онъ покорилъ города *Іонъ*, *Данъ* и сосѣдній *Авель* (Бетъ-Маахy), также мѣстность вокругъ Генисаретскаго озера и всю горную страну, принадлежавшую Нафталіеву колѣну. Аса такимъ образомъ былъ спасенъ, Башѣ же пришлось разстаться съ своими завоевательными планами и очистить Раму. Собравъ всѣхъ способныхъ носить оружіе мужчинъ, Аса отправилъ ихъ, чтобы снести стѣны Рамы и вывезеннымъ строительнымъ матеріаломъ укрѣпить два другіе іудейскіе города, *Геву* и расположенную на возвышенности *Мицпу*. Баша вскорѣ послѣ того умеръ (933), въ Тирцѣ вспыхнула новая революція, и Аса могъ такимъ образомъ быть спокоенъ [1]). Онъ сильно укрѣпилъ высокую и самой природой какъ-бы приспособленную для крѣпости Мицпу, въ скалахъ которой приказалъ высѣчь глубокій и обширный водоемъ, чтобы въ случаѣ осады ея имѣть запасъ воды[2]).

Въ десятиколѣнномъ царствѣ между тѣмъ происходили кровавыя событія, вызвавшія новый переворотъ въ судьбахъ обоихъ царствъ. Башѣ наслѣдовалъ его сынъ, *Эла* (933—932), предававшійся праздности и пьянству. Въ то время, какъ воины его осаждали Гивтонъ, отбивая его у филистимлянъ, онъ цѣлые дни проводилъ въ попойкахъ. Этимъ обстоятельствомъ воспользовался одинъ изъ его чиновниковъ, начальникъ надъ половиною колесницъ, *Зимри*, находившійся въ Тирцѣ. Въ то время, какъ Эла пировалъ въ домѣ завѣдывавшаго дворцомъ, Зимри убилъ его. Затѣмъ онъ истребилъ весь домъ Баши и не пощадилъ даже его друзей[3]). Престолъ перешелъ, разумѣется, къ убійцѣ, но ему недолго пришлось его занимать: всего одну недѣлю. Армія, стоявшая подъ Гивтономъ, узнавъ, что Эла убитъ, провозгласила царемъ полководца *Омри*. Послѣдній поспѣшилъ съ войскомъ въ столицу. Найдя ворота ея запертыми, онъ осадилъ ее и, пробивъ брешь въ ея стѣнахъ, ворвался въ городъ. Тогда

[1]) Цари I. XV. 17 и дд.

[2]) Іеремія XLI, 9.

[3]) Цари I. XVI, 8 и дд. Ср. т. же II. IX, 31. Страннымъ образомъ Эвальдъ заключилъ отсюда, будто Зимри пощадилъ жизнь женъ Элы и Изевель, бывшая уже старухою, пыталась кокетствомъ плѣнить Іегу, чтобы онъ дѣлилъ съ нею престолъ и ложе! Изевель назвала Іегу זמרי הורג אדוניו лишь потому, что какъ Іегу, такъ и Зимри были чиновники (מעבדי אדוניו), особенно обязанные быть вѣрными государю, а оба все-таки убили своихъ государей.

Зимри, не желая пасть отъ руки убійцы, поджегъ дворецъ и бросился въ огонь. Изъ первыхъ пяти израильскихъ царей то былъ уже третій, погибшій неестественной смертью; лишь двое изъ этихъ пяти были погребены въ царской усыпальницѣ, построенной Іеровеамомъ [1]). Вскорѣ затѣмъ палъ отъ руки убійцы еще одинъ царь, четвертый.

Омри думалъ занять престолъ, но встрѣтилъ препятствіе. Дѣло въ томъ, что населеніе столицы желало имѣть царемъ нѣкоего *Тивни*, сына Гината, по всей вѣроятности, мѣстнаго уроженца. Войско же держало сторону Омри. Въ столицѣ такимъ образомъ образовались двѣ партіи, вступившія въ борьбу, нерѣдко кончавшуюся кровопролитіями. Израильскому царству только этого недоставало, чтобы смута дошла до послѣднихъ ея предѣловъ. Ровно четыре года (932—928) длилась эта братоубійственная война. Наконецъ, военная партія одержала верхъ, Тивни былъ убитъ, и Омри сталъ одинъ царемъ Израиля (928[2]). Въ Тирцѣ онъ, однако, чувствовалъ себя не совсѣмъ хорошо; дворецъ былъ сожженъ еще Зимри, а городъ вообще былъ опустошенъ четырехлѣтней гражданской войной. Побѣжденная партія относилась къ нему явно-враждебно. Омри рѣшилъ поэтому перенести свою резиденцію въ другой городъ. Сихема онъ для этого не могъ избрать, такъ какъ безпокойный, мятежный духъ его населенія не обѣщалъ ему ничего хорошаго; другого же значительнаго города въ центрѣ страны не было. Омри рѣшилъ поэтому построить новую столицу. Наиболѣе пригоднымъ для этого мѣстомъ онъ нашелъ плоскій холмъ, находившійся въ нѣсколькихъ часахъ пути къ сѣверо-западу отъ Сихема. Купивъ этотъ холмъ у его владѣльца, *Шамара*, Омри возвелъ на немъ постройки, и въ томъ числѣ дворецъ, укрѣпилъ его и назвалъ *Шомронъ* (Самарія). Какъ онъ набралъ жителей для него, неизвѣстно; можетъ быть, онъ предоставилъ въ немъ жилища преданнымъ ему воинамъ, какъ это нѣкогда сдѣлалъ Давидъ во вновь отстроенномъ Іерусалимѣ. Спустя годъ послѣ своей побѣды надъ Тивни (927), Омри оставилъ Тирцу и поселился въ новой столицѣ, которая въ теченіе двухъ послѣдующихъ столѣтій соперничала съ Іерусалимомъ, а затѣмъ, послѣ слишкомъ двухвѣкового упадка, снова ожила для того, чтобы по прежнему враждовать съ Іудой и Іерусалимомъ. Самарія унаслѣдовала отъ Сихема

[1]) Цари I. XIV, 6.

[2]) Т. же XVI, 21 и слѣд. Къ стиху 22 וימת תבני есть въ септуагинтѣ прибавка, будто у Тивни былъ братъ, Іорамъ. Немыслимо, чтобы вдругъ былъ упомянутъ братъ, про котораго раньше вовсе рѣчи не было. Замѣтивъ, что тамъ не упоминается о смерти Тивни, мы допускаемъ, что это должно было составитъ содержаніе упомянутой прибавки, гдѣ по ошибкѣ слова וימת אותו замѣнены словами ויורם אחיו.

и удесятерила его ненависть къ Іерусалиму. Новый городъ далъ свое имя всему десятиколѣнному царству, которое впослѣдствіи называлось также *Самаріей*.

Омри, первый царь Самаріи, былъ человѣкомъ умнымъ, но не воинственнымъ. Корона, которой онъ былъ обязанъ не столько своей энергіи, сколько благопріятному стеченію обстоятельствъ, его не удовлетворяла, и онъ стремился сдѣлать свой народъ великимъ, славнымъ и богатымъ. Развѣ во Израилѣ ужъ нельзя было возродить блестящую эпоху Соломона? Правда, народъ былъ разбитъ на двѣ неравныя половины и отъ этого ослабѣлъ. Но развѣ обѣ должны были вѣчно воевать одна съ другою? Связанныя родствомъ и общими интересами, развѣ онѣ не должны были, наоборотъ, жить въ мирѣ и идти рука объ руку? Омри прежде всего постарался вступить въ дружественныя сношенія съ домомъ Давида, указавъ ему на то, что миръ между ними принесетъ огромныя выгоды обоимъ, такъ какъ соединенными силами они легко могутъ возстановить свою власть надъ тѣми народностями, которыя до распаденія царства платили имъ дань [1]). Оба царства дѣйствительно довольно продолжительное время затѣмъ жили въ мирѣ и согласіи и оказывали даже другъ другу поддержку. Не менѣе, а, можетъ быть, и болѣе важнымъ еще Омри считалъ поддержаніе дружественныхъ сношеній съ сосѣдней Финикіей. Онъ хотѣлъ, чтобы его царству досталась хоть нѣкоторая доля тѣхъ богатствъ, которыя притекали въ Финикію, благодаря ея обширной морской торговлѣ. Въ Тирѣ въ это время также одинъ цареубійца смѣнялъ другого, пока наконецъ на престолъ не вступилъ жрецъ Астарты, *Итобалъ* (Этбаалъ[2]), убившій своего предшественника, *Фелеса*. Эти кровавыя событія въ столицѣ Финикіи сильно ослабили эту страну. Знатныя семьи принуждены были эмигрировать и образовали колоніи на сѣверномъ берегу Африки. Царь Дамаска сталъ подумывать уже о завоеваніи всего финикійскаго побережья. Итобалу необходимо было поэтому позаботиться о пріобрѣтеніи союзниковъ. Омри и Итобалъ такимъ образомъ нуждались въ заключеніи оборонительно-наступательнаго союза противъ своихъ внѣшнихъ враговъ. Союзъ этотъ былъ заключенъ, причемъ для вяща-

[1]) Ни о какихъ войнахъ между Омри и Асой лѣтописи не упоминаютъ; Ахавъ и Іосафатъ были въ большой дружбѣ и даже породнились другъ съ другомъ. Такъ какъ Ахавъ былъ человѣкъ безъ инициативы, то мысль о заключеніи мира съ домомъ Давида могла принадлежать только Омри (Миха VI. 16; Цари I. XVI, 25). Политику которой затѣмъ держался Ахавъ, и самую женитьбу его на сидонской принцессѣ (т. же стихъ 31.) слѣдуетъ поэтому также считать дѣломъ Омри.

[2]) Объ этомъ царѣ см. Менандръ у Флавія, Древности VIII. 13, 1, 2; Contra Apionem I, 18.

го его скрѣпленія оба дома породнились. Сынъ Омри, *Ахавъ*, взялъ въ жены дочь Итобала, *Изевель* (Ицевель, Іезавель). Бракъ этотъ имѣлъ весьма печальныя послѣдствія.

Усиленный этимъ союзомъ, Омри могъ предпринять войны. Онъ отобралъ у моавитовъ, еще при Іеровеамѣ объявившихъ себя независимыми, многіе города и сдѣлалъ ихъ снова своими данниками, обязавъ ихъ ежегодно посылать ему цѣлыя стада барановъ съ шерстью. Но такъ какъ между Моавомъ и Арамомъ существовало тогда нѣчто вродѣ союза, и такъ какъ усиленіе израильскаго царства было весьма невыгодно Араму, то царь Дамаска, Бенъ Ададъ I, объявилъ Омри войну, и отобралъ у него нѣсколько городовъ. Омри принужденъ былъ заключить миръ на довольно тяжелыхъ условіяхъ и долженъ былъ разрѣшить арамейскимъ караванамъ свободный проходъ черезъ израильскую страну[1]).

Отъ этой неудачи Омри пришелъ къ необходимости болѣе тѣснаго сближенія съ Финикіей и притомъ не только политическаго, но и культурнаго. Къ чему, въ самомъ дѣлѣ, эта отчужденность Израиля отъ его сосѣдей? Принесла ли она ему какую-нибудь пользу? Не благоразумнѣе ли, не выгоднѣе ли, если десятиколѣнное царство во всемъ уподобится финикійскому? Родственные по языку и нравамъ, оба народа могли бы совсѣмъ слиться, если бы къ Израилю привились финикійскія религіозныя формы. Омри не замедлилъ проложить путь этому сліянію. Онъ ввелъ культъ Ваала и Астарты, какъ офиціальную религію, построилъ въ Самаріи храмъ Ваалу, выписалъ для него жрецовъ, и приказалъ, чтобы населеніе повсюду приносило жертвы Ваалу и Астартѣ [2]). Культъ быка въ Бетелѣ и Данѣ онъ думалъ уничтожить, ибо этотъ культъ казался ему еще слишкомъ израильскимъ и служилъ помѣхой къ сліянію Израиля съ Финикіей. Іегова, почитаемый либо какъ безтѣлесный Богъ, либо въ видѣ тельца, является противоположностью Ваалу или Адонису, которую Омри хотѣлъ совсѣмъ устранить не только изъ особаго пристрастія къ культу Ваала, сколько изъ политическаго разсчета, чтобы путемъ превращенія Израиля въ финикійскій народъ распространить на него богатства Финикіи. Благодаря Омри, дѣйствительно въ израильскую землю снова стали притекать въ изобиліи золото и серебро. Сынъ его, Ахавъ, могъ поэтому позволить себѣ большую роскошь,—отдѣлать свой дворецъ слоновой костью [3]), чего, при всей своей страсти къ великолѣпію, не могъ достигнуть даже Соломонъ,

[1]) Цари I, XX, 34, откуда рѣшительно слѣдуетъ, что этотъ договоръ былъ послѣдствіемъ пораженія Омри.

[2]) См. выше стр. 38, примѣчаніе 1.

[3]) Цари I. XXII, 39; ср. XX, 3.

который долженъ былъ удовольствоваться однимъ лишь трономъ изъ слоновой кости.

Съ своими нововведеніями Омри пошелъ гораздо дальше Іеровеама или, какъ сказано въ Библіи [1]), „онъ поступалъ хуже всѣхъ, бывшихъ прежде него". Іеровеамъ все же выдавалъ тельца за изображеніе израильскаго Бога; Омри же хотѣлъ совсѣмъ упразднить Іегову, заставить израильтянъ забыть самое ихъ происхожденіе, вытравить изъ ихъ сознанія мысль, что они представляютъ особую, непримиримую съ язычествомъ, народность. О томъ, какъ они отнеслись къ этимъ нововведеніямъ, мы въ источникахъ не находимъ никакихъ указаній. Такъ какъ Омри умеръ черезъ шесть лѣтъ послѣ основанія Самаріи (922), то эти новшества глубокихъ корней въ народѣ пустить не могли. Сынъ его, Ахавъ (922—901), долженъ былъ взяться за продолженіе начатаго имъ дѣла, какъ будто оно ему завѣщано было отцомъ. Само собой разумѣется, что и онъ поддерживалъ тѣсныя дружественныя отношенія съ Тиромъ и съ царемъ Іуды.

Успѣшное проведеніе столь радикальныхъ мѣръ зависитъ, однако, отъ такихъ, часто совершенно случайныхъ, событій, какихъ не въ состояніи предвидѣть самый выдающійся умъ. Два обстоятельства явились тормазами на пути къ оханаанизированію десятиколѣннаго царства: темпераментъ Ахава и неожиданное противодѣйствіе, сильно ослабившее, если не совсѣмъ парализовавшее, его дѣйствіе. Для того, чтобы превратить израильскій народъ въ придатокъ Финикіи, чтобы заставить его отречься отъ самого себя, отъ всего своего прошлаго, отъ всѣхъ своихъ традицій, нужна была большая энергія, непреклонная воля, способная сокрушить всякое сопротивленіе. Ахавъ же, напротивъ, былъ слабъ и мягокъ, любилъ спокойствіе, предпочиталъ обходить встрѣчавшіяся ему на пути препятствія, чѣмъ бороться съ ними и ихъ устранять. Если бы это зависѣло отъ него одного, то онъ отказался бы отъ системы отца и, ни мало не заботясь о будущемъ, всецѣло отдался бы радостямъ царскаго бытія. Ахавъ не былъ воинственнымъ правителемъ; онъ съ терпѣніемъ сносилъ отъ сосѣднихъ царей такія оскробленія, на которыя всякій мало мальски дорожащій своимъ престижемъ государь немедленно реагировалъ бы соотвѣтствующимъ актомъ. Но, противъ своей воли, онъ долженъ былъ предпринять войну противъ слишкомъ заносчиваго сосѣда, и точно также, вопреки своему желанію, онъ принужденъ былъ вступить въ отчаянную борьбу съ своимъ же народомъ. Отецъ его далъ ему въ супруги женщину, которая, въ противоположность ему, обладала твердою волей и неу-

[1]) Т. же XVI, 25.

молимой строгостью въ проведеніи своихъ цѣлей. *Изевель* (Ицевель), дочь финикійскаго царя, до своего воцаренія состоявшаго жрецомъ при храмѣ Астарты, съ ревностью фанатика принялась за оханаанизированіе израильскаго народа. Дѣлала ли она это изъ приверженности къ религіи своей родины или изъ политическихъ видовъ, чтобы слить оба народа въ одну націю, но она съ необыкновенной стойкостью взялась за продолженіе начатаго Омри дѣла, вынуждая своего слабохарактернаго мужа ко всевозможнымъ насиліямъ [1]). Бразды правленія были въ ея рукахъ, Ахавъ былъ въ ея рукахъ лишь послушнымъ орудіемъ[2]). Ея мрачный, упрямый нравъ и ни передъ чѣмъ не отступавшая энергія вызвали въ десятиколѣнномъ царствѣ сильное броженіе, которое привело къ кровопролитіямъ, но, подобно разрушительной грозѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ очистило воздухъ. Первымъ дѣломъ Изевель воздвигла въ Самаріи большой храмъ Ваалу[3]). При такомъ храмѣ находились три жертвенника, истуканы и коническія колонны; все это посвящалось тремъ соединеннымъ божествамъ: Ваалу, его супругѣ, Астартѣ, и богу огня или разрушенія (Молоху, Хамону[4]). Изевель вызвала изъ своей родины цѣлую армію жрецовъ и пророковъ: 450 для культа Ваала и 400 для культа Астарты; всѣ они содержались на счетъ царской казны и пользовались столомъ царицы [5]). Одна часть ихъ служила при алтаряхъ постоянно въ Самаріи, другая же временно въ разныхъ городахъ и деревняхъ страны. Финикійскіе жрецы или пророки носили женскія одежды, раскрашивали себѣ лица, подмалевывали глаза, какъ женщины, и обнажали руки до плечъ; они были вооружены мечами, топорами, бичами, погремушками, свистками, кимвалами и литаврами; танцуя и дико завывая, они вертѣлись на одномъ мѣстѣ, повторно припадая къ землѣ и волоча волосы въ грязи, искусывали себѣ руки и рѣзали собственное тѣло мечами и ножами, ливщуюся изъ ранъ кровь принося въ жертву кровожадной богинѣ; въ своемъ изступленіи иные изъ нихъ оскопляли себя и продѣлывали еще болѣе омерзительныя вещи[6]). Въ этихъ сценахъ принимали, безъ сомнѣнія, участіе и храмовыя гетеры (Kedeschot), своимъ позорнымъ ремесломъ занимавшіяся въ честь Астарты

[1]) Цари I. XXI, 25.

[2]) Т. же XXI, 8.

[3]) Т. же XVI, 32; II, X, 21; 25 -27.

[4]) См. Моверсъ, Финикіяне I стр. 674 и слѣд. Что алтари и מַצֵּבוֹת, т. е. коническія колоны, были воздвигнуты въ храмѣ Ваала, слѣдуетъ изъ кн. Ц. II, X, 26 (ср. Septuaginta) и XI, 18.

[5]) Ц. I. XVIII, 19-22.

[6]) Срав. Моверсъ т. же стр. 682.

и въ пользу жрецовъ[1]). Съ помощью этой-то орды жрецовъ Ваала и изступленныхъ служителей Астарты Изевель думала отвратить израильскій народъ отъ Бога предковъ и превратить его въ другой народъ. Во главѣ финикійскихъ священнослужителей стоялъ, по всей вѣроятности, верховный жрецъ, который давалъ имъ совѣты и указанія, какъ имъ слѣдуетъ совершать службу[2]). Прежде всего были разрушены алтари, посвященные Богу Израиля[3]), и вмѣсто нихъ воздвигнуты другіе, хананейской формы, съ коническими колоннами, имѣвшими гнусное символическое значеніе (форму Фалуса). Алтари въ Бетелѣ и Данѣ, повидимому, были превращены въ финикійскіе. Народъ, не умѣвшій обходиться безъ жертвоприношеній, за недостаткомъ своихъ алтарей, принужденъ былъ приносить жертвы на новыхъ, въ честь Ваала и Астарты, и такимъ образомъ привыкать къ финикійскому культу.

Правителямъ въ дѣйствительности совсѣмъ нетрудно заставить народъ разстаться съ своими привычками и усвоить себѣ чужія, если они принимаются за это съ хитростью и энергіей. Въ данномъ случаѣ это тѣмъ болѣе легко было сдѣлать, что масса народная въ десятиколѣнномъ царствѣ до того успѣла уже въ значительной мѣрѣ отстать отъ своихъ традицій: связь ея съ Іерусалимомъ, духовнымъ центромъ Израиля, была нарушена уже полстолѣтія, и ей приходилось имѣть дѣло съ культомъ быка. Городское населеніе въ своемъ благосостояніи привыкло уже къ болѣе или менѣе утонченнымъ нравамъ и предавалось въ излишествѣ чувственнымъ наслажденіямъ; а этимъ нравамъ и склонностямъ сладострастный культъ Ваала и Астарты приходился какъ разъ впору. Израильтяне въ городахъ поэтому большею частію присоединились къ этому культу или не сопротивлялись ему; лишь 7000 израильтянъ остались тверды въ своей вѣрѣ, „ихъ колѣна не преклонялись предъ Вааломъ и уста ихъ не лобызали его“[4]). Другая часть народа, и въ томъ числѣ жители деревень, колебалась между старой и новой вѣрой, не зная, кто настоящій богъ, Іегова-ли или Ваалъ[5]), тайно почитала перваго, а явно поклонялась второму. То было вообще смутное, переходное время, какое всегда предшествуетъ крупной исторической перемѣнѣ; это былъ кризисъ, который долженъ былъ показать, достаточно-ли глубоко пустила въ народѣ корни его исконная вѣра въ Бога Израиля, обладаетъ-ли она жиз-

[1]) Удивительно, что въ исторіи Ахава и Изевели не упоминаются קרשות, необходимыхъ при культѣ אשרה, стр. 33 и Цари II. XXIII. 7.

[2]) Слѣд. изъ Ц. II. XI, 18.

[3]) Цари I. XIX 10 и 14; XVIII, 30.

[4]) Т. же XIX, 18.

[5]) Т. же XVIII, 21.

ненной силой на столько, чтобы преодолѣть и устранить чужую, противоположную ей. Въ подобное время сильная, проникшаяся новыми идеями, личность, твердою вѣрой и самоотверженіемъ, увлекаетъ колеблющихся, укрѣпляетъ слабыхъ, возбуждаетъ равнодушныхъ и собираетъ вокругъ себя армію защитниковъ самобытности народа. Если такая личность раздражена встрѣчаемымъ ею противодѣйствіемъ, то она дѣйствуетъ, какъ сильная творческая сила, и образуетъ новую форму, смѣшанную изъ старыхъ и новыхъ элементовъ. Такой именно личностью явился тогда пророкъ *Илія* (Эліягу, 920—900[1]).

Откуда явился этотъ энергичный, всѣхъ за собою увлекавшій пророкъ? Въ какомъ колѣнѣ стояла его колыбель? Кто былъ его отцомъ? Всего этого мы не знаемъ. Преданіе называетъ его Иліей тишбитяниномъ; въ Гилеадѣ, за Іорданомъ, онъ принадлежалъ къ неполноправнымъ поселенцамъ (Toschabim) этой страны [2]). Это былъ человѣкъ бурнаго темперамента, шедшій на проломъ, готовый во всякую минуту отдать жизнь за свои убѣжденія. Онъ считался у потомства ревнителемъ за религію и нравственность (Kanna [3]). Внезапно разразившейся бурей налеталъ онъ на слабаго, ходившаго на помочахъ у своей жены, царя, оглушалъ его громовой рѣчью и, подобно бурѣ же, внезапно исчезалъ, такъ что его никогда не удавалось задержать [4]). Онъ жилъ одной мыслью о единомъ Богѣ, воспоминаніе о которомъ, исчезавшее изъ памяти современныхъ ему израильтянъ, онъ во что бы то ни стало хотѣлъ сохранить: этой миссіи онъ всего себя отдалъ, ея рабомъ онъ былъ всю свою жизнь [5]).

Онъ отличался внѣшностью: въ противоположность разряженнымъ на подобіе женщинъ пророкамъ Ваала и Астарты, онъ надѣвалъ поверхъ сорочки кожаный поясъ и черную власяницу (Sak[6]) и носилъ длинные волосы; въ противоположность почитателямъ Ваала, предававшимся наслажденіямъ, онъ воздерживался отъ вина и велъ назирейскій образъ жизни, состоявшій именно въ

[1]) Время дѣятельности Иліи можно лишь приблизительно опредѣлить. Онъ выступилъ впервые противъ Ахава и Изевели и жилъ еще во время царствованіи Ахазіи 901.

[2]) Ц. I, XVII, 1. Выраженіе מתושבי גלעד, повидимому, указываетъ на то, что его предки принадлежали къ терпимому остатку первобытныхъ жителей; поэтому не упоминается имя его отца, какъ неизвѣстенъ и отецъ его ученика, Элиши.

[3]) Малеахи III, 23.

[4]) Ц. I. XVIII, 12.

[5]) Относительно Иліи и его преемника, Элиши, источники употребляютъ выраженіе עמד לפני ה׳ [См., напримѣръ, Цари I. 17, 1], т. е. служить Богу всѣми своими силами, какъ рабъ служитъ своему господину.

[6]) Цари II, I, 8; II, 8, 14. Это есть אדרת שער, что пророки носили со времени Иліи (Захарія XIII, 4), и называется также שק (Iешая XX, 2).

томъ, чтобы не пить вина [1]) и не стричь волосъ [2]). Выступивъ, по всей вѣроятности, впервые въ Гилеадѣ, онъ проповѣдывалъ одну несложную, но много-знаменательную мысль: „Егова одинъ есть Богъ“. Тутъ, куда Іорданъ мѣшалъ ордѣ пророковъ Ваала проникнуть, и гдѣ страхъ предъ Ахавомъ и Изевелью не былъ такъ великъ, было еще достаточное число вѣрныхъ Богу Израиля. Среди нихъ-то Илія нашелъ слушателей и учениковъ, которыхъ пророкъ своими пламенными рѣчами увлекъ за собою. Въ короткое время вокругъ него образовалась цѣлая группа старыхъ и молодыхъ пророковъ (Bene Nebiim), всецѣло посвятившихъ себя борьбѣ за вѣру[3]).Подобно Иліи, они стали *назиреями* [4]). Лозунгомъ этого кружка было вести простой образъ жизни, не жить въ городахъ, гдѣ царили любовь къ роскоши и изнѣженные нравы, а въ деревняхъ изъ шатровъ, не пить вина, не воздѣлывать виноградниковъ и вообще не обрабатывать земли, а, по примѣру праотцевъ, заниматься однимъ скотоводствомъ. Іонадавъ, сынъ Рехава, по всей вѣроятности, одинъ изъ приверженцевъ Иліи, первый ввелъ въ своей семьѣ этотъ образъ жизни и завѣщалъ своему потомству не пить вина, домовъ не строить, не сѣять и виноградниковъ не разводить[5]). Илья не только пробудилъ и воспламенилъ массу защитниковъ древняго ученія для даннаго момента, но также проложилъ путь новому направленію въ будущемъ. Онъ противопоставилъ простоту и воздержность изнѣженности и страсти къ наслажденіямъ.

Окруженный толпой старыхъ и молодыхъ пророковъ, Илія вступилъ въ открытую борьбу съ жрецами и пророками Ваала. Переходя изъ города въ городъ, онъ повсюду сзывалъ жителей и увлекалъ ихъ своими бурными рѣчами, которыя всѣ сводились къ одному: „Іегова одинъ есть Богъ, Ваалъ же и Астарта—нѣмые и мертвые идолы“. При этомъ не обходилось, по всей вѣроятности, безъ насилій надъ служителями Ваала, съ ко-

[1]) Слѣдуетъ изъ Амоса II, 11 12.

[2]) Сравни съ тѣмъ, что сказано дальше у Элиши.

[3]) Слѣдуетъ изъ того, что сказано ниже.

[4]) Слѣдуетъ изъ Амоса т. же, что пророки были назиреями.

[5]) Іеремія XXXV, 5—10. Іонадавъ былъ современникомъ Иліи и врагомъ культа Ваала, Ц. II, X, 15—16. Изъ этой цитаты видно, что Іонадавъ не былъ изъ Іудина колѣна, какъ можно заключить изъ Хроникъ II. II, 55. בית רכב можетъ обозначать какой-то городъ, подобно упомянутымъ выше (.קרית יערים, בית גדר בית לחם *Ред.)* именамъ, также имѣющимъ передъ собою слово אבי. Іегу встрѣтилъ Іонадава на дорогѣ изъ Іезрееля въ Самарію; какъ послѣдній очутился тамъ, если онъ былъ изъ Іудеи?

торыми Иліи приходилось сталкиваться. Изевель не могла, конечно, долго мириться съ дѣятельностью этого ревнителя, которая разстраивала ея планы. Она стала преслѣдовать пророка при помощи царскихъ тѣлохранителей, которые безпощадно убивали учениковъ Иліи, попадавшихся имъ въ руки. То были первые мученики, павшіе за израильскую вѣру; Изевель же, дочь жреца Астарты, Этбаала, была первою по времени гонительницею за вѣру[1]). Самого Илію, однако, который для Изевели былъ, разумѣется, важнѣе его учениковъ, ей никакъ не удавалось захватить: онъ всегда какъ-то ускользалъ отъ рукъ ея шпіоновъ. Благодаря его проповѣди, завѣдывавшій дворцомъ Ахава, *Овадія*, втайнѣ исповѣдывалъ старую вѣру. Онъ, которому, вѣроятно, было поручено преслѣдовать молодыхъ пророковъ, спряталъ сто человѣкъ изъ нихъ въ двухъ пещерахъ горы Кармелъ, по 50 въ каждой, тайно снабжая ихъ хлѣбомъ и водой[2]). Само собой разумѣется, что у Овадіи были единомышленники, которые исполняли его тайныя порученія. Илія такимъ образомъ сталъ силою, которую не легко было сломить. Какъ могла Изевель бороться съ неуловимымъ врагомъ, имѣвшимъ союзниковъ въ самомъ ея дворцѣ?

Однажды Илія, хотя былъ лишенъ своихъ приверженцевъ, отправился къ Ахаву, слабый характеръ котораго былъ извѣстенъ, чтобы пригрозить ему за то, что онъ допускалъ злодѣянія. Царь имѣлъ пристрастіе къ постройкамъ и укрѣпленію городовъ[3]). По его приказу, нѣкій *Хіель* изъ Бетеля укрѣпилъ городъ Іерихонъ[4]), стѣны котораго были разрушены во время вступленія въ него израильтянъ. Іерихонъ собственно принадлежалъ колѣну Веніаминову [5]), но во время войнъ между десятиколѣннымъ царствомъ и царствомъ Іуды онъ присоединенъ былъ къ области колѣна Эфраимова. Ахавъ устроилъ себѣ также въ прекрасной равнинѣ Іезреель вторую резиденцію, въ которой дворъ проводилъ суровые зимніе мѣсяцы; Самарія съ тѣхъ поръ служила однимъ лѣтнимъ мѣстопребываніемъ двора[6]). Этотъ новый городъ, *Іезреель*, впослѣдствіи сдѣлавшійся ареной трагическихъ событій, былъ построенъ съ большимъ великолѣпіемъ. Царская чета устроила себѣ здѣсь роскошный дворецъ изъ слоновой кости [7]). Ахаву вздумалось кромѣ того развести вокругъ дворца обширный садъ, и для этого онъ хотѣлъ пріобрѣсти прекрасный виноградникъ, примыкавшій къ дворцу и принадлежавшій одному изъ виднѣйшихъ жителей Іезреела,

[1]) Цари I, XVIII. 4. 13. [2]) Т. же.
[3]) Т. же XXII, 39. [4]) Т. же XVI. 34.
[5]) Іошуа XVIII, 21.
[6]) Слѣдуетъ изъ Амоса, III. 15.
[7]) Т. же, XVIII 12.

Навоту. За уступку этого виноградника царь предлагалъ владѣльцу его другой участокъ или деньги, но Навотъ ни за что не хотѣлъ отчуждать своего родового имѣнія. Это такъ огорчило царя, что онъ даже потерялъ аппетитъ. Въ этомъ состояніи нашла его Изевель, которая, смѣясь надъ его ребяческимъ горемъ и его безпомощностью, воскликнула: „Такъ-то ты думаешь царствовать надъ Израилемъ!“[1]) И она обѣщала ему вскорѣ раздобыть для него желанный виноградникъ. Именемъ царя она обратилась къ тѣмъ старѣйшинамъ Израиля, въ рабской преданности которыхъ она была увѣрена, приказала имъ созвать судъ и выставить двухъ свидѣтелей, которые обвинили бы Навота въ богохульствѣ и оскорбленіи величества. Трусливые или продажные старѣйшины не задумались взвести на невиннаго человѣка обвиненіе, которое влекло за собою смертную казнь. Когда судъ, во главѣ котораго былъ Навотъ, какъ первый старѣйшина, собрался на засѣданіе у воротъ Іезрееля, предъ нимъ вдругъ предстали два негодяя и заявили, будто они сами слышали, какъ Навотъ поносилъ боговъ и царя. Напрасно Навотъ клялся въ своей невинности: судьи приговорили его къ смертной казни, которая въ тотъ же день и была совершена, и не только надъ самимъ Навотомъ, но и надъ его сыновьями[2]). Имущество казненнаго по закону должно было перейти къ царю. Изевель, торжествуя, сказала мужу: „встань, возьми во владѣніе виноградникъ Навота, потому что онъ умеръ“[3]). Илія же, провѣдавъ объ этомъ возмутительномъ злодѣяніи, не могъ болѣе совладать съ собой. Онъ отправился въ Іезреель, гдѣ нашелъ царя любующимся новопріобрѣтеннымъ виноградникомъ. Ахава сопровождали два всадника, изъ которыхъ одинъ впослѣдствіи отомстилъ за убійство Навота. Громовымъ голосомъ обратился пророкъ къ царю: „Ты убилъ и еще вступаешь въ наслѣдство? Кровь Навота и кровь сыновей его видѣлъ Богъ вчера, и Онъ отомститъ тебѣ на этомъ полѣ!“[4]) Эта угроза сильно встревожила робкаго царя, и онъ почувствовалъ угрызенія совѣсти. Злодѣйская жена его позаботилась, однако, чтобы это раскаяніе никакихъ послѣдствій не имѣло: она вполнѣ владѣла имъ.

Илія снова явился къ царю, чтобы возвѣстить ему, что во всей странѣ вскорѣ наступитъ продолжительный голодъ. Послѣ этого онъ скрывался вблизи Іордана, затѣмъ въ финикійскомъ городѣ Сарептѣ, (Zarphat) у какой-то вдовы, наконецъ въ пещерѣ горы Кармелъ. Между тѣмъ голодъ свирѣпствовалъ въ странѣ съ такой силой, что не хватало

[1]) Ц. I. XXI, 1—7.

[2]) Цари I. 21, 8 и дд.; II. 9. 26

[3]) Въ септуагинтѣ есть прибавка къ стиху 16 гл. XXI (10,XX): Ахавъ оплакивалъ смерть Навота.

[4]) Ц. I, XXI, 19; II, IX, 25 и слѣд.

даже корма для царскихъ лошадей и муловъ[1]). Въ виду столь ужаснаго бѣдствія царь отправлялъ гонцовъ за гонцами во всѣ концы страны и даже за предѣлы ея, чтобы разыскать мрачнаго пророка и умилостивить его [2]). Но всѣ поиски были напрасны. Однажды Илія предсталъ предъ начальникомъ дворца Овадіей со словами: „поди, скажи государю твоему: Илія здѣсь". Ахавъ, увидѣвъ его, воскликнулъ: „Ты ли это, губитель Израиля?"—„Не я", возразилъ пророкъ, „губилъ Израиля, но ты и домъ отца твоего, ибо ты слѣдуешь Ваалу". И, точно отдавая приказъ самому царю, Илія потребовалъ отъ него, чтобы онъ созвалъ всѣхъ жрецовъ Ваала на гору Кармелъ, гдѣ народъ узнаетъ, кто истинный и кто ложный пророкъ.

Состязаніе пророковъ на горѣ Кармелъ должно было имѣть чрезвычайно важныя послѣдствія; источники, однако, передаютъ это событіе въ не совсѣмъ ясномъ разсказѣ. Ахавъ распорядился, чтобы всѣ пророки Ваала явились на гору Кармелъ, и самъ пришелъ туда; собралась у горы и большая масса народа, заинтересованная исходомъ этого спора между царемъ и пророкомъ, и жаждавшая узнать, прекратится-ли отъ этого продолжительная засуха. Вышли изъ своихъ пещеръ и тѣ сто пророковъ, которыхъ Овадія укрывалъ тамъ. Илія, руководившій собраніемъ, обратился къ нему со слѣдующей рѣчью: „Доколѣ будете вы, подобно птицамъ, прыгать съ одной вѣтки на другую? [3]) Если Іегова—Богъ, то слѣдуйте ему, а если Ваалъ, то ему слѣдуйте". Тогда Илія предложилъ пророкамъ Ваала соорудить алтарь, принести на немъ жертву и упросить своего бога сотворить чудо, ниспослать огонь на жертву. Жрецы согласились. Они стали колоть себя мечами и ножами и, окровавленные, съ утра до полудня взывали: „Ваалъ, услышь насъ!" Но огонь не показывался. Илія подзадоривалъ ихъ съ ѣдкою ироніею, свойственною краснорѣчію пророковъ, совѣтовалъ имъ удвоить свои старанія, чтобы вызвать у Ваала признаки жизни: „Зовите его громче, можетъ быть онъ разсѣянъ или въ отлучкѣ, а можетъ быть и заснулъ, такъ онъ проснется!" Когда же посрамленные жрецы Ваала отступили назадъ, Илія сложилъ изъ двѣнадцати камней свой алтарь и, возложивъ на него свою жертву, сталъ тихо молиться: „Услышь меня, Господи, Боже Авраама, Исаака и Израиля, чтобы зналъ этотъ народъ, что Ты—Богъ, что я по слову Твоему сдѣлалъ все это, и Ты обратишь сердце ихъ назадъ". Тогда внезапно свершилось чудо, и народъ, упавъ ницъ

[1]) О голодѣ въ то время говорится т. же XVII, 7 и слѣд., также упоминаетъ Менандеръ по финикійскимъ источникамъ (Іосифъ Флавій, Древности VIII. 13, 2).

[2]) Ц. т. же XVIII, 10.

[3]) Цари I.XVIII, 21. Таковъ смыслъ выраженія: עד מתי אתם פוסחים על שתי הסעפים

воскликнулъ: „Іегова-Богъ!“ По преданію, внезапный ударъ молніи истребилъ жертву, и все, находившееся на и въ алтарѣ, даже воду. Тогда Илія отомстилъ жрецамъ Ваала: по его знаку, толпа ихъ схватила, перебила, а трупы ихъ побросала въ близлежавшую рѣку Кишонъ. Ахавъ, ошеломленный всѣмъ происшедшимъ, не мѣшалъ этой расправѣ.

Не такъ спокойно отнеслась къ этому дѣлу кровожадная Изевель. Узнавъ о случившемся, она пригрозила Иліи расправиться съ нимъ, какъ онъ расправился съ ея жрецами. Чтобы спасти свою жизнь, онъ убѣжалъ въ Іудею; царь Іудеи, Іосафатъ, находившійся въ союзѣ съ Ахавомъ, повидимому, не оказалъ Иліи покровительства, и онъ бѣжалъ дальше, за Вирсавію, будучи въ такомъ отчаяніи, что онъ сталъ просить смерти. Ему явилось сновидѣніе, внушившее ему, чтобы онъ удалился въ пустыню и дошелъ до священной горы Хоревъ. Здѣсь, гдѣ нѣкогда возвѣщено было чистое и простое ученіе о Богѣ и законахъ нравственнаго порядка, Иліи пришлось узнать, что онъ въ своемъ рвеніи за это ученіе зашелъ слишкомъ далеко. Сидя одинъ въ мрачной синайской пещерѣ, гдѣ онъ могъ услышать лишь собственное слово въ отвѣтъ, онъ горько жаловался: „Возревновалъ я о Іеговѣ, потому-что оставили завѣтъ Твой сыны Израилевы, жертвенники Твои разрушили и пророковъ Твоихъ убили мечомъ, и остался я одинъ, но и моей души ищутъ, чтобы отнять ее“. Въ отвѣтъ на это ему знаменіями было пояснено, что „Богъ ни въ вѣтрѣ, ни въ землетрясеніи, ни въ огнѣ, а въ тихомъ вѣяніи“. Голосъ свыше внушилъ ему затѣмъ, чтобы онъ вернулся на родину, избралъ себѣ преемника и удалился на покой. Его чрезмѣрное усердіе, дошедшее до кровопролитія, не получило признанія у горы Хоревъ[1]).

Во время продолжительнаго отсутствія Иліи состоялось нѣчто въ родѣ перемирія между династіей Омри и приверженцами пророка. Ахавъ, послѣ событій на его глазахъ, происшедшихъ у горы Кармелъ, сталъ съ большой сдержанностью относиться къ культу Ваала и, поскольку это было въ его власти, старался прекратить преслѣдованія пророковъ. Послѣдніе также, повидимому, уменьшили свой пылъ. Кружки молодыхъ пророковъ, въ это время образовавшіеся въ *Гилгалѣ*, гдѣ еще при Самуилѣ существовалъ пророческій орденъ (I, 146), въ *Іерихонѣ* и даже въ *Бетелѣ*[2]), гоненіямъ со стороны Ахава не подвергались. Только одинъ изъ нихъ, Михаягу *(Миха)*, сынъ Імлы, относился къ Ахаву весьма недружелюбно. Каждый разъ, когда царь, затѣвая какое-нибудь дѣло, вопрошалъ его насчетъ будущаго, Миха неизмѣнно предсказывалъ ему несчастіе. Ахавъ, несмотря на это, не рѣшался его извести и только за-

[1]) Цари I. XIX. 9—16. Слова: „не въ вѣтрѣ Господь“ и повелѣніе помазать Элишу въ пророка безспорно знаки порицанія фанатизма Иліи.

[2]) Слѣдуетъ изъ Царей II. II, 2 и дд.

ключилъ его въ тюрьму [1]). Всякихъ несчастій, которыя должны были бы служить ему указаніемъ на то, что онъ слѣдуетъ по совершенно ложному пути, у царя и безъ предсказаній пророка было достаточно. Царь Арама, Бенъ-Ададъ II, дѣлался все могущественнѣе и грознѣе. Онъ располагалъ не только конницей и боевыми колесницами, но и тридцатью двумя царями, которыхъ онъ покорилъ и сдѣлалъ своими васалами[2]). Въ союзѣ съ этими царями онъ пошелъ войной на Ахава, пользуясь слабостью десятиколѣннаго царства, вызванной голодомъ и внутренними раздорами. Покоривъ нѣсколько израильскихъ областей, Бенъ Ададъ осадилъ Самарію (904). Въ своемъ затруднительномъ положеніи Ахавъ запросилъ мира, но Бенъ-Ададъ поставилъ ему крайне унизительныя условія. Онъ потребовалъ, чтобы израильскій царь выдалъ ему не только все золото и серебро, но и своихъ женъ и дѣтей. Малодушный Ахавъ готовъ былъ уже принять эти условія, но старѣйшины, къ которымъ онъ обратился за совѣтомъ, а за ними и весь народъ посовѣтовали продолжать войну на жизнь и смерть. Ахавъ могъ выставить противъ многочисленнаго войска врага лишь незначительный отрядъ. Послѣдній сдѣлалъ вылазку въ то время, когда Бенъ-Ададъ, увѣренный въ своей побѣдѣ, пировалъ въ кругу своихъ васальныхъ царей; израильтяне разбили арамейское войско на голову и обратили въ бѣгство; самъ Бенъ-Ададъ едва спасся бѣгствомъ. Преданіе разсказываетъ, что эта неожиданная побѣда была обѣщана Ахаву однимъ пророкомъ, который посовѣтовалъ ему при этомъ приготовиться къ новой войнѣ, такъ какъ царь Дамаска чрезъ годъ предприметъ противъ него новый походъ. Дѣйствительно, Бенъ-Ададъ опять ворвался въ израильскую землю и проникъ до города *Афека*, въ Іезреельской равнинѣ. Но Ахавъ успѣлъ приготовиться. Собравъ все свое ополченіе, онъ вышелъ на встрѣчу непріятелю и снова нанесъ ему рѣшительное пораженіе. Бенъ-Ададъ даже не успѣлъ выбраться изъ Афека, гдѣ онъ спрятался. Пришла очередь ему просить мира. Приближенные обнадеживали его, что Ахавъ не вспомнитъ о причиненной ему обидѣ, ибо цари израильскіе—милостивые цари [3]). Въ траурѣ, опоясавши власяницами чресла свои и возложивши веревки на головы свои, въ знакъ покорности, приближенные Бенъ-Адада отправились къ Ахаву и смиренно стали просить его пощадить ихъ царя. Ахавъ, который былъ весьма польщенъ тѣмъ, что его могущественный врагъ униженно молитъ у него пощады, обѣщалъ посламъ, что онъ оставитъ Бенъ-Адада въ живыхъ [4]). Не

[1]) Цари I. XXII, 18; 26.

[2]) Т. же XX, 1 и 16.

[3]) Т. же 31.

[4]) Т. же ст. 33 очень теменъ: Сирійская версія даетъ, я думаю, подходящее для этого слово: ופלטוהי מנה т. е. ויפלטו, „они *освободили* его“ или de conatu

теряя времени, они привели Бенъ-Адада, и Ахавъ посадилъ его къ себѣ въ колесницу. Обрадованный своимъ столь неожиданнымъ спасеніемъ, арамейскій царь сулилъ Ахаву золотыя горы. Онъ обѣщалъ возвратить ему всѣ города, нѣкогда завоеванные его отцомъ, Бенъ-Ададомъ I, и сверхъ того разрѣшить израильскимъ караванамъ свободный проходъ черезъ область Дамаска, какой Омри въ свое время долженъ былъ разрѣшить арамейскимъ черезъ израильскую страну. Вчерашніе враги стали добрыми друзьями, заключили союзъ и поклялись другъ другу въ вѣрности для того. чтобы на другой же день при удобномъ случаѣ эту клятву нарушить[1]), Одинъ пророкъ не даромъ осуждалъ этотъ легкомысленно заключенный миръ и предсказалъ Ахаву, что онъ поплатится за это[2]).

И дѣйствительно, счастливо вышедши изъ бѣдственнаго положенія, Бенъ-Ададъ потерялъ охоту соблюдать мирныя условія и исполнить всѣ свои обѣщанія. Онъ возвратилъ Ахаву одну горную область Нафтали, заіорданскіе же города и въ томъ числѣ весьма важный Рамотъ-Гилеадъ, представлявшій опорный пунктъ для всей гилеадской области, онъ такъ и не возвратилъ Ахаву. Послѣдній же былъ такъ лѣнивъ, что не настоялъ на этомъ[3]), и чѣмъ дальше, тѣмъ это все труднѣе становилось, потому что Бенъ-Ададъ становился сильнѣе. Одинъ, безъ помощи со стороны, Ахавъ не могъ пытаться силою взять Рамотъ-Гилеадъ. Но въ это время въ Самарію прибылъ, въ качествѣ гостя и союзника Ахава, іудейскій царь, *Іосафатъ* (918—895) Заручившись его поддержкой, Ахавъ рѣшился предпринять войну противъ Бенъ-Адада. Сверхъ ожиданія цари двухъ царствъ, до того вѣчно враждовавшихъ, настолько сблизились другъ съ другомъ, что одинъ изъ нихъ счелъ возможнымъ посѣтить другого въ его столицѣ. Это было тѣмъ большею неожиданностью, что Іосафатъ строго осуждалъ мерзости идолопоклонства Ахава и Изевели. Въ своей странѣ Іосафатъ старался сохранить чистоту культа и оберегалъ его отъ чуждыхъ вліяній. Онъ изгналъ изъ

„*старались его скоро освободить*". Буква ה въ словѣ הממנו согласно версіямъ не должна быть отнесена прямо къ глаголу, а превращена въ Suffix verbale majcul. ויפלטוהו ממנו. Но и слово וינחשו—не понятно. Во время разговора съ Ахавомъ слуги ни въ коемъ случаѣ не могли спросить оракула, честныя ли у того намѣренія. Вмѣстѣ того слова нужно поставить ויחישו. ימהרו должно обозначать быстроту дѣйствій, какъ у Іешаи, V, 19 (совершенно иначе толкуетъ это Клостерманъ; сравни противъ него Бенцингеръ).

[1]) Цари т. же ст. 34. До словъ ואני בברית должно быть для полноты поставлены слова ואחאב אמר (Срвн. также *Бенцингеръ* объ этомъ).

[2]) Т. же 35 и др. Іосифъ называетъ этого пророка или ученика пророка מבני הנביאים Миха. Древности VIII, 14, 5.

[3]) Цари I. XXII, 3.

страны служительницъ Астарты, оставшихся отъ его бабушки, Маахи [1]). Іосафатъ, правда, едва-ли былъ такимъ горячимъ ревнителемъ старой вѣры, какимъ его впослѣдствіи изображали [2]). Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что насильственное введеніе въ Самаріи культа Ваала и Астарты и истребленіе пророковъ его сильно возмущали. Несмотря на это, онъ поддерживалъ дружественныя сношенія съ домомъ Омри и не задумался даже выдать своего сына, *Іегорама*, за дочь Ахава, *Аталію*, породнившись такимъ образомъ съ домомъ, поклонявшимся идоламъ [3]). При этомъ, конечно, преслѣдовались политическія цѣли. Столь же миролюбивый, какъ и Ахавъ, Іосафатъ въ поддержкѣ со стороны болѣе сильнаго десятиколѣннаго царства думалъ найти защиту отъ своихъ внѣшнихъ враговъ. Идумея, правда, въ то время какъ будто снова подпала подъ власть Іудеи и управлялась намѣстникомъ (Nizzab) іудейскаго царя [4]); но неизвѣстно, завладѣлъ ли ею Іосафатъ оружіемъ. Судьба вообще не благопріятствовала Іосафату. Вступивъ въ обладаніе Идумеей, онъ возобновилъ сношенія съ Офиромъ, прерванныя за смертью Соломона, и велѣлъ для этого построить въ гавани Эціонъ-Гевера большіе корабли. Но буря разбила ихъ, и царь отказался отъ своего смѣлаго предпріятія, усмотрѣвъ въ этой катастрофѣ указаніе на то, что оно не угодно Богу.

Іосафатъ, по всей вѣроятности, поѣхалъ въ Самарію, разсчитывая возобновить и укрѣпить свой союзъ съ Ахавомъ. Послѣдній между тѣмъ самъ поспѣшилъ воспользоваться этимъ визитомъ, чтобы заручиться поддержкой іудейскаго царя въ войнѣ противъ Бенъ-Адада. „Пойдешь ли ты со мною на войну противъ Рамотъ-Гилеада?“, спросилъ Ахавъ, и Іосафатъ отвѣтилъ: „какъ ты, такъ и я; какъ твой народъ, такъ и мой народъ; какъ твои кони, такъ и мои кони“. Онъ пожелалъ получить отъ пророка Іеговы увѣреніе въ благополучномъ исходѣ предстоящей войны и сказалъ Ахаву: „спроси, что скажетъ Іегова“. Къ пророкамъ Ваала Іосафатъ не питалъ никакого довѣрія. Изъ любезности къ своему союзнику

[1]) Цари I. XXII, 47.

[2]) Хроники II. XVII, 6 и др. въ противоположность трезвому разсказу кн. Царей т. же и ст. 43—44. Фактъ назначенія судей и враждебнаго нашествія амонитянъ, моавитянъ и жителей горы Сеиръ на Іудею, разсказываемый въ Хроникахъ, представляетъ собой сомнительную историческую истину (Срвн. Велгаузенъ, Prolegomena къ исторіи Израиля, 3 изд., стр. 196 и др. и противоположный взглядъ *Эвальда* Ист. Израиля III. 509 и др. и Этли стр. 114).

[3]) Цари II, VIII, 18, 26—27.

[4]) Т. же I, 22, 48. Выраженіе נצב מלך очень неясно; къ тому же слово מלך отсутствуетъ въ греческой и сирійской версіяхъ; между тѣмъ изъ Цар. II. VIII, 20 и др. слѣдуетъ, что Идумея въ царствованіе Іосафата находилась подъ властью Іудеи (Срвн. Zeitschtift f. alttestamentl. Wissensch. V, 178.).

Ахавъ согласился удовлетворить его желаніе и разрѣшилъ молодымъ пророкамъ изъ Гилгала, Бетеля и Іерихона явиться въ Самарію и свободно высказаться предъ нимъ. Онъ собралъ ихъ, около четырехъ сотъ человѣкъ, и сказалъ имъ: „итти ли мнѣ войною на Рамотъ-Гилеадъ, или нѣтъ?" Всѣ пророки единогласно воскликнули: „иди, и Іегова предастъ въ руку царя". Одинъ изъ этихъ пророковъ, *Цидкія*, сынъ Кенааны, надѣлъ желѣзные рога и сказалъ: „Этими ты забодаешь арамейцевъ до истребленія ихъ". Іосафатъ усумнился, однако, въ искренности этихъ, какъ будто сговорившихся между собой, предсказателей и пожелалъ еще выслушать мнѣніе пророка Михи, котораго Ахавъ продолжалъ держать въ тюрьмѣ (стр. 48). Ахавъ волей-неволей долженъ былъ удовлетворить и это желаніе своего гостя и приказалъ одному евнуху привести изъ тюрьмы Миху. На вопросъ царя, пророкъ сперва отвѣчалъ какъ бы согласно съ прочими пророками: „иди, будь счастливъ, и Іегова предастъ въ руку царя". Но по тону отвѣта Ахавъ понялъ, что Миха думаетъ иначе, и заклиналъ его, чтобы онъ ему отъ имени Іеговы сказалъ всю правду. Тогда пророкъ, вдохновленный свыше, произнесъ: „Я видѣлъ весь Израиль разсѣяннымъ, какъ стадо безъ пастуха, и Іегова сказалъ: „Нѣтъ у нихъ господина, пусть возвратятся съ миромъ каждый въ свой домъ". Свое противорѣчіе предсказаніямъ прочихъ пророковъ Миха объяснилъ слѣдующимъ замѣчаніемъ, бросающимъ нѣкоторый свѣтъ на сущность пророчества: „Я видѣлъ Господа, сидящаго на престолѣ Своемъ, и все воинство небесное стояло при немъ, по правую и по лѣвую руку Его; я слышалъ, какъ Онъ сказалъ: „Кто бы увлекъ Ахава, чтобы онъ пошелъ и палъ въ Рамотъ-Гилеадѣ?" Тогда выступилъ пророческій духъ и сказалъ: „Я увлеку его, я сдѣлаюсь духомъ лжи въ устахъ всѣхъ пророковъ его". При этихъ словахъ Цидкія, только что предсказавшій Ахаву побѣду, подошелъ, ударилъ Миху по щекѣ и сказалъ: „какимъ путемъ отошелъ духъ Бога отъ меня, чтобъ говорить съ тобою?" На это Миха отвѣтилъ: „ты увидишь это въ тотъ день, когда войдешь во внутреннюю комнату, чтобъ укрыться". Смущенный словами Михи, Ахавъ велѣлъ отвести его опять въ тюрьму и держать его въ ней на хлѣбѣ и водѣ еще строже прежняго, впредь до возвращенія его съ похода. Ахавъ сталъ затѣмъ собираться на войну. На всякій случай онъ переодѣлся, чтобы врагъ его не узналъ. Впервые, послѣ долго продолжавшагося разъединенія, израильскіе и іудейскіе воины совмѣстно выступали въ походъ. Когда Ахавъ и Іосафатъ, перешедши Іорданъ, подходили къ Рамотъ-Гилеаду, еще до начала сраженія, стрѣла попала въ Ахава, стоявшаго въ своей боевой колесницѣ, и смертельно ранила его. Не потерявъ сознанія, онъ велѣлъ своему возницѣ увезти его съ поля сраженія. Воины, ничего не зная, продолжали сражаться до вечера. Когда

Ахавъ совсѣмъ уже истекъ кровью, по войску раздался кличъ: „каждый въ свой городъ, каждый въ свою землю!“ [1]) Союзныя войска вернулись за Іорданъ, а Рамотъ-Гилеадъ остался въ рукахъ арамейцевъ. Тѣло Ахава было доставлено въ Самарію и предано землѣ. Въ то время, когда царскіе слуги обмывали въ рѣкѣ колесницу, наполненную его кровью, собаки лизали ее [2]).

Ахаву наслѣдовалъ его сынъ, *Ахазія*. Впервые въ десятиколѣнномъ царствѣ престолъ переходилъ къ внуку. Второй Омридъ царствовалъ весьма недолго (901—900) и оставилъ по себѣ такъ мало воспоминаній, что о личности его ничего опредѣленнаго сказать невозможно. Онъ остался вѣренъ всѣмъ заблужденіямъ своихъ родителей и въ этомъ отношеніи даже превзошелъ ихъ. Онъ предлагалъ Іосафату вмѣстѣ съ нимъ предпринять новую торговую экспедицію въ Офиръ, но іудейскій царь на это не согласился [3]). Моавиты, послѣ смерти Ахава, отложились отъ Израиля [4]), но царь не пожелалъ воспользоваться союзомъ съ Іосафатомъ, чтобы совмѣстно съ нимъ предпринять противъ нихъ войну. Ахазія выпалъ однажды изъ рѣшетчатаго окна верхней комнаты своего самарійскаго дворца, и занемогъ. Онъ отправилъ пословъ въ Экронъ, гдѣ находился знаменитый идолъ *Ваалъ-Зевува* (Вельзевула), чтобы узнать у состоявшаго при немъ оракула, выздоровѣетъ ли онъ. Къ этому времени пророкъ Илія возвратился уже изъ своей экскурсіи къ горѣ Хоревъ, но, помня внушеніе, сдѣланное ему свыше, жилъ уединенно, повидимому, на горѣ Кармелъ [5]), не вмѣшиваясь въ происходившія въ странѣ событія. Онъ уже избралъ себѣ преемника, въ лицѣ *Элиши*, сына Шафата, изъ іорданской области. Выборъ этотъ весьма характеристиченъ для Иліи. Встрѣтивъ Элишу въ то время, когда онъ пахалъ поле своего отца, Илія приблизился къ нему и, не говоря ни слова, набросилъ на него свою власяницу и сталъ удаляться. Если этотъ пахарь былъ достоинъ стать его преемникомъ, то онъ долженъ былъ понять, что это означаетъ. Элиша дѣйствительно побѣжалъ за нимъ и попросилъ его подождать, пока онъ попрощается съ своими родителями. „Поди, воротись“, коротко отвѣтилъ пророкъ, „что я тебѣ сдѣлалъ“? Элиша понялъ, что для того, чтобы сдѣлаться пророкомъ Божьимъ, надо отказаться отъ отца и матери и подавить въ себѣ всѣ движенія своего сердца, отказаться отъ всѣхъ своихъ привычекъ. Не воз-

[1]) Т. же I, XXII, 5 и др.

[2]) Т. же 38. Въ Септуагинтѣ есть еще дополненіе καὶ ὕες; что должно означать והזונות רחצו еще неясно.

[3]) Т. же I. XXII, 50.

[4]) Цари II. I, 1; III, 5.

[5]) Т. же I, 9.

вращаясь въ родительскій домъ, Элиша послѣдовалъ за Иліей и сталъ служить ему [1]), или, какъ тогда говорили, „возливать воду на руки его“ [2]). Только одинъ разъ еще Илія вновь выступилъ публично. Онъ пошелъ на встрѣчу посламъ, отправленнымъ Ахазіей къ Ваалъ-Зевуву, и сказалъ имъ: „Скажите царю, васъ пославшему: „Развѣ нѣтъ Бога въ Израилѣ, что ты посылаешь въ Экронъ вопросить Вельзевула?“ Посланцы вернулись въ Самарію и передали царю, что имъ сказалъ необыкновенный старецъ. По описанію его наружности и одежды Ахазія догадался, что Илія снова появился въ странѣ, и чрезъ пословъ потребовалъ отъ него, чтобы онъ къ нему явился. Послѣ долгихъ колебаній Илія отправился въ Самарію и безстрашно объявилъ царю, что онъ не встанетъ съ своей постели [3]). Ахазія вскорѣ послѣ того умеръ. Такъ какъ онъ не оставилъ потомства, то престолъ перешелъ къ брату его, *Іегораму* (Іораму, 899—887).

Съ этого времени Илія окончательно сходитъ со сцены. Куда онъ дѣвался? Окончилъ ли онъ дни свои какъ обыкновенный смертный?. Его ученики и ученики его учениковъ, не будучи въ состояніи себѣ представить, чтобы этотъ пламенный духъ обратился въ прахъ и сошелъ въ могилу, разсказывали: „онъ вознесся въ вихрѣ на небо; неотлучно сопровождавшій его, Элиша сталъ замѣчать, что учитель старается уйти отъ него, и ученикъ тѣмъ усерднѣе сталъ ходить за нимъ по пятамъ; Илія посѣтилъ еще своихъ учениковъ въ Гилгалѣ, Бетелѣ и Іерихонѣ, а Элиша, неизмѣнно ему сопутствовавшій, не отваживался спросить его, куда онъ затѣмъ направитъ свои стопы; дошедши до Іордана, Илія ударилъ свернутой власяницей своей по рѣкѣ, воды ея разступились, и учитель съ ученикомъ по-суху перешли на другой берегъ; вдругъ явилась огненная колесница, запряженная огненными же конями, разлучила ихъ обоихъ, и понесся Илія въ вихрѣ на небо; Элиша болѣе его не видалъ [4])“. Повидимому, Илія исчезъ за Іорданомъ, откуда и вышелъ. Неутомимую дѣятельность Иліи, который, при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ и среди жестокихъ гоненій, боролся за вѣру праотцевъ противъ насильственно навязаннаго идолопоклонства, за чистоту нравовъ противъ разнузданности культа Ваала и Астарты, за простоту нравовъ противъ роскоши, позднѣйшія поколѣнія не могли себѣ представить иначе, какъ въ видѣ ряда чудесъ. Жизнь Иліи казалась имъ непостижимой, загадочной, и они поэтому видѣли въ ней результатъ непрерывнаго вмѣшательства сверхъ-естественной силы. На вопросъ: „гдѣ пророкъ бралъ пищу, скрываясь въ никому недоступныхъ тай-

[1]) Цари I. XIX, 19 и сл.
[2]) Цари II. III, 11.
[3]) Т. же I, 3 и слѣд.
[4]) Т. же II, 1 и слѣд.

никахъ, во время своихъ быстрыхъ переходовъ съ одного конца страны до другого?“ отвѣчали: „у потока Керита вороны дважды въ день приносили ему хлѣбъ и мясо [1]); во время голода горсти муки и кувшинчика масла хватило по его слову на то, чтобы прокормить его самого, вдову, у которой онъ долгое время скрывался отъ преслѣдованій, ея сына и всѣхъ ея домочадцевъ [2]); въ пустынѣ его снабжали пищей ангелы во время сна; на пути къ горѣ Хоревъ онъ, подобно Моисею, сорокъ дней и сорокъ ночей оставался безъ пищи [3])“. Илія спасъ израильскій народъ или по крайней мѣрѣ семь тысячъ израильтянъ отъ духовной гибели, совращенія въ язычество. Этотъ подвигъ ученики его изобразили въ видѣ воскресенія изъ мертвыхъ ребенка, которому пророкъ будто вдохнулъ новую душу [4]).

Величайшимъ чудомъ, совершеннымъ Ильей, было то, что онъ создалъ цѣлую школу, поддерживавшую въ народѣ священный огонь истинной вѣры и, въ зависимости отъ обстоятельствъ, явно или тайно выступавшую противъ нечестивыхъ правителей. Эта школа пророковъ образовала особую общину. Она существенно отличалась отъ пророческаго ордена, основаннаго Самуиломъ. Члены послѣдняго были скорѣе ясновидящими и въ частности псалмопѣвцами-музыкантами; со временъ Давида и Соломона они стали приближенными и совѣтниками царей и, вращаясь въ придворной атмосферѣ, теряли свою независимость; они даже принимали дары отъ тѣхъ, которые къ нимъ обращались за совѣтами [5]). Пророки же изъ школы Иліи приношеній ни подъ какимъ видомъ не принимали [6]) и жили бѣдно и просто, трудами рукъ своихъ [7]). По смерти Иліи во главѣ ихъ сталъ молодой еще тогда Элиша. По преданію, основатель школы самъ назначилъ его старшимъ надъ своими учениками и завѣщалъ ему пророческій плащъ, упавшій съ него во время вознесенія его на небо [8]). Сперва Элиша строго слѣдовалъ по стопамъ своего учителя, держался вдали отъ людей и жилъ преимущественно на горѣ Кармелъ [9]). Но потомъ онъ вышелъ изъ своего уединенія, когда ему удалось побудить одного отважнаго израильтянина свергнуть домъ Омри и упразднить культъ Ваала.

[1]) Цари I. XVII, 3 6.

[2]) т. же ст. 9—16.

[3]) т. же XIX, 6--8.

[4]) Т. же XVII, 17 и слѣд.

[5]) слѣд. изъ Царей I. XIV, 3.

[6]) слѣд. изъ царей II. V, 26, IV, 42-44.

[7]) Т. же IV, 1 и др. VI, 1 и др.

[8]) Т. же II, 9 и др. Слова פי שנים ברוחך означаютъ ни *вдвое больше*, ни *двѣ трети* духа Иліи, но, какъ въ обоихъ другихъ паралельныхъ мѣстахъ: Второзакон. XXI, 17 и Захарія XIII, 8, *двѣ части, на одну часть больше*, чѣмъ другимъ, т. е. *право первородства*.

[9]) Т. же II, 25; IV, 25.

Третій Омридъ, *Іегорамъ* (899—887), не былъ такимъ ярымъ идолопоклонникомъ, какъ его мать, Изевель. Онъ даже велѣлъ удалить срамную колонну Ваала, слишкомъ непристойную, съ одной площади въ Іезреелѣ или Ветелѣ [1]). Элиша тѣмъ не менѣе питалъ къ этому царю такое отвращеніе, что не могъ его видѣть [2]). Послѣ смерти своего брата Іегорамъ предпринялъ войну противъ моавитовъ, чтобы наказать ихъ царя, *Мешу* (Мезу), за то, что онъ отпалъ отъ Израиля (между 899—94). Одинъ онъ однако опасался воевать и уговорилъ поэтому Іосафата, своего шурина, съ которымъ онъ, по примѣру предшественниковъ, поддерживалъ дружественныя сношенія, дать ему въ помощь свое войско. Іегорамъ отправился въ страну Моавъ чрезъ лежавшую къ югу отъ Мертваго моря Идумею, царь или намѣстникъ которой, васалъ Іосафата, съ своей стороны долженъ былъ оказать Іегораму помощь. На своемъ пути Іегорамъ посѣтилъ іудейскую столицу, гдѣ Іосафатъ принялъ его весьма радушно [3]).

Послѣ раздѣленія, оба дома Израиля и Іакова, повидимому, были въ болѣе дружественныхъ отношеніяхъ, чѣмъ до того; цари ихъ шли рука объ руку. И на этотъ разъ Іосафатъ настоялъ, чтобы до отправленія въ походъ насчетъ исхода его былъ спрошенъ одинъ изъ пророковъ. Такъ какъ достойнѣйшимъ изъ нихъ считался Элиша, то онъ и былъ приглашенъ къ іерусалимскому двору. Пророкъ сказалъ Іегораму прямо въ лицо: „Если бы я не уважалъ царя Іосафата, то я бы не взглянулъ на тебя. Поди къ пророкамъ отца своего и къ пророкамъ матери своей“. Пророкъ тѣмъ не менѣе предсказалъ, что война увѣнчается успѣхомъ.

Моавитскій царь, Меша, поджидавшій союзное войско у границъ своей страны, былъ разбитъ и бѣжалъ въ горную крѣпость, *Киръ-Харешетъ* (Киръ Моавъ, Керекъ?). Іегорамъ, чтобы наказать непокорныхъ моавитовъ, велѣлъ разрушить всѣ ихъ города, засорить камнями ихъ поля, запрудить источники и вырубить плодовыя деревья. Киръ-Харешетъ пращники обступили и разрушили. Съ нѣсколькими сотнями солдатъ Меша хотѣлъ пробиться къ идумейскому царю, на измѣну котораго онъ, повидимому, разсчитывалъ. Когда это оказалось невозможнымъ, онъ, на виду у осаждавшихъ, на стѣнѣ крѣпости, принесъ своего старшаго сына въ жертву Хемошу (богу войны), надѣясь тѣмъ его умилостивить. Въ израильскомъ лагерѣ между

---

[1]) Т. же III, 2: такъ какъ согласно т. же X, 26—29 эти מצבות продолжали стоять въ Самаріи до паденія Іегу, то первое можетъ относиться лишь къ другой мѣстности.

[2]) Т. же III, 14.

[3]) Древности Флавія IX, 3, 1.

тѣмъ, повидимому, появилась чума. Іегораму пришлось снять осаду и распустить союзное войско [1]). Страна Моавъ во всякомъ случаѣ была опустошена, но Меша въ ней удержался.

Спустя нѣкоторое время, послѣ смерти Іосафата, Идумея объявила себя независимой отъ Іудеи. Еще въ войнѣ Іегорама съ Моавомъ правитель Идумеи держался весьма подозрительно, по уходѣ же союзнаго войска онъ, повидимому, вступилъ въ союзъ съ Мешой. Казалось, что тѣсная дружба и кровная связь съ домомъ Омри принесли несчастье также и дому Давида.

Іорамъ (Іегорамъ), сынъ Іосафата, носившій то же имя, что и израильскій царь, его шуринъ, (894—888) такъ близко сошелся съ послѣднимъ, что, слѣдуя его примѣру, и у себя сталъ вводить язычество. Содѣйствовала этому главнымъ образомъ его жена, *Аталія*. Она, подобно своей матери, Изевели, была фанатической идолопоклонницей [2]). Правитель Идумеи въ это время объявилъ себя независимымъ царемъ, и Іорамъ пошелъ на него войной. Сраженіе произошло у Цоара, города пальмъ въ юго восточномъ углу Мертваго моря, на границѣ Эдома и Моава. Іорамъ, окруженный со всѣхъ сторонъ непріятелемъ, былъ разбитъ, и долженъ былъ вмѣстѣ со всѣмъ войскомъ спастись бѣгствомъ [3]). Полвѣка затѣмъ прошло, пока Идумея снова подпала подъ власть Іудеи.

Наконецъ совершилось то, что предназначено было дому Омри, и домъ Давида былъ вовлеченъ въ это событіе. Совершилъ это пророкъ Элиша. Въ Дамаскѣ произошла дворцовая революція. Царь Бенъ-Ададъ II, тотъ самый, который воевалъ съ Ахавомъ, былъ задушенъ своимъ сановникомъ, *Хазаиломъ*, который овладѣлъ арамейскимъ престоломъ. Молодые пророки передавали, что это цареубійство было вызвано Элишей. Онъ гостилъ въ Дамаскѣ, и больной Бенъ-Ададъ чрезъ посланнаго къ нему

[1]) Т. же Ш. 21 и др. Слово קצף здѣсь означаетъ ничто иное, какъ чуму подобно Числ. 11 XVII, 11 XVIII. 5. Такъ правильно истолковалъ Шлотманъ въ theolog. Stud. и Krit. 1871, стр. 919. Время этой войны относится къ послѣднимъ пяти годамъ царствованія Іосафата и первымъ Іегорама Израильскаго.

[2]) Т. же VIII, 18.

[3]) Т. же ст. 20 и др. Въ стихѣ 21 слѣдуетъ читать צערה вмѣсто צעירה и ויך אותו ארום вмѣсто ויכה את ארום, такъ какъ иначе слѣдующія слова ואת שרי הרכב противорѣчили бы этому; въ пользу этого говоритъ тотъ фактъ, что Идумея фактически была съ того времени независима. Уже Іосифъ Кимхи объясняетъ этотъ стихъ такимъ образомъ, что Іорамъ былъ разбитъ. То, что добавляется въ ст. 22 объ отпаденіи לבנה, непонятно, такъ какъ Ливна въ области Schephela принадлежала тогда къ странѣ филистимлянъ. Нужно подобрать для этого другое имя, можетъ быть תמנה (Ср. Клостерманъ и Бенцингеръ относительно этого мѣста).

Хазаила просилъ его предсказать ему, оправится-ли онъ отъ своей болѣзни. Элиша объявилъ послу, что Бенъ-Ададъ умретъ, хотя и не отъ своей болѣзни. Хазаилъ понялъ намекъ, и задушилъ Бенъ-Адада [1]). Вступивъ на престолъ, Хазаилъ немедленно отправился въ походъ противъ израильскаго царя, желая отвоевать города, уступленные ему его предшественникомъ. Хазаилъ прежде всего напалъ на заiорданскія области. Iегорамъ израильскій поспѣшилъ поэтому съ войскомъ къ Рамотъ-Гилеаду, чтобы отстоять эту важную крѣпость. Произошла жестокая битва, въ которой самъ Iегорамъ былъ тяжело раненъ. Возвращаясь въ Iезреель, чтобы залѣчить свою рану, Iегорамъ поручилъ командованіе войсками одному изъ своихъ военачальниковъ, *Iегу* [2]). Въ лагерь явился отъ имени Элиши одинъ молодой пророкъ, вызвалъ Iегу, увелъ его въ отдаленный покой, помазалъ его въ царя израильскаго, внушилъ ему истребить домъ Омри, и такъ же незамѣтно исчезъ, какъ и явился. Когда Iегу вернулся къ своимъ товарищамъ, они по лицу его замѣтили, что съ нимъ произошла какая-то перемѣна и изъ любопытства стали его разспрашивать, что ему молодой пророкъ предсказалъ. Iегу сначала уклонялся отъ отвѣта, но затѣмъ объявилъ товарищамъ, что по порученію Элиши его посланный помазалъ его въ царя надъ Израилемъ. Военачальники поспѣшили тогда присягнуть Iегу, подостлали ему свои пурпурныя одежды на высшей ступени дворца, затрубили въ рога и воскликнули: „Да здравствуетъ царь Iегу!“ [3]).

Провозглашенный такимъ образомъ царемъ, преемникомъ Iегорама, Iегу долженъ былъ дѣйствовать быстро и рѣшительно, чтобъ довести затѣянное дѣло до конца. Прежде всего онъ занялъ всѣ дороги, которыя вели отъ Рамотъ-Гилеада къ Iезреелю, дабы вѣсть о происшедшемъ не дошла преждевременно до Iегорама. Переправившись затѣмъ съ частью израильскаго войска чрезъ Iорданъ, онъ стрѣлой помчался въ Iезреель, гдѣ Iегорамъ залѣчивалъ свою рану. По бѣшенной скачкѣ отряда, издали замѣченной дворцовой стражей, царь узналъ неистоваго Iегу, и послалъ одного гонца, а вслѣдъ за нимъ и другого, чтобы узнать въ чемъ дѣло; но гонцы не возвращались. Встревоженный Iегорамъ тогда самъ выѣхалъ на встрѣчу Iегу, чтобы узнать, какую новость онъ такъ спѣшитъ ему сообщить. *Ахазія*, новый iудейскій царь, незадолго до того наслѣдовавшій

[1]) Такъ слѣдуетъ понимать этотъ разсказъ въ Цар. II, VIII, 7—15, что Хазаилъ вслѣдствіе двусмысленнаго отвѣта Элиши убилъ своего господина.

[2]) Т. же VIII, 28 и др. IX, 15; въ стихѣ 14 должно быть ויהוא היה שמר вмѣсто ויורם (Ср. Бенцингеръ стр. 149).

[3]) Т. же ст. 13 вмѣсто אל גרם המעלות нужно поставить עַל מרם המעלות (Другія предложенія см. у Клостермана).

своему отцу, Іораму, (888—887) и прибывшій въ Іезреель, чтобы навѣстить своего больного дядю, поѣхалъ съ нимъ на встрѣчу Іегу. Цари встрѣтили послѣдняго у того самаго виноградника, изъ-за котораго Изевель нѣкогда безвинно казнила Навота (стр. 45—46). Увидѣвъ издали своего полководца, Іегорамъ крикнулъ ему: „Все ли благополучно, Іегу?“—„Не можетъ быть благополучно,“ отвѣтилъ Іегу, „при распутной колдуньѣ, матери твоей Изевели“ [1]). Іегорамъ быстро повернулъ назадъ и сказалъ Ахазіи послѣдовать за нимъ. Но Іегу тутъ же пустилъ стрѣлу, и Іегорамъ замертво упалъ въ своей колесницѣ. Іегу велѣлъ выбросить тѣло Іегорама на виноградникъ Навота и напомнилъ при этомъ сопровождавшему его воину, *Бидкару,* что они оба были свидѣтелями угрозы, съ которой пророкъ Илія нѣкогда на этомъ самомъ мѣстѣ обратился къ Ахаву. Онъ, Іегу, явился такимъ образомъ теперь исполнителемъ Божьей воли. Ахазія палъ также въ тотъ же день. Преслѣдуемый Іегу и его людьми, онъ былъ пораженъ стрѣлой между Іезреелемъ и Ивлеамомъ; съ трудомъ онъ добрался до Мегиды и тутъ испустилъ духъ. Переворотъ былъ совершенъ, и ни одинъ человѣкъ не думалъ выступать на защиту царскаго дома.

Іегу безпрепятственно вступилъ въ Іезреель. Царица-мать, Изевель, сохранила настолько хладнокровія, что она, нарядившись, крикнула ему изъ окна дворца: „Какъ поживаешь, Зимри, убійца государя своего?“ [2]) Іегу приказалъ дворцовой прислугѣ выбросить царицу на улицу, и самъ проѣхалъ по ней, такъ что кони и стѣны дворца обрызганы были ея кровью. Когда Іегу потомъ велѣлъ предать ея тѣло погребенію, то нашли только ея черепъ и части ея рукъ и ногъ; все остальное было съѣдено собаками. Современники при воспоминаніи о томъ днѣ, когда Навотъ со своими сыновьями былъ казненъ за измѣну, вѣрно съ содроганіемъ отнеслись къ такой Божьей карѣ.

Но этой ужасной смертью Изевели и убійствомъ Іегорама переворотъ еще не былъ доведенъ до конца. Въ Самаріи жили еще сыновья, внуки и всякіе родичи Ахава, всего около семидесяти человѣкъ, которыхъ воспитывали или содержали старѣйшины столицы. Къ этимъ послѣднимъ Іегу обратился съ предложеніемъ избрать какого-либо сына Ахава въ цари. Они догадались, однако, что Іегу дѣлаетъ имъ это предложеніе только для вида и, страшась его гнѣва, поспѣшили изъявить покорность тому, кто только что убилъ разомъ двухъ царей. Іегу тогда приказалъ имъ явиться

[1]) Т. же ст. 22 אמך ..... עד זנוני теменъ; онъ становится понятнымъ, когда вмѣсто этого читаютъ עם (Ср. другія предложенія у Клостермана)

[2]) Сравни выше стр. 36, прим. 3.

въ Іезреель съ своими „главами". Тѣ поняли и этотъ намекъ и явились въ Іезреель съ головами убитыхъ ими царевичей. Такъ мало сочувствія встрѣтилъ въ несчастіи своемъ домъ Ахава.

Въ Іезреелѣ находились начальникъ города, смотритель дворца, старшины, воспитатели и другіе чиновники, которые собрались туда, чтобы передать побѣдителю сохраненныя въ сосудахъ головы послѣднихъ омридовъ. Іегу приказалъ ночью выставить ихъ въ два ряда передъ городскими воротами, а на другой день пригласилъ туда жителей Іезреели. При видѣ головъ убитыхъ, Іегу заявилъ: „онъ составилъ заговоръ противъ одного лишь Іегорама; остальные же погибли отъ рукъ другихъ; предсказаніе пророка Иліи относительно дома Ахава такимъ образомъ сбылось". Іегу соединялъ въ себѣ хитрость со смѣлостью. Тутъ же онъ приказалъ казнить всѣхъ сановниковъ и царедворцевъ, какъ убійцъ [1]). Покончивъ такимъ образомъ со старой династіей, Іегу занялъ престолъ, а жители Іезреела поспѣшили ему присягнуть.

Чтобы привлечь на свою сторону симпатіи народа, Іегу рѣшилъ уничтожить культъ Ваала и прежде всего въ Самаріи, какъ главномъ его гнѣздѣ. Онъ отправился туда въ сопровожденіи преданныхъ ему людей и на пути встрѣтилъ братьевъ и родственниковъ іудейскаго царя Ахазіи, которые либо прибыли на помощь Изевели и отомстить ему за его убійства, либо были высланы изъ Іерусалима царицей Аталіей, матерью Ахазіи, дабы они ей не мѣшали. По знаку Іегу, всѣхъ ихъ схватили и, убивъ, бросили въ яму. Неподалеку отъ Самаріи Іегу встрѣтилъ Іонадава (стр. 44), который ввелъ въ своей семьѣ назирейскій образъ жизни. „По прежнему ли ты вѣренъ мнѣ?", спросилъ его Іегу. „Да", отвѣчалъ Іонадавъ. „Такъ подай же мнѣ руку", сказалъ Іегу, посадилъ Іонадава въ свою колесницу и повезъ его съ собой въ Самарію, чтобы показать ему свое ревностное преслѣдованіе жрецовъ Ваала. Прибывъ въ Самарію, Іегу созвалъ въ храмъ всѣхъ жрецовъ Ваала, дѣлая видъ, будто онъ желаетъ принести Ваалу большую жертву, и велѣлъ имъ надѣть употребляемыя ими при своемъ богослуженіи одежды. Тайно онъ разставилъ внутри и снаружи храма своихъ тѣлохранителей и самъ, въ сопровожденіи Іонадава, отправился въ храмъ. Какъ только совершилось жертвоприношеніе, тѣлохранители по знаку царя бросились на находившихся въ храмѣ и изрубили ихъ своими мечами. Бѣжавшіе изъ храма были умерщвлены царской стражей, поджидавшей ихъ

[1]) Таковъ смыслъ Цар. II, X. 11. Іегу велѣлъ убить не только членовъ дома Ахава, но также старѣйшинъ и довѣренныхъ וכל גדליו ומידעיו. Слѣдующее слово ונכהו является началомъ разсказа изъ стих. 18–25.

у входа. Палачи затѣмъ вошли въ капище, сожгли статую Ваала, разрушили алтарь, колонны и самый храмъ; площадь, гдѣ послѣдній стоялъ, была отведена подъ свалку нечистотъ[1]). И не въ одной Самаріи, но и во всемъ своемъ царствѣ Іегу безпощадно истреблялъ все, что имѣло какое-либо отношеніе къ культу Ваала, стремясь прослыть приверженцемъ Иліи, строгимъ ревнителемъ національной вѣры[1]).

Но въ Іерусалимѣ этотъ самый культъ усердно вводился дочерью Изевели, вполнѣ достойной своей матери.

ГЛАВА II.

Домъ Давида и Іегуиды.

Аталія и ея ревностное введеніе идолопоклонства въ Іудею. Заговоръ противъ нея Первосвященникъ Іояда и царевичъ Іоашъ. Гибель Аталіи. Реставрація національнаго культа. Пророкъ Элиша и пророческія школы. Исправленіе храма. Пожертвованія для храма. Отношенія первосвященника къ царю. Слабость десятиколѣннаго царства при Іегу и Іоахазѣ. Убійство Іоаша іудейскаго. Завоеваніе Идумеи Амаціей. Значеніе пророка Элиши. Чудесныя сказанія о немъ. Война между Амаціею и Іоашемъ. Первое завоеваніе Іерусалима. Расширеніе десятиколѣннаго царства при Іеровеамѣ II и ослабленіе іудейскаго царства послѣ смерти Амаціи. Первые Іудеи, увезенные въ плѣнъ іонійцами.

(887 — 805)

Замѣчательно, что женщины, которымъ подобаетъ быть образцами скромности и цѣломудрія, въ древности питали особую слабость къ непристойному культу Ваала и Астарты. Мааха вводила этотъ культъ въ Іерусалимѣ, Изевель въ Самаріи, Аталія снова въ Іерусалимѣ. Дочь Изевели своей жестокостью и кровожадностью далеко превзошла свою мать. Изевель предавала казни только пророковъ, да строгихъ послѣдователей ученія предковъ, и во всякомъ случаѣ только тѣхъ, на которыхъ она смотрѣла, какъ на своихъ враговъ. Аталія же проливала кровь даже своихъ родныхъ, по крайней мѣрѣ родныхъ ея мужа и сына. Какъ только до нея дошла вѣсть о смерти ея сына, Ахазіи, на возвышенности Гуръ у Іивлеа-

[1]) Т. же X, 18 и др. Въ ст. 25 и др, многое не было понято. עיר בית הבעל не можетъ означать ни предмѣстья, ни кремля, ни внутренности города; нужно уже рѣшиться читать דביר самая задняя часть, святѣйшее мѣсто, adyton (такъ и у Клостерманна). Въ стих. 26 - 27 два раза написаны слова מצבות בית הבעל, одинъ разъ во множеств., другой разъ въ единств. числѣ. Это непонятно; тѣмъ болѣе непонятно, что מצבה или מצבות вѣроятно были каменными и не могли же, такимъ образомъ, быть сожженымъ! Къ нимъ исключительно подходитъ слово „разрушить“ ויתצו את מצבות הבעל. Самъ идолъ былъ навѣрное сдѣланъ изъ золота, т. е.

ма (стр. 59), она приказала умертвить всѣхъ, оставшихся еще въ Іерусалимѣ, членовъ Давидова дома и въ томъ числѣ, вѣроятно, и жену Ахазіи, *Цивію* изъ Вирсавіи. Долженъ былъ быть умерщвленъ и самый младшій царевичъ, *Іоашъ*, которому тогда не было еще и года, но онъ своевременно былъ спасенъ. Чего кровожадная дочь Изевели добивалась всѣми этими злодѣйствами? Хотѣла-ли она просто захватить престолъ и царить, не опасаясь законныхъ конкурентовъ? Или же въ качествѣ ярой идолопоклонницы, фанатически преданной культу Ваала, она хотѣла распространить его въ Іерусалимѣ и Іудеѣ, и собственно для того истребила всѣхъ потомковъ Давида, чтобы они не мѣшали ей довести до конца это нечестивое дѣло? Такъ или иначе, какими тайными мотивами эта дочь Ахава и Изевели ни руководилась, но она наполнила іудейскую страну такими ужасами, что изъ паническаго страха предъ нею никто не отваживался оказать ей какое-либо сопротивленіе. Народъ и священнослужители покорно склонили предъ нею главу. Самъ первосвященникъ, *Іояда*, состоявшій въ родствѣ съ царскимъ домомъ, хранилъ глубокое молчаніе. Въ то самое время, какъ Іегу въ десятиколѣнномъ царствѣ безпощадно уничтожалъ все, что имѣло какое-либо отношеніе къ культу Ваала, Аталія воздвигала его статую, колонны и алтари; она вызвала изъ Финикіи верховнаго жреца, *Матана*, и цѣлую ораву священнослужителей, водворивъ ихъ въ нижней части города (Мило) въ сосѣдствѣ со своимъ дворцомъ. Оставила ли она нетронутымъ и неоскверненнымъ храмъ на Моріи? Не столь послѣдовательная и дерзкая въ своемъ фанатизмѣ, какъ позднѣйшіе цари, она, повидимому, не отваживалась внести въ воздвигнутое Соломономъ святилище статую Ваала. Но богослуженіе въ немъ она нарушала. Наемные отряды Каріевъ (Кари) и царскіе тѣлохранители ставились ею у входа въ храмъ, чтобы не допускать къ нему народа. По субботамъ треть этой стражи являлась на смѣну [1]). Шесть лѣтъ (887—881) Аталія держала въ своихъ рукахъ какъ политическую, такъ и духовную власть, поддерживаемая, по всей вѣроятности, знатными іудейскими семьями. Лишь ближайшій къ царскому дому, первосвященникъ Іояда, твердо держался старой вѣры и всей душой преданъ былъ дому Давида. Онъ былъ женатъ на дочери іудейскаго царя, Іорама, и сестрѣ Ахазіи съ отцовской стороны, Іосаватъ (Iehoschabat[2]). Когда Аталія истребляла членовъ дома Давидова, Іосаватъ удалось спасти отъ кровавой бойни годовалаго сына своего брата и спрятать его съ кормилицей его

былъ позолоченъ (מסכה); срвн. Гошеа II, 10 וזהב עשו לבעל; хроники II XXVIII, 2 מסכות . . . . לבעלים. Ст. 26 нужно такимъ образ. читать ויצאו את מסכת בית הבעל וישרפוה; ср. Исх. XXXII, 20. Въ ст. 26 *объ изображеніи* говорится въ ед. чис., а въ слѣдующемъ объ *остроконечныхъ столбахъ* во множ. числѣ (Клостерманъ читаетъ ст. 26 מצבת въ единств. числѣ и считаетъ 27 ст. лишь за варіантъ 26 стиха).

[1]) Цари II. XI, 4 — 7.

[2]) Хроники II, XXII, 11.

въ спальной комнатѣ при храмѣ [1]). Здѣсь царевичъ долго скрывался и воспитывался сестрою отца, такъ какъ Аталія, повидимому, мало обращала вниманія на то, что дѣлалось внутри опустѣлаго храма, аарониды же и левиты, преданные своему первосвященнику, тайны его не выдавали. Они питали большую жалость къ послѣднему отпрыску Давидова дома, бывшему въ такомъ нѣжномъ возрастѣ. Іояда между тѣмъ не дремалъ; вступивъ въ тайныя сношенія съ начальниками наемныхъ отрядовъ и тѣлохранителей царицы, онъ мало по малу открылъ имъ секретъ, что въ Іерусалимѣ живъ еще малолѣтній царевичъ, которому по праву принадлежитъ іудейская корона. Іояда вскорѣ убѣдился, что всѣ они втайнѣ ненавидятъ похитительницу престола, Аталію, и всей душой преданы дому Давида. Вполнѣ убѣдившись въ этомъ, Іояда повелъ ихъ однажды въ храмъ и показалъ имъ семилѣтняго Іоаша. По чертамъ лица ребенка они тотчасъ признали въ немъ законнаго наслѣдника престола. Іояда тутъ же предложилъ имъ присягнуть царевичу, что тѣ не замедлили исполнить. Заручившись ихъ помощью, Іояда могъ приступить къ дѣлу. Такъ какъ они могли разсчитывать на слѣпое повиновеніе своихъ подчиненныхъ, то осуществленіе заговора могло быть организовано по заранѣе выработанному плану и въ назначенное время. Въ одну субботу треть отряда карійцевъ и тѣлохранителей заняла свои обычные посты, а остальныя двѣ трети оцѣпили входъ въ храмъ. Имъ былъ данъ приказъ безпощадно убивать всякаго, кто попытается безъ разрѣшенія ворваться во дворъ храма. Когда всѣ предосторожности были приняты, Іояда приказалъ пропустить во дворъ народъ [2]). Наступилъ торжественный моментъ. Первосвященникъ вывелъ Іоаша изъ внутреннихъ покоевъ храма во дворъ, возложилъ на него корону, помазалъ на царство и поставилъ его у столба, назначеннаго для царей. Заиграли трубы, тѣлохранители отдали честь, а народъ рукоплескалъ, восклицая: „Да здравствуетъ царь Іоашъ!“ [3]). Услышавъ необыкновенный шумъ со стороны храма, Аталія въ сопровожденіи нѣсколькихъ приближенныхъ поспѣшила на мѣсто. Тутъ она къ ужасу своему увидѣла ребенка съ короной на головѣ, окруженнаго почетной стражей изъ ея же тѣлохранителей, и восторженно настроенную толпу. Она поняла, что ей измѣнили, разодрала свои одежды и закричала: „Заговоръ, заговоръ!“ Начальники стражи тотчасъ схватили ее, закоулками потащили чрезъ восточный входъ конскій во дворецъ и тамъ убили. Такъ, подобно матери своей, позорно окончила дни свои послѣдняя женщина изъ дома Омри. Тѣсный союзъ съ Тиромъ не принесъ счастья обоимъ государствамъ. Мать и дочь, Изевель и Аталія, представляли какъ бы живое олицетвореніе богини Астарты, бо-

[1]) Т. же. [2]) Слѣдуетъ изъ кн. Ц. II., XI, 13—14.
[3]) Т. же 12 и слѣд.

гини зла, смерти и гибели[1]). Повидимому, дочь Ахава не имѣла въ Іерусалимѣ значительнаго числа приверженцевъ: никто не подумалъ вступиться за нее. Жрецы же Ваала не могли ей помочь, ибо вмѣстѣ съ нею и они пали жертвами народнаго гнѣва.

Іояда, который задумалъ и выполнилъ этотъ переворотъ, рѣшилъ принять мѣры къ тому, чтобы подобныя печальныя событія не могли болѣе повторяться въ Іерусалимѣ. Онъ воспользовался радостнымъ и приподнятымъ настроеніемъ молодого царя и народа, чтобы покончить съ культомъ Ваала и возстановить въ странѣ исконную израильскую вѣру. Тутъ же въ храмѣ онъ потребовалъ отъ царя и собравшагося народа торжественной клятвы въ томъ, что они впредь будутъ неизмѣнно вѣрны одному Іеговѣ и никакимъ идоламъ больше поклоняться не станутъ. Царь и народъ громко поклялись въ томъ, и первосвященникъ, выражаясь языкомъ преданія, „заключилъ завѣтъ между Господомъ, царемъ и народомъ[2]). Іояда, повидимому, постарался надолго сохранить въ памяти народа эту, впервые и въ торжественной формѣ данную имъ, клятву. Моисеево вѣроученіе и законодательство до того были знакомы лишь тѣсному кругу аронидовъ и левитовъ[3]), народъ же о томъ и другомъ имѣлъ лишь самое смутное представленіе; изъ полузабытыхъ преданій ему было извѣстно лишь, что Господь нѣкогда вывелъ его предковъ изъ Египта, явился имъ на горѣ Синаѣ, совершилъ для нихъ какія-то чудеса и ввелъ ихъ въ Ханаанъ. По преданію же израильтяне знали, что они—избранный народъ, но о томъ, какія обязанности это избранничество на нихъ возлагаетъ, они и совсѣмъ не имѣли представленія. Даже десять заповѣдей далеко не всѣмъ были знакомы; скрижали, на которыхъ онѣ начертаны, хранились въ ковчегѣ во внутреннемъ святилищѣ храма, какъ священная реликвія. Масса смотрѣла на ковчегъ, какъ на какой-то чудодѣй-

[1]) Plautus mercator Act IV. Sc. 5:

Diva Astarte, hominum deorumque vis, vita, salus rursus eadem
quae est
Pernicies, mors, interitus . . .

[2]) Цари II. 11. 17.

[3]) Что Пятикнижіе или даже четверокнижіе не было еще извѣстно не только въ эпоху Судей, но и при Давидѣ и Соломонѣ, настолько очевидно, что доказывать это совершенно излишне. О книгѣ законовъ Моисеевыхъ впервые упоминается лишь въ исторіи царя Амаціи. Какимъ путемъ это ученіе стало извѣстно народу? Въ одномъ псалмѣ (78, 5-6), относящемся къ послѣ-узіанскому періоду, мы находимъ на этотъ счетъ указаніе: ויקם עדות ביעקב ותורה שם בישראל אש. צוה את אבותינו להודיעם לבניהם. למען ידעו דור אחרון בנים יולדו יקמו ויספרו לבניהם. „Отсюда совершенно ясно, что обученіе было исключительно устное. Изъ благословенія Моисеева (Второзак. 33, 8—10) слѣдуетъ, что обученіе возникло у левитовъ.

ственный талисманъ; не было у ней яснаго понятія о томъ, что на этихъ скрижаляхъ начертано руководство къ жизни. Странно, что ученіе Моисея не извѣстно было самимъ носителямъ его; но это несомнѣнный фактъ. Арониды и левиты совсѣмъ не считали нужнымъ знакомить народъ съ его достославною письменностью. Какъ египетскіе и, можетъ быть, также греческіе жрецы признавали двоякую религію, одну внѣшнюю, ограничивавшуюся жертвоприношеніями и другими обрядами, для непосвященныхъ, и другую, представлявшую извѣстное вѣроученіе, для посвященныхъ, такъ и израильскіе священнослужители, повидимому, не считали нужнымъ посвящать весь народъ въ то ученіе, которое предназначалось именно для него, на томъ основаніи, что масса не доросла еще до пониманія этого ученія. Лишь первосвященникъ Іояда, повидимому, сталъ знакомить ее съ содержаніемъ священныхъ книгъ. Іояда прочиталъ изъ свитка Торы тѣ отдѣлы, которые казались подходящими къ тогдашнему положенію. Въ одномъ отдѣлѣ разсказывается о второмъ явленіи Бога Моисею на Синаѣ слѣдующее: когда народъ измѣнилъ Іеговѣ, только что заключившему съ нимъ союзъ, и сотворилъ себѣ въ пустынѣ золотого тельца, то Господь съ горы воззвалъ: Іегова—Богъ милосердный и милостивый, долготерпѣливый и любвеобильный, сохраняющій милость въ тысячи родовъ, но въ то же время и строгій Богъ, наказывающій за вину отцовъ потомковъ ихъ до третьяго и четвертаго поколѣній. Тогда Господь вновь заключилъ съ народомъ завѣтъ, обѣщавъ ознаменовать его такими чудесами, какихъ не было дотолѣ нигдѣ на землѣ и ни у одного изъ народовъ. Но при этомъ строго наказалъ народу: «не вступать въ союзъ съ туземцами Ханаана, ибо подобнымъ союзомъ онъ навлечетъ на себя великія несчастія; жертвенники ихъ разорить, столбы ихъ разрушить и священныя дерева ихъ срубить; не поклоняться Богу иному, ибо Іегова—Богъ ревнитель; не брататься съ сосѣдями-язычниками, ибо это приведетъ къ смѣшаннымъ бракамъ съ ними, и тогда жены-идолопоклонницы будутъ совращать своихъ мужей въ языческую вѣру [1]); вообще не сотворять себѣ литыхъ боговъ». Слушая этотъ отдѣлъ, народъ не могъ не признать всей его истинности: каждое слово въ немъ напоминало ему его тогдашнее положеніе. Вѣдь Омри и Ахавъ, а за ними іудейскіе цари вступили въ преступный союзъ съ финикіянами; Изевель и Аталія совратили мужей своихъ въ язычество и навлекли на нихъ несчастье.

Поученіе первосвященника не преминуло оказать свое дѣйствіе. Населеніе іерусалимское бросилось въ храмъ Ваала, построенный Аталіею,

[1]) Исходъ XXXIV, 16 и слѣд.

разрушило его жертвенники, разбило вдребезги всѣ идолы и уничтожило всѣ предметы, принадлежавшіе къ финикійскому культу [1]). Народъ самъ взялъ въ свои руки защиту національной вѣры. И только послѣ того, какъ завѣтъ съ Богомъ былъ снова возстановленъ юнымъ царемъ и народомъ, войско, скороходы и толпа повели Іоаша отъ Храмовой горы черезъ ворота скороходовъ во дворецъ и посадили его на престолъ его предковъ. Столица была радостно настроена, немногіе же приверженцы павшей царицы держались спокойно, не смѣя нарушить радостное настроеніе [2]).

Удивительно, что въ этихъ религіозно-политическихъ переворотахъ, одинъ за другимъ происшедшихъ въ Самаріи и Іерусалимѣ, пророкъ Элиша лично не принималъ участія. Чрезъ одного изъ своихъ учениковъ онъ, какъ мы видѣли, помазалъ Іегу на царство, поручивъ ему отомстить дому Омри за его беззаконія. Самъ пророкъ держался, однако, въ сторонѣ отъ вызванныхъ имъ событій и даже не былъ въ Самаріи при разрушеніи храма Ваала. Съ Іегу онъ, повидимому, не имѣлъ болѣе сношеній, можетъ быть, потому, что, покончивъ съ финикійскимъ культомъ, царь, не столько изъ религіозныхъ, сколько изъ политическихъ соображеній, оставилъ въ Бетелѣ и Данѣ культъ быка. Еще меньше этотъ главный ученикъ Иліи принималъ участіе въ паденіи Аталіи и язычества въ Іерусалимѣ. Элиша въ это время усердно занимался образованіемъ молодыхъ пророковъ, стремясь поддержать въ нихъ религіозное рвеніе, вызванное Иліей. Однако не всѣ признавали его вождемъ, подобнымъ Иліи. Элишѣ вмѣняли въ вину, что онъ не носитъ, подобно Иліи, длинныхъ волосъ и вообще не придерживается въ строгости образа жизни назиреевъ. Отроки изъ учениковъ пророковъ въ Бетелѣ кричали за нимъ: «Иди, плѣшивый, иди, плѣшивый!» [3]). Пророкъ все же очень много дѣлалъ для своихъ учениковъ. Если какой-нибудь богатый почитатель приносилъ ему дары, то онъ раздѣлялъ ихъ между ними [4]); когда тотъ или другой изъ молодыхъ пророковъ впадалъ въ долги, и заимодавецъ угрожалъ ему, что онъ отдастъ его дѣтей въ рабство, пророкъ доставалъ деньги и выручалъ должника [5]). Элиша и въ томъ не походилъ на своего учителя, что онъ всегда вращался среди людей и не провелъ всю свою жизнь въ уединеніи, какъ отшельникъ Илія. Правда въ началѣ своей дѣятельности, въ царствованіе омридовъ, и онъ жилъ на горѣ Кармелъ, но никогда не оставался здѣсь подолгу и въ сопровожденіи своего ученика, *Гехази,* часто предпринималъ отсюда по-

[1]) Цари II, XI, 18.
[2]) Слѣд. изъ словъ т. же 20 והעיר שקטה.
[3]) Т. же II, 2, 23.
[4]) Т. же IV, 42.
[5]) Тамъ же IV, 1 и слѣд.

ѣздки въ іорданскую область, гдѣ жили молодые пророки. Однажды, во время пребыванія его въ Сунемѣ, одна благочестивая женщина, въ домѣ которой пророкъ принималъ пищу, предложила ему у себя небольшую горницу съ постелью, столомъ, стуломъ и свѣтильникомъ, и Элиша принялъ это предложеніе[1]). Впослѣдствіи онъ поселился надолго въ Самаріи и сталъ извѣстенъ подъ именемъ «самарійскаго пророка»[2]). Вращаясь въ народѣ, онъ любезнымъ обращеніемъ со всѣми пріобрѣлъ вліяніе на нихъ. Знатные люди, часто приходили къ нему за совѣтомъ и поученіемъ[3]). Обычно пророка посѣщали по субботамъ и въ дни новолунія[4]). Только въ Іудеѣ и въ частности въ Іерусалимѣ Элиша никогда не показывался. Почему онъ избѣгалъ этой страны или по крайней мѣрѣ, почему изъ преданій не видно, чтобы онъ ее когда-либо посѣщалъ? Это кажется тѣмъ болѣе страннымъ, что съ первосвященникомъ Іоядой онъ вѣдь въ сущности былъ одного образа мыслей, и оба они преслѣдовали одну и ту же цѣль. Бурная пророческая дѣятельность Иліи и Элиши, повидимому, не нравилась въ Іерусалимѣ. Здѣсь царилъ твердый религіозный и нравственный законъ, хранители котораго, арониды и левиты, были исконными врагами экзальтированныхъ пророковъ, не придававшихъ большого значенія законамъ и традиціямъ. Іерусалимское духовенство не одобряло того, что Илія построилъ на Кармелѣ алтарь и приносилъ на немъ жертвы, такъ какъ это противорѣчило закону, по которому жертвы должны быть приносимы исключительно при храмѣ. Элиша не былъ бы желаннымъ гостемъ въ Іерусалимѣ. Свободные пророки, признававшіе только требованія даннаго момента, не могли мириться съ, привязанными къ своимъ неподвижнымъ законамъ и нормамъ, священнослужителями.

Въ Іерусалимѣ Іояда особенно обращалъ вниманіе на храмъ и законъ. Храмъ пострадалъ при Аталіи. Разрушена была не только внутренняя, изъ кедроваго дерева съ золотой рѣзьбой, отдѣлка храма, но и самыя стѣны, изъ которыхъ мѣстами выломаны были цѣлыя плиты. Іоашу въ началѣ его правленія былъ важенъ ремонтъ храма, и Іояда настаивалъ на этомъ; но средствъ на это не было, такъ какъ все, что храмъ успѣлъ скопить отъ приношеній при прежнихъ царяхъ, было забрано Аталіей и отдано жрецамъ Ваала. Іоашъ приказалъ поэтому священнослужителямъ ревностно собирать пожертвованія спеціально на исправленіе святилища. Регулярный налогъ въ пользу храма тогда еще не былъ введенъ, и особой надобности въ немъ не было, такъ какъ было достаточно добровольныхъ приношеній. Во время переписей каждый

[1]) Т. же IV, 8.
[2]) Т. же VI, 32.
[3]) Тамъ же V, 3.
[4]) Т. же IV, 23.

способный носить оружіе, отъ двадцати лѣтъ и выше, обычно жертвовалъ на храмъ маленькую монету (полшекеля), на предотвращеніе эпидеміи, которую перепись можетъ вызвать. Также дѣлались иногда приношенія храму за каждую душу по оцѣнкѣ въ случаѣ избавленія отъ опасности. По приказанію Іоаша, священнослужители должны были взыскать съ мірянъ обѣщанныя ими суммы. Каждый аронидъ долженъ былъ брать у знакомыхъ своихъ эти деньги на починку поврежденій храма. Однако, потому ли, что взысканныхъ денегъ было слишкомъ мало, или потому, что священнослужители ихъ употребили на свои нужды, храмъ долго оставался не исправленнымъ. Наконецъ царь поручилъ (864) первосвященнику Іоядѣ предоставить это дѣло народу. Во дворѣ храма былъ поставленъ ящикъ съ отверстіемъ, въ которое каждый посѣтитель, либо самъ, либо чрезъ священнослужителя, опускалъ свою лепту. Чтобы вызвать обильный притокъ пожертвованій, священнослужители въ праздничный день читали, вѣроятно, молящимся отрывокъ изъ свитка Торы, гдѣ разсказывается, что израильтяне носили золото, серебро, мѣдь и пр. на устройство и украшеніе святилища въ такомъ изобиліи, что Моисей долженъ былъ просить жертвователей не обременять его новыми приношеніями[1]). Чтеніе этого отрывка, повидимому, возымѣло свое дѣйствіе, и пожертвованія стали стекаться въ храмъ въ количествѣ вполнѣ достаточномъ для покупки необходимыхъ строительныхъ матеріаловъ и на уплату каменьщикамъ и плотникамъ [2]). Первосвященникъ Іояда при этомъ, по всей вѣроятности, возстановилъ правила о правахъ и обязанностяхъ священнослужителей, объ ихъ облаченіяхъ, о жертвоприношеніяхъ, о платѣ, которую за нихъ арониды могли взимать въ свою пользу. И при этомъ ссылался на постановленія Моисея и читалъ изъ Торы соотвѣтственные отрывки. Іояда въ особенности много сдѣлалъ для поднятія престижа первосвященниковъ, до тѣхъ поръ даже при самыхъ благочестивыхъ царяхъ занимавшихъ второстепенное, зависимое положеніе. Не первосвященникъ ли своимъ рвеніемъ и мудростью спасъ отъ гибели царство? И развѣ послѣдній отпрыскъ дома Давидова не погибъ бы, если бы Іояда не свергнулъ съ престола кровожадную Аталію? Іояда имѣлъ такимъ образомъ полное право требовать, чтобы первосвященнику былъ предоставленъ голосъ въ рѣшеніи государственныхъ дѣлъ [3]). Іояда пользовался

[1]) Исх. XXV, 1 и слѣд. XXXV, 4 и слѣд. XXXVI, 4—7.

[2]) Цари II. XII, 11 и слѣд. Вмѣсто ויצרו слѣдуетъ читать, по Хрон. II, XXIV, 11, ויערו (=וינערו) „опоражнивали“ (подразумѣвается ящикъ).

[3]) Расинъ (Athalie, Acte I, Sc. 2) въ поэтической формѣ выразилъ именно эту мысль, вложивъ въ уста своего героя, Іоады, слѣдующія слова:

„Il faut que sur le trône un roi soit èlevè,
„Qui se souvienne un jour qu'au rang de ses ancètres,

своимъ авторитетомъ при дворѣ для упроченія закона въ странѣ и предотвращенія новыхъ несчастій отъ новыхъ отпаденій въ язычество. Столкновенія на этой почвѣ были, однако, неизбѣжны, ибо въ то время, какъ первосвященникъ опирался на твердый законъ, царемъ руководило измѣнчивое настроеніе. При жизни Іояды, которому Іоашъ рѣшительно всѣмъ былъ обязанъ, между царемъ и первосвященникомъ конфликтовъ не возникало; изъ благодарности и уваженія къ послѣднему Іоашъ ему во всемъ подчинялся; когда онъ скончался, царь оказалъ ему особую честь, приказавъ похоронить его въ царской усыпальницѣ въ городѣ Давидовомъ[1]). Между его сыномъ и преемникомъ, *Захаріей*, и царемъ возгорѣлся конфликтъ, который стоилъ первому жизни. Подробности этого столкновенія не извѣстны; разсказываютъ лишь, что нѣкоторые іудейскіе князья, по приказу царя, побили Захарію во дворѣ храма камнями и что молодой первосвященникъ, умирая, воскликнулъ: «Господь да увидитъ и взыщетъ![2])»

Съ истребленіемъ всѣхъ членовъ дома Омри, столько смутъ вызывавшаго въ Самаріи и Іерусалимѣ, въ обоихъ царствахъ наступило успокоеніе. Положеніе было сносное; только въ Іудеѣ по прежнему продолжали существовать частные жертвенники на высотахъ, а въ десятиколѣнномъ царствѣ продолжали поклоняться Іеговѣ въ образѣ быка; но культъ Ваала былъ окончательно упраздненъ въ обоихъ царствахъ. Гораздо хуже обстояли внѣшнія дѣла обоихъ царствъ. Отважный Іегу, сумѣвшій истребить омридовъ въ Іезреелѣ и Самаріи, не обнаруживалъ такого умѣнія въ борьбѣ съ сильнымъ внѣшнимъ врагомъ. Въ Дамаскѣ произошелъ дворцовый переворотъ. Царь Бенъ-Ададъ, воевавшій съ омридами, былъ, какъ уже сказано, задушенъ своимъ подданнымъ, Хазаиломъ, который и занялъ его престолъ. Онъ былъ воинственъ, предпріимчивъ и стремился сдѣлать изъ своей страны обширное и могущественное государство. Ближе всѣхъ къ Араму лежало десятиколѣнное царство, которому предшественникъ Хазаила сдѣлалъ нѣкоторыя уступки (см. выше стр. 57). Несмотря на существовавшій союзъ, Хазаилъ наводнилъ десятиколѣнное царство своими полчищами и, захвативъ нѣсколько укрѣпленныхъ городовъ, предалъ

„Dieu l'a fait remonter par la main de ses prêtres,
„L'a tirè par leurs mains de l'oubli du tombeau,
„Et de David èteint rallumé le flambeau".

[1]) Хроники II. XXIV, 16.

[2]) Chronik т. же, 20 и сл. Фактъ, повидимому, историческій, мотивировка же, будто Захарія, порицая короля и князей за отпаденіе въ язычество, былъ за это убитъ, трудно допустима, ибо въ книгѣ Цар. XII, 3 приводится и т. же XIV, 3 утверждается, что Іоашъ въ продолженіе всей своей жизни не поклонялся идоламъ. Варіантъ въ септуагинтѣ כל ימי אשר הורהו יהוידע вм. כל ימיו не вѣренъ.

ихъ огню и мечу, не щадя ни дѣтей, ни беременныхъ женщинъ. Хазаилъ захватилъ также много городовъ за Іорданомъ, вступивъ, повидимому, для этого въ союзъ съ царемъ Мешой, котораго Іегорамъ, царь израильскій, очень тѣснилъ. Отложившись отъ израильскаго царя, Меша изгналъ изъ моавитскихъ городовъ израильтянъ и возстановилъ разрушенные города. Въ память этого освобожденія Меша приказалъ соорудить монументъ изъ чернаго камня и начертать на немъ исторію освобожденія. Памятникъ этотъ, просуществовавъ свыше двухъ тысячъ семисотъ лѣтъ, сохранился до недавняго времени, когда онъ былъ найденъ и разрушенъ. Вся страна, простиравшаяся отъ горъ Башана до р. Арнонъ и составлявшая владѣнія колѣнъ Манасіи, Гада и Рувима, была оторвана отъ десятиколѣннаго царства, жители ея обращены въ рабство, а многіе изъ нихъ были ужаснымъ образомъ умерщвлены желѣзными молотилками [1]). Іегу не отваживался выступить противъ Хазаила, можетъ быть потому, что онъ опасался нападенія съ тыла, со стороны финикійскаго царя, относившагося къ нему весьма враждебно за истребленіе его родныхъ и союзниковъ. Положеніе стало еще хуже при сынѣ Іегу, *Іоахазѣ* (около 859—845). Хазаилъ, а за нимъ и сынъ его, *Бенъ-Ададъ III*, такъ сильно тѣснили десятиколѣнное царство и до того его ослабили, что у Іоахаза осталось всего 10.000 человѣкъ пѣхоты, 50 всадниковъ и 10 боевыхъ колесницъ [2]). Арамейскія полчища часто вторгались въ предѣлы израильскаго царства, при чемъ не только грабили жителей, но и уводили ихъ въ плѣнъ, продавая ихъ затѣмъ въ рабство [3]). Повидимому, Іоахазъ долженъ былъ заключить съ Хазаиломъ миръ на крайне унизительныхъ для него условіяхъ, разрѣшивъ его войскамъ свободный проходъ чрезъ израильское царство. Послѣ этого Хазаилъ пошелъ войной на филистимлянъ, осадилъ ихъ столицу, Гатъ, и взялъ ее. Отсюда онъ пошелъ на Іерусалимъ. Іоашъ не пытался оказать сопротивленіе и купилъ миръ за деньги [4]). Возмущенные его трусостью или вообще имъ недовольные, іудейскіе князья составили противъ него заговоръ, и два изъ нихъ, *Іозахаръ* и *Іозавадъ*, убили его въ чужомъ домѣ, въ которомъ онъ гостилъ (около 843 [5]). Только израильскому царю, *Іегоашу* (около 845—830), мало-по-малу удалось сломить могущество арамейцевъ, вѣроятно, не безъ содѣйствія хитейцевъ на Евфратѣ и египтянъ, также враждебно относившихся къ политическому росту Дамаска [6])

[1]) Цари II, VIII, 12; X, 32-33; ср. Амосъ I, 3-4.
[2]) Т. же XIII, 3—7, 22.
[3]) Т. же V, 2; VI, 8—9, 23.
[4]) Т. же XII, 18 и слѣд.
[5]) Т. же XII, 21 и дд.
[6]) Слѣд. изъ VII, VI т. же.

Чтобы совершенно обезсилить десятиколѣнное царство, если не совсѣмъ его уничтожить, Бенъ-Ададъ III осадилъ столицу Самарію. Тамъ наступилъ такой голодъ, что ослиная голова продавалась по восьмидесяти, а мѣра навоза по пяти шекелей[1]). Изъ военныхъ коней остались только немногіе, и тѣ были столь истощены, что отказывались служить [2]). Двѣ женщины условились зарѣзать и съѣсть въ одинъ день сына одной, въ другой сына другой[3]). Но арамейцы внезапно сняли осаду и обратились въ бѣгство, оставивъ на мѣстѣ свои шатры, коней, ословъ, драгоцѣнности и провіантъ. Полуголодные прокаженные, ютившіеся за городомъ, первые замѣтили это бѣгство и, наѣвшись до отвала изъ оставленныхъ припасовъ, сообщили объ уходѣ арамейцевъ городской стражѣ. Царь, получивъ эту радостную вѣсть, сперва не повѣрилъ, но разосланные имъ во всѣ стороны развѣдчики вернулись съ извѣстіемъ, что непріятель дѣйствительно бѣжалъ за Іорданъ, усѣявъ весь путь отъ Самаріи до рѣки брошенными на бѣгу одеждой и оружіемъ[4]). Это неожиданное избавленіе отъ чрезвычайной опасности въ такой мѣрѣ воодушевило Іегоаша, что онъ рѣшился самъ напасть на арамейцевъ. Въ трехъ сраженіяхъ въ Іезреельской долинѣ при *Афекѣ* онъ разбилъ Бенъ-Адада на голову. Послѣдній принужденъ былъ просить мира и возвратить израильтянамъ всѣ города, отобранные у нихъ какъ имъ самимъ, такъ и отцомъ его, Хазаиломъ[5]).

Ослабленіе арамейскаго царства принесло пользу и Іудеѣ при ея царѣ *Амаціи* (около 843—816). Поддерживая моавитовъ, амонитянъ и

[1]) Т. же VI, 24-25.

[2]) Т. же VII, 13.

[3]) Т, же VI, 28 и сл.

[4]) Сообщеніе т. же VI, 24 до VII, 20 можетъ относиться только къ Іоашу израильскому, а подъ упоминаемымъ тамъ Бенъ-Ададомъ можно подразумѣвать единственно сына Хазаила. Ибо тутъ указывается, что Элиша проживалъ въ Самаріи (VI, 32 и слѣд.)· Царь рисуется набожнымъ (VI, 30). Въ ст. 33 מה אוחיל לה' עוד выражается преданность Богу; это произноситъ самъ царь. Вмѣсто המלאך нужно читать המלך, какъ уже замѣчено другими. Наконецъ, Элиша былъ въ дружественныхъ отношеніяхъ съ царемъ, что можно заключить уже изъ одного того, что т. же 13, 14 и сл. Іоашъ называетъ пророка: „Отецъ мой, отецъ мой, колесница Израилева и всадники его!“ Другого царя нельзя разумѣть въ данномъ случаѣ и меньше всего Іегорама израильскаго, котораго Элиша не хотѣлъ видѣть (III, 14). Также невозможно понимать подъ этимъ Іегоахаза, ибо онъ не могъ быть названъ בן המרצח (VI, 32), сыномъ разбойника, такъ какъ Іегу по порученію одного молодого пророка приказалъ уничтожить омридовъ. Вообще всѣ сообщенія, гдѣ просто говорится о царѣ (המלך) по отношенію къ Элишѣ, относятся къ Іегоашу, какъ то: V, 5 и сл.; VI, 9 и сл.; VIII, 4 и сл. Всѣ эти повѣствованія исходятъ отъ молодыхъ пророковъ; такъ какъ для послѣднихъ само собой разумѣлось, что царь, который прислушивался къ совѣтамъ Элиши и почиталъ его, былъ не кто иной, какъ Іегоашъ, то они не считали нужнымъ называть его имя.

[5]) Т. же XIII, 14—25.

идумейцевъ, враждебнымъ Израилю и Іудеѣ, арамейскіе цари тѣмъ самымъ дѣлали невозможнымъ нападеніе на нихъ. Пораженіе Бенъ-Адада развязало Амаціи руки и дало ему возможность вновь пріобрѣсть принадлежавшія нѣкогда дому Давида владѣнія. Идумея лѣтъ за пятьдесятъ до вступленія на престолъ Амаціи отложилась отъ Іудеи, съ которой она до того состояла въ вассальныхъ отношеніяхъ. Одинъ изъ идумейскихъ царей построилъ новую столицу на скалистой горѣ, *Сеиръ,* подымающейся на 4000 футовъ надъ уровнемъ моря. Въ этой «столицѣ на скалахъ» *(Села* или *Петра,* приблизительно въ 15 миляхъ пути къ югу отъ Мертваго моря) идумейцы считали себя въ полной безопасности. Гордо говорила Идумея: «кто низринетъ меня на землю?» [1]) Амація смѣло пошелъ войной на нихъ. Они выслали ему на встрѣчу многочисленное (10.000 человѣкъ) войско; произошло сраженіе въ Соляной долинѣ недалеко отъ Мертваго моря; Амація нанесъ ему рѣшительное пораженіе; остатки обратились въ бѣгство и очистили іудеямъ путь къ скалистой столицѣ. Взявъ послѣднюю, Амація неизвѣстно для чего назвалъ ее, по имени одного іудейскаго города, *Іоктеелемъ* [2]). Такъ какъ Идумея была богата стадами и металлами, то отъ этого похода по всей вѣроятности досталась богатая добыча. Эта побѣда вскружила голову Амаціи и довела его самого, а съ нимъ и всю Іудею до несчастія.

При Іегу и его преемникахъ десятиколѣнное царство поддерживало мирныя отношенія съ Іудеей, хотя настоящаго союза, въ родѣ того, какой существовалъ между Омридами, съ одной, и Іосафатомъ и его преемниками, съ другой стороны, у нихъ не было. У Амаціи и Іегоаша было только одно общее: оба они преслѣдовали поклонниковъ Ваала, опасаясь ихъ сношеній съ сосѣдними языческими государствами; оба были ревностными поборниками родной вѣры, съ той лишь разницей, что одинъ слѣдовалъ внушеніямъ пророковъ, другой же руководился закономъ Моисея. Въ особую заслугу Амаціи слѣдуетъ вмѣнить то, что, казнивъ убійцъ своего отца, онъ, вопреки древнему варварскому обычаю, не мстилъ ихъ сыновьямъ [3]). Первосвященникъ или другой представитель закона, по всей вѣроятности, напомнилъ царю, что Моисеевъ законъ запрещаетъ наказывать смертью дѣтей за преступленія ихъ отцовъ и отцовъ за вину ихъ дѣтей [4]). Израильскій царь, Іегоашъ, глубоко уважалъ Элишу и во всѣхъ важныхъ случаяхъ обращался къ нему за совѣтомъ. Когда пророкъ послѣ полувѣ-

[1]) Овадія I, 3.

[2]) Цари т. же, XIV, 6. Кажется, что это названіе города упоминается въ кн. Овадіи I, 9: מהר עֵשָׂו מִקָּטֶל; можетъ быть, слѣдуетъ читать: מִיקְטאל=מיקתאל.

[3]) Цари II, XIV, 5.

[4]) Т. же, 6.

ковой дѣятельности (900—840) лежалъ на смертномъ одрѣ, царь пришелъ къ нему и плакалъ по поводу близкаго его конца, называя его при этомъ «отцомъ и благодѣтелемъ Израиля»[1]). По смерти Элиши онъ просилъ его вѣрнаго слугу, *Гехази*, разсказать ему про всѣ подвиги пророка и приказалъ возвратить сунемитянкѣ, которой Элиша покровительствовалъ, ея домъ и поле, которыми завладѣлъ чужой во время ея отсутствія, и уплатить ей доходы съ поля за все время ея отсутствія [2]). Большое обаяніе Элиши могло заставлять царя подчиняться ему. Одинъ знатный идолопоклонникъ, второе послѣ царя лицо въ арамейскомъ царствѣ, арамейскій полководецъ, *Нааманъ*, добровольно отказался отъ культа Ваала и Астарты и перешелъ въ израильскую вѣру, такъ какъ дѣятельность Элиши убѣдила его, что «на всей землѣ нѣтъ Бога, а только у Израиля». Этотъ обращенный язычникъ повезъ съ собою въ Дамаскъ израильской земли, чтобы соорудить себѣ тамъ на святой землѣ домашній жертвенникъ [3]). Необыкновенный успѣхъ, какимъ пользовались въ странѣ Илія и Элиша, явился такой неожиданностью, что на ихъ дѣянія смотрѣли, какъ на настоящія чудеса и только чудомъ ихъ и объясняли. Въ самомъ дѣлѣ, какая изумительная перемѣна! Ахавъ преслѣдовалъ пророковъ Іеговы, а Іегоашъ сдѣлалъ одного изъ нихъ своимъ первымъ совѣтникомъ. Ученики Элиши въ Бетелѣ, Іерихонѣ и Гилгалѣ или ученики его учениковъ, желая сохранить въ памяти потомства подвиги своего учителя, въ своемъ удивленіи предъ ними возвели ихъ въ чудеса. Они увѣряли: пророкъ не только въ точности предсказывалъ будущее; онъ превратилъ посредствомъ соли дурную воду въ хорошую; онъ обезвредилъ ядовитые плоды; по его слову упавшій въ Іорданъ топоръ всплылъ однажды на поверхность воды, и насмѣхавшіеся надъ нимъ отроки растерзаны были вышедшими изъ лѣса медвѣдями; двадцатью хлѣбцами Элиша накормилъ сто человѣкъ; по его слову количество елея увеличилось и Нааманъ излечился отъ проказы купаніями въ Іорданѣ; подобно Иліи, Элиша воскресилъ мертваго ребенка; Элиша совершилъ чудо даже послѣ своей смерти: отъ одного прикосновенія къ гробу его трупъ нѣкоего человѣка «ожилъ и всталъ на ноги» [4]). Вѣра въ чудеса существовала, разумѣется, у израильтянъ задолго до появленія въ ихъ средѣ какихъ-либо пророковъ, но ученики Иліи и Элиши усилили въ народѣ

[1]) Цари II, XIII, 14. Продолжительность пророческой дѣятельности Элиши удалось приблизительно опредѣлить; она началась послѣ смерти Иліи, во время Іегорама израильскаго, и продолжалась до времени Іегоаша, но, повидимому, не до послѣднихъ лѣтъ этого царя, ибо иначе выходило бы, что Элиша жилъ свыше ста лѣтъ.

[2]) Т. же VIII, 4 и слѣд.

[3]) Т. же V, 1 и слѣд.

[4]) Т. же. II, 19—25; IV, 2 и дд.; V, 10 и дд.; VI, 1 и дд.; XIII, 21 и дд.

эту вѣру и привили ему совершенно превратныя представленія тѣмъ, что приписали своимъ учителямъ сверхчеловѣческую, волшебную силу. Какимъ простымъ кажется рядомъ съ ними величайшій изъ пророковъ, Моисей! Тѣ чудеса, которыя о немъ разсказываются, всѣ имѣли высшую цѣль и ограничены случаями крайней необходимости. Авторы же разсказовъ объ Иліи и Элишѣ заставляютъ своихъ героевъ продѣлывать чудеса, какъ самую заурядную вещь, для самой пустой цѣли, а то и безъ всякой нужды. Молодые пророки изъ школы Элиши въ этомъ отношеніи не въ мѣру поусердствовали. Не довольствуясь устной передачей своихъ легендъ, они ихъ увѣковѣчили на бумагѣ и тѣмъ придали имъ еще большую цѣну. Они не только исказили историческія физіономіи своихъ учителей, сдѣлавъ ихъ какими-то чародѣями; они ту же самую манипуляцію продѣлали и съ такими легендарными героями, о которыхъ въ ихъ время могли сохраниться лишь самыя смутныя воспоминанія. Такъ, отважнаго и крѣпкаго героя-судью, Самсона, который не стѣснялся брать себѣ въ жены или наложницы дѣвушекъ филистимлянъ, молодые пророки произвели въ назиреи, объясняя его удивительные подвиги его назирействомъ: назирей, не стригущій волосъ и не пьющій вина, можетъ творить чудеса[1]). Таковъ былъ образъ мыслей этого кружка.

Въ обоихъ царствахъ такимъ образомъ замѣчалось одно и то же стремленіе къ окончательному освобожденію отъ чужеземныхъ вліяній и сохраненію своей національной самобытности. Но къ этой общей цѣли каждое изъ нихъ шло своимъ путемъ. Въ то время, какъ въ десятиколѣнномъ царствѣ назирейство было возведено въ идеалъ, оно въ Іудеѣ не пользовалось особымъ почетомъ, а пожизненное воздержаніе вовсе не находило въ ней сторонниковъ. По закону, каждый, дававшій обѣтъ не стричь волосъ и не пить вина, обязанъ былъ исполнять этотъ обѣтъ, какъ всякій другой, но лишь въ теченіе опредѣленнаго времени; по принесеніи предписанной на такіе случаи жертвы, дававшій обѣтъ освобождался отъ него и могъ затѣмъ пить вино [1]). Представители свѣтской власти въ обо-

[1]) Въ повѣствованіи о Самсонѣ нельзя не замѣтить двухъ составныхъ частей, изъ которыхъ одна историческая, другая легендарная. Послѣдняя узнается по тому, что составляетъ дополненіе (Судьи 16); послѣ того, какъ уже приводилось заключеніе (XV, 20), говорится снова о продолжительности дѣятельности Самсона (XVI, 31). Къ легендарному относится также и введеніе (XIII, 2 и сл.), гдѣ Самсонъ рисуется назиреемъ, головы котораго никогда не касалась бритва (ст. 5). Чтобы сгладить противорѣчіе между этимъ сообщеніемъ и сообщеніемъ о томъ, что онъ осквернилъ себя дочерьми язычниковъ, приписывается матери Самсона воздержаніе отъ вина и нечистыхъ яствъ. Внѣ всякаго сомнѣнія, что вторая часть исходитъ изъ круга пожизненныхъ назиреевъ, т. е. изъ школы Иліи и Элиши.

[1]) Кн. чиселъ VI, 2 и слѣд.

ихъ царствахъ также плохо ладили другъ съ другомъ. Амація, возвратившись изъ Идумеи побѣдителемъ, возымѣлъ смѣлую мысль; съ своимъ побѣдоноснымъ ополченіемъ онъ вздумалъ пойти войной на десятиколѣнное царство и завоевать его. Повидимому, онъ просилъ у Іегоаша руки его дочери для своего сына, заранѣе рѣшивъ, въ случаѣ полученія отказа, пойти на него войной. Іегоашъ отвѣтилъ на его предложеніе слѣдующимъ насмѣшливымъ посланіемъ: «Тернъ, который на Ливанѣ, послалъ къ кедру, который на Ливанѣ же, сказать: «отдай дочь свою сыну моему въ жены»; но кедръ спустилъ на него лѣсныхъ звѣрей, и тѣ его растоптали; ты побилъ идумеевъ, и возгордилось сердце твое; береги свою честь и оставайся дома; не накликай на себя бѣды; падешь ты и Іуда падетъ съ тобою». Амація, однако, не отказался отъ своего намѣренія, и отправилъ свое войско къ израильской границѣ. Іегоашъ, побѣдитель арамейцевъ, принялъ вызовъ. У Бетъ - Шемеша, на границѣ, произошло сраженіе, которое окончилось полнымъ пораженіемъ іудеевъ и бѣгствомъ ихъ. Самъ Амація попалъ въ плѣнъ. Намъ представляется Іегоашъ очень великодушнымъ, если не пожелалъ воспользоваться своей блестящей побѣдой въ полной мѣрѣ. Онъ имѣлъ возможность низложить плѣннаго Амацію, объявить династію Давида прекратившейся и присоединить затѣмъ Іудею къ своему царству. Но онъ этого не сдѣлалъ и удовольствовался тѣмъ, что снесъ сѣверныя стѣны Іерусалима отъ воротъ Ефремовыхъ до зубчатыхъ воротъ на четыреста локтей и въ видѣ контрибуціи забралъ все золото и серебро, какое нашлось въ храмѣ и во дворцѣ. Впервые со дня своего существованія Іерусалимъ, которому суждено было подвергаться многократнымъ разрушеніямъ, былъ взятъ и отчасти разрушенъ израильскимъ царемъ. Плѣнному царю Іегоашъ возвратилъ свободу, но въ видѣ обезпеченія взялъ у него заложниковъ [1]). Умѣренность, которую Іегоашъ въ данномъ случаѣ проявилъ, по всей вѣроятности, была ему внушена либо самимъ Элишей, либо его учениками [2]). Послѣ смерти Іегоаша (около 830) Амація царствовалъ еще около пятнадцати лѣтъ (830—816), но судьба ему не благопріятствовала.

Десятиколѣнное царство при правнукѣ Іегу достигло такого могущества, которое напоминало о временахъ Давида. Третій іегуидъ, *Іеровеамъ II*, былъ гораздо болѣе искуснымъ воиномъ, чѣмъ всѣ его предшественники со времени раздѣленія царства. Къ тому же и счастье ему никогда не измѣнило. Онъ жилъ очень долго, царствовалъ больше шестидесяти лѣтъ (около 880—769 [3]), и въ теченіе такого долгаго времени

[1]) Цари II XIV, 8—14.
[2]) Хрон. II, XXVIII, 9 и слѣд.
[3]) См. т. I, стр 335 и 340.

могъ вести много войнъ и одержать не мало побѣдъ. Повидимому, прежде всего онъ обратился противъ арамейцевъ, самыхъ ярыхъ враговъ десятиколѣннаго царства, со времени Ахава безпокоившаго и тѣснившаго его. Подробности этихъ войнъ источники не сохранили, и только по результатамъ ихъ можно судить объ ихъ обширности. Границы израильскаго царства снова простирались отъ дороги, ведущей въ Хаматъ, до юго-восточной рѣки, вливающейся въ Мертвое море[1]). Одинъ пророкъ того времени, *Іона*, сынъ Амитая, изъ зевулонитскаго города, *Гатъ-Хефера*, воодушевилъ царя на войну съ арамейцами[2]). Іеровеамъ, повидимому, завоевалъ также и вновь присоединилъ къ десятиколѣнному царству и страну Моавъ.

Амація, наоборотъ, былъ совершенно обезсиленъ пораженіемъ, нанесеннымъ ему Іегоашемъ. Такъ какъ Іерусалимъ лишился своихъ укрѣпленій, то царь не имѣлъ возможности предпринять какую-либо войну и радъ былъ уже тому, что на него не нападали. Возстановить іерусалимскія стѣны онъ не имѣлъ права, и порукой въ томъ служили заложники, уведенные Іегоашемъ въ Самарію. Повидимому, народъ не любилъ Амаціи, а князья іудейскіе были имъ крайне недовольны. Онъ своей заносчивостью нанесъ огромный вредъ Іудеѣ и своимъ легкомысліемъ подвергъ Іерусалимъ опасности быть захваченнымъ первымъ встрѣчнымъ непріятелемъ. Знатныя іерусалимскія семьи, къ которымъ, повидимому, принадлежали уведенные Іегоашемъ заложники, имѣли еще сверхъ того личныя причины быть недовольными Амаціей. Недовольство это въ скоромъ времени привело къ заговору. Повидимому, между царемъ и іудейскими князьями возгорѣлась смертная борьба. Но, такъ какъ столичное населеніе было не на сторонѣ царя, то ему пришлось искать спасенія въ бѣгствѣ. Заговорщики погнались за нимъ, настигли его въ *Лахишѣ* (около 15 часовъ пути къ югу-востоку отъ Іерусалима), лежавшемъ на холмѣ, гдѣ онъ скрывался, и тамъ его убили[3]). То былъ уже третій царь изъ дома Давида, погибшій отъ меча, и второй, ставшій жертвой заговора.

Послѣ смерти Амаціи для Іерусалима и всей Іудеи настали очень тяжелыя времена. Князья Іуды, свергнувшіе и убившіе царя, повидимому, не хотѣли разстаться съ браздами правленія, попавшими въ ихъ руки. Единственному сыну, оставленному Амаціей, *Азаріи* (сокращенно *Узія*), было тогда не больше четырехъ или пяти лѣтъ, а страна была со всѣхъ сторонъ окружена врагами. Этой слабостью и беззащитностью Іудеи прежде всего воспользовались идумейцы, незадолго до того разбитые и усми-

[1]) Цари II, XIV, 25.

[2]) Т. же

[3]) Т. же XIV, 19.

ренные Амаціей. Они предприняли походъ противъ Іудеи, причемъ Египетъ помогалъ имъ, какъ во время Рехавеама (см. стр. 27). Грабя и убивая все на своемъ пути, они проникли до незащищеннаго Іерусалима и увели изъ него многихъ въ плѣнъ. Подобности этого набѣга идумейцевъ до насъ не дошли. Повидимому, нѣкоторыя области были оторваны отъ Іудеи и присоединены частью къ Идумеѣ, частью къ Египту. Дикіе идумейцы, захватившіе въ плѣнъ множество іудейскихъ мальчиковъ и дѣвушекъ, обмѣнивали ихъ на вино и блудницъ. Сосѣдніе народы вообще смотрѣли съ радостью на это ослабленіе Іудеи, если не сами принимали въ немъ болѣе или менѣе дѣятельное участіе. Десятиколѣнное же царство, гдѣ въ это время царствовалъ Іеровеамъ II, помнило только вражду, которую къ нему питала Іудея, а не кровное родство свое съ нею, и меньше всего думало о томъ, что его долгъ—придти на помощь своимъ братьямъ въ несчастіи. Но особенную жестокость по отношенію къ іудеямъ проявили филистимляне. Всѣхъ бѣглецовъ, скрывавшихся въ ихъ городахъ отъ преслѣдованій идумейцевъ, они выдавали послѣднимъ, плѣнныхъ же мальчиковъ и дѣвушекъ, вымѣненныхъ ими у идумейскихъ воиновъ за вино и блудницъ, они перепродавали *іонійцамъ,* которые въ то время конкурировали съ финикіянами въ торговлѣ невольниками. Не лучше относились тогда къ Іудеѣ и финикіяне, позабывъ о томъ, что они долгое время состояли въ дружественныхъ и союзныхъ отношеніяхъ съ домомъ Давида. Въ это время (около 815—805) іудейское царство и домъ Давида уподоблялись «развалившейся хижинѣ». Впервые въ это время произошло разсѣяніе по далекимъ странамъ іудеевъ, проданныхъ въ рабство іонійцамъ. Эти іудейскіе рабы, можетъ быть, первые ознакомили Западъ съ высокимъ міровоззрѣніемъ и чистой моралью своего народа [1]). Среди нихъ были также благородные юноши и прекрасныя дѣвицы Іерусалима[2]), воспитанные въ возвышенныхъ идеяхъ, которыя они на чужбинѣ научились болѣе цѣнить, чѣмъ у себя на родинѣ.

---

[1]) Моверсъ, Финикіяне VII, 3, стр. 7.
[2]) Амосъ VIII, 13.

ГЛАВА III.

Послѣдніе іегуиды и время Узіи.

Бѣдственное положеніе Іудеи, стихійныя несчастія: землетрясеніе, засуха и нашествіе саранчи. Царствованіе Узіи. Покореніе сосѣднихъ племенъ. Укрѣпленіе Іерусалима. Новое судоходство по Красному морю. Могущество Іеровеама II. Богатство обоихъ царствъ. Паденіе нравовъ въ десятиколѣнномъ царствѣ. Молодые пророки. Пророкъ Амосъ; краснорѣчіе пророковъ. Іоиль, его краснорѣчіе, его предсказанія. Гошеа, сынъ Беери. Пророчество о вѣчномъ мирѣ. Псаломъ, относящійся къ этому времени. Заговоръ противъ послѣдняго іегуида, Захаріи, убійство его Шалумомъ и Шалума Менахемомъ, гражданская война. Послѣдніе годы царствованія Узіи. Распри между нимъ и первосвященникомъ. Царь въ роли священнослужителя. Узія заболѣваетъ проказой и удаляется отъ двора.

(Около 805—758).

Послѣ насильственной смерти Амаціи безурядица внутри и набѣги извнѣ до того ослабили іудейское царство или домъ Іакова, что сосѣдніе народы смотрѣли на него съ презрѣніемъ. Одинъ современный пророкъ назвалъ тогда Іудею «падшею скиніею Давидовой» и часто вопрошалъ: «Кто же возродитъ домъ Іакова, такъ низко павшій?» И изъ этого ничтожества онъ не только вновь возродился, но и достигъ такого могущества, что сосѣдніе народы стали его сильно побаиваться. Для того, чтобы добиться этого, прежде всего надо было покончить съ неурядицей въ самой странѣ. Весь народъ іудейскій возсталъ противъ знатныхъ семей, дважды совершившихъ цареубійство, чѣмъ навлекли на страну всѣ ужасы междуцарствія, и провозгласилъ царемъ молодого *Азарію* или *Узію*. Шестнадцатилѣтній сынъ Амаціи, почти такъ же долго царствовавшій, какъ и его современникъ, Іеровеамъ II (около 805—755), былъ энергиченъ, рѣшителенъ, уменъ, и ему удалось возстановить падшую скинію Давидову. Вступивъ на престолъ, онъ прежде всего велѣлъ доставить изъ Лахиша тѣло своего отца и предать его погребенію въ царской усыпальницѣ Давидова дома [1]). Наказалъ ли онъ при этомъ убійцъ Амаціи, преданія не сообщаютъ. Узія смѣло приступилъ затѣмъ къ исцѣленію глубокихъ ранъ, нанесенныхъ странѣ. Тяжелый это былъ трудъ: молодому царю приходилось вести борьбу не только съ внутренними, но и съ многочисленными внѣшними врагами; мало того, ему пришлось воевать съ самими стихіями, точно по уговору на него возставшими. Надъ несчастной Іудеей вскорѣ по его воцареніи разразились одна за другой катастрофы, которыя могли сломить самаго стойкаго борца.

Прежде всего въ Іудеѣ произошло сильное землетрясеніе, превратившее цѣлые города въ груды развалинъ. Непривычные къ такимъ явленіямъ, жители въ дикомъ ужасѣ бѣжали изъ городовъ, ожидая, что

[1]) Цари II. XIV, 20, 22.

вотъ-вотъ земля разверзнется подъ ихъ ногами и проглотитъ ихъ. Сопровождавшія землетрясеніе явленія еще болѣе усилили панику въ населеніи. Солнце какъ будто совсѣмъ померкло подъ черными тучами, его застилавшими; наступилъ глубокій мракъ, который поминутно прорѣзывали ослѣпительныя молніи; луна и звѣзды казались потерявшими свой свѣтъ; море ужасно бушевало, и шумъ волнъ раздавался далеко. Катастрофа тѣмъ болѣе привела израильтянъ въ ужасъ, что одинъ пророкъ въ десятиколѣнномъ царствѣ за два года ее предсказалъ. Именемъ Бога Израиля пророкъ Амосъ тогда говорилъ: «Я заставлю землю трепетать подъ вашими ногами, какъ трепещетъ возъ, нагруженный снопами; быстроногій не успѣетъ убѣжать, герой не сможетъ спастись, стрѣляющій изъ лука не устоитъ, сидящій на конѣ не сохранитъ своей жизни и храбрѣйшій изъ храбрыхъ нагимъ убѣжитъ въ тотъ день [1]). Оправданіе грознаго предсказанія вызвало опасеніе свѣтопреставленія.

Не успѣли еще іудеи оправиться отъ этой бѣды, какъ на нихъ обрушилась другая. Не было дождей во-время, даже роса не освѣжала пожелтѣвшихъ полей, цистерны совершенно изсякли, а солнце безжалостно раскаляло землю, превращая поля и луга въ безплодную пустыню. Не только люди, но и скотъ сгоралъ отъ жажды, не находя чѣмъ ее утолить; дикіе звѣри выходили изъ лѣсовъ и блуждали кругомъ селеній, ища и не находя воды [2]). И стекались изъ городовъ, гдѣ совсѣмъ не было воды, въ ближайшій, гдѣ ожидали найти запасъ ея, и не могли досыта напиться [3]). Эта засуха распространялась также въ областяхъ, гдѣ ютилась саранча, на сѣверо-востокѣ страны, въ области Гаурана. Саранча, не находя себѣ пищи въ своей родинѣ, перебралась черезъ Іорданъ и обрушилась на десятиколѣнное царство и Іудею, пожирая безъ остатка все, что уцѣлѣло отъ засухи. Огромными тучами, затмившими солнце, налетѣла она на несчастную Іудею, и сразу смоковница, виноградная лоза, гранатовое дерево, пальма и яблонь были совершенно оголены. Это нашествіе саранчи продолжалось нѣсколько лѣтъ и до того истощило страну, что населеніе пришло въ отчаяніе [4]).

Жители Іудеи, доведенной неудачными войнами до края гибели, окончательно упали духомъ. Господь какъ будто совсѣмъ отрекся отъ своего народа, своей страны и храма своего, предавъ ихъ позору и гибели. Они непрерывно служили молебны объ избавленіи ихъ отъ бѣды. Пророкъ *Іоиль,* сынъ Петуеля, въ это время жившій въ Іудеѣ, своими рѣ-

[1]) Амосъ II, 13—16.
[2]) Іоиль I, 17- 20.
[3]) Амосъ IV, 6—8.
[4]) Іоиль I. 4—12; II, 4—9; Амосъ IV, 9.

чами, въ которыхъ онъ возвѣщалъ наступленіе лучшихъ временъ, успѣлъ ободрить несчастный народъ и поднять его упавшій духъ. Засуха, наконецъ, прекратилась, саранча исчезла, пошли обильные дожди, и съ ними страна ожила. Какъ только населеніе нѣсколько оправилось, молодой царь воспользовался наступившимъ улучшеніемъ, чтобы отомстить врагамъ Іудеи. Прежде всего онъ обратился противъ идумеевъ, незадолго до того опустошившихъ его страну. Такъ какъ они въ то время, повидимому, уже не пользовались поддержкой Египта, то Узія не трудно было совершенно разбить ихъ и снова сдѣлать ихъ данниками Іудеи. Послѣдней опять досталась гавань *Айлатъ* у Краснаго моря, такъ что Узія могъ возобновить выгодную морскую торговлю съ Аравіей и *Офиромъ* (Индіей [1]). Царь покорилъ также и сдѣлалъ данниками своими маленькое племя *маонитовъ* или *минаевъ*, занимавшихъ небольшую територію въ Идумеѣ вокругъ города *Маона* (Маанъ). Узія наказалъ затѣмъ филистимлянъ за то, что они относились враждебно къ Іудеѣ и выдавали іудейскихъ бѣглецовъ идумейцамъ. Взявъ ихъ города, *Гатъ, Ашдодъ и Явне* (Ямнію), лежавшіе по сосѣдству съ Іудеей, онъ снесъ ихъ стѣны; онъ присоединилъ къ Іудеѣ ближайшую къ ней часть филистимскихъ владѣній, построивъ здѣсь нѣсколько крѣпостей [2]).

Узія особенное вниманіе обратилъ на укрѣпленіе Іерусалима. Послѣ неудачнаго похода отца его на десятиколѣнное царство (смотри страницу 75) сѣверныя стѣны Іерусалима были разрушены. Столица вслѣдствіе этого была совершенно беззащитна. Узія возстановилъ разрушенныя стѣны, предварительно завязавъ, повидимому, дружественныя сношенія съ Іеровеамомъ II, безъ согласія котораго онъ не могъ бы приступить къ этимъ работамъ. На новыхъ городскихъ стѣнахъ были съ трехъ сторонъ воздвигнуты высокія башни, въ 150 локтей вышиной, на сѣверѣ у зубчатыхъ воротъ, на югѣ на воротахъ, ведущихъ въ долину Гиномъ и, вѣроятно, въ сѣверо-восточномъ углу башню *Хананела* [3]). Эти башни были снабжены особыми машинами (Chischbonôt) для метанія тяжелыхъ камней[4]). Войско іудейское было затѣмъ вооружено щитами, латами и копьями [5]). Царь сверхъ того вновь завелъ конницу и боевыя колесницы, по примѣру Соломона выписавъ ихъ изъ Египта [6]). Узія вообще, повидимому, старался во всемъ подражать Соломону. Онъ построилъ въ отвоеванной у идумейцевъ гавани Айлатъ цѣлую флотилію изъ большихъ морскихъ кораблей (Tarschisch-Schiffe [7]),

[1]) См. примѣчаніе 6, т. I.
[2]) Хроники II. XXVI, 6—8.
[3]) Тамъ же стихъ 9; ср. Іосифа Флавія, Древности, IX, 10, 3.
[4]) Тамъ же ст. 15.
[5]) Тамъ же ст. 14.
[6]) Слѣд. изъ Исаіи II, 7 и Михи V, 9.
[7]) Исаія II, 16.

съ помощью которыхъ возобновилъ судоходство по Красному морю. Торговля эта снова, какъ при Соломонѣ, вызвала притокъ въ Іудею и въ особенности въ Іерусалимъ большихъ богатствъ. „Страна наполнилась золотомъ и серебромъ, и не было конца сокровищамъ; земля наполнилась конями, и не было конца колесницамъ“ [1]). Своей военной силой и богатствами Узія внушилъ сосѣднимъ народамъ большое къ себѣ уваженіе; даже въ Египтѣ имя его было въ большомъ почетѣ [2]).

Еще большаго могущества достигло въ это время десятиколѣнное царство. Іеровеамъ II былъ такимъ же воинственнымъ царемъ, какъ и Узія. Продолжая воевать съ арамейцами, онъ взялъ ихъ главный городъ, Дамаскъ, и проникъ далѣе до *Хамата*, который также завоевалъ и присоединилъ къ своимъ владѣніямъ. Всѣ мелкіе народы, которые жили на обширномъ пространствѣ между Ливаномъ и Евфратомъ и до тѣхъ поръ были подчинены Араму, послѣ этого отошли къ десятиколѣнному царству и стали его данниками. Ни одно изъ сосѣднихъ государствъ не въ силахъ было остановить Іеровеама и помѣшать его завоевательному шествію. Финикія въ это время сильно ослабѣла вслѣдствіе возстаній народа противъ преемниковъ *Итобала* (см. стр. 38). Повидимому, при Іеровеамѣ II въ Тирѣ вспыхнула новая междоусобная война; одна партія держала сторону молодого царя, *Пигмаліона*, другая была за его сестру, *Элису* (Дидону?), жену верховнаго жреца божества *Мелькарта*. Этотъ жрецъ хотѣлъ низложить Пигмаліона и занять вмѣсто него престолъ; но былъ убитъ. Побѣжденная партія съ Элисой во главѣ бѣжала въ сѣверную Африку и тамъ основала или расширила финикійскую колонію, *Карѳагенъ* (812 [3]). Вслѣдствіе этой эмиграціи знатныхъ тирскихъ семействъ, народъ въ Тирѣ, который до того находился подъ ихъ гнетомъ, поднялъ голову. Города, бывшіе въ зависимости отъ Тира, воспользовались слабостью его, чтобы отложиться. Финикія, долгое время бывшая повелительницею, вслѣдствіе этого потеряла всякое значеніе и вліяніе, и Іеровеамъ могъ безпрепятственно расширять свои владѣнія въ направленіи къ ней. Военная добыча и торговля съ сосѣдними странами къ тому же сильно обогащали его страну. Не только самъ царь, но и всѣ знатныя лица въ Самаріи жили въ это время еще въ большей роскоши, чѣмъ при Соломонѣ. Іеровеамъ II имѣлъ лѣтній и зимній дворцы. Не въ рѣдкость были дома изъ большихъ тесаныхъ камней съ украшеніями изъ слоновой кости и мебель изъ слоновой кости [4]). Взирая на это могущество обоихъ израильскихъ царствъ, можно было подумать: еще продолжается царство-

[1]) Іешая II, 7. [2]) Хроники II. XXVI, 8.

[3]) Смотри у Моверса, Финикія II, 1 стр. 352 и слѣд.; 2, 150 и слѣд.

[4]) Гошеа II, 10; Амосъ III, 15, V, II; VI, 4.

ваніе Соломона; перемѣна произошла лишь въ томъ, что, вмѣсто одного, израильской страной стали управлять два царя; либо распаденія царства никакого не было, либо раны, имъ народу причиненныя, уже зажили. Іеровеамъ и Узія, повидимому, поддерживали мирныя отношенія, ибо иначе ни тотъ, ни другой не могъ бы имѣть такого успѣха. Израильтяне могли безпрепятственно паломничать въ священный городъ Вирсавію [1]); вѣроятно, многіе посѣщали также Іерусалимскій храмъ. Но эти успѣхи были въ дѣйствительности только послѣдними отблесками потухавшей зари. Внутреннія язвы, открывшіяся съ распространеніемъ богатства въ десятиколѣнномъ царствѣ, вскорѣ и привели къ его паденію.

Культъ быка не только продолжалъ существовать въ Бетелѣ и Данѣ, но получилъ дальнѣйшее распространеніе. Въ Самаріи и Гилгалѣ также были поставлены золотые тельцы [2]). Въ Бетелѣ, который царь, повидимому, сдѣлалъ своей резиденціей, былъ сооруженъ главный храмъ [3]), при которомъ состоялъ своего рода первосвященникъ, по имени *Амація*, весьма ревностно исполнявшій свои обязанности и, не въ примѣръ бѣднымъ аронидамъ, владѣвшій обширными и весьма доходными полями въ окрестностяхъ Бетеля [4]). Но и этого, какъ видно, было мало развращеннымъ богатствомъ и роскошью; они уже не довольствовались этою религіозною формою. Отвратительный культъ Ваала и Астарты снова получилъ право гражданства. Благопріятствовалъ ли царь этой гибельной для тѣла и души религіи, или онъ только терпѣлъ ее, удивительно однако, что тотъ самый культъ, который Іегу безпощадно истреблялъ огнемъ и мечомъ, при внукѣ его снова оказался въ большомъ фаворѣ. Результатомъ этого новаго отпаденія въ грубое язычество было грубое развращеніе нравовъ. Распространилась погоня за богатствомъ для удовлетворенія страстей. Состоятельные израильтяне занимались ростовщичествомъ и взыскивали долги съ такою жестокостью, что, въ случаѣ неуплаты, продавали должниковъ и дѣтей ихъ въ рабство. Охотнѣе всего богачи занимались хлѣбнымъ ростовщичествомъ; они въ голодные годы открывали свои житницы, продавали зерно въ долгъ, пользуясь при этомъ фальшивыми мѣрами и вѣсами; когда же должники не возвращали денегъ въ срокъ, то брали въ залогъ ихъ самихъ и одежды ихъ [5]). На жалобы этихъ несчастныхъ не обращали ни малѣйшаго вниманія, такъ какъ судьями были либо сами

---

[1]) Амосъ V, 5; VIII, 14.
[2]) Амосъ VIII, 14.
[3]) Слѣд. изъ Амоса VII, 13.
[4]) Т. же VII. 10, 17.
[5]) Амосъ II, 6–8; VIII, 4–6.

притѣснители, либо взяточники [1]). Добытыя такими способами богатства тратились на чуть ли не ежедневныя пиршества. Современный пророкъ, Амосъ, въ слѣдующей картинкѣ рисуетъ роскошную жизнь сановниковъ и богачей при Іеровеамѣ; „Они возлежатъ на одрахъ изъ слоновой кости и нѣжатся на ложахъ своихъ; ѣдятъ лучшихъ овновъ изъ стада и тельцовъ съ тучнаго пастбища; бренчатъ на гусляхъ, придумывая игры на инструментахъ, какъ Давидъ; пьютъ вино изъ кувшиновъ и мажутся наилучшими маслами [2]). „Жены этихъ сибаритовъ еще усерднѣе ихъ предавались всякимъ излишествамъ; онѣ подстрекали своихъ мужей къ жестокосердію, и говорили имъ: „давай, будемъ пить!“ [3]).

Въ массѣ израильской, однако, безнравственность не могла такъ распространиться, чтобы получить господство. Нравственность, справедливость и чистое богопочитаніе находили защитниковъ, которые рѣшительно возставали противъ заблужденій и неправдъ и умѣли заставить себя выслушать. Сто лѣтъ почти прошло уже съ тѣхъ поръ, какъ пророкъ Илія впервые выступилъ противъ Ахава и Изевели, но вызванная имъ къ жизни школа молодыхъ пророковъ продолжала существовать и ревностно въ его духѣ работать. Молодежь, столь воспріимчивая всегда къ идеальнымъ стремленіямъ, питала истинное отвращеніе къ распространявшейся порчѣ нравовъ и въ большомъ числѣ собиралась вокругъ пророковъ въ Бетелѣ, Гилгалѣ и Іерихонѣ. Поколѣніе, воспитанное и обученное Элишей [4]), не только вело назирейскій образъ жизни, но и протестовало противъ религіозныхъ преступленій, роскоши и безнравственности. Сыновья подавали нравственный примѣръ отцамъ. Юноши отказывались отъ вина, въ то время, какъ старики проводили время въ попойкахъ. Эти молодые пророки представляли, такъ сказать, олицетворенную совѣсть народа. Предъ царемъ и знатью они на собраніяхъ смѣло громили поклонниковъ Ваала и безсердечныхъ вельможъ. Находили ли они защиту въ многочисленности своей? Или, можетъ быть, среди молодыхъ пророковъ были и сыновья знатныхъ родителей, противъ которыхъ неудобно было принимать строгія мѣры? Или же эта снисходительность объясняется тѣмъ, что Іеровеамъ былъ вѣротерпимѣе и мягче, чѣмъ кровожадная Изевель? Какъ бы то ни было, фактъ тотъ, что молодые пророки оставались безнаказанными. Кутилы заставляли

---

[1]) Т. же V, 7, 12,
[2]) Т. же I, 4—6.
[3]) Т. же IV, 1.
[4]) Между смертью Элиши въ 840 г. и появленіемъ Амоса въ началѣ царствованія Узіи 805—800 прошло одно поколѣніе.

ихъ пить вино и приказывали имъ не пророчествовать [1]). Эти обличители были ненавидимы, но не преслѣдовались [2]).

Этой свободой слова воспользовался первый въ ряду великихъ пророковъ-поэтовъ, которые съ богатствомъ мысли соединяли красоту формы, и въ громовыхъ рѣчахъ своихъ вѣщали правду царямъ, князьямъ и народу. То былъ *Амосъ* изъ города Текоа или Элтеке. Онъ не принадлежалъ ни къ какой пророческой школѣ, не носилъ власяницы, подобно Иліи, не былъ назиреемъ; это былъ владѣлецъ стадъ и сикоморъ [3]), произраставшихъ обильно въ долинѣ (Schefela). Однажды, когда онъ пасъ свои стада, онъ до того былъ охваченъ пророческимъ духомъ, что не могъ отказаться выступить публично. „Господь Богъ повелѣлъ: кто не будетъ пророчествовать? [4])" Его потянуло въ Бетель, бывшій въ то время религіознымъ и политическимъ центромъ десятиколѣннаго царства. Здѣсь Амосъ сталъ обличать заблужденія и пороки сильныхъ во Израилѣ и указывать имъ на печальныя послѣдствія ихъ злодѣяній. Въ Бетелѣ, по всей вѣроятности, всѣ обратили вниманіе на этого простого мужика, въ которомъ по одеждѣ нетрудно было узнать пастуха, смѣло выступившаго предъ народомъ. Приходится думать, что масса израильская стояла уже тогда на довольно высокой ступени умственнаго развитія, если какой-нибудь пастухъ въ состояніи былъ произносить правильно построенныя и даже красивыя по формѣ рѣчи, нимало не сомнѣваясь при томъ, что всѣ его поймутъ. Неизвѣстно, является ли Амосъ первымъ по времени представителемъ этого новаго типа пророковъ. Всѣ его предшественники, до Самуила включительно, свои обличительныя рѣчи облекали въ самую простую форму и произносили ихъ безъ ораторскаго паѳоса, изрѣдка лишь прибѣгая къ какой-нибудь притчѣ. Сохранившаяся рѣчь Михи, сына Іимлы (стр. 52), заключаетъ уже слѣды стихотворнаго размѣра. Амосъ же и его преемники въ своихъ рѣчахъ соединяютъ плавность и общедоступность прозаической рѣчи съ размѣренностью, стройностью и благозвучіемъ стихотворной. Поэтическія сравненія и живые образы увеличиваютъ еще художественныя достоинства ихъ рѣчей. Читая ихъ, вы не знаете, проза ли предъ вами, или поэзія; можно сказать, что это соединеніе обѣихъ. Въ рѣчахъ Амоса нетрудно распознать, что ихъ произносилъ пастухъ, который около своихъ стадъ нерѣдко слышалъ рычаніе львовъ и по ночамъ наблюдалъ теченіе звѣздъ. Это придаетъ его рѣчамъ только лишнюю прелесть.

Выступивъ въ Бетелѣ еще до землетрясенія, Амосъ предсказалъ эту

[1]) Слѣд. изъ Амоса II, 11—12.
[2]) Т. же V, 10
[3]) Т. же VII, 14.
[4]) Т. же III, 8; VII, 15.

катастрофу въ весьма опредѣленныхъ выраженіяхъ. Во вступленіи къ этому предсказанію онъ говоритъ:

„Господь возгремитъ съ Сіона,
„Возгласитъ изъ Іерусалима,
„И восплачутъ пажити пастуховъ,
„И изсохнетъ вершина Кармела“.

Послѣ такого вступленія слушатели могли ждать отъ пророка громовой рѣчи. Амосъ дѣйствительно далѣе возвѣщаетъ цѣлый рядъ бѣдствій, но грозитъ ими не родной странѣ, а сосѣднимъ: Дамаску, Газѣ и всей странѣ Филистимлянъ, Тиру, Эдому, Амону и Моаву, начиная свое обращеніе къ каждой словами: „За три преступленія и за четыре не пощажу“. По такому отступленію казалось бы, что пророкъ о слушателяхъ самихъ совсѣмъ говорить не станетъ. Но, покончивъ съ язычниками, Амосъ тѣмъ же маиеромъ обращается къ Іудеѣ, для того, чтобы перейти наконецъ къ Самаріи:

„За три преступленія Израиля
„И за четыре
„Не пощажу Я его:
„За то, что продалъ невиннаго за деньги
„И бѣднаго за пару башмаковъ:
„За то, что топчутъ
„Убогихъ во прахѣ лежащихъ [1]),
„И кроткихъ сбиваютъ съ пути;
„За то, что сынъ и отецъ
„Блудницу одну посѣщаютъ,
„Чтобы имя Мое осквернить.
„На одеждахъ, взятыхъ въ залогъ,
„Возлежатъ при всякомъ жертвенникѣ
„И вино за деньги оштрафованныхъ
„Пьютъ въ домѣ боговъ своихъ“.

За всѣ эти преступленія Амосъ угрожаетъ Израилю, что земля подъ нимъ всколеблется, такъ что самые быстроногіе, всадники и герои не успѣютъ спастись.

„Какъ пастухъ изъ пасти львиной
„Исторгаетъ двѣ голени или часть уха,
„Такъ спасены будутъ
„Сыны Израиля, сидящіе въ Самаріи,
„Съ кускомъ постели и ложа,
. . . .
„Въ тотъ день, когда Я взыщу съ Израиля за грѣхи его,
„Взыщу и за жертвенники въ Бетелѣ,
„Отсѣчены будутъ рога алтаря,
„И падутъ на землю;
„И поражу домъ зимній вмѣстѣ съ домомъ лѣтнимъ,
„И исчезнутъ дома изъ слоновой кости,
„И не станетъ большихъ домовъ.
„Такъ говоритъ Господь [2]).

Землетрясеніе со всѣми его ужасами затѣмъ дѣйствительно произошло, опустошивъ не мало городовъ. Послѣдовавшіе за нимъ засуха, го-

[1]) Т. же II. 7; VIII, 4 השאפים בראש דלים и השאפים אביון производныя не слова שאף домогаться, но שוף растереть, растоптать. За это говоритъ также V, 11 בושסכם על דל, равнознач. съ השאפים בראש דלים. [2]) Т. же III, 12, 15.

лодъ и нашествіе саранчи причинили въ израильскомъ царствѣ столько же бѣдъ, сколько и въ Іудеѣ. Амосъ, а съ нимъ и всѣ лучшіе люди ждали, что послѣ столькихъ несчастій грѣшники и безумные опомнятся, наконецъ, и исправятся. Но надежды ихъ не сбылись. Противъ этихъ-то нераскаянныхъ грѣшниковъ Амосъ вооружается затѣмъ (IV, 4 и слѣд.) въ новой пламенной рѣчи:

„Идите жъ въ Бетель и грѣшите;
„Въ Гилгалѣ увеличивайте преступленія;
„Приносите жертвы ваши каждое утро;
„Каждые три дня десятины ваши.
„Купите изъ награбленнаго благодарственную жертву;
„Кричите о доброхотныхъ даяніяхъ и разглашайте;
„Ибо это вы любите, сыны Израилевы!
„Я далъ вамъ голые зубы во всѣхъ городахъ вашихъ
„И недостатокъ хлѣба во всѣхъ селеніяхъ вашихъ;
„Но вы не вернулись ко Мнѣ;
„Я также отказывалъ вамъ въ дождѣ за три мѣсяца до жатвы;
„Проливалъ дождь на одинъ городъ,
„А на другой городъ не проливалъ дождя;
„Одно поле наполняемо было дождемъ,
„А другое, не окропленное дождемъ, засыхало;
„И стекались два три города въ одинъ городъ,
„Чтобы напиться воды, и не могли до сыта напиться;
„Но вы не вернулись ко Мнѣ.
„Поражалъ я васъ ржавчиною и блеклостью хлѣба;
„Множество садовъ вашихъ и виноградниковъ вашихъ,
„Смоковницъ вашихъ и маслинъ вашихъ пожирала саранча;
„Но вы не вернулись ко Мнѣ.
„Послалъ Я на васъ моровую язву, какъ нѣкогда на Египетъ,
„Убивалъ мечемъ воиновъ вашихъ и красу коней вашихъ [1]),
„Такъ что смрадъ отъ登становъ вашихъ поднимался въ ноздри ваши;
„Но вы не вернулись ко Мнѣ.
„Производилъ Я среди васъ гибель, подобную гибели Содома и Гоморры,
„И вы стали какъ головня, выхваченная изъ пожара;
„Но вы не вернулись ко Мнѣ.
„Изрекъ Господь:
„Посему Я такъ поступлю съ тобою, Израиль,
„А поелику такъ Я буду поступать съ тобою,
„Такъ приготовься къ борьбѣ со Мною, Израиль!"

И Амосъ возвѣщаетъ наступленіе страшныхъ дней:

„Городъ, выставлявшій тысячу,
„Останется только съ сотнею,
„А выставлявшій сто,

[1]) Амосъ IV, 4--12. ст. 10 שבי סוסיכם не правильно, потому что слово שבי употребляется въ класич.языкѣ только о плѣненіи людей (только составитель Хроникъ употребляетъ это слово о плѣненіи животныхъ). Слѣдуетъ замѣнить словомъ צבי.

„Останется съ десяткомъ.
„За то, что притѣсняете бѣднаго
„И отнимаете у него даже одолженный хлѣбъ [1]),
„Въ домахъ, построенныхъ вами изъ тесаныхъ камней,
„Не будете жить
„И изъ виноградниковъ, вами разведенныхъ,
„Не будете пить вина".

Противъ тѣхъ упорствующихъ, которые смѣялись надъ угрозами пророка и, благодаря своей силѣ, набожности и знатности своего рода, считали себя неуязвимыми, Амосъ говорилъ:

„Горе желающимъ видѣть день Господень: на что день вамъ Господень? онъ мраченъ, а не свѣтелъ. Это подобно тому, какъ если бы кто убѣжалъ отъ льва и схваченъ былъ медвѣдемъ, или пришелъ домой и оперся рукою о стѣну, а его ужалила змѣя. Развѣ не мраченъ будетъ день Господень, а не свѣтелъ? онъ тьма и нѣтъ въ немъ сіянія. Возненавидѣлъ Я, презираю праздники ваши, и не обоняю жертвъ во время вашихъ торжествъ. Удали отъ меня гулъ пѣсенъ твоихъ, и звуковъ гуслей твоихъ не стану слушать" [2]).

Чѣмъ неисправимѣе были грѣшники самарійскіе, тѣмъ суровѣе и грознѣе становился пророкъ. Въ первыхъ рѣчахъ своихъ онъ лишь слегка замѣчалъ тѣ кары, которыя ихъ постигнутъ, но затѣмъ онъ относительно этого выражается уже яснѣе, предсказывая, что жители десятиколѣннаго царства будутъ изгнаны изъ своей страны, поселены далеко за Дамаскомъ. Пророкъ не называетъ народа, который изгонитъ ихъ. Наконецъ онъ говоритъ въ опредѣленныхъ выраженіяхъ:

„Опустѣютъ алтари Исааковы и разрушены будутъ святилища Израилевы. Я съ мечомъ возстану противъ дома Іеровеама, и Израиль будетъ выселенъ изъ земли своей".

Эти смѣлыя рѣчи, въ которыхъ пророкъ угрожалъ самому царскому дому, обратили на себя вниманіе бетельскаго первосвященника, Амаціи, который и донесъ на него царю. Изъ уваженія ли къ Амосу, или изъ равнодушія къ нему, Іеровеамъ до тѣхъ поръ оставлялъ его въ покоѣ. И даже послѣ донесенія Амаціи онъ никакихъ мѣръ противъ пророка не принялъ. Однако Амація сказалъ ему отъ имени царя: „Провидѣцъ! поди себѣ и удались въ землю Іудину: тамъ кормись и тамъ пророчествуй; въ Бетелѣ же болѣе не пророчествуй, ибо здѣсь храмъ царскій и царское жилище!" Амосъ, не обращая вниманія, продолжалъ: „Не пророкъ я, и не ученикъ пророка; я владѣлецъ стадъ и сикоморъ; но Господь сказалъ мнѣ:

[1]). Т. же V, II. Вмѣсто слова משׁאת нужно читать משׂאת отъ слова נשה—נשא одолжать.

[2]) Т. же V, 18 и сл.

поди, пророчествуй народу моему, Израилю" [1]). Амосъ продолжалъ въ слѣдующихъ сильныхъ выраженіяхъ:

„Въ тотъ день солнце зайдетъ въ полдень и на землѣ настанетъ тьма среди бѣлаго дня. Я празднества ваши обращу въ трауръ и веселыя пѣсни въ плачъ.

. . . .

„Я голодъ (и жажду [2]) пошлю на страну, — не голодъ хлѣба и не жажду воды, а голодъ и жажду слова Божьяго. И будутъ бродить отъ моря до моря, скитаться отъ сѣвера до юга и отъ запада до востока, ища слова Господня и не находя его.

. . . .

„Видѣлъ я Господа надъ алтаремъ. И сказалъ Онъ: ударь въ капитель, чтобы потряслись косяки. Я истреблю стоящихъ во главѣ народа [3]) и мечомъ поражу ихъ потомство. Никто отъ меня не уйдетъ, ни одинъ не спасется, хотя бы они зарылись въ преисподнюю, и оттуда ихъ достану; хотя бы взошли на небо, и оттуда низвергну ихъ; хотя бы они скрылись на вершинѣ Кармела, и тамъ отыщу и возьму ихъ; хотя бы утаились отъ глазъ моихъ на днѣ моря, и тамъ повелю морскому змѣю уязвить ихъ; и если непріятель уведетъ ихъ въ плѣнъ, то я мечу повелю, и тамъ умертвить ихъ. Обращу къ нимъ взоръ Мой на бѣду, а не на благо".

Замѣчательно, что этотъ пророкъ изъ пастуховъ негодуетъ не столько по поводу религіозныхъ, сколько по поводу нравственныхъ грѣховъ. Онъ, правда, издѣвается надъ идолами Самаріи и Дана, надъ жертвенниками въ Бетелѣ и Гилгалѣ, надъ паломничествомъ въ Вирсавію. Но главнымъ образомъ онъ со всей страстностью ополчался противъ несправедливости и жестокости богатыхъ къ неимущимъ. Амосъ былъ первый ревностный защитникъ угнетенныхъ. Замѣчательно также, что онъ изъ уваженія къ дому Давида, далеко не съ такимъ жаромъ обличалъ пороки и преступленія Іудеи, о которыхъ онъ говоритъ въ самыхъ общихъ выраженіяхъ, не обозначая ихъ точнѣе:

„За тройную вину Іудеи,
„За четыре ея прегрѣшенія
„Не пощажу Я ее:
„За то, что отвергли законъ Господень,
„И заповѣдей Его не хранятъ
„И вовлечены въ заблужденія отцовъ своихъ" [4]).

Онъ даже пророчилъ Іудеѣ счастливое будущее. И, если онъ о домѣ Израиля говоритъ:

„Вотъ, очи Господа Бога обращены противъ грѣшнаго царства,
„И Я истреблю его съ лица земли",

То онъ тутъ же прибавляетъ:

„Однако не истреблю дома Якова" [5]).

---

[1]) Т. же VII, 9 и сл. [2]) Т. же VIII, 11 послѣ רעב необходимо дополн. וצמא.
[3]) Т. же IX, 1 должно быть ואבצעם вмѣсто ובצעם.
[4]) Т. же II ст. 4. [5]) Т. же IX, 8.

Когда Господь возвѣстилъ ему, что онъ пошлетъ новыя бѣдствія на Іудею, пророкъ даже сталъ умолять его. „И я сказалъ: Господи Боже, помилуй, чѣмъ станетъ Яковъ, онъ вѣдь и такъ малъ!" [1]).

Упадокъ, въ который Іудея пришла послѣ смерти Амаціи и отъ котораго она въ первые годы царствованія Узіи не успѣла еще оправиться, внушалъ Амосу состраданіе къ ней. Онъ не хотѣлъ обезкуражить народъ и царя. Пророкъ жилъ той мыслью, что отъ Іуды придетъ въ будущемъ спасеніе. И онъ пророчилъ, что нѣкогда всѣ колѣна израильскія возсоединятся подъ властью дома Давида:

„Въ тотъ день Я возстановлю разрушенную скинію Давидову, задѣлаю трещины въ стѣнахъ ея, подыму изъ праха ея развалины и вновь устрою ее, какъ въ былые дни" . . . . .

„Я возвращу изъ плѣна мой израильскій народъ. Они выстроятъ и заселятъ опустѣвшіе города, насадятъ виноградники и станутъ пить вино; разведутъ сады, и будутъ вкушать плоды изъ нихъ. Я водворю ихъ на землѣ ихъ, и болѣе не изгоню изъ нея" [2]).

Это были послѣднія утѣшительныя слова великаго пророка. О жизни его и его кончинѣ до насъ никакихъ преданій не дошло.

Въ это же время въ Іерусалимѣ выступалъ другой пророкъ, о которомъ еще меньше, или, вѣрнѣе, рѣшительно ничего неизвѣстно, *Іоиль* сынъ Петуэля. Большинство пророковъ какъ бы выплывали изъ тьмы и въ ту же тьму внезапно исчезали, не оставляя по себѣ никакихъ слѣдовъ, по которымъ можно было бы составить себѣ представленіе объ ихъ личности. Индивидуальныя черты ихъ совершенно пропадали, растворялись, если можно такъ выразиться, въ ихъ пророческой дѣятельности.

Іоиль выступилъ какъ разъ въ то время, когда отъ цѣлаго ряда слѣдовавшихъ одно за другимъ бѣдствій, именно: войнъ съ идумеями и другими народами, землетрясенія, засухи и саранчи, жители Іудеи дошли до отчаянія, граничившаго съ безуміемъ. Они постились, раздирали на себѣ одежды въ знакъ великаго горя, толпились у храма съ плачемъ, чтобы отвратить отъ себя гнѣвъ Господень. Священнослужители сами приходили въ отчаяніе, не располагая даже горстью муки и вина, чтобы принести самую простую жертву. Іоилю предстояла такимъ образомъ иная задача, чѣмъ Амосу. Онъ долженъ былъ не обличать и грозить, а ободрять, успокаивать, подавать надежду, не давать несчастнымъ дойти до отчаянія. На пороки и заблужденія народа онъ въ такой моментъ могъ лишь слегка намекать, какъ бы мимоходомъ указывая, напримѣръ, на пьяницъ, жаждавшихъ вина, на внѣшнее, показное раскаяніе тѣхъ, которые раздирали на себѣ одежды, а въ душѣ оставались закоренѣлыми

[1]) Т. же VII, 2, 5. [2]) Т. же IX, 11 и слѣд.

грѣшниками, на заблужденіе, по которому Бога можно умилостивить непремѣнно жертвоприношеніями. Всю силу своего краснорѣчія Іоиль долженъ былъ употребить на то, чтобы внушить бѣдствовавшему народу, что Господь не оставитъ его своими милостями, что Сіонъ остается еще священной, Богомъ возлюбленной горой, что Господь не предастъ Іудею позору и гибели, что Онъ, многотерпѣливый и многомилостивый, отвратитъ отъ нея несчастіе и безъ всякихъ жертвоприношеній и постовъ.

Краснорѣчіемъ своимъ Іоиль, можетъ быть, превосходилъ самого Амоса. Его картина опустошительнаго нашествія саранчи и сопровождавшихъ его ужасовъ такъ художественна и въ то же время такъ реальна, что читающему это описаніе кажется, будто все это происходитъ предъ его глазами. Стиль Іоиля, какъ у Амоса, представляетъ нѣчто среднее между прозой и поэзіей; пропорціональность и стройность фразъ весьма близко напоминаетъ стихотворную строфу. Единственная рѣчь его, до насъ дошедшая, распадается на двѣ части. Въ первой онъ, описывая бѣдствіе, попутно указываетъ на истинныя его причины и на тѣ пути, которыми народъ можетъ отвратить отъ себя гнѣвъ Божій; во второй онъ вселяетъ въ сердца своихъ слушателей надежду на лучшее будущее. Первая часть начинается такъ:

„Выслушайте это, старцы, внимайте, всѣ жители земли! Бывало ли такое во дни ваши или при отцахъ вашихъ? Поразскажите о томъ дѣтямъ своимъ, пусть они разскажутъ своимъ дѣтямъ, а тѣ повѣдаютъ позднѣйшимъ поколѣніямъ... Пришелъ на страну мою народъ сильный и безчисленный; зубы у него, зубы львиные и челюсти у него, какъ у львицы. Предъ нимъ все пожираетъ огонь, а за нимъ палитъ пламя; предъ нимъ земля, какъ садъ Еденскій, а послѣ него опустошенная степь, и никто не убѣжитъ отъ него. Видъ его какъ видъ конницы и скачутъ они, какъ всадники, съ грохотомъ колесницъ, съ трескомъ всепожирающаго пламени, какъ сильный народъ, выстроенный къ битвѣ. При видѣ его трепещутъ народы, всѣ лица измѣнились. Какъ борцы бѣгутъ они, и какъ воины всходятъ на стѣну, и каждый идетъ своею дорогою, не сбиваясь съ пути и не толкая своего сосѣда. Натыкаясь на мечи, они не получаютъ ранъ. Мчатся по городу, взбираются на стѣны, влѣзаютъ въ окна, какъ воры. Земля подъ ними дрожитъ, небо приходитъ въ движеніе, солнце и луна омрачаются, звѣзды теряютъ свой свѣтъ. То Господь возгремѣлъ гласомъ своимъ предъ своимъ войскомъ. Ибо многочисленна его рать и могущественна она, исполняя Его волю. Великъ день Господень и страшенъ, и никто не устоитъ предъ нимъ“.

Нарисовавъ эту картину, Іоиль старается затѣмъ отвлечь впавшій въ отчаяніе народъ отъ печальныхъ думъ о бѣдствіяхъ, на него обрушив-

шихся, и направить его умъ на иныя, болѣе возвышенныя мысли. Несчастія, его постигшія, являются, по словамъ пророка, лишь предвѣстниками другихъ, болѣе страшныхъ еще, событій, предзнаменованіемъ великаго и страшнаго дня, когда земля очистится отъ грѣховъ, и водворится на ней высшій нравственный порядокъ. Страданія даннаго момента скоро пройдутъ и будутъ позабыты, а затѣмъ наступитъ великій день.

„Я явлю знаменія на небѣ и на землѣ:
„Кровь, огонь и столбы дыма.
„Солнце обратится въ тьму,
„А луна въ кровь
„Предъ наступленіемъ великаго и страшнаго дня.
„Всякій, кто призоветъ имя Господне,
„Будетъ спасенъ.
„На Сіонѣ и въ Іерусалимѣ произойдетъ спасеніе
„Для остатковъ Израиля, которыхъ Господь изберетъ.
„Солнце и луна померкнутъ, а звѣзды потеряютъ свой блескъ.
„И возгремитъ Господь съ Сіона и дастъ гласъ свой изъ Іерусалима;
„Содрогнутся небо и земля.
„Но Господь будетъ защитою для народа Своего
„И обороною для сыновъ Израилевыхъ".

Іоиль предсказалъ политическій переворотъ. Плѣнные изъ Іудеи и Іерусалима, которыхъ филистимляне и финикіяне продали іонійцамъ, а эти послѣдніе разсѣяли по разнымъ странамъ (стр. 77), вернутся на родину. Надъ тѣми же народами, которые совершали жестокости надъ іудеями, Господь произнесетъ свой строгій приговоръ въ „Долинѣ суда" (Emek Jehoschaphat), гдѣ онъ учинитъ судъ надъ всѣми народами земли. Египетъ и Идумея, проливавшіе невинную кровь въ Іудеѣ (стр. 76), будутъ обращены въ пустыни, Іудея же и Іерусалимъ будутъ населены во вѣки вѣковъ. И наступитъ на землѣ царство Божіе, когда каждый и всякій будетъ преисполненъ божественнаго, пророческаго духа.

„Я изолью Свой Духъ на всякую плоть.
„Старцы ваши будутъ видѣть пророческіе сны,
„Юношамъ будутъ являться видѣнія,
„И даже на рабовъ и рабынь изолью Духъ Мой" [1]).

Желаніе, которое приписываютъ Моисею о томъ, чтобы „весь народъ обратился въ пророковъ и Господь излилъ бы Свой Духъ на нихъ [2]), по пророчеству Іоиля, нѣкогда исполнится. И не одни израильтяне, но и иноплеменники, среди нихъ живущіе въ качествѣ рабовъ ихъ и рабынь,

[1]) Описаніе Іоиля объ ожидаемомъ великомъ днѣ, гл. 3 и 4, не слѣдуетъ хронологическому порядку, какъ и большая часть пророческихъ импровизацій, не придерживающихся хронологіи; связь часто прерывается, когда проявляется какая-нибудь другая мысль. Ср. О составѣ Іоилева пророчества, программа евр. теол. семинаріи 1873.

[2]) Числа XI, 29.

и тѣ удостоятся Царства Божія. Пророческимъ взоромъ своимъ Іоиль перешагнулъ такимъ образомъ за предѣлы своей національности. Это былъ первый пророкъ, внушившій израильтянамъ мысль о братствѣ всѣхъ народовъ, какъ нѣкогда Авраамъ, призывавшій благословеніе на всѣ народы земли.

Третій пророкъ, жившій въ царствованіе Іеровеама II и Узіи, *Гошеа* (Осія), сынъ Беери, еще рѣшительнѣе Амоса и Іоиля выступалъ противъ десятиколѣннаго царства и за Іудею. И о его жизни и дѣятельности мы очень мало знаемъ: неизвѣстно даже, въ какомъ царствѣ онъ пророчествовалъ. Можно, однако, допустить, что онъ выступалъ въ Бетелѣ или Самаріи. Въ то время, какъ Амосъ обличалъ однѣ нравственныя заблужденія израильтянъ, Гошеа громилъ ихъ почти исключительно за отпаденіе въ язычество, за поклоненіе Ваалу. Его рѣчи не блещутъ тѣми поэтическими красотами, которыя мы находимъ у Амоса и Іоиля. Стиль его болѣе точенъ и ближе подходитъ къ чисто прозаической рѣчи, хотя и нѣсколько искусственной. Какъ другіе пророки, изъ школы которыхъ онъ, повидимому, вышелъ, Гошеа охотно прибѣгаетъ къ символическимъ сравненіямъ и образамъ. Такъ введеніе въ десятиколѣнномъ царствѣ культа Ваала онъ изображаетъ въ видѣ жены, измѣнившей своему законному супругу, а возвращеніе народа къ Іеговѣ, которое пророкъ предвидитъ въ будущемъ,—въ образѣ кающейся измѣнницы, возвращающейся къ своему первому возлюбленному. Пророкъ разсказываетъ: явившись ему однажды въ видѣніи, Господь повелѣлъ ему взять себѣ жену изъ блудницъ и родить дѣтей незаконныхъ; онъ исполнилъ это велѣніе, вступилъ въ бракъ съ женщиной дурного поведенія, которая родила ему троихъ дѣтей: во первыхъ сына, которому онъ далъ имя „Іезреель“, затѣмъ дочь, названную имъ „Невозлюбленной“ (Lo-Ruchamah) и, наконецъ, другого сына, который получилъ имя „Не-Мой-народъ“ (Lo-Ammi). Пророкъ объясняетъ затѣмъ значеніе этихъ символическихъ именъ. Имя „Іезреель“ имѣетъ двоякое значеніе. Оно, во-первыхъ, означаетъ, что Господь воздастъ потомкамъ Іегу за пролитую послѣднимъ въ Іезреелѣ кровь, такъ какъ съ теченіемъ времени оказалось, что то были безполезныя убійства, ибо домъ Іегу впалъ въ тотъ же грѣхъ, что и домъ Ахава. Имя „Іезреель“ означаетъ, во вторыхъ, что Господь сломитъ военное могущество Израиля въ долинѣ Іезреель. Имя дочери означаетъ, что Господь презрѣлъ домъ Израиля, а третье имя, наконецъ, значитъ, что Іегова отвергаетъ израильскій народъ, не желаетъ болѣе быть его Богомъ [1]). Послѣ этого вступленія и объясненія Гошеа говоритъ:

„Судитесь съ матерью своей, судитесь,
„Что она не жена Мнѣ

[1]) Гошеа I, 9 ואנכי לא אהיה לכם должно быть дополнено לאלהים.

„И Я не мужъ ей,
„Чтобы она удалила отъ лица своего блудъ
„И прелюбодѣяніе отъ груди своей,
„Дабы мнѣ не разоблачать ее до нага
„И не выставлять ее какъ въ день рожденія,
„Не отправлять ее въ пустыню,
„Не изгонять ее въ землю сухую,
„И не морить ее жаждою
„И дѣтей ея не миловать, потому что они порожденія блуда".

Пророкъ изображаетъ затѣмъ „невѣрность Израиля въ образѣ измѣнницы, бѣгающей за своимъ любовникомъ—Вааломъ, воображая, что все ея благосостояніе отъ него, и забывая, что одинъ лишь законный мужъ ея снабжалъ ее и хлѣбомъ, и виномъ, и золотомъ, и серебромъ, которое она тратитъ на Ваала. За эту измѣну Іегова лишитъ ее всего и не оставитъ ей даже необходимѣйшей одежды, чтобы прикрывать свою наготу. Доведенная до отчаянія, она опомнится, наконецъ, пойметъ свои заблужденія и вернется къ своему мужу, за которымъ ей было лучше, чѣмъ за чужимъ любовникомъ. Вернувшись къ супругу, она будетъ называть его не „мой господинъ", а „мой мужъ", и даже самое слово „господинъ" (Ваалъ) будетъ ей ненавистно. Іегова тогда проститъ кающуюся и примирится съ нею:

„И обручу тебя со Мною на вѣкъ
„И обручу тебя со Мною правдою и справедливостью,
„Любовью и милосердіемъ,
„И обручу тебя со Мною вѣрою и познаніемъ Господа" [1]).

Раскаявшуюся супругу свою Іегова будетъ одарять милостями своими, какъ во дни исхода изъ Египта. Изъ пустыни Онъ ее снова поведетъ на родину, и, какъ во дни юности своей, во время исхода изъ Египта, она снова будетъ пѣть гимны. Союзъ, который Господь снова заключитъ съ нею, будетъ служить ей оплотомъ и защитой противъ дикихъ звѣрей, и лукъ, и мечъ, и война въ странѣ исчезнутъ. „Іезреель" получитъ хорошее значеніе (вновь засѣянный въ странѣ). „Невозлюбленная" станетъ Возлюбленный и „Не-Мой-народъ"—Божьимъ народомъ, познающимъ Іегову.

Рисуя предъ своими слушателями эту блестящую картину счастливаго будущаго, Гошеа, однако, не обольщаетъ ихъ надеждой на то, что это будущее скоро наступитъ. Во второй рѣчи своей, которая, вѣроятно, не вся сохранилась, онъ предсказываетъ, что пройдетъ много, много несчастливыхъ дней до тѣхъ поръ, когда народъ обратится на путь истины, и Господь примирится съ нимъ. И эту рѣчь пророкъ начинаетъ видѣніемъ. Іегова, говоритъ онъ, вновь внушилъ ему, чтобы онъ пріютилъ въ своемъ домѣ нѣкую невѣрную, но любимую своимъ мужемъ жену. Пророкъ

[1]) Гошеа II, 21 וידעת את ה׳ должно читать ודעת את ה׳.

не только самъ не долженъ входить съ нею въ любовныя сношенія [1]), но и не допускать ее до блуда съ другими мужчинами. Въ устахъ пророка это „видѣніе“ означаетъ: несмотря на то, что Іегова любитъ израильскій народъ, онъ все же измѣнилъ Ему, и отвернувшись отъ Него къ чужимъ богамъ, полюбилъ статуи Астарты и Хамона; оно далѣе означаетъ, что сыны Израиля долгое время будутъ оставаться безъ царей и князей, безъ жертвенниковъ и колоннъ, безъ эфода и домашнихъ божковъ (Terapḥim [2]). И затѣмъ лишь, просвѣтленные долгими страданіями, они вновь обратятся къ своему Богу, въ концѣ временъ. Царямъ израильскимъ Гошеа пророчилъ совершенную гибель. Съ другой стороны онъ еще рѣшительнѣе, чѣмъ современные ему пророки предсказалъ сохраненіе дома Давидова и іудейскаго царства. „Потомъ обратятся сыны Израилевы и отыщутъ Господа Бога своего, и Давида, царя своего, и будутъ спѣшить къ Господу и благости Его въ послѣдніе дни“. При этомъ Гошеа порицалъ воинственность Узіи.

„А домъ Іудинъ Я помилую и спасу ихъ Господомъ Богомъ ихъ, ни лукомъ, ни мечомъ, ни войною, не конями и всадниками спасу ихъ“.

Глубокое нравственно-религіозное паденіе народа въ одномъ царствѣ и несчастія, обрушившіяся на него въ другомъ, вызвали изъ нѣдръ его пророческое краснорѣчіе, которое содержаніемъ и формою имѣло весьма важное вліяніе на народъ. Злодѣянія Ахава и Изевели сдѣлали пророкомъ Илію, преступленія же Іеровеама II и его приближенныхъ точно также обратили скромнаго пастуха Амоса и столь же скромнаго Гошеу въ краснорѣчивѣйшихъ трибуновъ, въ пламенныхъ пророковъ. Муки и надежды этихъ пророковъ, ихъ мысли и убѣжденія стали общимъ достояніемъ и дѣйствовали возбудающимъ и облагораживающимъ образомъ. Съ благоговѣніемъ внимавшіе ихъ рѣчамъ ученики сохранили ихъ въ своей памяти и записали. То были первые памятники пророческой литературы, которые впослѣдствіи встряхнули тупые народы земли. Амосъ, Гошеа, а также и Іоиль въ пророческихъ видѣніяхъ, нарисовавъ картину лучшей будущности, хотя въ слабыхъ чертахъ, обезпечили будущее своему народу; ибо народъ, имѣя въ перспективѣ блестящее будущее, не можетъ погибнуть подъ давленіемъ ужаснаго настоящаго. Одинъ изъ этихъ пророковъ, Іоиль или Гошеа, нарисовалъ картину будущаго, которая до сихъ поръ и долго еще будетъ идеаломъ лучшей части человѣчества.

„Въ концѣ временъ гора дома Господня будетъ утверждена на вершинѣ горъ, и возвысится болѣе, чѣмъ холмы, и всѣ народы будутъ стекаться къ ней. И пойдутъ многія племена и скажутъ: „придите и взойдемъ на го-

[1]) Т. же III, 3. וגם אני אליך должно быть дополнено וגם אני (לא אבא) אליך.

[2]) Т. же III, 4. Вмѣсто זבח слѣд. читать מזבח.

ру Господню, къ храму Бога Іаковлева, и Онъ научитъ насъ Своимъ путямъ, и мы пойдемъ по Его стезямъ". Ибо отъ Сіона выйдетъ законъ и слово Господне изъ Іерусалима. Онъ будетъ судить между народами и обличать могущественныхъ изъ нихъ. И перекуютъ они мечи свои въ сошники и копья въ серпы. Народъ не подниметъ меча на народъ и не станутъ больше пріучать себя къ войнѣ." [1])

Эта свѣтлая мечта о вѣчномъ мирѣ и превращеніи орудій войны въ орудія благотворной мирной дѣятельности неизмѣримо выше всего, о чемъ когда-либо мечтали передовые люди самыхъ просвѣщенныхъ народовъ древности. Всякій, кто не потерялъ вѣру въ людей, твердо вѣритъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что когда-нибудь придетъ день, когда люди устанутъ воевать, и позорному самоистребленію народовъ будетъ положенъ конецъ. Но такъ какъ война держится лишь на низкой морали народныхъ массъ, да на системѣ насилій, то осуществленіе этой пророческой мечты о всеобщемъ разоруженіи можетъ явиться лишь результатомъ высшаго нравственнаго развитія и просвѣщенія народовъ. Пророки и проповѣдывали поэтому израильтянамъ необходимость возвращенія къ высоконравственнымъ завѣтамъ Сіона. И слушатели ихъ проникались мыслью, что сіонское ученіе одно въ состояніи совершить нѣчто необыкновенное, произвести моральный переворотъ въ жизни народа и тѣмъ спасти его отъ духовнаго вырожденія.

Въ описываемую эпоху упомянутые три пророка не одни, впрочемъ, были носителями этихъ возвышенныхъ идей. Жилъ въ то же время одинъ даровитый поэтъ, описавшій ужасы землетрясенія при Узіи для назиданія. Онъ составилъ псаломъ, который формою и содержаніемъ превосходитъ псалмы временъ Давида. Составитель этого псалма старался успокоить и ободрить народъ. „Гласъ Господень надъ могучими водами, сокрушаетъ ливанскіе кедры, заставляетъ прыгать Ливанъ, подобно тельцу, и Хермонъ, подобно молодому буйволу, изсѣкаетъ огненное пламя, потрясаетъ пустыню Кадешъ и обнажаетъ лѣса. Но во храмѣ Его да воздадутъ Ему честь и хвалу".

„Господь, возсѣдавшій (на тронѣ Своемъ) во дни потопа, будетъ возсѣдать царемъ во вѣки. Онъ дастъ силу своему народу и благословитъ его миромъ" [2]).

[1]) Іешая II, 2 и сл. Миха IV, 1 и сл. Нѣкоторые толкователи полагаютъ, что мессіанская картина будущаго была начерчена Іоилемъ. Вѣроятнѣе, однако, будетъ предположить, что это происходило отъ Гошеи, который тоже говорилъ всегда о вѣчномъ мирѣ и употреблялъ выраженіе באחרית הימים (III, 5).

[2]) Псаломъ 29. Псаломъ 93, повидимому, принадлежитъ къ 29-му, такъ какъ онъ трактуетъ ту же тему.

Враждебныя рѣчи Амоса и Гошеи противъ Іегуидовъ, повидимому, возымѣли свое дѣйствіе. Какъ Элиша и его ученикъ вооружили противъ послѣдняго Омрида честолюбца, такъ и Амосъ и Гошеа громовыми рѣчами своими могли вооружить врага противъ послѣднихъ Іегуидовъ. Самъ Іеровеамъ II скончался въ глубокой старости послѣ долгаго и счастливаго царствованія, но, какъ только на престолъ вступилъ сынъ его, *Захарія* (769), противъ него былъ составленъ заговоръ, во главѣ котораго сталъ нѣкій *Шалумъ*, сынъ Явеша. Онъ убилъ четвертаго Іегуида въ Іивлеамѣ, на западной сторонѣ долины Іезреель. Захарія царствовалъ лишь шесть мѣсяцевъ. Его убійца съ такой же жестокостью истребилъ весь домъ Іеровеама, какъ нѣкогда Іегу истребилъ потомковъ Ахава. Даже женщины и дѣти не были пощажены. Шалумъ поспѣшилъ въ Самарію и занялъ престолъ. Но онъ царствовалъ всего одинъ мѣсяцъ. Ибо и противъ него былъ составленъ заговоръ нѣкіимъ *Менахемомъ*, сыномъ Гади, жителемъ бывшей царской резиденціи, Тирцы. Во главѣ своихъ соучастниковъ явившись въ Самарію, онъ умертвилъ Шалума (768) и занялъ вмѣсто него престолъ. Не всѣ города, однако, изъявили ему покорность. Такъ, городъ *Типсахъ* (Тапухъ), къ востоку отъ Тирцы, возсталъ противъ него и заперъ предъ нимъ свои ворота. Менахемъ былъ, однако, рѣшительнѣе своего предшественника. Онъ такъ долго осаждалъ непокорный городъ, пока онъ вынужденъ былъ сдаться. Въ наказаніе за непокорность Менахемъ вырѣзалъ всѣхъ его жителей, до беременныхъ женщинъ и грудныхъ дѣтей включительно. Съ такой же жестокостью онъ расправился и со всѣмъ населеніемъ примыкавшаго къ Типсаху округа. Послѣ этой кровавой бойни онъ вернулся въ Самарію и сталъ царствовать. Объ этомъ крайне жестокомъ царѣ, не пользовавшемся, повидимому, симпатіями народа, преданія не распространяются. Изъ нихъ можно, однако, заключить, что онъ упразднилъ культъ Ваала, но оставилъ въ Бетелѣ и Данѣ золотые тельцы. Что онъ еще сдѣлалъ, осталось неизвѣстнымъ. Менахемъ царствовалъ всего десять лѣтъ (768-58). Въ его правленіе впервые въ судьбы десятиколѣннаго царства вмѣшалось могущественное государство, которому впослѣдствіи суждено было положить конецъ дому Израиля.

Лучшіе люди въ этомъ царствѣ, изъ отвращенія къ тому, что въ немъ происходило, или подъ вліяніемъ пророковъ, обращали свои взоры на Іудею. Но и здѣсь въ то время, при Узіи, происходили вещи, которыя этимъ лучшимъ людямъ Израиля могли внушить такое же отвращеніе. При Узіи въ Іерусалимѣ, повидимому, происходили внутренніе раздоры, о которыхъ источники намѣренно умалчиваютъ. Вся дѣятельность царя сводилась исключительно къ упроченію военнаго могуще-

ства Іудеи, духовные же интересы народа были ему совершенно чужды и онъ относился къ нимъ съ самымъ пренебрежительнымъ равнодушіемъ если не съ презрѣніемъ. Къ аронидамъ онъ относился прямо враждебно тѣмъ болѣе, что съ тѣхъ поръ, какъ царь Іоашъ убилъ первосвященника Захарію, они сами враждовали съ царями. И если Узія пытался распространить свою власть на храмъ, то онъ встрѣчалъ рѣшительный отпоръ со стороны первосвященниковъ, которые считали себя независимыми отъ царей и такъ же помазывались въ свой санъ, какъ и потомки Давида. Поводъ къ обостренію отношеній между царемъ и первосвященникомъ при Узіи подали левиты. Эти священнослужители были недовольны своимъ подчиненнымъ положеніемъ въ храмѣ и своими весьма скудными доходами. Даже пѣвцы и музыканты, на которыхъ лежала вся служба въ храмѣ, занимали положеніе, мало чѣмъ отличавшееся отъ положенія храмовыхъ рабовъ-гивеонитовъ. Пѣвцы, а съ ними и прочіе левиты повидимому не разъ жаловались на это Узіи и онъ сталъ на ихъ сторону. Какими бы, впрочемъ, причинами это ни было вызвано, фактъ тотъ, что въ послѣдніе годы царствованія Узіи между нимъ и занимавшимъ тогда первосвященническій санъ *Азаріей* возникъ крупный конфликтъ вродѣ того, какой нѣкогда произошелъ между Іоашемъ и Захаріей (см. стр. 69). Самъ царь, можетъ быть, зналъ, или другіе ему напомнили, что въ древнѣйшее время перворожденные, т. е. главы израильскихъ родовъ и семействъ, имѣли право исполнять священническія обязанности. А то, что нѣкогда было закономъ и обычаемъ, могло, конечно, быть вновь введено. Желая повидимому уронить въ глазахъ народа престижъ первосвященника, Узія и въ самомъ дѣлѣ рѣшилъ возобновить этотъ древній обычай. Отправившись однажды въ храмъ, онъ прошелъ въ Святую Святыхъ и приступилъ къ куренію ѳиміама на золотомъ алтарѣ, т. е. исполнять религіозный обрядъ, который по закону имѣлъ право совершать лишь одинъ первосвященникъ. Арониды при видѣ этого кощунства пришли въ страшное негодованіе. Первосвященникъ съ восмидесятью священнослужителями послѣдовалъ за царемъ въ Святую Святыхъ и грозно обратился къ нему со слѣдующими словами: „Не тебѣ, царь, подобаетъ совершать куренія, а помазанному на то священнослужителю изъ дома Аронова. Уходи поскорѣе изъ святилища и не оскверняй его грѣшнымъ дѣломъ, которое не послужитъ къ твоей славѣ“ [1])

Что затѣмъ послѣдовало, осталось неизвѣстнымъ. Такъ какъ Узія въ послѣдніе годы свои былъ одержимъ неизлѣчимой проказой и до самой кончины своей долженъ былъ жить въ особомъ домѣ, отрѣзанный

[1]) Хроники II. XXVI, 16—18.

отъ всего міра, то въ народѣ стали говорить, что Богъ покаралъ его этой отвратительной болѣзнью за то, что онъ дерзнулъ присвоить себѣ обязанности первосвященника. Азарія безъ сомнѣнія воспользовался этимъ благопріятнымъ случаемъ, чтобы лишній разъ указать народу на исключительныя привилегіи первосвященства и на преимущества, которыми арониды, въ силу самимъ Моисеемъ установленнаго закона, искони пользовались, въ отличіе отъ подчиненныхъ имъ простыхъ священнослужителей-левитовъ. Азарія при этомъ, вѣроятно, не преминулъ напомнить израильтянамъ, собравшимся въ храмѣ, исторію Кораха и его товарищей, весьма близко напоминавшую его столкновеніе съ Узіей. Корахъ, левитъ и правнукъ самого Леви, вмѣстѣ съ 250 потомками Рувина однажды, во время странствованія израильтянъ въ пустынѣ, возстали противъ Моисея и Арона, какъ первосвященниковъ. „Весь народъ святъ,—говорилъ Корахъ,—и Іегова въ его средѣ, по какому же праву вы присвоили себѣ священство?“ Послѣдствія этого возмущенія были весьма печальны. Когда Корахъ съ своими приверженцами сталъ совершать куреніе, подъ ними разверзлась земля и проглотила ихъ. Кадильницы ихъ Моисей велѣлъ сохранить, дабы онѣ всегда напоминали народу, что мірянинъ, не принадлежащій къ потомству Арона, не вправѣ приближаться къ алтарю. Когда израильтяне стали затѣмъ роптать на Моисея за то, что онъ погубилъ Кораха и его товарищей, въ народѣ появилась чума, которую самому Арону едва удалось прекратить. Все это Азарія во время болѣзни Узіи напоминалъ народу, ссылаясь при этомъ на Моисеевы законы, по которымъ израильтяне, подъ страхомъ смерти, не должны переступать порога Святой Святыхъ. Сами левиты, по этому закону, состояли при аронидахъ лишь въ качествѣ помощниковъ для исполненія требъ, а также и для охраны святилища, но точно также не смѣли приближаться къ внутреннему алтарю храма.

Изъ борьбы съ царями первосвященники такимъ образомъ вышли побѣдителями. За нихъ былъ религіозный законъ, была освященная временемъ традиція, а это оружіе оказалось сильнѣе меча. Далеко не такъ легко было первосвященникамъ справиться съ другой, духовной силой, вскорѣ послѣ того вступившей съ ними въ борьбу. Къ концу царствованія Узіи были уже въ живыхъ пророки Іешая, Захарія I, Миха II и Гошеа II, объявившіе войну не только царской власти, но и всему оффиціальному духовенству.

ГЛАВА IV.

Паденіе десятиколѣннаго царства, домъ Давида и вторженіе Ассиріи.

Царь Менахемъ. Вавилоняне и ассиріяне. Завоеванія ассирійскихъ царей. Десятиколѣнное царство — вассалъ Ассиріи. Пекахъ, Рецинъ и Элулай. Іотамъ наслѣдуетъ престолъ своего отца Узіи. Его дѣянія. Порочность князей іудейскихъ. Начальникъ дворца. Пророкъ Іешая. Сила и оригинальность его рѣчей. Его пророческая школа. Анавимъ. Псалмы левитовъ. Египетъ, эѳіопская династія, завоеванія Сабако. Пророкъ Захарія I.

(758—740.)

Во время болѣзни царя Узіи Іудеей управлялъ его молодой сынъ *Іотамъ*. Въ десятиколѣнномъ царствѣ въ то же время царская власть была въ желѣзныхъ рукахъ узурпатора *Менахема*. Вершители судебъ обоихъ царствъ продолжали идти по старымъ, протореннымъ путямъ, не подозрѣвая, что на горизонтѣ собираются тяжелыя тучи, которыя въ скоромъ времени должны были разразиться надъ Израилемъ страшной грозой. Съ сѣвера, изъ странъ лежавшихъ по берегамъ Тигра и Евфрата, обоимъ царствамъ угрожала новая политическая катастрофа, болѣе страшная, чѣмъ всѣ ей предшествовавшія. Въ самыя древнія времена, еще до еврейскихъ патріарховъ, въ передней Азіи существовали два могущественныхъ государства. Въ низменности *Синеаръ* (Шинеаръ), тамъ, гдѣ сходятся берущія начало на Армянскомъ плоскогоріи и впадающія въ Персидскій заливъ рѣки Тигръ и Евфратъ, послѣ потопа возникло старо-вавилонское царство, группировавшееся вокругъ города *Вавилона*. Ежегодные разливы Евфрата, оставляя глубокій слой ила, оплодотворяли всю страну и вызывали обильные урожаи всякаго зерна и финиковъ. Рѣкою пользовались также и для сообщенія чрезъ Персидскій заливъ съ окрестными прибрежьями. Эта низменность, впослѣдствіи названная Мессопотаміей, въ доисторическія времена была обитаема народомъ, представлявшимъ смѣсь семитовъ, хамитовъ и арійцевъ, и различное происхожденіе котораго вызвало предположеніе, что это мѣсто было убѣжищемъ всѣхъ спасшихся отъ потопа и что именно отсюда вышли и разсѣялись по землѣ всѣ ея народы. Основателемъ старо-вавилонскаго царства, преданія называютъ легендарнаго охотника *Немврода*. Въ самыя незапамятныя времена здѣсь существовали уже обширные города, развалины которыхъ сохранились до нашихъ дней и вызываютъ удивленіе ученыхъ и туристовъ. Столица Вавилоніи славилась въ древности своей обширностью, своими стѣнами, башней Бела въ 600 футовъ вышиною, великолѣпными дворцами и, наконецъ, своей обширной торговлей. Кромѣ Вавилона здѣсь были города

Эрехъ (Орхой, нынѣ Варрака), *Калнэ* (нынѣ Нипуръ или Ниффоръ), *Сиппара* (Сепарваимъ), у Евфрата, гдѣ, по преданію, полубоги вавилонскіе закопали въ землѣ вавилонскія „Книги Мудрости", и, наконецъ, *Кута*, къ югу отъ Сиппары. Въ нѣкоторыхъ искусствахъ и ремеслахъ вавилоняне превзошли египтянъ и финикіянъ. Вавилонскіе ковры, напримѣръ, пользовались повсюду большимъ спросомъ, какъ предметы необыкновенной роскоши. Замѣчательная по тому времени архитектура вавилонская тѣмъ болѣе вызываетъ удивленіе, что въ этой странѣ не было, какъ и въ Египтѣ, каменныхъ ломокъ, и строители вавилонскіе могли пользоваться одними искусственными кирпичами, скрѣпляя ихъ асфальтомъ, который добивали изъ одного притока Евфрата, рѣки Исъ.

Болѣе важны заслуги вавилонянъ, позднѣйшихъ халдеевъ, въ астрономіи и времясчисленіи. Обширная и совершенно плоская равнина страны, замѣчательно прозрачный, сухой воздухъ, да безоблачныя большую часть года ночи давали вавилонскимъ жрецамъ возможность наблюдать теченіе звѣздъ и подмѣчать его законы. Вавилонскіе мудрецы первые стали вычислять и предсказывать солнечныя и лунныя затменія; они же первые опредѣлили прямое и обратное движеніе звѣздъ и круговоротъ зодіака. Для точнаго опредѣленія времени они при этомъ должны были фиксировать продолжительность года и привести, слѣдовательно, въ соотвѣтствіе время обращенія солнца съ обращеніемъ луны. Они поэтому впервые ввели високосные годы, съ помощью цикла въ шестьдесятъ лѣтъ (12 X 5, соссъ), въ теченіе котораго времена обращенія солнца и луны сходятся съ приближеніемъ въ три дня. Этотъ трехдневный излишекъ вавилонскіе астрономы регулировали съ помощью „нера", т. е. цикла въ 600 лѣтъ, и такимъ образомъ установили мѣсяцъ въ 29 дней и 12 часовъ съ дробью. Путемъ такого астрономическаго опредѣленія продолжительности мѣсяца, вавилоняне получили возможность установить правильный календарный годъ и такимъ образомъ въ точности опредѣлять время каждаго событія. Они же первые изобрѣли масштабъ для болѣе мелкихъ дѣленій времени, вошедшій во всеобщее употребленіе, установивъ раздѣленіе сутокъ на часы. Для дневного времени у нихъ существовали *солнечные* или *тѣневые часы* (Gnomon), для точнаго же опредѣленія времени ночью они пользовались посудой, наполненной водой, правильно вытекавшей въ отверстіе опредѣленнаго діаметра. Они даже придумали особый инструментъ для астрономическаго опредѣленія положенія солнечной и земной оси и временъ года. Параллельно съ мѣрами времени вавилоняне изобрѣли и всякія другія мѣры: кубическій футъ дождевой воды служилъ у нихъ единицей вѣса или талантомъ, по которому были установлены и единицы для измѣренія сыпучихъ тѣлъ, жидкостей и т. д. Съ числами же вавилоняне

очень искусно манипулировали, и для сложныхъ (въ квадратахъ) вычисленій изобрѣли даже особыя таблички, которыя были найдены при раскопкахъ на мѣстѣ, гдѣ нѣкогда стояли вавилонскіе города.

Подобно египтянамъ, финикіянамъ, грекамъ и другимъ народамъ древности, и вавилоняне, однако, на собственномъ примѣрѣ доказали, что можно достигнуть большого совершенства въ наукахъ и искусствахъ и въ то же время оставаться на весьма низкой ступени умственнаго и нравственнаго развитія. Всѣ эти астрономическія открытія вавилонскіе мудрецы сдѣлали такъ сказать попутно, не придавая имъ важнаго значенія и преслѣдуя при этомъ цѣли, ничего общаго съ наукой не имѣющія. Вавилоняне вѣрили, что по звѣздамъ можно предопредѣлить судьбу людей. „Звѣздочеты смотрѣли на небо и каждый мѣсяцъ предсказывали, что человѣку суждено“ [1]). Религія вавилонянъ представляла грубѣйшее идолопоклонство. Изъ многочисленныхъ народовъ, поселившихся въ долинѣ Сеннеара, каждый приносилъ съ собою въ эту страну своихъ боговъ, которые съ теченіемъ времени стали богами и всѣхъ прочихъ народностей. Такимъ образомъ у вавилонянъ получилось пятнадцать главныхъ божествъ и цѣлая масса второстепенныхъ,—разумѣется обоего пола. Наиглавнѣйшими изъ всѣхъ были *Белъ* и его супруга *Ваалтисъ* (Белтисъ, Мелитта). Божествами считались, кромѣ того: солнце (*Шамашъ*), луна *(Синъ-Урки)*, Юпитеръ (*Меродахъ* или *Белъ-Меродахъ*), Сатурнъ (*Нинъ*), Марсъ *(Нергалъ)*, Венера *(Иштаръ)* и Меркурій *[Небо]*. Всѣ эти боги и богини изображались въ идолахъ, которымъ вавилоняне усердно поклонялись. Главному богу Белу въ Вавилонѣ былъ посвященъ колоссальный храмъ съ вышеупомянутой высокой башней, въ которомъ находилось нѣсколько идоловъ, вылитыхъ изъ чистаго золота и золотые же столы съ яствами для утоленія аппетита истукановъ. Главное женское божество Белтисъ была богиней плодородія и культъ ея состоялъ въ развратѣ. Каждая вавилонянка обязана была въ извѣстные дни отправляться въ храмъ этой богини и тамъ ждать до тѣхъ поръ, пока первый встрѣчный мужчина, бросивъ ей монету со словами „призываю богиню Мелиту“ не уводилъ ее въ тутъ же находившійся альковъ. Монеты принадлежали храму или, вѣрнѣе, жрецамъ. Этотъ культъ довелъ распутство въ Вавилонѣ до невѣроятныхъ размѣровъ. Не только дѣвицы, но и замужнія женщины всѣхъ классовъ свободно и открыто отдавались всякому и каждому.

Приблизительно въ XXIII вѣкѣ до Р. Хр. изъ Вавилоніи вышелъ завоеватель, покорившій всю сѣверную, болѣе возвышенную часть Месо-

---

[1]) Іешая XLVII, 13.

потаміи. Завоевателя этого звали *Ашуръ* и этимъ же именемъ онъ назвалъ основанное имъ государство *Ашуръ* или *Ассирію,* примыкавшее къ главному его городу *Ниневіи*. И эта столица была весьма обширна, имѣя „три дня пути въ окружности", о чемъ можно судить по ея сохранившимся донынѣ развалинамъ. Мало-по-малу расширивъ свои владѣнія дальнѣйшими завоеваніями къ сѣверу, востоку и западу страны, Ассирія въ 1274 г. отложилась отъ Вавилоніи. Благодаря болѣе суровому климату страны, жители ея были сильнѣе, энергичнѣе и воинственнѣе вавилонянъ. Продолжая свои завоеванія, ассирійскіе цари покорили почти всѣ народы, жившіе на расположенномъ къ сѣверу отъ Ассиріи плоскогорьѣ, и въ томъ числѣ *мидянъ, армянъ, скиѳовъ* и *арамейцовъ* верхняго Евфрата. Сама Вавилонія подпала подъ ея власть. Ассирія такимъ образомъ мало-по-малу стала однимъ изъ могущественнѣйшихъ государствъ древности, вторымъ послѣ Египта. Въ культурномъ отношеніи она ничѣмъ не отличалась отъ Вавилоніи. Языкъ былъ одинъ и тотъ же,—смѣсь всевозможныхъ діалектовъ съ преобладаніемъ арамейскаго, весьма близко подходящаго къ еврейскому и финикійскому. Клинообразное ассирійское письмо также было заимствовано изъ Вавилона. И религія у ассиріянъ была та же, что у вавилонянъ, съ той единственной разницей, что къ сонму боговъ они еще причислили основателя своего царства Ашура, котораго почитали больше самого Бела. Потомки и ученики вавилонянъ, ассиріяне во многомъ, однако, превзошли своихъ предковъ и учителей. Ихъ монументы, для которыхъ они употребляли не одни кирпичи, но и камень, были еще колоссальнѣе и роскошнѣе вавилонскихъ и богато украшались живописью и высѣченными изъ камня фигурами. Выше всѣхъ боговъ ассиріяне ставили своихъ царей. Въ сравненіи съ обширными и великолѣпными дворцами ассирійскихъ правителей, храмы, посвященные мѣстнымъ божествамъ, были мизерными капищами. Ассирійскіе цари вели войны, охотились въ лѣсахъ за дичью и пировали. На монументахъ они изображаются всегда съ колчаномъ и лукомъ въ рукахъ, убивающими плѣнныхъ непріятелей, охотящимся за львами или же пирующими въ своихъ роскошныхъ дворцахъ. Ассиріяне были сильнымъ, энергичнымъ, склоннымъ къ жестокости и насиліямъ народомъ, который его цари-завоеватели закалили въ непрерывныхъ войнахъ. Страна изобиловала лошадьми и ассиріяне въ качествѣ отличныхъ ѣздоковъ легко могли одерживать верхъ надъ противниками, располагавшими одной пѣхотой. Пророкъ Іешая слѣдующимъ образомъ рисуетъ ассирійскихъ воиновъ: „они идутъ быстро и легко, не уставая и не слабѣя; они не спятъ и не дремлютъ; поясъ у нихъ никогда не снимается съ бедра, а ремень не развязывается у сапогъ. Стрѣлы у нихъ всегда заострены и луки натянуты; копыта ихъ коней подобны кремню,

а колесницы—мчащемуся вихрю. Ревъ ихъ напоминаетъ рычаніе льва: „зарычитъ, схватитъ добычу, умчится съ ней и никто ея у него не вырветъ“ [1]). У ассиріянъ, какъ у всѣхъ народовъ древности—за исключеніемъ грековъ и римлянъ—цари были ничѣмъ неограниченными деспотами: народъ для нихъ представлялъ лишь орду невольниковъ, которыхъ во всякое время можно было вести на убой. Ассирійскіе властелины титуловали себя „великими царями“ и похвалялись, что подчиненные имъ князья сами были царями [2]).

Расширивъ свои владѣнія насчетъ всѣхъ къ востоку и сѣверу отъ нихъ лежавшихъ странъ, ассиріяне обратили свои взоры на западъ и югъ. Прежде всего они рѣшили захватить богатое финикійское побережье, а затѣмъ и Египетъ, блескъ и богатства котораго также манили ихъ къ завоеваніямъ. На мысль о захватѣ всей страны, лежавшей къ западу отъ Евфрата, ихъ вѣроятно натолкнула вѣсть о покореніи Дамаска и Хамата Іеровеамомъ II (см. стр. 81). Возможно, что покоренные арамейцы обратились за помощью къ ниневійскому царю. Такимъ образомъ впервые на израильской землѣ появились ассирійскія полчища, которымъ суждено было въ теченіе пятидесяти лѣтъ держать въ страхѣ и Самарію и Іудею, а затѣмъ положить конецъ десятиколѣнному царству. *Фулъ* былъ первый ассирійскій царь, вступившій на израильскую землю. Войско его, съ многочисленной конницей и боевыми колесницами, чрезъ Хаматъ и Дамаскъ вступило прежде всего въ Заіорданье, напало на гилеадскіе города, увело въ плѣнъ тѣхъ израильтянъ, которые не успѣли спастись бѣгствомъ, и разграбило ихъ имущество. Затѣмъ ассиріяне перешли Іорданъ и вступили во владѣнія Зевулонова и Нафталіева колѣнъ. Царь Менахемъ даже и не подумалъ выставить противъ столь могучаго войска свое ополченіе. Внутреннія неурядицы къ тому же до того ослабили въ это время израильскую страну, что о сопротивленіи нечего было и помышлять. Народъ ненавидѣлъ цареубійцу Менахема, а страшныя жестокости, съ помощью которыхъ онъ овладѣлъ престоломъ, были еще свѣжи въ памяти у всѣхъ. Друзья и приверженцы убитаго царя усиливали еще въ народѣ ненависть къ царю. Когда Фулъ вступилъ на израильскую территорію, враги Менахема повидимому обратились къ нему съ просьбой низложить навязавшаго себя народу царя. Менахемъ, однако, предупредилъ ихъ. Онъ также отправился къ Фулу и обѣщалъ ему колоссальную по тѣмъ временамъ сумму въ тысячу „кикаровъ“ серебра (около трехъ съ половиной милліоновъ рублей), если онъ его оставитъ на престолѣ. Ассирійскій царь, который по неизвѣстнымъ причинамъ не хотѣлъ или не могъ завоевать десятиколѣнное

[1]) Іешая V, 26—29; Т. же XXXVI, 4; X, 8.

[2]) Іешая XXXVI, 4; X, 8.

царство, удовольствовался этимъ выкупомъ и ушелъ за Іорданъ. Выкупную сумму Менахемъ выдалъ не изъ своей казны, а наложилъ на всѣхъ состоятельныхъ израильтянъ, причемъ каждому изъ нихъ пришлось уплатить по 50 шекелей (около 58 рублей [1]).

Это было, такъ сказать, началомъ конца. Пророчество Амоса, за полвѣка до того ясно предсказавшаго, что нѣкій могущественный народъ придетъ издалека и изгонитъ израильтянъ изъ ихъ земли въ отдаленную страну за Дамаскомъ и Хаматомъ (см. стр. 87), стало сбываться. Захваченные Фуломъ въ плѣнъ гилеадиты были первыми израильтянами, уведенными въ Ассирію. Несмотря на это, десятиколѣнное царство не было еще сломлено, по крайней мѣрѣ въ матеріальномъ отношеніи. Оно насчитывало еще 60 000 богатыхъ людей, которые въ состояніи были выплатить огромный выкупъ. Менахемъ, наконецъ, располагалъ еще ополченіемъ и цѣлымъ рядомъ укрѣпленныхъ городовъ, на которые онъ, какъ ему казалось, могъ еще расчитывать. Но „сѣдина,—какъ мѣтко выразился тогда одинъ пророкъ [2],—покрывала уже голову народа". Внутренніе раздоры мало по малу расшатали государственное зданіе Израиля. Когда Менахемъ умеръ (757), его сынъ и преемникъ *Пекахія* продержался на престолѣ едва два года. Одинъ изъ его воиновъ *Пекахъ,* сынъ Ремаліи, составилъ противъ него заговоръ, убилъ его въ его же дворцѣ въ Самаріи (756) и занялъ вмѣсто него престолъ. Объ этомъ новомъ цареубійцѣ, седьмомъ со времени возникновенія десятиколѣннаго царства, сохранилось очень мало извѣстій. Изъ нихъ видно, однако, что Пекаху пришлось устранить двухъ конкуррентовъ, *Аргова* и *Арье,* прежде чѣмъ онъ могъ занять престолъ [3]). Какіе-то 50 гилеадитовъ при этомъ, повидимому, играли большую роль,—неизвѣстно, въ качествѣ ли соучастниковъ цареубійцы или его противниковъ.

Предпослѣдній царь израильскій, Пекахъ (755—736) былъ такой же рѣшительный, жестокій, ни предъ чѣмъ не отступавшій человѣкъ и правитель, какъ и Менахемъ, и еще сильнѣе притѣснялъ народъ, чѣмъ его предшественники. Преданіе характеризуетъ его, какъ „дурного пастуха, который оставилъ стадо свое на произволъ судьбы, пропавшихъ овецъ не розыскалъ, раненныхъ не лѣчилъ, за больными не ходилъ, а здоровыхъ самъ съѣлъ". Чтобы отвратить новое нашествіе ассиріянъ, онъ вступилъ въ союзъ, который сосѣдніе цари заключили между собой, чтобы соединенными силами защищаться противъ ниневійскихъ завоевателей. Трудно установить съ точностью, кому именно принадлежала идея этого союза;

[1]) Цари II. XV, 19-20.

[2]) Гошеа VII, 9.

[3]) См. Примѣчаніе I.

скорѣй всего эту мысль могъ подать Дамаскъ, который къ тому времени успѣлъ уже отложиться отъ десятиколѣннаго царства, имѣлъ опять своего царя, *Рецина*, и ближе всѣхъ былъ къ Ассиріи. Въ союзъ вступили, кромѣ Дамаска, также и два другія арамейскія княжества, Хаматъ и Цоба. Присоединилась, повидимому, также и финикійская столица Тиръ, царь которой *Элулай* больше всѣхъ боялся ассирійскаго нашествія. Сомнительно, примкнула ли къ этому союзу также и Іудея.

Новый царь Іудеи *Іотамъ* (754—740) ничѣмъ рѣшительно не выдавался. Человѣкъ безъ всякой иниціативы, онъ просто слѣдовалъ по пути, проложенному его отцомъ Узіей. Подобно ему, онъ все свое вниманіе удѣлялъ мѣрамъ по обезпеченію внѣшней безопасности государства, заботился о конницѣ, о боевыхъ колесницахъ, о возведеніи новыхъ укрѣпленій и т. д.; онъ умножилъ также число торговыхъ судовъ, плававшихъ по Красному морю и своими сношеніями съ чужими странами привлекавшихъ въ Іудею большія богатства. Онъ продолжалъ укрѣплять Іерусалимъ и главнымъ образомъ съ плохо защищенной восточной стороны, гдѣ стоялъ храмъ. Склоны холма Офеля были, правда, въ этомъ мѣстѣ защищены сосѣдней Кидронской долиной и валомъ, но и то и другое могло служить защитой лишь противъ сосѣднихъ разбойничьихъ шаекъ, не умѣвшихъ вести правильной осады. Эти шайки нетрудно было отбросить простой стрѣльбой и метаніемъ камней съ высоты вала. Противъ искусныхъ же въ веденіи войнъ и снабженныхъ осадными орудіями армій этого вала было, разумѣется, недостаточно. Іотамъ расширилъ поэтому и сильно укрѣпилъ восточныя стѣны города. Такія же укрѣпленія онъ возвелъ и вокругъ нѣкоторыхъ другихъ городовъ, расположенныхъ въ области Іудейскихъ горъ, на лѣсистыхъ вершинахъ послѣднихъ воздвигнувъ кромѣ того рядъ цитаделей и башенъ. Съ десятиколѣннымъ царствомъ или съ царемъ его Пекахомъ Іотамъ жилъ въ мирѣ; есть даже основаніе думать, что между ними существовало нѣчто въ родѣ союза.

Вслѣдствіе какихъ-то оставшихся неизвѣстными событій, происшедшихъ во время болѣзни Узіи и регенства Іотама, представители знатныхъ фамилій въ Іерусалимѣ пріобрѣли въ это время такую власть, что самъ царь какъ бы стушевался предъ ними. „Князья Іуды" стали распоряжаться всѣмъ и всѣми въ столицѣ, по своему усмотрѣнію рѣшали важнѣйшія государственныя дѣла, захватили въ свои руки судъ и мало по малу отодвинули Іотама на самый задній планъ [1]). Рядомъ съ царскимъ домомъ на первый планъ выступилъ „домъ Натана", потомки одного изъ младшихъ сыновей Давида. Ведя свое происхожденіе по прямой линіи отъ

[1]) См. Примѣчаніе 2.

основателя іудейскаго царства, эти князья считали себя равными съ царемъ. Изъ нихъ, повидимому, при всѣхъ царяхъ назначались начальники дворца. Благодаря своему высокому положенію и близости къ престолу, они мало-по-малу достигли большого вліянія. При Іотамѣ одинъ изъ этихъ мажордомовъ, всѣ обязанности котораго сводились лишь къ завѣдыванію дворцовой прислугой, сталъ титуловать себя „правителемъ двора" и фактически захватилъ въ свои руки всю власть, такъ что самъ Іотамъ только царствовалъ, но не управлялъ. Главы другихъ знатныхъ семействъ, старѣйшины іудейскіе, также держались при Іотамѣ весьма независимо и ввѣренными имъ областями управляли по своему произволу, почти не считаясь съ царскими приказами. Войдя въ сдѣлку съ „правителемъ двора" они могли затѣмъ безпрепятственно распоряжаться въ своей области, какъ неограниченные царьки. А такъ какъ имъ издавна поручались также и судебныя функціи, то они буквально держали въ своихъ рукахъ все населеніе. Эти большіе господа, „князья Іуды", были живой язвой, разъѣдавшей государственный организмъ Іудеи. Аристократическая каста по натурѣ своей была властолюбива и корыстна, склонна къ ничему не обязывающимъ привилегіямъ, къ паразитизму насчетъ неблагородной черни, къ богатымъ и виднымъ синекурамъ, дающимъ представителямъ ея возможность удовлетворять свои утонченныя потребности и сохранить свой аристократическій престижъ,—разумѣется, если домогательства ихъ не встрѣчаютъ надлежащаго отпора сверху или снизу, со стороны престола или самаго народа.

Ни самъ Іотамъ, ни масса іудейская, однако, такого отпора князьямъ Іуды не въ состояніи были дать и населенію отъ этого пришлось немало пострадать. Князья прежде всего стремились къ обогащенію насчетъ народа, къ расширенію своихъ частныхъ владѣній насчетъ имѣній небогатыхъ и невліятельныхъ землевладѣльцевъ. Въ неурожайные годы они охотно ссужали послѣднихъ деньгами, зерномъ на прокормъ или посѣвъ, а когда кредиторы не уплачивали долговъ въ срокъ съ подобающими процентами, они просто отнимали у нихъ ихъ участки, лишая ихъ всякихъ средствъ къ существованію. Другіе вельможи поступали еще проще, подъ самыми пустыми предлогами насильственно захватывая участки своихъ сосѣдей. Никакія жалобы не помогали, такъ какъ судьи были такими же грабителями или безсовѣстными взяточниками. Это систематическое обираніе мелкихъ землевладѣльцевъ, превращая честныхъ тружениковъ въ нищихъ, создавало съ одной стороны небольшую группу богатѣйшихъ хищниковъ, а съ другой—гораздо болѣе многочисленный классъ крайне озлобленныхъ пролетаріевъ или даже рабовъ. Ибо ростовщики изъ аристократовъ не останавливались и предъ обращеніемъ въ рабство неисправныхъ

должниковъ своихъ, или ихъ сыновей и дочерей. Сплошь и рядомъ случалось, что вчерашній землевладѣлецъ на другой день обрабатывалъ въ качествѣ раба у него же отнятое поле.

Крайняя порочность высшаго сословія вызвала эти жестокія несправедливости и она же была ихъ результатомъ. Князья Іуды хотѣли жить и наслаждаться и вся ихъ жизнь дѣйствительно представляла не что иное, какъ одинъ сплошной праздникъ. Съ утра до поздней ночи они пировали и съ бокалами въ рукахъ, при звукахъ лютней, арфъ и флейтъ. Но вино и музыка были самыми невинными удовольствіями въ сравненіи съ тѣмъ распутствомъ, которому опьяненные вельможи на этихъ пирахъ предавались. Однако, съ какимъ пренебреженіемъ они не относились къ строгой морали израильскаго вѣроученія, все же оно въ извѣстной степени стѣсняло ихъ, мѣшало имъ предаваться разврату на полной свободѣ. И пока это вѣроученіе преобладало въ Іудеѣ, князья не могли удовлетворять въ полной мѣрѣ своей жажды чувственныхъ наслажденій. На помощь имъ явилось союзное десятиколѣнное царство. Здѣсь, въ столицѣ Самаріи, разнузданные нравы не только не встрѣчали никакой помѣхи со стороны закона,—они, наоборотъ, какъ бы были освящены религіей, составляли необходимый ея аттрибутъ. Культъ Ваала и Астарты даже прямо предписывалъ такъ называемую свободную любовь. Преемники же Іеровеама II не только не думали упразднять этого культа, но сами явно ему покровительствовали. Въ Самаріи и Бетелѣ на каждомъ шагу встрѣчались храмовыя гетеры, кровосмѣшеніе было самымъ обычнымъ явленіемъ, а вино лилось рѣкой. Отсюда-то, отъ самарійскихъ вельможъ, отъ „пьяницъ-эфраимитовъ“ [1]) князья Іуды заимствовали неизвѣстный дотолѣ въ Іудеѣ культъ Ваала со всѣми его аттрибутами, какъ бы уничтоживъ границы двухъ царствъ и сдѣлавъ изъ нихъ одно. Въ качествѣ усердныхъ учениковъ своихъ самарійскихъ учителей, они не преминули обзавестись золотыми и серебряными идолами Ваала и Астарты, что имъ, при ихъ огромныхъ всякими неправдами добытыхъ богатствахъ, ничего, конечно, не стоило. Культъ Іеговы, правда, продолжалъ считаться оффиціальной религіей, и царь, вмѣстѣ съ аронидами и левитами, присутствовалъ на богослуженіяхъ въ іерусалимскомъ храмѣ, но это нисколько не мѣшало аристократамъ исповѣдывать свой приватный культъ и усердно служить Ваалу. Этотъ трогательный союзъ обоихъ царствъ результатомъ своимъ имѣлъ то, что отвратительное идолопоклонство, распутство, пьянство, и въ связи съ ними крайнее паденіе нравовъ вообще стали такимъ же обычнымъ явленіемъ въ Іудеѣ, какъ и въ десятиколѣнномъ царствѣ...

---

[1]) Іешая XXVIII, 1, 3.

Какъ ни сильна была эта порочная аристократія въ обоихъ царствахъ, нашлись, однако, люди, которые сумѣли добиться того, чтобы эти отвратительные языческіе нравы, вмѣстѣ съ культомъ Ваала, не получили санкціи закона, а слѣдовательно и распространенія среди всей массы народа. Въ это самое время (753) далеко на западѣ былъ основанъ городъ, которому суждено было сыграть огромную роль въ судьбахъ древняго и новаго міра. Римское государство съ самаго своего начала было построено на соціальномъ неравенствѣ, на господствѣ аристократіи, третировавшей массу народа, какъ низшій и безправный классъ. Въ Римѣ никто, подъ страхомъ тяжелаго обвиненія въ государственномъ преступленіи, не смѣлъ протестовать противъ этого строя. Вопіющія соціальныя несправедливости и тяжелое угнетеніе плебеевъ и рабовъ патриціями благополучно поэтому существовали въ Римѣ много столѣтій, какъ основной государственный законъ. Такъ оно было и во всѣхъ прочихъ государствахъ древности. Израильское царство, напротивъ, никогда не доходило, да и не могло дойти до открытаго узаконенія такого правового порядка. Здѣсь никогда не было недостатка въ сильныхъ духомъ людяхъ, громко осуждавшихъ всякую общественную неправду и безбоязненно выступавшихъ на защиту слабыхъ противъ сильныхъ. Какъ разъ въ описываемую нами эпоху упадка въ царствованія Іотама въ Іудеѣ и Пекаха въ Самаріи, изъ нѣдръ народа вышло нѣсколько такихъ пророковъ, въ пламенныхъ рѣчахъ своихъ возстававшихъ противъ безнравственныхъ угнетателей народа, князей израильскихъ и іудейскихъ. То было третье поколѣніе великихъ пророковъ, послѣ Иліи, Элиши и Михи, въ первомъ поколѣніи, и Амоса, Іоеля и Гошеи I, во второмъ.

Величайшимъ изъ этихъ новыхъ народныхъ трибуновъ былъ *Іешая*, сынъ Амоца. Съ другими современными пророками, Захаріей, Гошеей II и Михой II, онъ имѣлъ то общее, что съ такимъ же мужествомъ, какъ они, называлъ пороки высшаго общества ихъ настоящимъ именемъ и съ такой же энергіей ихъ осуждалъ. Но онъ превосходилъ и ихъ, и вообще всѣхъ своихъ предшественниковъ, своей прозорливостью, глубиной и богатствомъ мыслей, возвышенностью и красотой своего поэтическаго стиля. Пророческое краснорѣчіе его соединяло величавую простоту съ глубиною, сжатость выраженія съ общедоступностью, мѣткіе сарказмы рядомъ съ чисто-лирическими изліяніями. Если сила его голоса равнялась его краснорѣчію, то Іешая долженъ былъ производить глубокое, неотразимое впечатлѣніе на своихъ слушателей. О личной его жизни извѣстно только то, что у него была жена, которой также являлись пророческія видѣнія [1]), и что

[1]) Іешая VIII, 3.

онъ, какъ и всѣ пророки, носилъ власяницу. Подобно Иліи, Іешая смотрѣлъ на свое пророчество, какъ на единственную свою задачу въ жизни, какъ на миссію, возложенную на него самимъ Богомъ; къ исполненію этой миссіи онъ относился съ чрезвычайной серьезностью. Вѣрный своему долгу, онъ не уставалъ обличать пороки и злоупотребленія высшихъ классовъ призывать народъ къ духовному возрожденію и нравственному самоусовершенствованію, къ возвращенію къ національнымъ идеаламъ, которые пророкъ рисовалъ народу въ блестящихъ картинахъ. Своимъ сыновьямъ Іешая давалъ символическія имена, которыми онъ указывалъ на грядущія событія. Одного изъ нихъ онъ назвалъ „Schear Jaschub" („остатокъ вернется"), желая этимъ сказать, что часть народа вернется къ своему Богу, но *только часть*. Другому сыну своему онъ далъ имя „Maher Schalal Chasch-Baz" („скоро станетъ добычей"), какъ бы предсказывая, что два опасные противника дома Давидова скоро станутъ добычей ассиріянъ [1]). Сорокъ пять лѣтъ (755—710) Іешая пророчествовалъ самоотверженно, неутомимо, стойко и безбоязненно. Въ самыхъ опасныхъ положеніяхъ, въ наиболѣе критическіе моменты, когда всѣ, отъ мала до велика, когда сами цари и князья приходили въ отчаяніе, онъ одинъ, увѣренный въ конечномъ торжествѣ справедливости, внушалъ народу надежду на лучшее будущее и призывалъ къ мужеству въ несчастіи.

Съ первой рѣчью своей пророкъ выступилъ въ годъ смерти Узіи (755), когда ему было около тридцати лѣтъ. Въ этой рѣчи онъ возвѣстилъ народу о первомъ видѣніи своемъ и о томъ, какъ онъ былъ избранъ въ пророки. „Я видѣлъ,—разсказывалъ онъ,—Іегову Саваоѳа, сидящаго въ храмѣ на высокомъ тронѣ, окруженномъ шестикрылыми серафимами. Одинъ изъ серафимовъ воззвалъ къ другому: „Святъ, святъ, святъ Іегова—Саваоѳъ!" такимъ громовымъ голосомъ, что дверные косяки храма задрожали. Тогда я сказалъ: „Горе мнѣ, я погибъ, ибо я человѣкъ съ нечистыми устами, живущій среди народа съ нечистыми же устами, а глаза мои видѣли Бога Саваоѳа!" Тогда прилетѣлъ ко мнѣ одинъ изъ серафимовъ, держа въ рукѣ раскаленный камень, взятый имъ съ алтаря, коснулся имъ моихъ устъ и сказалъ: Вотъ теперь, послѣ этого прикосновенія, нѣтъ у тебя больше вины и грѣхи твои всѣ прощены!" И услышалъ я затѣмъ гласъ Господень, вопрошающій: „Кого Я пошлю? И кто для Насъ пойдетъ?" Тогда я сказалъ: „Я готовъ, Господи, пошли меня!" И въ отвѣтъ мнѣ было внушено: „Пойди и скажи этому народу: Слушайте только, но не понимайте, смотрите и не замѣчайте! Сдѣлай сердце того народа безчувственнымъ, уши его глухими и глаза его слѣпыми, дабы онъ

[1]) Іешая VII, 3; X, 21; VIII, 3-4.

не видѣлъ, не слышалъ и сердцемъ своимъ ничего не чувствовалъ, ибо иначе онъ можетъ обратиться и спастись!" Тогда я сказалъ: Доколѣ же, о Господи? И онъ отвѣчалъ мнѣ: „Пока не опустѣютъ города ихъ отъ недостатка жителей, а дома отъ безлюдья, и пока вся земля ихъ не обратится въ пустыню. Іегова удалитъ изъ нея людей и она всѣми будетъ покинута. И если останется въ ней только одна десятая часть, то и она подлежитъ уничтоженію, но подобно дубу и теребинту, отъ которыхъ послѣ пожара остается корень—такъ и этотъ остатокъ будетъ сѣменемъ, изъ котораго произрастетъ новое поколѣніе".

Какое богатое содержаніе въ этомъ простомъ разсказѣ! Храмъ, какъ обитель превеликаго и пресвятого Бога, среди безчувственнаго, слѣпого и глухого народа, который ничего не хочетъ слышать и понимать! Какимъ путемъ примирить эту противоположность? Если погрязшій въ грѣхахъ народъ не исправится, то одно лишь истребленіе его въ состояніи будетъ уничтожить это непримиримое противорѣчіе между нимъ и святымъ Богомъ. Опустошительная гроза пощадитъ, однако, небольшой остатокъ праведныхъ. Самое уничтоженіе народа есть лишь угроза, которая можетъ и не исполниться, и народъ можетъ еще спастись, если онъ рѣшится видѣть, слышать и понимать. Это спасеніе долженъ осуществить пророкъ самъ взявшій на себя эту миссію. Какъ онъ ее исполнитъ? Прежде всего своими сильными, убѣдительными рѣчами, а затѣмъ еще и другимъ средствомъ.

Въ первой рѣчи своей Іешая только мимоходомъ упоминаетъ о порочности сильныхъ во Израилѣ и какъ бы мимоходомъ замѣчаетъ, что они недоступны раскаянію. Во второй же рѣчи онъ уже гораздо обстоятельнѣе говоритъ объ этомъ и развертываетъ предъ князьями Іуды картину ихъ нечестивыхъ подвиговъ. Насмѣшливо и дерзко отвѣчали они на его предостереженія: „Пусть Іегова исполнитъ поскорѣе свои угрозы, дабы мы Его увидѣли, пусть прежде сбудется Его приговоръ, и тогда мы Его признаемъ!" Іешая бичуетъ затѣмъ ослѣпленныхъ идолопоклонниковъ Іудеи, ихъ издѣвательства надъ правосудіемъ, грабежи ихъ, ихъ жажду наслажденій и, въ особенности, тщеславіе, страсть къ роскоши и легкіе нравы знатныхъ израильтянокъ,—указывая при этомъ на печальныя послѣдствія всѣхъ этихъ прегрѣшеній. Рѣчь свою пророкъ начинаетъ не громовыми, а, напротивъ, мягкими, ободряющими словами. Онъ указываетъ на высокую миссію израильскаго народа, на идеальный характеръ ученія, которое онъ призванъ культивировать, и храма, это ученіе возвеличивающаго и распространяющаго. Іешая при этомъ пользуется возвышенными словами одного изъ прежнихъ пророковъ.

..."Въ концѣ временъ,—говоритъ онъ,—гора Господня будетъ воздвигнута на вершинахъ горъ, и будетъ она выше всѣхъ земныхъ возвышенностей. И всѣ народы будутъ къ ней стекаться... Ибо изъ Сіона произойдетъ законъ и слово Божіе придетъ изъ Іерусалима... Народъ никогда больше не подниметъ меча на народъ, и люди не будутъ больше пріучать себя къ войнѣ"[1]).

Послѣ этого вступленія пророкъ продолжаетъ:

"Приди ко мнѣ домъ Іакова, и будемъ шествовать по путямъ Іеговы. Но ты не идешь, ибо ты оставилъ законъ свой, домъ Іакова! И полонъ сталъ этотъ домъ чародѣевъ и оракуловъ, какъ у филистимлянъ, и всякихъ иныхъ порожденій чуждаго ему духа. Земля Іакова наполнилась серебромъ и золотомъ, и нѣтъ числа ея сокровищамъ; страна изобилуетъ конями, и нѣтъ числа ея боевымъ колесницамъ. Домъ Іакова наполненъ идолами и поклоняется онъ издѣлію своихъ рукъ, тому, что его же пальцы сдѣлали. Такъ палъ человѣкъ, до того унизились люди! Удались въ горы, Іаковъ, скройся въ землѣ предъ грозой Іеговы, предъ блескомъ Его святости, когда онъ грянетъ на тебя, чтобъ тебя устрашить".

"Человѣкъ,—продолжаетъ далѣе пророкъ,—еще болѣе будетъ униженъ и гордость его будетъ смирена. Придетъ гибель на всѣхъ высокомѣрныхъ и знатныхъ, на высокіе кедры Ливана, на дубы Башана, на всѣ горы и холмы, на высокія башни, на гордо вздымающіяся въ высь крѣпостныя стѣны, на всѣ корабли тарсійскіе, на всякое искусственное порожденіе прихоти. Такъ уничтожено будетъ величіе человѣческое, и гордость людская будетъ смирена. Одинъ Богъ будетъ въ тотъ день Всемогущъ". . . . .

"И какъ дымъ исчезнутъ идолы. Истуканы изъ золота и серебра, которые человѣкъ сдѣлалъ себѣ для того, чтобы имъ поклоняться, онъ въ тотъ день заброситъ въ норы кротовъ и мышей. И уйдетъ въ ущелья скалъ и въ пещеры предъ грозою Господней и величіемъ Божьимъ!" [2]).

"Пусть только народъ не понадѣется на вождей своихъ, ибо они также ненадежны, какъ крѣпкія стѣны и высокія башни. Сломана будетъ всякая опора, герой и воинъ, правитель, совѣтникъ и мудрецъ, оракулъ и пророкъ. Огроки будутъ господствовать въ семьѣ, и дойдетъ до того, что всякаго человѣка, у котораго окажется приличная одежда, будутъ умолять, чтобы онъ сталъ начальникомъ народа и водворилъ порядокъ, а онъ отклонитъ отъ себя эту честь." Далѣе пророкъ переходитъ къ "безсовѣстнымъ князьямъ Іуды";

---

[1]) См. выше стр. 94.

[2]) Іешая II, 5—21.

„Народъ мой! Правители твои—твои разорители и женщины—господа твои; вожди твои вводятъ тебя въ заблужденіе и свели тебя съ пути... Но Господь учинитъ судъ надъ старѣйшинами своего народа и его князьями (и скажетъ имъ): „Вы похитили чужіе виноградники, вы ограбили бѣдныхъ и награбленное спрятали въ своихъ домахъ. За что же вы топчете ногами мой народъ и въ рабовъ обращаете его дѣтей?“

Въ этой рѣчи Іешая ближе уже подходитъ къ корню бичуемаго имъ зла, отъ котораго произошли и религіозныя заблужденія и жестокія несправедливости властъ имущихъ. Этотъ корень зла пророкъ видитъ въ неутолимой жаждѣ наслажденій, возбуждаемой въ особенности женами, которыя, чтобы удовлетворить свою ненасытность, заставляютъ мужей своихъ, князей Іуды, обирать, грабить и порабощать своихъ слабыхъ сосѣдей. Но чѣмъ же эти жены такъ плѣняютъ мужей своихъ и мужчинъ вообще, что они могутъ господствовать надъ народомъ?—спрашиваетъ пророкъ и отвѣчаетъ на то: „своимъ кокетствомъ и соблазнами“, которыми они обольщаютъ неразумныхъ.

„Ибо возгордились дочери Сіона. Ходятъ съ высоко поднятой головой, съ нескромнымъ взоромъ и сладострастными движеніями, въ роскошныхъ нарядахъ, влача ихъ за собой и ступая по нимъ ногами. И за то Господь пошлетъ проказы на ихъ головы, обнажитъ ихъ грѣшныя тѣла и отниметъ у нихъ всю ихъ мишуру“.

Пророкъ весьма обстоятельно описываетъ эту мишуру,—всѣ эти цѣпочки, сережки, повязки, короны, ножные браслеты, пояса, кружева и рѣдкія ткани.

„Вмѣсто бальзама будетъ у васъ одна гниль, вмѣсто золотыхъ поясовъ,—веревки, вмѣсто завитыхъ волосъ—плѣши, вмѣсто плащей—мѣшки, и тамъ гдѣ была красота будутъ однѣ язвы. Юноши твои (о, Сіонъ!) падутъ отъ меча, твои воины—въ бою. По семи женщинъ въ то время будутъ молить одного мужчину, говоря: „Мы будемъ ѣсть одинъ хлѣбъ и одѣваться въ простую одежду, но только дай намъ твое имя, прикрой нашъ позоръ!“

Чтобы сгладить тяжелое впечатлѣніе отъ этой печальной картины, пророкъ мимоходомъ рисуетъ другія болѣе свѣтлыя, бодрящіе перспективы:

„Въ тотъ день народъ Іеговы будетъ красою и честью земли, гордостью и славой ея будутъ спасшіеся сыны Израиля. И всякій, кто останется на Сіонѣ и уцѣлѣетъ въ Іерусалимѣ, будетъ названъ святымъ. Всѣ, кому дарована будетъ жизнь, останутся въ Іерусалимѣ въ тотъ день, когда Господь-Саваоѳъ очиститъ землю отъ грѣховъ дочерей Сіона и смоетъ съ нея кровь нечестивыхъ жителей его духомъ строгости Своей, духомъ истребленія“.

„Тогда,—продолжаетъ пророкъ,—вновь настанутъ свѣтлые дни, какъ въ древнія времена. На высотахъ Сіона вновь будутъ являться облачные столпы днемъ и по ночамъ — огненые столпы, которые будутъ защищать народъ отъ всякой бѣды и непогоды“. Пророкъ затѣмъ возвращается къ своей главной темѣ:

„Я хочу пропѣть возлюбленному моему пѣснь моего друга о его виноградникѣ. У друга моего былъ на плодоносной горѣ виноградникъ, который онъ окопалъ, очистилъ отъ камней и засадилъ самой отборной лозой. Онъ построилъ также среди него башню, поставилъ прессъ, и ждалъ, что виноградникъ дастъ ему богатый урожай. Но вмѣсто того онъ принесъ ему однихъ червей. И нынѣ вы, жители Іерусалима и мужи Іудеи, будьте судьями между моимъ другомъ и его виноградникомъ. Что онъ могъ еще сдѣлать для него такого, чего онъ не сдѣлалъ? Почему онъ далъ ему червей, когда онъ имѣлъ полное право получить виноградъ? И вотъ я вамъ скажу, что мой другъ сдѣлаетъ съ своимъ виноградникомъ. Онъ снесетъ окружающую его изгородь и дастъ скоту стравить его. Онъ превратитъ его въ пустырь, на которомъ будетъ рости одинъ лопухъ. Онъ самимъ тучамъ воспретитъ орошать его дождемъ“.

„Ибо виноградникъ Бога-Саваоѳа,—поясняетъ пророкъ,—это домъ Израиля, и мужи Іудеи—Его возлюбленное насажденіе. Господь ждалъ отъ этихъ мужей добра, а вмѣсто него получилъ зло, онъ надѣялся на ихъ справедливость, а вмѣсто того услышалъ стоны ихъ жертвъ. О, вы, подымающіеся съ своего ложа для того, чтобы упиться виномъ, и засыпающіе съ бокаломъ въ рукахъ; вы, называющіе добро зломъ и зло—добромъ, обращающіе свѣтъ въ тьму и тьму въ свѣтъ, считающіе сладкое горькимъ и горькое сладкимъ; вы, мудрецы въ глазахъ своихъ и разумные предъ самими собою,—вы вѣдь герои только на пьянство, вы храбры лишь тогда, когда вы хотите получить взятку, оправдать злодѣя и обвинить невиннаго!“

Нельзя сказать, чтобы эта сильная, образцовая, какъ по содержанію, такъ и по формѣ рѣчь, возымѣла непосредственное дѣйствіе. Ибо и самъ Іешая и другіе современные пророки не разъ еще послѣ того возвращались къ той же темѣ. Аристократію не такъ то легко исправлять: она съ презрительной улыбкой относится къ моралистамъ съ ихъ проповѣдями и угрозами. Безплодными, однако, эти сильныя рѣчи не остались; онѣ произвели свое дѣйствіе въ тѣхъ кругахъ, къ которымъ онѣ не были обращены; онѣ благотворно вліяли и въ другихъ, далекихъ странахъ, среди чужихъ народовъ и въ позднѣйшія времена, будя въ людяхъ дремавшую въ нихъ совѣсть. Іешая къ тому же не ограничивался однимъ бичеваніемъ пороковъ,—онъ всегда рисовалъ людямъ и положительные нравст-

венные идеалы, въ осуществленіи которыхъ онъ видѣлъ спасеніе человѣчества и его счастіе. Царь долженъ управлять народомъ справедливо и той же справедливости требовать отъ „князей и сановниковъ" своихъ; всякій власть имущій не долженъ судить на взглядъ и на слухъ. „Лишь тотъ, кто поступаетъ справедливо, говоритъ одну правду, презираетъ добро, пріобрѣтенное нечистыми путями, рукъ своихъ не грязнитъ взятками, не допускаетъ кровопролитій и не мирится со всякимъ зломъ,—только тотъ войдетъ въ царство Божіе"[1]). Къ молитвамъ одними устами произнесеннымъ, и прославленію Бога однимъ языкомъ, безъ участія въ томъ сердца, Іешая относится съ величайшимъ презрѣніемъ; съ такимъ же презрѣніемъ смотритъ онъ и на жертвоприношенія людей безсовѣстныхъ и злыхъ: „На что мнѣ ваши обильныя жертвы,— говоритъ Господь. Я пресыщенъ всесожженіями барановъ, тукомъ жирныхъ воловъ, кровью ягнятъ и козловъ вашихъ. Когда вы являетесь въ храмъ мой, кто васъ проситъ топтать дворы мои? Не несите мнѣ больше лицемѣрныхъ даровъ, ваши жертвы внушаютъ мнѣ отвращеніе, вашихъ праздниковъ и постовъ я не выношу. И сколько бы вы въ молитвѣ ни простирали руки ко мнѣ, я не услышу васъ, ибо онѣ полны крови. Омойтесь отъ нея, очиститесь, прекратите ваши злыя дѣла! Учитесь дѣлать добро, стремитесь къ правосудію, заступайтесь за угнетенныхъ, за сиротъ, за вдовицъ!"[2])

Бичуя разгульную жизнь и погоню за наслажденіями своихъ богатыхъ и знатныхъ современниковъ, Іешая прославляетъ патріархально-простую жизнь праотцевъ, которой при немъ продолжали строго слѣдовать рехавиты (см. стр. 44). Въ видахъ самаго широкаго распространенія въ массѣ народа своихъ идей, Іешая не довольствовался однѣми рѣчами. Слѣдуя примѣру Самуила и Иліи, онъ собиралъ вокругъ себя единомышленниковъ, преимущественно изъ молодыхъ людей, которыхъ сталъ воспитывать въ духѣ своего ученія. Его возвышенные идеалы, строгое благочестіе и праведная жизнь, увлекательное краснорѣчіе и пламенная энергія,—все это должно было дѣйствовать неотразимо на молодежь и не могло не привлекать къ нему всѣ не зачерствѣвшія еще въ порокахъ сердца. Добро не менѣе заразительно, чѣмъ зло, и воплощенное въ сильной личности, оно вызываетъ не только удивленіе, но и стремленіе къ подражанію. Пророку не трудно было поэтому пріобрѣсть большое число послѣдователей среди многочисленныхъ жертвъ несправедливостей и тиранній „князей Іуды"; самыхъ даровитыхъ изъ молодыхъ почитателей своихъ онъ привлекъ въ свой тѣсный кругъ; они стали его учениками; самъ пророкъ называлъ ихъ своими „дѣтьми".

[1]) Іешая XXXIII, 15-16.

[2]) Іешая I, 11 —17.

Время, въ которое Іешая жилъ, представляло болѣе благопріятныя условія для образованія пророческой школы, чѣмъ эпохи Самуила и Иліи. Въ Іудеѣ при немъ не царила такая религіозная и политическая неурядица, какъ въ эпоху судей или Омридовъ. Крайне ненормальныя общественныя отношенія при Іешаѣ и его ученикахъ давали имъ болѣе поучительный матеріалъ и предоставляли болѣе широкую дѣятельность. Обязанности пророческаго ордена, созданного Самуиломъ, сводились къ однимъ богослужебнымъ функціямъ, и своимъ пѣніемъ и игрою на струнныхъ инструментахъ эти молодые пророки производили на слушателей своихъ дѣйствительно сильное впечатлѣніе. Но то были чисто-внѣшнія впечатлѣнія,—мысли они не будили и нравственнаго воздѣйствія имѣть не могли. Точно также весьма ограничена была въ своей пророческой дѣятельности и школа неистоваго тишбитянина. Преслѣдуя культъ Ваала и Астарты, самъ Илія и его ученики должны были дѣйствовать съ большой осторожностью, дабы самимъ не пасть его жертвами. Іешая же и его „дѣти“ могли подъ сѣнью храма проповѣдывать съ большей свободой и меньшими опасеніями. Имъ къ тому же надо было помазывать царей и тѣмъ самымъ принимать косвенное участіе въ кровопролитіяхъ. Самъ Іешая требовалъ отъ своихъ учениковъ прежде всего кротости, терпѣнія, полной преданности Богу. Они поэтому такъ и получили названіе „кроткихъ“ и „терпѣливыхъ земли“ (Anwé-Arez, Anawim). Сами же они называли себя „бѣдными“ (Dallim Ebionim), потому-что они были изъ бѣдныхъ семействъ, либо изъ такихъ, которые были разоренны ростовщиками. Подъ вліяніемъ Іешаи они научились не жаловаться на свою судьбу, или на обиды, имъ нанесенныя, а съ упованіемъ на Бога и съ смиреніемъ въ душѣ покоряться своей участи. Эти „кроткіе“ составили особую общину, на которую самъ Іешая и его преемники смотрѣли, какъ на ядро и надежду Израиля. Отъ нихъ пророки ждали возрожденія всего народа, которому они должны были служить примѣромъ и образцомъ. Въ самые печальные для Іешаи моменты, когда онъ былъ близокъ къ отчаянію въ виду той массы зла, которая его окружила, и тѣхъ бѣдствій, которыхъ онъ въ результатѣ ея ожидалъ, „кроткіе“ одни служили ему утѣшеніемъ и надеждой. „Я надѣюсь на Іегову,—говорилъ онъ въ такіе моменты,—хотя Онъ отвернулъ лицо Свое отъ дома Іакова. Ибо я и дѣти мои, Богомъ мнѣ данныя, мы служимъ знаменіемъ и примѣромъ для Израиля. И увидѣвъ, съ какимъ усердіемъ эти отроки, изъ его среды вышедшіе, почитаютъ святого Бога, іудеи и сами вернутся къ Нему и по прежнему станутъ Его чтить!“[1]) Въ числѣ „кроткихъ“ было, разумѣется, немало левитовъ, которые при господствѣ въ храмѣ аронидовъ занимали весьма

[1]) Іешая XXIX, 22-23.

подчиненное положеніе полу-рабовъ. Живя въ зависимости и большой бѣдности, но глубоко-преданные Богу, эти храмовые пѣвцы изливали свои благочестивыя чувства и свое смиреніе предъ Волею Всевышняго въ цѣломъ рядѣ гимновъ и псалмовъ. Какъ почитатели и ученики Іешаи, они въ этихъ пѣснопѣніяхъ дали поэтическое выраженіе его пророческимъ идеямъ. Они-то и были настоящими авторами тѣхъ самыхъ псалмовъ, которые во всѣ времена служили утѣшеніемъ въ скорбяхъ и душеспасительнымъ чтеніемъ для милліоновъ вѣрующихъ, но страждущихъ, слабыхъ и несчастныхъ.

„Господь свѣтъ мой и спасеніе мое: кого мнѣ бояться? Богъ—опора моя въ жизни: кого мнѣ страшиться? Если враги станутъ на меня наступать, то сердце мое не дрогнетъ; если люди пойдутъ на меня войной, то я буду уповать на Всевышняго. Одного я ищу у Господа, объ одномъ я Его молю: чтобъ я всѣ дни свои могъ пребывать въ Его храмѣ и созерцать благость Его“[1]).

Пѣніе такихъ псалмовъ поднимало „кроткихъ“ надъ нравственными страданіями и матеріальными лишеніями. На всевозможные лады они выражали тѣ же мысли и чувства. Основнымъ тономъ всѣхъ такихъ псалмовъ является упованіе на Бога, кротость и смиреніе.

„Помилуй меня, Боже, помилуй меня, ибо на Тебя уповаетъ моя душа. И подъ сѣнью крылъ Твоихъ укрываюсь я, пока пройдетъ бѣда“ . . . .

. . . .

„Тверда моя вѣра, Господи! Я пѣть и прославлять Тебя буду на лютняхъ и арфахъ, я буду славить Тебя среди всѣхъ народовъ, ибо выше небесъ простирается милость Твоя. И выше облаковъ истины Твои!“[2])

Замѣчателенъ еще слѣдующій гимнъ смиренію, успокаивающій, какъ колыбельная пѣснь.

„Господь пастырь мой, и у меня не будетъ нужды. На тучныя нивы, къ тихимъ водамъ поведетъ Онъ меня. Онъ душѣ моей дастъ отраду. Онъ поведетъ меня по путямъ правды. И если я даже войду въ темную долину, я и тогда не убоюсь зла. Ибо Ты со мною, Твой жезлъ и посохъ служатъ мнѣ опорой и защитой. На глазахъ моихъ враговъ Ты накормишь меня, елеемъ умастишь главу мою, наполнишь кубокъ мой. Такъ благость и милость Твоя будутъ сопровождать меня во всѣ дни жизни моей, и весь вѣкъ свой я пребуду въ храмѣ Твоемъ.“[3])

---

[1]) Псаломъ XXVII. Ср. псалмы 3, 7, 40, 84, 91, 92, 94 138 и др., въ которыхъ основной мотивъ тотъ же.

[2]) Псалмы LVII и LLVIII, пополняющіе одинъ другой и представляющіе полную параллель.

[3]) Псаломъ XXIII.

Другой псалмопѣвецъ на иной ладъ воспѣваетъ сладость своего бытія.

„Отрадно душѣ исповѣдывать Бога и имя Твое, Всевышній, прославлять! По утрамъ возвѣщать милость Твою и по вечерамъ—истины Твои... Какъ велики дѣла Твои, о Господи! Неразумный ихъ не знаетъ и глупецъ ихъ не понимаетъ... Праведные цвѣтутъ, какъ пальмы, растутъ, какъ кедры ливанскіе. Насаждены они въ храмѣ Іеговы, цвѣтутъ въ святилищахъ Его. И на склонѣ лѣтъ своихъ они еще бодры, въ старости—крѣпки и свѣжи"[1]).

Возвышенное настроеніе, нашедшее себѣ выраженіе въ этой новой категоріи политическихъ произведеній, вызвано было Іешаей и его „кроткими" учениками, просвѣщавшими и согрѣвавшими темную народную массу лучами истины, исходившими отъ великаго пророка, ихъ учителя. Религіозно-нравственныя идеи, въ зачаточномъ и скрытомъ видѣ содержавшіяся въ синайскомъ ученіи, Іешаей были извлечены изъ подъ спуда на Божій свѣтъ, и въ его рѣчахъ, а затѣмъ и въ псалмахъ его учениковъ-левитовъ, получили необходимое развитіе, объясненіе и распространеніе. Истины и идеи, имѣющія такихъ носителей и поборниковъ, не могутъ погибнуть и должны мало по малу восторжествовать. Пророческая дѣятельность Іешаи знаменуетъ такимъ образомъ крутой поворотъ въ исторіи внутренняго развитія израильскаго народа въ такой же мѣрѣ, какъ дѣятельность Самуила, и въ гораздо большей, чѣмъ подвижничество Иліи.

Пророческій взоръ Іешаи не ограничивался тѣсными предѣлами одного израильскаго народа и іудейской страны. Перешагнувъ эти предѣлы, онъ прозорливымъ окомъ своимъ проникъ въ судьбы двухъ великихъ державъ, Египта и Ассиріи, которыя, подобно двумъ грозовымъ тучамъ, посылали свои молніи на страну Израиля и Іуды. Столь могущественная нѣкогда страна Фараоновъ вслѣдствіе внутреннихъ неурядицъ сильно къ тому времени ослабѣла. При слабомъ царѣ *Бокхорисѣ* (Бокденранфѣ) въ тогдашней столицѣ Египта *Саисѣ* возникли жестоко враждовавшія между собой политическія партіи, вожди которыхъ, утвердившись въ разныхъ городахъ страны, объявили себя независимыми. Іешая въ точности предсказалъ—и пророчество его сбылось—эту междуусобную войну, и то, что нѣкій могущественный царь усмиритъ затѣмъ всѣхъ этихъ маленькихъ царьковъ и обратитъ всю египетскую страну въ рабство.

„Возсѣдая на легкомъ облакѣ, нагрянетъ Господь на страну фараоновъ. И вострепещутъ предъ нимъ идолы египетскіе, и сердце народа египетскаго растаетъ въ его груди. И скажетъ Господь: Я вооружу егип-

[1]) Псаломъ XCII.

тянъ на египтянъ братъ пойдетъ войной на брата; городъ на городъ и царство на царство. Изсякнетъ мужество Египта и исчезнетъ вся его мудрость. И напрасно люди будутъ молить своихъ идоловъ, тщетно будутъ вопрошать своихъ книжниковъ, чревовѣщателей и чародѣевъ. Я предамъ Египетъ въ руки жестокаго правителя и неумолимый царь будетъ властвовать надъ нимъ. Такъ говоритъ Господь. Уйдетъ вода изъ моря, рѣка изсякнетъ, притоки обмелѣютъ, каналы высохнутъ. И лѣса при рѣкѣ, и поросль береговая и посѣвы на поляхъ, все изчезнетъ, будетъ развѣяно по вѣтру и, какъ дымъ, улетучится. . . . .
Обезумѣютъ князья Таниса и мудрѣйшіе совѣтники царя поглупѣютъ. Гдѣ же мудрецы твои, фараонъ? Почему они не возвѣщаютъ тебѣ какую судьбу Господь готовитъ Египту!"[1]).

Въ дѣйствительности страну фараоновъ вскорѣ постигло большое несчастіе. Изъ Эфіопской земли до тѣхъ поръ составлявшей часть Египта, и которую фараоны всегда сильно угнетали, пришелъ завоеватель, по имени *Сабако* (Шабака), который, воспользовавшись распаденіемъ царства и его слабостью, пошелъ войной на царя Бокхориса, взялъ его въ плѣнъ и занялъ вмѣсто него престолъ (около 740). Сабако сталъ основателемъ эѳіопской династіи, которая властовала надъ Египтомъ около пятидесяти лѣтъ. Родственники Бокхориса и прочіе египетскіе царьки скрывались въ это время въ дальнихъ болотахъ, не имѣя ни силы ни мужества воевать съ узурпаторомъ. Эѳіопскій царь управлялъ Египтомъ съ чрезвычайной жестокостью. Побѣды, одержанныя имъ надъ мѣстными царьками, придали ему храбрости и онъ рѣшилъ попытать счастья и за предѣлами Египта. Съ своими полчищами онъ чрезъ филистимскую равнину ворвался въ Финикію и отуда проникъ до Арама. Но то былъ скорѣе хищническій набѣгъ, чѣмъ походъ завоевателя. Сабако удовольствовался награбленой добычей и плѣнниками, уведенными имъ въ Египетъ. Пришлось отъ этого набѣга немало пострадать и Іудеѣ. Іотамъ, повидимому, купилъ у Сабако миръ по тому самому способу, къ которому незадолго до того прибѣгнулъ Менахемъ, когда въ десятиколѣнное царство вторгнулся съ своей арміей ассирійскій царъ Фулъ. Въ короткое время оба израильскія царства такимъ образомъ потеряли то могущество, котораго они достигли при Іеровеамѣ II и Узіи. Оба они фактически стали вассалами двухъ міродержавныхъ царствъ, которыя, подобно двумъ богатырямъ-единоборцамъ, готовы были ринуться другъ на друга и обратить раздѣлявшую ихъ страну въ арену жестокой борьбы и въ боевой призъ.

„Спокойные въ Сіонѣ и исполненные надежды въ Самаріи" были встревожены надвигавшейся опасностью тѣмъ болѣе что многія знатныя

[1]) Ісаія XIX 1-12.

и богатыя семейства лишились своихъ близкихъ, уведенныхъ въ плѣнъ Фуломъ и Сабако. Тревогу усилилъ какъ разъ въ это время случившійся неурожайный годъ. Насколько народъ израильскій былъ еще суевѣренъ и далекъ отъ тѣхъ истинъ, о которыхъ пророки не уставали ему твердить, доказываетъ тотъ фактъ, что и въ виду этихъ новыхъ бѣдствій масса іудейская не вспомнила про своего Бога, а по прежнему вопрошала своихъ домашнихъ божковъ („терафимъ"), прибѣгала къ языческимъ оракуламъ, снотолкователямъ и прочимъ чародѣямъ.

Противъ этого закоренѣлаго суевѣрія выступилъ новый пророкъ, который, повидимому, также какъ Іешая, былъ уроженцемъ Іерусалима, *Захарія*, сынъ Іибрехіи (Захарія I). Рѣчи этого пророка весьма мало напоминаютъ пламенныя, обаятельныя импровизаціи Іешаи. Не говоря уже о глубинѣ и силѣ послѣдняго, въ рѣчахъ Захаріи нѣтъ даже необходимой связности частей; онѣ не представляютъ ряда мыслей, послѣдовательно вытекающихъ одна изъ другой: пророкъ перескакиваетъ отъ одного предмета на другой безъ всякой системы. Давая своимъ рѣчамъ поэтическую окраску, пророкъ не соблюдаетъ пропорціональности частей и не даетъ правильныхъ строфъ. Его образы и сравненія не всегда удачны: онъ слишкомъ часто сравниваетъ царей съ пастухами и народъ со стадомъ. На долю Захаріи выпала между тѣмъ весьма благодарная задача: ему предстояло разсѣять панику, вызванную въ Іудеѣ набѣгомъ египтянъ и голоднымъ годомъ, и ободрить населеніе столицы перспективами лучшаго будущаго. Въ своихъ рѣчахъ онъ дѣйствительно рисуетъ блестящія картины далекаго будущаго, для того, чтобы отвлечь народъ отъ печальныхъ думъ о настоящемъ и вскорѣ предстоящемъ. Онъ пытается утѣшить народъ тѣмъ, что нѣкогда всѣ враждебные Израилю язычники, арамейцы, жители Тира и даже филистимляне, признаютъ Іегову; оба же избранныя царства Божіи, домъ Іуды и домъ Эфраима, Господь помиритъ и возвратитъ на родину всѣхъ уведенныхъ въ плѣнъ. Разсѣянные среди чужихъ народовъ, эти плѣнники и въ изгнаніи помнятъ своего Бога и вѣрятъ, что Онъ ихъ вернетъ вмѣстѣ съ дѣтьми ихъ въ страну израильскую. Въ Египтѣ и Ассиріи онъ соберетъ ихъ и поведетъ на прежнія мѣста въ Гилеадъ и въ область Ливана и разселитъ ихъ тамъ, такъ что на всѣхъ ихъ даже не хватитъ земли. Гордость же Ассиріи будетъ смирена и могущество Египта уничтожено.

Нарисовавъ эту заманчивую картину будущаго, Захарія обращается къ настоящему и старается успокоить народъ въ виду нужды, имъ испытываемой. Господь,—увѣряетъ онъ,—дастъ всѣмъ и хлѣба и вина, надо только молить Его о дождѣ, надо обратиться къ Нему, вѣрить въ Него и ни въ кого больше. Ибо домашніе божки—это мертвые чурбаны, кол-

дуны обманываютъ легковѣрныхъ, оракулы ничтожны и ничтожны всѣ ихъ утѣшенія. И только потому, что народъ до сихъ поръ прислушивался къ этимъ лжецамъ, онъ блудилъ, какъ стадо безъ пастуха.

Однако, и этотъ мягкій утѣшитель въ своемъ пророческомъ рвеніи не могъ не произнести своего грознаго слова и не возвѣстить кары Божіей за прегрѣшенія народа. Во второй рѣчи своей онъ разражается угрозами противъ безсовѣстныхъ пастуховъ, царей, которые обращаются съ народомъ, какъ съ убойнымъ скотомъ и которые одни виновны въ томъ, что ихъ темная паства поклоняется ложнымъ богамъ и впала въ смятеніе и блудъ. Эта вторая рѣчь начинается сильнымъ вступленіемъ:

„Открывай, Ливанъ, врата свои, чтобы пламя пожрало кедры твои; рыдай, кипарисъ, ибо упалъ кедръ и могучій тамарискъ низвергнутъ. Плачьте, дубы башанскіе, потому-что склонился лѣсъ на вершинахъ. Слушайте плачъ пастуховъ, у которыхъ погибло ихъ великолѣпное стадо. Внимайте рычанію львовъ о томъ, что уничтожена краса Іордана!"

Пророкъ далѣе предсказываетъ, что изъ всего народа израильскаго останется въ живыхъ лишь одна третья часть. Но и этотъ остатокъ будетъ подвергнутъ тяжелому искусу и очищенъ отъ всякаго грѣха.

„Я третью часть ввергну въ огонь, переплавлю ее, какъ плавятъ серебро, и очищу, какъ чистятъ золото. И только послѣ этого искуса, когда онъ весь будетъ призывать имя Мое, Я услышу его; Я буду называть его Моимъ народомъ, а онъ будетъ говорить; „Іегова Господь Богъ мой!"

Въ другой рѣчи Захарія возвращается къ своей излюбленной темѣ о ложныхъ пастухахъ, которые безъ угрызенія совѣсти и безъ пощады губятъ свои стада. Пророкъ дѣлаетъ довольно прозрачные намеки въ особенности на Пекаха израильскаго, обращавшагося съ народомъ еще съ большей жестокостью, чѣмъ его предшественники. Захарія повидимому, принужденъ былъ маскировать свою мысль и прибѣгать къ символическимъ картинамъ. „Богъ,—говоритъ онъ,—поставилъ надъ народомъ пастыря и вручилъ ему два посоха, изъ которыхъ онъ одинъ назвалъ „милостью", а другой „союзомъ" (согласіемъ). Но такъ какъ народъ отрекся отъ Бога, то и Богъ отрекся отъ него. Онъ сломалъ сначала посохъ милости и расторгнулъ союзъ, который нѣкогда заключилъ со всѣми колѣнами Израиля. А теперь Онъ желаетъ еще сломать и второй посохъ, „посохъ согласія" между Іудой и Израилемъ. И виною всему—глупый пастухъ, который заблудшихъ овецъ не разыскивалъ, о пропавшихъ не думалъ, раненыхъ не лѣчилъ, за больными не ходилъ, а здоровыхъ съѣлъ. Народъ не заслуживаетъ, правда, лучшаго пастуха. Тѣмъ не менѣе Божья

кара постигнетъ въ скоромъ времени этого нерадиваго пастуха, погубившаго ввѣренное ему стадо!"

ГЛАВА V.

Конецъ десятиколѣннаго царства и домъ Давида.

Ахазъ, какъ человѣкъ и царь. Союзъ между Рециномъ и Пекахомъ. Ассиріяне при Тиглатъ-Пилесерѣ. Іудея и домъ Давида въ опасности. Рѣчь Іешаи къ Ахазу. Союзъ послѣдняго съ Ассиріей. Наказаніе Рецина и Пекаха. Покореніе израильскаго царства и убійство Пекаха. Ахазъ вводитъ ассирійскіе обычаи въ Іудеѣ. Введеніе въ Іерусалимѣ культа небесныхъ свѣтилъ. Человѣческія жертвы въ долинѣ Гинномъ. Протесты пророковъ. Миха II. Ложные пророки.

(739—725).

Смерть Іотама повела къ расторженію союза, существовавшаго между нимъ и Узіей, и въ отношеніяхъ обоихъ царствъ снова наступило ухудшеніе. О томъ, что послужило причиной расторженія ихъ союза, можно лишь догадываться. Новый царь Іудеи, *Ахазъ* (739—725), вступившій на престолъ на 25-мъ году своей жизни, былъ человѣкъ ограниченнаго ума, не стоявшій на высотѣ того опаснаго положенія, въ какое Іудея при немъ попала. Вскорѣ послѣ вступленія его на престолъ ему пришлось рѣшить весьма важный вопросъ,—примкнуть-ли ему къ вышеупомянутому союзу, заключенному Пекахомъ израильскимъ съ Рециномъ, царемъ Дамаска, Элулаемъ тирскимъ и нѣкоторыми другими царьками. Всѣ эти правители были поставлены въ необходимость заключить между собою союзъ, чтобы соединенными силами отражать грозившую имъ всѣмъ съ двухъ сторонъ опасность. Съ одной стороны имъ угрожалъ египетскій царь Сабако, съ другой—Ассирія, во главѣ которой тогда стоялъ новый завоеватель, опять присоединившій къ ней незадолго до того отложившіяся было отъ нея вассальныя земли. Со смертью Фула, послѣдняго царя изъ династіи *Деркетадовъ*, въ Ассиріи наступили политическія смуты. Многія области ея воспользовались отсутствіемъ законнаго наслѣдника престола, чтобы стряхнуть съ себя иго Ниневіи и объявили себя независимыми. Прежде всего отложилась часть мидянъ, жившая на возвышенности близъ Каспійскаго моря. Ихъ примѣру послѣдовалъ Вавилонъ. Разбивъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ ассиріянъ, вавилонскій военачальникъ *Набонассаръ* провозгласилъ себя царемъ. Съ него въ Вавилонѣ началось новое лѣтосчисленіе, по годамъ царей, которое получило названіе „эры Набонассара" (начало 747). Отложились затѣмъ отъ Ассиріи и нѣкоторые другіе народы, жившіе при Евфратѣ. Воспользовались, наконецъ, междуцарствіемъ въ Ниневіи и данники ея Пекахъ и Рецинъ, которые также объявили себя независимыми.

Но вскорѣ послѣ того въ Ассиріи явился новый завоеватель, который не только возстановилъ прежніе предѣлы царства, но еще расширилъ ихъ новыми завоеваніями. То былъ *Тиглатъ-Пилесеръ* (Tukulti-Palesara II). Онъ былъ, по преданію, смотрителемъ царскихъ садовъ въ Ниневіи, или сыномъ его, и вскорѣ послѣ смерти бездѣтнаго Фула овладѣлъ престоломъ. Одну за другой онъ вновь покорилъ всѣ отпавшія отъ Ассиріи области, за исключеніемъ Вавилона съ его округомъ, который сумѣлъ отстоять свою независимость. Взявъ затѣмъ и разрушивъ нѣсколько укрѣпленныхъ городовъ въ Мессопотаміи, *Гоцанъ, Харанъ* и другіе, Тиглатъ-Пилесеръ обратился на западъ, чтобы вновь покорить бывшихъ вассаловъ Фула, арамейцевъ и израильтянъ. Цари послѣднихъ въ виду этого и заключили союзъ, предложивъ примкнуть къ нему также и царю Іудеи. Опасаясь навлечь на себя большую бѣду, Ахазъ, однако, не вступилъ въ коалицію. За это Пекахъ и Рецинъ—по всей вѣроятности, вмѣстѣ съ филистимлянами и другими сосѣдними народами—пошли на него войной. Получивъ эту вѣсть, царь и весь его дворъ пришли въ большое смятеніе. Ибо союзники рѣшили, по взятіи Іерусалима, свергнуть Ахаза съ престола и вмѣсто него поставить царемъ одного изъ своихъ сторонниковъ, нѣкоего *Бенъ-Табела*. Положеніе осложнялось тѣмъ, что въ самомъ Іерусалимѣ была довольно сильная партія, державшая сторону союзниковъ и враждебная Ахазу. Возможно, что Бенъ-Табелъ стоялъ во главѣ этихъ недовольныхъ. Большинство лучшихъ людей Іерусалима были, однако, на сторонѣ Ахаза,—разумѣется не столько изъ уваженія къ нему, сколько изъ вѣрности дому Давида вообще. Пророки и левиты всѣ были въ числѣ противниковъ Бенъ-Табела. Одинъ псалмопѣвецъ того времени выразилъ это настроеніе духовенства въ особомъ псалмѣ. Сравнивая пороки дома Эфраима съ добродѣтелями дома Іуды, пѣвецъ этотъ говоритъ, что Господь отвергъ „Іосифа“ за его великіе грѣхи, Іуду же, и именно его слугу Давида, превозвысилъ, назначивъ ему быть вождемъ всего народа. Всѣ бѣдствія, постигавшія израильскій народъ въ эпоху до Давида поэтъ вмѣняетъ въ вину дому Эфраима, который еще въ Египтѣ, а затѣмъ во время странствованій въ пустынѣ, не признавалъ Бога и поклонялся идоламъ. Іегова жестоко покаралъ весь народъ израильскій за грѣхи этого колѣна и даже пожертвовалъ изъ-за него находившимся на его землѣ шиломскимъ святилищемъ, вмѣсто послѣдняго возлюбивъ сіонскій холмъ и Іерусалимскій храмъ. Псалмопѣвецъ предостерегаетъ поэтому народъ противъ коварства эфраимитовъ.

„Сыны Эфраима, искусные стрѣлки, убѣгавшіе съ поля сраженія, нарушили завѣтъ Божій и не пожелали блюсти Законъ Его, забыли дѣянія и чудеса, Имъ сотворенныя для отцовъ ихъ въ Египтѣ и на поляхъ

Цоана... Какъ часто они грѣшили противъ Него въ пустынѣ и огорчали Его въ своихъ скитаніяхъ... И тѣмъ не менѣе Онъ привелъ ихъ въ Свою Святую Землю, на эту гору, Его десницей воздвигнутую, изгналъ изъ нея иноплеменниковъ, по жребію раздѣлилъ ее между ними и разселилъ по ней всѣ колѣна израилевы. Но они и послѣ того продолжали Его искушать, не слушали Его, не соблюдали Его заповѣдей, отступили отъ Него, столь же невѣрныя, какъ и отцы ихъ отскочили, какъ не вѣрный лукъ, огорчали Его своими алтарями на высотахъ, и раздражали своими истуканами. Тогда Онъ покинулъ шиломское святилище, свою обитель среди людей, отвергъ скинію Іосифову, презрѣлъ Эфраима и возлюбилъ колѣно Іудино и гору Сіонъ. И на ней воздвигъ свой храмъ навѣки, какъ навѣки сотворилъ землю. И избралъ услугой своимъ Давида и, отнявъ его отъ стадъ, которыя онъ пасъ, приказалъ ему пасти народъ Якова, наслѣдіе Израиля. И онъ пасъ ихъ въ чистотѣ сердца своего, велъ ихъ искусными руками своими"[1]).

Это благопріятное настроеніе значительной части столичнаго населенія въ пользу дома Давида сослужило, разумѣется, большую службу Ахазу. Она парализовала противоположное, враждебное ему настроеніе немногихъ князей Іуды, тайно поддерживавшихъ сношенія съ союзниками, и не давало имъ возможности открыто возстать противъ царя. Пекахъ и Рецинъ съ своими войсками между тѣмъ успѣли уже вторгнуться въ Іудею Занимая одну ея область за другою, они уводили многихъ жителей въ плѣнъ. Часть арамейскаго войска, проникнувъ до южныхъ предѣловъ страны, предприняла оттуда набѣгъ на Идумею, покорила эту подвластную Іудеѣ страну вмѣстѣ съ ея важной гаванью Айлатомъ, изгнала изъ этого города жившихъ въ немъ со временъ Соломона или Амаціи іудеевъ и предала ихъ въ руки идумейцевъ. Послѣдніе, почуствовавъ себя опять независимыми отъ Іудеи, возобновили свои хищническіе набѣги на ея южные города. Филистимляне въ свою очередь ворвались въ страну съ сѣверо-востока и захватили города *Бетъ-Шемешъ, Аялонъ, Газеръ, Сохо, Тимну и Гимзо (Эмаусъ)*. Главные силы союзниковъ тѣмъ временемъ приближались къ Іерусалиму, собираясь его осадить. Ахазъ принялъ, разумѣется, надлежащія мѣры и поспѣшилъ привести укрѣпленія столицы въ оборонительное положеніе. Но изъ страха предъ многочислеными союзными полчищами онъ рѣшился на отчаянный шагъ. Тайно отъ всѣхъ онъ послалъ къ ассирійскому царю Тиглатъ-Пилесеру гонцовъ съ просьбой о помощи, обѣщавъ ему за то признать себя его вассаломъ. Этотъ шагъ могъ, конечно, спасти самого Ахаза, но въ то же время подвергалъ большей опасности всю страну. Ибо ассиріяне, подобно римлянамъ

[1]) Псаломъ LXXVIII.

впослѣдствіи, держали своихъ слабосильныхъ союзниковъ и вассаловъ въ такихъ тискахъ, что не теряя какъ будто своей самодѣятельности, они въ дѣйствительности мало - по - малу впадали въ самое позорное рабство. Но и этого всего было мало. Іудеѣ угрожала еще сверхъ того большая опасность со стороны сосѣдняго Египта, который не могъ и не хотѣлъ мириться съ тѣмъ, чтобы Ассирія распространила свои завоеванія до самыхъ его границъ. Сабако рѣшилъ поэтому предупредить Тиглатъ-Пилесера. Іудея такимъ образомъ должна была стать яблокомъ раздора для двухъ могущественнѣйшихъ державъ и театромъ опустошительной войны для ихъ безчисленныхъ полчищъ. Близорукій Ахазъ, весьма мало думавшій о завтрашнемъ днѣ, не предвидѣлъ, конечно, этихъ опасностей; онъ хотѣлъ лишь отвратить непосредственно угрожавшую ему бѣду, хотя бы цѣной порабощенія несчастной страны, въ его руки попавшей.

Іешая, своимъ пророческимъ взоромъ глубоко заглядывавшій въ будущее, предостерегалъ между тѣмъ царя отъ слишкомъ поспѣшныхъ шаговъ, продиктованныхъ преувеличенными опасеніями. Въ сопровожденіи своего сына Шеаръ Яшуба (см. стр. 109) пророкъ однажды отправился на площадь у верхняго пруда, гдѣ Ахазъ наблюдалъ за работами по укрѣпленію городскихъ стѣнъ и сталъ успокаивать его, внушая ему больше мужества въ виду надвигавшейся опасности:

„Будь предусмотрителенъ, но спокоенъ,—совѣтовалъ онъ ему,—не предавайся малодушно страху! И пусть сердце твое не трепещетъ въ груди предъ этими двумя безсильно въ ярости своей тлѣющими головнями,— предъ Рециномъ изъ Арама и Пекахомъ, сыномъ Ремаліи. И хотя они злоумышляютъ противъ тебя и говорятъ: „Мы пойдемъ на Іудею, завоюемъ ее и поставимъ царемъ надъ нею сына Табела, но Господь говоритъ: „Этого не будетъ, ибо Дамаскъ только глава Арама и Рецинъ лишь глава Дамаска, а чрезъ шестьдесятъ пять лѣтъ не станетъ ни Арама, ни Дамаска, и имена ихъ исчезнутъ изъ списка народовъ. Если вы тому не вѣрите, то потому, что вы не вѣрны“.

Іешая, однако, замѣтилъ, что царь не придаетъ большой вѣры его словамъ и его обѣщанію помощи Божьей. Онъ поэтому продолжалъ:

„Проси себѣ у Бога знаменія, глубоко ли подъ землей или высоко на небѣ“.

Но Ахазъ недовѣрчиво возразилъ: „Я не желаю никакого знаменія отъ Господа Бога моего“. Тогда пророкъ продолжалъ:

„Слушайте, однако, вы, люди изъ дома Давидова! Вамъ, видно, мало, что вы озлобили весь народъ, вы хотите еще озлобить Бога. Но Господь самъ дастъ вамъ знаменіе. Нѣкая рабыня вскорѣ родитъ сына и дастъ ему имя „Имануэль“ („Съ нами Богъ“). Молоко и медъ дитя это

будетъ вкушать, пока не будетъ различать между зломъ и добромъ. Ибо прежде еще, чѣмъ ребенокъ будетъ отличать одно отъ другого, будетъ покинута та страна, предъ двумя повелителями которой, ты, царь, приходишь въ ужасъ".

Пророкъ далѣе указываетъ Ахазу на тѣ опасности, которыя угрожаютъ Іудеѣ отъ его союза съ Ассиріей.

„На тебя, на общій домъ твой и на весь народъ Господь пошлетъ дни, какихъ не было еще съ тѣхъ поръ, какъ Эфраимъ отдѣлился отъ Іуды: Онъ вооружитъ противъ тебя царя Ассиріи; Онъ погонитъ на тебя мухъ съ береговъ Нила и пчелъ изъ страны Ашуръ. Онѣ прилетятъ и займутъ всѣ долины твои и ущелья, всѣ колючія изгороди и терновые кусты".

Съ ближайшаго будущаго взоръ пророка переходитъ на отдаленное. Онъ видитъ страну, превращенную ассирійскими полчищами въ пустырь, заросшій всякой сорной травой: холмы нѣкогда покрытые самой отборной лозой,—заброшенными. Но пастбища останутся; человѣкъ будетъ довольствоваться однимъ теленкомъ и двумя овцами, которые будутъ такъ плодовиты, что страна снова будетъ течь молокомъ и медомъ—для остатка народа (Schear Jaschub [1]).

Іешая возвращается затѣмъ къ современнымъ событіямъ. Онъ разсказываетъ царю, что ему свыше внушено взять большой свитокъ и на языкѣ Израиля начертать на немъ большими буквами словами „спѣшатъ на добычу, скоро грабежъ" (Maher Schalal Chasch Baz). Пророкъ долженъ былъ взять съ собою двухъ заслуживающихъ довѣрія свидѣтелей, чтобы они подтвердили это внушеніе,—первосвященника Урію и пророка Захарію, сына Іиберехіи. Болѣе того,—когда его жена, пророчица, родила ему сына, онъ по пророческому наитію далъ ему многознаменательное имя Maher Schalal Chasch Baz. Эти знаменія означали, что еще до того, какъ новорожденный сынъ пророка въ состояніи будетъ называть по имени отца своего и свою мать, богатства Дамаска и сокровища Самаріи достанутся царю Ассиріи. Далѣе Іешая обращается къ измѣнической партіи, которая тайкомъ поддерживала сношенія съ союзниками:

„За то, что эти люди презрѣли тихо текущія силоамскія воды и нашли отраду свою въ Рецинѣ и сынѣ Ремаліи,—за это Господь пошлетъ на нихъ стремительныя воды Ефрата, царя Ассиріи и его войско. Оставивъ русла свои, эти воды выступятъ изъ своихъ береговъ, дой-

---

[1]) Таковъ смыслъ 21—25 стиховъ VII главы. Іешая для того именно и взялъ съ собою своего сына Шеаръ-Яшуба, чтобы его имя могло служить царю подтвержденіемъ этого пророчества.

дутъ до Іудеи, хлынутъ на нее потокомъ, который будетъ людямъ доходить до шеи и наводнять во всю ширину страну твою, о Израиль!"

Въ концѣ своей рѣчи Іешая возвѣщаетъ, однако, что Іуда не погибнетъ:

„Знайте это, народы! Внимайте всѣ въ отдаленныхъ земляхъ! Вооружайтесь, а вы все же будете сломлены, нападайте, и тѣмъ не менѣе вы будете уничтожены. Принимайте какое угодно рѣшеніе, оно не исполнится. Слово ваше не сбудется, ибо съ нами Богъ!"

Ахазъ, однако, оставался равнодушенъ ко всѣмъ пророческимъ знаменіямъ. Онъ больше вѣрилъ въ Тиглатъ Пилесера, чѣмъ въ Бога Израиля. И такимъ образомъ то, что пророкъ предсказалъ, свершилось. Ассирійскій царь, получивъ вѣсть о томъ, что цари и князья Ханаана заключили противъ него союзъ, выступилъ противъ нихъ во главѣ своихъ несмѣтныхъ полчищъ. Прежде всего онъ напалъ на дамасскій Арамъ. Рецинъ принужденъ былъ поэтому снять осаду Іерусалима и поспѣшить на защиту своей страны; точно также и Пекаху пришлось подумать о собственномъ спасеніи и вернуться въ Самарію. Іерусалимъ былъ спасенъ. Союзные же цари жестоко поплатились за то, что они вздумали возстать противъ могущественной Ассиріи. Тиглатъ-Пилесеръ прежде всего осадилъ Дамаскъ и, взявъ его, велѣлъ умертвить Рецина. Жителей же Дамаска, которые оказали ему упорное сопротивленіе, онъ увелъ въ плѣнъ и водворилъ въ далекой ассирійской области, на берегахъ рѣки Киръ у западнаго берега Каспійскаго моря. Дамаскъ же и его округъ онъ заселилъ ассиріянами, такъ что онъ мало по малу сталъ вполнѣ ассирійскимъ городомъ и одной изъ резиденцій ассирійскихъ царей. Весь бывшій Арамъ съ теченіемъ времени вошелъ въ составъ Ассиріи и оттого сталъ называться сокращенно *Сиріей*.

Изъ Дамаска Тиглатъ-Пилесеръ двинулъ свои войска на десятиколѣнное царство, завоевалъ области колѣнъ Нафтали, Ашеръ, Зевулонъ и Данъ до источниковъ Іордана и подошвы Хермона. Пекахъ, повидимому, даже и не пытался оказать какое-либо сопротивленіе и безпрекословно призналъ надъ собою власть ассирійскаго завоевателя. За такую покорность Тиглатъ-Пилесеръ даровалъ ему жизнь, населеніе же всѣхъ завоеванныхъ имъ на сѣверѣ городовъ *Іиіона, Дана, Абеля (Бетъ-Маахи), Яноаха, Кедеша, Хацора,* а также и всѣхъ заіорданскихъ городовъ онъ увелъ въ плѣнъ (около 738) и разселилъ въ разныхъ областяхъ своего обширнаго царства.

Грозное пророчество Амоса, лѣтъ за шестьдесятъ до того предсказавшаго гибель десятиколѣннаго царства, такимъ образомъ на половину уже сбылось. Трудно допустить, чтобы Тиглатъ-Пилесеръ оставилъ незаселенной всю завоеванную имъ сѣверную половину израильскаго царства,

весьма плодородную и богатую; гораздо вѣроятнѣе, что на мѣсто уведенныхъ въ Ассирію израильтянъ онъ водворилъ въ ней своихъ соплеменниковъ или жителей какой-нибудь изъ покоренныхъ имъ странъ. Израильское царство во всякомъ случаѣ лишилось половины своей территоріи и своего населенія. Оно простиралось теперь лишь до горы Таворъ, да и эта, оставшаяся въ рукахъ израильтянъ половина стала вассальной областью Ассиріи, которой она должна была ежегодно платить дань и царю которой должна была посылать дары въ знакъ покорности. Противъ Пекаха, своимъ безуміемъ навлекшаго на свою страну такое огромное несчастіе, противъ этого „глупаго пастуха, отдавшаго свое стадо на растерзаніе," въ странѣ безъ сомнѣнія царило большое недовольство. *Гошеа*, сынъ Элы, составилъ противъ него заговоръ и убилъ его около 736 г. на двадцатомъ году его гибельнаго для израильской страны царствованія.

И въ Іудеѣ въ это время произошли весьма важныя перемѣны. Изъ боязни предъ Пекахомъ и Рециномъ Ахазъ, какъ мы видѣли, призналъ надъ собою верховенство Ассиріи. Подобно другимъ царькамъ и князьямъ, признавшимъ себя вассалами, и Ахазъ долженъ былъ явиться въ Дамаскъ къ Тиглатъ-Пилесеру съ поклономъ и изъявленіемъ покорности. Нимало не опечаленный той унизительной ролью, какую ему пришлось играть въ Дамаскѣ, ничтожный Ахазъ былъ въ восхищеніи отъ всего, что онъ увидѣлъ при пышномъ дворѣ ассирійскаго царя. Онъ рѣшилъ ввести у себя въ Іерусалимѣ такіе же порядки и вообще распространить въ ней ассирійскіе обычаи. Ему въ особенности понравился жертвенникъ, построенный въ Дамаскѣ Тиглатъ-Пилесеромъ. Ассирійцы дѣлали свои алтари изъ каменныхъ плитъ, въ формѣ треугольниковъ съ закругленными и разукрашенными верхними стѣнками. Еще до своего возвращенія въ Іерусалимъ Ахазъ приказалъ первосвященнику *Уріи* построить такой жертвенникъ по присланному имъ изъ Дамаска чертежу. Первосвященникъ, не замедлившій исполнить этотъ приказъ, былъ, однако, немало смущенъ когда царь, вернувшись изъ Дамаска, сталъ самъ приносить жертвы на новомъ алтарѣ. Ахазъ дѣлалъ это не столько въ видахъ возвышенія царской власти насчетъ первосвященической, сколько изъ подражанія ассирійскимъ царямъ, которые, считая себя потомками боговъ, приносили на своихъ алтаряхъ жертвы сами, безъ посредства священнослужителей. Возвратившись въ Іерусалимъ, Ахазъ приказалъ поставить новый большой жертвенникъ, построенный по его чертежамъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ со временъ Соломона стоялъ мѣдный алтарь, послѣдній же перенести въ противоположный сѣверный уголъ храмового двора. На большомъ каменномъ алтарѣ священнослужители впредь должны были приносить обычныя ежедневныя жертвы для народа, старый же мѣдный жертвенникъ царь

оставилъ для одного себя, на случай, если онъ когда-нибудь вмѣсто священнослужителей пожелаетъ самъ принести Богу жертву. Урія, который былъ гораздо покладистѣе своихъ предшественниковъ, соглашался на все. Этотъ первосвященникъ, повидимому, гораздо меньше думалъ о той религіи, которой онъ служилъ, и о достоинствѣ того сословія, котораго онъ былъ первымъ представителемъ, сколько о своихъ личныхъ интересахъ. Роль мученика за вѣру ему во всякомъ случаѣ нисколько не улыбалась. Ахазъ могъ поэтому безпрепятственно вводить въ Іерусалимѣ столь милые ему ассирійскіе обычаи. Царь и не преминулъ ввести затѣмъ въ іудейской столицѣ ассирійскій культъ небесныхъ свѣтилъ. Онъ „украсилъ“ входъ въ храмъ изображеніемъ дневного свѣтила и сверхъ того поставилъ у него колесницу съ конями въ честь ассирійскаго бога солнца Шемеша. Для служенія пяти большимъ небеснымъ свѣтиламъ (см. стр. 101). Ахазъ, по примѣру вавилонянъ, устроилъ особые небольшіе алтари на плоской крышѣ своего дворца. Такіе же жертвенники были воздвигнуты на вершинахъ многихъ горъ и холмовъ. Своей приверженностью къ идолопоклонству Ахазъ превзошелъ всѣхъ израильскихъ царей. Вмѣстѣ съ религіозными обычаями въ Іудею при немъ стали проникать и другіе элементы ассирійской культуры. Сановники и придворные Ахаза стали изучать ассирійскій языкъ, весьма сходный съ арамейскимъ, для того, чтобы свободно объясняться съ своими повелителями-ассиріянами. При этомъ въ Іудею проникало, разумѣется и кое-что полезное. Такъ, Ахазъ ввелъ въ употребленіе изобрѣтенные вавилонянами солнечные или тѣневые часы; одни такіе часы, по его имени названные „ступенями Ахаза“ („מעלות אחז“) были поставлены вблизи дворца. При немъ же въ Іерусалимѣ впервые было обращено вниманіе на болѣе точное счисленіе времени, по вавилонскому образцу. Кое-что іудеи позаимствовали у ассиріянъ также и въ области искусствъ и ремеслъ, и въ особенности во комнатной живописи и въ декоративномъ искуствѣ вообще, въ которомъ ассиріяне сдѣлали огромные успѣхи и были учителями самимъ грековъ. Въ Іерусалимѣ въ это время получилъ также распространеніе и ассирійскій архитектурный стиль.

Однако отрицательные результуты культурнаго общенія съ Ассиріей были гораздо важнѣе этихъ немногихъ полезныхъ пріобрѣтеній. Національному вѣроученію, чистому богопочитанію и высшей морали Израиля пришлось вслѣдствіе этого слѣпого подражанія всему чужеземному снова и сильно пострадать. Въ своемъ преклоненіи предъ ассиріянами Ахазъ перешелъ всѣ границы. Однажды, когда ему угрожало какое-то большое несчастіе, онъ сжегъ на алтарѣ бога Молоха своего родного сына, чтобы умилостивить разгнѣванное ассирійское божество. Какое несчастіе могло

побудить Ахаза совершить столь ужасное и противоестественное злодѣяніе? Повидимому то былъ страхъ передъ новымъ нашествіемъ ассирійскаго царя Тиглатъ-Пилесера или его преемника. Изъ того же страха предъ могущественнымъ повелителемъ Ассиріи Ахазъ рѣшилъ произвести нѣкоторыя упрощенія въ храмѣ. Онъ приказалъ удалить рѣзныя украшенія съ переносныхъ мѣдныхъ резервуаровъ для жертвоприношеній, со временъ Соломона стоявшихъ во дворѣ храма; точно также были удалены и тѣ двѣнадцать бронзовыхъ быковъ, которые поддерживали другой, большой резервуаръ или, такъ называемое, „Мѣдное море" (см. т. I, стр. 264.); они были замѣнены простой каменной подставкой. Ахазъ приказалъ также перемѣстить внутрь храма красивую крытую ложу, которая вела ко входу въ него. Хотѣлъ ли Ахазъ, чтобы эти великолѣпныя украшенія не бросились въ глаза грозному ассирійскому царю, или онъ, можетъ быть, удалилъ ихъ потому, что они напоминали о союзѣ израильтянъ съ Египтомъ и Финикіей,—въ томъ или другомъ случаѣ очевидно, что при всемъ подобострастіи и заискиваніи предъ великими азіатскими завоевателями, Ахазъ находился въ постоянномъ трепетѣ за существованіе своего государства и за свою собственную жизнь. Продавъ свою душу Тиглатъ-Пилесеру и въ угоду ему совершая одно святотатство за другимъ, онъ все же долженъ былъ дрожать предъ каждымъ мановеніемъ руки своего страшнаго повелителя.

Нечестивыя дѣянія Ахаза не могли, разумѣется, не оказать самаго гибельнаго вліянія на извѣстные слои іудейскаго населенія. Князьямъ Іуды, которые и безъ того питали особую слабость ко всему чужеземному, удовлетворявшему ихъ прихотямъ и похотямъ, это раболѣпіе царя предъ всѣмъ ассирійскимъ пришлось какъ нельзя болѣе кстати. Потворствуемые безсильнымъ въ своемъ ничтожествѣ царемъ, они еще въ большей мѣрѣ чѣмъ прежде могли предаваться своимъ распутствамъ и продолжать высасывать всѣ соки изъ совершенно беззащитной массы народа. Сами священнослужители стали забывать Бога и Его законы. Изъ матеріальныхъ расчетовъ или изъ трусости они не только закрывали глаза на всѣ злодѣянія царя и его приближенныхъ, но даже открыто защищали ихъ, за деньги проповѣдуя то, что угодно было сильнымъ и богатымъ въ Іудеѣ. Одинъ изъ этихъ выродившихся священнослужителей сталъ даже утверждать, что принесеніе въ жертву перворожденныхъ дѣтей не только не противно Богу Израиля, но даже пріятно Ему. Законъ Моисея о посвященіи первенцовъ Богу онъ въ угоду приверженцамъ ассирійскаго культа толковалъ въ томъ смыслѣ, что первенцы должны быть приносимы въ жертву на огнѣ[1]).

Къ счастью для Израиля и въ то мрачное время не было недостатка въ ревнителяхъ истинной вѣры и чистыхъ нравовъ, которые краснорѣ-

[1]) Іехезкель XX, 26 и 31; Іеремія VII, 31; XIX, 5; XXXII, 35.

чиво и убѣдительно протестовали противъ всѣхъ обуявшаго зла, отчужденія отъ своихъ народныхъ началъ и крайняго нравственнаго вырожденія. Не подлежитъ сомнѣнію, что и Іешая возставалъ противъ этого въ своихъ пламенныхъ рѣчахъ. Но изъ его пророческихъ рѣчей этого періода до насъ дошелъ только одинъ слѣдующій отрывокъ.

„Не называйте святымъ того, что эти люди считаютъ святымъ. Не чтите того, чему они поклоняются. Святите Господа Саваоѳа, Ему одному служите... Я надѣюсь на Іегову, хотя Онъ скрываетъ лицо свое отъ дома Якова. Я и отроки, которыхъ Господь мнѣ даровалъ, служимъ знаменіемъ и примѣромъ отъ Бога-Саваоѳа, пребывающаго на Сіонской горѣ. Они вамъ скажутъ: „Вопрошайте чревовѣщателей и знахарей, нашептывающихъ и наговаривающихъ". Ибо народъ долженъ вопрошать Бога для поученія своего и предостереженія. Безъ сомнѣнія они это будутъ говорить..."

Одинъ болѣе молодой пророкъ этого времени съ большей откровенностью и энергіей обнажалъ разъѣдавшія организмъ Іудеи язвы и не только называлъ совершавшіяся на его глазахъ злодѣянія ихъ настоящимъ именемъ, но и указывалъ на истинное ихъ происхожденіе. *Миха II* изъ Морешп, городка въ югозападной Іудеѣ, вышелъ вѣроятно изъ школы Іешаи и посвятилъ себя тяжелому призванію пророка,—бичевать грѣшниковъ и указывать имъ на послѣдствія ихъ ослѣпленія. Его рѣчи не блещутъ ни глубиною, ни красотой импровизаціи его учителя, но въ нихъ очень много той язвительной ироніи, которой пересыпаны всѣ рѣчи Іешаи. Миха охотно прибѣгалъ къ игрѣ словъ, къ вопросительнымъ оборотамъ рѣчи и къ простонароднымъ выраженіямъ. Онъ, повидимому, долго жилъ въ Іерусалимѣ, но будучи хорошо знакомъ съ настроеніемъ маленькихъ городковъ Іудеи и ея деревень, онъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ его предшественники, отражалъ это настроеніе въ своихъ рѣчахъ. Въ одной изъ своихъ рѣчей, относящейся къ царствованію Ахаза, пророкъ разоблачаетъ во всей ея наготѣ религіозное и нравственное паденіе народа:

„Слушайте слово, которое говоритъ Господь. Встань и выйди на судъ предъ горами, пусть холмы услышатъ твой голосъ! Внимайте суду Божьему, о горы, и вы, первозданныя основы земли! Ибо у Господа есть споръ съ своимъ народомъ. Онъ желаетъ судиться съ Израилемъ. Народъ Мой, что сдѣлалъ Я тебѣ, чѣмъ Я тебя огорчилъ? Въ чемъ можешь ты Меня упрекать? Не въ томъ ли, что Я вывелъ тебя изъ Египта, освободилъ изъ рабства и во главѣ твоей поставилъ Моисея, Арона и Миріамъ? Народъ Мой! Вспомни только, что Балакъ, царь Моава, замышлялъ противъ тебя и что отвѣчалъ ему Билеамъ, сынъ Беора. Вспомни, какъ Я переводилъ тебя чрезъ Іорданъ отъ Шитима до Гилгала,—и ты долженъ бу-

дешь признать великія милости Мои. Но ты скажешь: „Чѣмъ же я могу угодить Богу и возблагодарить Всевышняго? Долженъ ли я совершать въ честь Его всесожженія годовалыхъ тельцовъ? Не приметъ ли Господь благосклонно тысячу барановъ или десять тысячъ потоковъ елея? Или не долженъ ли я за грѣхъ свой отдать Ему своего первенца, принести Ему въ жертву плодъ чрева своего во искупленіе своей вины?“ Но онъ вѣдь, человѣкъ, открылъ тебѣ, въ чемъ добро и чего Онъ отъ тебя требуетъ: только жизни по правдѣ, любви къ людямъ и смиреннаго слѣдованія по Его путямъ!. . . . .

. . . .

Съ фальшивыми вѣсами и съ невѣрными гирями въ сумѣ своей можешь ли ты (Израиль) быть невиненъ? Богачи твои совершаютъ одни насилія, сильные говорятъ одну ложь, а на языкѣ у нихъ—сплошной обманъ! За грѣхи твои Я поразилъ тебя неизлѣчимой болѣзнью, опустошилъ страну твою. Ты ѣшь, но никогда не насыщаешься, и пища точитъ твои внутренности; ты пріобрѣтаешь, но ничего не имѣешь, а то, что ты сберегаешь, Я отдаю мечу; ты сѣешь и не пожинаешь, ты давишь оливки и не получаешь масла, ты собираешь виноградъ и не пьешь вина. Ты слѣдуешь беззаконіямъ царя Омри и всѣмъ злодѣяніямъ дома Ахава,—по ихъ путямъ ты слѣдуешь. И за то Я предамъ тебя опустошенію, жителей твоихъ на посмѣяніе, и позоромъ ты будешь среди народовъ“ [1]).

Несмотря на всѣ эти протесты, паденіе нравовъ все болѣе распространялось, заражая и здоровые слои населенія. Явились лже-пророки, которые именемъ Іеговы ободряли торжествовавшій порокъ, чтобы угодить власть имущимъ. Эти ложные пророки, по примѣру настоящихъ, произносили воодушевленныя рѣчи, ссылаясь, подобно имъ, на внушенія свыше, прибѣгали даже къ оборотамъ рѣчи настоящихъ пророковъ, и тѣмъ вносили полную смуту въ умы. Народъ былъ, такъ сказать, сбитъ съ толку и не зналъ кому вѣрить, обличителямъ ли, изображавшимъ современность въ самыхъ мрачныхъ краскахъ, или льстецамъ и угодникамъ, которые все видѣли въ розовомъ свѣтѣ. Изъ презрѣнія къ этимъ нарочитымъ оптимистамъ и мнимымъ пророкамъ Іешая не удостаивалъ ихъ своимъ вниманіемъ и только мимоходомъ упоминаетъ о нихъ въ одной изъ своихъ рѣчей:

„...И отсѣчетъ поэтому Господь у Израиля и голову и хвостъ, уничтожитъ и пальму и тростникъ. Старѣйшины народа и его знатнѣйшіе—это голова, мнимые пророки и лже-учители—это хвостъ“ [2]).

---

[1]) Миха 6.

[2]) Іешая IX, 13—15.

За то Миха обрушивается на этихъ мнимыхъ руководителей народа со всей силой своего сарказма:

„Плутъ, торгующій ложью и предсказывающій все что угодно, за стаканъ вина,—вотъ пророкъ, который нуженъ этому народу... Такъ говоритъ Господь о лже-учителяхъ, сбивающихъ народъ съ пути, заключающихъ миръ, когда имъ кладутъ что-нибудь на зубы и объявляющихъ войну тому, кто имъ не затыкаетъ рта“[1]).

Больше всего эти продажные лже-учители воевали съ настоящими пророками за то, что они безкорыстно бичевали эгоизмъ власть имущихъ, продажность судей, жадность богачей и безуміе идолопоклонниковъ во Израилѣ. Какъ во времена Изевели пророкамъ приходилось скрываться отъ преслѣдованій князей Іуды, чтобы не пасть жертвами своего справедливаго негодованія. Въ ловушкахъ, противъ нихъ разставленныхъ, въ Іерусалимѣ тогда недостатка во всякомъ случаѣ не было.

Въ это печальное время, въ царствованіе язычника Ахаза, которое далеко оставило за собою шестилѣтнее царствованіе Аталіи, когда царь топталъ ногами вѣру израильскую и открыто вводилъ въ Іерусалимѣ идолопоклонство, когда князья Іуды безпрепятственно предавались разврату и грабежамъ, когда лже-пророки безстыдно оправдывали всякое злодѣяніе, а истинные пророки подвергались гоненіямъ,—въ это ужасное для Іудеи время совершено было дѣло огромной важности для израильскаго народа. Въ царствованіе Ахаза впервые явилась на свѣтъ книга, которая по справедливости названа была впослѣдствіи „Книгой Книгъ“, потому что она въ неприкрашенныхъ и все же возвышенныхъ рѣчахъ регулируетъ религіозно-нравственную жизнь народа, освящаетъ и возвеличиваетъ вѣру въ единаго Бога и въ точности указываетъ народу, что онъ долженъ считать правдой и что ложью. До появленія этого кодекса морали одинъ пророкъ говорилъ одно, другой—противоположное и то, что одинъ, напримѣръ, осуждалъ, другой, наоборотъ, одобрялъ. Непросвѣщенному израильтянину трудно было разобраться, гдѣ собственно истина, чему именно онъ долженъ вѣрить и слѣдовать. Кто настоящій богъ, Іегова или Ваалъ? Неблагопристойный культъ Астарты дозволенъ ли или запрещенъ? Слѣдуетъ ли приносить въ жертву своихъ первенцовъ или нѣтъ?—На всѣ эти и другіе однородные вопросы вполнѣ яснаго, опредѣленнаго отвѣта неоткуда было черпать. Среди этого религіозно-нравственнаго хаоса только два факта не вызывали никакихъ сомнѣній даже у тѣхъ, которые такъ склонны были превозносить все чужое и презирать все свое: избавленіе израильскаго народа отъ египетскаго рабства и участіе въ этомъ освободитель-

[1]) Миха II, 11, III. 5.

номъ дѣлѣ перваго пророка. Воспоминанія объ этихъ событіяхъ были живы въ памяти всѣхъ тѣхъ, которые еще не совсѣмъ отупѣли и не окончательно погрязли въ грѣхѣ. Всѣ пророки безъ исключенія въ рѣчахъ своихъ упоминали объ этихъ событіяхъ и связывали ихъ съ современными. Ни одинъ изъ великихъ предковъ и вождей Израиля не пользовался у него такимъ высокимъ уваженіемъ, какъ Моисей. Его имя продолжало жить въ памяти народа, какъ имя великаго вождя и пророка, находившагося во внутреннемъ общеніи съ самимъ Богомъ и непосредственно отъ него получавшаго откровенія и указанія, ученіе и законы. И то, чему Моисей именемъ Іеговы училъ израильтянъ, считалось истиннымъ, справедливымъ и спасительнымъ. Однако изъ всего, что Господь открылъ и внушилъ своему первому пророку, въ сознаніе народа проникло весьма немного. Масса израильская имѣла лишь самое смутное представленіе о происхожденіи, значеніи и содержаніи Моисеева ученія; это „наслѣдіе", самимъ учителемъ предназначенное „для всего дома Іакова", въ дѣйствительности было извѣстно одному тѣсному кругу посвященныхъ, аронидамъ и левитамъ[1]). Эти же послѣдніе только въ особо важныхъ случаяхъ читали народу отрывки изъ его священныхъ книгъ. Всеобщее паденіе нравовъ при Ахазѣ не могло не натолкнуть лучшихъ людей Израиля, оставшихся вѣрными памяти Моисея, на мысль о томъ, чтобы сдѣлать его ученіе достояніемъ всего народа. Это было, разумѣется, вѣрнѣйшимъ средствомъ къ тому, чтобы масса израильская узнала, наконецъ, какой путь есть истинный,—тотъ ли, на который указывали пророки Іеговы, или же тотъ, на который ее толкали мнимые пророки и лже-учители. Именемъ Бога самъ первый пророкъ его долженъ былъ открыть народу глаза и вывести его изъ того духовнаго мрака, въ которомъ онъ цѣлые вѣка блуждалъ.

Невозможно установить съ точностью, кому собственно принадлежитъ инициатива этого столь своевременнаго обнародованія „Книги Моисеева Ученія",—пророкамъ ли или священнослужителямъ. Достовѣрно лишь одно, что эта книга впервые явилась на свѣтъ въ царствованіе Ахаза и въ Іудеѣ, или точнѣе въ Іерусалимѣ.

[1]) См. выше стр. 64-65.

ГЛАВА VI.

Тора.

Составъ, характеръ и значеніе Торы. Смѣсь законовъ и лѣтописей. Преданіе о сотвореніи міра по Торѣ въ сравненіи съ соотвѣтственными греческими и вавилонскими легендами. Значеніе человѣка по этому преданію. Значеніе перваго грѣха перваго человѣка. Гибельныя послѣдствія грѣхопаденія. Первое братоубійство Скитанія Каина. Лемехъ первый вводитъ двоеженство. Его потомки. Изобрѣтеніе музыкальныхъ инструментовъ и орудій войны. Сетъ и его потомки. Потопъ. Ной и его потомки. Значеніе вавилонской башни. Древнѣйшіе предки и потомки Авраама. Добродѣтели Авраама. Исаакъ и Ревекка. Яковъ и Исавъ. Страданія Якова. Восхваленіе добродѣтелей Іосифа. Указаніе на будущую роль Іуды. Разсказъ объ освобожденіи изъ Египта. Законы, имѣющіе связь съ этимъ освобожденіемъ. Разсказъ о синайскомъ откровеніи. Распредѣленіе законовъ по группамъ. Грѣхъ и искупленіе. Разсказъ о странствованіяхъ въ пустынѣ и законы, съ ними связанные. Первыя побѣды. Благословленіе Билеама.

(730—724.)

Многознаменательная книга, которая должна была возсоединить блуждавшій во тьмѣ народъ съ его Богомъ и національнымъ вѣроученіемъ, умственно поднять его и нравственно очистить, по справедливости носитъ названіе Торы („Поученіе"), ибо она имѣетъ цѣлью преподать народу наставленіе о томъ, какъ онъ въ разныхъ случаяхъ жизни долженъ поступать, мыслить и чувствовать. Преобладающій характеръ ея во всякомъ случаѣ законодательный. Но она отнюдь не представляетъ сухого перечисленія или свода законовъ, а скорѣе является сборникомъ назидательныхъ поученій. Эти поученія Тора даетъ не видѣ сухихъ правилъ, а въ привлекательной, общедоступной и въ тоже время возвышенной формѣ. При всей кажущейся наивности иныхъ ея разсказовъ, Тора не можетъ не вызывать глубокихъ размышленій. Обѣ составныя ея части, лѣтопись и узаконенія, переплетены между собою такъ, что законы сами собою вытекаютъ изъ историческихъ событій. Вначалѣ, до освобожденія израильтянъ изъ Египта и синайскаго откровенія, Тора представляетъ сплошной историческій разсказъ. Послѣ же этихъ событій на первый планъ выступаютъ законы, лѣтописный же разсказъ отступаетъ назадъ или приводится лишь для того, чтобы указать, по какому именно поводу данный законъ былъ установленъ. Ни одна книга древняго міра не можетъ поэтому идти въ сравненіе съ Торой: она имѣетъ вполнѣ характеръ народной книги, но не опускается до черни, для того, чтобы угодить ея примитивнымъ вкусамъ и разсказывать ей пріятныя сказки,—она, наоборотъ, пользуется увлекательнымъ историческимъ разсказомъ лишь какъ средствомъ для возбужденія въ немъ благородныхъ мыслей и чувствъ и для поощре-

нія его къ исполненію тутъ же изложенныхъ законовъ. Съ этой цѣлью Тора выводитъ съ одной стороны, рядъ личностей высоконравственныхъ, истинныхъ праведниковъ, а съ другой—людей безнравственныхъ и отверженныхъ: первые должны служить образцомъ для подражанія, вторые—предостерегающимъ примѣромъ. Тора вообще преслѣдуетъ поучительныя цѣли, и даже въ тѣхъ разсказахъ ея, которые просто излагаютъ событія, скрытъ глубокій смыслъ. И если не весь народъ, то тѣ болѣе или менѣе просвѣщенные слои его, для которыхъ она главнымъ образомъ была написана, умѣлъ находить въ ея символахъ и алегоріяхъ этотъ смыслъ. Историческія событія изложены Торой въ художественной формѣ и съ соблюденіемъ чувства мѣры: ничего лишняго, но и ничего недоговореннаго, свѣтъ и тѣни распредѣлены равномѣрно, а событія и рѣчи представлены съ драматической живостью. Библейскіе разсказы поэтому имѣютъ свою особую ни съ чѣмъ не сравнимую прелесть, и во всѣ времена увлекали не только простыхъ читателей, но и глубокихъ мыслителей.

Тора начинается преданіемъ отъ сотворенія міра и жизни первыхъ людей на землѣ. Происхожденіе вселенной и всего на ней живущаго преданіе это излагаетъ съ такой безыскусственной и въ тоже время величавой простотой, что у людей вѣрующихъ, къ какой бы религіи они не принадлежали, никогда не возникало сомнѣній въ полной ея достовѣрности и истинности. Творцомъ міра и вершителемъ его судебъ Тора выставляетъ единаго Бога. При этомъ она не оскорбляетъ религіознаго чувства простого человѣка миѳологичеккими бреднями насчетъ „происхожденія“ боговъ и ихъ борьбы съ другими богами и людьми. Не задолго до появленія Торы одинъ греческій поэтъ (Гезіодъ) на основаніи народныхъ элинскихъ преданій также написалъ исторію сотворенія міра. Древніе греки, судя по этой исторіи, вѣрили, что боги родились изъ „хаоса первобытной ночи“. Первымъ божествомъ, изъ него происшедшимъ, была Земля (Геа). Эта праматерь боговъ сама изъ себя произвела Небо (Урана), Море (Понтъ), а также всякія чудовища, титановъ, одноглазыхъ циклоповъ и сторукихъ великановъ. Чтобы избавиться отъ страшнаго шума, произведеннаго всѣми этими чудовищами, Геа приказываетъ титану Кроносу оскопить ея сына и супруга Урана. Оскопленный органъ падаетъ въ море, и изъ него происходитъ богиня свободной любви (Афродита Уранія). Кроносъ пожираетъ затѣмъ своихъ собственныхъ сыновей, но одинъ изъ нихъ его убиваетъ, и вмѣсто него самъ становится главнымъ богомъ, раздѣливъ свою власть съ уцѣлѣвшими братьями. Человѣческій родъ вмѣстѣ съ богами происходитъ изъ земли, но боги не покровительствуютъ людямъ; наоборотъ самъ Зевесъ преисполненъ зависти къ нимъ и скрываетъ отъ нихъ божественный огонь. Но титанъ Прометей похищаетъ его съ неба и сооб-

щаетъ его людямъ. Въ наказаніе за эту кражу Зевесъ посылаетъ ему соблазнительную женщину (Пандору), вручивъ ей сосудъ, наполненный всякими несчастіями, и въ которомъ только на самомъ днѣ схоронена надежда. Человѣкъ такимъ образомъ страдаетъ безвинно и только вслѣдствіе зависти боговъ. Въ основаніи этой легенды лежитъ глубокая мысль, но нравственный элементъ въ ней совершенно отсутствуетъ; она, наоборотъ, проводитъ антиморальную, противо-религіозную мысль о томъ, что самъ человѣкъ безгрѣшенъ и невиненъ. Всякое несчастье, всякое зло на землѣ происходитъ не отъ злой воли человѣка, а отъ боговъ: они первоисточникъ грѣха, отъ котораго людской родъ страдаетъ. Человѣку, какъ жертвѣ несправедливыхъ преслѣдованій неба, незачѣмъ думать о самоисправленіи: онъ воленъ предаться своимъ инстинктамъ и страстямъ. Если же результатомъ этого является несчастье, то онъ можетъ обвинять только боговъ и пожалуй женщину, которую они послали на землю съ чашей страданій.

Другая легенда о сотвореніи міра, халдейская или вавилонская, изображаетъ возникновеніе вселенной въ еще болѣе примитивномъ разсказѣ. И по этой легендѣ въ началѣ всѣхъ началъ былъ хаосъ, въ которомъ кишѣли всякіе уроды, двухголовые и двуполые люди съ туловищами животныхъ, какія-то существа о ста головахъ и столькихъ же рукахъ, и тому подобныя чудовища, какія могла создать только дикая фантазія древнихъ вавилонянъ. Надъ всѣмъ этимъ хаосомъ господствуетъ женщина Thaltha (Maladtha, Mylitta, праматерь?). Богъ Белъ разсѣкаетъ эту богиню пополамъ, изъ одной половины ея создаетъ землю, а изъ другой небо и свѣтъ. Чудовища, наполняющія хаосъ не въ состояніи перенести свѣта и погибаютъ. Белъ же, увидѣвъ землю пустынной и безплодной, самъ себѣ отрѣзываетъ голову или приказываетъ это сдѣлать другому богу. Изъ пролитой такимъ образомъ крови, смѣшанной съ землей, этотъ второй богъ творитъ людей и животныхъ, солнце, луну и звѣзды...[1])

Какая огромная разница между этими неуклюжими миѳами и величавымъ въ своей простотѣ библейскимъ разсказомъ о сотвореніи міра. „Въ началѣ, когда Господь сотворилъ небо и землю, когда земля представляла хаосъ и пустоту, поверхность бездны была окутана тьмою, а надъ водами вѣялъ сильный вѣтеръ, то Господь сказалъ: „да будетъ свѣтъ!“ И сталъ свѣтъ“[2]). Не солнечный и звѣздный свѣтъ, а свѣтъ вообще.

[1]) Другой варіантъ этой легенды см. выше, стр. 10-11. *Ред.*

[2]) Первоклассные экзегеты Раши и Ибнъ-Эзра совершенно правильно замѣчаютъ, что первые два стиха 1 главы Кн. Бытія, начинающіеся словами בראשית ברא אלהים, представляетъ не главное, а придаточное предложеніе обстоятельства времени къ третьему стиху ויאמר אלהים, ибо въ противномъ случаѣ вмѣсто בְּרֵאשִׁית должно было бы быть בְּרֵאשִׁית

Такимъ же образомъ, по одному слову Божію или Его Волей, явилась и земля со всѣмъ на ней живущимъ, и небо съ его планетами. Какъ только явился свѣтъ, во вселенной водворился порядокъ. Вода отдѣлилась отъ суши и слой атмосферы образовался между верхними и нижними водами. Первыя образовали видимое небо, а вторыя—моря, озера и рѣки. Вслѣдствіе сосредоточенія воды въ опредѣленныхъ мѣстахъ выдѣлилась суша,—материки и острова. На послѣднихъ появились всевозможныя растенія, низкія травы и высокія деревья, а на небесной тверди—солнце, луна и звѣзды. Послѣднія должны были освѣщать землю, отдѣлять день отъ ночи и указывать годы, дни и праздники, но отнюдь не быть объектами религіознаго почитанія[1]). Послѣ того были созданы животныя, обитающія въ водѣ и въ воздухѣ; Господь благословилъ ихъ, повелѣвъ имъ плодиться и множиться. Явились затѣмъ на землѣ и другія животныя, дикія и ручныя, а также и всякаго рода пресмыкающіяся. Послѣднимъ былъ сотворенъ человѣкъ. Когда Господь рѣшилъ его создать, Онъ, по словамъ Торы, произнесъ торжественное слово, въ которомъ указалъ на важность миссіи, возлагаемой имъ на людской родъ. „Сотворимъ,—таково было это слово,—человѣка въ образѣ нашемъ и по нашему подобію, и да будетъ онъ господиномъ земли и всего на ней живущаго". Тора подчеркиваетъ затѣмъ то обстоятельство, что сотворивъ міръ въ шесть дней, Господь въ седьмой день почилъ отъ всѣхъ дѣлъ... Преслѣдуя свои поучительныя цѣли, Тора при этомъ замѣчаетъ, что самъ Господь освятилъ субботній день и тѣмъ вмѣнилъ и человѣку въ обязанность, чтобы онъ самъ въ этотъ день отдыхалъ и рабу своему давалъ отдыхъ послѣ шести дней тяжелаго труда.

Тора представляетъ человѣка не какъ исполненное грѣховъ существо, не достойное жизни; она напротивъ ставитъ его выше всѣхъ земныхъ созданій, ибо онъ одинъ сподобился Божественнаго Духа. Въ сравненіи съ Богомъ онъ—прахъ и тлѣнъ, но по отношенію къ природѣ онъ—ничѣмъ неограниченный властелинъ, царь творенія.

Все, что Господь въ премудрости своей создалъ, хорошо и цѣлесообразно, въ томъ числѣ и человѣкъ[2]). Но почему же этотъ царь земли такъ несовершененъ и оттого такъ несчастливъ? На этотъ самъ собою напрашивающійся вопросъ, Тора, вѣрная своей дидактической цѣли, отвѣчаетъ разсказомъ, смыслъ котораго ясенъ самому неразвитому уму. Человѣкъ,—говоритъ она,—живя въ раю, былъ совершенно счастливъ, пока

[1]) Въ подробномъ и точномъ указаніи Торы (Бытіе I, 14-18) на назначеніе небесныхъ свѣтилъ, нельзя не видѣть, съ другой стороны, косвеннаго указанія на то, что они не должны быть предметомъ религіознаго культа, какъ это и высказано ясно во Второзаконіи IV, 19.

[2]) Бытіе I, 31.

онъ былъ невиненъ. Но совершивъ первый свой грѣхъ и сознавъ его, онъ потерялъ счастье и былъ изгнанъ изъ рая. Въ чемъ состоялъ этотъ роковой проступокъ? Человѣкъ нарушилъ завѣтъ Господній, нарушилъ вожделѣніемъ и лукавствомъ своимъ. Въ аллегорическомъ разсказѣ о паденіи перваго человѣка Тора наглядно иллюстрируетъ одну изъ главныхъ своихъ мыслей: „грѣхъ есть источникъ всякаго человѣческаго несчастья“. Господь, —гласитъ она,—первоначально водворилъ человѣка въ саду Эдема, изобиловавшаго водою, прекраснѣйшими деревьями и вкуснѣйшими плодами. Человѣку немного надо было трудиться, чтобы обрабатывать этотъ садъ и стеречь его. Въ подруги жизни Господь далъ ему сотворенную Имъ изъ его же плоти жену. Она ему послана была не въ наказаніе, какъ Пандора съ ея сосудомъ бѣдствій, а въ помощь и поддержку. Оба они не знали чувства стыдливости, ибо были невинны, какъ младенцы. Для того, чтобы они, неопытные, оставались счастливыми, Господь самъ руководилъ ими и ихъ воспитывалъ. Въ видѣ воспитательной мѣры имъ прежде всего было приказано, чтобы они ничего не дѣлали по своему усмотрѣнію и не рѣшали сами что хорошо, и что дурно, или, выражаясь символическимъ языкомъ библейской легенды: не вкушали отъ древа познанія добра и зла[1]). Это отнюдь не значитъ, чтобы они на всю жизнь обречены были остаться неразумными и невѣжественными дикарями, ибо для чего же въ такомъ случаѣ Господь сподобилъ ихъ Своего Духа и сотворилъ по Своему образу и подобію: это означало лишь, что въ своихъ поступкахъ человѣкъ не долженъ руководиться однимъ своимъ разумомъ. Если бы человѣкъ соблюдалъ этотъ запретъ, онъ былъ бы нравственно-совершененъ, а слѣдовательно и счастливъ. Но онъ нарушилъ этотъ приказъ, отчасти по собственной винѣ, отчасти по внушенію лукавой искусительницы змѣи. Змѣя обратилась не къ болѣе серьезному мужчинѣ, а къ легкомысленной женщинѣ, которую до того уже тянуло къ красивымъ плодамъ запретнаго дерева. Хитрая змѣя сумѣла убѣдить Еву въ томъ, что Господь запретилъ имъ вкушать эти плоды только изъ опасенія, чтобы они не стали равными ему, тогда они сумѣетъ отличать добро отъ зла. Искушенная Ева искусила также и Адама къ нарушенію запрета и къ первому грѣху. Первымъ результатомъ этого явилось чувство стыда, вызванное сознаніемъ своей вины. А затѣмъ послѣдовало и наказаніе, какъ новая воспитатель-

[1]) Выраженіе עץ הדעת טובות ורע видимо символизируетъ эту мысль, какъ въ Притчахъ (III, 5): „Надѣйся на Бога всѣмъ сердцемъ своимъ и не полагайся на свой разумъ!“ Сравни тамъ же XXVIII, 26. Та же мысль выражена и въ другомъ предостереженіи (Числа IIIV 39) ולֹא תתורו אחרי לבבכם ואחרי עיניכם, причемъ подъ словомъ לב слѣдуетъ понимать самоувѣренное мудрствованіе а подъ עינים — вожделѣніе людскія.

ная мѣра. Женщина была осуждена на то, чтобы рожать въ мукахъ и тѣмъ не менѣе питать влеченіе къ мужчинѣ и быть ему подчиненнымъ. Мужчина же былъ изгнанъ изъ рая и водворенъ въ другомъ не столь плодородномъ мѣстѣ, гдѣ онъ обреченъ былъ трудиться всю свою жизнь въ потѣ лица своего.

Тора описываетъ затѣмъ дальнѣйшіе результаты этого вкушенія отъ древа познанія добра и зла, или иными словами, высокомѣрнаго желанія человѣческаго въ своихъ поступкахъ считаться лишь съ своимъ собственнымъ разумомъ, пренебрегая Божьими велѣніями. У Адама и Евы родились два сына, которые послѣ нихъ стали владѣть землей. Старшій, Авель, занимался скотоводствомъ, младшій, Каинъ, воздѣлывалъ землю. Оба приносили Богу жертвы, но въ то время, каэъ первый возлагалъ на алтарь своихъ лучшихъ овецъ, второй жертвовалъ первые попавшіеся плоды. Когда Каинъ увидѣлъ, что его труды по обработкѣ земли не даютъ тѣхъ результатовъ, какихъ онъ отъ нея ждалъ, между тѣмъ какъ братъ его во всемъ преуспѣваетъ, онъ воспылалъ завистью къ нему и сталъ мраченъ. Господь, замѣтившій это, предостерегалъ его не поддаваться злымъ внушеніямъ своего сердца. „Грѣхъ,—сказалъ Онъ ему,—лежитъ у дверей твоихъ, онъ овладѣваетъ тобою, но при желаніи ты можешь еще его одолѣть!“ Каинъ, однако, не внялъ этимъ словамъ, привелъ въ исполненіе злое дѣло, имъ задуманное, и совершилъ первое братоубійство. Свое преступленіе онъ усугубилъ въ глазахъ Господа притворствомъ и ложью На вопросъ: „Гдѣ твой братъ?“ убійца дерзко отвѣчалъ: „Развѣ я его сторожъ?“ Такъ одно за другимъ и здѣсь обнаружились гибельныя послѣдствія людской гордыни,—зависть, братоубійство и, наконецъ, грубая ложь, изъ нежеланія признать совершенное преступленіе. Братоубійцу постигло проклятіе. Земля, которую онъ обрабатывалъ, навѣки должна была остаться безплодной; если бы убійца переселился на другой, лучшій участокъ, то и этотъ пересталъ бы давать плоды. Каинъ такимъ образомъ былъ осужденъ вѣчно скитаться съ мѣста на мѣсто. Въ связи съ этимъ назидательнымъ разсказомъ Тора развиваетъ новое ученіе. Когда убійца сталъ каяться въ своемъ преступленіи и возопилъ къ Богу, говоря: „Развѣ мой грѣхъ такъ великъ, что не можетъ быть прощенъ?“, то Господь смиловался надъ нимъ и сдѣлалъ знаменіе, дабы онъ, одинокій скиталецъ, не былъ убитъ потомками Авеля изъ кровавой мести.

Результаты преступнаго познанія добра и зла между тѣмъ продолжаютъ все больше проявляться. Изъ райской страны, Эдема, Каинъ уходитъ далеко на востокъ и поселяется въ странѣ Нодъ (Индъ, Индія?) У него родился сынъ Ханохъ, который построилъ первый укрѣпленный го-

родъ, назвавъ его своимъ именемъ [1]). Потомокъ Каина въ пятомъ поколѣніи Ламехъ или Лемехъ имѣлъ двухъ женъ и первый такимъ образомъ ввелъ многоженство. Эти жены родили ему четырехъ дѣтей, которыя явились дальнѣйшими распространителями зла на землѣ. Ювалъ (Аполлонъ) изобрѣлъ лютню и свирѣль, служившія для аккомпанированія непристойныхъ пѣсенъ на пирахъ и, слѣдовательно, возбуждавшія въ людяхъ дурныя чувства. Тувалъ-Каинъ (Телхинъ) изобрѣлъ искусство кованія и точенія желѣза и мѣди, а слѣдовательно и мечъ съ копьемъ, т. е. орудія кровопролитныхъ войнъ. Сестрою ихъ была обольстительная Наама, богиня любви, странствовавшая въ далекихъ земляхъ и повсюду зажигавшая въ людяхъ огонь любви. Самъ Лемехъ, наконецъ, пролилъ невинную кровь, убивъ нѣкоего мужа и отрока. Такъ мало-по-малу отъ рода Каина распространялось зло на землѣ. Былъ, правда, и другой родъ, шедшій повидимому по хорошему пути. У Адама и Евы послѣ смерти Авеля родился еще третій сынъ Сетъ. Сынъ его, Эношъ, жилъ осѣдло, построилъ жертвенникъ и посвятилъ его единому Богу[2]). Но потомки его опять стали грѣшить, и только одинъ изъ нихъ, Ханохъ, „шествовалъ съ Богомъ". Ему не было еще и четырехсотъ лѣтъ, когда смерть похитила его, тогда какъ его предки жили до семи, а иные даже до девятисотъ лѣтъ. Подобно потомкамъ Каина, и потомки Сета также вырождались. „Всѣ помыслы человѣка были направлены только на „зло", и разумъ, данный ему Богомъ, и долговѣчность только способствовали этому. Чѣмъ больше люди размножались и распространялись по лицу земли, тѣмъ порочнѣе и нечестивѣе они становились. Доходило до того, что люди, сами себя считавшіе знатными, „сынами боговъ", насильно похищали дочерей у незнатныхъ родителей. Явились также люди-исполины, „вселявшіе ужасъ въ среду живущихъ" и предпринявшіе нечестивую борьбу съ самимъ небомъ. За такое кощунство гиганты были низвергнуты въ преисподнюю, „еще глубже чѣмъ море и его обитатели". И Господь рѣшилъ, что сетиты, какъ и каиниты, не заслуживаютъ того, чтобы ихъ носила земля и должны быть стерты съ

---

[1]) Самымъ близкимъ къ истинѣ слѣдуетъ считать предположеніе фонъ-Болена, что подъ именемъ ארץ נוד слѣдуетъ понимать ארץ הנוד=הנדו=Индію, и что עיר חנוך есть индійскій городъ Kannudsch (по арабски קנוג). Въ этомъ случаѣ вполнѣ понятно выраженіе קדמת עדן, т. е. что страна, куда Каинъ переселился лежала къ востоку отъ Эдема.

[2]) Бытіе IV, 26. Странно, что значеніе полустиха אז הוחל לקרא בשם יהוה такъ плохо было понято переводчиками Библіи. לקרא בשם יהוה не можетъ имѣть иного значенія, кромѣ „строить жертвенникъ и посвящать его Іеговѣ". Ср. Бытіе XII, 9; XIII, 4; XXI, 33; XXVI, 25. Слѣдовательно и глаголъ הוחל не можетъ имѣть другого значенія, кромѣ „начали, начинали". (Противоположное мнѣніе см. выше стр. 6-7. *Ред.*)

лица ея. Только одинъ потомокъ Адама и Сета, Ной, долженъ быть спасенъ, ибо онъ одинъ былъ праведенъ, добръ и благочестивъ. Чрезъ него человѣческій родъ возродится къ новой жизни и будетъ воспитанъ въ правдѣ и добрѣ. Ниспосланный Богомъ на землю всемірный потопъ снова превратилъ міръ въ сплошной океанъ, потопивъ въ волнахъ своихъ все живое. Одинъ Ной съ своей семьей и съ животными, взятыми имъ въ свой ковчегъ, были спасены. Легенда о потопѣ, существовавшая у всѣхъ народовъ древности[1]), въ Торѣ имѣетъ характеръ поучительнаго разсказа, и самый потопъ разсказъ этотъ выставляетъ ничѣмъ инымъ, какъ карой Божіей за неисправимыя людскія прегрѣшенія.

Съ Ноемъ Богъ заключилъ союзъ, и съ этого собственно и начинается непосредственное моральное воспитаніе человѣка. До тѣхъ поръ люди были предоставлены самимъ себѣ,—для того, чтобы они увидѣли до чего ихъ можетъ довести ихъ „независимость". Ной же, который не полагался на свой разумъ и предпочиталъ во всемъ слѣдовать Волѣ Господней, одинъ и удостоился Божьяго союза. Іегова съ одной стороны обѣщалъ ему, что Онъ больше не будетъ посылать на землю потопа, Ной же за себя и за ближайшее свое потомство обязался беречь и защищать человѣческую жизнь. „Кто кровь проливаетъ, того кровь будетъ пролита людьми. Эгоизмъ людей привелъ ихъ къ братоубійству и къ войнѣ всѣхъ противъ всѣхъ. Эти преступленія должны быть искоренены путемъ перевоспитанія человѣчества согласно закону Бога. Все человѣческое общество, а не только отдѣльный родъ или семья, должно слѣдить за неприкосновенностью каждаго изъ своихъ членовъ, ибо жизнь человѣка, созданнаго по образу и подобію Божію, драгоцѣнна. Этимъ положено было начало государству, взятому Богомъ подъ свое покровительство. Самъ Господь будетъ мстить за невинно-пролитую человѣческую кровь, если люди будутъ оставлять убійцъ безнаказанными. Ною и его потомкамъ было сверхъ того внушено, чтобъ они не употребляли въ пищу кровь животныхъ и не ѣли мяса съ кровью, „ибо кровь есть душа всякаго живого существа". Не хотѣлъ-ли законодатель этимъ постановленіемъ предохранить людей отъ жестокости, такъ какъ по древнѣйшему повѣрью употребленіе въ пищу животной крови дѣлаетъ человѣка свирѣпымъ и кровожаднымъ[2]).

---

[1]) Вавилонскую легенду о потопѣ, въ сравненіи съ библейской, см. выше стр. 12—14. *Ред.*

[2]) Молешотовскій физіологическій афоризмъ, согласно которому „человѣкъ есть то, что онъ ѣстъ", разумѣется, слишкомъ прямолинеенъ и потому преувеличенъ, но не подлежитъ сомнѣнію, что систематическое употребленіе извѣстнаго рода пищи съ теченіемъ времени оказываетъ нѣкоторое вліяніе на нравственную физіономію человѣка.

Послѣ потопа злодѣянія сыновей Адама болѣе не повторяются; Тора по крайней мѣрѣ о нихъ не упоминаетъ, какъ бы давая понять, что ужасныя воспоминанія о потопѣ нѣкоторое время держали людей въ извѣстныхъ предѣлахъ. Опустѣвшую послѣ катастрофы землю населяли только три сына Ноя: Симъ, Яфетъ и Хамъ. Потомки ихъ образовали три отличныя одна отъ другой группы, въ зависимости отъ индивидуальныхъ особенностей ихъ родоначальниковъ и различныхъ условій тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ каждая изъ этихъ группъ поселилась. „Посреди земли,— разсказываетъ Тора, — жили семиты—отъ Ассиріи при р. Тигрѣ на востокѣ и Элама на юго-востокѣ до Лидіи на западѣ (въ малой Азіи); къ семитамъ принадлежали также арамейцы, жители Кардухскихъ горъ (Арпашхадъ Arrapachitis), Каздимъ (Халдеи) и племена Аравійскаго полуострова. Къ сѣверу и западу отъ семитовъ разселились потомки Яфета, яфетиты—отъ камрійцевъ („Гомеръ") у Чернаго и Каспійскаго морей на сѣверѣ, мидійцевъ на сѣверѣ и востокѣ, до сыновей Явана (іонійцевъ) въ Малой Азіи на островахъ, къ которымъ принадлежали также и жители большихъ острововъ Кипра (Khittim) и Родоса (Rodanim, Dodanim). Хамиты, наконецъ, заняли „югъ земли"; главное ядро ихъ составляли эѳіопы, египтяне и ливійцы; къ нимъ принадлежали и хананейцы съ филистимлянами. Всего отъ Ноя произошло не менѣе семидесяти народовъ. Тора перечисляетъ ихъ всѣ, все съ той же поучительной цѣлью, чтобы показать, что всѣ они произошли отъ одного праотца, что они, слѣдовательно, должны считать себя братьями и, какъ таковые, не должны вести между собою войнъ и не обращать другъ друга въ рабство. Одинъ народъ только—хананейцы—самимъ Богомъ былъ осужденъ на рабство, въ наказаніе за то, что ихъ родоначальникъ Хамъ нарушилъ законъ о почитаніи родителей и не только не прикрылъ однажды наготу отца своего, но еще съ насмѣшкой надъ нимъ разсказалъ о томъ своимъ братьямъ. А тотъ кто, не почитаетъ родного отца, способенъ на всякій отвратительный поступокъ, до кровосмѣсительства включительно. Хананейцы, дѣйствительно, доказали это, практикуя самый противоестествгнный развратъ. И за эти гнусности они были лишены свободы и обречены на вѣчное рабство. Потомки Хама и Ханаана были прокляты, потомство же его братьевъ Сима и Яфета, съ сыновнимъ почтеніемъ прикрывшіе оскорбленную наготу своего отца, удостоились благословенія Божія.

Однако, съ теченіемъ времени и эти потомки Ноя стали измѣнять единому Богу. Правда, они не совершали насилій и убійствъ и не предавались половымъ излишествамъ, какъ ихъ жившіе до потопа предки.

Библейскій законъ о неупотребленіи въ пищу животной крови, повидимому, вытекаетъ изъ этого наблюденія.

Но ихъ обуяло высокомѣріе, которое неминуемо влечетъ за собою пороки и злодѣянія. Когда потомки Ноя не были еще разъединены и всѣ говорили однимъ языкомъ, они задумали однажды построить въ равнинѣ Синеаръ городъ Вавилонъ и воздвигнуть въ немъ башню, которая должна была увѣковѣчить ихъ память и возвышаться до облаковъ. „Взойдемъ на небо,—говорили по словамъ пророка эти дерзновенные,—поставимъ престолъ свой выше звѣздъ небесныхъ, подымемся до облаковъ и уподобимся Всевышнему!"[1]). Въ виду такого богоотступничества и столь безумной дерзости людей, союзъ, заключенный Богомъ съ Ноемъ не могъ больше существовать; нечестивый же планъ во всякомъ случаѣ не долженъ былъ получить осуществленія. Простымъ средствомъ Господь уничтожилъ этотъ замыселъ, смѣшавъ языкъ дерзновенныхъ такъ, что одинъ не понималъ больше другого. Строители бросили тогда свою работу и разсѣялись въ разныя стороны.

Тора переходитъ затѣмъ къ исторіи Авраама и его потомства. По старымъ историческимъ преданіямъ она подробно излагаетъ всю родословную перваго патріарха и указываетъ страну, изъ которой вышли его предки. Древнѣйшимъ предкомъ Авраама былъ Арпахшадъ, изъ горной мѣстности Аррапахитисъ, нѣкогда составлявшей границу между Ассиріей, Арменіей и Мидіей. Отсюда потомки Арпахшада переселились въ Уръ-Каздимъ, въ Кардухскихъ горахъ. Здѣсь и родился Авраамъ, сынъ Тераха. Послѣдній покинулъ страну Уръ-Каздимъ, переселившись въ Ханаанъ. Но когда онъ по пути туда прибылъ съ своей семьей въ Харанъ, (Нага, Carrhae), въ Мессопотаміи, гдѣ сходились караванныя дороги, то онъ рѣшился поселиться въ этой мѣстности. Аврааму, однако, было свыше внушено оставить эту страну и отчій домъ свой и переселиться въ другую страну, имя которой должно было быть ему названо впослѣдствіи. Авраамъ до того былъ преданъ Богу[2]), что онъ ни на минуту не задумался послѣдовать этому внушенію. И не мудрствуя лукаво надъ потребованной отъ него жертвой, онъ, скрѣпя сердце, оставилъ свою семью и родину, хотя ему тогда было уже семьдесятъ пять лѣтъ[3]). Родоначальникъ

---

[1]) Іешая XIV, 13-14.

[2]) У Іешаи XLI, 8 Авраамъ въ видѣ исключенія названъ אהבי—возлюбленнымъ Господа.

[3]) Комментаторы до сихъ поръ почему-то не обращали вниманія на конецъ 1 стиха 12 гл. Бытія אל הארץ אשר אראך, хотя въ немъ центръ тяжести всего разсказа объ Авраамѣ. Параллель къ этому стиху составляетъ 2 ст. 22 гл. אל אחד ההרים אשר אמר אליך Въ обоихъ стихахъ имя не названо. Это значитъ, что Авраамъ слѣпо слѣдовалъ внушенію свыше. Онъ всецѣло уповалъ на Бога, и въ этомъ была его заслуга. Ср. стихъ XV, 6; והאמין בה' ויחשבה לו צדקה. И лишь когда Авраамъ при-

авраамидовъ или израильтянъ поступалъ такимъ образомъ совершенно иначе, чѣмъ родоначальникъ всѣхъ людей. Адамъ нарушилъ первую Богомъ данную заповѣдь, желая своимъ собственнымъ неопытнымъ умомъ рѣшать, что хорошо и что дурно, или же потому, что не имѣлъ достаточно силы воли, чтобы устоять противъ соблазна. Авраамъ же слѣдовалъ внушеніямъ не своего разума и сердца, а одного Бога, вѣруя, что ему одному вѣдомо, что добро и что зло. Проклятіе, тяготѣвшее надъ человѣчествомъ, какъ результатъ преступленія Адама, должно было такимъ образомъ быть искуплено Авраамомъ. Господь благословилъ его и все его потомство „благословителями людей". Прибывъ въ Сихемъ и узнавъ, что именно эту страну Богъ избралъ для него жилищемъ, Авраамъ построилъ здѣсь жертвенникъ во имя Единаго Бога, ему тамъ явившагося. Но такъ какъ весьма плодородная и обильная водою Сихемская область до того уже была занята хананеейцами, то Авраамъ не могъ въ ней осѣсть. Не желая вступать въ борьбу съ туземцами, онъ перекочевалъ съ своими стадами далѣе на юго-востокъ, поселившись въ каменистой, безплодной мѣстности между Бетелемъ и Аи, построивъ и здѣсь жертвенникъ.

Изъ этой бѣдной пастбищами мѣстности Авраамъ нѣсколько разъ затѣмъ перекочевывалъ на югъ и обратно. Въ теченіе нѣкотораго времени, когда въ Ханаанѣ свирѣпствовалъ голодъ, онъ жилъ даже въ Египтѣ, тогдашней житницѣ Азіи. Вездѣ и всюду Господь въ изобиліи снабжалъ его всѣми благами земли. Чѣмъ, однако, заслужилъ онъ столь исключительныя милости? За что Господь призвалъ его „изъ далекихъ концовъ земли", возлюбилъ его и благословилъ? Тора отвѣчаетъ на этотъ вопросъ подробнымъ описаніемъ его жизни, наглядно изображая въ немъ нравственную физіономію перваго патріарха. Книга Бытія рисуетъ Авраама прежде всего человѣкомъ безкорыстнымъ и миролюбивымъ. Вмѣстѣ съ нимъ, какъ членъ его семьи, въ Ханаанъ переселился со всѣми своими чадами и домочадцами и сынъ его брата Лотъ, также владѣвшій большими стадами. Между пастухами дяди и племянника однажды возникли ссоры изъ-за пастбищъ, которыхъ не хватало для обоихъ стадъ, тѣмъ болѣе, что въ мѣстность, которую они заняли, переселилось въ то время цѣлое племя феризейцевъ, захватившее значительную часть спорной земли. Чтобы положить конецъ раздорамъ, Авраамъ предоставилъ своему племяннику лучшія пастбища, несмотря на то, что онъ былъ глава семьи и что страна была обѣщана ему одному. „Разойдемся въ мирѣ", сказалъ онъ Лоту: „если ты пойдешь налѣво, я пойду направо, а если ты предпочитаешь пойти направо, тогда я направлюсь влѣво." Всякіе споры изъ-за матері-

былъ уже въ Сихемъ, Господь ему указалъ, что именно эту страну, Ханаанъ, Онъ назначилъ ему для постояннаго пребыванія.

альныхъ интересовъ были противны Аврааму. Лотъ выбралъ, конечно, лучшую мѣстность, въ южной котловинѣ Іордана до Содома, которая тогда была еще „подобна раю“; Авраамъ же удовольствовался гораздо худшею областью Хеврона. Поселившись въ этой мѣстности, онъ и тутъ построилъ алтарь въ честь Іеговы и заключилъ союзъ съ мѣстными князьями, владѣльцами стадъ. Къ Лоту же онъ сохранилъ прежнюю привязанность, несмотря на происшедшую между ними размолвку. Когда на область, гдѣ Лотъ жилъ, напало одно пришедшее издалека разбойничье племя и, ограбивъ его, увело его самого и всѣхъ его родныхъ въ плѣнъ, Авраамъ поспѣшилъ къ нему на выручку, не считаясь съ опасностью, которой онъ самъ при этомъ подвергался. Съ своими тремя стами восемнадцатью рабами и союзниками онъ нагналъ хищниковъ; разбилъ ихъ и отнялъ у нихъ добычу вмѣстѣ со всѣми плѣнными. Авраамъ спасъ при этомъ не только Лота и его людей, но и большое число туземцевъ изъ пріiорданскихъ городовъ, также уведенныхъ разбойниками въ плѣнъ. Князь Содома изъ признательности къ Аврааму за этотъ самоотверженный подвигъ предложилъ ему оставить у себя все его имущество, отбитое у хищниковъ и возвратить ему однихъ плѣнныхъ. Но Авраамъ не пожелалъ воспользоваться даже „ниткой или ремнемъ отъ башмаковъ“, выговоривъ лишь нѣкоторую часть добычи для своихъ союзниковъ. И такъ во всѣхъ случаяхъ жизни первый патріархъ удивлялъ современникомъ своимъ безкорыстіемъ, самоотверженіемъ и миролюбіемъ.

Въ такой же мѣрѣ Авраамъ проявлялъ глубокую преданность Богу. За его праведную жизнь Господь обѣщалъ ему и его потомству богатую награду, а между тѣмъ въ восьмидесятилѣтнемъ возрастѣ у него еще не было наслѣдника. Въ одномъ видѣніи ему было предсказано, что его потомство будетъ также многочисленно, какъ звѣзды на небѣ, и Авраамъ вѣрилъ этому предсказанію, хотя въ дѣйствительности у него не было никакихъ видовъ на его осуществленіе. Въ этомъ видѣніи ему кромѣ того было указано, что потомство его водворится въ Обѣтованной землѣ лишь послѣ долгихъ страданій, которыя ему придется претерпѣть въ чужой странѣ. Три поколѣнія его будутъ совершенно обезсилены и лишены всякой самостоятельности, а четвертое будетъ „слабо, какъ молодой голубь“ и близко къ гибели. И именно этотъ четвертый родъ войдетъ въ землю Ханаанскую и вступитъ въ обладаніе ею отъ *Шихора* до *Евфрата*. Убѣдившись въ праведности Авраама, Господь заключилъ съ нимъ союзъ, обѣщавъ ему сдѣлать его родоначальникомъ многочисленныхъ народовъ, отдать его потомкамъ Ханаанъ и оказывать имъ всякое покровительство. Взамѣнъ Авраамъ, за себя и за весь свой родъ, долженъ былъ обязаться „шествовать по стезямъ Господнимъ“ и во всѣхъ случаяхъ жизни посту-

пать справедливо и чистосердечно. Въ память и ознаменованіе этого союза Авраамъ долженъ былъ ввести въ своей семьѣ обрядъ обрѣзанія. Обрядъ этотъ служилъ внѣшнимъ знакомъ внутренняго духовнаго очищенія, умерщвленія въ себѣ всѣхъ злыхъ чувствъ и дурныхъ помысловъ. Авраамъ первый совершилъ надъ собою этотъ обрядъ, несмотря на то, что ему тогда было уже около ста лѣтъ. Операція была произведена затѣмъ и его тринадцатилѣтнему сыну и всѣмъ его рабамъ. Эти послѣдніе такимъ образомъ были пріобщены къ союзу.

Тора восхваляетъ также и другія добродѣтели Авраама. Увидѣвъ однажды издали трехъ странниковъ,—разсказываетъ она,—онъ поспѣшилъ имъ навстрѣчу, съ глубокимъ поклономъ пригласилъ ихъ въ свой шатеръ и радушно угостилъ. Какъ бы для того, чтобы рельефнѣй оттѣнить гостепріимство и великодушіе Авраама, Тора строго осуждаетъ безсердечныхъ жителей Содома, Гоморы и другихъ городовъ іорданской котловины. Въ своемъ пресыщеніи эти люди мало-по-малу дошли до безчеловѣчной жестокости. Странниковъ, заходившихъ въ ихъ города, они безжалостно убивали или подвергали ужаснымъ истязаніямъ. Господь, наконецъ, внялъ воплямъ ихъ безчисленныхъ жертвъ, рѣшивъ стереть эти города со всѣми ихъ нечестивыми жителями съ лица земли. О своемъ рѣшеніи Богъ сообщилъ Аврааму, дабы печальная участь этихъ городовъ послужила предостереженіемъ для его потомства и для того, чтобы онъ, Авраамъ, внушалъ членамъ своей семьи чувства человѣколюбія и справедливости. Авраамъ сталъ, однако, умолять Господа, чтобы Онъ простилъ грѣшниковъ Содома и Гоморы и ради невинныхъ жителей пощадилъ бы виновныхъ. „Не можетъ быть, говорилъ онъ, чтобы Судья всей земли поступилъ не по правдѣ!“ Въ обоихъ городахъ не нашлось, однако, и десяти праведниковъ, ради которыхъ Господь, по настоянію Авраама, готовъ былъ пощадить всѣхъ грѣшниковъ. Гибель Содома и Гоморы была, такимъ образомъ окончательно рѣшена. Одинъ Лотъ, жившій тогда въ Содомѣ, былъ пощаженъ, какъ единственный праведникъ, который нашелся въ этомъ ненечестивомъ мѣстѣ. Два посланника явились къ нему, чтобы побудить его оставить обреченный городъ. Лотъ принялъ пословъ весьма радушно, но жители Содома, провѣдавъ объ ихъ прибытіи, напали на его домъ и потребовали, чтобы онъ имъ ихъ выдалъ. По настоянію пословъ Лотъ и его домочадцы поспѣшили тогда оставить городъ, надъ которымъ вслѣдъ за тѣмъ разразилась ужасная катастрофа. Въ потокахъ огня и кипящей сѣры, внезапно разразившихся надъ Содомомъ, Гоморой и Цевоимомъ, заживо сгорѣли всѣ ихъ жители; плодородная котловина, въ которой города были расположены, превратилась въ Мертвое море. Описаніе этой катастрофы Тора заключаетъ поучительнымъ разсказомъ, изъ котораго

слѣдуетъ, что грѣхи Содома развратили даже дѣтей праведнаго Лота. Дочери его, укрываясь съ нимъ въ пещерѣ, однажды ночью напоили его и, воспользовавшись его безчувственнымъ состояніемъ, совершили тотъ грѣхъ, который былъ столь обыченъ въ Содомѣ. Каждая изъ двухъ дочерей вскорѣ послѣ того родила по сыну, которые стали родоначальниками моавитовъ, и аммонитовъ, двухъ племенъ, исключенныхъ изъ среды авраамидовъ за то, что они своимъ происхожденіемъ обязаны были кровосмѣшенію.

Съ той же поучительной цѣлью Тора далѣе разсказываетъ, какъ трудно было Аврааму сохранить свой бракъ къ чистотѣ въ то время, когда кругомъ него всѣ предавались самому открытому прелюбодѣянію, которое никѣмъ и за грѣхъ не считалось. Авраамъ до того боялся, какъ бы кто-нибудь не похитилъ его красивую жену Сарру и не убилъ изъ-за нея его самого, что онъ сговорился съ нею выдавать ее за свою сестру; она и въ самомъ дѣлѣ наполовину была его сестрой [1]). Авимелехъ, царь Герара, въ филистимской землѣ, однажды дѣйствительно похитилъ Сарру и увелъ въ свой домъ, чтобы ее обезчестить. Но Господь оберегъ отъ этого позора ту, которая должна была дать Аврааму наслѣдника, пригрозилъ во снѣ Авимелеху смертью, если онъ къ ней прикоснется. Испуганный царь возвратилъ тогда Сарру ея супругу съ богатыми дарами. Впослѣдствіи, уже въ глубокой старости, она родила Аврааму сына *Исаака*. Этотъ сынъ одинъ долженъ былъ стать наслѣдникомъ обѣтованія Господня. Авраамъ вынужденъ былъ по этому удалить изъ своего дома другого сына, *Измаила,* прижитаго имъ съ рабыней Агарью. Изгнанный сталъ воиномъ, женился на египтянкѣ и сдѣлался родоначальникомъ разбойничьяго племени измаильтянъ или амалекитовъ.

Обѣтованіе Господне такимъ образомъ наполовину уже исполнилось: Авраамъ имѣлъ законнаго наслѣдника. Но и другая половина мало по малу стала осуществляться. Авимелехъ разрѣшилъ Аврааму не только остаться въ его странѣ, но и рыть въ ней колодцы—что считалось знакомъ ввода во владѣніе землей, и заключилъ съ нимъ формальный союзъ, какъ съ владѣльцемъ наслѣдственнаго имѣнія. Авраамъ поэтому надолго поселился въ *Беершевѣ,* построивъ здѣсь жертвенникъ въ честь неизмѣнно покровительствовавшаго ему Единаго Бога.

Во всѣхъ обстоятельствахъ жизни Авраамъ до тѣхъ поръ отличался своей неизмѣнной преданностью Богу и праведностью. Господь желалъ, однако, убѣдиться, пойдетъ ли онъ до конца въ своей богобоязненности,

[1]) Бытіе XX, 11-13. Тора этимъ очевидно желаетъ сказать, что Авраамъ не умѣлъ лгать даже по нуждѣ.

и съ этой цѣлью наложилъ на него тяжелое испытаніе. Авраамъ долженъ былъ принести Богу въ жертву своего единственнаго нѣжно-любимаго сына, наслѣдника обѣтованія. Однако, какъ только Господь объявилъ ему о томъ свою волю, Авраамъ, ни минуты не медля, повелъ Исаака на гору Морія, гдѣ должно было произойти всесожженіе. Соорудивъ здѣсь алтарь и разложивъ на немъ костеръ, Авраамъ уже было простеръ руку къ ножу, чтобы заколоть сына и сжечь его затѣмъ на жертвенникѣ. Но въ этотъ моментъ голосъ съ неба остановилъ его, указавъ ему, что жертва, отъ него потребованная, была лишь испытаніемъ, которое онъ отлично выдержалъ. Тора этимъ разсказомъ попутно внушаетъ народу, что Господь не требуетъ отъ людей и не допускаетъ человѣческихъ жертвъ. На склонѣ лѣтъ своихъ Авраамъ долго жилъ въ Беершевѣ, въ филистимской землѣ. Въ собственномъ Ханаанѣ онъ не могъ оставаться, такъ какъ ханаанейцы, „сыны Хета" (хитейцы), не позволяли ему основаться въ прежнемъ мѣстѣ его осѣдлости, Хевронѣ. Во время одного его странствованія умерла въ глубокой старости жена его, Сарра. Желая пріобрѣсти въ обѣтованной землѣ хотя бы небольшой клочекъ земли для семейной гробницы, онъ вступилъ объ этомъ въ переговоры съ хитейцами или съ ихъ вождемъ *Эфрономъ*. Этотъ царекъ питалъ большое уваженіе къ миролюбивому, славившемуся праведной жизнью своею и къ тому же весьма богатому Аврааму, но все же не хотѣлъ уступать ему земли, подъ разными предлогами отклоняя его предложеніе. Въ концѣ концовъ Аврааму все-таки удалось склонить хитейцевъ къ тому, чтобы они за большую сумму продали ему въ вѣчное владѣніе поле *Махпелу*, съ пещерой и сосѣдней рощей. Аврааму такимъ образомъ, удалось пріобрѣсти въ собственность участокъ земли въ Ханаанѣ [1]).

Въ послѣдніе годы своей жизни Авраамъ былъ озабоченъ также вопросомъ о женитьбѣ своего сына, для котораго ему дѣйствительно удалось пріискать достойную супругу. Въ своемъ сосѣдствѣ онъ не могъ найти таковой, такъ какъ дочери ханаанейцевъ были, разумѣется, весьма далеки отъ тѣхъ требованій, какія патріархъ въ данномъ случаѣ предъявлялъ. Авраамъ поэтому отправилъ своего домоправителя, *Эліезера*, въ далекій Харанъ, поручивъ ему избрать жену для Исаака среди его родственниковъ, тамъ еще жившихъ и оставшихся вѣрными Іеговѣ. Эліезеръ дѣйствительно нашелъ въ Харанѣ молодую дѣвушку, вполнѣ достойную дома Авраама, — *Ревекку*, внучку его брата. Свои прекрасныя душевныя качества дѣвушка эта проявила уже при первой встрѣчѣ своей съ Эліезеромъ.

[1]) Весьма обстоятельно и неоднократно (Бытіе XXIII; XXV, 9 и дд. и L. 13) разсказывая о покупкѣ Махпелы, Тора очевидно желаетъ подчеркнуть фактъ вступленія Авраама въ законное владѣніе нѣкоторой частью Ханаана.

Когда послѣдній попросилъ у нея воды, она дала напиться не только ему самому, но напоила также и всѣхъ его рабовъ и верблюдовъ, и кромѣ того любезно пригласила Эліезера въ домъ своихъ родителей. Родные Ревекки ни мало не принуждали ее выходить за Исаака и приняли предложеніе Эліезера лишь тогда, когда она добровольно согласилась отправиться въ Беершеву. Исаакъ всей душой привязался къ ней и нашелъ въ ней утѣшеніе послѣ потери любимой матери, которую онъ долго оплакивалъ.—Въ изображеніи книги Бытія Авраамъ такимъ образомъ является добродѣтельнѣйшимъ праотцемъ израильскимъ, человѣкомъ безукоризненнымъ въ своей святости, неизмѣнно слѣдовавшимъ завѣтамъ, велѣніямъ и законамъ Единаго Бога.

Вторая патріархальная чета, которую Тора выводитъ, значительно отличается отъ первой. О добродѣтеляхъ Исаака книга Бытія совсѣмъ не распространяется; въ выраженіяхъ достаточно ясныхъ она даетъ понять что никакихъ личныхъ заслугъ за нимъ не числилось и что онъ пользовался нѣкоторымъ уваженіемъ лишь въ качествѣ сына и наслѣдника славнаго и богатаго отца. Въ то время, какъ Авраамъ, при всемъ его миролюбіи, былъ человѣкомъ весьма энергичнымъ и съ оружіемъ въ рукахъ преслѣдовалъ разбойничьи шайки, нападавшія на людей ему близкихъ, Исаакъ не отличался ни мужествомъ, ни силой, ни большимъ умомъ вообще. Онъ былъ очень богатъ, такъ что враги его побаивались и даже должны были заключить съ нимъ союзъ, но богатства эти не имъ были пріобрѣтены. Господь благословлялъ его и весь его родъ, но не ради его собственныхъ достоинствъ, а ради его незабвеннаго отца. Онъ не налагалъ на него никакихъ испытаній и не посылалъ его въ Египетъ, дабы не подвергать его опасности. Боясь нападенія со стороны враждебныхъ ханаанейцевъ, Исаакъ жилъ не среди нихъ, а въ малонаселенной степи *Беер-Лахай-Рой*, въ долинѣ *Герарѣ* и *Беершевѣ*. Супруга его Ревекка представляла прямую его противоположность. Энергичная, рѣшительная и весьма умная, она одна руководила многочисленнымъ родомъ Авраама, управляла всѣми дѣлами мужа, принимала рѣшенія и давала совѣты. Тора рисуетъ ее идеаломъ праматерей израильскихъ, съ которой самъ Богъ бесѣдовалъ. Когда она послѣ долгой бездѣтности почувствовала себя беременной, то Господь ей предсказалъ, что она родитъ двойню, что близнецы будутъ враждовать между собою, что эта вражда перейдетъ и на тѣ два народа, которые отъ нихъ произойдутъ, и что старшій изъ близнецовъ будетъ въ подчиненіи у младшаго. Предсказаніе это въ точности сбылось. Борьба близнецовъ,—разсказываетъ Тора,—началась съ самаго момента ихъ рожденія. Когда старшій сталъ выходить изъ утробы матери, то младшій схватилъ его за пятку, какъ бы желая его удержать и опе-

редить. Старшій, *Исавъ* или *Эдомъ*, былъ крѣпкаго сложенія, съ краснымъ лицомъ и тѣломъ, густо обросшимъ волосами; онъ не любилъ сидѣть въ шатрѣ и предпочиталъ бродить по степи, гдѣ охотился за дикими звѣрями. Младшій, Іаковъ, наоборотъ, былъ слабаго сложенія и предпочиталъ домашній очагъ. Такъ же различны были и отношенія къ нимъ родителей. Слабый, безвольный отецъ любилъ сильнаго, дикаго Исава, мать же предпочитала тщедушнаго, но болѣе разумнаго Іакова. Добродѣтельная и богобоязненная Ревекка не могла мириться съ мыслью о томъ, чтобы „наслѣдникомъ обѣтованія“ и старшиною рода Авраама сдѣлался необузданный Исавъ. Этотъ послѣдній къ тому же и самъ такъ мало дорожилъ своимъ правомъ первородства, что, возвратившись однажды усталымъ и голоднымъ съ охоты, уступилъ его Іакову за чечевичную похлебку. Онъ совершенно не способенъ былъ возвыситься до пониманія той важной миссіи, которая черезъ Авраама и Исаака возложена была Господомъ также и на него, и такъ мало дорожилъ чистотою своего рода, что не задумался взять себѣ въ жены двухъ хитеянокъ. Несмотря на все это, Исаакъ готовъ былъ уже признать его наслѣдникомъ обѣтованія, старшиною своего рода и господиномъ Іакова. Ревекка не могла, разумѣется, мириться съ этой несправедливостью и уговорила Якова воспользоваться слабостью зрѣнія престарѣлаго отца, представиться ему Исавомъ и вмѣсто него получить отцовское благословеніе. Іаковъ не желалъ прибѣгнуть къ этой хитрости и уступилъ только настояніямъ любимой матери. Полуслѣпой Исаакъ, увѣренный, что предъ нимъ его старшій сынъ, благословилъ Іакова быть господиномъ надъ братьями своими и надъ всѣми народами Ханаанской земли. И лишь послѣ того, когда за тѣмъ же благословеніемъ къ нему явился старшій сынъ, Исаакъ узналъ, что онъ по ошибкѣ благословилъ младшаго. Старика это, правда, сильно встревожило, но онъ не могъ уже взять своего благословенія обратно и, чтобы утѣшить Исава, сказалъ ему, что онъ будетъ славнымъ воиномъ, но миролюбивый младшій братъ его будетъ его господиномъ. Съ этого момента Исавъ возненавидѣлъ Іакова и рѣшилъ ему отомстить. Но такъ какъ онъ этихъ чувствъ не скрывалъ, то Ревекка могла принять мѣры къ тому, чтобы старшій сынъ ея не сдѣлался братоубійцей. Съ этой цѣлью она удалила Іакова изъ своего дома, отправивъ его къ своимъ роднымъ въ Харанъ. При этомъ она преслѣдовала еще и другую цѣль. Ея чистая, цѣломудренная душа возмущалась крайней безнравственностью ханаанейскихъ женщинъ. Двѣ хитеянки, жившія въ ея домѣ въ качествѣ женъ Исава, своими „свободными“ нравами, которые Ревекка имѣла возможность каждодневно наблюдать, внушали ей истинное отвращеніе. И она неоднократно говорила Исааку: „Если Іаковъ возьметъ себѣ жену въ родѣ *этихъ,* то я такого позора не переживу“. Ея любимецъ Яковъ

долженъ былъ поэтому жениться только на дѣвушкѣ изъ ея родной, оставшейся патріахально-чистой, семьи. Когда Ревекка объ этомъ рѣшеніи своемъ, сообщила Исааку, то онъ согласился съ нею, что и его любимецъ не долженъ былъ взять себѣ въ жены хананеянокъ. Изъ-за одного этого брака Исавъ не могъ уже быть исполнителемъ той мисіи, которая черезъ Авраама возложена была на все его потомство, И на этотъ разъ Исаакъ вполнѣ добровольно уже, далъ Іакову то благословеніе, которое онъ раньше далъ ему по ошибкѣ. Самъ Исавъ, наконецъ, убѣдившись, что отецъ его правъ, раскаялся въ своемъ поступкѣ и, чтобы утѣшить родителей взялъ еще третью жену, изъ семьи Измаила, сына Авраама. У него было много сыновей и внуковъ, отъ которыхъ произошли двѣнадцать идумейскихъ племенъ, жившихъ въ горахъ Сеиръ.

Жизнь Іакова Тора изображаетъ исполненною всякихъ страданій и весьма отлично отъ безмятежнаго существованія его отца. На склонѣ лѣтъ своихъ Іаковъ однажды, вздыхая, замѣтилъ: „Жизнь моя была коротка и несчастлива". Страданія потомства Авраама, которыя были провозвѣщены первому патріарху въ одномъ сонномъ видѣніи, (см. выше стр. 145) начались уже съ Іакова, судьба котораго явилась такимъ образомъ нагляднымъ примѣромъ и предуказаніемъ того, какъ сложится жизнь всего израильскаго народа, отъ него происшедшаго. Едва Іаковъ избавлялся отъ одной бѣды, какъ на смѣну ей являлась другая. Страданія его начались съ самаго его переселенія: онъ долженъ былъ оставить родительскій домъ и нѣжно любившую его и имъ любимую мать, и уйти въ далекую страну, для того чтобы спастись отъ преслѣдованій своего брата, хотя онъ ему ничего дурного не сдѣлалъ и только лишилъ его того, что въ глазахъ самаго Исава никакой цѣны не имѣло. Однако, еще до того, какъ Іаковъ покидаетъ страну обѣтованія, Господь является ему, въ многознаменательномъ сонномъ видѣніи и подтверждаетъ ему, что благословеніе Авраама перейдетъ на него и все его потомство, и что онъ будетъ единственнымъ его наслѣдникомъ. Съ однимъ посохомъ въ рукѣ онъ долго скитался, пока достигъ Харана, гдѣ жила его арамейская родня. Приближаясь къ этому городу, онъ увидѣлъ прекрасную младшую дочь своего дяди Лавана, Рахиль, и тутъ же почувствовалъ къ ней непреодолимое влеченіе. Это чувство такъ сильно имъ овладѣло, что подъ его обаяніемъ онъ, слабый юноша, легко сдвинулъ съ мѣста огромный камень, загромождавшій отверстіе колодца, и который до него едва могла пошевельнуть цѣлая толпа пастуховъ. Іаковъ тогда уже понялъ, что Рахиль свыше предназначена ему въ подруги жизни. Всѣ патріархи вообще питали самую нѣжную привязанность къ своимъ супругамъ. Тора назидательно замѣчаетъ, что эта семейная добродѣтель была основной чертой ихъ ха-

рактера. Лаванъ радушно принялъ Іакова, который сталъ пасти его стада подъ условіемъ, что онъ получитъ руку его дочери. Семь лѣтъ онъ вѣрой и правдой служилъ ему и ухаживалъ за Рахилью, но эти долгіе годы казались ему короткими днями: надежда на близкое счастье сокращала ему муки ожиданія. Но когда срокъ, наконецъ, наступилъ и Іаковъ видѣлъ себя уже наверху блаженства, Лаванъ вдругъ самымъ неожиданнымъ образомъ отказалъ ему въ рукѣ Рахили, вмѣсто нея предложивъ ему въ жены старшую дочь свою Лею. Іаковъ волей не волей долженъ былъ жениться на послѣдней, хотя онъ ее совсѣмъ не любилъ. Рахиль же Лаванъ предложилъ ему въ качествѣ второй жены, подъ условіемъ, чтобы онъ за нее отслужилъ ему еще семь лѣтъ. Такимъ образомъ, Іаковъ безъ вины и помимо своего выбора сдѣлался двоеженцемъ[1]). Отъ этихъ двухъ женъ и отъ двухъ наложницъ, которыхъ онѣ сами ему навязали, Іаковъ имѣлъ одинадцать сыновей и одну дочь.

Послѣ четырнадцати-лѣтняго пребыванія на чужбинѣ Іаковъ рѣшилъ возвратиться на родину. Но Лаванъ удерживалъ его, потому что черезъ него Господь благословилъ его большимъ богатствомъ. Его небольшое стадо, благодаря вѣрной службѣ Іакова и его необыкновенному счастью, во много разъ увеличилось[2]). Уступая просьбамъ тестя, Іаковъ остался. Въ награду за это Лаванъ обѣщалъ ему подарить весь приплодъ отъ своихъ овецъ, который родится съ пестрой шерстью. Но когда Лаванъ увидѣлъ, что такихъ ягнятъ родилось гораздо больше, чѣмъ онъ ожидалъ, то онъ самовольно нарушилъ договоръ и предложилъ Іакову другія условія[3]). Самъ Лаванъ и сыновья его вообще сильно завидовали богатству и удачѣ Іакова. Послѣ новаго видѣнія, ему въ это время явившагося, Іаковъ окончательно рѣшилъ разстаться съ домомъ своего тестя. Предварительно онъ, однако, сообщилъ объ этомъ своимъ женамъ, чтобы заручиться ихъ согласіемъ. Когда же и Рахиль и Лея стали ему по этому поводу жаловаться, что отецъ обращается съ ними, какъ съ чужими и намѣренъ лишить ихъ дѣтей не имъ пріобрѣтеннаго богатства, то Іаковъ безъ дальнѣйшихъ колебаній съ женами, дѣтьми, рабами и стадами своими тайно оставилъ Харанъ и отправился въ путь. Когда Лаванъ узналъ объ этомъ, онъ погнался за нимъ съ намѣреніемъ его убить. Ему, однако, свыше было указано, чтобы онъ ничего дурного ему не сдѣлалъ. Бесѣду между тестемъ и зятемъ при встрѣчѣ ихъ у горы Гилеадъ Тора передаетъ съ драматиче-

---

[1]) Тора, очевидно, желаетъ этимъ сказать, что Іаковъ сталъ двоеженцемъ поневолѣ и что еслибы онъ не былъ обманутъ Лаваномъ, онъ, какъ и отецъ его, имѣлъ бы лишь одну жену.

[2]) Бытіе XXX, 29-30.

[3]) Т. же XXXI, 7 и слѣд.

ской живостью. Іаковъ въ этой бесѣдѣ является во всемъ величіи своей прямой и безукоризненно-честной души. Убѣжденный его неотразимыми доводами, Лаванъ долженъ былъ примириться съ его уходомъ и заключить съ нимъ договоръ, по которому тесть и зять обязались впредь не воевать другъ съ другомъ. Въ память этого союза они у горы *Гилеадъ* соорудили каменный холмъ, который долженъ былъ служить границей между владѣніями одного и другого. Избавившись такимъ образомъ отъ грозившей ему опасности, Іаковъ могъ продолжать свой путь къ Іордану и родинѣ своей. Но прежде, чѣмъ перейти рѣку, онъ рѣшилъ избавиться и отъ другой опасности, которая, какъ ему казалось, также ему угрожала. Крайне миролюбивый, онъ хотѣлъ, до вступленія на родную землю, помириться съ своимъ старшимъ братомъ. Онъ даже готовъ былъ покориться Исаву, чтобы тѣмъ побудить его забыть происшедшею между ними въ молодости ссору. Съ этою цѣлью онъ выслалъ впередъ гонцовъ къ брату, чтобы просить его о примиреніи. Но посланники вскорѣ вернулись съ извѣстіемъ, что самъ Исавъ въ сопровожденіи четырехсотъ человѣкъ идетъ ему на встрѣчу. Эта вѣсть сильно встревожила Іакова: онъ былъ увѣренъ, что братъ идетъ на него съ самыми дурными намѣреніями. Горячо моля Бога о спасеніи, Іаковъ на всякій случай отправилъ къ Исаву новыхъ пословъ съ богатыми дарами въ знакъ своей покорности. Не ожидая возвращенія пословъ, онъ пошелъ дальше и перешелъ рѣку *Яббокъ*. Здѣсь, когда онъ однажды ночью былъ одинъ въ своемъ шатрѣ, на него внезапно напалъ какой то человѣкъ и до разсвѣта боролся съ нимъ въ намѣреніи лишить его жизни. Неизвѣстному не удалось, однако, его одолѣть: онъ только вывихнулъ ему ногу, такъ что Іаковъ затѣмъ всю жизнь прихрамывалъ. Этотъ случай долженъ былъ служить ему знаменіемъ отъ Бога, что въ борьбѣ съ людьми побѣда всегда будетъ на его сторонѣ; въ то же время этотъ случай долженъ былъ пріободрить его въ виду встрѣчи съ Исавомъ, которой онъ такъ боялся. Въ память этой знаменательной побѣды Іаковъ получилъ новое имя *Израиль* („Побѣдитель силъ“); „Іаковъ“ и „Израиль,“—говоритъ Тора, представляютъ одно и то же лицо.

Дѣйствительно, ободренный этой знаменательной побѣдой, Іаковъ уже безъ страха продолжалъ свой путь, съ искреннимъ намѣреніемъ покориться своему старшему брату, но безъ опасеній за послѣдствія предстоявшей встрѣчи. Опасенія эти и въ самомъ дѣлѣ оказались излишними. Увидѣвъ издали приближавшагося Исава, Іаковъ выступилъ впередъ и поклонился ему до земли семь разъ. Тронутый этимъ, Исавъ побѣжалъ ему навстрѣчу, обнялъ его и облобызалъ. Братья плакали отъ радости. О первородствѣ не было и рѣчи: Исавъ, очевидно, совершенно отъ него отка-

зался. Онъ не желалъ даже принять дары, въ знакъ покорности посланные ему Іаковомъ и, наоборотъ, самъ предложилъ брату свою помощь.

Прибывъ послѣ того благополучно въ Ханаанъ, Іаковъ раскинулъ шатры свои въ окрестностяхъ города Сихема. Чтобы не вступать въ споры съ туземцами изъ-за пастбищъ, онъ у Салема (Сило, Шилонъ) пріобрѣлъ покупкой большой участокъ земли. Но и тутъ Іакову не суждено было успокоиться. Сынъ владѣльца сосѣдняго Сихема насильственно похитилъ у него его единственную прекрасную дочь, *Дину*, и обольстилъ ее. Іаковъ былъ глубоко этимъ огорченъ, но не думалъ о мести; сыновья же его поклялись отомстить за безчестіе своей сестры. Владѣлецъ Сихема предлагалъ Іакову полное удовлетвореніе; онъ не только соглашался на то, чтобы его сынъ женился на опозоренной имъ дѣвушкѣ, но и предлагалъ Іакову, что онъ самъ и все его племя перейдетъ въ его вѣру и вполнѣ такимъ образомъ сольется съ потомствомъ Авраама, образовавъ вмѣстѣ съ нимъ одинъ народъ. Несмотря на все это, братья Дины не хотѣли примириться съ позоромъ, жертвой котораго стала ихъ сестра. Двое изъ нихъ, *Симеонъ и Леви*, съ оружіемъ въ рукахъ напали на сихемцевъ, перебили многихъ изъ нихъ и захватили ихъ женъ, дѣтей и имущество. Іаковъ былъ крайне возмущенъ этимъ вѣроломствомъ и жестокостью своихъ сыновей. И въ наказаніе за это онъ предалъ ихъ проклятію, которое должно было перейти и на все ихъ потомство. Въ силу этого проклятія роды Симеона и Леви не должны были никогда образовать отдѣльныхъ колѣнъ, а жить разсѣянно среди прочихъ израильтянъ и въ зависимости отъ нихъ. Всякое насиліе и употребленіе въ дѣло оружія даже за правое дѣло были противны Іакову. Именно въ этомъ свѣтѣ Тора желаетъ представить третьяго патріарха. Въ виду кровопролитія, совершеннаго его сыновьями, Іаковъ не могъ больше оставаться въ окрестностяхъ Сихема и долженъ былъ переселиться въ Бетель. Здѣсь онъ построилъ жертвенникъ Богу, столько разъ избавлявшему его отъ опасностей. Но съ идолами, похищенными его сыновьями въ Сихемѣ, послѣдніе не должны были вступить въ этотъ городъ „которому Іаковъ предназначилъ быть домомъ Божьимъ“ (Бетъ-Эль), По требованію отца, сыновья его оставили эти идолы въ Сихемѣ. Вновь явившись ему въ Бетелѣ, Господь вторично велѣлъ ему называться впредь не Іаковомъ, а Израилемъ.

Однако до своего прибытія въ это мѣсто, гдѣ до него еще жилъ его отецъ, Іакову пришлось пережить два новыхъ испытанія. Его любимая жена, Рахиль, умерла во время родовъ ея второго сына, *Веніамина*, въ *Рамѣ*, по дорогѣ въ Бетлехемъ. А въ то же время старшій сынъ его Рувинъ совершилъ гнусное преступленіе, чрезвычайно огорчившее его отца. Преступленіе было такое отвратительное, что Рувинъ изъ-за него долженъ былъ потерять свое право первородства. Но и этотъ грѣхъ не былъ послѣд-

нимъ огорченіемъ, которое сыновья его ему причинили. Дурныя послѣдствія многоженства вскорѣ обнаружились во взаимной враждѣ его сыновей, родившихся отъ разныхъ женъ. Тора нарочито не скрываетъ этихъ послѣдствій, для того, чтобы подчеркнуть всю безнравственность многоженства. Іосифъ, сынъ Рахили, былъ любимцемъ своего отца, который отличалъ его отъ всѣхъ прочихъ своихъ сыновей. Это предпочтеніе возбудило въ его братьяхъ зависть и ненависть къ нему. Враждебныя отношенія еще болѣе обострились, когда Іосифъ передалъ отцу ихъ злыя рѣчи, имъ подслушанные, и вдобавокъ заявилъ имъ, что намѣренъ со смертью отца стать ихъ господиномъ. Крайне раздраженные тѣмъ и другимъ, братья рѣшили его убить и вѣроятно привели бы свое намѣреніе въ исполненіе, еслибы старшій, Рувинъ, отвѣтственный предъ отцомъ за жизнь всѣхъ остальныхъ, не спасъ его отъ ихъ рукъ, бросивъ его на дно колодца. Однако, воспользовавшись вслѣдъ за тѣмъ отсутствіемъ Рувина, братья по совѣту Іегуды продали его въ рабство измаильтянамъ, въ то время проходившимъ то мѣсто караваномъ. Снявъ съ него рубашку, они омочили ее въ крови козленка и, явившись къ отцу, сообщили ему, что Іосифа растерзалъ въ полѣ дикій звѣрь. Велико и безутѣшно было горе престарѣлаго отца по поводу смерти его любимаго сына. Іосифа же измаильтяне увезли въ Египетъ и продали тамъ въ рабство начальнику тѣлохранителей фараона, Потифару. Всѣхъ сыновей Іакова отъ Леи Тора изображаетъ людьми сомнительной нравственности, неоднократно запятнавшими себя всякими преступленіями. Іосифа, наоборотъ, она характеризуетъ, какъ образецъ нравственной чистоты и подробно описываетъ его жизнь въ рабствѣ и на чужбинѣ, какъ примѣръ во всѣхъ отношеніяхъ достойный подражанія. Своему египетскому господину онъ принесъ благословеніе въ домъ, какъ Іаковъ принесъ его въ домъ Лавана. Потифаръ поэтому довѣрилъ ему управленіе всѣмъ своимъ домомъ. Женѣ его приглянулся красивый еврейскій рабъ и она хотѣла его соблазнить. Іосифъ геройски сопротивлялся этому искушенію и она за то оклеветала его передъ своимъ супругомъ, заявивъ ему, будто рабъ-еврей самъ покушался ее обезчестить. За это Потифаръ велѣлъ бросить Іосифа въ темницу. Но и здѣсь онъ умомъ и благородствомъ своимъ вскорѣ заслужилъ общую любовь и добился нѣкоторой свободы. Двумъ первымъ слугамъ фараона, за какіе-то проступки попавшимъ въ ту-же темницу, однажды приснились тревожные сны, и они за истолкованіемъ ихъ обратились къ мудрому еврейскому рабу. Іосифъ истолковалъ сны и его предсказанія въ точности сбылись. Такой же тревожный сонъ послѣ того приснился самому фараону. Жрецы не въ состояніи были истолковать его, и тогда фараонъ, по совѣту вышедшаго тѣмъ временемъ изъ тюрьмы слуги своего, призвалъ Іосифа, который угодилъ ему, мудро истолковавъ его за-

гадочный сонъ. Предсказаніе Іосифа о томъ, что за семью урожайными годами послѣдуетъ семь голодныхъ, дѣйствительно сбылось, и за это онъ достигъ высокаго положенія при дворѣ фараона, получивъ мѣсто правителя, второе послѣ царя.

Въ виду голода Іаковъ, какъ и всѣ жители Ханаана, долженъ былъ покупать хлѣбъ въ Египтѣ. Съ этой цѣлью онъ отправилъ туда своихъ сыновей, которые и явились къ завѣдывавшему продажей хлѣба Іосифу. Въ неподражаемомъ по своей художественной красотѣ и весьма трогательномъ разсказѣ Тора описываетъ встрѣчу Іосифа съ не узнавшими его братьями. Съ какой нѣжностью этотъ могущественнѣйшій въ Египтѣ сановникъ встрѣчаетъ ихъ и провожаетъ! Забыты были всѣ страданія, перенесенныя имъ въ рабствѣ и заключеніи, вся вражда его противъ братьевъ, продавшихъ его въ неволю. Объявляя имъ, кто онъ, Іосифъ первый проситъ ихъ не поминать прошлаго и вѣрить, что оно было дѣломъ божественнаго Промысла: онъ долженъ былъ попасть въ Египетъ, для того чтобы нѣкій великій народъ и его, Іосифа, родъ сохранились въ бѣдственные годы. Съ разрѣшенія фараона онъ вызываетъ изъ Ханаана престарѣлаго отца и всю его семью. Имъ была отведена лучшая часть египетской земли, область Гошенъ, обильная превосходными пастбищами. Самъ Господь, явившись въ сонномъ видѣніи Іакову, одобрилъ его переселеніе въ Египетъ. Такимъ образомъ, сыновья и внуки Іакова-Израиля, числомъ семьдесятъ, родоначальники семидесяти семействъ, водворились въ странѣ фараоновъ. Іаковъ вскорѣ послѣ того скончался въ Гошенѣ, но передъ смертью взялъ слово съ своихъ сыновей, что они отвезутъ его прахъ въ Ханаанъ и предадутъ его землѣ въ гробницѣ Авраама и Исаака близъ Хеврона. Передъ смертью Іаковъ предсказалъ сыновьямъ своимъ, что произойдетъ съ ними „въ послѣдніе дни". Два сына Іосифа, родившіеся въ Египтѣ, *Манаше* и *Эфраимъ*, составятъ два колѣна, при чемъ младшій изъ нихъ будетъ предпочтенъ старшему. Потомство Іосифа Богъ благословитъ всѣми благами земли, но господствовать надъ братьями будетъ не Іосифъ и не старшій изъ нихъ, Рувинъ, совершившій гнусное преступленіе, а также и не слѣдующіе за ними по старшинству Симеонъ и Леви, пролившіе невинную кровь, а Іегуда: ему братья его изъявятъ покорность.

„Онъ будетъ подобенъ молодому льву; скипетръ никогда не выпадетъ изъ его рукъ, и жезлъ навсегда останется во власти его потомковъ. И придутъ къ нему всѣ миролюбивые, и покорятся ему всѣ колѣна. Онъ будетъ привязывать къ виноградному кусту своего осленка; онъ въ винѣ будетъ мыть одежды свои; глаза его будутъ краснѣе вина, а зубы бѣлѣе молока[1])".

[1]) Бытіе XLIX, 9—12.

О будущихъ судьбахъ прочихъ сыновей своихъ и ихъ потомковъ Іаковъ въ этомъ послѣднемъ благословеніи своемъ упоминаетъ лишь кратко, нѣкоторыя изъ нихъ восхваляя, а другія слегка порицая. Іосифа же онъ превозноситъ, какъ благороднѣйшаго изъ всѣхъ. По смерти отца братья опасались, что Іосифъ станетъ имъ мстить. Но онъ повторилъ имъ что совершенно забылъ зло, которое они нѣкогда ему причинили. Передъ смертью своей онъ просилъ ихъ завѣщать своимъ потомкамъ, чтобы они со временемъ, при возвращеніи въ Ханаанъ, взяли съ собой туда его набальзамированный прахъ и похоронили его тамъ въ семейной гробницѣ его предковъ. При всемъ высокомъ положеніи, какое онъ занималъ въ Египтѣ, онъ сохранилъ любовь къ роднѣ своей и желалъ быть похороненнымъ въ ней.

Вторая книга Торы, „*Исходъ*", описываетъ страданія мало по малу сильно размножившагося потомства Іакова въ Египтѣ, которое одинъ изъ слѣдующихъ фараоновъ обратилъ въ рабство, забывъ всѣ благодѣянія, оказанныя его странѣ Іосифомъ. Въ цѣломъ рядѣ живыхъ картинъ эта книга описываетъ затѣмъ и освобожденіе израильтянъ изъ этого рабства. Первый планъ въ этихъ картинахъ занимаетъ колоссальная фигура Моисея. Но авторъ разсказа ни однимъ словомъ не подчеркиваетъ высокаго значенія и величія этой фигуры, считая какъ будто нескромнымъ воздавать самому себѣ хвалу. Чудесное спасеніе Моисея-младенца изъ водъ Нила разсказано просто, безъ сверхъестественныхъ чудесъ. Разсказчикъ затѣмъ даже слегка упрекаетъ Моисея за то, что онъ вначалѣ не желалъ взять на себя самимъ Богомъ на него возложенное избавленіе. Чтобы освободить израильскій народъ отъ рабства, Господь долженъ былъ посылать на страну, народъ и царя египетскаго всевозможныя язвы, потому что жестокосердый фараонъ хотѣлъ во чтобы то ни стало держать въ вѣчномъ рабствѣ добровольно переселившихся въ его страну израильтянъ. Язвы, знаменія и чудеса, при этомъ въ Египтѣ, по словамъ Торы, происшедшія, имѣли не одну принудительную, но и воспитательную цѣль: народъ израильскій, Египетъ и весь міръ должны были по нимъ узнать, что Іегова одинъ Всемогущъ, что люди въ Его власти и что они должны слѣдовать Его велѣніямъ и указаніямъ [1]). Вмѣстѣ съ людьми кара Божія постигла и „божества" египетскія, животныя, которыхъ египтяне обоготворяли,— дабы всѣмъ стала ясна нелѣпость этого культа [2]). Израильтяне же, жившіе въ Гошенѣ, были пощажены. Въ то время какъ египтяне, напримѣръ, три дня пребывали въ глубокомъ мракѣ, въ жилищахъ израиль-

[1]) Исходъ VII, 5 и дд.; VIII, 6; IX, 14—29; X, 2.
[2]) Т. же XI, 8; XII, 12.

тянъ былъ полный свѣтъ [1]). Только послѣ десятой „язвы“,—эпидеміи, отъ которой внезапно умирали первенцы людей и животныхъ,—фараонъ отпустилъ, наконецъ, израильтянъ и при этомъ самъ до того ихъ торопилъ, что у нихъ не хватило времени даже спечь себѣ хлѣбъ на дорогу и они наскоро спекли однѣ прѣсныя лепешки.

Въ память избавленія отъ египетскаго рабства были введены различные законы. Весенній мѣсяцъ, въ которомъ исходъ состоялся, долженъ былъ впредь считаться первымъ въ году. Въ четырнадцатый день этого мѣсяца израильтяне должны были приносить Богу въ жертву пасхальнаго агнца, котораго вечеромъ того же дня слѣдовало съѣсть съ неквашеннымъ хлѣбомъ. Въ слѣдующій затѣмъ въ семидневный праздникъ израильтяне не должны были употреблять въ пищу, ни даже хранить у себя ничего квашеннаго. Даже иноплеменники, живя въ домахъ израильтянъ, подчинялись этому закону. Первенцы должны были быть посвящаемы Богу, причемъ перворожденные отъ „чистыхъ“ животныхъ приносились въ жертву, первенцы отъ ословъ—обмѣнивались, а за перворожденныхъ дѣтей платили выкупъ. На руку и лобъ каждый израильтянинъ долженъ былъ накладывать себѣ особый эмблематическій знакъ въ память того, что его народъ былъ сильной рукой выведенъ изъ Египта. Многимъ узаконеніямъ этого рода Тора придаетъ весьма большое поучительное и воспитательное значеніе. Эти законы по ея мысли должны служить возбуждающимъ вѣру средствомъ для молодыхъ поколѣній; старшимъ же было вмѣнено въ обязанность передавать чрезвычайныя историческія событія изъ рода въ родъ, дабы память о нихъ навѣки сохранилась въ сознаніи народа. Законы не представляющіе самоцѣли, по мысли Торы, служатъ поучающимъ средствомъ (Oth Sikkaron).

„Книга Исхода“ излагаетъ затѣмъ событія, послѣдовавшія за выходомъ изъ Египта: переходъ черезъ Красное море, сопровождавшія его опасности и избавленіе отъ нихъ. Такъ внушительны и чудесны были эти событія, что неизраильтянинъ Іитро долженъ былъ признать, что Іегова, Богъ Израиля, болѣе великъ, чѣмъ всѣ боги! [2]). Въ самыхъ яркихъ краскахъ и съ драматической живостью Тора изображаетъ затѣмъ синайское откровеніе. Это великое событіе она выдвигаетъ, разумѣется, на первый планъ. По изложенію его можно замѣтить, что авторъ разсказа боролся съ своимъ языкомъ, стараясь возвышенное и непостижимое сдѣлать понятнымъ и яснымъ. Весь народъ внималъ словамъ откровенія и вмѣстѣ съ тѣмъ Божество, отъ котораго эти слова исходили, не имѣло видимаго

[1]) Исходъ X, 23; VIII, 18-19; 6; XI, 7.
[2]) Исходъ XVIII, 8-12.

образа: слова вылетали изъ неопредѣленнаго пространства. Видимо Богъ во всемъ своемъ величіи явился въ тотъ моментъ на вершину горы Синай, но вѣдь Господь не можетъ находиться въ одномъ опредѣленномъ мѣстѣ.

Въ видѣ введенія къ разсказу о божественномъ откровеніи Тора влагаетъ Іеговѣ въ уста слѣдующія слова: „Вы видѣли, что я сдѣлалъ египтянамъ, какъ Я на орлиныхъ крыльяхъ носилъ васъ и принесъ къ Себѣ. Если вы будете слѣдовать Моимъ завѣтамъ, то вы будете для Меня лучшимъ сокровищемъ изъ всѣхъ народовъ земли. Будьте же царствомъ священниковъ и святымъ народомъ!" Главнымъ содержаніемъ завѣта служатъ священныя заповѣди, которыя самъ народъ, при необыкновенныхъ явленіяхъ слышалъ, стоя у подошвы Синая. Особенно важное значеніе Тора придаетъ тому обстоятельству, что народъ слышалъ при этомъ одинъ только гласъ, но не видѣлъ никакого образа. Изъ этого факта она прямо приходитъ къ тому выводу, что народъ не долженъ дѣлать себѣ никакихъ изображеній Божества, изъ золота ли, серебра или всякаго иного матеріала. Для поклоненія Богу достаточно сложеннаго изъ глины алтаря, воздвигнутаго къ тому же лишь въ томъ мѣстѣ, которое самъ Господь для того укажетъ. Можно сооружать алтари и изъ камня, но не употреблять при этомъ въ дѣло желѣза, такъ какъ послѣднее напоминаетъ о неугодной Богу войнѣ; алтари не должны быть устраиваемы также на возвышеніяхъ и не должны быть снабжаемы ступенями, для того, чтобы при восхожденіи по нимъ „не обнаруживалась нагота восходящаго". Всякія орудія убійства и изображенія животныхъ не должны находиться вблизи жертвенниковъ.

Къ этимъ чисто-религіознымъ предписаніямъ примыкаютъ гражданскіе законы, составляющіе содержаніе такъ называемой „*Книги завѣта*" [1]). Они разбиты на различныя группы, и каждая изъ нихъ, въ соотвѣтствіи съ десятью заповѣдями, содержитъ по десяти отдѣльныхъ узаконеній. Группировка эта сдѣлана въ видахъ болѣе легкаго запоминанія законовъ. Самыя законоположенія Торой изложены не въ видѣ сухого списка, а съ соотвѣтственными разъясненіями, а также и напоминаніями о наградѣ, которая ждетъ всѣхъ, кто будетъ строго блюсти эти законы. Сообщается при этомъ, что самъ Моисей читалъ народу эти основные законы, что израильтяне единогласно одобрили и приняли ихъ и закрѣпили ихъ союзомъ. Въ то время, какъ Моисей еще разъ всходилъ на окутанный облаками Синай и пробылъ тамъ сорокъ дней, чтобы получить каменныя скрижали завѣта, а равно и указаніе относительно сооруженія

[1]) См. т. I стр. 73.

скиніи завѣта,—народъ снова впалъ въ заблужденіе и изъ золота сдѣлалъ себѣ изображеніе Бога въ видѣ тельца. Въ поучительныхъ цѣляхъ и въ видѣ предостереженія на будущія времена Тора излагаетъ это событіе съ большой обстоятельностью. Она не скрываетъ при этомъ того факта, что самъ Аронъ, родоначальникъ первосвященниковъ израильскихъ и братъ Моисея, изъ страха передъ толпой самъ принялъ участіе въ этомъ идолопоклонствѣ. Въ отвѣтъ на пламенную молитву Моисея Господь открылъ ему свои „пути"—что Онъ исполненъ милосердія, любви и терпѣнія. Въ виду этого отпаденія народа въ язычество важнѣйшіе законы о богопочитаніи должны были быть еще разъ внушены народу, и Тора дѣйствительно повторяетъ ихъ. Далѣе слѣдуетъ разсказъ о сооруженіи и освященіи путемъ жертвоприношенія скиніи завѣта. Предписанія о принесеніи жертвъ и всѣхъ обрядовъ, съ ними сопряженныхъ, вытекало изъ самаго закона, либо было предписано самимъ Моисеемъ. Тора нарочито отмѣчаетъ при этомъ, что первосвященникъ Аронъ принялъ эти предписанія къ руководству и исполненію, ни въ чемъ ихъ не измѣняя. Освященію скиніи Арономъ должно было предшествовать соотвѣтственное знаменіе свыше. Жертвы были уже приготовлены, Аронъ съ простертыми руками далъ уже народу свое благословленіе, а между тѣмъ знаменія никакого не являлось. И только послѣ того, какъ Моисей вмѣстѣ съ Арономъ вошелъ въ скинію и самъ еще разъ благословилъ народъ, „Слава Господня" показалась въ видѣ внезапно разразившейся молніи, сжегшей возложенную на алтарь жертву. При видѣ этого чуда народъ упалъ ницъ съ громкими восклицаніями,—какъ въ тотъ моментъ, когда пророкъ Илья много лѣтъ спустя наглядно убѣдилъ израильтянъ въ ничтожествѣ Ваала [1]). Первое пламя, которое должно было освятить первый израильскій алтарь, явилось свыше, и въ память объ этомъ, огонь долженъ былъ поэтому постоянно поддерживаться священнослужителями въ скиніи. Два сына Арона, *Надавъ* и *Авигу*, которые принесли на алтарь земной огонь, для того, чтобы совершить всесожженіе жертвы, были за это убиты той же молніей. Это должно было служить священнослужителямъ предостереженіемъ, чтобы они на будущее время воздерживались отъ самовольнаго принесеніе жертвъ. По поводу этой внезапной смерти двухъ сыновей Арона во время освященія скиніи, Тора излагаетъ новый рядъ законовъ, относящихся къ богослуженію. Священнослужители прежде всего не должны пить вина во время службы. Они обязаны учить народъ отличать святое отъ не святого и объяснять ему, что чисто и что не чисто. Въ отличіе отъ міранъ, они не должны приносить жертвъ по случаю смерти

[1]) См. выше стр .47; ср. Левитъ IX, 24 и цари I, XVIII, 39.

своихъ близкихъ и не могутъ даже соблюдать траура по нимъ. Все мертвое считается несвятымъ и нечистымъ и не должно приходить въ соприкосновеніе съ храмомъ и его служителями. Это предписаніе, какъ и законъ о судномъ днѣ (Jom џа-Кippurim) вытекаетъ изъ только что упомянутаго случая съ сыновьями Арона, Надавомъ и Авигу, самовольно переступившими порогъ Святой Святыхъ. Самъ первосвященникъ Аронъ обязанъ относиться къ этому мѣсту съ благоговѣніемъ и входить въ него только разъ въ годъ, чтобы за себя, священнослужителей и весь народъ путемъ жертвоприношенія и покаянія въ грѣхахъ, добиться примиренія съ Богомъ. Въ этотъ день, день искупленія, нельзя производить никакихъ работъ и употреблять пищу. Даже иноплеменники должны принимать участіе въ этомъ примиреніи и общеніи съ Богомъ. Само святилище, наконецъ, находящееся среди грѣшнаго народа, также нуждается въ очищеніи и поэтому ежегодно въ тотъ же судный день должно быть вновь освящаемо.

Но въ чемъ собственно заключается *грѣхъ*, исключающій всякое общеніе Бога съ людьми, дѣлающій ихъ „нечистыми" и нуждающимися въ покаяніи и прощеніи. Въ длинномъ рядѣ слѣдующихъ затѣмъ законоположеній Тора устанавливаетъ сущность и природу грѣха, который внушаетъ Богу ужасъ и отвращеніе изъ-за котораго Ханаанъ извергъ и „выплюнулъ" своихъ коренныхъ обитателей. Сыны Израиля должны пуще всего избѣгать именно такихъ грѣховъ, ни подъ какимъ видомъ не подражая нечестивымъ поступкамъ египтянъ, среди которыхъ они такъ долго жили, и ханаанейцевъ, въ страну которыхъ они должны войти. Третья книга Торы спеціально посвящена законамъ. Въ цѣломъ рядѣ постановленій о преступленіяхъ противъ нравственности эта книга довольно точно опредѣляетъ сущность того, что законодатель израильскій прежде всего понимаетъ подъ словомъ „грѣхъ". Двѣ групы законовъ, по десяти въ каждой, весьма обстоятельно трактуютъ поступки противъ цѣломудрія и „чистоты". Они строго запрещаютъ кровосмѣшеніе со всѣми близкими родственниками, вступленіе въ бракъ съ женщиной и ея дочерью; сношеніе съ своей женой въ извѣстное время, прелюбодѣяніе во всѣхъ его видахъ, и, наконецъ, муже и скотложство. Въ видѣ поясненія къ этимъ законамъ Тора наставительно прибавляетъ: „не оскверняйте себя всѣмъ этимъ: за то, что народы этой земли погрязли въ такихъ грѣхахъ, Я изгоняю ихъ предъ вами. Земля эта точно такъ и васъ извергнетъ, если вы впадете въ ту же нечистоту". Божественно-разумное предостереженіе вполнѣ оправдывается и потверждается исторіей паденія всѣхъ государствъ древности, отъ Вавилоніи и Египета до Рима. Къ этимъ законамъ въ Торѣ примыкаетъ рядъ другихъ, столь же возвышенныхъ, разъясняющихъ и подробно излагающихъ заповѣди. Въ видѣ вступ-

леніи къ нимъ Тора говоритъ: „Будьте святы, ибо Я, Господь Богъ вашъ, святъ". Эти законы, которыхъ также десять, предписываютъ: почитать въ равной мѣрѣ отца и мать, соблюдать день субботній, предоставлять въ пользу бѣдныхъ и пришельцевъ часть урожая отъ поля и виноградника, не красть, не лгать, не обманывать ближняго, не клясться ложно, не притѣснять и не грабить людей, не удерживать у себя платы, слѣдующей наемнику, даже черезъ ночь. Нельзя порочить глухого, а слѣпому—класть препятствія подъ ноги, нельзя говорить неправду, быть лицепріятнымъ къ неимущему и угождать богатому и сильному. Нельзя ни на кого носить злобу въ сердце своемъ, а открыто обличать всякаго, если это нужно; нельзя носиться съ мыслями о мщеніи; наоборотъ ближняго своего надо любить, какъ самого себя. Эта группа законовъ заканчивается повтореніемъ прежняго предписанія относительно обращенія съ пришельцами. Съ ними слѣдуетъ обращаться, какъ съ коренными жителями страны, не притѣснять ихъ, не дѣлать имъ неправду въ судѣ, не обманывать ихъ въ вѣсѣ и мѣрѣ. „Любите ихъ, какъ самихъ себя,—и тутъ прибавляетъ Тора,—ибо пришельцами вы сами были въ землѣ египетской".

По поводу одного случая, происшедшаго въ израильскомъ станѣ, Тора даетъ затѣмъ рядъ новыхъ законовъ. Одинъ израильтянинъ за что-то поссорился съ полу-израильтяниномъ, отецъ, котораго былъ египтяниномъ. Въ пылу ссоры этотъ полуизраильтянинъ сталъ хулить имя Іеговы. А такъ какъ самъ Моисей не зналъ, какому наказанію его за то подвергнуть, то Господь повелѣлъ: „всякій, хулящій имя Господне, израильтянинъ ли, туземецъ или пришелецъ, подлежитъ смертной казни". Къ этому закону примыкаютъ другіе—о преднамѣренномъ убійствѣ и нанесеніи ранъ, а въ связи съ ними слѣдуютъ законы объ уголовныхъ преступленіяхъ вообще, и въ особенности о развратѣ, кровосмѣшеніи и идолопоклонствѣ, съ которымъ всякое распутство находится въ самой тѣсной связи. Какъ въ вступленіи, такъ и въ заключеніи къ этимъ законамъ, Тора поясняетъ, что израильтяне призваны къ святости и не должны поэтому подражать „мерзостямъ" идолопоклонниковъ, иначе они будутъ не лучше ханаанейцевъ, и обѣтованная земля также и ихъ „выплюнетъ". Израиль именно для того избранъ и отличенъ отъ всѣхъ народовъ, чтобы оберегая себя отъ всякой скверны и нечистоты, достигнуть святости.

Такъ какъ родъ Арона долженъ былъ подавать примѣръ святости всѣмъ прочимъ израильтянамъ, то въ связи съ только что перечисленными законами о преступленіяхъ противъ нравственности слѣдуютъ другіе, имѣющіе спеціальное примѣненіе къ священнослужителямъ. Эти законы начинаются постановленіями о жертвоприношеніяхъ. Особенное вниманіе обращается на то, что жертвы не должны быть приносимы внѣ стана

израильскаго и внѣ святилища. Въ тѣсной связи съ этими постановленіями находятся законы о праздникахъ, кратко указывающіе, какія жертвы должны быть приносимы въ каждый изъ праздничныхъ дней. Въ первой очереди упоминается суббота, затѣмъ слѣдуетъ весенній праздникъ, Пасха, съ употребленіемъ въ пищу въ теченіе семи дней неквашеннаго хлѣба; пятьдесятъ дней спустя слѣдуетъ праздникъ жатвы или „седьмица". Въ началѣ седьмого мѣсяца слѣдуетъ праздникъ „Трубнаго гласа въ небесахъ", затѣмъ день Искупленія и, наконецъ, праздникъ осенней жатвы, „Кущи".

Къ этимъ постановленіямъ о субботнемъ и праздничномъ отдыхѣ Тора присоединяетъ законы о „праздникахъ земли", объ отдыхѣ полей и садовъ. Каждый седьмой годъ пахотное поле не должно быть воздѣлываемо, а за садомъ не должно быть ухода. То, что само собой въ этотъ годъ произрастаетъ, должно быть всецѣло предоставлено рабамъ, пришельцамъ и наемникамъ и даже животнымъ. Точно также и каждый пятидесятый годъ долженъ быть годомъ отдыха, свободнымъ, „юбилейнымъ годомъ" (Jobel, Deror). Каждый проданный въ рабство долженъ вернуться въ этомъ году въ свою семью, каждый отчужденный участокъ земли долженъ перейти къ своему первоначальному владѣльцу. Поля, сады и дома вообще не могутъ быть отчуждаемы въ вѣчное владѣніе и должны быть продаваемы лишь на время, до наступленія юбилейнаго года, ибо земля принадлежитъ не собственникамъ ея, а Богу. Владѣлецъ или его родственники имѣютъ право выкупать свои проданные участки даже до наступленія юбилейнаго года. Исключеніе сдѣлано лишь въ пользу собственниковъ домовъ, находящихся въ предѣлахъ укрѣпленныхъ городовъ, которые (т. е. дома) могутъ быть выкупаемы лишь въ теченіе перваго года послѣ ихъ продажи. Ибо такіе укрѣпленные города принадлежатъ не жителямъ ихъ, а всѣмъ вообще, т. е. всему народу, и поэтому безразлично въ чьемъ именно владѣніи сказанные дома въ данный моментъ находится. Къ постановленіямъ о юбилейныхъ годахъ примыкаютъ сродные съ ними законы, ради которыхъ эти постановленія были сдѣланы. Всякій, впавшій въ бѣдность, долженъ быть дружно поддерживаемъ всѣми своими единовѣрцами; ссужающій его деньгами не долженъ брать у него процентовъ. Если такой обѣднѣвшій продаетъ себя въ рабство, то его родные должны его выкупить, а владѣлецъ не долженъ его въ этомъ случаѣ удерживать. Послѣдній не вправѣ, подъ страхомъ большого наказанія, жестоко обращаться со своимъ рабомъ, ибо израильтяне могутъ быть рабами только одного Бога, а не людей. Изложивъ эти законы, Тора наставительно замѣчаетъ, что наградой за ихъ исполненіе будетъ неистощимое плодородіе израильской земли, изобиліе въ ней всякихъ плодовъ

и—самостоятельность и независимость народа, наоборотъ, неминуемымъ послѣдствіемъ ихъ нарушенія будутъ неурожаи, истощеніе земли, войны, порабощеніе народа и, наконецъ,—самая ужасная кара—разсѣяніе израильтянъ по всему лицу земли. Всѣ перечисленные законы, постановленія и поученія (Toroth) были, по словамъ Торы, открыты Богомъ Моисею на Синаѣ, какъ между Нимъ и его народомъ.

Получивъ такимъ образомъ законы, израильтяне оставили Синай и продолжали свой путь по направленію къ Ханаану. Исторія ихъ скитаній въ пустынѣ, до перехода черезъ Іорданъ, составляетъ предметъ четвертой книги Торы. Передъ отправленіемъ въ путь въ началѣ второго года послѣ исхода, Моисей совмѣстно съ старѣйшинами колѣнъ предпринялъ перепись всѣхъ юношей и мужчинъ израильскихъ, начиная отъ двадцатилѣтняго возраста. По этой переписи въ станѣ израильскомъ оказалось 603,556 человѣкъ, не считая женщинъ, дѣтей до двадцати лѣтъ и левитовъ. Послѣдніе не вошли въ счетъ, потому что они, во-первыхъ, не подлежали воинской повинности и, во-вторыхъ, не владѣли личнымъ имуществомъ: они могли лишь замѣнять первенцевъ израильскихъ, которые по закону посвящались Богу, т. е. храмовой службѣ. Всего левитовъ оказалось, съ мальчиками отъ одного мѣсяца и старше, 22.000. Служба ихъ при святилищѣ начиналась на тридцатомъ году и кончалась пятидесятымъ. Въ этихъ возрастныхъ предѣлахъ левитовъ послѣ переписи насчитано было 8,580 человѣкъ, которые были затѣмъ раздѣлены на три класса. Самыми знатными считались кегатиты, за ними слѣдовали герсониды и, наконецъ, мерариды. Священнослужители могли жить лишь въ предѣлахъ святилища и обязаны были стеречь входы къ нему, но не проникать въ его внутренность, куда имѣли доступъ одни арониды. Передъ вступленіемъ въ службу левиты подвергались особому очистительному обряду. Въ связи съ относящимися къ этому обряду правилами Тора даетъ нѣсколько вытекающихъ изъ нихъ дополнительныхъ постановленій. Израильтяне, гласятъ эти правила, одержимые проказой, и женщины въ періодѣ менструаціи должны быть удаляемы изъ стана, ибо, тамъ, гдѣ находится святыня, не можетъ быть мѣста никакой нечистотѣ. Исполненіе этой мѣры было, по всей вѣроятности, возложено на левитовъ, исполнявшихъ при святилищѣ также и полицейскія обязанности. Святилище должно было быть также оберегаемо отъ всякаго оскверненія, и законъ въ точности опредѣляетъ наказаніе, которому мірянинъ подвергается за похищеніе священныхъ предметовъ. Сюда примыкаютъ законы, опредѣляющіе нѣкоторыя обязанности и привиллегіи духовенства. Первосвященнику вмѣняется въ обязанность выясненіе истины въ тѣхъ случаяхъ, когда на женщину падаетъ подозрѣніе въ прелюбодѣяніи, или когда она подвергается истязаніямъ со стороны слишкомъ ревниваго мужа. Священнослужители, далѣе,

должны были въ опредѣленные дни благословлять народъ или молить Бога, чтобы Онъ Самъ далъ ему Свое благословленіе. Рядомъ съ профессіональными священнослужителями, аронидами и левитами, законъ допускаетъ также существованіе и другихъ, посвятившихъ себя Богу людей, такъ называемыхъ назиреевъ, которые давали обѣтъ не пить вина и не стричь волосъ. Этихъ ревнителей вѣры законъ не уравниваетъ въ правахъ съ священнослужителями; ихъ обѣтъ имѣетъ силу лишь въ теченіе опредѣленнаго срока, по истеченіи котораго онъ болѣе недѣйствителенъ: назирей обязанъ тогда принести Богу чрезъ священнослужителей разрѣшительную жертву, освобождающую его отъ обѣта.

Прежде, чѣмъ израильтяне оставили Синай и двинулись въ дальнѣйшій путь,—разсказываетъ далѣе Тора,—наступило время пасхальнаго жертвоприношенія, и Моисей напомнилъ объ этомъ народу. Въ израильскомъ станѣ оказалось нѣсколько человѣкъ, до того соприкасавшихся съ трупами и тѣмъ себя осквернившихъ. Не имѣя по закону права принимать участіе въ общемъ жертвоприношеніи и праздновании Пасхи, они обратились по этому поводу къ Моисею съ жалобой. Такъ какъ пророкъ самъ не зналъ, какое рѣшеніе онъ долженъ въ этомъ случаѣ принять, то Господь повелѣлъ, чтобы всѣ нечистые, а также и тѣ, кои въ день Пасхи находятся въ пути, приносили пасхальную жертву мѣсяцемъ позже.—Наконецъ въ двадцатый день второго мѣсяца, на второмъ году послѣ Исхода, израильтяне тронулись въ путь. Сигналомъ къ отправленію послужило исчезновеніе облака, стоявшаго надъ скиніей днемъ и ночью переходившаго въ огненное сіяніе. Колѣна слѣдовали въ пути всегда въ опредѣленномъ порядкѣ, пятью группами (Chamuschin). Впереди всѣхъ шло Іегудино колѣно, за нимъ Рувиново, третьимъ Эфраимово, и послѣднимъ Даново,—каждое съ примыкавшими къ нему колѣнами; пятую группу составляли левиты, шедшіе въ серединѣ, неся ковчегъ завѣта.

Проводниками въ пустынѣ служили израильтянамъ по просьбѣ Моисея, братъ его жены Ховавъ и его маленькое племя, кениты, примкнувшіе къ израильтянамъ и среди нихъ поселившіеся впослѣдствіи въ Ханаанѣ. Тора разсказываетъ затѣмъ, сколько огорченій приходилось Моисею переносить въ пути отъ недовольства и недовѣрія народа. Уже на одномъ изъ первыхъ приваловъ (Kibroth ha-Taawah) разношерстный народъ, въ Египтѣ присоединившійся къ израильтянамъ, сталъ жаловаться на отсутствіе мяса и тѣмъ поселилъ недовольство и въ рядахъ самихъ израильтянъ, хотя недостатка въ весьма питательной маннѣ никто не ощущалъ. Эти безпрерывныя жалобы толпы до того утомляли Моисея, что онъ сталъ молить Бога, чтобы Онъ освободилъ его отъ предводительства, которое ему одному было не по силамъ, Господь внялъ его мольбѣ и назначилъ

ему въ помощники семьдесятъ старѣйшинъ, представителей семидесяти израильскихъ родовъ. Тора при этомъ отмѣчаетъ полное самоотреченіе Моисея, всецѣло жертвовавшаго своей личностью общенародному дѣлу и возложенной на него Богомъ миссіи. Двое старѣйшинъ, Элдадъ и Медадъ, позволили себѣ пророчествовать народу, хотя они не состояли въ числѣ 70 помощниковъ вождя. Іошуа настаивалъ, чтобы Моисей имъ это воспретилъ. Пророкъ же возразилъ ему: „Не слишкомъ ли ты ревнуешь за меня этихъ людей? Я отъ души желаю, чтобы всѣ израильтяне когда-нибудь стали пророками, достойными того, чтобы на нихъ снизошелъ Божій духъ".—Жаждавшимъ мяса Господь послалъ его—въ видѣ огромныхъ стай перепеловъ—въ такомъ изобиліи, что они наконецъ, получили отвращеніе къ нему; въ наказаніи же за ихъ жадность Богъ наслалъ на нихъ чуму. Разсказывая о пребываніи израильтянъ на третьемъ привалѣ, въ обильномъ водой и плодородномъ оазисѣ Хазеротѣ, Тора кратко передаетъ одно происшествіе, случившееся въ семьѣ Моисея, для того, чтобы еще разъ подчеркнуть его первенствующее значеніе въ ряду всѣхъ пророковъ израильскихъ. Она приводитъ при этомъ подлинныя слова Іеговы, порицающаго легкомысленный отзывъ Арона и Миріамъ объ ихъ великомъ братѣ: „Если среди васъ, вѣщалъ имъ Господь,—будутъ когда либо пророки, то я буду обращаться къ нимъ лишь въ видѣніяхъ и говорить съ ними во время ихъ сна. Но не таковъ я съ моимъ вѣрнымъ слугой, Моисеемъ, устами къ устамъ я говорю съ нимъ, ясными рѣчами, а не загадками; влеченіе Мое онъ одинъ видитъ, какъ же вы не убоялись поносить Моего вѣрнаго слугу, Моисея?" Миріамъ, первая выступившая противъ Моисея, была поражена временной проказой. Этимъ разсказомъ Тора, очевидно, желаетъ сказать, что Моисей далеко превосходилъ всѣхъ прочихъ пророковъ израильскихъ и что его законы, постановленія и поученія неизмѣримо выше всего, что было сказано всѣми послѣдующими учителями народа.

Не описывая дальнѣйшихъ остановокъ израильтянъ на пути ихъ отъ Хазерота до Кадеша, Тора передаетъ затѣмъ лишь событія, происшедшія во время самой продолжительной остановки ихъ на только что названномъ послѣднемъ привалѣ въ пустынѣ Цинъ или Фаранѣ. Слѣдуетъ извѣстный разсказъ объ отправкѣ развѣдчиковъ въ Ханаанъ, о возвращеніи ихъ оттуда съ дурными вѣстями, о новомъ недовольствѣ народа по этому поводу, о томъ, какъ Моисей, въ виду этого недовольства, рѣшилъ держать народъ въ пустынѣ еще сорокъ лѣтъ, пока не перемретъ все старшее, вышедшее изъ Египета, поколѣніе и не подрастетъ новое, воспитанное на свободѣ. О вынужденномъ возвращеніи народа въ пустыню и почти 39-лѣтнихъ скитаніяхъ его въ ней Тора передаетъ лишь немно-

го происшествій, связывая съ ними новый законъ, также преслѣдующій поучительныя цѣли. Одинъ израильтянинъ нарушилъ законъ о субботнемъ отдыхѣ, наломавъ въ этотъ день хворосту. Возмущенные свидѣтели этого поступка привели согрѣшившаго къ Моисею. Пророкъ, однако, и на этотъ разъ не зналъ, какому наказанію подвергнуть провинившагося и обратился за разрѣшеніемъ этого вопроса къ Богу, который повелѣлъ, чтобы виновные въ нарушеніи субботняго отдыха были всенародно побиваемы камнями. Второй еще болѣе печальный случай произошелъ на послѣднемъ году пребыванія народа въ пустынѣ. Двѣсти пятьдесятъ знатныхъ израильтянъ, подъ предводительствомъ левита Кораха и рувимитовъ Датона и Авирона возстали противъ Моисея и Арона за то, что они самовольно якобы присвоили себѣ власть надъ всѣмъ народомъ и одни почитали себя святыми. Возставшіе за свой тяжкій грѣхъ—присвоеніе себѣ священническаго сана—понесли тяжкое наказаніе, а Аронъ получилъ отличіе. Къ разсказу объ этомъ происшествіи примыкаютъ въ Торѣ законы, регулирующіе отношенія аронидовъ, левитовъ и мірянъ къ храму (см. выше стр. 98). Изъ Торы далѣе видно, что и самъ Моисей съ Арономъ не были избавлены отъ наказанія: за то, что они, хотя и въ незначительной степени, отступили отъ воли Господней, имъ не дано было самимъ вступить въ обѣтованную землю [1]). Затѣмъ Тора перечисляетъ послѣднія скитанія израильтянъ въ пустынѣ. Страну Эдомъ (Идумею) они обошли, чтобы не воевать съ родственнымъ народомъ, который ихъ не пропускалъ черезъ свою землю. На окольномъ пути скончался, близъ горы Горъ, Аронъ, такъ и не увидѣлъ обѣтованной земли. Тора при этомъ замѣчаетъ, что несмотря на недовольство Кораха и его приверженцевъ, Аронъ былъ такъ любимъ всѣмъ народомъ, что онъ оплакивалъ его цѣлый мѣсяцъ. Уставъ отъ безконечныхъ скитаній по пустынѣ, израильтяне опять стали роптать на Бога и Моисея за то, что они ихъ вывели изъ Египта. За это Господь послалъ на нихъ змѣй, отъ ядовитыхъ укусовъ которыхъ они умирали въ большомъ числѣ. Народъ, однако, былъ настолько уже нравственно выше прежняго, что самъ раскаялся въ своемъ малодушіи. Тогда Моисей, по велѣнію свыше, изготовилъ змѣй изъ мѣди, отъ одного взгляда на который ужаленные получали исцѣленіе. Съ большей обстоятельностью, чѣмъ послѣднія скитанія, войны съ Сихономъ и Огомъ и покореніе Заіорданья, Тора излагаетъ исторію Билеама,—того самаго которому Балакъ предложилъ проклясть израильскій народъ, а онъ вмѣсто того и противъ своей воли сталъ его благословлять. Языческій колдунъ долженъ былъ самъ признать величіе и несокрушимость израильскаго народа. Простертый на землѣ, Билеамъ въ вдохновенной рѣчи предсказалъ,

[1]) Числа XX, 1 и дд.

что Израиль покоритъ всѣ враждебные ему сосѣдніе народы, что побѣдоносный Ашуръ ворвется въ его страну, но будетъ смиренъ другимъ народомъ, который также осужденъ къ гибели.—Далѣе Тора разсказываетъ, что израильтяне, приглашенные на мидіанитскій праздникъ въ Баалъ-Пеорѣ, приняли участіе въ отвратительной языческой оргіи, и что въ наказаніе за это 24,000 израильтянъ стали жертвами чумы. Эпидеміи положилъ конецъ внукъ Арона и сынъ Элеазара, Пинхасъ, убивъ одного израильтянина, соблазненнаго молодой мидіанитянкой. За этотъ мужественный поступокъ и рвеніе во имя поруганнаго Бога Пинхасу былъ обѣщанъ потомственный первосвященническій санъ. Мидіаниты же за совращеніе израильтянъ въ идолопоклонство и склоненіе ихъ къ разврату были наказаны войной, въ которой были убиты всѣ ихъ мужчины, женщины и взрослыя дѣвицы, кромѣ тѣхъ, которые не принимали участія въ оргіи. Передъ этой войной Моисей предпринялъ новую народную перепись. въ результатѣ которой въ израильскомъ станѣ оказалось 601,730 способныхъ носить оружіе мужчинъ. По поводу этой переписи Тора перечисляетъ всѣ 70 израильскихъ родовъ и въ связи съ этимъ приводитъ постановленіе Моисея о распредѣленіи Ханаанской территоріи между колѣнами и родами, а также законы о правѣ наслѣдства и о положеніи женщинъ. Далѣе Тора разсказываетъ, какъ Моисею было свыше внушено, чтобы онъ до вступленія израильтянъ въ обѣтованную землю,—которой онъ, какъ сказано уже, за свой проступокъ не долженъ былъ самъ увидѣть,—приготовился къ смерти и какъ онъ назначилъ ученика своего, Іошуу, своимъ преемникомъ, поручивъ ему вмѣстѣ съ первосвященникомъ Элеазаромъ покорить Ханаанъ. Когда, наконецъ, наступило время переходить черезъ Іорданъ, два колѣна, Рувинъ и Гадъ, вдругъ заявили Моисею, что они рѣшили остаться за рѣкой, гдѣ они нашли богатыя пастбища для своихъ многочисленныхъ стадъ. Моисей былъ огорченъ этимъ отдѣленіемъ двухъ колѣнъ отъ всего прочаго народа и разрѣшилъ имъ остаться за Іорданомъ лишь тогда, когда они изъявили готовность пойти впереди прочихъ колѣнъ, чтобы помочь имъ завоевать страну обѣтованія. Тора перечисляетъ затѣмъ всѣ города, которые эти два колѣна взяли за Іорданомъ и укрѣпили. Далѣе она даетъ списокъ всѣхъ мѣстъ, въ которыхъ израильтяне въ своемъ странствованіи изъ Египта въ Ханаанъ останавливались, начиная Рамзесомъ въ Гошенѣ и кончая послѣднимъ приваломъ ихъ за Іорданомъ. Передъ вступленіемъ въ Ханаанъ Моисей въ послѣдній разъ напомнилъ народу, что онъ не долженъ терпѣть идолопоклонниковъ и самые идолы въ этой странѣ, что онъ обязанъ уничтожить послѣдніе и высоты, на которыхъ они стоятъ, дабы избѣгать самой возможности впаденія въ язычество. Въ заключе-

віи Тора опредѣляетъ предѣлы страны, съ особой точностью при этомъ описывая границы между Іудеей и Идумеей; поименно перечисляетъ тѣхъ израильтянъ, которые вмѣстѣ съ Іошуой и Элеазаромъ, сыномъ Арона, должны были раздѣлить страну между колѣнами; указываетъ на мѣстности, которыя должны были быть отведены для жительства левитамъ и, наконецъ, обстоятельно излагаетъ законъ о городахъ-убѣжищахъ для людей, совершившихъ непредумышленное убійство.

Такъ, точно изъ одного куска, была отлита эта Книга Книгъ, представляющая своеобразную смѣсь исторіи законовъ и морали, и вся отъ начала ея до конца, проникнутая одной мыслью. Господь есть Творецъ и Владыка неба и земли, а также и человѣка, котораго Онъ создалъ по образу и подобію Своему и которому покорилъ всю землю. Все, что Господь сотворилъ, разумно и хорошо,—если только люди его не испортятъ. Человѣкъ не долженъ поэтому слѣдовать однимъ вожделѣніямъ своего сердца и внушеніямъ своего разума. Первая человѣческая чета именно въ этомъ погрѣшила: она, какъ неразумное и неопытное дитя, искала лишь временнаго удовлетворенія своей прихоти, и за то была изгнана изъ рая. Потомки же ея стали еще болѣе вырождаться, предаваясь насилію и разврату. Вся земля стонала подъ тяжестью грѣха. Наконецъ, явился праведникъ, за высокія добродѣтели свои возлюбленный Господомъ и отличенный имъ отъ всѣхъ людей. Черезъ него и его потомство весь людской родъ, влачившій жалкое существованіе подъ бременемъ божьяго проклятія, былъ благословленъ, дабы справедливость и добро восторжествовали на землѣ. Чтобы стать образцомъ и примѣромъ для будущихъ поколѣній, родъ Авраама долженъ былъ предварительно пройти извѣстный искусъ и быть пріуготовленъ къ воспріятію Божественнаго откровенія. Три завѣта составляютъ ядро этого откровенія: запрещеніе всякаго обоготворенія людей и животныхъ, во первыхъ, разврата во всѣхъ его видахъ, составляющаго непремѣнный аттрибутъ идолопоклонства, во вторыхъ, и всякаго насилія, убійства и кровопролитія, въ третьихъ. Съ другой, положительной стороны, завѣты эти требуютъ почитанія невидимаго Бога, какъ спасителя израильскаго народа, стремленія къ святости и попеченію о слабыхъ и безпомощныхъ. Эти основы ученія формулированы въ видѣ законовъ, регулирующихъ жизни каждаго отдѣльнаго израильтянина и всего народа вообще, дабы потомство Авраама, ихъ исполняя, дѣйствительно могло стать святымъ народомъ и благословленіемъ человѣчества. Какая глубина, сколько богатства и разнообразія въ этой не слишкомъ объемистой книгѣ! Ни одно произведеніе древнихъ и новыхъ временъ не можетъ поэтому идти въ сравненіе съ Торой.

ГЛАВА VII.

Паденіе Самарійскаго царства и домъ Давида.

Самарійское царство послѣ смерти Пекаха. Анархія, разбои и грабежи. Между Ассиріей и Египтомъ. Преслѣдованіе пророковъ. Пророкъ Гошеа II. Царь Гошеа. Походъ Салманассара на Финикію и Самарію. Вассальная зависимость Гошеи отъ Ассиріи и отпаденіе отъ нея. Война противъ него. Осада Самаріи и ея паденіе. Десять колѣнъ. Царь Хизкія. Пророчество о немъ. Его политическій манифестъ. Смотритель дворца Шевна. Реформы Хизкіи. Урегулированіе календаря. Характеръ Хизкіи. Нерѣшительность его политики. Отношенія къ Ассиріи. Дѣятельность Іешаи. Дипломатическіе переговоры съ Египтомъ.

(736—711).

Эта единственная въ своемъ родѣ книга законовъ, которая стремилась не только урегулировать жизнь даннаго народа въ данный историческій моментъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ преслѣдовала и гораздо болѣе широкія, идеальныя цѣли, не могла однако тотчасъ послѣ своего появленія на свѣтъ оказать сколько нибудь существенное вліяніе на израильскую массу. Прошло не мало времени до тѣхъ поръ, пока отупѣвшій въ своихъ языческихъ заблужденіяхъ, нравственно-глухой и умственно-слѣпой народъ обратилъ на нее должное вниманіе. И въ самомъ дѣлѣ, какъ могли израильтяне въ самарійскомъ царствѣ, поклонявшіеся быку Апису, или въ іудейскомъ, гдѣ царь Ахазъ усердно распространялъ ассирійскій культъ,—какъ могли эти люди понимать Книгу, которая отъ первой строки до послѣдней возвеличивала единаго и невидимаго Бога и прославляла святость жизни. Нисколько не удивительно поэтому, что народъ въ цѣломъ, когда Тора появилась на свѣтъ, смотрѣлъ на нее, какъ на нѣчто совершенно чуждое ему: она дѣйствительно представляла что-то такое, что никоимъ образомъ нельзя было примирить съ его нравами, привычками и представленіями. Обнародованіе Торы тѣмъ не менѣе и въ то печальное время имѣло огромное значеніе: оно проложило путь болѣе свѣтлому будущему; появленіе ея было весьма важно въ томъ отношеніи, что пророки и духовенство израильское могли съ тѣхъ поръ въ своихъ поученіяхъ ссылаться на нее, могли указывать и напоминать народу, что истинное выраженіе Воли Господней есть то, что въ ней, Торѣ, написано, а не то, что цари въ своемъ рабскомъ подражаніи всему чужому и что ложные пророки въ своемъ угодничествѣ предъ ними за выраженіе этой Воли выдавали. Пророки, ссылаясь на Тору, могли говорить ослѣпленнымъ: „Господь требуетъ отъ васъ только одного: жить по правдѣ, поступать справедливо, быть милосердыми. исполнять, не мудрствуя лукаво, его законы“ [1]). Слова пророковъ съ

---

[1]) Миха VI, 8.

тѣхъ поръ явилось уже не внушеніями ихъ собственнаго разума, а дальнѣйшимъ развитіемъ и разъясненіемъ завѣтовъ, именемъ Господа возвѣщенныхъ самимъ Моисеемъ, великимъ вождемъ, освободителемъ и законодателемъ народа. Ученики же пророковъ или всѣ тѣ, кои внимали ихъ словамъ, могли съ тѣхъ поръ поучаться, укрѣпляться въ вѣрѣ и нравственно совершенствоваться, пользуясь самой Торой.

Политическія событія тѣмъ временемъ шли своимъ чередомъ, все болѣе и болѣе осложняясь. Въ Самарійскомъ царствѣ, которое вслѣдствіе отпаденія отъ него восточныхъ и сѣверныхъ областей, не могло уже болѣе называться десятиколѣннымъ, населеніе коснѣло въ прежнихъ порокахъ и по прежнему же страдало отъ близорукости своихъ правителей. Тяжелыя раны, причиненныя ему ассиріянами, не смирили высокомѣрія и нисколько не уменьшили самомнѣнія этихъ ничтожныхъ царей. Закрывая глаза предъ печальной дѣйствительностью, они упрямо говорили: „Кирпичныя зданія пали, но мы построимъ новыя изъ тесанныхъ камней; сикоморы вырублены, а мы вмѣсто нихъ насадимъ кедры“ [1]). Беспробудное пьянство не давало эфраимитской знати возможности видѣть, что нанесенные израильскому царству удары представляли лишь прелюдію къ окончательной его гибели. Это ослѣпленіе вершителей израильскихъ судебъ результатомъ своимъ имѣло цѣлый рядъ дворцовыхъ революцій и полную анархію во всей странѣ вообще. Послѣ убійства Пекаха заговорщикомъ Гошеей, сыномъ Элы (см. выше стр. 127), прошло девять лѣтъ, въ теченіе которыхъ въ Самаріи вовсе не было царя [2]). Вначалѣ Гошеа, повидимому, отклонялъ корону; другого же претедента, который могъ бы ее носить болѣе или менѣе съ честью, не оказалось. Князя Самаріи ревновали другъ друга и не хотѣли подчиняться никому изъ своей среды. Въ теченіе девяти лѣтъ междуцарствія нѣкоторые изъ нихъ временно занимали престолъ, но ихъ тотчасъ свергали съ него знатые заговорщики. Одно цареубійство слѣдовало въ это время за другимъ. Въ странѣ свирѣпствовала не только политическая, но и нравственная анархія. Отвратительнѣйшіе пороки и преступленія были обыденнымъ явленіемъ и всякое чувство стыда исчезло. Открытыя кражи, грабежи и убійства, разнузданное прелюбодѣяніе и грубый развратъ были распространены по всей странѣ. Кровь невинныхъ лилась цѣлыми потоками. Члены знатныхъ семействъ составляли разбойничьи шайки и, подстерегая на дорогѣ караваны и странниковъ, безпощадно грабили и убивали беззащитныхъ. Горы Гаризимъ у Сихема, въ центрѣ страны, Таворъ на сѣверѣ и Мицпа за Іорданомъ служили для этихъ рыцарей ножа сборными пунктами, гдѣ они подготов-

[1]) Іешая IX, 8-9.

[2]) Ср. т. I стр. 336—338

ляли свои грабежи и разбои. Само собой разумѣется, что эта анархія внутри страны еще болѣе увеличивала опасности, угрожавшія государству извнѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ Фулъ ассирійскій завоевалъ Ливанъ, а Тиглатъ-Пилесеръ положилъ конецъ арамейскому царству, кровавая борьба между двумя великими державами у Тигра и Нила была неизбѣжна. Ассирія и Египетъ подстерегали другъ друга, но прежде чѣмъ вступить въ борьбу, старались укрѣплять себя и ослабить противника предварительными мелкими стычками и пріобрѣтеніемъ союзниковъ, Израильское царство какъ мы видѣли, было въ это время вассаломъ Ассиріи, которой оно обязано было ежегодно платить дань и отъ которой ему приходилось выносить всевозможныя униженія. Ассирія вообще нисколько не щадила попадавшихъ подъ ея власть народовъ. Открыто свергнуть это иго было бы, разумѣется, безуміемъ. Самарійскіе правители тайно поддерживали поэтому сношенія съ Египтомъ; честолюбивый эѳіопскій царь, котораго по всей вѣроятности также секретно побуждалъ ихъ свергнуть съ Самаріи ассирійское иго. Для того, чтобы маскировать эти сближенія съ Египтомъ, израильскіе правители всячески льстили ассирійскимъ царямъ, изъявляли имъ покорность и старались пріобрѣсти ихъ благоволеніе богатыми дарами. Страхъ быть раздавленнымъ между двумя могущественными державами заставлялъ сильныхъ во Израилѣ быть двоедушными и вѣроломными. Одинъ современный пророкъ въ слѣдующихъ словахъ осмѣивалъ эту фальшивую роль, которую Самарія тогда играла:

„Эфраимъ ловитъ воздухъ и гоняется за бурей. Весь день онъ нанизываетъ ложь на обманъ, заключая союзъ съ Ассиріей и посылая елей въ Египетъ . . . И увидѣлъ Эфраимъ слабость свою и пошелъ онъ въ Ассирію, и послалъ (дары) царю Яреву. Но царь этотъ не можетъ исцѣлить васъ и не въ силахъ залѣчить ваши раны . . . И сталъ Эфраимъ, какъ глупый голубь: зоветъ къ себѣ Египетъ, а самъ идетъ въ Ассирію“ [1]).

Это ужасное нравственное вырожденіе и политическая немощность само собой разумѣется, были связаны съ не менѣе ужасными религіозными заблужденіями. На словахъ въ Самаріи по прежнему клялись Іеговой, но жертвы приносили идоламъ быка въ Бетелѣ, Данѣ, Самаріи и Гилгалѣ, строили также во множествѣ алтари Ваалу, дѣлали всесожженія и куренія на вершинахъ горъ и холмовъ, подъ дубами и тамарисками, и предавались неизбѣжному при этомъ разврату. Какъ въ Вавилоніи и Ниневіи женщины и дѣвушки отдавались мужчинамъ за деньги въ пользу храма богини Милитты, точно такъ это вошло въ обычай и въ Самаріи. Противъ такого сугубаго одичанія народа опять выступили многіе пророки, бичуя

[1]) Гошеа XII, 2; V, 13; VII, 11.

эти ужасные пороки и указывая на ихъ печальныя послѣдствія. Цари и князья, правда, запрещали пророкамъ говорить, не допуская никакихъ протестовъ и осужденій. Но пророковъ не такъ легко было заставить молчать. Чѣмъ больше зло торжествовало, тѣмъ громче раздавались ихъ негодующіе голоса, напоминавшіе неистоваго Илію. Для того, чтобы сколько нибудь освѣжить зачумленную атмосферу, ихъ окружавшую, пророки должны были уподобиться очистительной грозѣ. Но чѣмъ безпощаднѣе они были въ своихъ рѣчахъ, тѣмъ безпощаднѣе ихъ преслѣдовали. Ихъ подстерегали и безжалостно убивали во дворѣ храма, гдѣ они обыкновенно произносили свои рѣчи. Но и страхъ мученической смерти не въ силахъ былъ остановить бурнаго потока ихъ справедливыхъ протестовъ.

„Слова“ одного изъ этихъ пророковъ, относящіяся къ послѣднимъ моментамъ существованія израильскаго царства, дошли до насъ въ видѣ рѣчей пророка Гошеи. Они даютъ вѣрную картину разнузданности современныхъ нравовъ. Импровизаціи этого пророка напоминаютъ зловѣщій свистъ бури, раскаты грома, огненные зигзаги сверкающей во мракѣ молніи. Безъ всякой пощады и нисколько не считаясь съ опасностью, на каждомъ шагу ему угрожавшей, этотъ пророкъ—будемъ называть его Гошеей II—разоблачилъ пороки, заблужденія и гнилыя язвы сильныхъ во Израилѣ и всего народа вообще. По рѣчамъ его видно, что онъ отнюдь не выбиралъ выраженій и весьма мало значенія придавалъ поэтическимъ красотамъ. О формѣ своихъ импровизацій онъ вообще нисколько не заботился и безъ всякаго порядка перескакиваетъ въ нихъ съ предмета на предметъ. Выраженія жгучей боли перемѣшаны въ его рѣчахъ съ ѣдкими сарказмами, угрозы смѣняются проклятіями, а проклятія—глубокой скорбью. Жестоко осуждая низко павшій израильскій народъ, Гошеа рисуетъ и идеалъ, согласно которому онъ долженъ жить, но рисуетъ лишь для того, чтобы рельефнѣе оттѣнить его глубокое нравственное паденіе въ данный моментъ. Въ импровизаціяхъ этого неистоваго пророка нѣтъ недостатка въ поэтическихъ оборотахъ и сравненіяхъ,—въ нихъ нѣтъ только мѣры, порядка, спокойствія. Да и какъ могъ этотъ возмущенный до глубины души патріотъ быть спокойнымъ и соблюдать порядокъ и мѣру при видѣ столькихъ преступленій и столь ужасной дикости людей ему дорогихъ и близкихъ? Онъ видѣлъ народъ свой у края бездны и, желая уберечь его отъ паденія въ нее, могъ ли онъ искать для этого выраженій и сохранить при этомъ философское спокойствіе? Рѣчи его—это тревожный крикъ, отчаяный стонъ, вырвавшійся изъ самой глубины скорбящей души. Самого себя и сподвижниковъ своихъ онъ характеризуетъ слѣдующими словами:

„Безуменъ пророкъ, бѣшенъ мужъ вдохновенный передъ обиліемъ грѣховъ твоихъ, предъ тьмою твоихъ беззаконій, Израиль! А ты, Эфраимъ,

подстерегаешь людей Божіихъ, ставишь пророкамъ ловушки на всѣхъ ихъ путяхъ и злобно преслѣдуешь ихъ въ самой обители Бога"[1]).

Бичуя народъ, этотъ послѣдній изъ пророковъ, жившихъ въ десятиколѣнномъ царствѣ, нисколько, однако, не обольщалъ себя надеждами на то, чтобы его рѣчи вернули на путь истинный современниковъ его вообще и князей израильскихъ въ особенности. Съ горечью въ душѣ онъ говоритъ, что эти закоренѣлые грѣшники могутъ быть исправлены только страшной карой,—полнымъ разореніемъ и изгнаніемъ ихъ изъ страны. Но, не возлагая никакихъ надеждъ на всѣ свои громовыя рѣчи, онъ все же не могъ молчать и продолжалъ скорбѣть и грозить:

„Слушайте слово Господне, вы, израильтяне! Кару великую готовитъ Онъ Вамъ, ибо нѣтъ въ васъ ни правды, ни любви, ни вѣры. Ложь и обманъ, убійства и грабежи, прелюбодѣяніе и развратъ вмѣсто того свирѣпствуютъ въ этой странѣ и одно кровопролитіе слѣдуетъ за другимъ. И восплачетъ за то земля эта и истреблены будутъ всѣ жители ея, со всѣми животными въ поляхъ и птицами въ небесахъ, и даже рыбы исчезнутъ изъ глубины моря"[2]).

Говоря всѣмъ одну неприкрашенную правду, пророкъ не щадитъ и священнослужителей:

Грѣхами народа Моего кормятся они и въ грѣхъ его поэтому сами вовлекаютъ; пастырь сталъ такимъ же, какъ и его паства"[3]).

Рѣчи Гошеи относятся, главнымъ образомъ къ израильскому царству. О Іудеѣ онъ говоритъ лишь, какъ о совращенной въ грѣхъ, потому что князья ея только подражали самарійскимъ:

„Въ гордынѣ Израиля,—его приговоръ. Эфраимъ споткнется о грѣхи свои и Іуда вмѣстѣ съ нимъ. Съ овцами своими и волами они пойдутъ искать Господа, но не найдутъ Его, ибо онъ удалился отъ нихъ... Что мнѣ дѣлать съ тобою, Эфраимъ? И какъ мнѣ быть съ тобою, Іуда?"[4]).

Горько осмѣиваетъ затѣмъ пророкъ безсмысленная жертвоприношенія закоренѣлыхъ грѣшниковъ:

„Ибо любви требую Я отъ Васъ, а не жертвъ, и познаніе Бога дороже Вашихъ всесожженій... Жертвы, Мнѣ приносимыя, они могутъ рѣзать на мясо, и упитываться имъ, ибо Господь не терпитъ ихъ"[5]).

---

[1]) Гошеа IX, 7—9.
[2]) Т. же IV, 1—4.
[3]) Т. же. ст. 8 - 9.
[4]) Т. же. V, 5; V, 5—6 VI, 4.
[5]) Т. же. 6; VIII 13.

Далѣе пророкъ съ такой же ироніей напоминаетъ народу о томъ, какъ онъ при Самуилѣ настойчиво требовалъ введенія царской власти, которую онъ превозносилъ, какъ панацею отъ всѣхъ своихъ золъ:

„Гдѣ же твой царь, который спасетъ тебя отъ всѣхъ твоихъ враговъ? Гдѣ судьи твои, о которыхъ ты нѣкогда говорилъ: „дай намъ царя и судей, спасителей въ несчастьяхъ нашихъ!“ Я далъ тебѣ царей во гнѣвѣ Моемъ и отнимаю ихъ у тебя въ Моемъ негодованіи“ [1]):

Въ весьма опредѣленныхъ выраженіяхъ предсказывая гибель самарійскаго царства, Гошеа вмѣстѣ съ тѣмъ пророчитъ возрожденіе народа израильскаго, если онъ оставитъ заблужденія свои и съ раскаяніемъ вернется къ Богу:

„Опустѣетъ Самарія, ибо отпала она отъ своего Бога. Жители ея всѣ погибнутъ отъ меча, дѣти ихъ будутъ умерщвлены и жены звѣрски убиты. Обратись же къ Богу твоему, Израиль, ибо ты палъ изъ-за грѣховъ своихъ! Возвратитесь къ Іеговѣ и скажите: „Мы жертвоприношенія свои замѣнимъ молитвами. Ашуръ намъ не поможетъ, на коняхъ мы не желаемъ ѣздить, издѣлія рукъ нашихъ мы не будемъ больше называть Богомъ“. Тогда Я исцѣлю ихъ заблужденія и возлюблю ихъ вновь всѣмъ сердцемъ Своимъ, ибо пройдетъ гнѣвъ Мой. Я буду для Израиля подобенъ росѣ, и расцвѣтетъ онъ вновь, какъ лилія, и пуститъ корни могучіе, какъ кедръ ливанскій“.

Какъ ни безнадежно было положеніе народа въ ту печальную эпоху, но всѣ пророки ея обязательно кончали свои грозныя рѣчи указаніемъ на болѣе свѣтлое будущее Израиля.

Печальный конецъ, давно предсказанный самарійскому царству, между тѣмъ приближался. Всѣ мѣры, какія правители царства предпринимали для его спасенія, только ускоряли его гибель. Было ли то результатомъ дѣйствительнаго желанія избавить страну отъ неурядицъ, или же просто безсмысленнымъ капризомъ съ ихъ стороны, но правители эти въ концѣ концовъ признали таки царемъ Гошею, убійцу царя Пекаха. Этотъ послѣдній изъ самарійскихъ царей (около 727-719) былъ какъ будто лучше своихъ предшественниковъ или, вѣрнѣе, не такъ безнадежно-плохъ, какъ они. При всей своей энергіи и мужествѣ и онъ, однако, не въ силахъ былъ уже предотвратить паденія царства. Онъ повидимому тайно сблизился съ Египтомъ, цари котораго охотно соблазняли мелкіе народы всякими фальшивыми обѣщаніями. Какъ разъ въ это время одинъ весьма воинственный ассирійскій царь, Салманассаръ, пошелъ войною на Элулая, царя Тирскаго, и покорилъ всю Финикію. Попутно этотъ завоеватель рѣ-

[1]) Гошеа XIII, 10—11.

шилъ напасть и на Самарію. Гошеа, не ожидая этого, вышелъ ему навстрѣчу, изъявилъ ему покорность и въ знакъ того обѣщалъ ему богатые дары. Но какъ только Салманассаръ ушелъ, Гошеа забылъ свои обѣщанія и вступилъ въ тайные переговоры съ его врагами. Съ одной стороны Элулай, рѣшивъ стряхнуть съ себя ассирійское иго и возвратить свою независимость, вербовалъ союзниковъ, а съ другой египетскій царь—Севихосъ (Сео), второй изъ эѳіопской династіи, также склонялъ Гошею къ отпаденію отъ Ассиріи, все возраставшее могущество которой внушало Египту сильный страхъ. Гошеа поддался этому искушенію и отправилъ пословъ къ Севихосу, чтобы заключить съ нимъ оборонительный союзъ и вмѣстѣ съ тѣмъ просить у него помощи войсками или, по меньшей мѣрѣ, лошадьми. Въ то же время тирскій царь объявилъ себя независимымъ отъ Салманассара и сталъ готовиться къ войнѣ. За нимъ и всѣ сосѣдніе народы возстали противъ всеобщей поработительницы, не знавшей предѣловъ въ своемъ высокомѣріи, Ассиріи. Къ возставшимъ примкнули также и филистимляне. Послѣ смерти Ахаза союзники отправили пословъ въ Іерусалимъ, чтобы просить его преемника, Хизкію, также примкнуть къ этой коалиціи противъ Салманассара. Тѣмъ временемъ Гошеа пересталъ посылать въ Ниневію обязательные дары, а Финикія перестала платить дань. Узнавъ обо всемъ этомъ, Салманассаръ собралъ свое войско и прежде всего пошелъ на Финикію. Съ его приближеніемъ союзники точно забыли о своей коалиціи. Финикійскіе города, Сидонъ, Акко и сама столица, старый Тиръ, сдались безъ боя. Элулай бѣжалъ на островъ Тиръ („новый Тиръ“) и здѣсь укрѣпился, разсчитывая при помощи финикійскихъ колоній продолжать сопротивленіе. Однако, покорившіеся Салманассару города сами предоставили въ его распоряженіе шестьдесятъ кораблей и восемьсотъ гребцовъ, съ помощью которыхъ онъ могъ осадить новый Тиръ.

Отъ Акко Салманассаръ черезъ Іезреельскую долину вступилъ въ самарійское царство. Израильскіе города одинъ за другимъ сдавались могущественному завоевателю, а жители ихъ бѣжали въ столицу. Гошеа не терялъ мужества и продолжалъ сопротивляться, хотя обѣщанныя Египтомъ подкрѣпленія не приходили. Самарія, расположенная на высокой горѣ, могла бы нѣкоторое время держаться, еслибы она была хорошо укрѣплена. А тѣмъ временемъ—Гошеа и населеніе Самаріи, по крайней мѣрѣ, на это надѣялись— могло наступить какое-нибудь непредвидѣнное событіе, которое принудило бы Салманассара снять осаду и уйти. Стѣны и башни Самаріи были поэтому укрѣплены, городъ былъ снабженъ большимъ запасомъ провизіи и воды и сдѣланы вообще всѣ приготовленія къ предстоявшей, повидимому, осадѣ. Ассиріяне, однако, къ тому времени успѣли уже довести до совершенства искусство брать укрѣпленные города. Они воз-

вели вокругъ Самаріи земляные валы одной высоты со стѣнами города, воздвигли на нихъ подвижныя башни и принялись штурмовать стѣны своими таранами. Осада и защита были ведены съ большой стойкостью и ожесточеніемъ; это видно изъ того, что осада длилась почти три года (съ лѣта 721 до лѣта 718). Однако, мужество и стойкость осажденныхъ не увѣнчались успѣхомъ. Столица десятиколѣннаго царства, послѣ двухсотлѣтняго своего существованія, была взята, повидимому, штурмомъ. Послѣдній правитель этого царства, Гошеа, попалъ въ плѣнъ, но побѣдитель обошелся съ нимъ сравнительно довольно милостиво. Лишивъ его сана, онъ велѣлъ бросить его въ темницу, по всей вѣроятности, ниневійскую, гдѣ бывшій царь оставался въ заключеніи до самой своей смерти. Сколько тысячъ человѣкъ погибло во время трехлѣтней осады Самаріи и по взятіи ея и сколько израильтянъ Салманассаръ увелъ въ плѣнъ,— этого никто не записалъ. Левиты и пророки, которые одни имѣли обыкновеніе отмѣчать современныя событія, питали такое отвращеніе къ Самаріи, что о гибели ея упоминаютъ лишь въ нѣсколькихъ словахъ. Ни одного плача не раздалось на развалинахъ этого царства: очевидно, его печальная участь весьма мало трогала народныхъ поэтовъ. Свершилось предсказаніе пророковъ: Эфраимъ пересталъ существовать. Идолы Дана, Самаріи и другихъ городовъ бывшаго десятиколѣннаго царства перекочевали въ Ниневію, а плѣнные были уведены въ Ассирію и тамъ разсѣяны во всѣ стороны. Ихъ группами водворили въ малонаселенныхъ областяхъ, мѣстонахожденіе которыхъ въ настоящее время невозможно установить,— въ Халахѣ, Хаборѣ, у рѣки Гоцанъ и въ городахъ горной Мидіи. Два съ половиной столѣтія (260 лѣтъ) просуществовало десятиколѣнное царство или „домъ Израиля", двадцать царей въ теченіе этого времени занимали ея престолъ, и въ одинъ день все это безслѣдно погибло. Ибо тѣ, кои вершали судьбы этого царства, отступили отъ историческихъ основъ израильской народной жизни и, отвергнувъ свое высоконравственное, освободительное и просвѣтительное ученіе, впали въ идолопоклонство и въ связанные съ нимъ пороки. Обѣтованная земля извергла, „выплюнула" эти десять колѣнъ, какъ она нѣкогда выплюнула ханаанейскіе города. Куда они дѣвались? Ихъ искали на далекомъ востокѣ и западѣ и думали, что ихъ тамъ нашли. Всякіе обманщики и фантазеры выдавали себя за ихъ потомковъ. Десять колѣнъ между тѣмъ, безъ сомнѣнія, растворились и затерялись въ массѣ средне-азіатскихъ народовъ и такимъ образомъ навсегда лишились своей національной индивидуальности. Немногіе изъ нихъ, земледѣльцы, виноградари и пастухи, остались въ Ханаанѣ, а другіе, изъ знатныхъ семействъ, жившихъ на югѣ, у границы Іудеи, повидимому, бѣжали въ эту страну.

Такимъ образомъ, былъ отрѣзанъ и сдѣланъ безвреднымъ гнилой членъ, своими язвами заражавшій и парализовавшій весь національный организмъ Израиля. Эфраимово колѣно, которое еще во время покоренія израильской земли крайнимъ эгоизмомъ своимъ и своей гордыней одно разъединило весь народъ, а позже вызвало распаденіе и ослабленіе царства, выросшаго до значенія великой державы,—это колѣно плакало на чужбинѣ. „Я наказанъ,—говорило оно словами пророка,—какъ непослушный молодой теленокъ. Я краснѣю отъ стыда, ибо ношу на себѣ позоръ своей юности“ [1]). Съ удаленіемъ этого вреднаго члена національный организмъ сталъ чувствовать себя бодрѣе, здоровѣе. Колѣно Іуды и Веніамина съ двумя примыкавшими къ нимъ полуколѣнами Симеона и Леви, которыя послѣ паденія десятиколѣннаго царства одни составляли израильскій народъ или „остатокъ Израиля“, возродились къ новой жизни и пышно расцвѣли. Гибель Самаріи, правда, ихъ ошеломила, по крайней мѣрѣ въ первый моментъ, но въ то же время послужила имъ урокомъ, внушительно предупреждавшимъ ихъ, чтобы они разстались съ своими заблужденіями и пороками, которые и ихъ мало-по-малу приводили къ нравственному вырожденію и политической слабости. Урокъ этотъ не пропалъ даромъ. Въ первое время, по крайней мѣрѣ, народъ и князья Іуды не такъ глухи были, какъ прежде къ увѣщеваніямъ пророковъ. Іешая,—предсказаніе котораго о томъ, что „пышная корона на головѣ опьяненнаго Эфраима будетъ, какъ скороспѣлая винная ягода, тающая во рту“ [2]), въ точности сбылось,—находилъ теперь въ Іерусалимѣ болѣе многочисленныхъ и внимательныхъ слушателей. Похвальбы же гордецовъ, которые самонадѣянно говорили: „Мы заключили союзъ съ смертью и договоръ съ самимъ адомъ; всеказнящій бичъ насъ не коснется, ибо мы въ союзники свои взяли ложь, и обманъ сдѣлали своимъ покровителемъ“ [3]),—эти самонадѣянные похвальбы прекратились въ Іерусалимѣ, когда эхо горъ донесло туда предсмертные стоны павшихъ въ Самаріи воиновъ и горькіе вопли заковываемыхъ въ цѣпи и уводимыхъ на чужбину плѣнниковъ. Много ли, въ самомъ дѣлѣ, недоставало, чтобы Іерусалимъ раздѣлилъ участь Самаріи? Одной лишь прихоти ассирійскаго завоевателя. Въ Іерусалимѣ царило въ это время всеобщее угнетеніе, и въ этомъ настроеніи народъ и сами правители внимательнѣе стали прислушиваться къ голосу тѣхъ, которые одни указывали настоящій путь.

Къ счастью, престолъ іудейскій въ это время занималъ царь, какого въ Іудеѣ не было со времени Давида. Хизкія (724—696), сынъ

[1]) Іеремія XXXI, 17-18.
[2]) Іешая XXVIII, 4.
[3]) Т. же, ст. 15.

Ахаза, былъ прямой противоположностью своего отца. Его мягкая, поэтически настроенная душа стремилась только къ идеальному, и эти идеалы онъ находилъ въ національной вѣрѣ, въ законахъ и преданіяхъ глубокой старины своего народа. Съ тѣмъ же усердіемъ, съ какимъ его отецъ поклонялся всему чужому и воевалъ со всѣмъ своимъ, Хизкія, наоборотъ, всѣми силами стремился къ возрожденію исконныхъ началъ израильской жизни и къ очищенію религіозныхъ представленій народа и его учрежденій отъ всего наноснаго, силой ему навязаннаго. Путеводной звѣздой въ личной жизни его и въ жизни всего народа, поскольку онъ могъ на нее вліять, ему служила Тора, которая ему уже была знакома. Если когда нибудь былъ царь, который могъ служить достойнымъ подражанія примѣромъ и образцомъ для своего народа, то это былъ Хизкія. Его украшали не только добродѣтели справедливости, благородства и великодушія, но и тѣ другія, которыя обыкновенно бѣгутъ отъ короны,—кротость, скромность и смиреніе. Онъ отличался тѣмъ истиннымъ, внутреннимъ благочестіемъ и чистою богобоязненностью, которыя также рѣдко встрѣчаются, какъ совершенство въ искусствѣ и геній полководца. Не подмѣтили ли уже пророки всѣ эти благородныя качества души и сердца въ молодомъ царскомъ сынѣ еще до его вступленія на престолъ? Или пророческимъ взоромъ своимъ не видѣли ли они уже заранѣе на тронѣ Давида того, кто долженъ былъ служить лучшимъ его украшеніемъ? Или, можетъ быть, эти пророки заблаговременно успѣли уже наставить Хизкію на путь истинный и выработать изъ него идеальнаго царя?

Такъ или иначе, но въ царствованіи Ахаза, представлявшее смѣсь слабости и глупости, пророки и тѣ „кроткіе“, которые составляли ядро и сердце израильскаго народа, всѣ надежды свои возлагали на молодого царскаго сына, ожидая отъ него возрожденія блестящаго царствованія Давида, новаго золотого вѣка. Хизкія, который съ болью въ сердцѣ видѣлъ заблужденія своего отца, послѣ его смерти не замедлилъ дать выраженіе этому чувству. Тѣло своего отца онъ велѣлъ предать землѣ не въ царской усыпальницѣ Давидова дома, а въ спеціально для того устроенной гробницѣ. Вопреки обычаю, тѣло царя повезли къ мѣсту послѣдняго упокоенія не въ великолѣпномъ царскомъ саркофагѣ, а на носилкахъ, поддерживаемыхъ простыми веревками. Свой образъ мыслей Хизкія выразилъ въ особомъ псалмѣ, составленномъ имъ, повидимому, вскорѣ послѣ своего вступленія на престолъ и который звучитъ, какъ политическій манифестъ:

„Въ непорочности сердца я буду ходить въ домѣ своемъ и низости не буду терпѣть предъ глазами своими. Я ненавижу злыя козни, и не коснутся они меня. Коварные и пронырливые пусть удалятся отъ меня;

человѣка, клевещущаго втихомолку на друга своего я изгоню отъ себя, а сердцемъ надменныхъ я не потерплю. Мои взоры обращены на вѣрныхъ сыновъ земли и ихъ однихъ я желаю имѣть при себѣ. Пусть служатъ мнѣ только тѣ, которые идутъ прямымъ путемъ, ибо не будетъ въ домѣ моемъ мѣста лицемѣрному, и лжецъ пусть не показывается мнѣ на глаза. Всѣхъ нечестивыхъ я изгоню изъ сей земли, чтобы очистить градъ Господень отъ творящихъ беззаконія!“ [1]).

Какая блестящая программа для правителя! Еслибы всѣ цари израильскіе, которые поистинѣ должны были бы быть носителями и стражами правды и добра, задавались такими высокими цѣлями и въ дѣйствительности ихъ осуществляли, то зло не могло бы получить такое распространеніе и такъ торжествовать. Іудейскій престолъ при Ахазѣ былъ окруженъ преступниками, плутами, интриганами, клеветниками, пустыми гордецами и вообще всякаго рода алчущими и жаждущими. Отъ всѣхъ этихъ креатуръ Ахаза Хизкія рѣшилъ очистить свой дворъ, сгруппировавъ вокругъ себя всѣхъ „вѣрныхъ земли“ и въ особенности осудившихъ себя на бѣдность и смиреніе „кроткихъ“ и „терпѣливыхъ“ (Anawim).

Эти смиренные, исполненные святыхъ чувствъ и чистыхъ помысловъ, поверженные при Ахазѣ во прахъ, съ нетерпѣніемъ ждали, конечно, того момента, когда столь много обѣщавшій молодой царь избавитъ ихъ отъ ихъ жалкаго положенія. Одинъ изъ членовъ ихъ братства выразилъ эти надежды въ слѣдующемъ прекрасномъ гимнѣ:

„Іегова! Разумъ Твой дай царю и справедливость Твою сыну царскому, дабы онъ судилъ Твой народъ по правдѣ и страдальцевъ Твоихъ милостиво. Горы принесутъ народу миръ и холмы—справедливость. Пусть встанетъ онъ на защиту страдальцевъ народныхъ, да спасетъ онъ сыновъ неимущихъ и уничтожитъ притѣснителей,—дабы они Тебя, Господи, почитали при солнцѣ и лунѣ изъ рода въ родъ. Да явится онъ, какъ дождь, падающій на скошенный лугъ, какъ ливень, оплодотворяющій землю; да процвѣтетъ во дни его правда и миръ до тѣхъ поръ, пока на небѣ свѣтитъ луна; да царствуетъ онъ отъ моря до моря и отъ Евфрата до предѣловъ земли. Передъ нимъ падутъ ницъ враги и противники будутъ лизать прахъ отъ ногъ его. Сами цари Таршиша и его острововъ изъявятъ ему покорность, правители Шевы и Савеи будутъ посылать ему дары. Кланятся будутъ ему всѣ цари и всѣ князья ему будутъ подвластны. Ибо онъ спасетъ взывающихъ къ нему страдальцевъ, не имѣющихъ заступниковъ; онъ воззритъ на бѣдныхъ и страждущихъ и спасетъ кроткихъ. Отъ

[1]) Пс. 101.

коварствъ и насилій онъ освободитъ ихъ, ибо драгоцѣнна кровь ихъ въ его глазахъ“ [1]).

Благодѣтельное царствованіе Хизкіи, богатое важными событіями и не менѣе богатое поэтическими твореніями, дѣйствительно было бы золотымъ вѣкомъ, еслибъ его желаніямъ не были положены преграды, которыхъ онъ не могъ сломить. Цари Іудеи давно уже не пользовались той неограниченной властью, какою пользовался Соломонъ, напримѣръ: въ дѣйствительности князья Іуды мало-по-малу почти совсѣмъ ее упразднили. Когда они соединенными силами выступали противъ царя, то онъ былъ почти безсиленъ. Они занимали всѣ судейскія мѣста, и съ этими обязанностями была связана также и вся исполнительная власть, которую судьи поручали состоявшимъ при нихъ писцамъ или полицейскимъ (Schoter). Отдѣльный человѣкъ, горожанинъ, земледѣлецъ и пастухъ, зналъ только своего судью и Schoter'а, и, всецѣло находясь въ ихъ рукахъ, трепеталъ передъ ними. Жалобы и стоны угнетенныхъ рѣдко доходили до ушей царя. И народу было весьма мало пользы отъ того, что Хизкія былъ справедливый, кроткій и благочестивый царь, что онъ былъ другомъ и покровителемъ всѣхъ кроткихъ и угнетенныхъ,—у него не было средствъ осуществить свои добрыя намѣренія и благородныя побужденія. Даже въ самой столицѣ его власть была парализована. Рядомъ съ нимъ царилъ начальникъ дворца или управитель (Sochen), которому подвластна была вся армія и всѣ придворные и который держалъ царя взаперти во дворцовыхъ покояхъ, какъ своего плѣнника. Господствовавшее въ то время воззрѣніе, что царю не слѣдуетъ вмѣшиваться во всѣ дѣла управленія, осуждало его на чисто-пассивную роль. О томъ, что происходило внѣ тѣсныхъ предѣловъ его дворца, царь либо просто не зналъ, либо узнавалъ о томъ въ извращенномъ видѣ; распоряженія же его либо совсѣмъ не исполнялись, либо исполнялись въ противоположномъ смыслѣ. При Хизкіи такимъ начальникомъ дворца состоялъ нѣкій Шевна, на этотъ постъ назначенный, по всей вѣроятности, еще Ахазомъ и который велъ себя такъ, какъ будто онъ то собственно и былъ настоящимъ царемъ. Еще при Ахазѣ этотъ управитель, не происходившій даже изъ Давидова дома, какъ его предшественники, подобно имъ, однако, успѣлъ сосредоточить въ своихъ рукахъ всю власть, такъ что его воля была единственнымъ закономъ въ странѣ. Потакая всякому произволу князей и правителей іудейскихъ и за то поддерживаемый ими, онъ могъ сдѣлать Хизкію совершенно безсильнымъ. Въ первое время, однако, эти князья и правители, съ самимъ Шевной во главѣ, предоставили ему полную самостоятельность, какъ это всегда дѣлалось послѣ вступленія на

престолъ молодого царя, характеръ и намѣренія котораго еще не опредѣлились. Въ это время Хизкія имѣлъ возможность предпринять цѣлый рядъ необходимѣйшихъ мѣръ и отчасти осуществить ихъ; онъ могъ ввести нѣкоторыя реформы и прежде всего уничтожить идолопоклонство и возстановить единство культа; онъ даже удалилъ изъ дворца нѣкоторыхъ слишкомъ наглыхъ сановниковъ, замѣнивъ ихъ болѣе достойными.

Хизкія позаботился также о томъ, чтобы левиты, составлявшіе главное ядро храмовыхъ пѣвцовъ и такъ называемые „кроткіе" не терпѣли больше нужды. Онъ распорядился, чтобы десятинный сборъ, съ котораго всѣ эти ревнители вѣры должны были существовать, впредь взимали исправно и полностью имъ отдавали. Повидимому, онъ же и ввелъ порядокъ, по которому десятина выдавалась іерусалимскому храму, гдѣ она хранилась въ особыхъ складахъ, изъ которыхъ ее въ равныхъ доляхъ выдавали всѣмъ левитамъ, имущимъ и неимущимъ.

Хизкіи приходилось, однако, весьма много и усиленно работать для того, чтобы очистить страну свою отъ всей языческой грязи, въ ней накопившейся при его предшественникахъ. Храмъ опустѣлъ, страна же за то была полна всякихъ идоловъ и алтарей. Хизкія началъ съ того, что вновь открылъ святилище и возстановилъ его во всемъ его прежнемъ величіи. По его приказу были разрушены всѣ истуканы, какіе нашлись въ Іерусалимѣ и въ томъ числѣ мѣдный змѣй, поставленный его отцемъ во дворѣ самаго храма. Чтобы основательно разъ навсегда покончить съ грубымъ идолопоклонствомъ онъ издалъ приказъ, чтобы никто не смѣлъ болѣе воздвигать алтари и приносить жертвы на высотахъ, даже въ честь Іеговы, а каждый, кто чувствовалъ потребность обратиться къ Богу, отправлялся бы въ іерусалимскій храмъ [1]). На эту мѣру многіе смотрѣли тогда, какъ на насиліе, такъ какъ свобода вѣры искони была въ нравахъ израильтянъ. Многія „высоты" считались въ народѣ священными и въ особенности Беершева и, разумѣется, Хевронъ, бывшая столица Іудеи. Жившимъ далеко на югѣ іудейскимъ и симеонитскимъ пастухамъ было крайне неудобно оставлять свои пастбища, и каждый разъ отправляться съ своими жертвами въ Іерусалимъ. Хизкія не могъ, однако, считаться съ „свободой вѣры", въ дѣйствительности приводившей къ грубѣйшему язычеству и къ разнузданности нравовъ. Пренебрегая всѣми этими практическими соображеніями, онъ рѣшилъ разъ на всегда покончить съ идолопоклонствомъ. Когда наступилъ весенній праздникъ, онъ приказалъ, чтобы пасхальный агнецъ, котораго до того приносили въ жертву на мѣстныхъ и приватныхъ алтаряхъ, на этотъ разъ и впредь закалывали на боль-

[1]) Цари II. XVIII, 4, 21.

шомъ жертвенникѣ при іерусалимскомъ храмѣ. Онъ отложилъ, однако, этотъ праздникъ на мѣсяцъ, безъ сомнѣнія, потому что весна тогда еще не наступила и сборъ ячменя, который по закону указывалъ наступленіе пасхальнаго мѣсяца, еще не начинался. Это опозданіе, указывавшее на то, что короткіе лунные годы іудейскаго календаря не гармонировали съ болѣе продолжительными солнечными годами, вызвали необходимость въ пополненіи каждаго третьяго или четвертаго года однимъ високоснымъ тринадцатымъ мѣсяцемъ, для уравненія луннаго календаря съ солнечнымъ [1]. Въ Вавилонѣ и Ниневіи, съ которыми Іудея со временъ Ахаза поддерживала постоянныя сношенія эта система комбинированія луннаго календаря съ солнечнымъ съ помощью високосныхъ мѣсяцевъ была издана въ употребленіи. И Хизкія, повидимому, оттуда ее и позаимствовалъ.

Дворцовая клика недолго, однако, позволяла царю вводить у нея на глазахъ неугодныя ей новшества. Шевна мало-по-малу устранялъ его отъ власти, вновь прибирая ее къ рукамъ. Хизкія былъ поэтической, идеальной натурой, мягкимъ, слабохарактернымъ человѣкомъ, изъ тѣхъ, которые даже въ царскомъ санѣ легко подчиняются чужой волѣ. Походъ Салманассара противъ Тира и Самаріи, совпавшій съ первыми годами его царствованія, вызвалъ, разумѣется, большую тревогу и при іерусалимскомъ дворѣ. Необходимо было принять какое-нибудь рѣшеніе, стать на ту или другую сторону,—либо примкнуть къ союзникамъ, либо изъявить покорность могущественному ассирійскому завоевателю. Нерѣшительный Хизкія, повидимому, колебался. Онъ не зналъ, слѣдуетъ ли ему придти на помощь братскимъ колѣнамъ, которыя истекали кровью во время трехлѣтней осады Самаріи и которымъ видимо предстоялъ весьма печальный конецъ, или же оставить ихъ на произволъ судьбы? Съ другой стороны, онъ точно также не зналъ, вправѣ ли онъ навлечь на свой народъ жестокій гнѣвъ великаго ассирійскаго царя. Въ этой нерѣшительности царь, повидимому, и самъ былъ радъ тому, что Шевна и его клевреты избавили его отъ необходимости принять какое-либо рѣшеніе. Странную картину непримиримыхъ внутреннихъ противорѣчій представляло это царствованіе Хизкіи вообще,—съ царемъ, одушевленнымъ благороднѣйшими намѣреніями, но безвольнымъ и слабымъ, съ одной стороны, и энергичнымъ, властнымъ правителемъ, не признававшимъ никакихъ духовныхъ интересовъ, смотрѣвшимъ на нихъ, какъ на праздную забаву, съ другой. Возвышенные идеалы и самыя низменныя побужденія, моральный подъемъ и грубые пороки, смиренное упованіе на Бога и унизительное исканіе чужой помощи, справедливый добродѣтельный царь и городъ, полный убійцъ,—вотъ что представлялъ со-

[1]) См. т. I, стр. 338, 340 и 341.

бою при Хизкіи Іерусалимъ и его дворъ [1]). Что могъ этотъ праведникъ на тронѣ сдѣлать въ такихъ условіяхъ? Ему даже не удалось до конца очистить столицу отъ идоловъ. Князья Іуды остались при своихъ золотыхъ и серебряныхъ истуканахъ, скрывъ ихъ въ своихъ садахъ за густой листвой нарочито для того посаженныхъ теребинтовъ.

Само собою разумѣется, что этотъ разладъ между царемъ и дворомъ долженъ былъ вредно отразиться и на внѣшнихъ дѣлахъ іудейскаго царства. Положеніе всѣхъ вообще народцевъ, жившихъ между Египтомъ и Ассиріей, было тогда крайне незавидное: опасности угрожали имъ съ обѣихъ сторонъ, отъ союзниковъ ихъ почти въ такой же мѣрѣ, какъ отъ противниковъ. Вскорѣ послѣ смерти Ахаза, когда и въ Ниневіи произошла перемѣна на тронѣ, филистимляне отправили въ Іерусалимъ особое посольство, чтобы предложить молодому Хизкіи присоединиться къ союзу, организованному Египтомъ противъ Ассиріи. Филистимляне въ то время не были въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Іудеей и незадолго до того, при Ахазѣ, даже захватили у нея нѣсколько городовъ. Тѣмъ не менѣе они вступили съ нею въ переговоры, надѣясь съ ея помощью избавиться отъ угрожавшей имъ бѣды. Іудеѣ, при Ахазѣ державшей сторону Ассиріи, предлагали такимъ образомъ перейти на сторону Египта. Тогда, въ медовый мѣсяцъ царствованія Хизкіи, пророкъ Іешая могъ еще давать ему совѣты, могъ, слѣдовательно, внушить ему, что сказать филистимскимъ посламъ:

„Что отвѣтить посламъ народовъ?—Что Господь основалъ Сіонъ, и что смиренные жители его въ немъ останутся!“

Филистимскіе и прочіе послы такъ ни съ чѣмъ и ушли изъ Іерусалима. Іудея осталась вассаломъ Ассиріи даже тогда, когда самарійское царство послѣ долгой и отчаянной борьбы исчезло съ лица земли. Трудно въ настоящее время, послѣ двухъ съ половиной тысячъ лѣтъ, судить о томъ, было ли это безучастное отношеніе Іудеи къ судьбѣ столь близкаго ему народа ошибкой, преступленіемъ или, наоборотъ, актомъ государственной мудрости. Самъ Хизкія во всякомъ случаѣ былъ въ этомъ неповиненъ. Его голосъ весьма мало значилъ въ совѣтѣ, рѣшавшемъ вопросъ о войнѣ и мирѣ. Но, отказавъ Самаріи въ помощи, іерусалимскій дворъ послѣ ея паденія самымъ неожиданнымъ образомъ повелъ политику, которой умнѣе и во всякомъ случаѣ благороднѣе было бы держаться до того. Правители Іудеи задумали порвать съ Ассиріей и примкнуть къ Египту. Не раскаялись ли они—слишкомъ поздно, разумѣется—въ томъ, что они такъ равнодушно относились къ судьбѣ Самаріи? Или, можетъ

[1]) Іешая I, 21.

быть, ассирійскій завоеватель посулилъ имъ за ихъ нейтралитетъ какія нибудь территоріальныя уступки и обѣщанія этого не сдержалъ? А съ другой стороны, не чувствовали ли они себя стѣсненными переходомъ владѣній Эфраимова колѣна къ завоевателю и не преслѣдовали ли ихъ ассиріяне такъ, что они, доведенные до отчаянія, рѣшили стряхнуть съ себя вассальное иго? Не произошли ли, наконецъ, тогда въ Ниневіи какія либо перемѣны, которыя могли внушить правителямъ Іудеи надежду на то, что имъ удастся довести свою безумную затѣю до конца?—Какими бы побужденіями въ этомъ случаѣ ни руководились совѣтники Хизкіи, считавшіе себя, повидимому большими мудрецами [1]),—затѣя, дѣйствительно, была безумная. Князья Іуды пошли по тому же ложному пути, по которому за десять лѣтъ до того, къ несчастью своему, пошла Самарія. И они стали заискивать передъ Египтомъ, чтобы точно также выпросить у него если не войско, то хоть лошадей для будущей своей войны съ Ассиріей. Само собою разумѣется, что переговоры съ Египтомъ держались въ строжайшей тайнѣ, ибо еслибъ въ Ниневіи о томъ провѣдали, то Іерусалима тогда же не миновала бы участь Самаріи.

Отъ прозорливыхъ глазъ Іешаи эта тайна, однако, не могла укрыться. Со вступленіемъ на престолъ Хизкіи величайшій изъ пророковъ проявилъ неутомимую дѣятельность, хотя ему было тогда уже за шестьдесятъ лѣтъ. Онъ видѣлъ, что Іудея по милости своихъ близорукихъ правителей попала на ту самую наклонную плоскость, по которой скатилось въ пропасть десятиколѣнное царство. И онъ хотѣлъ протестовать противъ этого со всей силой своего краснорѣчія. Но онъ не смѣлъ говорить: Шевна и его клевреты ему это строжайше воспретили. Они боялись, что своими рѣчами онъ обратитъ вниманіе царя и народа на ихъ интриги и укажетъ имъ на опасности, которымъ они подвергали страну. Іешая отлично понималъ, что надежды на помощь Египта окажутся совершенно напрасными. Ассирія же за „измѣну" раздавитъ маленькую Іудею. Но онъ принужденъ былъ молчать. Пророкъ прибѣгнулъ поэтому къ другому средству. Какъ разъ въ это время ассиріяне предприняли походъ противъ филистимлянъ, которые также хотѣли отъ нихъ освободиться. Вся земля филистимская была уже завоевана, держался только еще одинъ приморскій городъ Ашдодъ. Чтобы принудить его къ сдачѣ, ассирійскій царь Саргонъ поручилъ своему полководцу Тартану осадить и непремѣнно взять этотъ городъ, который былъ тогда весьма важенъ для ассиріянъ, какъ ключъ къ Египту. Три года длилась его осада, за которой въ Іерусалимѣ слѣдили съ напряженнымъ вниманіемъ. Іешая облачился тогда въ свою власяницу и полуголый и

[1]) Іешая XXIX, 14.

босой ходилъ по улицамъ Іерусалима. Это было нѣмымъ предсказаніемъ о томъ, что Ашдодъ падетъ, а египтяне голыми и босыми будутъ уведены въ плѣнъ. Когда же Ашдодъ былъ, наконецъ, взятъ, Іешая, несмотря на запретъ, вновь заговорилъ, и прежде всего объяснилъ свое поведеніе во время осады филистимскаго города.

„Такъ царь Ассиріи поведетъ египтянъ въ плѣнъ и эѳіоповъ въ изгнаніе: голыми и босыми. И жители этой страны будутъ говорить: вотъ какая участь постигла ту страну, на которую мы возлагали всѣ свои надежды и къ которой бѣгали за помощью, дабы избавиться отъ царя ассирійскаго; кто же насъ теперь отъ него спасетъ?“

Паденіе Ашдода и плѣненіе филистимлянъ нисколько, однако, не устрашило и не образумило правителей Іудеи. Они продолжали поддерживать тайныя сношенія съ Египтомъ. Третій царь эѳіопской династіи Тиргака (Тагалка) кормилъ ихъ обѣщаніями и вовлекалъ въ союзъ, опасаясь войны съ все болѣе и болѣе подвигавшейся къ его границамъ Ассиріей. Іудейскіе послы, тайно посѣщавшіе египетскій дворъ заключили съ нимъ союзный договоръ, по которому онъ, въ случаѣ войны долженъ былъ прислать Іудеѣ въ помощь отрядъ конныхъ воиновъ. Караванъ верблюдовъ и мулловъ повезъ богатые дары изъ Іерусалима въ Египетъ, такъ какъ фараонъ хотя и нуждался въ союзѣ Іудеѣ, даромъ, однако, помощи обѣщать не хотѣлъ.

Какую строгую тайну при этихъ переговорахъ ни соблюдали, отъ взоровъ Іешаи они не могли быть скрыты. И онъ пустилъ въ ходъ все свое краснорѣчіе, чтобы по возможности разстроить эту безумную затѣю, союзъ съ Египтомъ. Къ этому времени относятся самыя блестящія, самыя пламенныя рѣчи пророка. Въ нихъ онъ настойчиво совѣтовалъ царю и народу держаться совершенно нейтрально въ предстоявшей войнѣ между Ассиріей и Египтомъ, ровно ничего не дѣлать и держаться въ сторонѣ. Это былъ разумный, мудрый совѣтъ и можно только удивляться, что ему никто не хотѣлъ слѣдовать и что къ рѣчамъ пророка вообще не прислушивались. Еще удивительнѣе то, что Хизкія въ это тревожное время не подавалъ никакихъ признаковъ жизни, словно то, что всѣхъ въ то время такъ сильно волновало, его вовсе не касалось. Въ своихъ рѣчахъ Іешая къ нему поэтому вовсе и не обращается, и только одинъ разъ упоминаетъ о немъ, но въ хвалебномъ тонѣ. Всѣ стрѣлы своей сатиры онъ направилъ противъ царедворцевъ и князей Іудеи:

„О, непокорные сыны мои! (говоритъ Господь) вы принимаете рѣшенія, которыхъ Я не одобрялъ и заключаете союзы, мною не освященные; старые свои грѣхи усугубляя новыми, вы, не спрашивая меня, идете въ Египетъ, чтобы укрѣпить себя силой фараона и вымолить его помощь.

Къ стыду вашему послужитъ эта сила и позоромъ окончится для васъ защита Египта. Князья ваши подлинно бѣгали въ Танисъ и гонцы ваши ходили въ Дафне. Ибо вы надежды возлагаете на народъ, который никакой пользы вамъ не принесетъ, не будетъ вамъ ни въ помощь, ни въ поддержку и только покроетъ васъ стыдомъ и позоромъ. Вы вьюки нагружаете на животныхъ пустыни и посылаете ихъ черезъ страну нужды и лишеній, гдѣ левъ со львицей рычатъ, гдѣ живутъ змѣи ядовитыя и драконы летающіе, вы на спины ословъ накладываете свое добро и на горбы верблюдовъ свои сокровища,—въ даръ народу, отъ котораго вамъ нечего ждать. А ты, пророкъ, начертай это на каменной плитѣ и запиши на свиткѣ, чтобы память о томъ осталась на будущія времена. Ибо это народъ упрямый, закоренѣлый во лжи, это люди, не желающіе повиноваться велѣніямъ Господнимъ. Они говорятъ ясновидящимъ: „вы не должны видѣть!" и пророкамъ: „не предсказывайте намъ правды, говорите намъ однѣ льстивыя рѣчи, пророчьте одну ложь"... (такъ говорилъ Господь). Въ мирѣ и спокойствіи спасеніе ваше, въ упованіи—ваша сила. Вы же возражаете: „нѣтъ, мы сядемъ на коней". И зато вы будете разсѣяны непріятелемъ; вы говорите: „мы хотимъ скакать на быстрыхъ коняхъ", и зато враги ваши быстро догонятъ васъ. Цѣлая тысяча изъ васъ будетъ убѣгать отъ одного и всѣ вы вмѣстѣ—отъ пяти враговъ, до тѣхъ поръ пока вы станете, какъ одинокая вѣха на вершинѣ горы и, какъ знамя, водруженное на холмѣ... О, вы, бѣгающіе въ Египетъ за помощью и уповающіе на коней, на боевыя колесницы и на всадниковъ его,—вы не обращаетесь къ святому Іеговѣ и не вопрошаете Господа вашего. Но Онъ, премудрый, дарующій счастье и несчастье. Онъ завѣтамъ своимъ не измѣнилъ. Онъ возстаетъ противъ защиты преступниковъ и противъ помощи злодѣевъ. Египтяне только смертные люди, а не Богъ; ихъ кони лишь твари неразумныя, а не духъ Божій. Господь простретъ десницу Свою, и споткнется помогающій, и вмѣстѣ съ нимъ падетъ и ищущій помощи, и оба вмѣстѣ погибнутъ" [1]).

Двѣ вещи казались Іешаѣ несомнѣнными. Онъ глубоко былъ убѣжденъ, что своимъ отпаденіемъ отъ Ассиріи Іудея навлечетъ на себя ужасное несчастіе, во-первыхъ, а во-вторыхъ, что она отъ того все же не погибнетъ, что ассирійское войско будетъ сильно тѣснить страну, но что она отъ ихъ рукъ не падетъ, а выйдетъ возвеличенной изъ этого испытанія. Пророкъ весьма опредѣленно высказался на этотъ счетъ еще до прибытія ассирійскаго войска:

„О, Аріэль (Сіонъ), твердыня, воздвигнутая Давидомъ! Пройдутъ годы, праздники будутъ смѣняться праздниками, но придетъ, наконецъ,

---

[1]) Іешая 30 и 31.

день, когда врагъ, мною посланный, подвергнетъ тебя осадѣ. Плачъ и стонъ будутъ раздаваться тогда на склонахъ твоихъ. Но затѣмъ ты будешь для меня горой Господней. Я станомъ тебя окружу и валы воздвигну кругомъ тебя. Ты глухимъ голосомъ будешь молить о пощадѣ изъ-подъ земли, и изъ нѣдръ ея будутъ доноситься твои стоны; но безчисленны, какъ песокъ морской, будутъ полчища твоихъ враговъ и, какъ разлетающаяся по вѣтру пыль, ряды твоихъ побѣдителей. И внезапно, Господь обрушится на тебя однажды громами, землетрясеніемъ, страшной бурей и всепожирающимъ пламенемъ. Но разсѣяны будутъ затѣмъ, какъ сонъ ночной, всѣ народы, воюющіе противъ Аріэля и угнетающіе его... Какъ голодный воображаетъ, что онъ ѣстъ и пробудившись, чувствуетъ, что желудокъ его пустъ; какъ жаждущій видитъ во снѣ, что онъ пьетъ и, проснувшись, ощущаетъ сильную жажду, такъ будетъ со всѣми народами, воюющими съ Сіономъ"[1]). „Какъ птицы птенцовъ своихъ, такъ Господь Саваоѳъ защититъ Іерусалимъ, охранитъ и прикроетъ его, пощадитъ и спасетъ. И тогда возвратятся сыны Израиля къ Тому, Кому они такъ жестоко измѣнили. И въ тотъ день каждый изъ нихъ заброситъ своихъ золотыхъ и серебряныхъ идоловъ, которыхъ они во грѣхахъ своихъ сами сдѣлали. Ашуръ падетъ тогда не отъ человѣческаго меча, и не люди его истребятъ; онъ въ ужасѣ убѣжитъ отъ меча Господня. Его избранные будутъ обращены въ рабство и князья его погибнутъ въ бѣгствѣ"[2])...

ГЛАВА VIII.

Царствованіе Хизкіи.

Отпаденіе отъ Ассиріи. Походъ Санхерива. Возбужденіе въ Іерусалимѣ. Паденіе Шевны и возвышеніе Эліакима. Дѣятельность Іешаи во время осады. Пророкъ Миха II. Надменность Санхерива. Равшаке передъ Іерусалимомъ. Всенародный постъ и рѣчь Іешаи. Болѣзнь и выздоровленіе Хизкіи. Гибель ассирійскаго войска и бѣгство Санхерива. Побѣдные гимны. Посольство Меродахъ - Баладана къ Хизкіи. Возвышеніе „терпѣливыхъ" и ихъ поэтическія изліянія. Свадебная пѣснь въ честь Хизкіи. Литература притчей (Mischle). Притча времени Хизкіи. Почему басня не получила развитія. Конецъ Санхерива и Хизкіи.

(724—696).

Событія между тѣмъ шли своимъ чередомъ, не считаясь съ пламенными рѣчами Іешаи и его мудрыми совѣтами. Хизкія—его именемъ въ Іерусалимѣ все дѣлали и говорили—отложился отъ Ассиріи, т. е. пересталъ посылать въ Ниневію дары въ знакъ покорности. Ассирійскій царь Санхеривъ, который тогда, повидимому, только что вступилъ на престолъ

[1]) Іешая XXIX, 1 и дд.
[2]) Іешая XXXI, 5 и дд.

и снова покорилъ Вавилонъ, собралъ многочисленное войско, намѣреваясь разомъ покончить съ Іудеей и съ Египтомъ. Благодаря завоеванію Арама, Финикіи, Самаріи и филистимской земли, всѣ препятствія на пути между Ассиріей и Египтомъ были устранены. Вступивъ съ войскомъ своимъ въ заіорданскую землю, Санхеривъ покорилъ одинъ за другимъ народцы, которые еще не были подвластны Ассиріи: кедареновъ, моавитовъ и аммонитовъ, извѣстныхъ подъ общимъ названіемъ арабовъ, и принудилъ ихъ присоединиться къ ассирійскому войску; ихъ впрочемъ и принуждать къ этому не надо было, такъ какъ они охотно и сами принимали участіе во всякой войнѣ, которая сулила имъ богатую добычу. Такимъ образомъ вмѣстѣ съ ассирійскимъ завоевателемъ пошли на западъ и многіе мелкіе цари, и Санхеривъ могъ хвалиться, что его свита состоитъ изъ однихъ царей. Въ Іудеѣ тѣмъ временемъ готовились къ сопротивленію. Для открытаго боя іудейскіе полководцы во всякомъ случаѣ чувствовали себя слишкомъ слабыми. Они рѣшили поэтому съ помощью горныхъ крѣпостей, приведенныхъ въ оборонительное положеніе, удерживать ассирійское войско до тѣхъ поръ, пока не прибудутъ подкрѣпленія изъ Египта. Особенно сильно былъ укрѣпленъ Іерусалимъ. Стѣны его были вновь исправлены и подняты, а дома, къ нимъ примыкавшіе, были снесены. Старая линія укрѣпленій Города Давида (Сіона) и Нижняго города (Милло) была обнесена новой наружной стѣной, на которой былъ устроенъ рядъ высокихъ башенъ. Верхній прудъ, получавшій воду изъ источника Гихона, былъ также окруженъ стѣной, а вода изъ него посредствомъ подземнаго канала была проведена въ внутренній городъ; водопроводъ, проложенный Соломономъ изъ источника Этама, къ югу отъ Іерусалима, былъ засыпанъ, для того, чтобы лишить непріятеля питьевой воды и тѣмъ предотвратить продолжительную осаду. Наконецъ, арсеналъ, „Домъ ливанскаго лѣса", былъ снабженъ въ изобиліи оружіемъ.

Работами завѣдывалъ самъ Шевна, оффиціально считавшійся смотрителемъ царскаго дворца, а фактически управлявшій всѣмъ государствомъ. Вмѣстѣ съ князьями Іуды онъ смотрѣлъ съ надеждой на будущее и не страшился нашествія ассиріянъ. Особой печали и тревоги при іерусалимскомъ дворѣ вообще не замѣчалось, и сановники по прежнему проводили свои вечера въ веселыхъ пирахъ. Населеніе столицы какъ будто не могло дождаться прихода непріятеля и многіе взбирались на кровли высокихъ зданій, чтобы посмотрѣть, не идутъ ли уже ассиріяне. Какъ человѣкъ несомнѣнно умный, Шевна предвидѣлъ, однако, возможность наступленія самыхъ печальныхъ событій и допускалъ, что онъ и самъ можетъ погибнуть во время предстоявшей войны. На этотъ случай онъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы его не въ примѣръ прочимъ смертнымъ похо-

ронили не на общемъ кладбищѣ, а въ царскихъ гробницахъ, такъ какъ онъ считалъ себя равнымъ царю. Съ этой цѣлью онъ велѣлъ высѣчь въ одной изъ скалъ города Давида особый склепъ и богато его украсить. Могъ ли Iешая оставить безъ вниманія эту выходку зазнавшагося выскочки? Въ одной изъ своихъ рѣчей, каждое слово которой звучитъ, какъ ударъ молота, пророкъ бичуетъ князей Iуды и ихъ пустое самомнѣніе.

„Что случилось съ тобою, шумная, веселая столица, что ты стала взбираться на кровли домовъ своихъ? Сыны твои не падутъ въ бою и не отъ меча погибнутъ. Всѣ начальники твои убѣгутъ отъ стрѣлъ непріятельскихъ и князья будутъ въ цѣпяхъ уведены на чужбину. И потому я говорю: оставьте меня одного, дайте мнѣ проливать горькія слезы, не торопитесь утѣшать меня въ несчастіи, обрушившемся на мой бѣдный народъ. Ибо день великаго смятенія и истребленія пришелъ на Iерусалимъ... Твои долины полны боевыми колесницами и всадники непріятельскіе подступаютъ къ твоимъ воротамъ... Вы увидѣли, что въ стѣнахъ города Давида много трещинъ и потому вы отвели воду изъ нижняго пруда; вы сосчитали число семей іерусалимскихъ, снесли дома, чтобы укрѣпить стѣны и построили водоемъ между двумя стѣнами для воды изъ стараго пруда. Но на того, Кто все это создалъ и давно устроилъ, вы не взираете. Господь Саваоѳъ этимъ днямъ назначилъ быть днями плача, скорби и покаянія. А вмѣсто того у васъ радость и веселье; вы рѣжете воловъ и овецъ, упитываетесь ихъ мясомъ и упиваетесь виномъ, говоря: „будемъ пить и веселиться, потому что мы завтра умремъ!“[1]).

Затѣмъ пророкъ обращается къ надменному и честолюбивому Шевнѣ:

„Кто и что у тебя здѣсь, что ты себѣ тутъ устраиваешь гробницу? Господь выброситъ тебя отсюда, какъ клубокъ негодный, въ далекую страну. И тамъ ты погибнешь, ты, позорящій домъ своего господина“ [2]).

Iешая не только предсказалъ паденіе Шевны, но повидимому самъ тому содѣйствовалъ. Онъ между прочимъ предсказалъ, что его высокое положеніе при дворѣ и власть перейдутъ къ другому, члену Давидова дома Эліакиму, сыну Хилкіягу, не преминувъ при этомъ заблаговременно его похвалить.

„... Онъ будетъ отцомъ для жителей Iерусалима и для дома Iуды. И потому я вручу ему ключи отъ этого дома. И если онъ его будетъ открывать, то никто его не запретъ, а если онъ запретъ, то никто не откроетъ. И будетъ онъ престоломъ славы для дома отца своего“[3]).

---

[1]) Iешая XXII, 1-13.
[2]) Т. же, ст. 15—18.
[3]) Т. же, ст. 20, 24.

Обличительная рѣчь Іешаи противъ могущественнѣйшаго въ Іерусалимѣ человѣка должна была обратить на себя всеобщее вниманіе. Она, повидимому, вывела изъ бездѣйствія предававшагося созерцательной жизни и игравшаго въ событіяхъ одну пассивную роль Хизкію, ибо вскорѣ послѣ того *Эліакимъ* дѣйствительно смѣнилъ при дворѣ Шевну. Этотъ новый управитель дворца дѣйствовалъ въ духѣ Іешаи. Самъ Хизкія съ этого времени сталъ принимать болѣе активное участіе въ дѣлахъ государства. Паденіе Шевны было такимъ образомъ поворотомъ къ лучшему.

Развязка между тѣмъ приближалась. Санхеривъ, взбѣшенный отпа-
ее уничтожить.
рданъ, вступила
шіе на его пути,
али въ столицу,
ороги опустѣли,
пріятель истреб-
ука Санхерива
хъ исчезло му-
ъ столицѣ. За-
кто не думалъ о
ія одинъ Іешая
й изъ большихъ
тѣхъ вдохновен-
і изъ устъ только

бичъ моего не-
мой возбудившій,
уличную грязь.
ѣренія. Ты мнишь
„Не всѣ ли князья
Калнэ? Развѣ Ар-
марія? И точно
поступлю и съ
! Развѣ топоръ
этъ ли пила воз-
то сама машетъ
а желаетъ бить,
словно она и не дерево...“ такъ говоритъ Господь... ойся, народъ Мой! Жители Сіона, не страшитесь Ашура! Бичемъ своимъ онъ будетъ бить васъ и палку свою подымать на васъ, какъ нѣкогда Египетъ. Но еще немного, совсѣмъ немного, и пройдетъ негодованіе Мое, и гнѣвъ Мой, на

ронили не на общемъ кладбищѣ, а въ царскихъ гробницахъ, такъ какъ онъ считалъ себя равнымъ царю. Съ этой цѣлью онъ велѣлъ высѣчь въ одной изъ скалъ города Давида особый склепъ и богато его украсить. Могъ ли Iешая оставить безъ вниманія эту выходку зазнавшагося выскочки? Въ одной изъ своихъ рѣчей, каждое слово которой звучитъ, какъ ударъ молота, пророкъ бичуетъ князей Іуды и ихъ пустое самомнѣніе.

„Что случилось съ тобою, шумная, веселая столица, что ты стала взбираться на кровли домовъ своихъ? Сыны твои не падутъ въ бою и не отъ меча погибнутъ. Всѣ начальники твои убѣгутъ отъ стрѣлъ непріятельскихъ и князья будутъ въ цѣпяхъ уведены на чужбину. И потому я говорю: оставьте меня одного, дайте мнѣ проливать горькія слезы, не торопитесь утѣшать меня въ несчастіи, обрушившемся на мой бѣдный народъ. Ибо день великаго смятенія и истребленія пришелъ на Іерусалимъ... Твои долины полны боевыми колесницами и всадники непріятельскіе подступаютъ къ твоимъ воротамъ... Вы увидѣли, что въ стѣнахъ города Давида много трещинъ и потому вы отвели воду изъ нижняго пруда; вы сосчитали число семей іерусалимскихъ, снесли дома, чтобы укрѣпить стѣны и построили водоемъ между двумя стѣнами для воды изъ стараго пруда. Но на того, Кто все это создалъ и давно устроилъ, вы не взираете. Господь Саваоѳъ этимъ днямъ назначилъ быть днями плача, скорби и покаянія. А вмѣсто того у васъ радость и веселье; вы рѣжете воловъ и овецъ, упитываетесь ихъ мясомъ и упиваетесь виномъ, говоря: „будемъ пить и веселиться, потому что мы завтра умремъ!“[1]).

Затѣмъ пророкъ обращается къ надменному и честолюбивому Шевнѣ:

„Кто и что у тебя здѣсь, что ты себѣ тутъ устраиваешь гробницу? Господь выброситъ тебя отсюда, какъ клубокъ негодный, въ далекую страну. И тамъ ты погибнешь, ты, позорящій домъ своего господина“[2]).

Іешая не только предсказалъ паденіе Шевны, но повидимому самъ тому содѣйствовалъ. Онъ между прочимъ предсказалъ, что его высокое положеніе при дворѣ и власть перейдутъ къ другому, члену Давидова дома Эліакиму, сыну Хилкіягу, не преминувъ при этомъ заблаговременно его похвалить.

„... Онъ будетъ отцомъ для жителей Іерусалима и для дома Іуды. И потому я вручу ему ключи отъ этого дома. И если онъ его будетъ открывать, то никто его не запретъ, а если онъ запретъ, то никто не откроетъ. И будетъ онъ престоломъ славы для дома отца своего“[3]).

[1]) Iешая XXII, 1-13.
[2]) Т. же, ст. 15—18.
[3]) Т. же, ст. 20, 24.

Обличительная рѣчь Іешаи противъ могущественнѣйшаго въ Іерусалимѣ человѣка должна была обратить на себя всеобщее вниманіе. Она, повидимому, вывела изъ бездѣйствія предававшагося созерцательной жизни и игравшаго въ событіяхъ одну пассивную роль Хизкію, ибо вскорѣ послѣ того *Эліакимъ* дѣйствительно смѣнилъ при дворѣ Шевну. Этотъ новый управитель дворца дѣйствовалъ въ духѣ Іешаи. Самъ Хизкія съ этого времени сталъ принимать болѣе активное участіе въ дѣлахъ государства. Паденіе Шевны было такимъ образомъ поворотомъ къ лучшему.

Развязка между тѣмъ приближалась. Санхеривъ, взбѣшенный отпаденіемъ Хизкіи, былъ уже на пути къ Іудеѣ, собираясь ее уничтожить. Значительная часть его войска, переправившись черезъ Іорданъ, вступила въ предѣлы этой страны. Всѣ укрѣпленные города, лежавшіе на его пути, были взяты штурмомъ и разрушены; жители же ихъ бѣжали въ столицу, такъ какъ ассиріяне не щадили ни пола, ни возраста. Дороги опустѣли, ибо путники не осмѣливались оставлять своихъ городовъ; непріятель истреблялъ все, что ему ни встрѣчалось на пути. Карающая рука Санхерива простиралась уже надъ Іерусалимомъ, и у самыхъ храбрыхъ исчезло мужество, когда ассирійскія полчища стали приближаться къ столицѣ. Задорныя рѣчи уступили мѣсто самымъ малодушнымъ. Никто не думалъ о серьезномъ сопротивленіи. Среди этого всеобщаго отчаянія одинъ Іешая не унывалъ, ободряя трусливыхъ своими рѣчами. На одной изъ большихъ іерусалимскихъ площадей онъ снова произнесъ одну изъ тѣхъ вдохновенныхъ и совершенныхъ по формѣ рѣчей, какія могли выйти изъ устъ только его одного:

„О, Ашуръ, орудіе гнѣва моего, въ чьихъ рукахъ бичъ моего негодованія! Я послалъ тебя на нечестивый народъ, гнѣвъ мой возбудившій, чтобы ты его добычей своей сдѣлалъ и растопталъ, какъ уличную грязь. Но не такія мысли у тебя, и въ душѣ у тебя иныя намѣренія. Ты мнишь истребить и уничтожить всѣ народы. Ибо ты говоришь: „Не всѣ ли князья мои—цари? Развѣ Хархемишъ не то же, для меня, что Калнэ? Развѣ Арпадъ и Хаматъ для меня не то же, что Дамаскъ и Самарія? И точно такъ, какъ я поступилъ съ Самаріей и ея лжебогами, я поступлю и съ Іерусалимомъ и его кумирами“... Но не хвались, Ашуръ! Развѣ топоръ можетъ похваляться передъ тѣмъ, кто рубитъ имъ? Можетъ ли пила возгордиться надъ тѣмъ, кто пилитъ ею? Трость какъ будто сама машетъ надъ головою того, кто ее держитъ въ рукахъ, а палка желаетъ бить, словно она и не дерево... Такъ говоритъ Господь: Не бойся, народъ Мой! Жители Сіона, не страшитесь Ашура! Бичемъ своимъ онъ будетъ бить васъ и палку свою подымать на васъ, какъ нѣкогда Египетъ. Но еще немного, совсѣмъ немного, и пройдетъ негодованіе Мое, и гнѣвъ Мой, на

васъ обрушившійся, стихнетъ. Въ тотъ день иго спадетъ съ плечъ вашихъ, ибо Господь простретъ десницу Свою надъ Сіономъ. Высокоствольныя деревья будутъ вырублены, а гордо высящіися будутъ унижены. Произрастетъ сукъ отъ ствола Ишая и вѣтвь пустятъ корни его. И почіетъ на немъ (царѣ) духъ Господній, духъ разума и мужества, духъ познанія и страха Божьяго. И будетъ онъ судить не на глазъ и рѣшать не по наслышкѣ; по справедливости будетъ онъ защищать бѣдныхъ и нелицепріятно судить смиренныхъ земли. Дыханіемъ устъ своихъ онъ будетъ бить сильныхъ и грозой своихъ рѣчей поражать нечестивыхъ. И волкъ будетъ тогда жить въ мирѣ съ овцой и пантера будетъ лежать рядомъ съ козой; телецъ, левъ и волъ будутъ вмѣстѣ пасти малое дитя. Корова будетъ пастись вмѣстѣ съ львицею, дѣтеныши ихъ будутъ лежать рядомъ и левъ будетъ ѣсть солому, какъ волъ. Грудной младенецъ будетъ играть у норы гадюки. Не будутъ люди дѣлать ни зла, ни вреда на Моей святой горѣ, ибо земля будетъ также полна страха Божьяго, какъ море полно водой. Въ тотъ день народы устремятся къ корнямъ Ишая, которые будутъ служить знаменемъ для всѣхъ колѣнъ. И гробницѣ его будутъ воздавать почести".

Такое блестящее будущее предвѣщалъ Іешая Израилю послѣ избавленія отъ Ассиріи. Изгнанные изъ всѣхъ странъ возвратятся на родину, изгнанники изъ десятиколѣннаго царства возсоединятся съ Іудой, ревность и вражда между ними прекратятся, и повторятся вновь чудеса, сопровождавшія исходъ изъ Египта. Эта изумительная сила духа и вѣра въ Бога, въ конечное торжество справедливости и вѣчный миръ тѣмъ болѣе достойны удивленія, что пророкъ все это говорилъ среди опустошенія, кругомъ царившаго, среди всеобщаго отчаянія народа! Города были сожжены, нивы опустошены дикими завоевателями, гибель самой столицы казалась неминуемой.—Съ своими войсками, отправлявшимися походомъ на Египетъ, Санхеривъ не расположился передъ Іерусалимомъ, а послалъ ихъ впередъ черезъ филистимскую низменность. Самъ же онъ съ остальнымъ войскомъ разбилъ лагерь въ Лахишѣ (въ разстояніи 10 час. пути къ юго-западу отъ Іерусалима), который тогда былъ однимъ изъ виднѣйшихъ городовъ Іудеи. Да и къ чему Санхериву было осаждать сильно укрѣпленный природой и искусствомъ Іерусалимъ? Разъ вся Іудея была уже въ его рукахъ, столица ея неминуемо должна была сама сдаться. И Іерусалимъ постигла бы та же участь, что и Самарію. Три или четыре іудейскихъ колѣна были бы уведены завоевателемъ въ плѣнъ, разсѣяны по далекимъ областямъ Ассиріи и съ теченіемъ времени растворились бы въ массѣ народовъ, населявшихъ эту обширную монархію. Несмотря на это безнадежное, повидимому, положеніе, Іешая продолжалъ твердо вѣрить внушенію, сдѣлан-

ному ему свыше, и Іудея не погибнетъ. Она, безъ сомнѣнія, сильно пострадаетъ отъ нашествія Санхерива, но эти страданія исцѣлятъ ее отъ ея грѣховъ, и приведутъ къ нравственному возрожденію если не всего народа, то одной лучшей части его. Ссылаясь на имя, данное имъ своему сыну, Шеаръ-Яшувъ („остатокъ вернется“, см. стр. 109), Іешая пророчилъ: „остатокъ Якова возвратится къ всемогущему Богу; и если народъ твой, Израиль, будетъ многочисленъ, какъ песокъ морской, то все же изъ него вернется лишь этотъ остатокъ. Истребленіе окончательно рѣшено, но справедливые восторжествуютъ“[1]).

Іешая, впрочемъ, былъ не единственный пророкъ, который въ эту годину бѣдствій и казавшейся неминуемой гибели вѣрилъ въ спасеніе народа, внушалъ ему надежду и сулилъ блестящую будущность. Пророкъ Миха говорилъ въ томъ же духѣ, и съ большей опредѣленностью еще, чѣмъ Іешая, возвѣщалъ—среди шума войны—наступленіе въ будущемъ всеобщаго мира, пытаясь такимъ образомъ поднять сильно упавшій духъ іерусалимскаго населенія. Исходя отъ предсказанія одного стараго пророка, говорившаго, что истина возсіяетъ изъ Сіона и что народы перекуютъ мечи свои въ плуги, Миха вѣщалъ:

„...Въ тѣ дни каждый будетъ сидѣть подъ смоковницей своей и въ своемъ виноградникѣ. Каждый народъ свободно будетъ тогда вѣрить въ своихъ боговъ, мы же будемъ слѣдовать велѣніямъ нашего. Въ тотъ день я исцѣлю больныхъ и соберу отверженныхъ... И Господь Богъ съ тѣхъ поръ и во вѣки вѣковъ будетъ царствовать надъ ними въ Сіонѣ. Къ тебѣ же, твердыня паствы Моей, гора Сіонъ, вернется власть твоя. Отчего же ты нынѣ въ такомъ отчаяніи? Развѣ нѣтъ царя въ средѣ твоей? Или не стало у тебя совѣтниковъ, что ты стонешь, точно мать, въ мукахъ рождающая? Да, вопи и вздыхай, дочь Сіона, ибо вскорѣ ты должна будешь оставить этотъ городъ, будешь скитаться по полямъ и дойдешь до Вавилона. Но тамъ ты будешь спасена, тамъ Господь твой освободитъ тебя отъ руки враговъ твоихъ... Многочисленные народы нынѣ вооружились противъ тебя, говоря: „Она пала, и да насладится душа наша ея несчастіемъ!“ Но они не знаютъ мыслей Господнихъ, не разумѣютъ рѣшеній Его, не понимаютъ, что Онъ собираетъ ихъ, какъ снопы на гумно... Нынѣ же ты можешь предаваться печали, дщерь Сіона, вражескими полчищами окруженная. Они оцѣпили насъ своими войсками и бичемъ своимъ ударили по судьямъ Израиля. Когда Ашуръ вновь явится въ эту страну и вступитъ въ наши города, мы выставимъ противъ него семь пастуховъ и восемь земледѣльцевъ. И уничтожатъ они Ассирію мечомъ и страну

[1]) Іешая 10, 21-22.

Нимврода его же оружіемъ. И будетъ остатокъ Якова среди многочисленныхъ народовъ, какъ роса Господня, какъ дождь, падающій на траву. И не будетъ онъ болѣе зависимъ отъ людей и уповать на сыновъ Адамовыхъ" [1]).

Какъ далеко, однако, было отъ этихъ возвышенныхъ пророчествъ, сулившихъ Іудеѣ блестящее будущее, до дѣйствительности! Послѣ покоренія и полнаго опустошенія страны ассиріянами, Хизкія, сильно опасавшійся за Іерусалимъ, потерялъ всякую надежду. И онъ поспѣшилъ отправить въ Лахишъ пословъ, чтобы выразить Санхериву свое раскаяніе и вновь изъявить ему покорность. Ассирійскій царь сначала потребовалъ отъ него дань въ размѣрѣ трехъ сотъ кикаровъ серебромъ и тридцати кикаровъ золотомъ (всего около четырехъ милліоновъ рублей). Скрѣпя сердце, Хизкія собралъ эту сумму, причемъ долженъ былъ пожертвовать даже золотыми украшеніями храма. Но когда Санхеривъ получилъ эти деньги, онъ потребовалъ еще большаго,—безусловнаго подчиненія, на милость и немилость его, Санхерива. И чтобы поддержать это требованіе, онъ послалъ къ Іерусалиму войско, и во главѣ его трехъ сановниковъ своихъ: Тартана, побѣдителя Ашдода, старшаго своего евнуха и одного переводчика, по имени Равшаке. Ассирійское войско расположилось лагеремъ съ сѣверо-восточной стороны Іерусалима, неподалеку отъ верхняго пруда, и приготовилось къ осадѣ. Передъ началомъ ея, ассирійскіе сановники потребовали къ себѣ Хизкію для переговоровъ. Вмѣсто себя Хизкія отправилъ въ ассирійскій лагерь трехъ главныхъ совѣтниковъ своихъ: управителя дворца Эліакима, смѣнившаго на этомъ посту Шевну,—другого Шевну, царскаго мазкира, и канцлера Іоаха. Равшаке, говорившій отъ имени Санхерива, повелъ съ іудейскими сановниками рѣчь въ такомъ надменномъ тонѣ, словно завоеваніе Іерусалима было для ассирійскаго войска такимъ же легкимъ дѣломъ, какъ разореніе птичьяго гнѣзда. На наружной стѣнѣ въ то время стояли іудейскіе воины и многіе жители Іерусалима, съ нетерпѣніемъ ожидавшіе исхода переговоровъ. Чтобы запугать этихъ воиновъ, Равшаке умышленно говорилъ съ послами Хизкіи на іудейскомъ языкѣ. „Спросите Хизкію", сказалъ онъ: „на что онъ понадѣялся, когда возсталъ противъ великаго ассирійскаго царя. Для войны вѣдь недостаточно однихъ словъ, необходимы еще разумный совѣтъ и храбрость. И напрасно разсчитываете вы на помощь Египта, эту сломанную палку, которая, если вы вздумаете опереться на нее, ускользнетъ изъ руки вашей и ранитъ ее. Если Египетъ и пришлетъ вамъ коней, то среди вашихъ воиновъ не наберется и двухъ тысячъ, которые могли бы сражаться на нихъ. На

[1]) Миха 4-5.

Божью же помощь царь вашъ не можетъ надѣяться, потому что онъ измѣнилъ ему". Когда сановники Хизкіи стали просить Равшаке, чтобы онъ лучше говорилъ на арамейскомъ языкѣ и не пугалъ людей, стоявшихъ на стѣнѣ, то онъ возразилъ, что умышленно говоритъ на языкѣ, понятномъ іудейскимъ воинамъ, дабы они не давали себя ввести въ обманъ Хизкіей. И чтобы склонить этихъ воиновъ на свою сторону, Равшаке громко крикнулъ имъ, чтобы они не слушали царя и не вѣрили, что Іегова ихъ спасетъ. „Развѣ боги тѣхъ странъ, которыя ассиріяне покорили, спасли ихъ? Развѣ Богъ Израиля спасъ отъ ассирійскаго царя даже самую Самарію?" Равшаке продолжалъ такимъ образомъ возбуждать іудейскихъ воиновъ противъ Хизкіи и предлагалъ имъ изъявить покорность Санхериву, перейти въ его лагерь, и онъ поведетъ ихъ въ страну, которая также плодородна, какъ Іудея. Народъ и воины молчали при этихъ словахъ, но когда о нихъ узнали въ Іерусалимѣ, то страхъ и малодушіе распространились во всѣхъ классахъ населенія. Хизкія установилъ поэтому всенародный постъ и молебствіе въ храмѣ, и самъ въ траурныхъ одеждахъ отправился на это печальное торжество.

Іешая воспользовался этимъ случаемъ, чтобы произнести передъ всѣмъ народомъ новую рѣчь о тщетности жертвоприношеній, постовъ и молебствій со стороны людей, закоренѣлыхъ въ грѣхахъ и злодѣяніяхъ.

„Слушайте, небеса, и внимай, земля. Я взрастилъ и воспиталъ тебя, народъ Израиля, а ты измѣннически отпалъ отъ Меня. Во что еще бить васъ, продолжающихъ грѣшить? Вся голова ваша въ ранахъ, все сердце въ недугахъ, отъ головы до ногъ въ васъ нѣтъ цѣлаго мѣста: все раны, нарывы и гнойныя язвы, не очищенныя, не перевязанныя и неразмягченныя масломъ. Вся страна ваша пуста, ваши города сожжены, поля разорены непріятелемъ. Остался одинъ Сіонъ, какъ одинокій шалашъ въ виноградникѣ, какъ хижина въ огородѣ, какъ городъ Гомора. Еслибъ Я не оставилъ вамъ Іерусалима, то вы уподобились бы Содому. Слушайте же слово Господне, вы, начальники Содома, внимайте велѣнію Божьему, жители Гоморы. Къ чему Мнѣ всѣ жертвы ваши? Я пресыщенъ всесожженіемъ барановъ и не угодна Мнѣ кровь быковъ и ягнятъ и козловъ. Когда вы приходите въ обитель Мою, то кто требуетъ отъ васъ, чтобъ вы топтались во дворахъ ея? Не приносите Мнѣ больше лицемѣрныхъ даровъ, посты ваши и обѣты Мнѣ противны, новолунія и праздники ваши Я ненавижу: они въ тягость Мнѣ. Когда вы молитесь Мнѣ, Я васъ не слушаю, ибо руки ваши полны крови. Омойтесь, очиститесь, прекратите беззаконія свои, перестаньте дѣлать зло, учитесь добру, стремитесь къ правосудію, положите конецъ насиліямъ, вступайтесь за сиротъ, защищайте вдовъ. Воспряньте, и Я буду судить васъ милостиво; если грѣ-

хи ваши были цвѣта пурпура, то они въ глазахъ Моихъ будутъ бѣлы, какъ снѣгъ, а если они красны, какъ червецъ, то для Меня они станутъ бѣлыми, какъ пухъ; будьте покорны Мнѣ, и вы въ изобиліи будете вкушать плоды сей земли. Но если вы снова отречетесь отъ Меня и по прежнему будете коснѣть въ грѣхахъ, то мечъ безпощадно истребитъ васъ.—Какой блудницей стала эта столь вѣрная Мнѣ прежде столица! Нѣкогда исполненная правды, она нынѣ кишитъ убійцами. Серебро твое стало шлакомъ, вино—смѣшано съ водой; твои князья—злодѣи, товарищи ворамъ; всѣ они ищутъ, чтобы ихъ подкупали и гонятся за мздою; за сиротъ они не вступаются и жалобы вдовицъ не доходятъ до ихъ ушей... Но Я шлаки очищу сильнымъ растворомъ и удалю изъ нихъ грубыя примѣси; Я снова поставлю надъ тобою, Израиль, судей и ты вновь станешь градомъ справедливости, вѣрной твердыней Моей. Сіонъ можетъ вины свои искупить только правосудіемъ, и жители его—одной справедливостью. Злодѣи и грѣшники будутъ сокрушены и отпавшіе отъ Бога погибнутъ. Тогда вы устыдитесь теребинтовъ, которые вамъ такъ милы и будете краснѣть за ваши любимые сады. Вы сами уподобитесь теребинту, у котораго опали листья, саду, лишенному воды. Амбары ваши превратятся въ паклю и владѣльцы ихъ въ живой огонь. Оба вмѣстѣ будутъ горѣть и никто ихъ не станетъ тушить"[1]).

Эта рѣчь, произнесенная въ такой моментъ, должна была произвести ошеломляющее впечатлѣніе. Спасеніе, говорилъ пророкъ, можетъ явиться лишь результатомъ коренного религіознаго и нравственнаго переворота въ народѣ. Но такого рода перевороты не совершаются въ одинъ день. А врагъ между тѣмъ стоялъ уже у воротъ Іерусалима и Равшаке торопилъ отвѣтомъ. Воины и народъ, слышавшіе его задорныя рѣчи, были совершенно обезкуражены. Что, если они ради спасенія своей жизни вздумаютъ открыть непріятелю ворота и впустить его въ городъ? Всѣ взоры были обращены на Іешаю, отъ него одного ждали спасительнаго слова. Царь послалъ къ нему своихъ сановниковъ и старшихъ священнослужителей съ просьбой, чтобы онъ помолился за недостойныхъ жителей Іерусалима и сказалъ имъ утѣшительное слово. Послѣ горячей молитвы на Іешаю снизошелъ пророческій духъ, и то, что ему было свыше открыто, онъ въ краткихъ словахъ сообщилъ посланнымъ. „Царь,—гласило это откровеніе, можетъ не бояться дерзкаго побѣдителя. Санхеривъ, испуганный дурной вѣстью, которую онъ получитъ, сниметъ осаду и возвратится восвояси". Это предсказаніе пророка сразу успокоило и царя и трепетавшій народъ. Послѣ этого Хизкія передалъ Равшаке отвѣтъ, какого тотъ не

[1]) Іешая 1.

ожидалъ, а именно, что онъ, царь, не намѣренъ сдавать городъ, твердо увѣренный, что Господь защититъ его отъ самаго многочисленнаго войска.

Еще до того, какъ Равшаке успѣлъ вернуться къ Санхериву съ этимъ отвѣтомъ, уже произошла перемѣна. Тиргака, эѳіопскій царь Египта, съ цѣлю помѣшать вторженію въ его страну ассиріянъ, самъ вышелъ имъ на встрѣчу съ огромнымъ войскомъ. Получивъ это извѣстіе, Санхеривъ оставилъ свою главную квартиру въ Лахишѣ и, собравъ свои полчища, разсѣянныя по разнымъ мѣстамъ Іудеи, отправился на югъ, къ пограничному египетскому городу Пелузіуму, который и осадилъ. Когда Равшаке сообщилъ ему отвѣтъ Хизкіи, ассирійскій завоеватель пришелъ въ страшную ярость. Какъ царекъ такого ничтожнаго государства, у котораго оставалась лишь одна столица, осмѣлился ему, великому ассирійскому царю, оказать сопротивленіе! Онъ тотчасъ отправилъ къ Хизкіи гонца съ письмомъ, въ которомъ онъ его самого, его страну и самаго Бога его осыпалъ самыми грубыми оскорбленіями. Въ этомъ письмѣ Санхеривъ не забылъ перечислить всѣ могущественныя государства, имъ уже завоеванныя. „Развѣ боги, — прибавилъ при этомъ Санхеривъ, уберегли ихъ отъ моего меча? Ты же мнишь быть спасеннымъ твоимъ!"

Отвѣтъ на это дерзкое письмо Хизкіи продиктовалъ Іешая: „Презираетъ тебя"—писалъ онъ,—„смѣется надъ тобою юная дочь Сіона, качаетъ головой вслѣдъ тебѣ дочь Іерусалима! Кого ты хулилъ и надъ кѣмъ издѣвался, на кого ты кричалъ и надменно глаза свои поднялъ? На Святого Израиля! Черезъ слугъ своихъ ты поносилъ Іегову и мнилъ:" Со множествомъ боевыхъ колесницъ моихъ я взошелъ на горы высокія, на вершины Ливана; я вырубилъ высокіе кедры и стройные кипарисы; я прокопалъ потоки и въ рѣку собралъ всѣ воды земли. И пятами воиновъ своихъ я могу осушить всѣ каналы Египта". Но развѣ ты не слыхалъ,— говоритъ Іегова—что сдѣлалъ Я въ стародавнія времена? Въ тѣ далекіе дни Я укрѣпленные города превратилъ въ кучи развалинъ, а безсильныхъ жителей ихъ сокрушилъ и посрамилъ. Извѣстно Мнѣ, гдѣ ты находишься и куда идешь, знаю Я, что ты яростью дышишь противъ Меня. И когда гнѣвъ твой дойдетъ до ушей Моихъ, то я вложу тернъ въ твой носъ и узду на уста твои и поверну тебя вспять на путь, которымъ ты пришелъ"[1]).

Велико было негодованіе Хизкіи, когда онъ получилъ богохульное посланіе Санхерива. Но Іешая успокоилъ его, именемъ Бога увѣривъ его, что ни одна стрѣла ассирійская не попадетъ въ Іерусалимъ, а Санхеривъ возвратится въ свою страну, ибо Господь ради него, Хизкіи, рѣшилъ спа-

[1]) Іешая 37, 22-29.

сти столицу отъ врага. „Нужда въ странѣ, вызванная опустошительнымъ нашествіемъ ассиріянъ,—говорилъ далѣе пророкъ,—продолжится всего два года, а затѣмъ вернется къ ней ея прежнее благосостояніе".

Въ это время, когда Іерусалимъ едва успѣлъ вздохнуть отъ только что пережитыхъ потрясеній, случилось событіе, снова повергшее въ ужасъ іудейскую столицу. Хизкія заболѣлъ отъ какой-то злокачественной опухоли, и такъ тяжко, что самъ Іешая посовѣтовалъ ему сдѣлать извѣстныя распоряженія, такъ какъ онъ не оправится отъ своего недуга. Смерть царя въ такой печальный моментъ, царя къ тому же бездѣтнаго, послужила бы для князей Іуды сигналомъ къ новымъ раздорамъ и неминуемо вызвала бы гражданскую войну. Народъ же, всей душой любившій своего кроткаго и благороднаго царя, трепеталъ при мысли о томъ, что смерть можетъ его похитить. Больше всѣхъ, однако, сокрушались левиты и храмовые пѣвцы, для которыхъ Хизкія былъ истиннымъ благодѣтелемъ. Они ежедневно служили въ храмѣ молебны за его выздоровленіе.

„Прибавляйте дни ко днямъ царевымъ, пусть годы его длятся изъ рода въ родъ, пусть долго еще возсѣдаетъ онъ на перестолѣ передъ Богомъ. Даруй милость и любовь Твою во спасеніе его жизни. И буду я славить имя Твое, обѣты свершая, изо дня въ день!"[1]).

Самъ Хизкія горячо молилъ Господа о своемъ выздоровленіи. И Іешая дѣйствительно скоро возвѣстилъ ему, что его молитва услышана и Господь посылаетъ ему исцѣленіе, такъ что онъ уже на третій день послѣ того въ состояніи будетъ посѣтить храмъ. По выздоровленіи Хизкія излилъ свои чувства въ трогательномъ благодарственномъ псалмѣ, который распѣвали въ храмѣ:

„Я думалъ, что я на половинѣ дней моихъ сойду въ темную могилу и что не дожить мнѣ до преклонныхъ лѣтъ; я думалъ что не увижу больше Бога, не сподоблюсь спасенія отъ Господа среди живущихъ... Для нихъ, живущихъ, для каждаго и всякаго изъ нихъ—дыханіе моей жизни. И вотъ Ты въ счастье превратилъ мое несчастье. Ты душу мою избавилъ отъ гибели, Ты простилъ мнѣ всѣ грѣхи мои. Ибо могила не можетъ славить и смерть не въ силахъ величать Тебя; лишь живущій, какъ я, можетъ прославлять имя Твое. И буду я во славу Твою пѣть гимны во всѣ дни моей жизни въ храмѣ Твоемъ"[2]).

Вмѣстѣ съ самимъ царемъ его выздоровленію отъ всей души радовалось и населеніе Іерусалима. Но къ этой радости все же примѣшивалась нѣкоторая тревога, вызванная страшной враждой не умѣвшаго про-

[1]) Псаломъ 61, 7-9.
[2]) Іешая 38, 10 и дд.

щать Санхерива. Это полу-радостное, полу-тревожное настроеніе столицы одинъ поэтъ того времени выразилъ въ слѣдующемъ псалмѣ:

„Господь! Силою Твоею веселится царь и о спасеніи, Тобою ему ниспосланномъ, какъ возрадуется онъ! Желаніе сердца его Ты удовлетворилъ и не отказалъ ему въ просьбѣ его. Ты встрѣтишь его милостями своими и возложишь на главу его вѣнецъ златой. Онъ жизни молилъ у Тебя, и Ты даровалъ ему долгіе дни. Велика будетъ его слава отъ помощи Твоей; блескъ и великолѣпіе Ты тѣмъ возложилъ на него. Ты благословеніями своими не оставишь его отнынѣ и взвеселишь его радостью взоровъ Твоихъ. Ибо царь, уповая на Іегову, на милости Всевышняго, не поколеблется въ вѣрѣ своей! Твоя же рука найдетъ всѣхъ враговъ Твоихъ и десница Твоя—противниковъ Твоихъ“[1]).

Напряженное состояніе продолжалось до тѣхъ поръ, пока не кончилась борьба Санхерива съ Египтомъ. Еслибъ эта война окончилась побѣдой ассиріянъ, то Іудея и тронъ Давида были бы стерты съ лица земли. Невозможно установить съ точностью, сколько именно времени продолжалась осада Пелузіума. Но вдругъ въ Іерусалимъ пришла радостная вѣсть, что ассиріяне, съ самимъ Санхеривомъ во главѣ, поспѣшно возвращаются въ Ассирію (711). Что же случилось? Ничего достовѣрнаго объ этомъ не знали: въ Іерусалимѣ разсказывали, что опустошительная чума въ одну ночь истребила въ ассирійскомъ лагерѣ 185,000 человѣкъ; въ Египтѣ же говорили, что несмѣтныя массы полевыхъ мышей въ ту же ночь изгрызли колчаны, луки и ремни ассирійскихъ воиновъ до полной ихъ негодности, такъ что войско Санхерива, оставшись безъ оружія, принуждено было спастись бѣгствомъ.

Отчего бы ни произошла гибель ассирійскаго войска, израильтяне во всякомъ случаѣ смотрѣли на нее, какъ на великое чудо, какъ на строгую, но справедливую кару, посланную Богомъ на Санхерива за его безмѣрную заносчивость и богохульство. Великая радость іерусалимскаго населенія по случаю этого избавленія нашла себѣ выраженіе въ нѣсколькихъ гимнахъ, которые были составлены и пѣлись въ храмѣ левитами-корахидами. Приводимъ одинъ изъ нихъ, глубокій по содержанію и прекрасный по формѣ:

„Богъ намъ прибѣжище, сила и опора въ нуждѣ! И мы не страшимся поэтому, когда колеблется земля, когда горы сдвигаются въ глубь морей. Пусть бушуютъ и клокочутъ воды морскія, пусть горы трепещутъ отъ гнѣва его,—Іегова Саваоѳъ съ нами, всѣ упованія наши на Бога Якова! Рѣка и ея потоки взвеселятъ Божій градъ, священную обитель

[1]) Псаломъ 21.

Всевышняго. Господь посреди нея—и она не дрогнетъ. Шумѣли народы, волновались царства, но прогремѣлъ гласъ Его и растаяла земля. Іегова Саваоѳъ съ нами и уповаемъ мы на Бога Якова. Вотъ, воззрите на дѣла Господни, какія чудеса Онъ совершилъ въ этой странѣ! Онъ положилъ конецъ войнѣ до предѣловъ земли, преломилъ лукъ, уничтожилъ копье и сжегъ въ огнѣ боевыя колесницы. „Прекратите бой и узнайте, что Я—Господь превознесенный надъ народами, возвеличенный землею!" Іегова Саваоѳъ съ нами, упованіе наше на Бога Якова" [1]).

Другой поэтъ того времени, вѣроятно изъ ассафидовъ, воспѣлъ это необыкновенное событіе въ прекрасномъ псалмѣ, выражая между прочимъ надежду, что въ виду такихъ чудесъ всѣ народы земли признаютъ израильскаго Бога.

„Господь проявилъ Себя въ Іудеѣ. Во Израилѣ (Іерусалимѣ) славно имя Его! Въ Салемѣ (Шило) была его скинія, храмъ же его нынѣ—въ Сіонѣ. Тамъ сломитъ Онъ стрѣлы изъ лука, и щитъ, и мечъ, и самую войну. Достоинъ Ты благоговѣнія, болѣе могущественный, чѣмъ горы первозданныя! Жестокосердые лишены оружія и уснули непробуднымъ сномъ, а храбрые среди нихъ не нашли рукъ своихъ. Предъ грозой Твоей, Богъ Якова, впали въ глубокій сонъ и всадникъ, и конь. О, какъ страшенъ Ты! Кто въ силахъ устоять предъ взрывомъ гнѣва Твоего? Съ небесъ раздался Твой праведный гласъ, и преисполнилась страхомъ земля, и смирилась она, когда Ты возсталъ на помощь смиреннымъ земли... Приносите обѣты Господу Богу и исполняйте ихъ, всѣ, окружающіе Его, носите Ему благоговѣйно дары! Онъ смиряетъ гордыню сильныхъ, онъ страшенъ царямъ земнымъ" [2]).

Іерусалимъ такимъ образомъ избавился отъ нашествія ассиріянъ. И то, что Іешая съ такой рѣшительностью предсказалъ,—что Іудея стряхнетъ съ плечъ своихъ иго Ашура,—буквально исполнилось. Жители беззащитныхъ іудейскихъ городовъ и селъ, частью бѣжавшіе въ столицу, частью скрывавшіеся въ ея окрестностяхъ, прячась въ пещерахъ и ущельяхъ, вернулись къ своимъ стадамъ и полямъ. Послѣ ухода Санхерива Хизкія, повидимому, присоединилъ къ Іудеѣ южныя области бывшаго десятиколѣннаго царства. Страхъ предъ грознымъ ассирійскимъ завоевателемъ исчезъ и іудеи, которымъ было тѣсно дома, могли перейти съ своими семьями и стадами на новыя мѣста и свободно разселиться на нихъ. Необыкновенное спасеніе отъ столь страшной опасности пріободрило іудейскій народъ: онъ сталъ съ бо́льшимъ довѣріемъ относиться къ своимъ силамъ. Не нападая сами на своихъ слабыхъ сосѣдей, іудеи съ бо́льшимъ мужествомъ, чѣмъ

[1]) Псаломъ 46.
[2]) Псаломъ 76.

прежде, отстаивали свое. При Ахазѣ филистимляне, какъ мы видѣли (см. стр. 123), захватили у Іудеи цѣлый рядъ городовъ. Послѣ ухода Санхерива Хизкія мирнымъ путемъ потребовалъ у филистимлянъ возвращенія ему этихъ городовъ. Когда же они это требованіе отклонили, онъ пошелъ на нихъ войной и покорилъ всю филистимскую землю до самыхъ южныхъ предѣловъ ея, у города Газы. Хизкія не присоединилъ, однако, этой чужой земли къ своимъ владѣніямъ, и удовольствовался однимъ освобожденіемъ іудейскихъ городовъ. Многія сильно расплодившіяся симеонитскія семьи, которымъ стало тѣсно на отведенныхъ имъ нѣкогда іудеями участкахъ, воспользовались побѣдами Хизкіи и переселились въ юго-западную часть филистимской земли. Захвативъ область Гераръ и вытѣснивъ изъ нея пастушескія племена хамитскаго происхожденія, въ ней кочевавшія, симеониты присвоили себѣ ихъ пастбища. Самъ Хизкія, однако, былъ противъ такихъ захватовъ и вообще не любилъ воевать. Израильскіе поэты и лѣтописцы недаромъ называютъ его царемъ-миротворцемъ. Сосѣдніе народцы дѣйствительно нерѣдко прибѣгали къ нему, какъ къ третейскому судьѣ для разрѣшенія своихъ споровъ. Преслѣдуемые же своими сосѣдями племена находили у него защиту и покровительство. Такъ было, напримѣръ, съ моавитами, которые явились однажды съ дарами въ Іерусалимъ, умоляя славившагося своей справедливостью Хизкію защитить ихъ отъ враговъ.

„Посылайте же дары, вы, князья сей земли отъ скалъ пустыни до горы Сіона, (говорите:) „дай намъ разумный совѣтъ, будь судьей нашимъ, пріюти изгнанныхъ, не выдавай бѣглецовъ, дозволь остаться въ землѣ твоей изгнаннымъ сынамъ Моава, будь имъ защитой отъ ихъ притѣснителя.... На милости тамъ зиждется престолъ и возсѣдаетъ въ шатрѣ Давида судья, стремящійся къ правосудію и ищущій справедливости“[1]).

Завоевалъ ли Хизкія страну Моавъ, или же эта страна ему добровольно покорилась? Что-нибудь въ этомъ родѣ навѣрное должно было произойти, ибо изъ источниковъ видно, что при Хизкіи эта страна имѣла іудейскаго намѣстника. Должность эта была присвоена одной іудейской семьѣ, повидимому, потомкамъ Іоава, полководца царя Давида. Этотъ намѣстникъ въ моавитской землѣ носилъ названіе: *„Пахатъ-Моавъ“*.

Безъ всякихъ завоеваній, благодаря одной внутренней, а не внѣшней силѣ своей, Іудея послѣ пораженія Санхерива успѣла занять первое мѣсто среди мелкихъ государствъ, расположенныхъ между Евфратомъ и Египтомъ и къ тому времени отложившихся уже отъ Ассиріи. Сама Вавилонія добивалась союза съ нею. Лѣтъ за пятьдесятъ до того отложившись

[1]) Іешая **16**, 1-5.

отъ Ассиріи, эта страна затѣмъ, при Тиглатъ-Пилесерѣ, Салманассарѣ и Санхеривѣ вновь была ею покорена. Вавилонія, правда, и послѣ того имѣла своихъ царей, но они были либо вассалами ассирійскихъ царей, либо ихъ намѣстниками. Пятый царь Вавилоніи, по имени *Меродахъ-Баладанъ* (Мардокемпадъ), сынъ Баладана (721—710) долго и, повидимому, безуспѣшно воевалъ съ Санхеривомъ. Послѣ же пораженія послѣдняго у Пелузіума Меродахъ-Баладанъ отправилъ къ Хизкіи пословъ съ письмами и дарами яко бы для того, чтобы привѣтствовать его по случаю его выздоровленія, а въ дѣйствительности для заключенія съ нимъ союза противъ общаго врага. Хизкія былъ, разумѣется, весьма польщенъ честью, оказанной ему царемъ далекой страны, и принялъ вавилонскихъ пословъ съ подобающими почестями. Онъ показалъ имъ свои сокровища, золото, серебро, дорогое оружіе, запасы ароматныхъ травъ и въ особенности гилеадскаго бальзама, который составлялъ большую рѣдкость и цѣнился дороже золота. Эта радость Хизкіи и хвастовство не понравились Іешаѣ, и онъ тутъ-же предсказалъ царю, что та самая страна, которая теперь ищетъ союза съ Іудеей, впослѣдствіи будетъ воевать съ нею. Царь смиренно выслушалъ замѣчанія пророка и союза съ Вавилономъ, повидимому, не заключилъ.

Пятнадцать лѣтъ, въ теченіе которыхъ Хизкія царствовалъ еще послѣ пораженія Санхерива, были золотымъ вѣкомъ для „остатка Израиля“, какъ съ тѣхъ поръ стали называть колѣна, сохранившія самостоятельность послѣ паденія самарійскаго царства. Каждый іудей, по слову пророка, мирно сидѣлъ подъ своею смоковницей и въ своемъ виноградникѣ. Какъ при царяхъ Давидѣ и Соломонѣ, въ счастливую Іудею стекались тогда пришельцы изъ разныхъ странъ, которые встрѣчали въ ней радушный пріемъ и охотно присоединялись къ израильскому народу. Хизкія оказывалъ покровительство всякимъ обездоленнымъ, угнетеннымъ и страждущимъ, а „смиренные“ (Anawim), которые при отцѣ его Ахазѣ подвергались невозможнымъ униженіямъ, при немъ получили возможность свободно отдаться своимъ духовнымъ стремленіямъ. Самъ Хизкія могъ, наконецъ, осуществить свое завѣтное желаніе,—окружить себя одними вѣрными земли, „терпѣливыми“ и „кроткими“ (см. выше стр. 115). Онъ это тѣмъ легче могъ сдѣлать, что къ тому времени успѣлъ окончательно избавиться отъ оковъ, въ началѣ его царствованія наложенныхъ на него князьями Іуды, съ смотрителемъ дворца Шевной во главѣ. Онъ привлекъ къ своему двору „смиренныхъ“ и передалъ имъ всѣ должности, административныя и судейскія мѣста. Самыми довѣренными его лицами были ученики Іешаи, которыхъ пророкъ тщательно воспиталъ въ духѣ истинной вѣры. Ихъ въ Іерусалимѣ называли „людьми Хизкіи“. Погрязшіе въ грѣхахъ, преступные князья Іуды, правда, не исчезли изъ страны, но они потеряли свое по-

ложеніе при дворѣ и всякую власть. Поэты того времени въ торжественныхъ гимнахъ прославляли этотъ новый золотой вѣкъ, для нихъ наступившій, радовались возвышенію „смиренныхъ" и паденію высокомѣрныхъ.

„Радуется сердце мое о Господѣ, возвеличена сила моя въ Немъ! Уста мои открылись противъ враговъ моихъ, ибо обрадованъ я Твоему спасенію. Нѣтъ Бога, кромѣ Іеговы, нѣтъ такого оплота, какъ нашъ Господь! Отнынѣ не произносите словъ надменныхъ, высокомѣріе да минетъ устъ вашихъ, ибо Господь одинъ всевѣдущъ и Ему подчинены всѣ ваши дѣла. Сильные сражены стрѣлами, а слабые препоясаются силой, сытые идутъ на работу изъ хлѣба, голодные же не испытываютъ болѣе нужды... Іегова уничтожаетъ и воскресаетъ, свергаетъ въ бездну и возвышаетъ до облаковъ. Онъ даетъ бѣдность и богатство, смиряетъ и возвышаетъ, поднимаетъ бѣднаго изъ праха, изъ грязи извлекаетъ неимущаго, чтобы усадить его рядомъ съ богатымъ. Онъ оберегаетъ каждый шагъ благочестивыхъ и во тьму низвергаетъ беззаконныхъ. Ибо не своею силой побѣждаетъ человѣкъ. Господь сразитъ возстающихъ противъ Него, возгремитъ на нихъ съ небесъ, дастъ побѣду своему царю и умножитъ силу своего помазанника"[1]).

Въ однородномъ гимнѣ нѣкій ассафидскій пѣвецъ обращаясь къ властителямъ Іудеи, ставитъ имъ на видъ превратности ихъ судьбы:

„Благодаримъ Тебя, Господи, благодаримъ! Призывающіе имя Твое прославляютъ чудеса Твои... Я говорилъ ослѣпленнымъ: „не бѣснуйтесь!", и беззаконнымъ: „Не подымайте такъ гордо головы, не говорите съ вытянутой шеей!", ибо не вы съ востока или запада, не вы изъ пустыни или горъ, а Господь одинъ судья: одного онъ унижаетъ, а другого возвышаетъ. Въ рукѣ Господней одна чаша, полная пѣнистымъ виномъ, но лишь осадокъ со дна ея достанется преступнымъ земли. Я же буду славить во вѣки, пѣть Бога Якова"[2]).

Другой псалмопѣвецъ въ связи съ этимъ выраженіемъ признательности къ Богу говоритъ о справедливости Всевышняго, съ такой очевидностью проявившейся въ благоволеніи его къ „смиреннымъ":

„Отрадно благодарить Тебя, прославлять имя Твое, Всевышній! Возвѣщать по утрамъ милость и по вечерамъ — вѣрность Твою, на десятиструнной лирѣ, на лютнѣ и на арфѣ! Ибо ты возрадовалъ меня, о Господи, Твоими дѣяніями. Какъ велики дѣла Твои, о Боже, глубоки помышленія Твои! Человѣкъ тупой не видитъ ихъ, неразумный ихъ не постигаетъ. Когда преступные процвѣтаютъ, какъ трава, когда творящіе зло въ

[1]) Самуилъ I, 2.

[2]) Псаломъ 75, 3.

силѣ—то лишь для того, чтобы быть уничтоженными.... И вотъ, враги Твои, о Господи, разбиты, всѣ творящіе зло разсѣяны, сила моя умножена, и старость моя—какъ свѣжій елей. И глазъ мой смѣло глядитъ на враговъ, ухо мое слышитъ злодѣевъ, возставшихъ на меня. Праведникъ процвѣтетъ, подобно пальмѣ, вознесется, подобно кедру ливанскому; посаженные въ храмѣ Господнемъ, они процвѣтутъ въ обители Бога нашего. Но склонѣ лѣтъ своихъ они еще крѣпки и свѣжи, дабы въ силахъ быть возвѣщать, что праведенъ Господь, оплотъ мой и нѣтъ кривды во Творцѣ моемъ" [1]).

Къ царствованію Хизкіи относится, по всей вѣроятности, и тотъ великолѣпный псаломъ, шедевръ этого рода поэтическаго творчества, который воспѣваетъ сотвореніе міра и Самого Творца въ удивительно живыхъ краскахъ. Ликованіе по поводу побѣды добра надъ зломъ внушило пѣвцу его надежду, что грѣшники вообще навсегда исчезнутъ съ лица земли, которую Господь такъ удивительно сотворилъ и столь же удивительно поддерживаетъ.

„Какъ велики дѣла твои, о Господи, Ты всѣ ихъ совершилъ въ премудрости своей, полна земля твоихъ твореній!"

Пѣвецъ выражаетъ затѣмъ желаніе, чтобы этотъ столь великолѣпно созданный и поддерживаемый Творцомъ миръ на вѣки остался столь же достойнымъ Его зрѣлищемъ, вѣчнымъ свидѣтельствомъ Его благости, и не сталъ снова юдолью плача, полной людей беззаконныхъ и злыхъ:

„Да будетъ слава Господня навѣки, да радуется Господь дѣламъ Своимъ!"

Нравственно-чистые да восторжествуютъ надъ грѣшниками:

„И буду я пѣть Господа всю жизнь свою, буду величать Его до конца дней моихъ. И да угодна будетъ Ему пѣснь моя, какъ я радуюсь о Немъ. Нечестивые же да изчезнутъ съ земли, да не станетъ больше на ней творящихъ беззаконія! Прославляй, душа моя, Господа!" [2])

Вторая половина царствованія Хизкіи вообще была временемъ ликующаго, торжествующаго пѣснопѣнія. Лучшіе по мысли и формѣ псалмы относятся именно къ этому періоду. Поэты-левиты изливали свои чувства не только въ благодарственныхъ одахъ и священныхъ гимнахъ, которые, по всей вѣроятности, ими же самими и распѣвались въ храмѣ, но и въ полусвѣтскихъ диоирамбахъ въ честь Хизкіи, предмета всеобщей любви и уваженія. По случаю бракосочетанія царя съ одной прекрасной дѣвицей, плѣнившей его сердце, одинъ корахидъ сочинилъ слѣдующую „пѣснь любви":

[1]) Псаломъ 92.

[2]) Псаломъ 104.

„Блесни прекраснымъ словомъ, сердце мое! Я стихи хочу сказать царю: пусть же языкъ мой уподобится перу искуснаго писца. Прекраснѣйшій ты изъ сыновъ человѣческихъ, благодать разлита по устамъ твоимъ, и за то Господь благословилъ тебя навѣки! Препояшь бедро свое мечомъ, красой твоей и гордостью. И этой благодатью побѣждай, торжествуй словомъ истины, дѣлами милости и справедливости, и десница твоя научитъ тебя творить чудеса. Остры стрѣлы твои: народы падутъ предъ тобою, враги твои, пронзенные, покорятся тебѣ. Престолъ твой Господь навѣки воздвигнулъ, ибо скипетръ царства твоего—скипетръ правды; ибо любишь ты правосудіе и ненавидишь беззаконіе. И зато помазалъ тебя Господь Богъ твой елеемъ радости, и возлюбилъ тебя“.

Поэтъ далѣе упоминаетъ о царскомъ нарядѣ, объ игрѣ на струнныхъ инструментахъ, веселившей царскаго жениха въ его чертогахъ изъ слоновой кости, воспѣваетъ царскую невѣсту въ ея золотомъ, жемчугомъ унизанномъ вѣнцѣ и великолѣпномъ ея нарядѣ, и обращается къ ней съ слѣдующими словами:

„Взгляни, дочь моя, и выслушай слово мое! Забудь семью свою и свой отчій домъ, и возлюбитъ царь красоту твою, ибо онъ государь твой: поклонись же ему! Дочь Тира встрѣтитъ тебя дарами и богатѣйшіе изъ народа съ поклонами придутъ къ тебѣ“.

Пѣснь заканчивается хвалой въ честь царя:

„Славить хочу я имя твое изъ рода въ родъ, дабы народы прославляли тебя во вѣки вѣковъ“[1]).

Оба рода поэтическихъ произведеній, составляющіе продуктъ исключительно еврейскаго народнаго творчества и ни у какого другого народа не встрѣчающіеся,—поэтическія рѣчи, пророковъ и псалмы,—при Хизкіи достигли высшей точки своего развитія. Краснорѣчіемъ своимъ, глубиною мыслей и красотою своего поэтическаго стиля Іешая далеко превосходилъ всѣхъ своихъ предшественниковъ. Возвышенностью мыслей, искренностью чувствъ, ихъ проникающихъ, и художественной обработкой своей точно также ни одинъ изъ прочихъ псалмовъ не можетъ сравниться съ тѣми, которыя созданы были въ царствованіе Хизкіи.

Наибольшаго развитія въ это время достигла также и третья категорія поэтическихъ произведеній, которая правда, не служитъ выраженіемъ истиннаго національнаго духа еврейскаго народа, но въ его средѣ получила болѣе глубокое и полное развитіе, чѣмъ у другихъ народовъ. Литература такъ называемыхъ „притчей“ поэтами хизкіанскаго періода была не только собрана и приведена въ порядокъ, но и обогащена новыми

[1]) Псаломъ 45.

образцами. Различаютъ три рода притчъ: простое *сравненіе* (Maschal), *загадку* (Chiddah), и, наконецъ, *сентенцію* (Melizah). Эти три категоріи произведеній у израильскихъ поэтовъ только въ рѣдкихъ случаяхъ встрѣчаются въ чистомъ видѣ, гораздо чаще онѣ смѣшивались и переходили одна въ другую и содержаніемъ и формой.

Въ древнѣйшемъ своемъ видѣ притча была немногословна и состояла большей частью изъ двухъ частей, рельефно оттѣнявшихъ и запечатлѣвавшихъ въ умѣ слушателя основную мысль путемъ повторенія или противоположенія идей. Такихъ изреченій сохранилось и записано свыше пятисотъ. Составленныя въ разное время, они всѣ одного характера. Это не народныя пословицы или поговорки, и не такъ называемыя „крылатыя слова“,—это афоризмы, составленные людьми, которые видимо заботились о тщательной художественной отдѣлкѣ своихъ маленькихъ произведеній, о томъ, что бы свои болѣе или менѣе элементарныя мысли облечь въ прекрасную форму. Авторами ихъ были такъ называемые „мудрецы“ (Chachamim). Вмѣстѣ съ составителями притчъ и эти мудрецы, повидимому, принадлежали къ пророческимъ школамъ и, вмѣстѣ съ ними, преслѣдовали главнымъ образомъ нравственно-религіозныя и поучительныя цѣли. Притчи и изреченія поэтому часто имѣютъ форму обращенія, начинаются словами обращенными къ слушателю: „слушай сынъ мой!“ или: „слыхалъ-ли ты?“ Содержаніемъ этихъ поученій служитъ житейскій опытъ мудрецовъ; они поэтому превосходно иллюстрируютъ нравы и воззрѣнія эпохи.

„Иной выдаетъ себя богатымъ, ничего не имѣя, а другой притворяется бѣднымъ при большомъ богатствѣ“[1]).

„Драгоцѣнный камень—талисманъ въ рукахъ своего владѣльца: куда онъ ни повернется, вездѣ ему везетъ“[2]).

„Долго не сбывающаяся надежда, это порокъ сердца: одно исполненное желаніе даетъ жизнь“[3]).

„Кто удерживаетъ во время голода хлѣбъ, того люди проклинаютъ, и благословенія сыпятся на того, кто его продаетъ“[4]).

Хорошія или дурныя дѣла царей служили авторамъ, матеріаломъ для иного рода поученій, которыя, въ зависимости отъ поступковъ царя, составлялись то въ хвалебномъ, то въ обличительномъ тонѣ. Цѣлый рядъ притчъ, въ которыхъ царской власти придается весьма высокое значеніе, составлены были, по всей вѣроятности, въ царствованіе мудраго и справедливаго царя Соломона:

---

[1]) Притчи **13**, 7.
[2]) Т. же **17**, 8.
[3]) Т. же **13**, 12.
[4]) Т. же **11**, 26.

„Волшебное слово въ устахъ царя, и непогрѣшимъ онъ въ рѣшеніяхъ своихъ. Вѣрны царскіе вѣсы; беззаконіе—ужасъ царя, ибо на правдѣ зиждется его престолъ. Благоволитъ царь къ правдивой рѣчи и любитъ онъ того, кто говоритъ истину. Гнѣвъ царскій есть вѣстникъ смерти, но мудрецъ можетъ смягчить его. Въ привѣтливомъ взглядѣ царя лежитъ жизнь, и милость его подобна долгожданному дождю [1]).

Покорность и вѣрность охраняютъ царя и на милости онъ утверждаетъ свой престолъ. Мудрый царь изгоняетъ нечестивыхъ и воздаетъ имъ за ихъ беззаконія[2]).

За Соломономъ слѣдовали другіе цари, большею частью дурные, жестокіе. Авторы притчъ и имъ, разумѣется, удѣляли вниманіе.

„Гнѣвъ царя, что рычаніе молодого льва: кто его раздражаетъ, рискуетъ своей жизнью“[3]).

„Рычащему льву и голодному медвѣдю подобенъ беззаконный правитель, властвующій надъ бѣднымъ народомъ“[4]).

Цѣлый рядъ изреченій трактуетъ о женщинахъ. У израильтянъ женщина не была въ такомъ порабощеніи, какъ у другихъ древнихъ народовъ: она была, наоборотъ, равноправна съ своимъ супругомъ, считалась его помощницей и домоправительницей, а не рабыней. Умная жена даже руководила своимъ мужемъ и облегчала ему житейскія невзгоды; глупая же губила мужа и домъ свой, если она была жестокаго нрава или предавалась необузданнымъ страстямъ. Изъ притчей между прочимъ видно, что у каждаго израильтянина было только по одной женѣ.

„Добрая жена—вѣнецъ на главѣ своего мужа, а злая и порочная —язва на его тѣлѣ“.

„Мудрая жена устроитъ свой домъ, а глупая разрушитъ его своими руками“.

„Благонравная жена—честь для дома; имущество наслѣдуется отъ родителей, разумная жена дается Богомъ“.

„Кто нашелъ хорошую жену, нашелъ кладъ и удостоился милости отъ Господа“.

„Красивая, но глупая жена подобна свиньѣ съ золотымъ кольцомъ въ носу“.

„Лучше жить одному на краю кровли, чѣмъ съ сварливой женой въ большомъ домѣ“.

„Лучше жить одному въ пустынѣ, чѣмъ вдвоемъ съ буйной женой“.

[1]) Притчи 16 10-15.
[2]) Т. же 20, 28.
[3]) Т. же 20, 2; 19, 12.
[4]) т. же 28, 5.

„Водосточной трубѣ въ дождливый день подобна шумливая жена; укрощать ее значитъ укрощать буйный вѣтеръ, или махать палкою въ воздухѣ".

Большая часть изреченій—религіозно-нравственнаго содержанія, причемъ авторы выражаютъ свои высокія мысли въ лаконической и простой формѣ, доступной для самыхъ лѣниво-мыслящихъ. Пророческимъ духомъ вѣетъ отъ этихъ сентенцій, но то, что сами пророки подъ вліяніемъ современныхъ событій высказывали въ большихъ рѣчахъ, составители изреченій резюмировали въ краткихъ афоризмахъ. Въ цѣломъ рядѣ глубокихъ и возвышенныхъ мыслей авторы притчей опредѣляютъ сущность божества и основы божественной морали:

„На всякомъ мѣстѣ—очи Господни, зорко слѣдящія за добрыми и злыми".

„Глубина могильная и бездна ада доступны Господу, а тѣмъ болѣе сердце человѣческое".

„Человѣкъ самъ избираетъ свой жизненный путь, но одинъ лишь Господь направляетъ его".

„Любовью и милосердіемъ можетъ быть искупленъ грѣхъ, и страхомъ Господнимъ можно избѣжать зла".

„Соблюденіе правды и справедливости угоднѣе Богу, чѣмъ жертвоприношенія".

„Жертвы нечестивыхъ противны Господу, лишь къ молитвѣ праведныхъ Онъ благоволитъ".

„Невѣрные вѣсы—мерзость передъ Господомъ, полный вѣсъ угоденъ ему".

„Разные вѣсы и разныя мѣры возмущаютъ Господа".

„Кто можетъ сказать: „я очистилъ свое сердце, я свободенъ отъ грѣха?"

Наиболѣе многочисленны изреченія этическаго характера,—золотыя слова, до которыхъ не додумался ни одинъ изъ древнихъ народовъ. Основная мысль всѣхъ изреченій этой категоріи слѣдующая:

„Живущій по правдѣ—живетъ въ безопасности".

Изъ этой мысли сами собой вытекаютъ правила, регулирующія жизнь человѣка и рекомендующія ему прежде всего самоограниченіе, укрощеніе своихъ эгоистическихъ побужденій и низменныхъ страстей.

„Многотерпѣливый лучше героя и владѣющій своими страстями лучше завоевателя".

„Терпѣніе украшаетъ человѣка и слава его въ томъ, чтобы грѣха избѣгать".

„Разрушенному городу съ снесенными стѣнами подобенъ человѣкъ, не умѣющій укращать своихъ страстей".

„Лучше кусокъ сухого хлѣба, но вкушаемый въ мирѣ и согласіи, чѣмъ собственный домъ, наполненный жертвами раздоровъ“[1]).

Дѣятельная жизнь, трудъ и прилежаніе особенно усердно рекомендуются притчами, а лѣность жестоко бичуется.

„Обрабатывающій свое поле всегда будетъ сытъ, и безуменъ тотъ, кто часто празднуетъ“.

„Быстро нажитое богатство скоро таетъ, трудомъ пріобрѣтенное состояніе умножается“.

„Небрежный въ своемъ дѣлѣ—товарищъ расточителю“.

„Лѣнивый, держащій руки свои въ карманахъ, не донесетъ ихъ до рта своего“.

„Лѣнивый, который зимою не хочетъ пахать, лѣтомъ будетъ просить милостыню“[2]).

„Проходилъ я мимо поля одного лѣниваго человѣка, черезъ виноградникъ неразумнаго. И увидѣлъ я, что все оно заросло плевелами и терніями, а каменная ограда его разрушена. И посмотрѣвъ на все это, я сказалъ себѣ: „немного лишняго сна, празднаго мечтанія и сидѣнія сложа руки, и нагрянетъ на тебя нищета, какъ царскій палачъ, и нищета—какъ завоеватель“.

Другой рядъ связанныхъ между собою афоризмовъ, составленныхъ, повидимому, въ царствованіе Хизкіи, иллюстрируетъ современныя событія. Этотъ благородный, но слабый характеромъ царь искалъ предлога къ удаленію отъ своего двора нечестивыхъ совѣтниковъ своихъ и старался окружить себя одними праведными и добрыми. Но мудрѣйшій царь въ дѣйствительности не въ силахъ одинъ исполнить такое трудное дѣло, ибо одинъ глазъ его не видитъ достаточно далеко и не всегда въ состояніи отличать искренность отъ лицемѣрія и правду отъ лжи. Хизкія нуждался поэтому въ надежныхъ совѣтникахъ, которые могли бы ему придти на помощь въ этомъ выборѣ. Если эти ближайшіе совѣтники царя были также благородны и справедливы, какъ онъ самъ и вообще достойны его довѣрія, то они не могли не чувствовать нѣкотораго смущенія, рекомендуя царю въ помощники то или другое лицо, недостаточно его зная. Съ другой стороны могли-ли эти довѣренные царя въ выборѣ своемъ руководиться исключительно своею совѣстью, могли-ли они недостойныхъ слугъ, окружавшихъ царя, прямо называть ихъ настоящими именами и нравственно казнить ихъ? Молчаніе и рѣчь, воздержаніе и усердіе были въ такихъ случаяхъ одинаково опасны. Этимъ боровшимся съ своей совѣстью царскимъ

[1]) Т. же **16**, 32; **19**, 11; **25**, 28; **16**, 8 (**15**, 16); **17**, 1 (**15**, 17).

[2]) Т. же **12**, 11 (**28**, 19); **13**, 11 (**20**, 21); **18**, 9; **19**, 24 (**26**, 15); **20**, 4; **24**, 30-34.

совѣтникамъ пришелъ на помощь нѣкій мудрецъ, повидимому, изъ ихъ же среды. Въ формѣ невинныхъ поученій онъ старался указать имъ границу между чрезъ-чуръ большимъ и слишкомъ недостаточнымъ усердіемъ. Царю, по мнѣнію этого мудреца, во всякомъ случаѣ необходимо было дать возможность устранить изъ своей среды нечестивыхъ, но при этомъ никого не слѣдуетъ обвинять по наслышкѣ и въ особенности не переусердствовать.

„Воля Божья скрывать отъ смертныхъ свои помышленія, слава же царя въ томъ, чтобы изслѣдовать дѣло. Подобно небу въ высяхъ и глубинамъ подземнымъ, сердце царя неисповѣдимо. Если удалить примѣси изъ серебра, то останется чистый металлъ и если устранить злодѣевъ изъ среды окружающихъ царя, то престолъ его будетъ утвержденъ на справедливости. Но не кичись предъ царемъ и не раболѣпствуй передъ сильными, ибо лучше пусть скажутъ тебѣ: „Подымись!" чѣмъ чтобъ тебя стали унижать предъ знатными. Говори лишь то, что ты видѣлъ своими глазами, не торопись никого обвинять. Ибо, что станешь ты дѣлать, если обвиненный тобою тебя осрамитъ? Выступай противъ ближняго своего лишь съ собственной жалобой, чужой же тайны не открывай, иначе слушатель твой можетъ тебя уличить и ты не отдѣлаешься отъ своей клеветы. Золотому яблоку въ серебряномъ сосудѣ подобно слово, умѣстно сказанное. Подобно золотому кольцу и драгоцѣнному камню разумное обличеніе для внимательнаго уха. Пріятенъ, какъ прохладный день во время жатвы, вѣрный посолъ для пославшаго его, отраду подающій своему господину; тучамъ и вѣтру безъ дождя подобенъ человѣкъ похваляющійся не полученными дарами. Терпѣніемъ ты убѣдишь властелина и мягкою рѣчью языкъ твой сломаетъ кость. Если ты нашелъ медъ, то ѣшь его съ умѣренностью, дабы ты не объѣлся имъ и не изблевалъ его. Не слишкомъ часто посѣщай домъ ближняго своего, дабы онъ не пресытился тобою и не возненавидѣлъ тебя. Подобенъ молоту, мечу и острой стрѣлѣ человѣкъ, ложно свидѣтельствующій противъ ближняго своего. Какъ на гнилой зубъ и хромающую ногу, ты можешь расчитывать на друга въ день нужды. Уксусу, поливаемому на рану, подобны пѣсни, которыя поютъ человѣку въ несчастіи. Если врагъ твой голодаетъ, то дай ему хлѣба, если онъ пить хочетъ, дай ему воды, и Господь воздастъ тебѣ за это сторицею"[1]).

Разъ этотъ родъ поэтическихъ произведеній былъ уже выработанъ, его затѣмъ уже не трудно было развивать и совершенствовать. Для глубокомысленныхъ, проникнутыхъ пророческимъ духомъ и обладавшихъ поэтическимъ даромъ наблюдателей надъ жизнью отдѣльныхъ людей и цѣлыхъ народовъ, каждое событіе и явленіе могло служить матері-

[1]) Притчи 25, 2-22.

аломъ и поводомъ къ составленію новаго афоризма. И пока въ кругу „избранныхъ“ царилъ пророческій духъ, дѣйствительно культивировались и притчи, которыхъ не мало было составлено даже послѣ потери израильскимъ народомъ своей политической независимости. Не только поэты, но и пророки пользовались иногда афористической рѣчью и загадками. Басни же и собственно притчи (параболы) не получили у израильтянъ развитія, хотя начало этому роду творчества было положено и легко могло бы быть продолжаемо. Поэзія израильская никогда не служила сама себѣ цѣлью; она должна была удовлетворять главнымъ образомъ не эстетическому чувству слушателя, а высшимъ религіозно-нравственнымъ цѣлямъ, она носила преимущественно, если не исключительно, воспитательный характеръ: басни и притчи были поэтому совершенно излишни. И въ самомъ дѣлѣ, къ чему поэтамъ было говорить съ народомъ и съ сильными во Израилѣ разными аллегоріями и символами о томъ, что у нихъ было на душѣ, когда пророки въ своихъ многочисленныхъ рѣчахъ высказывали всѣ свои мысли совершенно яснымъ, не вызывавшимъ никакихъ кривотолковъ языкомъ? Пророки были неутомимыми стражами религіи и морали, твердо стоявшими на своемъ посту, свыше призванными обличать и карать всякое зло, безъ туманныхъ иносказаній и ненужныхъ фикцій. Даже въ самые опасные для нихъ моменты, когда вершители судебъ израильскихъ душили всякое свободное слово, эти Божьи люди не боялись открыто говорить правду самимъ царямъ и съ опасностью жизни разоблачали поступки сильнѣйшихъ и богатѣйшихъ. На родинѣ великихъ пророковъ басня такимъ образомъ процвѣсти не могла. Если поэты находили иногда нужнымъ и полезнымъ говорить иносказаніями, то они прибѣгали къ другой формѣ. Не животными и растеніями пользовались они, чтобы выразить ту или другую свою мысль, а древней исторіей своего народа. И тѣ истины, которыя пѣвцу желательно было внушить и привить слушателямъ или читателямъ своимъ, онъ влагалъ въ уста пользовавшихся всеобщимъ благоговѣніемъ предковъ или мудрецовъ временъ минувшихъ. До Хизкіи, однако, этотъ родъ литературныхъ произведеній, т. е. поэтическое воспроизведеніе старины въ назиданіе современному молодому поколѣнію, былъ еще мало разработанъ. Въ тѣ времена истина не нуждалась еще въ томъ, чтобъ ее наряжали въ чужія одежды: она могла являться народу во всей своей неприкрашенной наготѣ. Поэзія выражалась тогда такимъ образомъ лишь въ слѣдующихъ трехъ формахъ: пророческихъ рѣчахъ, псалмахъ и изреченіяхъ. Наивысшаго расцвѣта эти поэтическія формы достигли, какъ мы уже сказали, въ эпоху Хизкіи или Іешаи.

Хизкія до конца дней своихъ царствовалъ мирно и безмятежно. Санхеривъ понесъ столь жестокое пораженіе, что не могъ предпринять

новаго похода противъ Іудеи. Ему, очевидно, пришлось выдержать сильную борьбу съ Вавилоніей, когда онъ вздумалъ вновь ее покорить. Въ Іудеѣ тѣмъ не менѣе всѣ взоры были постоянно обращены на Ассирію, отъ которой все еще ждали внезапнаго нападенія. Велика была поэтому радость въ Іерусалимѣ, когда туда дошла вѣсть, что заносчивый ассирійской царь убитъ собственными своими двумя сыновьями, Адрамелехомъ и Нергалъ-Шарецеромъ въ одномъ изъ ниневійскихъ храмовъ. Хизкія, по всей вѣроятности, дожилъ еще до этой смерти ассирійскаго завоевателя, предъ которымъ онъ столько времени трепеталъ и долженъ былъ смириться. Междуусобная война, вспыхнувшая въ Ниневіи по смерти Санхерива, внушила израильтянамъ надежду на то, что Ассирія больше не будетъ предпринимать набѣговъ на Іудею. О смерти Хизкіи (696) источники ничего не сообщаютъ. Онъ былъ послѣднимъ царемъ, останки котораго были преданы погребенію въ царской усыпальницѣ. Народъ, который любилъ его всей душой, устроилъ ему блестящія похороны. Хизкія оставилъ, повидимому, только одного сына, Манаше, котораго его супруга *Хефциба* родила нѣсколько лѣтъ спустя послѣ ассирійской войны.

ГЛАВА IX.

Предпослѣдніе іудейскіе цари.

Царствованіе Манаше. Фанатическая ненависть къ памяти Хизкіи и его религіознымъ реформамъ. Введеніе вновь идолопоклонства. Какъ къ этому отнеслись аровиды. Умерщвленіе пророковъ. Псаломъ, относящійся къ этому времени. Походъ Асархадона противъ Египта. Хутейцы. Манаше въ плѣну. Возвращеніе его и смерть. Цари Амонъ и Іошія. Пророкъ Цефанія. Ассиріяне и мидіяне. Нашествіе Скиѳовъ. Поворотъ во взглядахъ Іошіи. Исправленіе храма. Пророкъ Іеремія. Его оригинальныя рѣчи. Обращеніе семьи Шафанъ. Книга законовъ, найденная въ храмѣ.

(695—621).

Іудейскому народу, повидимому, на роду написано было недолго пользоваться благами внутренняго мира; судьба какъ будто хотѣла его испытать безпрерывной смѣной непродолжительныхъ счастливыхъ моментовъ продолжительными несчастіями. За немногими благодатными годами второй половины царствованія Хизкіи со смертью его снова наступили смуты и раздоры, за пышнымъ расцвѣтомъ духовной жизни народа послѣдовалъ глубокій ея упадокъ. Политическихъ осложеній при преемникѣ Хизкіи въ Іудеѣ никакихъ не произошло: внѣшняя опасность, угрожавшая ей въ началѣ этого царствованія, вскорѣ прошла. За то внутри страны въ это время происходили прискорбныя событія, вызвавшія новый расколъ и тѣмъ надолго, если не навсегда, подточившія ея государственный организмъ.

Къ несчастью для Іудеи, сынъ Хизкіи, Манаше, занималъ іерусалимскій престолъ свыше пятидесяти лѣтъ (695—641). Другимъ не менѣе злосчастнымъ для Іудеи обстоятельствомъ было то, что Манаше вступилъ на престолъ двѣнадцатилѣтнимъ отрокомъ. А въ такомъ возрастѣ царемъ можно, разумѣется, быть только по имени; управленіе государствомъ въ такихъ случаяхъ фактически находится въ рукахъ сановниковъ, честолюбію и произволу которыхъ нѣтъ ни предѣла, ни удержу, если любовь къ родинѣ и чувство справедливости не настолько сильны въ нихъ, чтобы они могли ихъ заставить подавить въ себѣ свои эгоистическія побужденія. На такой нравственной высотѣ, однако, князья Іуды, окружавшіе престолъ Манаше, не стояли. Оскорбленные и возмущенные тѣмъ, что Хизкія ихъ совершенно устранилъ отъ дѣлъ и лишилъ богатыхъ доходовъ, они, какъ только онъ скончался, поспѣшили удалить изъ дворца его благочестивыхъ совѣтниковъ и жестоко расправиться съ ними за свое униженіе. Передъ кончиной своей Хизкія, по всей вѣроятности, назначилъ начальникомъ дворца одного изъ своихъ приверженцевъ, вмѣстѣ съ тѣмъ возложивъ на него регентство впредь до совершеннолѣтія его наслѣдника. Но былъ-ли этотъ регентъ затѣмъ устраненъ князьями, или же онъ въ своихъ личныхъ выгодахъ самъ сталъ ихъ союзникомъ,—фактъ тотъ, что бразды правленія перешли въ руки противниковъ Хизкіи. Новые же правители тотчасъ стали уничтожать все, что этотъ царь успѣлъ сдѣлать. Съ ожесточеніемъ, доходившимъ до фанатизма они стали преслѣдовать національную вѣру и вводить идолопоклонство, отчасти изъ привычки и склонности къ послѣднему, изъ неуваженія ко всему своему и предпочтенія всего чужого, а главнымъ образомъ изъ чувства мести и ненависти къ тѣмъ, которые при Хизкіи оттѣснили ихъ на задній планъ.

Во главѣ этихъ вельможъ стояли принцы, младшіе братья Хизкіи, съ отвращеніемъ и злостью смотрѣвшіе на новые порядки, имъ введенные и оскорблявшіе въ ихъ глазахъ память ихъ отца Ахаза. Къ этимъ то князьямъ попалъ въ руки юный Манаше, и изъ ихъ же среды, по всей вѣроятности, былъ выбранъ и новый дворцовый управитель или регентъ. Вслѣдъ за вступленіемъ Манаше на престолъ принцы и князья принялись вводить свои порядки. Прежде всего было объявлено, что жертвоприношенія на высотахъ, строго запрещенныя Хизкіей, вновь разрѣшаются. Этой мѣрой князья сразу расположили къ себѣ массу іудейскую, въ особенности провинціальную, которая смотрѣла на запретъ Хизкіи, какъ на ограниченіе ея свободы, и потому уже не могла съ нимъ мириться, что ей пришлось разстаться съ своими любимыми, временемъ освященными высотами и для жертвоприношенія каждый разъ отправляться въ весьма далекую иногда столицу. Новые правители Іудеи этимъ, однако, не удовольство-

вались и усердно стали вводить идолопоклонство въ отвратительнѣйшихъ его формахъ и въ самомъ Іерусалимѣ, и даже въ Соломоновомъ храмѣ. Возстановленъ былъ въ своихъ правахъ старый ханаанейскій культъ, нѣкогда введенный въ десятиколѣнномъ царствѣ Ахавомъ и Изевелью, а въ Іерусалимѣ—царицей Аталіей; мало того, какъ-бы въ насмѣшку надъ Богомъ Израиля, старинный національный храмъ былъ оскверненъ введеніемъ въ него омерзительнаго ассирійско-вавилонскаго культа. Въ обоихъ дворахъ храма были вновь установлены жертвенники въ честь Ваала и Астарты, а на кровляхъ его были воздвигнуты небольшіе алтари для поклоненія, по примѣру ассиріянъ, небеснымъ свѣтиламъ. Какъ при Ахазѣ, передъ входомъ въ храмъ была вновь установлена колесница въ честь бога солнца, при которой содержали извѣстное число коней для праздничныхъ процессій. Въ одномъ изъ дворовъ, окружавшихъ храмъ, поставили сверхъ того большой истуканъ, посвященный ассирійской богинѣ любви Мелиттѣ (которую также называли Ашерой), съ явнымъ намѣреніемъ оскорбить израильскаго Бога. Хуже еще, чѣмъ эти внѣшніе знаки идолопоклонства, были нравственныя послѣдствія отъ введенія этого смѣшаннаго культа. Для Астарты или Мелитты содержали особый штатъ распутныхъ жрецовъ и жрицъ (Kedeschot), которые въ особыхъ помѣщеніяхъ, отведенныхъ имъ для этого при самомъ храмѣ, открыто предавались въ честь своей богини оргіямъ свободной любви. Въ прекрасной долинѣ Бенъ-Гинномъ, за городомъ, снова былъ построенъ алтарь-костеръ (Topheth), на которомъ израильскихъ младенцевъ приносили въ жертву Молоху. Всѣ эти ужасныя мерзости, далеко превосходившія все, что происходило въ десятиколѣнномъ царствѣ при Омридахъ, въ царствованіе Манаше пользовались неизмѣннымъ покровительствомъ іерусалимскаго двора. Повидимому и самъ царь въ этихъ новшествахъ ничего дурного не находилъ, ибо, доживъ до глубокой старости, онъ никогда и не пытался ихъ вывести. Вмѣстѣ съ своимъ дворомъ онъ, наоборотъ, и самъ прилагалъ всѣ старанія къ тому, чтобы окончательно предать забвенію израильскаго Бога. Знатные идолопоклонники увѣряли самихъ себя и другихъ, что этотъ Богъ совершенно безсиленъ, что онъ не въ состояніи дать людямъ ни счастья, ни несчастья. Значительную роль въ этомъ грубомъ заблужденіи играла страсть къ подражанію другимъ. Іудейскіе правители хотѣли, чтобы израильскій народъ былъ такимъ-же, какъ другіе, они хотѣли снести до основанія ту стѣну, которая его отъ нихъ отдѣляла, покончить со всѣмъ его прошлымъ. Мало-по-малу, по привычкѣ-ли, или путемъ принужденія, которое безъ сомнѣнія примѣнялось къ сопротивлявшимся, стѣна эта дѣйствительно стала исчезать; отъ царя и его двора грубѣйшее суевѣріе стало быстро распространяться по всей іудейской землѣ. Священнослужители изъ аронидовъ въ

первое время сопротивлялись новымъ порядкамъ. Правители Іудеи, однако, сумѣли ихъ смирить. По примѣру Изевели и Аталіи они пригласили въ Іерусалимъ языческихъ жрецовъ (Khemarim), поручивъ имъ служить не только при языческихъ капищахъ и идолахъ, но и въ самомъ израильскомъ храмѣ. Когда дворъ устранилъ такимъ образомъ аронидовъ отъ богослуженія, вмѣстѣ съ тѣмъ лишивъ ихъ всякихъ средствъ къ существованію, многіе изъ нихъ, въ особенности потомки Авіатара, и безъ того занимавшіе при храмѣ весьма невысокое положеніе, помирились съ новыми порядками и стали занимать мѣста жрецовъ при идолахъ. Не было недостатка также и въ ложныхъ пророкахъ, которые оправдывали всѣ эти нововведенія. Нѣтъ такого дурного дѣла, покровительствуемаго сильными міра сего, которое не нашло бы достаточнаго числа краснорѣчивыхъ защитниковъ, готовыхъ не только найти для него оправданія, но и представить его, какъ единственно истинное и спасительное дѣло. Таково было положеніе, которое съ теченіемъ времени легко могло привести къ полному забвенію всего прошлаго Израиля, религіозно-нравственному вырожденію и гибели того народа, который среди кромѣшной тьмы, со всѣхъ сторонъ его окружавшей, одинъ являлся носителемъ свѣта и истины, одинъ служилъ залогомъ возрожденія въ будущемъ человѣческаго рода. Какое значеніе могъ израильскій народъ имѣть, какое будущее ему предстояло безъ этой великой миссіи? Его постигла-бы жалкая участь тѣхъ языческихъ народцевъ самыя имена которыхъ давнымъ давно исчезли-бы изъ памяти людей, еслибъ ихъ случайно не сохранили священныя книги израильтянъ.

Къ счастью, въ Іерусалимѣ по крайней мѣрѣ, существовала уже тогда довольно сильная партія, которая высоко держала знамя національной вѣры и рѣшилась отстоять ее хотя бы цѣною мученичества. Ученики Іешаи, которыхъ пророкъ воспиталъ, какъ своихъ дѣтей въ духѣ истинной вѣры; поэты и псалмопѣвцы, восторженно привѣтствовавшіе при Хизкіи духовное возрожденіе народа; „кроткіе“ и „смиренные“, которыхъ тотъ же царь возвысилъ и приблизилъ къ себѣ, и пророки, наконецъ, одушевленные пламенной вѣрой въ Іегову и его ученіе,—всѣ эти люди объединились въ одну партію, сильную не столько числомъ своихъ членовъ, сколько своимъ энтузіазмомъ и самоотверженіемъ во имя вѣры. Ее можно назвать партіей пророковъ или анавитовъ; сама она называла себя общиной „Идущихъ прямымъ путемъ“ (Sod Iescharim w'Edah[1]).

Въ этой общинѣ живо и сильно было убѣжденіе, что идолопоклонство всѣхъ народовъ, даже мудрѣйшихъ, пусто и ничтожно, что оно—результатъ невѣжества и ослѣпленія людей, и что Господь не за сильныхъ

[1]) Цари II, 21, 16.

и угнетателей, а за слабыхъ и угнетенныхъ. Грубая реакція въ сторону язычества, наступившая съ воцареніемъ Манаше, первымъ результатомъ своимъ имѣла ужасныя преслѣдованія всѣхъ ревнителей истинной вѣры. Прежде всего тѣ изъ нихъ, которые при Хизкіи занимали государственныя и судейскія должности были смѣщены: арониды изъ первосвященнической семьи Цадока, не пожелавшіе участвовать въ служеніи идоламъ, были выгнаны изъ храма и лишены средствъ къ существованію; левиты же, которые были подчинены аронидамъ и завѣдывали при храмѣ жертвоприношеніями, вмѣстѣ съ храмовыми рабами (Nethinim, гивеониты) принуждены были служить при новыхъ языческихъ алтаряхъ и идолахъ, поставленныхъ во дворахъ храма. Ослушники же, дерзавшіе протестовать противъ этихъ насилій, подвергались самымъ жестокимъ преслѣдованіямъ. Но могли-ли они, въ самомъ дѣлѣ, молчать въ виду всѣхъ этихъ кощунствъ, могли-ли они, когда у нихъ на глазахъ оскверняли святыню народную непристойными изображеніями и всякими распутствами, не ощущать въ сердцѣ своемъ жестокой боли и молча, безъ стоновъ, эту боль сносить. Въ дѣйствительности они не молчали. Пророки, а за ними и другіе члены общины громко и въ выраженіяхъ весьма недвусмысленныхъ стали обличать преступленія царя и его совѣтниковъ и грозить гнѣвомъ Божіимъ. Князья Іуды и самъ царь не отступали, однако, ни предъ какими насиліями. Они затыкали рты протестантамъ, безпощадно убивая ихъ, какъ революціонеровъ. Имена этихъ мучениковъ за вѣру не сохранились. По преданію, Манаше казнилъ самого Іешаю, скрывавшагося въ дуплѣ кедра, приказавъ распилить пророка вмѣстѣ съ деревомъ. Едва ли, однако, Іешая дожилъ до этого позорнаго царствованія; ученики же его большею частью были умерщвлены іерусалимскими палачами. Манаше, или его слуги, въ дѣйствительности бывшіе его господами, проливали столько невинной крови, что, по выраженію источника, „Іерусалимъ былъ полонъ ею отъ края до края". Ибо вмѣстѣ съ пророками, ихъ учениками и приверженцами, тѣлохранители царскіе убивали и дѣтей ихъ. Не были избавлены отъ наказанія даже и тѣ, кои свое недовольство новыми порядками обнаруживали какой-нибудь печальной миной или вздохомъ.

Одинъ скорбный псаломъ, вырвавшійся, повидимому, изъ глубоко-огорченной души какого-нибудь „смиреннаго" пѣвца, характеризуетъ это страшное время и настроеніе, царившее тогда въ кругу ревнителей старой вѣры.

„Богъ мести, Іегова, Богъ возмездія, явись, покажись во всемъ могуществѣ Своемъ! Судья земли, воздай по заслугамъ гордецамъ! Доколѣ, Господи, злодѣи эти и нечестивые будутъ торжествовать? Доколѣ будутъ они богохульствовать и творить беззаконія? Народъ твой, Іегова, они топ-

чутъ ногами, наслѣдіе Твое пытаютъ, вдовъ, сиротъ и пришельцевъ умерщвляютъ и говорятъ: „Іегова не видитъ этого, Богъ Якова на то не взираетъ“[1]). Вникните же въ это, вы, безсмысленные люди, а вы, неучи, когда же вы образумитесь? Какъ, неужели Тотъ, Кто далъ человѣку слухъ, самъ не слышитъ и сотворившій глазъ ничего не видитъ? Неужели Тотъ, Кто наказываетъ людей за грѣхи ихъ, пересталъ карать и наставляющій ничего не знаетъ? Нѣтъ, Іеговѣ вѣдомы всѣ мысли и дѣла людей, ибо они —творенія рукъ Его. Блаженъ человѣкъ, котораго Ты, Господь, смиряешь и карами своими исправляешь, чтобы спасти его отъ несчастія, въ то время, какъ Ты готовишь гибель нечестивымъ. Не отвергнетъ Іегова народа Своего и наслѣдія Своего не оставитъ. И снова возсіяетъ отъ Него правда на землѣ и примкнутъ къ нему всѣ чистые сердцемъ. Кто вступится за меня противъ злодѣевъ, Кто подымется за меня противъ беззаконныхъ? Если бы Іегова не пришелъ мнѣ на помощь, то жизнь моя была бы на краю бездны. Когда я думалъ, что ноги мои подкосились, то Ты въ милости Своей меня поддержалъ. При множествѣ скорбей, мое сердце снѣдающихъ, Твои утѣшенія одни даютъ отраду душѣ моей. Развѣ можетъ быть тебѣ пріятенъ престолъ нечестивый, закономъ своимъ поставившій зло? Пусть ополчаются они на жизнь праведныхъ, пусть осуждаютъ на казнь невинныхъ,—Іегова—убѣжище мое, Господь—твердыня моя! Онъ воздастъ имъ за всѣ ихъ насилія, положитъ конецъ ихъ злодѣяніямъ, истребитъ ихъ Іегова, Господь Богъ нашъ“[1]).

Такихъ элегій, въ которыхъ „вѣрные“ земли и „терпѣливые“ выражали свою скорбь по поводу творившихся кругомъ нихъ беззаконій и свое упованіе на Бога Израиля, въ собраніи псалмовъ довольно много и всѣ они, повидимому, относятся къ описываемому времени.

Ужасныя беззаконія неправедныхъ судей манашінныхъ вызывали проклятія со стороны псалмопѣвцевъ, которыхъ они жестоко преслѣдовали.

„Поистинѣ, князья, вы должны бы судить людей по правдѣ и безъ пристрастія, вы же не судъ, а беззаконія творите въ странѣ, вы насилія чините. Ибо съ самого рожденія своего вы отступили отъ закона, въ утробѣ матери своей вы были уже испорчены. Ядомъ вы пропитаны, подобнымъ яду змѣи, подобно глухимъ аспидамъ, закрывающимъ свое ухо, чтобы не слышать голоса заклинателя. Сокруши же, Господи, зубы во рту ихъ, раздроби челюсти молодыхъ львовъ! Да растаютъ они, какъ снѣгъ и исчезнутъ, какъ дымъ... И возрадуется праведникъ, увидѣвъ возмездіе, онъ ноги свои омоетъ въ крови нечестивыхъ. И будутъ тогда люди говорить:

[1]) Цари II, 21, 16.

„Поистинѣ, есть еще правда на землѣ, поистинѣ Господь еще Судья на землѣ“[2]).

Всѣ такого рода псалмы держались конечно втайнѣ и распѣвались только въ кругу преслѣдуемыхъ, которымъ они служили нѣкоторымъ утѣшеніемъ въ ихъ скорбяхъ. Пророческихъ же рѣчей отъ этого времени вовсе не сохранилось. Правители іерусалимскіе не давали проповѣдникамъ записывать свои рѣчи. Насильственная смерть останавливала перо въ ихъ рукахъ[3]).

Даже лѣтописцы пренебрежительно обошли эту печальную эпоху и отмѣтили лишь весьма немногіе ея факты. Объ одномъ весьма важномъ событіи, напримѣръ, въ царствованіе Манаше происшедшемъ, лѣтописцы іудейскіе либо вовсе не упоминаютъ, либо отмѣчаютъ его въ самыхъ краткихъ чертахъ.

Одинъ изъ отцеубійцъ-сыновей Санхерива, Нергалъ-Шарецеръ, вскорѣ послѣ своего вступленія на ниневійскій престолъ былъ убитъ своимъ братомъ и соучастникомъ Асархаддономъ (около 680—668). Воспользовавшись гражданской войной, вспыхнувшей въ то время въ Вавилонѣ, царь этотъ вновь покорилъ его и присоединилъ къ Ассиріи. Изъ Вавилона Асархаддонъ отправился въ походъ противъ Египта, котораго его отцу такъ и не удалось завоевать. Свои войска Асархаддонъ при этомъ отправилъ не черезъ полуопустѣвшую сѣверную Палестину и Іудею, покореніе которыхъ потребовало бы много времени, а морскимъ путемъ, на судахъ, которыя были доставлены подвластными ему финикіянами. Нѣкоторые изъ полководцевъ Асархаддона высадились, однако, на іудейскомъ берегу, чтобы угрозами заставить Манаше покориться Ассиріи. Царь, повидимому, лично отправился къ этимъ полководцамъ, чтобы вступить съ ними въ переговоры и добиться болѣе или менѣе сноснаго мира, но былъ взятъ ассиріянами въ плѣнъ и закованнымъ въ цѣпи отправленъ въ Вавилонъ[4]). Это было дурнымъ предзнаменованіемъ для дома Давида, который въ лицѣ Манаше жестоко измѣнилъ своему Богу и въ ослѣпленіи своемъ прилѣпился къ чужимъ. Въ то же время Асархадонъ переселилъ въ бывшее самарійское царство большое число плѣнныхъ, уведенныхъ имъ изъ вавилонскихъ городовъ,—самого Вавилона, Хуты и Сефарваима, а также изъ сирійскаго Хамата. Это переселеніе, въ тотъ моментъ не имѣвшее никакого значенія для Іудеи, въ будущемъ должно было привести къ весьма

[1]) Псаломъ 94.

[2]) Псаломъ 58.

[3]) Пророкъ Наумъ, повидимому, говорилъ въ царствованіе Манаше, но въ его рѣчахъ нѣтъ и намека на то, что происходило при немъ въ Іерусалимѣ.

[4]) Хроники II, 33, 11.

важнымъ послѣдствіямъ. Переселенцы, которые отъ вавилонскаго города Хуты, давшаго наибольшее ихъ число, получили названіе хутейцевъ, а по мѣсту своего новаго водворенія названы были самаритянами, мало-помалу усвоили себѣ израильскіе обычаи, по всей вѣроятности отъ израильтянъ, въ небольшомъ числѣ оставшихся въ странѣ послѣ гибели десятиколѣннаго царства. Хутейцы ходили на поклоненіе къ древнѣйшему святилищу въ Бетелѣ, гдѣ израильскіе священники продолжали отправлять богослуженіе. Впослѣдствіи разсказывали, что эти богомольцы, когда на нихъ однажды въ пути напали львы, испросили себѣ у ассирійскаго царя израильскаго первосвященника, считая нападеніе на нихъ дикихъ звѣрей проявленіемъ гнѣва мѣстнаго Бога, Іеговы. Царь удовлетворилъ ихъ просьбу и прислалъ имъ первосвященника, который поселился въ Бетелѣ при старомъ храмѣ, нѣкогда построенномъ Іеровеамомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ хутейцы продолжали поклоняться и своимъ, вывезеннымъ изъ Вавилона идоламъ и даже приносили человѣческія жертвы, такъ что они только на половину стали израильтянами.—Асархаддонъ покорилъ затѣмъ весь Египетъ, и оставивъ въ этой странѣ намѣстниковъ, самъ съ войскомъ своимъ отправился въ обратный путь, въ числѣ трофеевъ увозя съ собою въ Ассирію между прочимъ и нѣсколько каменныхъ сфинксовъ. По пути Асархадонъ разсчитывалъ покорить и Іудею, но корабли его какъ разъ у іудейскихъ береговъ Краснаго моря потерпѣли крушеніе и ассирійскій завоеватель долженъ былъ отказаться отъ этого плана. Населеніе Іудеи такимъ образомъ еще разъ избавилось отъ страшной опасности, ему угрожавшей,—ассирійскаго плѣна. Благочестивые псалмопѣвцы, въ этомъ спасеніи видѣвшіе новое проявленіе Божьей милости къ священному городу, воспѣли это событіе въ особомъ псалмѣ. Самъ Манаше былъ вскорѣ освобожденъ изъ плѣна и возвращенъ въ Іерусалимъ самимъ Асархаддономъ или его преемникомъ. Плѣнъ не образумилъ, однако, грѣшнаго царя. Вернувшись въ Іерусалимъ, онъ по прежнему и до самой своей смерти продолжалъ покровительствовать идолопоклонству. Онъ скончался въ 641-мъ году и былъ похороненъ не въ Городѣ Давида, какъ его предшественники, а въ дворцовомъ саду, подъ любимымъ своимъ идоломъ. Ему наслѣдовалъ его сынъ *Амонъ* (640—630). Вступивъ на престолъ въ 22 года, онъ слѣдовалъ во всемъ политикѣ своего отца. Языческій культъ со всѣми его отвратительными аттрибутами и при немъ пользовался большимъ почетомъ, но онъ, повидимому, не подвергалъ пророческую партію такимъ преслѣдованіямъ, какъ его отецъ. Амонъ, впрочемъ, царствовалъ столь короткое время, что о немъ самомъ, его дѣлахъ и образѣ мыслей до насъ дошли лишь самыя скудныя свѣдѣнія. Неизвѣстно, напримѣръ, почему князья Іуды были имъ недовольны. Считали-ли

они его недостаточно усерднымъ въ преслѣдованіи ревнителей старой вѣры? Или онъ какимъ-нибудь инымъ образомъ не оправдалъ ихъ ожиданій? Либо они наконецъ просто хотѣли воспользоваться несовершеннолѣтіемъ его преемника, чтобы захватить въ свои руки власть? Все это остается невыясненнымъ,—извѣстно лишь, что князья съ управителемъ дворца во главѣ составили противъ него заговоръ и убили его въ самомъ дворцѣ. Однако, въ народѣ этотъ царь, повидимому, пользовался нѣкоторою любовью. Объ этомъ можно судить по тому, что вслѣдъ за его убійствомъ населеніе столицы напало на заговорщиковъ, перебило ихъ и посадило на престолъ его восьмилѣтняго сына *Іошію* (638—608). Эта перемѣна на тронѣ вначалѣ не привела, да и не могла привести ни къ какимъ перемѣнамъ. Именемъ малолѣтняго царя всѣми дѣлами управляли тѣ же принцы и князья, по прежнему поддерживавшіе въ странѣ идолопоклонство, и еще больше его распространявшіе. Сверхъ финикійскаго культа Ваала и Астарты, вавилонскаго поклоненія свѣтиламъ и человѣческихъ жертвоприношеній Молоху, они ввели еще и другіе языческіе обычаи, чтобы удовлетворить свою ненасытную страсть ко всему чужому и искоренить все свое. Такъ, нѣкоторые религіозные обычаи были ими заимствованы у египтянъ. Послѣдніе къ тому времени успѣли свергнуть съ себя ассирійское иго. Послѣ ухода Асархаддона они возстали противъ намѣстниковъ, оставленныхъ имъ ассирійскимъ завоевателемъ. Предводители возстанцевъ, свергнувъ этихъ сатраповъ, захватывали въ свои руки власть, такъ что въ разныхъ областяхъ Египта въ то время было не менѣе двѣнадцати царей. Одинъ изъ нихъ, *Псамметихъ,* побѣдивъ всѣхъ прочихъ, объединилъ подъ своей властью весь Верхній и Нижній Египетъ и вообще упрочилъ эту ослабѣвшую было монархію. Резиденціей своей онъ избралъ городъ *Саисъ* и основанная имъ саитская династія правила Египтомъ до предпослѣдняго его царя. Псамметихъ распространилъ свою власть на филистимское и финикійское побережья, завоевалъ много филистимскихъ городовъ и даже осаждалъ стойко защищавшую себя крѣпость Ашдодъ. Іудейскіе князья въ удивленіи передъ этими подвигами Псамметиха думали заслужить его благоволеніе подражаніемъ египетскимъ обычаямъ. Они ввели въ Іерусалимѣ культъ животныхъ и у входа въ городъ воздвигли алтари въ честь козловъ. Несчастная Іудея попрежнему стонала подъ гнетомъ всевозможныхъ насилій и беззаконій. Принцы, князья и безстыдные судьи, хозяйничавшіе въ странѣ именемъ малолѣтняго Іошіи, уподоблялись, по выраженію пророка, рычащимъ львамъ и волкамъ пустыни, немилосердно угнетая слабыхъ и преслѣдуя невинныхъ. Но кровавыя гоненія на пророческую партію, повидимому, уменьшились. Число „кроткихъ“ и „терпѣливыхъ“, стойко державшихся старой вѣры, мало по малу увеличивалось.

Изъ этой среды вышелъ при Іошіи рядъ новыхъ пророковъ, въ пламенныхъ рѣчахъ выступавшихъ на защиту попранной вѣры и мало по малу подготовлявшихъ поворотъ къ лучшему. Это было четвертое поколѣніе пророковъ. Старшимъ изъ нихъ былъ *Цефанія,* родомъ изъ Іерусалима, изъ видной семьи. Онъ откровенно бичевалъ грѣхи и заблужденія своихъ современниковъ и въ особенности возмутительныя беззаконія принцевъ и князей. Подобно старымъ пророкамъ Амосу и Іоелю, онъ возвѣщалъ наступленіе „страшнаго дня Господня", „дня полуночнаго мрака, дня черныхъ тучъ и густого тумана, дня гнѣва Господня".

„И я стѣсню людей, и будутъ они блуждать, какъ слѣпые, за то, что они согрѣшили противъ Него... Ни серебро, ни золото ихъ не спасетъ въ день пламеннаго гнѣва Господня; огнемъ его негодованія будетъ сожжена эта страна[1])".

И другимъ странамъ Цефанія предсказывалъ несчастія: филистимской землѣ, которую населяли нечестивые финикіяне, Аммону и Моаву, дерзко издѣвавшимся надъ Израилемъ. Самую же позорную участь Цефанія пророчилъ Ассиріи.

Ассирія въ это время мало по малу теряла свое былое могущество. Покоренные ею народы, къ тому времени отъ нея не отложившіеся, при предпослѣднемъ ассирійскомъ царѣ (Самугесѣ?) были покорены мидянами. Второй мидійскій царь Фраортъ (Фраварчъ), кромѣ разныхъ сосѣднихъ народцевъ покоривъ также и персовъ, вмѣстѣ съ ними предпринялъ походъ противъ Ниневіи. Ассиріяне, хотя и покинутые своими союзниками, были между тѣмъ еще на столько сильны и воинственны, что могли нанести мидійскому войску пораженіе (635), причемъ палъ и самъ Фраортъ. Но сынъ послѣдняго Кіаксаръ, болѣе отважный еще, чѣмъ его отецъ, рѣшилъ отомстить ассиріянамъ. Собравъ многочисленное войско, онъ вторгнулся въ Ассирію, разбилъ ея войско и подступилъ къ Ниневіи (634). Въ то время, когда онъ осаждалъ ассирійскую столицу, гонцы прискакали съ извѣстіемъ, что въ Мидію ворвались безчисленныя полчища дикихъ скиѳовъ съ береговъ Дона, Волги и Каспійскаго моря и безпощадно предаютъ эту страну огню и мечу. Кіаксаръ принужденъ былъ поэтому снять осаду и поспѣшить съ своимъ войскомъ на родину, чтобы отразить новаго врага. Это, однако, оказалось ему не по силамъ; послѣ жестокаго пораженія, онъ долженъ былъ изъявить непріятелю покорность и обязаться платить ему дань. Бродячія скиѳскія орды, жившія исключительно разбоемъ и грабежомъ, не удовольствовались, однако, покореніемъ одной Мидіи, а ворвались также и въ Ассирію и ее опустошили. Ассирійскій царь дол-

[1]) Цефанія 1, 15-18.

женъ былъ заплатить имъ громадный выкупъ, отдавъ имъ всѣ сокровища изъ своихъ дворцовъ. Изъ Ассиріи скиѳы прошли на западъ, опустошили богатые финикійскіе города и, слѣдуя вдоль побережья, прошли въ филистимскую землю, намѣреваясь ворваться въ Египетъ. Царь Псамметихъ вышелъ къ нимъ навстрѣчу съ богатыми дарами и упросилъ ихъ оставить его страну въ покоѣ. Большая часть скиѳовъ оставила тогда Ханаанъ и возвратилась на сѣверъ, меньшая же часть вторглась въ Малую Азію. Одна скиѳская орда осталась, однако, въ филистимской землѣ, производя въ ней большія опустошенія. Отсюда она однажды ворвалась также и въ сосѣднюю Іудею, сожгла нѣсколько городовъ и деревень и угнала много скота. До Іерусалима скиѳы, однако, не дошли: Іошія съ своимъ управителемъ дворца вышелъ, повидимому, имъ навстрѣчу и богатыми дарами купилъ у нихъ свободу.

Это ужасное время, когда всѣ маленькіе народы жили въ безпрерывномъ трепетѣ, когда только и слышно было о предаваемыхъ огню городахъ и безпощадно убиваемыхъ жителяхъ, ужасомъ преисполняло населеніе Іудеи. Если не рѣчи пророковъ, то сама дѣйствительность какъ нельзя яснѣе доказывала превратность и нелѣпость идолопоклонства. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ боги ассиріянъ, вавилонянъ, финикіянъ и филистимлянъ спасли ихъ отъ нашествія дикихъ скиѳскихъ полчищъ? Эти событія, на глазахъ у израильтянъ совершившіяся, не могли не вызвать нѣкотораго поворота въ религіозно-нравственныхъ воззрѣніяхъ іерусалимскаго населенія, не могли также не произвести глубокаго впечатлѣнія на молодого царя. По натурѣ Іошія былъ человѣкъ благомыслящій, мягкій и впечатлительный; съ идолопоклонствомъ онъ мирился лишь по привычкѣ, нисколько имъ не увлекаясь. Ужасныя же событія его времени мало-по-малу привели его къ мысли, что вмѣстѣ со всѣмъ своимъ народомъ онъ попалъ на ложный путь. Онъ не рѣшался, однако, вывести языческіе обычаи, хотя бы въ одной столицѣ, въ которой они въ теченіе полустолѣтія успѣли пустить глубокіе корни. Царь не могъ, или боялся вооружить противъ себя князей Іуды, въ рукахъ у которыхъ фактически была вся власть и которые всей душой прилѣпились къ идолопоклонству. Чтобы произвести подобнаго рода переворотъ, необходимо было особенное геройство и необыкновенная энергія. А такъ какъ онъ ни тѣмъ, ни другимъ не обладалъ, то только сильный толчокъ, или, вѣрнѣе, толчки извнѣ могли расшевелить его, заставить его взять въ свои руки власть и стряхнуть съ себя иго опутавшихъ его князей. Эту миссію взяла на себя пророческая партія, стремившаяся, разумѣется, прежде всего къ искорененію язычества и возстановленію во всѣхъ правахъ національной вѣры. Подъ ея вліяніемъ Іошія рѣшился сдѣлать первый шагъ, предпринявъ исправленіе Соломо-

нова храма. При всеобщемъ поклоненіи идоламъ главное національное святилище со временъ Хизкіи было въ полномъ пренебреженіи. Во всей странѣ и въ самой столицѣ было достаточно всякихъ богослужебныхъ мѣстъ, пользовавшихся гораздо большимъ почетомъ, чѣмъ старый храмъ, посвященный Іеговѣ. Стѣны святилища были въ трещинахъ и грозили паденіемъ, а украшенія были либо расхищены, либо обезображены. Никто о храмѣ не заботился. Арониды, которымъ онъ былъ ввѣренъ, продались язычникамъ; тѣ же немногіе, которые остались ему вѣрны, были въ изгнаніи и немилости. Рѣшивъ придти на помощь всѣми оставленному храму, Іошія вновь призвалъ въ Іерусалимъ изгнанныхъ аронидовъ и левитовъ къ храмовой службѣ и поручилъ имъ (около 627) собирать пожертвованія на исправленіе храма. Во главѣ этого дѣла онъ поставилъ первосвященника Хилкію, сына Мешуллама (Шаллума), семья котораго не запятнала себя служеніемъ идоламъ. Но какимъ образомъ священнослужители могли собрать необходимыя на исправленіе храма средства? Богатые были совершенно равнодушны къ этому дѣлу, остальное же населеніе сильно обѣднѣло послѣ скиѳскихъ набѣговъ. На обильный притокъ добровольныхъ пожертвованій, какъ при царѣ Іоашѣ за 200 лѣтъ до того (см. стр. 68), такимъ образомъ нельзя было разсчитывать. На исправленіе святилища приходилось просто на просто выпрашивать гроши у доброхотныхъ дателей. Левиты ходили по городамъ изъ дома въ домъ, вымаливая, какъ милостыню, лепту на храмъ.

Усердно заботясь о храмѣ и его служителяхъ, Іошія, однако, не рѣшался выступить открыто противъ самаго идолопоклонства, несмотря даже на то, что въ средѣ самихъ князей Іуды замѣтенъ былъ въ это время нѣкоторый поворотъ къ лучшему: оставаясь язычниками, многіе изъ нихъ, напримѣръ, стали вновь клясться именемъ Іеговы. Иныя, новыя обстоятельства внушили царю рѣшимость и заставили его дѣйствовать. Толчокъ явился сразу съ двухъ сторонъ,—со стороны одного пророка, который уже въ ранней молодости обратилъ его вниманіе своими сильными, пламенными рѣчами, и, во вторыхъ со стороны книги, которая произвела на него сильнѣйшее впечатлѣніе и окончательно вывела его изъ нерѣшительности. Этимъ краснорѣчивымъ юношей былъ пророкъ Іеремія, а этой книгой было новая Книга законовъ, или новое изложеніе старыхъ. Какіе здоровые корни были еще у стараго дерева Іуды, несмотря на болѣе чѣмъ полувѣковыя заблужденія Манаше, Амона и самого Іошіи въ первые годы его царствованія, доказываютъ эти два благоуханныхъ цвѣтка, которые отъ него произрасли.

Іеремія (сокращ. Іирмія), сынъ аронида Хилкіи (род. 645—640, скони. 580—570), былъ родомъ изъ маленькаго города Анатота (въ $1^1/_2$ ч.

пути къ сѣверо-востоку отъ Іерусалима), въ владѣніяхъ Веніаминова колѣна, изъ не очень богатой, но и не бѣдной семьи. Богата была духовными сокровищами душа этого пророка, чистая, какъ горный ключъ, прозрачная, какъ хрусталь. По природѣ мягкаго, склоннаго къ меланхоліи характера, онъ еще въ ранней юности скорбѣлъ душой по поводу глубокого нравственнаго паденія окружавшихъ его людей. Все фальшивое, превратное, недостойное претило ему и глубоко его оскорбляло. Въ какой мѣрѣ воспитаніе, имъ полученное въ родительскомъ домѣ, подготовило Іеремію къ его будущей дѣятельности, трудно сказать. Его отецъ Хилкія и всѣ его родственники были простыми священнослужителями, рѣшительно ничѣмъ не выдававшимися. Когда молодой Іеремія выступилъ съ первыми своими пророческими рѣчами, то эти родные его и другіе, чужіе ему анатотскіе священнослужители стали преслѣдовать его съ такой ненавистью, что невозможно допустить, чтобы они направили его на пророческій путь и вообще чѣмъ-либо содѣйствовали его духовно-нравственному воспитанію. Съ гораздо большей вѣроятностью слѣдуетъ допустить, что всѣмъ своимъ развитіемъ онъ былъ обязанъ старымъ пророкамъ. Онъ такъ основательно изучилъ ихъ, что въ рѣчахъ своихъ часто пользовался ихъ мыслями, оборотами и выраженіями, какъ своими собственными. Изученіе записанныхъ уже въ то время рѣчей первыхъ пророковъ дало его мыслямъ строго-религіозное направленіе, внушивъ ему истинное представленіе о сущности Божества и началахъ божественной морали; чтеніе пророковъ ознакомило его также съ великимъ прошлымъ Израиля и его назначеніемъ въ будущемъ, научило его ненавидѣть все низкое, безнравственное и презирать нелѣпое идолопоклонство.

Проникнутый этими возвышенными мыслями, Іеремія чувствовалъ себя чужимъ въ своей средѣ, въ маленькомъ Анатотѣ, гдѣ сами арониды поклонялись идоламъ. Когда же онъ отъ этихъ грѣшниковъ уходилъ въ Іерусалимъ, то онъ и тамъ видѣлъ тѣ же грѣхи, но еще въ большемъ размѣрѣ, усугубленные къ тому же всякими пороками и преступленіями. Вступить въ борьбу со всѣмъ этимъ зломъ онъ по молодости и своей прирожденной робости и не думалъ. Пророческій духъ на него снизошелъ внезапно, какъ нѣкогда на Самуила въ Шилонскомъ святилищѣ: онъ отчетливо услышалъ однажды голосъ, вѣщавшій ему: „Прежде, чѣмъ Я въ утробѣ матери твоей зародилъ тебя, Я тебя призналъ, и еще до того, какъ ты изъ утробы вышелъ, я освятилъ тебя и назначилъ тебѣ быть пророкомъ для народовъ“. Робко возразилъ на это Іеремія: „Увы, Господь Богъ мой, Іегова! Я не умѣю говорить и я еще такъ молодъ“. На это гласъ свыше отвѣчалъ: „Не говори, что ты юнъ годами, а смѣло иди, куда я тебя посылаю и говори то, что Я тебѣ внушу“. Въ то же время Іеремія по-

чувствовалъ, какъ будто къ устамъ его прикоснулась чья-то рука и онъ услышалъ слѣдующія слова: „Вотъ Я вложилъ тебѣ въ уста слова Мои и поручаю тебѣ въ сей день возвѣщать народамъ и царствамъ разрушеніе, истребленіе и гибель, но также и возрожденіе и процвѣтаніе“. Затѣмъ Іеремія увидѣлъ вѣтку съ цвѣтами миндаля и горшокъ съ кипящей водой, обращенный къ сѣверу. Первый, цвѣтокъ, означалъ, что пророкъ долженъ быть бодръ въ исполненіи своей миссіи, а второй, горшокъ,—что гроза придетъ на жителей страны съ сѣвера. Въ заключеніе голосъ свыше напомнилъ пророку, что онъ долженъ быть силенъ и смѣлъ и безбоязненно выступать противъ царей, князей, священниковъ и народа. Они, правда, будутъ враждовать противъ него, но также безсильны будутъ его одолѣть, какъ безсильны они сломать желѣзный столбъ или мѣдную стѣну.

Такъ Іеремія былъ посвященъ въ пророки. Объ этомъ посвященіи онъ самъ сообщилъ народу въ родномъ Анатотѣ или въ Іерусалимѣ. Разсказъ объ этомъ призваніи, правда, не выдерживаетъ сравненія по величію и глубинѣ съ такимъ же разсказомъ, въ которомъ Іешая повѣствуетъ о своемъ вступленіи на пророческое поприще. Ораторскимъ даромъ своимъ Іеремія также уступаетъ сыну Амоца. Но если рѣчи его не блещутъ художественными красотами, то за то въ нихъ есть другое, огромное достоинство, —общедоступность и ясность. Время, въ которое Іеремія жилъ, требовало иного рода рѣчей, чѣмъ тѣ, которыя нужны были въ эпоху Іешаи. Нравственная порча глубоко проникла уже въ жизнь всего народа; необходимо было дѣйствовать на самую массу, чтобы добиться скорыхъ результатовъ, такъ какъ опасность была слишкомъ велика. Іеремія поэтому не въ примѣръ прежнимъ пророкамъ обращался съ своими рѣчами не къ тѣсному кружку людей просвѣщенныхъ и вѣрующихъ, а ко всѣмъ вообще, къ князьямъ Іуды, къ населенію Іерусалима и вообще ко всей массѣ народа іерусалимскаго. Для этой же аудиторіи всякія художественныя красоты были не у мѣста; для того, чтобы рѣчи его оказали непосредственное дѣйствіе, Іеремія долженъ былъ говорить кратко и ясно. И пророкъ, дѣйствительно, говорилъ простой и сжатой прозой, изрѣдка лишь прибѣгая къ ораторскимъ пріемамъ. Еще другая особенность замѣтна въ рѣчахъ Іереміи. Большинство старыхъ пророковъ говорило о будущемъ въ весьма темныхъ выраженіяхъ. Они пророчили „страшный день Господень“, грозили какимъ-то ужаснымъ переворотомъ, послѣ котораго наступитъ золотой вѣкъ. Но и угрозы эти, и эти обѣщанія старые пророки, за единственнымъ исключеніемъ Іешаи, формулировали въ самыхъ туманныхъ, крайне неопредѣленныхъ выраженіяхъ. Склонное къ насмѣшкамъ населеніе столицы относилось поэтому къ пророческимъ предсказаніямъ съ явнымъ недовѣріемъ. „Дни и вѣка пройдутъ, а предсказанія пророковъ не сбудутся“,—гово-

рило оно; „они пророчатъ для вѣчности"[1]). Іеремія хотѣлъ избѣжать этого упрека и этого равнодушія къ своимъ рѣчамъ. Страшный судъ надъ Іудеей и Іерусалимомъ онъ предсказывалъ въ ближайшемъ будущемъ и прямо говорилъ, что онъ наступитъ еще при его жизни. Іеремія въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ всѣ его предшественники, обладалъ непостижимымъ даромъ пророческаго предвидѣнія. Сначала изъ года въ годъ, а затѣмъ, когда гибель Іудеи все болѣе приближалась, онъ изъ мѣсяца въ мѣсяцъ напередъ предсказывалъ всѣ событія, и эти предсказанія исполнялись съ удивительной точностью. Не въ неясныхъ сонныхъ видѣніяхъ открывалось ему будущее, а среди бѣла дня, наяву, и во время сношеній съ внѣшнимъ міромъ. Вотъ почему Іеремія не прибѣгалъ ко всякимъ загадкамъ и символамъ, не пользовался туманными намеками, а называлъ вещи ихъ настоящими именами.

Этому великому патріоту-страдальцу предстояла тяжелая задача непрерывно въ теченіе цѣлаго полувѣка направлять заблудшійся народъ на истинный путь. Первыя рѣчи его относятся къ тринадцатому году царствованія Іешаи (626), т. е. къ тому именно времени, когда этотъ царь впервые, какъ мы видѣли, созналъ свои заблужденія. Послѣ внушенія свыше у молодого пророка исчезла всякая робость и природная мягкость. Въ одной изъ своихъ рѣчей онъ описываетъ тѣ ощущенія, которыя онъ испытывалъ въ моменты пророческаго наитія. Въ немъ, говорилъ онъ, точно что-то клокотало, какъ будто кто-то молоткомъ въ его душѣ разбивалъ скалу. „Въ моемъ нутрѣ словно пылалъ огонь и я измучился, стараясь его потушить, но не могъ"[2]). Уже первая рѣчь его дышитъ страшной силой:

„Слушайте слово Іеговы, домъ Якова и всѣ сыны дома Израилева! Такъ говоритъ Господь: „Какую несправедливость сдѣлалъ Я вашимъ предкамъ, что они ушли отъ Меня, стали поклоняться всякому ничтожеству и сами стали ничтожествами. Они не говорили: „Гдѣ тотъ Богъ, который освободилъ насъ изъ египетскаго рабства, повелъ насъ черезъ пустыню, черезъ страну, гдѣ не проходилъ и не обиталъ ни одинъ человѣкъ?" Я привелъ васъ въ плодородную страну, чтобы вы вкушали плоды ея и пользовались ея благами, а вы осквернили ее и превратили въ мерзость. Священнослужители ваши не хотятъ знать, гдѣ обитаетъ Іегова, и наставники народа Меня не признаютъ, пастыри бѣгутъ отъ Меня, пророки предсказываютъ именемъ Ваала и прислуживаютъ идоламъ... Пойдите въ Кипръ и разспросите, пошлите въ Кедаръ и разузнайте, было-ли тамъ

[1]) Ср. Іехезкель **12**, 22, 25, 27—28.
[2]) Іеремія **20**, 9; **23**, 29.

что-либо подобное? Перемѣнилъ-ли какой-либо народъ своихъ боговъ на чужіе? А между тѣмъ то вѣдь не боги! Одинъ Мой народъ промѣнялъ Меня на ничтожныхъ идоловъ... Онъ оставилъ Меня, источникъ живой воды и сталъ копать колодцы, которые не держатъ воды. Развѣ Израиль рабъ, что онъ сталъ добычею другихъ, что всѣ его презираютъ, унижаютъ его, опустошаютъ его страну и сжигаютъ его города? Даже сыны Мемфиса и Дафне (союзники твои) сокрушаютъ темя твое... Для чего ты идешь въ Египетъ? Не для того ли, чтобы напиться воды въ Нилѣ? И не для того-ли ты ходишь въ Ассирію, чтобы утолить свою жажду въ водахъ Евфрата? Я нѣкогда сокрушилъ твое иго и разорвалъ твои цѣпи, и ты самъ сказалъ Мнѣ: „Ему одному я буду отнынѣ служить". А ты между тѣмъ на каждой высотѣ, подъ каждымъ деревомъ измѣняешь Мнѣ, какъ блудница. Я насаждалъ тебя на землѣ, какъ благородную лозу, дающую самые отборные плоды, а ты преподнесъ Мнѣ ядовитые грозди съ чужого виноградника! И еслибы ты даже чистился мыломъ и щелокомъ, все же ты будешь запятнанъ въ глазахъ Моихъ. Какъ смѣешь ты говорить, что ты не осквернилъ себя, что ты не ходишь за Вааломъ? Посмотри, что ты сдѣлалъ въ Гиномѣ! Ты уподобился легконогому молодому верблюду, бѣгущему по кривымъ путямъ... (Я говорилъ): „Пощади ноги свои, не ходи босымъ, не томи себя жаждой!" Но ты возразилъ Мнѣ: „Нѣтъ, я люблю чужихъ и за ними буду бѣгать". Подобно вору, краснѣющему, когда его поймаютъ съ поличнымъ,—такъ и ты, домъ Израиля, будешь краснѣть предо мною, цари твои и князья, священники и пророки, взывающіе къ дереву: „Ты—мой отецъ!" и къ камню: „Ты меня родилъ!" Вы обратились ко Мнѣ спиною, а не лицомъ, въ минуту же нужды будете говорить: „Возстань, Іегова, и помоги намъ!" Но гдѣ же твои боги, Іуда, которыхъ ты самъ себѣ надѣлалъ? Пусть они возстанутъ и Я посмотрю, выручатъ ли они тебя изъ бѣды. Ибо сколько городовъ у тебя, Іуда, столько у тебя и боговъ"[1]).

Уже въ этой первой рѣчи своей молодой пророкъ возставалъ не только противъ религіозныхъ заблужденій, но и противъ безнравственности народа.

„Безъ пользы наказывалъ Я сыновъ вашихъ, никакія кары Мои на нихъ не дѣйствовали. Вы мечомъ истребляли своихъ пророковъ, какъ левъ уничтожаетъ свою жертву. Развѣ дѣвица забываетъ свои украшенія, развѣ невѣста пренебрегаетъ своимъ нарядомъ? Мой же народъ каждый день забывалъ Меня. Какъ украшаешь ты свой путь, когда идешь искать любви! Всѣ одежды твои залиты кровью невинныхъ ревнителей вѣры, которыхъ

[1]) Іеремія 2, 4-28.

ты ни въ какомъ преступленіи не уличилъ. И несмотря на все это, ты говоришь: „Я невиненъ, и да минетъ меня гнѣвъ Его". Но Я буду судиться съ тобой за то, что ты говоришь, будто ты ничѣмъ предо Мною не согрѣшилъ. Какимъ униженіямъ ты себя подвергалъ, мѣняя съ каждымъ днемъ свои пути! Египетъ тебя также покроетъ позоромъ, какъ Ассирія; и отъ него ты уйдешь съ руками сложенными на головѣ (въ знакъ скорби), ибо Господь отвергаетъ твоихъ защитниковъ и ты счастья въ нихъ не найдешь"[1]).

Подобныя слова, произнесенныя молодыми устами, не могли не производить сильнаго впечатлѣнія на слушателей. Нѣкоторыя знатныя семьи отреклись тогда же отъ язычества и обратились къ возвеличенному Іереміей и другими пророками Іеговѣ. Семья Шафанъ, занимавшая высокое положеніе при дворѣ, примкнула въ это время къ пророческой партіи и выступила на ея защиту. Самъ Іошія, когда до него дошла вѣсть о первыхъ рѣчахъ молодого пророка, укрѣпился въ своемъ намѣреніи воскресить національную вѣру. Онъ весьма усердно взялся за возстановленіе пришедшаго въ ветхость храма. Тремъ своимъ высшимъ сановникамъ, мазкиру Шафану, сыну Азаліи, начальнику города Маасеѣ, и канцлеру Іоаху, сыну Іоахаза, онъ поручилъ побудить первосвященника Хилкію употребить, наконецъ, собранныя съ этой цѣлью деньги и вручить ихъ этимъ сановникамъ, которые должны были на нихъ пріобрѣсти строительные матеріалы и платить рабочимъ. Вмѣстѣ съ деньгами Хилкія вручилъ Шафану какой-то большой свитокъ, прибавивъ: „Эту книгу законовъ я нашелъ въ храмѣ!" Шафанъ прочиталъ врученную ему рукопись и былъ до того пораженъ ея содержаніемъ, что сообщая царю о полученныхъ отъ Хилкіи деньгахъ, заявилъ ему также и о его находкѣ[2]). Книга эта, какъ мы упомянули уже, произвела необыкновенное впечатлѣніе и на царя. Но что это была за книга и каково было ея содержаніе?

[1]) Іеремія 2, 30-37.
[2]) Цари II, 22, 8-10.

ГЛАВА X.

Царь Іошія и новый порядокъ.

Характеръ найденной въ храмѣ книги,—Второзаконія. Историческая ея часть. Любовь къ Богу, впервые провозглашенная, какъ основное религіозное начало. Запрещеніе всякаго чужого культа. Жертвоприношенія. Налогъ въ пользу аронидовъ. Законъ о десятинномъ сборѣ. Молитва при жертвоприношеніи. Праздники. Судопроизводство, уголовное право, допросъ свидѣтелей. Законъ о царской власти. Военные законы. Попеченіе о неимущихъ. Юбилейный годъ и прощеніе долговъ. Упраздненіе различія между священнослужителями и міррянами. Отношеніе пророковъ къ духовенству. Раздѣленіе колѣнъ на благословляющихъ и проклинающихъ. Пѣснь Моисея. Угроза страшнымъ судомъ. Іошія, пораженный этой угрозой, посылаетъ къ пророчицѣ Гулдѣ. Союзъ вѣрныхъ закону. Упраздненіе идолопоклонства. Торжественное празднованіе Пасхи и псаломъ пасхальный. Военныя предпріятія Кіаксара, Набополоссара и Нехо. Походъ Іошіи противъ Нехо и смерть его.

(621—608).

Книга законовъ, найденная первосвященникомъ Хилкіей въ храмѣ и черезъ Шафана переданная имъ царю представляетъ послѣднюю волю законодателя Моисея, его завѣщаніе воспитанному имъ народу. Книга имѣетъ историческое введеніе и такое же послѣсловіе, она излагаетъ исторію народа до смерти Моисея и перваго періода послѣ нея. Она сама себя называетъ „Вторымъ ученіемъ“ или „Второй Книгой Законовъ“ (Mischneh-Thora, Второзаконіе). Была-ли она написана въ древнѣйшую эпоху или же незадолго до того, какъ ее нашли? Праздный вопросъ! Ибо если она и не въ доисторическое время написана, возвышенностью своей и красотою она превосходитъ всѣ этого рода книги древняго и новаго времени. Сводъ законовъ, страницы котораго дышатъ горячей искренней любовью къ людямъ, представляетъ, конечно, весьма рѣдкое явленіе. Обыкновенно такія книги пишутся въ холодномъ оффиціальномъ тонѣ, и каждой строкой своей строго напоминаютъ смертнымъ, что они подъ страхомъ такихъ-то каръ то-то должны, а того-то не должны дѣлать. Такимъ языкомъ книга Второзаконія нигдѣ не говоритъ. Она увѣщеваетъ, предостерегаетъ и прямо проситъ то-то дѣлать, а того-то избѣгать. Вмѣсто всякихъ угрозъ она просто указываетъ на гибельныя послѣдствія нарушенія ея указаній. Она говоритъ языкомъ любвеобильнаго отца, который ставитъ своему сыну высокія цѣли и предупреждаетъ его при этомъ не губить своей великой будущности дурнымъ поведеніемъ, дабы черезъ то не заслужить презрѣнія и позора. Заповѣди (Mizwot), законоположенія (Chukkim) и рѣшенія (Mischpatim), переплетены, какъ гирляндами цвѣтовъ, поэтическими воспоминаніями изъ прошлаго народа и сердечными внушеніями.

Историческія событія книга эта излагаетъ не въ хронологическомъ порядкѣ; она выбираетъ изъ нихъ только тѣ, которыя могутъ служить фактическимъ подтвержденіемъ, важности и спасительности излагаемыхъ ею законовъ. Съ воспоминаніями о важныхъ событіяхъ въ прошлой жизни израильскаго народа Второзаконіе связываетъ всякаго рода поученія или предостереженія; исторія древняго времени должна поучать и наставлять на путь истины позднѣйшія поколѣнія. Книга эта желаетъ въ особенности запечатлѣть въ умѣ народа четыре мысли: о величіи и всемогуществѣ единаго Бога, объ особенномъ призваніи израильскаго народа, о глубокомъ религіозно-нравственномъ паденіи современныхъ поколѣній и, наконецъ, о послѣдствіяхъ этого паденія. Единаго израильскаго Бога Второзаконіе ставитъ неизмѣримо высоко надъ всѣмъ живущимъ на землѣ и надъ всѣми богами, которымъ другіе народы въ тѣ времена поклонялись: „Воочію тебѣ показано было, что Іегова одинъ есть Богъ на небѣ и на землѣ и что никакого другого нѣтъ"[1]). Книга въ особенности подчеркиваетъ единственность и исключительность израильскаго Бога. „Слушай, Израиль! Іегова—нашъ Богъ, Іегова—одинъ!"[2]) Въ древнія времена этотъ Богъ съ особой заботливостью относился къ своему народу, какъ отецъ заботится о своемъ сынѣ[3]). „Подобно орлу, который стережетъ свое гнѣздо, паритъ надъ птенцами своими и, простирая крылья, несетъ ихъ на перьяхъ своихъ, такъ и Господь берегъ свой народъ и не было у него тогда другого Бога"[4]). Іегова избралъ Израиля изъ всѣхъ народовъ и окружилъ особыми попеченіями своими потому и для того, что хотѣлъ сдѣлать изъ него „святой" народъ[5]).—Вторая книга законовъ желаетъ далѣе внушить и напомнить израильтянамъ, что они не оправдали возложенныхъ на нихъ надеждъ и нимало не заслуживаютъ поэтому милостей Господнихъ. Строптивымъ, непокорнымъ и упрямымъ былъ этотъ народъ съ самаго начала своего до настоящихъ дней: глазами своими онъ все еще не видитъ, ушами не слышитъ, а сердцемъ ничего не чувствуетъ[6]). Неисправимому народу должно быть, путемъ указанія на его прошлое, внушено, что каждое отпаденіе его предковъ отъ Бога неминуемо вызывало Божью кару. Ибо Богъ есть правда, любовь и милосердіе, Онъ милостями своими воздаетъ любящимъ Его и законы его блюдущимъ до отдаленнѣйшаго ихъ потомства,

[1]) Второзаконіе **4**, 35, 30; **8**, 24.
[2]) Т. же **6**, 4.
[3]) Т. же **32**, 11-12.
[4]) Т. же **32**, 11-12.
[5]) Т. же **14**, 2; **26**, 19.
[6]) Т. же **9**, 24; **29**, 3.

но Онъ же и воздаетъ врагамъ своимъ, воздаетъ непосредственно имъ самимъ[1]).

Новымъ откровеніемъ, новымъ ученіемъ о томъ, что есть истина, вѣетъ отъ этой книги законовъ. Сама она объявляетъ себя новымъ союзомъ, который Моисей именемъ Бога заключилъ съ народомъ непосредственно передъ своей кончиною и передъ вступленіемъ народа въ обѣтованную землю въ странѣ Моавъ, у Іордана,—союзомъ, отличнымъ отъ того, который Господь заключилъ съ Израилемъ на горѣ Хоревъ[2]). Такъ какъ поколѣніе, выросшее въ египетскомъ рабствѣ, не способно было понять и усвоить себѣ возвышенное синайское ученіе, то оно вновь было возвѣщено слѣдующему поколѣнію, воспитанному самимъ Моисеемъ. Данныя на Синаѣ заповѣди такъ просты и общепонятны, что даже рабы, если они только не отупѣли до степени животныхъ, въ состояніи были ихъ уразумѣть. Но чисто-отвлеченное ученіе о сущности Божества, о духовномъ почитаніи какого-то невидимаго, безтѣлеснаго Іеговы, не могло быть доступно людямъ, которые вчера еще были въ цѣпяхъ. Въ достаточной мѣрѣ созрѣвшими для такого ученія Моисей считалъ лишь ихъ сыновей и внуковъ. Этому то второму и третьему поколѣнію бывшихъ рабовъ великій законодатель, умирая, хотѣлъ своей второй книгой законовъ внушить истинныя понятія о любви къ Богу: „Господь единъ, и ты долженъ возлюбить Его всѣмъ сердцемъ своимъ, всѣмъ твоимъ существомъ и всей силой своей“[3]). „Чего Господь требуетъ отъ тебя, о Израиль? Только того, чтобы ты Его почиталъ, шелъ по путямъ Его, любилъ Его и поклонялся Ему всѣмъ сердцемъ и всѣмъ существомъ своимъ“[4]). У всѣхъ народовъ земли богопочитаніе своимъ происхожденіемъ имѣло чувство страха; ужасъ передъ могущественными силами природы, передъ какимъ то загадочнымъ существомъ, обитающимъ высоко въ облакахъ, либо глубоко въ безднахъ, заставлялъ дикаря преклонять колѣна. Всѣ средства богопочитанія: алтари, храмы, жертвы, обряды и проч., единственною цѣлью имѣли умилостивленіе этого всесильнаго и грознаго божества. Второзаконіе первое въ основу религіи положило не слѣпой страхъ, не примитивный инстинктъ самосохраненія, а сознательную любовь къ Богу. И тѣмъ самымъ оно значительно приблизило человѣка къ Творцу. Оно сердце человѣческое сдѣлало храмомъ, обителью Бога, желающаго, чтобы Ему служили и поклонялись не за страхъ, а за совѣсть; оно впервые провозгласило великую истину о томъ, что отношенія человѣка къ Богу должны быть

[1]) Второзаконіе 7, 9-13.
[2]) Т. же 1, 5; 28, 69.
[3]) Т. же 6, 4-5.
[4]) Т. же 10, 12.

искренни, какъ отношенія сына къ отцу. Человѣкъ не долженъ трепетать передъ Богомъ, какъ рабъ трепещетъ предъ строгимъ господиномъ своимъ, а относиться къ нему съ упованіемъ и любовью. Эта возвышенная мысль о чистой любви къ Богу, постоянно повторяется въ книгѣ Второзаконія[1]) Она неустанно напоминаетъ израильтянамъ, что они должны всецѣло проникнуться мыслями о единствѣ, величіи и милосердіи Божьемъ и внушать ихъ своимъ дѣтямъ. Внѣшнимъ выраженіемъ этой вѣры въ Іегову будутъ служить особыя повязки, которыя израильтяне должны ежедневно накладывать себѣ на руки и на лобъ, а также особые свитки, прикрѣпленные къ косякамъ дверей каждаго дома и у входовъ въ города[2]). Если народъ усвоитъ себѣ эти возвышенныя представленія о своемъ Богѣ, то онъ возьметъ Его себѣ въ образецъ и примѣръ и подобно Ему будетъ милосердъ и справедливъ, будетъ защищать вдовъ и сиротъ и съ любовью относиться къ пришельцамъ. Крайній эгоизмъ, жестокость и упрямство исчезнутъ съ распространеніемъ въ народѣ любви къ Богу. „Израиль обрѣжетъ свое сердце и склонитъ жестокую выю“[3]).

Это возвышенное религіозно-нравственное ученіе израильтяне должны примѣнять въ жизни путемъ исполненія предписанныхъ имъ законовъ. Законы составляютъ главное содержаніе книги Второзаконія. Въ первой очереди она строжайшимъ образомъ требуетъ отъ израильтянъ полнаго уничтоженія идолопоклонства и всего того, что съ нимъ связано. Почти на каждой страницѣ она твердитъ народу, что поклоненіе всякимъ истуканамъ не только грѣховно, но и грубо, нелѣпо, безсмысленно. Эту мысль она иллюстрируетъ другой параллельной мыслью о безплотности Іеговы, который даже въ моментъ своего явленія народу на Хоревѣ не имѣлъ никакого образа, такъ что израильтяне могли слышать лишь гласъ Его, но не видѣть Его Самого. Какъ безсмысленно поэтому изображать Бога въ какомъ бы то ни было видѣ,—въ образѣ ли мужчины или женщины, какъ это дѣлали финикіяне, въ видѣ разныхъ животныхъ, какъ это было въ обычаѣ у египтянъ, или даже въ видѣ звѣздъ небесныхъ, которымъ, какъ богамъ, поклонялись ассиріяне и вавилоняне! Эти ложныя представленія о мнимыхъ богахъ ведутъ къ самымъ возмутительнымъ преступленіямъ: идолопоклонники доходятъ до того, что сжигаютъ на алтаряхъ даже своихъ родныхъ дѣтей, чтобы этими человѣческими жертвами умилостивить своихъ несуществующихъ боговъ. Второзаконіе настойчиво предостерегаетъ израильтянъ противъ увлеченія такими ужасными заблужденіями, неоднократно заявляетъ, что они внушаютъ отвращеніе Богу и что великій грѣхъ соверша-

[1]) Второзаконіе **11**, 1; **13**, 22; **13**, 4; **19**, 9; **36**; **16**, 20 ср. Іошуа **22**, 5; **23**, 11.

[2]) Т. же **6**, 4-8; **11**, 18 и дд.

[3]) Т. же **10**, 16; **30**, 6.

етъ тотъ, кто считаетъ принесеніе въ жертву дѣтей закономъ предписаннымъ самимъ Богомъ: „Къ закону вы ничего не должны прибавлять и ничего отъ него не отбавлять“[1]). Такъ какъ идолопоклонство всякаго рода есть издѣвательство надъ Богомъ Израиля, то Второзаконіе требуетъ уничтоженія всѣхъ мѣстъ для служенія идоламъ, разрушенія всѣхъ жертвенниковъ, колоннъ, священныхъ деревьевъ и изображеній разныхъ боговъ изъ дерева и серебра. Далѣе законъ предписываетъ, чтобы всякій пророкъ или оракулъ, совращающій толпу въ идолопоклонство, былъ предаваемъ смертной казни, за то, что онъ отвращаетъ народъ отъ его истиннаго Бога. Такому же наказанію подвергаются и ближайшіе родные или друзья того израильтянина, котораго они совратили въ язычество. Такихъ совратителей слѣдуетъ избивать камнями до смерти[2]). Городъ, населеніе котораго дало себя совратить въ идолопоклонство, долженъ со всѣмъ своимъ имуществомъ быть преданъ огню[3]). Съ ханаанейскими народцами израильтяне не должны вступать въ бракъ и вообще не заключать съ ними никакихъ союзовъ, потому что они будутъ стараться совратить ихъ въ свою вѣру. Съ другой стороны идумейцы и египтяне могутъ быть—по крайней мѣрѣ въ третьемъ поколѣніи — приняты въ лоно Израиля, — первые, по близкому родству ихъ съ израильтянами, а вторые—изъ признательности къ тѣмъ, которые нѣкогда ихъ пріютили въ своей странѣ. Аммониты же и моавиты, поселившіеся среди израильтянъ, и въ десятомъ поколѣніи не могутъ быть допущены въ ихъ общину за то, что они ихъ нѣкогда не пропустили черезъ свою землю.

Такое же важное значеніе, какъ уничтоженію идолопоклонства, Второзаконіе придаетъ также и служенію истинному и единому израильскому Богу. Жертвоприношеніямъ оно при этомъ придаетъ сравнительно небольшое значеніе. Оно во всякомъ случаѣ подчеркиваетъ, что жертвы должны быть приносимы только въ опредѣленныхъ мѣстахъ, избранныхъ самимъ Богомъ, и такимъ образомъ все же признаетъ жертвоприношенія законными и угодными Богу. Но въ то же время оно стремится по возможности ихъ ограничить. За исключеніемъ центральнаго святилища вовсе не слѣдуетъ приносить жертвы. Внѣ этого пункта мясо не можетъ быть вкушаемо, какъ освященное, а должно быть просто употребляемо въ пищу, съ отдѣленіемъ, разумѣется, чистаго отъ нечистаго. Этими постановленіями законъ стремится сдѣлать ненужными приватные жертвенники и такъ называемыя „высоты“. Ибо народъ не могъ разстаться съ ними именно потому, что по древнему обычаю мясо ручныхъ животныхъ могло быть

[1]) Второзаконіе **13**, 1.
[2]) Т. же **13**, 2 и дд.
[3]) Т. же **13**, 13 и дд.

употребляемо въ пищу не иначе, какъ въ видѣ принесенной Богу жертвы; съ другой стороны израильтяне не могли, разумѣется, отправляться къ главному храму съ каждымъ воломъ или овцой, предназначенными къ убою. И самому царю Хизкіи, при всей строгости, съ какой онъ преслѣдовалъ эти приватные алтари и высоты, не удалось все-таки ихъ искоренить. Отъ нихъ между тѣмъ больше всего и распространялось въ народѣ идолопоклонство. Второзаконіе и стремилось отучить народъ отъ этихъ приватныхъ алтарей. Оно даже хотѣло по возможности сократить число жертвоприношеній въ самомъ Іерусалимскомъ храмѣ. Отсюда и произошелъ законъ, по которому во дворахъ этого храма можетъ быть употребляемо въ пищу мясо однихъ перворожденныхъ животныхъ, принесенныхъ въ жертву, или такихъ, которыя были принесены въ жертву по обѣту. „Если ты упустишь обѣщать Богу жертву, то это не почтется тебѣ за грѣхъ; ты обязанъ исполнять только то, что ты самъ устами обѣщалъ“[1]). Въ этомъ пунктѣ Второзаконіе идетъ гораздо дальше первыхъ моисеевыхъ постановленій о жертвоприношеніяхъ и обѣтахъ. Десятина всякой снѣди и первенцы животныхъ не должны быть передаваемы аронидамъ, а самъ владѣлецъ ихъ можетъ вкушать ихъ во дворѣ храма. Законъ придаетъ значеніе лишь тому, чтобы къ жертвенной трапезѣ приглашались также сироты, вдовы и чужеземцы, не имѣющіе своей земельной собственности и въ особенности рабы и рабыни, на которыхъ законъ такимъ образомъ смотритъ, какъ на обязательныхъ членовъ всякой семьи, приносящей что-либо Богу въ жертву. Налоги въ пользу потомковъ Арона Второзаконіе вообще сильно сократило, признавъ за ними право лишь на небольшую часть сбора хлѣба, вина и оливокъ, кое-что отъ шерсти овецъ и, наконецъ, часть жертвъ, приносимыхъ въ храмъ. На десятину же, или десятую часть десятины отъ урожая зерна, новое законодательство не признаетъ за аронидами права и предоставляетъ самимъ владѣльцамъ вкушать ее въ центральномъ святилищѣ съ привлеченіемъ къ тому всѣхъ неимущихъ. Только разъ въ три года или по два раза въ недѣлю владѣлецъ не имѣетъ права самъ распоряжаться десятиной, а обязанъ предоставлять ее другимъ, и притомъ не однимъ левитамъ, а также и всѣмъ тѣмъ, у кого нѣтъ своей земли, а равно и иноплеменникамъ, сиротамъ и вдовицамъ.

При посѣщеніи храма важнѣе всего живое слово. Міряninъ, явившійся въ святилище, долженъ обратиться съ благодарственной молитвой къ Подателю благъ земныхъ. Землевладѣлецъ, пришедшій въ храмъ съ первыми плодами своего урожая, обязанъ возблагодарить Господа за освобожденіе его предковъ отъ египетскаго рабства и за то, что онъ ввелъ

[1]) Второзаконіе **23**, 22-24.

ихъ во владѣніе обѣтованной земли.[1]) И каждый третій годъ, годъ выдачи десятины левитамъ, пришельцамъ и сиротамъ, такой міряннинъ обязанъ предъ алтаремъ заявить, что онъ добросовѣстно исполнитъ свои обязанности и изъ благъ земныхъ, которыми Господь его благословилъ, не преминетъ удѣлить законную часть нуждающимся. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не только за себя, но и за весь народъ долженъ произнести молитву; „Воззри изъ священной обители твоей, съ небесъ, и благослови Израиля и землю, которую Ты намъ далъ, какъ Ты предкамъ нашимъ обѣщалъ, землю, изобилующую млекомъ и медомъ."[2]).

Три праздника, къ которымъ совершались паломничества въ храмъ, Второзаконіе называетъ праздниками веселья: праздникъ неквашеннаго хлѣба, седмицъ и кущей. Въ эти праздники должны быть приносимы жертвы по обѣту и мясо ихъ съѣдаемо, причемъ и въ этой трапезѣ должны принимать участіе всѣ неимущіе: „Ты долженъ помнить, что ты самъ нѣкогда былъ рабомъ въ Египтѣ". Относительно Пасхи, предшествовавшей празднику неквашеннаго хлѣба, предписывается, что она можетъ быть отпразднована исключительно въ избранномъ мѣстѣ. Новое законодательство вводитъ два отклоненія отъ прежнихъ законовъ о Пасхѣ, а именно, что жертвы могутъ быть приносимы въ этотъ день не только мелкимъ, но и крупнымъ скотомъ, и что мясо этихъ жертвъ можетъ быть употребляемо въ пищу не только въ жареномъ, но и въ вареномъ видѣ.

Съ особой важностью Второзаконіе трактуетъ судебное дѣло. Въ каждомъ городѣ должны быть назначены судьи и при нихъ писцы, первые для разбирательства дѣлъ, а вторые для исполненія приговоровъ. Судьи должны имѣть въ виду одно правосудіе, оберегать себя отъ всякаго подкупа и не взирать на лицъ. Указывается при этомъ, что самъ Моисей избралъ въ судьи людей мудрыхъ и праведныхъ и внушилъ имъ слѣдующее: „Вы обязаны разбирать споры между однимъ израильтяниномъ и другимъ, а также между вашими соплеменниками и чужими; самаго незначительнаго человѣка вы должны выслушивать съ такимъ же вниманіемъ, какъ и самаго виднаго, никого не боясь, ибо правосудіе отъ Бога; въ затруднительныхъ же случаяхъ обращайтесь ко мнѣ"[3]). Второзаконіе прибавляетъ къ этому, что если судьи въ городахъ затрудняются въ произнесеніи приговоровъ по дѣламъ объ убійствѣ, нарушеніи права собственности, и увѣчьи, то они должны обращаться къ высшей инстанціи, которая состоитъ изъ священнослужителей и другихъ судей, находящихся въ центральномъ пунктѣ. Рѣшенія этого высшаго суда имѣютъ окончательную силу. „Отъ того,

[1]) Второзаконіе **26**, 2-11.
[2]) Т. же **26**, 12-15.
[3]) Т. же **1** 15-17.

что эти судьи рѣшили, ты не долженъ отступать ни вправо, ни влѣво". Нарушающій приговоръ священника или судьи, стоящаго во главѣ высшаго суда, подлежитъ смертной казни. Всякій смертный приговоръ можетъ быть, однако, произнесенъ лишь на основаніи вполнѣ согласнаго показанія двухъ или трехъ свидѣтелей. Показаніе одного свидѣтеля не имѣетъ никакой цѣны. Свидѣтели вообще должны быть допрошены обстоятельно и со вниманіемъ, чтобы выяснить правдива и основательна-ли жалоба, предъявленная противъ обвиняемаго.[1]) Судьи должны внимательно слѣдить за тѣмъ, чтобы не проливалась невинная кровь, а настоящая вина не оставалась не наказаной. Для неосторожныхъ убійцъ должно быть назначено не менѣе шести городовъ-убѣжищъ; самъ Моисей, признавая важность такихъ убѣжищъ избралъ для этого за Іорданомъ три города, и при этомъ прибавилъ: „Когда предѣлы страны твоей будутъ расширены, то ты къ этимъ шести убѣжищамъ прибавишь еще три". Преднамѣренный же убійца долженъ быть взятъ изъ города, въ которомъ скрывается, и преданъ смерти. Второзаконіе караетъ смертью не только предумышленное убійство, идолопоклонство и торговлю людьми, но также прелюбодѣяніе, а равно и развратное поведеніе дѣвицы въ домѣ своего отца. Смертной казни далѣе подлежитъ непокорный, упрямый сынъ, который несмотря на воспитаніе, данное ему родителями, не слушаетъ ихъ и предается пьянству и разврату. Съ большой строгостью новое законодательство относится также и къ лжесвидѣтелю: „сдѣлайте ему, какъ онъ намѣревался сдѣлать ближнему своему, безъ пощады отнимите у него жизнь за жизнь, глазъ за глазъ, руку за руку и ногу за ногу"[2]). Второзаконіе, однако, и въ преступникѣ не допускаетъ униженія человѣческаго достоинства. Тѣло повѣшеннаго не слѣдуетъ оставлять на деревѣ на ночь; оно, до наступленія вечера, должно быть снято съ него и предано землѣ. Далѣе, если судья кого-нибудь присудилъ къ тѣлесному наказанію, то число ударовъ не должно быть больше сорока, „дабы братъ твой многочисленными ударами и ранами не былъ униженъ въ глазахъ твоихъ"[3]). Тѣлесному наказанію подвергался клеветникъ, который, напримѣръ, ложно обвинилъ свою супругу въ распутномъ поведеніи или взвелъ поклепъ на честную дѣвушку.

Книга Второзаконія касается также царской власти и разными ограниченіями стремится сдѣлать ее безвредной. „Ты долженъ избирать себѣ царя, подобно прочимъ народамъ, кругомъ тебя живущимъ, и безпрекословно ему повиноваться". Но царь долженъ быть избранъ Богомъ, т. е. утвержденъ и помазанъ на царство пророкомъ, и не можетъ быть выбираемъ

[1]) Второзаконіе 13, 15.
[2]) Т. же 19-21
[3]) Т. же 25, 1-3.

изъ иноплеменниковъ. Царь не долженъ держать много лошадей и вступать въ сношенія съ Египтомъ, чтобы оттуда вывозить лошадей. Онъ не долженъ также имѣть много женъ, дабы онъ въ увлеченіи ими не забылъ Бога. Царь, далѣе, не вправѣ собирать въ личную собственность серебра и золота. Онъ обязанъ строго держаться закона, отнюдь не ставя себя внѣ и выше его и подчиняясь ему наравнѣ со всѣми своими подданными. „Только въ этомъ случаѣ", прибавляетъ Второзаконіе, „его царствованіе будетъ продолжительно". Вторая книга законовъ содержитъ также нѣчто вродѣ военнаго устава. При покореніи туземныхъ ханаанейскихъ народцевъ ни одинъ человѣкъ не долженъ быть оставленъ въ живыхъ, „дабы они не научили васъ подражать своимъ ужасамъ". Наоборотъ, при осадѣ городовъ внѣ Ханаана жителямъ ихъ должны быть предъявляемы мирныя условія; если они принимаютъ эти условія, то на нихъ можно лишь наложить дань, но сами они должны быть пощажены. Если же они предложенныя имъ условія отклоняютъ, а городъ ихъ будетъ взятъ, то предаются мечу всѣ взрослые жители, воины, женщины же и несовершеннолѣтнія дѣти должны быть пощажены [1]). При осадѣ городовъ плодовыя деревья не должны быть вырубаемы даже въ томъ случаѣ, если это требуется условіями осады. Освобождаются отъ воинской повинности и вообще отъ всякой государственной службы новобрачные въ теченіе перваго года послѣ вступленія ихъ въ бракъ „дабы они радовали женъ своихъ"[2]). Глашатаи должны передъ отправляющимися въ походъ войсками объявлять: „кто выстроилъ новый домъ, посадилъ новый виноградникъ, или обручился съ невѣстой,—тѣ да оставятъ ряды войска, дабы въ случаѣ, если они падутъ на войнѣ, другіе не завладѣли ихъ имуществомъ и не похитили ихъ невѣстъ". Боязливымъ и трусамъ также безпрепятственно предоставлялось покидать отправляющееся въ походъ войско, дабы они малодушіемъ своимъ не заражали прочихъ воиновъ. Лагерь долженъ быть содержимъ въ чистотѣ, „ибо Господь (ковчегъ завѣта) вмѣстѣ съ тобою обрѣтается въ твоемъ станѣ, лагерь твой по этому святъ и ничему нечистому въ немъ не можетъ быть мѣста"[3]).

Новое законодательство огромное значеніе придаетъ также благотворительности въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Оно стремится внушить израильтянамъ чувство братской любви ко всякаго рода безпомощнымъ и неимущимъ и предписываетъ имущимъ особое о нихъ попеченіе. Имъ должна быть предоставлена не только десятина, но и часть

---

[1]) Второзаконіе **20**, 10-18

[2]) Т. же **24**, 5.

[3]) Т. же **23**, 16. Отождествленіе ковчега завѣта съ Богомъ слѣдуетъ также и изъ „Чиселъ" (**10**, 35-36).

урожая. Плоды съ оливковыхъ деревьевъ и съ виноградныхъ кустовъ не должны быть сняты сполна: остатокъ долженъ быть оставляемъ для бѣдныхъ сиротъ и вдовъ. Если въ полѣ случайно былъ забытъ снопъ, то его нельзя подбирать, а надо оставлять въ пользу неимущихъ. „Ты долженъ помнить, что ты былъ безпомощнымъ рабомъ въ Египтѣ и потому Я повелѣваю тебѣ такъ поступать"[1]). Если бѣднякъ, изъ своихъ или чужихъ, нанимается на поденную работу, то заработная плата его не можетъ быть удерживаема; она должна быть уплачиваема ему до захода солнца, „ибо онъ бѣденъ и ждетъ своей платы". Постановленія о юбилейныхъ годахъ въ Второзаконіи значительно расширены. На седьмомъ году долги считаются погашенными и заимодавцы не вправѣ взыскивать ихъ съ бѣдныхъ должниковъ. Законъ этотъ не примѣняется лишь къ иноземцамъ, не живущимъ въ самой странѣ[2]). Богатый, въ виду приближенія седьмого года, опасаясь потерять свои деньги, не долженъ однако стѣснять своего должника. „Не ожесточай своего сердца и не закрывай руки своей передъ нуждающимся братомъ твоимъ, но ссужай его по мѣрѣ его надобности"[3]). Заимодавецъ не вправѣ взимать съ должника процентовъ, въ какомъ бы то ни было видѣ. Если въ теченіе семи лѣтъ долгъ остался неуплаченнымъ, то заимодавецъ не имѣетъ права входить въ домъ должника для полученія залога; должникъ самъ—согласно рѣшенію суда—долженъ добровольно дать ему такой залогъ. Если въ залогъ отдано носильное платье, то заимодавецъ обязанъ возвратить его къ заходу солнца[4]). Мельница и мельничные жернова вовсе не могутъ быть закладываемы, ибо это значило бы закладывать свой источникъ существованія. У вдовы не долженъ быть взятъ въ залогъ ея нарядъ[5]). Отпуская израильтянина-раба на свободу послѣ семилѣтней его службы, хозяинъ не долженъ отпускать его съ пустыми руками, а обязанъ выдать ему нѣсколько штукъ скота, опредѣленное количество зерна, оливокъ и винограда: „Ты долженъ помнить, что ты самъ былъ рабомъ въ Египтѣ"[6]). И въ другихъ отношеніяхъ Второзаконіе внушаетъ израильтянамъ человѣколюбіе и состраданіе. Рабъ, бѣжавшій въ израильскую страну изъ сосѣднихъ земель, спасаясь отъ своего владѣльца, не подлежитъ выдачѣ: „Пусть онъ останется у тебя и изберетъ себѣ городъ для постояннаго пребыванія, ты же не дол-

[1]) Второзаконіе **24**, 14-15.
[2]) Т. же **15**, 1-3.
[3]) Т. же **15**, 7-11.
[4]) Т. же **24**, 10 и дд.
[5]) Т. же **24**, 17.
[6]) Т. же **15**, 12 и дд.

женъ его стѣснять"[1]). Даже и по отношенію къ врагу рекомендуется состраданіе. „Если кто-нибудь привезетъ съ собой изъ войны иноплеменницу, и пожелаетъ взять ее себѣ въ жены, то онъ долженъ дать ей мѣсяцъ времени для оплакиванія ея родныхъ, и только послѣ этого онъ можетъ жениться на ней. Если же онъ жениться на ней не намѣренъ, то онъ не вправѣ продавать ее въ рабство, а долженъ отпустить ее на волю[2]). Владѣющій земельнымъ имуществомъ не долженъ строго отстаивать свое право собственности. Странникъ имѣетъ полное право взять съ чужого виноградника нѣсколько гроздей для утоленія своего голода или жажды. Съ собою онъ не вправѣ, однако, брать ничего чужого. Разоряя птичье гнѣздо, нельзя отдѣлять птицу отъ ея птенцовъ, ибо даже въ животномъ надо уважать материнское чувство[3]).

Замѣчательно, что нѣкоторыя постановленія, по первымъ Моисеевымъ законамъ относящіяся лишь къ священнослужителямъ изъ аронидовъ, Второзаконіемъ распространены на весь народъ, сдѣланы обязательными и для міранъ. Въ видѣ объясненія къ этому говорится, что не только духовенство, но и „весь народъ долженъ быть святъ", всякія различія между священниками и народомъ должны поэтому отпасть. Такъ, причиненіе себѣ ранъ или вырываніе волосъ на головѣ въ знакъ траура по близкомъ родномъ старое законодательство запрещало только аронидамъ, новое же запрещаетъ этотъ языческій обычай всему народу: „Вы всѣ дѣти Господа Бога вашего. Не наносите себѣ ранъ и не дѣлайте себѣ плѣшей на головѣ съ горя по мертвомъ. Ибо вы—народъ, посвященный Богу, избранный Имъ изъ всѣхъ народовъ земли"[4]). Старые законы однимъ аронидамъ не разрѣшали употреблять въ пищу мясо палыхъ или растерзанныхъ животныхъ, новые же запрещаютъ это и міранамъ, ибо и они должны стремиться къ святости и не могутъ поэтому осквернять себя употребленіемъ въ пищу падали или нечистыхъ животныхъ. Замѣчателенъ также законъ о пророкахъ, которыхъ законъ ставитъ весьма высоко, выше первосвященниковъ. Всему, что истинный пророкъ вѣщаетъ именемъ Бога, должно вѣрить и неукоснительно слѣдовать. Ложные же пророки, вѣщающіе то, что Господь имъ не внушалъ или говорящіе именемъ чужого Бога, подлежатъ смертной казни: „Когда ты не можешь отличать истиннаго пророка отъ ложнаго, то знай, что если пророкъ вѣщалъ именемъ Бога и слово его не сбылось, то онъ никакого внушенія свыше не получалъ и ты можешь не бояться его"[5]).

[1]) Второзаконіе 23, 16-17.
[2]) Т. же 21, 10-14.
[3]) Т. же 22, 6-7.
[4]) Т. же 14, 1-2. Ср. Левитъ 21, 5-6.
[5]) Т. же 18, 18-22.

Моисей настойчиво требуетъ отъ израильтянъ точнаго соблюденія всѣхъ этихъ законовъ и предписаній. Ибо они,—говорилъ онъ,—составляютъ „славу Израиля, доказательство его мудрости въ глазахъ всѣхъ народовъ". Узнавъ о нихъ, люди скажутъ: „Конечно, народъ этотъ мудръ и проницателенъ, ибо нѣтъ на землѣ другого народа, который имѣлъ бы столь справедливые законы и правила, какъ это ученіе"[1]). Соблюденіе и нарушеніе этихъ законовъ не есть нѣчто безразличное для будущаго Израиля, ибо отъ того и другого зависитъ самое существованіе его въ Обѣтованной землѣ[2]). Счастье и несчастье, благословеніе и проклятіе, жизнь и смерть всего народа самымъ тѣснымъ образомъ связано съ исполненіемъ или неисполненіемъ этихъ законовъ[3]). Послѣдніе къ тому же такъ легко исполнять, и никакого напряженія для этого не требуется: „Законъ, который я нынѣ тебѣ даю, не на небѣ, чтобы ты могъ сказать: „Кто же взойдетъ для насъ на небеса и принесетъ это ученіе намъ, дабы мы могли ему слѣдовать?" И не за моремъ онъ, чтобы ты могъ сказать: „Кто повезетъ насъ за море, чтобы мы могли его взять?" Нѣтъ, близко къ тебѣ это ученіе, оно въ твоихъ устахъ и въ твоемъ сердцѣ, и отъ тебя одного зависитъ слѣдовать ему"[4]). Самъ Моисей записалъ эти законы и вручилъ свитокъ аронидамъ и старѣйшинамъ, приказавъ имъ засвидѣтельствованный списокъ съ него хранить въ святилищѣ рядомъ съ ковчегомъ завѣта; левиты обязаны были беречь его, какъ святыню. При переходѣ черезъ Іорданъ законы эти должны быть начертаны на обмазанныхъ известью камняхъ, которые затѣмъ слѣдуетъ поставить на вѣчныя времена на горѣ Эвалъ у Сихема. Каждыя семь лѣтъ, по истеченіи юбилейнаго года, законы эти должны быть прочитываемы всему народу, собравшемуся на праздникъ Кущей, мужчинамъ и женщинамъ, дѣтямъ и пришельцамъ, дабы всѣ они научились почитать и любить Бога и исполнять Его велѣнія. Каждый израильскій царь при вступленіи своемъ на престолъ долженъ обзавестись спискомъ этого кодекса законовъ, хранить его у себя и постоянно его перечитывать.

Эта книга законовъ, послѣднее слово синайскаго ученія и лебединая пѣснь Моисея по справедливости во всѣ времена считалась величайшимъ историческимъ памятникомъ. Обнародованіе ея составляетъ поворотный пунктъ въ исторіи не одного израильскаго, но и всѣхъ культурныхъ народовъ вообще. Содержаніе этой книги, форма, въ которую законы ея облечены, отечески-увѣщательный тонъ, въ которомъ они писаны, пред-

[1]) Второзаконіе 4, 6-8.
[2]) Т. же 32, 46-47.
[3]) Т. же 11, 26-28; 30, 15 и дд.
[4]) Т. же 30, 11-14.

писаніе о томъ, чтобы они въ опредѣленные сроки были читаемы всему народу, до женщинъ и пришельцевъ включительно,—все это ни въ какой другой книгѣ этой категоріи не встрѣчается. Въ самомъ дѣлѣ, у какого народа можно найти законодательство, которое отъ первой строки до послѣдней было бы проникнуто возвышенной мыслью о познаніи единаго Бога и святости жизни? И это столь идеальное ученіе не должно было остаться достояніемъ тѣснаго круга посвященныхъ: оно, наоборотъ, предназначено было стать настольной книгой всего народа, до иноплеменниковъ, среди него поселившихся, включительно. Иныя статьи этого кодекса посвящены, правда, внѣшнимъ аттрибутамъ религіи, храму, жертвоприношеніямъ и всякаго рода другимъ обрядностямъ; но истинный духъ его не въ этихъ постановленіяхъ. Первенствующее мѣсто Второзаконіе отводитъ и важнѣйшее значеніе придаетъ чисто этическимъ началамъ: справедливости, любви къ ближнему, нравственной чистотѣ, святости и праведности человѣка. Столь огромное значеніе придавалъ Моисей именно этимъ нравственнымъ началамъ, положеннымъ имъ въ основаніе своего законодательства, что, умирая, наказалъ аронидамъ и левитамъ, чтобы они по вступленіи народа въ Ханаанъ возвѣстили благословеніе Божье и счастье тѣмъ, которые будутъ слѣдовать его ученію, и проклятіе и несчастіе тѣмъ, которые отступятъ отъ него. Благословеніе должно было быть провозглашено съ горы Гаризимъ, а проклятіе—съ горы Эвалъ. Народъ будетъ раздѣленъ священнослужителями на шесть благословляющихъ и шесть проклинающихъ колѣнъ. Проклятія должны быть произнесены противъ двѣнадцати закононарушеній, которыя всѣ относятся къ отступленію отъ чистаго божественнаго ученія и нарушенія законовъ о справедливости, любви къ ближнимъ и нравственной чистотѣ.

„Проклятъ да будетъ человѣкъ, который сдѣлаетъ себѣ идола, руками человѣческими изваяннаго и Богу отвращеніе внушающаго, и станетъ ему поклоняться. Проклятъ будетъ тотъ, кто отца и мать свою не почитаетъ, кто межу сосѣда своего передвигаетъ, кто сбиваетъ съ пути слѣпого, кто чинитъ блудъ съ сестрою или мачехой своей или со скотомъ, кто тайно убиваетъ ближняго своего; проклятъ судья, который беретъ взятки и осуждаетъ невиннаго, кто нарушаетъ права пришельца, сироты и вдовы; проклятъ да будетъ всякій, кто не исполняетъ этихъ законовъ"[1])

Моисей предвидѣлъ, разсказываетъ далѣе Второзаконіе, что несмотря на всѣ его предостереженія и напоминанія, ученіе его все-таки будетъ нарушено и вслѣдствіе этого надъ народамъ „въ концѣ дней" разразится великое несчастье. Израильтяне, однако, вину въ этомъ несчастіи не при-

[1]) Второзаконіе 27, 15 и дд.

знаютъ за собой и взвалятъ ее на своего Бога. Въ виду этого Моисей составилъ особую пѣснь и повелѣлъ левитамъ заучить ее наизусть. Въ этой пѣснѣ говорится, что вслѣдствіе продолжительнаго благоденствія изнѣженный и пресыщенный народъ отвернется отъ своего истиннаго Бога и обратится къ ложнымъ богамъ, которыхъ предки его не признавали и что нѣкій низкій народъ жестоко покараетъ его за этотъ тяжкій грѣхъ. И только послѣ того, какъ чужіе, ими самими избранные боги имъ не помогутъ, израильтяне образумятся и поймутъ, что только тотъ Богъ, который съ такими чудесами освободилъ ихъ изъ рабства и осыпалъ ихъ всевозможными благодѣяніями,—что Онъ одинъ даетъ жизнь и смерть, одинъ ранитъ и исцѣляетъ; Онъ же отомститъ за свой народъ и очиститъ его оскверненную страну.

Потрясающее впечатлѣніе производитъ эта пѣснь, въ которой великій пророкъ грозитъ народу ужасными карами за нарушеніе его, именемъ Бога данныхъ законовъ. Въ этихъ проклятіяхъ Моисей приподымаетъ завѣсу съ темнаго и далекаго будущаго и перечисляетъ тѣ ужасныя бѣдствія, которыя ждутъ народъ и его царя, если они будутъ упорствовать въ своихъ заблужденіяхъ. Всевозможныя несчастія, какія только могутъ привести человѣка въ отчаяніе, изображены въ этой мрачной картинѣ Божьяго проклятія съ ужаснымъ реализмомъ: засухи и неурожаи, голодъ и жажда, проказа, чума и „всѣ язвы египетскія“ съ одной стороны, пораженія мечомъ, плѣнъ и тяжелое рабство на чужбинѣ съ другой, разбитыя сердца, помутившійся разумъ и полное помѣшательство, наконецъ, съ третьей стороны. „Господь пошлетъ на тебя изъ дальнихъ странъ, съ краевъ земли народъ, быстротою подобный орлу летающему, народъ наглый и сердцемъ жестокій, который у тебя все твое достояніе ограбитъ и всѣ твои крѣпкіе и высокіе города, на которые ты надѣешься, подвергнетъ осадѣ. Терзаемый голодомъ, ты во время этихъ осадъ будешь пожирать своихъ собственныхъ дѣтей. Нѣжнѣйшая, добрѣйшая жена, которая никогда необутой ногой не прикасалась къ землѣ, будетъ грызть тѣло своего новорожденнаго младенца, ничего не удѣляя изъ него другимъ своимъ дѣтямъ. Господь разсѣетъ тебя между всѣми народами земли, отъ одного конца ея до другого. Ты будешь тамъ поклоняться богамъ изъ дерева и камня, но зато никогда не будешь имѣть покоя: ты будешь коротать жалкіе дни свои съ вѣчно трепещущимъ въ груди сердцемъ, съ болью и отчаяніемъ въ душѣ. По утрамъ ты съ тоскою будешь молить: „О, еслибъ уже наступилъ вечеръ!“ а по вечерамъ ты будешь вопрошать: „дождусь ли я когда-нибудь утра!“ И царь, котораго ты себѣ изберешь, вмѣстѣ съ тобою будетъ увезенъ въ плѣнъ неизвѣстнымъ тебѣ народомъ“[1]).

---

[1]) Второзаконіе 28, 15 и дд.

Эту единственную въ своемъ родѣ книгу законовъ, которую первосвященникъ Хилкія нашелъ въ храмѣ и вручилъ „счетчику" Шафану, послѣдній понесъ къ царю и тутъ же прочиталъ ему изъ нея нѣкоторые отрывки. Устрашенный угрозами, въ ней выраженными, уничтоженный мыслью о томъ, что онъ допускалъ всякія беззаконія, противъ которыхъ эта книга именемъ Бога съ такой силой возстаетъ, царь съ горя разорвалъ свои одежды. Молодой и впечатлительный Іошія пришелъ въ отчаяніе при мысли о томъ, что тяжелыя кары, которыми законъ угрожаетъ народу и царямъ за его нарушеніе завѣта, могутъ вскорѣ постигнуть Іудею и его, царя самого. Въ своей безпомощности Іошія призвалъ первосвященника Хилкію, чтобы съ нимъ обсудить, что ему предпринять. По его совѣту, царь послалъ его самого и нѣкоторыхъ своихъ сановниковъ, а также и Ахикама, сына Шафана, приверженца пророческой партіи, къ одной женщинѣ, которая славилась своимъ пророческимъ даромъ, чтобы спросить ее, должна-ли страна ожидать скорой кары за свои грѣхи. Іеремію при этомъ обошли, вѣроятно изъ-за его молодости; по неизвѣстнымъ причинамъ не обратились также и къ болѣе старому пророку Цефаніи. Пророчица, къ которой царскіе послы отправились, по имени Хулда, была женою смотрителя царскаго гардероба, Шаллума, происходившаго изъ одной старой семьи. Хулда черезъ посланныхъ успокоила царя, заявивъ, что бѣдствія, возвѣщенныя народу, произойдутъ не въ его дни, потому что онъ созналъ свои грѣхи и раскаялся. Царь,—прибавила пророчица,—не долженъ, однако, удовольствоваться однимъ раскаяніемъ, а перейти къ дѣлу, покончивъ со всѣми мерзостями идолопоклонства, съ пороками и беззаконіями, царившими въ странѣ.

Успокоенный такимъ образомъ насчетъ судьбы народа въ его царствованіе, Іошія съ необыкновеннымъ рвеніемъ принялся за искорененіе въ странѣ язычества и введеніе новыхъ порядковъ. Въ точности слѣдуя при этомъ предписаніямъ найденной въ храмѣ книги законовъ, онъ съ гораздо большей строгостью еще, чѣмъ Хизкія, сталъ искоренять въ странѣ идолопоклонство. Онъ началъ съ того, что созвалъ въ храмъ старѣйшинъ народа изъ столицы и со всей страны, все населеніе Іерусалима, всѣхъ священнослужителей и пророковъ, и даже чернорабочихъ, состоявшихъ при храмѣ. Собравъ весь этотъ народъ, царь, ставъ на амвонъ, прочиталъ ему только что найденную книгу законовъ. Впервые весь народъ іудейскій былъ ознакомленъ съ своимъ національнымъ вѣроученіемъ, съ законами своими, съ тѣми обязанностями, которыя они на него возлагали, а также и съ тѣми перспективами, которыя его ждали за ихъ нарушеніе. По окончаніи чтенія царь предложилъ присутствующимъ заключить съ нимъ формальный союзъ, по которому они обязались бы всѣмъ сердцемъ и всею

душою слѣдовать только что выслушаннымъ законамъ и предписаніямъ. Формальность союза состояла по всей вѣроятности въ томъ, что царь, князья и священнослужители, согласно древнему обычаю, прошли по кускамъ мяса отъ спеціально для того заколотаго и разрѣзаннаго вола. При этомъ участвовавшіе въ процессіи громко произносили слова: „Да будетъ проклятъ тотъ, кто нарушитъ этотъ союзъ", а весь остальной народъ возглашалъ: „Аминь". Послѣ этого царь громогласно приказалъ первосвященнику Хилкіи, его помощнику и всѣмъ левитамъ очистить храмъ отъ всего, что имѣло какое-либо отношеніе къ языческимъ культамъ. Такимъ образомъ выброшены были изъ храма и уничтожены неблагопристойное изображеніе Астарты, поставленное царемъ Манаше въ храмѣ, алтари и кельи храмовыхъ гетеръ, вся утварь, принадлежавшая къ культу Ваала и Астарты, колесница ассирійскаго бога солнца съ конями, стоявшими у преддверія храма и, наконецъ, жертвенники для служенія небеснымъ свѣтиламъ; все это было разрушено и сожжено въ долинѣ Кедронъ, а пепелъ развѣянъ по кладбищамъ. Алтарь въ долинѣ Гиномъ, на которомъ Молоху приносили въ жертву дѣтей, Іошія приказалъ уничтожить и мѣсто, на которомъ онъ стоялъ, засыпать нечистотами. Также точно поступили и со всѣми другими языческими алтарями, существовавшими на Масличной горѣ еще со временъ Соломона и которые Хизкія оставилъ для жившихъ въ Іерусалимѣ иноплеменниковъ; уничтожены были, разумѣется, также и воздвигнутые при Манаше у входа въ городъ алтари для служенія козламъ, по египетскому культу. Упразднены были затѣмъ въ странѣ и алтари на высотахъ. Іошія при этомъ не ограничился одной Іудеей и проникъ даже въ бывшее израильское царство, до Бетеля, въ которомъ переселившіеся изъ Ассиріи хутейцы и остатки самарійскихъ израильтянъ имѣли свое святилище. Священнослужители, состоявшіе при капищахъ и высотахъ, были низложены; тѣмъ изъ нихъ, которые происходили изъ левитовъ, приказано было поселиться въ Іерусалимѣ, гдѣ надъ ними былъ учиненъ надзоръ; они не имѣли права принимать участіе въ жертвоприношеніяхъ, хотя и получали свою долю отъ сборовъ въ пользу аронидовъ. Иноплеменные жрецы, состоявшіе при языческихъ храмахъ, были совсѣмъ удалены и по всей вѣроятности высланы изъ страны. Особенно жестоко Іошія обошелся съ израильскими священниками въ Бетелѣ, которые продолжали служить введенному тамъ еще Іеровеамомъ культу быка и тѣмъ самымъ способствовали распространенію язычества среди израильтянъ. Царь велѣлъ перебить ихъ всѣхъ на ихъ алтаряхъ и самые алтари осквернить. Іошія въ этомъ случаѣ желалъ дать народу и въ особенности священнослужителямъ устрашающій примѣръ: онъ былъ увѣренъ, что отпаденіе народа отъ его исконной вѣры началось именно здѣсь въ Бетелѣ. Менѣе повинные по-

томки должны были, какъ это сплошь и рядомъ бываетъ, расплачиваться за истинно виновныхъ предковъ своихъ. Въ короткое время Іошія такимъ образомъ покончилъ съ всевозможными языческими культами, разновременно введенными въ Іудеѣ и получившими въ ней распространеніе, придерживаясь при этомъ въ точности предписаніи Второзаконія. Іошія изгналъ также изъ всѣхъ городовъ Іудеи чревовѣщателей, оракуловъ и колдуновъ.

Къ весеннему мѣсяцу того же года (621) царь созвалъ въ Іерусалимъ весь народъ, чтобы вмѣстѣ съ нимъ и согласно предписаніямъ закона отпраздновать въ храмѣ Пасху. На этотъ разъ народъ явился въ столицу добровольно, а не по принужденію, какъ то было при Хизкіи, ибо онъ самъ далъ торжественный обѣтъ строго придерживаться впредь израильскаго закона. Въ этомъ праздникѣ приняло участіе даже и смѣшанное полуизраильское населеніе, разновременно поселившееся въ Сихемѣ, Шиломѣ и Самаріи. Эти хутейцы и послѣ того отъ времени до времени посѣщали іерусалимскій храмъ, такъ какъ ихъ святилища были разрушены Іошіей. Празднованіе Пасхи на этотъ разъ носило особенно торжественный характеръ, благодаря тому, что оно впервые происходило въ присутствіи огромной массы добровольно участвовавшаго въ немъ народа и сопровождалось пѣніемъ псалмовъ и игрою на струнныхъ инструментахъ. Одинъ изъ псалмовъ, составленныхъ, повидимому, спеціально для этого праздника сохранился до сихъ поръ. Приглашая ароnидовъ славить по случаю праздника Бога Якова, левиты-пѣвцы напоминали въ этомъ псалмѣ народу о египетскомъ рабствѣ, освобожденіи отъ него и синайскомъ откровеніи, увѣщевали вмѣстѣ съ тѣмъ народъ навсегда отречься отъ чужихъ боговъ, намекали на изгнаніе изъ страны одной части народа и возвѣщали счастливые дни тѣмъ, кто будетъ слѣдовать законамъ, даннымъ на Синаѣ.

„Воспѣвайте Бога, оплотъ нашъ, возрадуйтесь Богу Якова. Пойте, бейте въ бубны, бряцайте на сладкозвучной арфѣ и многострунной лирѣ, трубите къ новолунію въ трубы по случаю нашего торжественнаго праздника. Ибо это празднованіе—законъ для Израиля, уставъ отъ Бога Якова, память, установленная Имъ въ народѣ въ ознаменованіе того, что Онъ поднялся на египетскую страну. Тогда я услышалъ невѣдомый гласъ: „Я отъ ига освободилъ плечи твои, Я руки твои освободилъ отъ тяжелой ноши. Въ бѣдѣ своей ты обратился ко Мнѣ и я выручилъ тебя. Я услышалъ тебя среди грома и испыталъ тебя у враждебныхъ водъ. Слушай, народъ Мой, Я предостеречь желаю тебя. Если ты, Израиль, хочешь слушать Меня, то да не будетъ иного Бога въ твоей средѣ, и не поклоняйся никакому чужому божеству. Я, Іегова, Господь Богъ твой, который вывелъ тебя изъ Египта. (И если ты будешь повиноваться Мнѣ) то чего бы ты не пожелалъ, Я все исполню“. Но народъ Мой не внялъ Богу сво-

ему, Израиль не покорился Мнѣ, и я изгналъ его, закоснѣлаго сердцемъ, и да слѣдуетъ онъ злымъ помышленіямъ своимъ. Еслибы народъ Мой послушался меня, еслибы Израиль пошелъ по Моимъ путямъ, Я немедленно смирилъ бы враговъ его и наложилъ бы руку на его угнетателей. Враги Мои изъявили бы ему покорность, а Я былъ бы ему всегда въ помощь; Я кормилъ бы его тукомъ пшеницы и насыщалъ бы сокомъ медовымъ"[1]).

Энергичной борьбѣ Іошіи съ язычествомъ пророческая партія придавала столь огромное значеніе, что годъ перваго всенароднаго празднованія Пасхи былъ положенъ ею въ основаніе новаго лѣтосчисленія. Во время этого праздника въ Іерусалимѣ было весьма повышенное настроеніе. Ревнители національнаго вѣроученія, пророческая партія, оставшіеся вѣрными Израилю левиты и „кроткіе" увидѣли свои желанія, на осуществленіе которыхъ они едва смѣли надѣяться, все-таки исполненными. Ужасное идолопоклонство со всѣми его отвратительными аттрибутами, въ теченіе семидесяти лѣтъ сводившее народъ съ пути истины, сразу исчезло, какъ только благочестивый царь съ энергіей взялся за его искорененіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтна стала и нѣкоторая перемѣна къ лучшему въ общественныхъ отношеніяхъ. Іошія требовалъ точнаго исполненія закона объ отпущеніи на волю рабовъ-израильтянъ, прослужившихъ своимъ хозяевамъ шесть лѣтъ. Царь смѣнилъ всѣхъ старыхъ судей и вмѣсто нихъ назначилъ новыхъ людей, честныхъ и безпристрастныхъ, которые по волѣ царя должны были защищать бѣдныхъ и безпомощныхъ отъ богатыхъ и сильныхъ. Царь учредилъ также въ Іерусалимѣ верховный судъ, членами его назначивъ избранныхъ священнослужителей и левитовъ, оставшихся вѣрными національной религіи, а также ревностныхъ сторонниковъ его религіозныхъ реформъ; судъ этотъ служилъ образцомъ въ позднѣйшія времена. Іошія, повидимому, посылалъ начетчиковъ изъ левитовъ съ свитками Второзаконія по разнымъ городамъ и даже деревнямъ Іудеи для поученія вѣрѣ и закону незнакомаго съ ними народа. Іошія сдѣлалъ также одно важное нововведеніе. До него всѣ цари и военачальники іудейскіе, отправляясь на войну, брали съ собою въ походъ святыню израильскую, Ковчегъ завѣта, причемъ левиты носили его впереди войска, какъ талисманъ, обезпечивавшій побѣду надъ врагомъ. Іошія строго запретилъ это, и издалъ распоряженіе, чтобы ковчегъ оставался неприкосновеннымъ въ храмѣ, въ Святой Святыхъ. Рядомъ съ святыней царь, согласно предписанію Второзаконія, которому онъ буквально слѣдовалъ, велѣлъ положить найденный Хилкіей древній списокъ этого свода законовъ. Источники признаютъ, что

[1]) Псаломъ 81.

ни одинъ изъ предшественниковъ Іошіи на израильскомъ престолѣ не смирялся такъ искренне душою передъ Богомъ Израиля и не соблюдалъ съ такой ревностью Моисеевыхъ законовъ, какъ этотъ царь. Князья Іуды, до тѣхъ поръ поклонявшіеся чужимъ богамъ и подражавшіе чужимъ нравамъ, повидимому, помирились съ реформами Іошіи, въ надеждѣ, что политическое положеніе Іудеи отъ этого улучшится, въ особенности по отношенію къ Египту. Іошія дѣйствительно какъ будто сталъ проявлять гораздо больше энергіи и независимости въ своихъ отношеніяхъ къ враждебному Египту.

Въ первой своей пророческой рѣчи Іеремія предсказалъ большую политическую катастрофу, за которой послѣдуетъ возрожденіе. Это предсказаніе стало исполняться уже въ послѣдніе годы царствованія Іошіи. Міродержавная Ассирія, покорившая столько народовъ и странъ, повидимому, шла навстрѣчу окончательной гибели, а на смѣну ей стали возникать другія государства. Ближайшіе вассалы Ниневіи, Мидія и Вавилонія, пользуясь слабостью послѣднихъ ассирійскихъ царей, жестоко расплатились съ нею за всѣ беззаконія, ею надъ ними учиненныя, и нѣсколькими мощными ударами довершили ея паденіе. Избавившись отъ наводнившихъ его страну скиѳскихъ полчищъ (см. выше стр. 221), мидійскій царь Кіаксаръ вступилъ въ борьбу съ сосѣдней Мидіей, которая, благодаря своимъ богатствамъ и своему выгодному положенію у моря также мечтала сдѣлаться великой державой. Пять лѣтъ Кіаксаръ велъ войну съ Аліаттомъ, царемъ мидійскимъ (614—610). Ассирія въ то время была настолько ослаблена, что должна была мириться съ завоевательной дѣятельностью своего бывшаго вассала. Около того же времени правитель Вавилоніи Набополоссаръ (625—605) разорвалъ послѣднія узы, связывавшія еще его страну съ Ассиріей и объявилъ себя независимымъ царемъ. Киликія, также бывшая вассаломъ Ниневіи, точно также отложилась отъ нея и обзавелась своимъ царемъ, въ лицѣ Сіеннезиса. Ослабленіемъ Ассиріи рѣшилъ, наконецъ, воспользоваться и Египетъ, чтобы прежде всего отомстить ей за то зло, которое она ему причинила. Въ Египтѣ въ это время вступилъ на престолъ отважный царь Нехо, сынъ Псамметиха, задавшійся цѣлью возстановить былое могущество Египта. Собравъ огромное войско, онъ рѣшилъ завоевать всю область Ливана, до Евфрата, и затѣмъ смирить и самую Ассирію. Такъ какъ его соперники-завоеватели Кіаксаръ и Алліатъ сильно истощали другъ друга продолжительной войной, то Нехо разсчитывалъ, что они не помѣшаютъ ему присоединить къ Египту не только сирійскую страну, но и самую Ассирію. Воевавшіе цари между тѣмъ успѣли уже заключить миръ. Солнечное затменіе, наступившее какъ разъ въ день рѣшительнаго сраженія между ихъ войсками, привелъ суевѣрныхъ царей въ такой ужасъ, что они тутъ же рѣшили приступить къ мирнымъ пере-

говорамъ, причемъ посредниками служили Набополоссаръ и Сіеннезисъ. По окончаніи войны Кіаксаръ, Алліатъ и Набополоссаръ заключили тройственный союзъ, который былъ упроченъ вступленіемъ въ бракъ дочери мидійскаго царя съ сыномъ Кіаксара и дочери послѣдняго съ Невухаднецаромъ, сыномъ Набополоссара. Этотъ союзъ главнымъ образомъ былъ направленъ, конечно, противъ Ассиріи, которой тогда управлялъ жестокій и развратный царь Сарданапалъ (Саракъ). Могущественнѣйшіе цари того времени такимъ образомъ приступили къ новымъ войнамъ: Кіаксаръ сообща съ Набополоссаромъ—противъ Ниневіи, а Нехо—противъ странъ, расположенныхъ по Евфрату.

Взявъ штурмомъ укрѣпленный филистимскій городъ Газу, Нехо съ войсками своими пошелъ вдоль прибрежной низменности Средиземнаго моря, намѣреваясь черезъ Іезреельскую равнину дойти до Іордана, переправиться черезъ эту рѣку и затѣмъ по кратчайшей дорогѣ, черезъ Дамаскъ, добраться до Евфрата. Іошія, незадолго до того занявшій и присоединившій къ Іудеѣ нѣкоторыя области бывшаго израильскаго царства, входившаго въ составъ Ассиріи, рѣшилъ воспрепятствовать движенію Нехо черезъ эти области. Опасался-ли онъ того, что покоривъ Сирію, Нехо вздумаетъ затѣмъ завоевать и самую Іудею, или онъ сталъ во враждебныя отношенія къ фараону, потому что Набополоссаръ привлекъ его на свою сторону,—по той ли или другой причинѣ, но Іошія собралъ свое ополченіе и выступилъ противъ египетскаго царя, уповая въ этомъ смѣломъ предпріятіи на помощь того Бога, законамъ котораго онъ съ такою ревностью слѣдовалъ. Дошедши съ своимъ войскомъ до города Мегиддо, въ центрѣ Іезреельской равнины, Нехо наткнулся на іудейское ополченіе, преградившее ему дорогу. Напрасно египетскій царь просилъ Іошію не мѣшать ему, напрасно онъ увѣрялъ его, что идетъ не на Іудею, а на Ассирію. Іошія былъ непреклоненъ и требовалъ рѣшенія спора оружіемъ. Сраженіе, происшедшее затѣмъ у Мегиддо, окончилось весьма несчастливо для Іошіи: войско его было разбито, а самъ онъ былъ смертельно раненъ (608). Слуги поспѣшно повезли умирающаго царя въ Іерусалимъ, гдѣ онъ тотчасъ по прибытіи скончался. Столица встрѣтила извѣстіе о смерти своего любимаго царя великой скорбью. Все населеніе Іерусалима плакало навзрыдъ, когда тѣло его предавали землѣ въ саду Уцца, въ новыхъ гробницахъ послѣднихъ іудейскихъ царей. Ежегодно, въ день кончины этого царя-праведника, на могилѣ его распѣвали особую элегію, по этому случаю составленную Іереміей. Несчастное сраженіе у Мегиддо послужило поворотнымъ пунктомъ въ исторіи Іудеи.

ГЛАВА XI.

Паденіе Іудеи.

Шаллумъ-Іоахазъ, провозглашенный іудейскимъ царемъ, низложенъ затѣмъ фараономъ Нехо и въ оковахъ препровожденъ въ Египетъ. Принудительное назначеніе вмѣсто него царемъ Эліакима-Іоакима. Нехо налагаетъ на Іудею контрибуцію. Новое отпаденіе въ идолопоклонство и возрожденіе прежнихъ пороковъ. Анатотскіе священники. Пророки. Трагическая смерть пророка Уріи. Безыменный пророкъ въ царствованіе Іоакима. Іеремія за одну изъ своихъ рѣчей подвергается преслѣдованіямъ, привлекается къ суду и оправдывается. Паденіе Ассиріи. Измѣнившееся политическое положеніе. Сраженіе у Харкемиша и пораженіе Нехо. Поведеніе Іоакима. Предсказаніе Іереміи о Невухаднецарѣ. Рѣчь пророка Хавакука о халдеяхъ. Преслѣдованія Іереміи. Его плачи. Нашествіе халдеевъ на ливанскія области. Іоакимъ сжигаетъ писанную рѣчь Іереміи. Іудея въ вассальной зависимости отъ Невухаднецара. Отпаденіе отъ Халдеи. Смерть Іоакима и вступленіе на престолъ его сына Іоахина. Осада и взятіе Іерусалима халдеями. Іоахинъ уведенъ въ вавилонскій плѣнъ.

(608—596).

Какъ недальновиденъ человѣкъ со всей своей прозорливостью! Іошія думалъ, что для того, чтобы обезпечить независимость Іудеи, онъ долженъ воспрепятствовать завоевательному шествію египетскаго царя, и не предвидѣлъ, что онъ своими же руками отдастъ свой народъ въ рабство тому же самому фараону. Іудейское войско, повидимому, было совершенно уничтожено при Мегиддо, ибо не было сдѣлано даже попытки поднять возстаніе въ тылу слѣдовавшаго далѣе на востокъ египетскаго войска. Въ горько оплакивавшемъ своего царя Іерусалимѣ ничего не хотѣли предпринять до выбора новаго царя. Отъ двухъ женъ своихъ Іошія оставилъ трехъ сыновей, старшаго Эліакима, отъ первой жены своей Сабуды, которой онъ не любилъ, и двухъ младшихъ, Шаллума и Маттаніи, отъ любимой жены своей Хамуталь. Самъ Іошія, повидимому, назначилъ преемникомъ своимъ второго сына, хотя законъ точно предписывалъ, что младшему сыну, родившемуся отъ любимой жены, не должно быть отдаваемо преимущество, какъ наслѣднику, передъ первенцомъ, сыномъ нелюбимой жены[1]). Изъ уваженія къ памяти любимаго царя, народъ исполнилъ его волю, провозгласивъ царемъ Шаллума, который былъ на два года моложе Эліакима. Во избѣжаніе же всякихъ споровъ за право престолонаслѣдія, Шаллумъ, въ видѣ исключенія, былъ помазанъ на царство. Согласно обычаю того времени Шаллумъ, вступая на престолъ, принялъ другое имя Іоахазъ (Іегоахазъ).

Послѣ пораженія, нанесеннаго ей египетскимъ фараономъ, Іудея была уже, однако, въ такомъ положеніи, что ни воля ея народа, ни священное

[1]) Второзаконіе 24, 15-17.

помазаніе не могли обезпечить за ея избранникомъ престола; рѣшающій голосъ въ данномъ случаѣ принадлежалъ египетскому царю, который послѣ побѣды у Мегиддо сталъ ея фактическимъ повелителемъ. Весьма мало повидимому интересуясь самой Іудеей, Нехо изъ Іезреельской равнины пошелъ не на югъ, къ Іерусалиму, а далѣе на востокъ, къ Евфрату, по пути къ нему покоривъ принадлежавшую Ассиріи область Арама или Сиріи. Временной резиденціей своей Нехо избралъ городъ Ривлу, вблизи бывшаго Хамата, у рѣки Оронта. Въ эту резиденцію и долженъ былъ явиться Шаллумъ-Іоахазъ, чтобы въ качествѣ вассала Египта просить Нехо объ утвержденіи его въ царскомъ санѣ. Новоизбранный царь не понравился, однако, египетскому побѣдителю. Возможно, что со стороны послѣдняго то былъ лишь одинъ капризъ, но не менѣе вѣроятно, что обойденный своимъ народомъ Эліакимъ жаловался фараону и получилъ обѣщаніе быть возстановленнымъ въ своихъ наслѣдственныхъ правахъ. Какъ бы то ни было, Іоахазъ не только не былъ утвержденъ царемъ, но по прибытіи въ Ривлу былъ схваченъ, закованъ въ цѣпи и отправленъ въ Египетъ. Вмѣсто него царемъ Іудеи былъ назначенъ Эліакимъ. Іоахазъ царствовалъ всего три мѣсяца.

Эліакиму или Іоакиму (607—596), какъ онъ сталъ себя называть послѣ вступленія на престолъ, съ самаго начала предстояла весьма трудная задача. Въ наказаніе за то, что Іошія осмѣлился стать ему поперекъ дороги, Нехо наложилъ на Іудею огромную контрибуцію въ 100 кикаровъ серебромъ и 1 кикара золотомъ (около полумилліона рублей). Во дворцѣ и въ храмѣ къ тому времени не было уже никакой казны. Іоакимъ наложилъ поэтому контрибуцію на всѣхъ болѣе или менѣе состоятельныхъ іудеевъ, взимая ее съ нихъ насильственнымъ путемъ, при помощи своихъ тѣлохранителей. Эта дань была тѣмъ болѣе унизительна для Іудеи, что была наложена исключительно въ знакъ ея полной покорности фараону. Приходилось между тѣмъ мириться и съ этимъ униженіемъ. Но и то было еще не все. Отъ реставраціи національной религіи и національнаго законодательства, осуществленной Іошіей, народъ іудейскій, согласно обѣщанію вновь найденной священной книги, ожидалъ наступленія въ странѣ болѣе счастливыхъ дней и надѣялся, что Іудея вновь, какъ во времена Давида и Соломона, займетъ высокое положеніе средн другихъ народовъ. На дѣлѣ же произошло какъ разъ обратное. Преданный Іеговѣ царь палъ на полѣ битвы, цвѣтъ израильскаго воинства былъ уничтоженъ, царскій сынъ въ оковахъ былъ увезенъ на чужбину, а страна попала въ позорное рабство. Эта ужасная, столь неожиданно на Іудею обрушившаяся политическая катастрофа, не могла не вызвать самаго жестокаго разочарованія въ впечатлительныхъ, живущихъ однимъ даннымъ моментомъ, народныхъ массахъ.

И результатомъ этого разочарованія явился первый и крупный поворотъ въ воззрѣніяхъ этихъ массъ, новая религіозная реакція. Народъ іудейскій и самые руководители его снова усомнились въ могуществѣ того Бога, который не исполнилъ или не могъ исполнить своего обѣщанія защищать вѣрный Ему народъ отъ всякихъ бѣдъ и напастей. Не Іегова, допустившій пораженіе и смерть столь преданнаго Ему праведнаго царя Іошіи, есть настоящій, всесильный Богъ; всесильны тѣ, другіе, неизмѣнно покровительствовавшіе врагамъ Іудеи, ассирійскіе, египетскіе и всякіе иные боги. Народъ и князья Іуды такимъ образомъ вновь обратились къ своимъ „старымъ" богамъ, нарушивъ торжественный, данный ими царю Іошіи обѣтъ. Опять на всѣхъ высотахъ іудейскихъ, подъ всѣми „священными" деревьями, появились алтари съ изображеніемъ Ваала, Астарты и т. д Въ Іудеѣ, по словамъ пророка, снова стало столько боговъ, сколько въ ней было городовъ[1]). Къ прежнимъ культамъ прибавился еще одинъ новый, египетской богини Нейты („царицы неба"), которой больше всего поклонялись въ Саисѣ, резиденціи царя Нехо. И въ самомъ дѣлѣ, развѣ не эта богиня помогла фараону одержать побѣду надъ Іошіей? Она же, всемогущая, могла, конечно, выручить изъ бѣды и несчастную Іудею. И на площадяхъ Іерусалима и въ прочихъ городахъ Іудеи этой мнимой владычицѣ неба стали приносить многочисленныя жертвы. Дѣти собирали дрова, отцы раскладывали огонь, матери мѣсили тѣсто и пекли лепешки, а всѣ вмѣстѣ ѣли ихъ и при этомъ совершали возліяніе въ честь этой новой спасительницы. Во всѣхъ домахъ снова появились идолы изъ золота и серебра, камня и дерева, и самый храмъ, какъ во времена Менаше, былъ оскверненъ языческими изображеніями. Возмутительнѣе всего было, однако, то, что въ Іерусалимѣ вновь были введены жертвоприношенія дѣтьми. На прежнемъ мѣстѣ, въ прекрасной долинѣ Гинномѣ, опять былъ устроенъ алтарь, на которомъ безсердечные родители закалывали въ честь Молоха и сжигали на огнѣ своихъ первенцовъ. То, что прежде дѣлали изъ слѣпого подражанія всему чужому, то теперь дѣлали сознательно, въ увѣренности, что поклоненіе идоламъ одно въ состояніи выручить народъ изъ бѣды и вернуть ему прежнее благоденствіе.

Объ руку съ этими религіозными заблужденіями, неразрывно съ ними связанное, шло и моральное паденіе народа. Развратъ въ самыхъ противоестественныхъ его формахъ, открытое прелюбодѣяніе, преслѣдованіе иноплеменниковъ, полное пренебреженіе къ вдовамъ, сиротамъ и неимущимъ, безсовѣстное ростовщичество, жестокое преслѣдованіе несостоятельныхъ должниковъ, взяточничество и продажность судей, всеобщая безчестность и

[1]) Іеремія 2, 28. 11, 13.

лживость, убійства и грабежи,—всѣ эти пороки, грѣхи и преступленія вновь, какъ во времена царя Менаше, свили себѣ прочное гнѣздо въ Іерусалимѣ и прочихъ городахъ Іудеи. Князей „судей“ и вельможъ времени Іоахаза пророкъ называетъ „львами рычащими, добычу свою терзающими на части, злодѣями, убивающими невинныхъ мужей, чтобы завладѣть ихъ женами, голодными волками, проливающими кровь изъ одной корысти“[1]) Все, что Іошія и его сподвижники съ такимъ трудомъ успѣли сдѣлать на поприщѣ исправленія нравовъ народа, все это въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ послѣ его смерти совершено исчезло.. Религіозныя и моральныя узы, связывавшія израильтянъ со всѣмъ ихъ прошлымъ, вновь были разорваны. Правда, существовало уже довольно компактная группа людей, которые и среди этого всеобщаго паденія оставались вѣрны завѣтамъ этого прошлаго и глубоко скорбѣли по поводу тѣхъ ужасовъ, которые на ихъ глазахъ происходили. Но въ виду подавляющей массы тѣхъ, что съ каждымъ днемъ все крѣпче прилѣплялись къ своимъ идоламъ и все ниже и ниже падали, эти лучшіе люди Іудеи только то и могли дѣлать, что скорбѣть, да вздыхать. Сами священнослужители изъ дома Арона добровольно шли на службу новымъ богамъ, такъ что не было даже надобности, какъ при Манаше, прибѣгать къ услугамъ иноземныхъ жрецовъ. Въ особенности усердствовали на этомъ поприщѣ арониды изъ Анатота, родственники и товарищи дѣтства пророка Іереміи. Явились опять и мнимые пророки, одобрявшіе всякіе грѣхи и беззаконія не изъ одной корысти, какъ во времена Іешаи, а съ полнымъ убѣжденіемъ и даже фанатизмомъ. А царь Іоакимъ? Онъ самъ, правда, чужихъ культовъ не вводилъ и поклоненія идоламъ, какъ Манаше, отъ народа не требовалъ, но онъ то и другое допускалъ, самъ служилъ истуканамъ и во всякомъ случаѣ ни малѣйшаго сопротивленія не оказывалъ ни произволу въ дѣлѣ вѣры и богослуженія, ни беззаконіямъ окружавшихъ его. Было ли то слѣдствіемъ его слабохарактерности или злой воли? Скудныя свѣдѣнія, сообщаемыя объ этомъ царѣ источниками, не даютъ возможности составить себѣ на этотъ счетъ опредѣленное сужденіе. Одно лишь можно сказать съ положительностью, что Іоакимъ не только не терпѣлъ пророковъ, но подвергалъ ихъ жестокимъ преслѣдованіямъ, до кровопролитій включительно.

Въ это ужасное время пророки, впрочемъ, подвергались гоненіямъ не только со стороны царя, но и всѣхъ вообще, кому ихъ обличенія были неудобны. Божьи люди, однако, весьма мало считались съ опасностями, имъ на каждомъ шагу угрожавшими, чувствуя непреодолимую потребность протестовать противъ религіознаго и нравственнаго паденія дорогого имъ

[1]) Іехезкель 22, 25 и дд.

народа. Никогда еще во Израилѣ не было такого множества пророковъ, какъ въ послѣднія два десятилѣтія, предшествовавшія гибели іудейскаго царства. Спасеніе родины всѣ эти ревнители вѣры видѣли исключительно въ возвращеніи къ національному Богу, въ исполненіи его законовъ, въ искорененіи всякой языческой скверны и въ чистой, нравственной, святой жизни. Пророки рѣчи свои произносили почти ежедневно, пользуясь каждымъ болѣе или менѣе удобнымъ случаемъ, чтобы обращаться съ своими протестами къ народу, къ князьямъ и къ самому царю, чтобы увѣщевать, обличать, грозить и предсказывать всякія несчастія въ случаѣ, если народъ не опомнится и не вернется на путь истинный. Изъ многочисленныхъ пророковъ этой эпохи до насъ дошли имена лишь четырехъ: Іереміи, Уріи, Хавакука и Іехезкеля; сохранились, однако, рѣчи и такихъ пророковъ, имена которыхъ остались въ неизвѣстности. О пророкѣ Уріи, сынѣ Шемаи, изъ „Лѣсного города" (Kirjat—Iearim) сохранился лишь разсказъ о его трагической смерти. Вмѣстѣ съ прочими проповѣдниками начала царствованія Іоакима (между 607—604) и онъ въ рѣчахъ своихъ угрожалъ Іерусалиму и всей іудейской странѣ скорой гибелью, если царь, князья и весь народъ вообще не оставятъ своихъ заблужденій и не вернется къ своему истинному Богу. Когда царю донесли о грозныхъ рѣчахъ этого пророка, онъ отправилъ гонцовъ, чтобы схватить его и убить. Урія черезъ своихъ единомышленниковъ своевременно узналъ, однако, о грозившей ему опасности и бѣжалъ въ Египетъ. Но Іоакимъ былъ такъ возбужденъ противъ него, что не задумался отправить въ Египетъ своего сановника Элнатана съ свитой, поручивъ ему потребовать отъ египетскихъ властей выдачи „преступника". Элнатанъ дѣйствительно вскорѣ привезъ Урію въ Іерусалимъ; Іоакимъ велѣлъ его обезглавить и бросить трупъ на кладбище простолюдиновъ.[1]).

Не столь рѣзко говорилъ о язвахъ своего времени другой безыменный пророкъ, отъ котораго до насъ дошла лишь одна большая рѣчь. Онъ предсказывалъ нашествіе нѣкоторыхъ могущественныхъ народовъ на Іерусалимъ и въ особенности вторженіе Египта. Вмѣстѣ съ тѣмъ пророкъ, по внушенію свыше, говорилъ, что за этимъ нашествіемъ наступитъ какое-то ужасное событіе, которое окончательно убѣдитъ легкомысленный Іерусалимъ въ всемогуществѣ Бога. „Откроется нѣкій очистительный источникъ для дома Давида и жителей Іерусалима." И тогда Богъ Израиля будетъ признанъ Царемъ всей земли: „Іегова будетъ одинъ и одно будетъ Его имя". Идолы исчезнутъ изъ страны и самыя имена ихъ будутъ позабыты, не станетъ больше и лжепророковъ съ ихъ нечистыми рѣчами. Если кто изъ

[1]) Іеремія 26, 20-23.

нихъ будетъ продолжать пророчить, то его же родители будутъ ему угрожать смертью, потому что онъ именемъ Іеговы распространяетъ ложь. Сами пророки устыдятся своихъ рѣчей и не посмѣютъ больше облачаться въ власяницы, чтобы вводить народъ въ обманъ. Они сами будутъ говорить: „Не пророкъ я, а воздѣлыватель земли, владѣнія моего отъ юности моей.“ Если его будутъ спрашивать, что за раны у него на рукахъ то онъ будетъ отвѣчать: „я былъ раненъ въ родительскомъ домѣ моемъ“. Подъ подавляющимъ вліяніемъ „ужаснаго событія“ не только израильтяне, но и прочіе народы, до того съ ними враждовавшіе, всѣ обратятся къ Богу Израиля и будутъ каждогодно ходить въ Іерусалимъ къ великому празднику Кущей. Самъ Египетъ, смиренный, будетъ принимать участіе въ этомъ праздникѣ и признаетъ Іегову, ибо онъ поразитъ его и затѣмъ спасетъ. Тогда одинъ путь будетъ изъ Египта въ Ассирію, и на этомъ пути всѣ народы будутъ мирно сходиться. Израиль станетъ связующимъ звеномъ для обѣихъ странъ, ко благу всей земли; и именемъ Бога люди будутъ говорить; „Благословенъ да будетъ народъ Мой—Египетъ, твореніе рукъ Моихъ—Ассирія и наслѣдникъ Мой—Израиль!“[1]).

Не такъ легко и не столь быстро имѣющимъ совершиться изображалъ будущія судьбы Израиля Іеремія. Онъ, самимъ Іеговой посвященный въ пророки, предвидѣлъ въ скоромъ времени одно разрушеніе, опустошеніе и гибель. Отдыхая душою въ послѣдніе годы царствованія праведнаго Іошіи, Іеремія оставался бездѣятельнымъ. И только затѣмъ, послѣ вступленія на престолъ Іоакима, съ наступленіемъ новой религіозно-нравственной реакціи, началась его настоящая пророческая дѣятельность. Только теперь онъ понялъ, какой глубокій смыслъ таили въ себѣ слова, еще юношей услышанныя имъ въ моментъ, когда Господь благословлялъ его на пророческій подвигъ; „я поставляю тебя городомъ укрѣпленнымъ, желѣзнымъ столпомъ и мѣдной стѣной противъ царей Іуды, князей, священниковъ и всего народа“. Пророкъ понялъ изъ этихъ словъ, что онъ обязанъ передъ Богомъ твердо и непоколебимо стоять на своемъ пророческомъ посту и безбоязненно смотрѣть въ глаза грозившимъ ему опасностямъ. Онъ готовился поэтому мужественно выступить противъ безбожнаго царя и его совѣтниковъ и въ обличительныхъ рѣчахъ своихъ возвѣстить неминуемую гибель народа. Пророкъ смѣло вступалъ въ борьбу со зломъ, хотя его незлобивое сердце при этомъ истекало кровью и онъ не рѣдко долженъ былъ дѣлать надъ собою неимовѣрныя усилія, чтобы не пасть жертвой своихъ же грозныхъ пророчествъ. Іеремія къ тому времени уже вполнѣ возмужалъ, но онъ и не думалъ вступать въ бракъ. Пророкъ не

[1]) См. Примѣчаніе 1.

видѣлъ возможности жить личною жизнью и отдаваться тихимъ семейнымъ радостямъ, когда мрачное, тяжелое время требовало, чтобы онъ всей душой, всѣми помыслами своими ушелъ въ свою высокую миссію. Одинокій и мрачный бродилъ онъ по улицамъ и площадямъ Іерусалима, ни съ кѣмъ не водя дружбы, потому что тоска его снѣдавшая, и омерзеніе, которое ему внушали его сограждане, отбивали у него всякое желаніе поддерживать съ ними личныя сношенія[1]). Одного онъ жаждалъ въ это время,— возможности уединиться въ безлюдной пустынѣ, уйти подальше отъ людей, чтобы не видѣть тѣхъ мерзостей, которыя ему внушали истинное отвращеніе. Но онъ не могъ уйти: точно желѣзныя цѣпи приковывали его къ мѣсту. Внутри его пылалъ огонь, заставлявшій его говорить, предостерегать и увѣщевать, дабы народъ не палъ жертвою своихъ заблужденій не предупрежденнымъ. Какую жгучую боль этотъ великій пророкъ долженъ былъ ощущать въ благородномъ сердцѣ своемъ при одной мысли, что онъ обязанъ говорить, обязанъ наживать себѣ враговъ во всѣхъ, начиная отъ царя, князей, лжесвященниковъ и мнимыхъ пророковъ и кончая самыми невѣжественными простолюдинами,—и въ то же время сознавать, что всѣ слова его останутся гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, что ровно ничего онъ со всѣми пламенными рѣчами своими не добьется и гибели Іудеи не предотвратитъ. Въ тихой молитвѣ въ опустѣломъ храмѣ онъ нерѣдко изливалъ свою скорбную душу передъ Богомъ, умоляя его, чтобъ онъ всетаки отвратилъ отъ народа грозившую ему катастрофу, но каждый разъ Господь возвѣщалъ ему, что эти молитвы его не будутъ услышаны[2]).

Уже изъ-за первыхъ своихъ рѣчей, произнесенныхъ въ царствованіе Іоакима, Іеремія навлекъ на себя ненависть фанатиковъ идолопоклонства и въ особенности лжесвященниковъ и мнимыхъ пророковъ. Это было на одномъ большомъ народномъ собраніи, во время праздника, когда толпа приносила во дворѣ храма жертвы. Іеремія обратился къ этой толпѣ съ слѣдующимъ словомъ:

„Такъ говоритъ Господь: „Исправьтесь въ дѣлахъ вашихъ и помышленіяхъ, и тогда Я оставлю васъ жить въ этомъ мѣстѣ. Но не убаюкивайте себя тщетными надеждами на храмъ Господень... Творите справедливый судъ, не угнетайте пришельцевъ, вдовъ и сиротъ, не проливайте невинной крови, не поклоняйтесь на погибель вашу чужимъ богамъ, и я упрочу пребываніе ваше въ этой странѣ. Какъ! Вы крадете, убиваете, развратничаете, молитесь всякимъ чурбанамъ, и затѣмъ являетесь въ Мой храмъ, воображаете, что вы спасены, и съ спокойной душой уходите для

[1]) Іеремія 8, 21; 15,17-18.
[2]) Т. же 7, 16; 11, 14; 14. 11.

того, чтобы продолжать дѣлать тѣ же мерзости? Но развѣ этотъ храмъ—разбойничій вертепъ? Пойдите же въ Шиломъ, гдѣ тоже нѣкогда былъ Божій храмъ и посмотрите, что сталось съ нимъ за грѣхи Эфраима!... И съ этимъ храмомъ, который также носитъ Мое имя, Я поступлю также, какъ и съ шиломскимъ, и тоже сдѣлаю и вамъ, что предкамъ вашимъ. Я отвергну васъ, какъ Я отвергъ все потомство Эфраимово"[1]).

Въ своихъ рѣчахъ Іеремія въ особенности громилъ князей Іуды за введеніе культа египетской богини Нейты, такъ называемой „царицы неба". Обращаясь къ той же толпѣ, приносившей во дворѣ храма жертвы, онъ продолжалъ: „Такъ говоритъ Господь: „Присоедините всесожженія ваши къ обычнымъ жертвоприношеніямъ и упитывайтесь мясомъ тѣхъ и другихъ. Ибо, когда Я предковъ вашихъ выводилъ изъ Египта, то Я не обязывалъ ихъ приносить мнѣ какія-либо жертвы: я требовалъ отъ нихъ лишь одного,—чтобы они шли по тѣмъ путямъ, которые Я имъ укажу. Но они не исполнили завѣтовъ моихъ и пошли назадъ, а не впередъ, слѣдуя одной злой волѣ и дурнымъ помышленіемъ своимъ. Съ тѣхъ поръ, какъ отцы ваши вышли изъ египетской земли и до сего дня я посылаю къ вамъ вѣрныхъ слугъ своихъ пророковъ. Но и вы не слушаете ни меня ни ихъ. И нынѣ,—говоритъ Господь,—когда ты имъ перескажешь всѣ эти слова Мои, они опять не послушаютъ тебя, и потому скажи имъ: „этихъ людей, которые не повинуются Господу Богу своему, которые никакого закона знать не хотятъ, у которыхъ исчезла всякая вѣра и правда,—это поколѣніе, навлекшее на себя гнѣвъ Мой, Я нынѣ отвергаю и навѣки оставляю. Ибо сыны Іуды творятъ одно зло въ глазахъ Моихъ: они ужасные идолы свои внесли въ Мой храмъ, чтобы осквернить его, они алтари для костровъ (Tophet) воздвигли въ долинѣ Бенъ-Гинномъ, чтобы на нихъ предавать огню сыновей и дочерей своихъ, чего Я не повелѣвалъ и что на мысль не приходило Мнѣ. И за то придутъ дни, когда мѣста эти не будутъ болѣе называться Тофетъ и долиной Бенъ-Гинномъ, а долиной смерти, и въ Тофетѣ будутъ хоронить мертвыхъ за недостаткомъ другихъ мѣстъ, и трупы народа сего станутъ пищею птицамъ небеснымъ и звѣрямъ полевымъ, которыхъ некому будетъ отгонять. И въ городахъ Іуды и на улицахъ Іерусалима не слышно будетъ болѣе радости и веселья, ликованій жениховъ и невѣстъ, ибо вся эта земля обратится въ пустыню"[2]).

Едва Іеремія окончилъ эту рѣчь, какъ лжесвященники и мнимые пророки въ виду всей толпы схватили его и тутъ же хотѣли его растерзать, крича. „Ты долженъ умереть за то, что ты предсказываешь, что этотъ храмъ постигнетъ та же

---

[1]) Іеремія 7, 13-15.
[2]) Т. же 7, 21-34.

участь, что и Шиломскій!" На площадь, окружавшую храмъ, привлеченная этимъ происшествіемъ, сбѣжалась огромная толпа. Кое-кто изъ народа сталъ защищать Іеремію. Услышавъ шумъ, нѣкоторые князья поспѣшили изъ дворца на площадь, чтобы узнать въ чемъ дѣло. Среди нихъ былъ также и Ахикамъ, сынъ Шафана, и другіе члены пророческой партіи. Эти князья тутъ же у воротъ храма устроили судебное засѣданіе и стали выслушивать обвинителей и защитниковъ. Лжесвященники и мнимые пророки говорили: „Этотъ человѣкъ долженъ быть казненъ, такъ какъ онъ предсказываетъ несчастіе городу и храму". Іеремія же возражалъ, увѣряя, что онъ говорилъ лишь то, что ему было внушено самимъ Богомъ: „Знайте, что если вы меня убьете, то вы прольете невинную кровь; исправьтесь въ дѣлахъ своихъ и помышленіяхъ, и Господь отвратитъ отъ васъ несчастья". Нѣкоторые судьи-старѣйшины говорили въ пользу Іереміи, между прочимъ напомнивъ собранію, что въ правленіе царя Хизкіи пророкъ Миха предсказывалъ Іерусалиму и храму ту же печальную участь, и ничего дурного ему за то не сдѣлали, рѣчи же этого пророка привели даже къ нѣкоторому исправленію народа. „Мы же,—говорили члены пророческой партіи,—навлечемъ на себя большое несчастье, если мы осудимъ Іеремію". И, обратившись къ неистовствовавшимъ обвинителямъ пророка, князья прибавили: „Этого человѣка не за что казнить, ибо онъ говоритъ именемъ Бога"[1]). Такимъ образомъ, стараніями своихъ друзей, и въ особенности Ахикама, Іеремія на этотъ разъ былъ спасенъ. Но противники его съ этого времени стали съ тѣмъ большею яростью его преслѣдовать, поджидая перваго удобнаго случая, чтобы съ нимъ покончить.

Судьба ассирійскаго царства тѣмъ временемъ свершилась. Эта первая великая держава, цари которой въ теченіе шестисотъ лѣтъ предписывали всѣмъ народамъ законы и, владѣя обширнѣйшей территоріей, простиравшейся отъ подошвы кавказскихъ горъ и береговъ Каспія до Персидскаго моря и отъ Мидіи до Малой Азіи и Египта, съ неслыханной жестокостью обходилась со всѣми покоренными ими народами, воображая себя богами на землѣ,—эта великая монархія позорно пала подъ дружнымъ натискомъ своихъ вассаловъ, Кіаксара мидійскаго и Набополоссара вавилонскаго. Великолѣпная столица ея пала послѣ продолжительной осады въ 605 году. Послѣдній царь ассирійскій Сарданапалъ (Саракъ) погибъ въ пламени при пожарѣ своего дворца. Этотъ страшный конецъ, постигшій ассирійскаго царя, его столицу и народъ, задолго до того предсказали іудейскіе пророки Нахумъ и Цефанія. Нахумъ по крайней мѣрѣ за два поколѣнія до гибели Ниневіи въ самыхъ мрачныхъ краскахъ опи-

[1]) Іеремія 7, 1 и дд.

салъ эту катастрофу: „О, кровавый городъ, полный лжи и разбоевъ... Всякій, кто тебя ни увидитъ, будетъ бѣгать отъ тебя и говорить: „Разорена Ниневія, но кто пожалѣетъ о ней?" Всѣ твои укрѣпленія подобны раннимъ ягодамъ, которыя, если встряхнуть дерево, сами падаютъ въ ротъ. Врагамъ твоимъ настежь откроются города твои, ибо спятъ князья твои, царь ассирійскій, покоятся воины твои на поляхъ, разсѣянъ народъ твой по горамъ и некому его собрать. Нѣтъ исцѣленія для ранъ твоихъ, ибо нѣтъ того человѣка, кто, услышавъ о бѣдѣ твоей, не рукоплескалъ бы ей: кого не постигали жестокости твои, и гдѣ тотъ народъ, который не былъ бы врагомъ тебѣ?"[1]) Цефанія за тридцать лѣтъ до паденія Ниневіи предсказывалъ: „Господь простретъ руку свою, уничтожитъ Ашура и обратитъ Ниневію въ развалины. Звѣри пустыни будутъ бродить среди ея обломковъ, такъ что люди не будутъ вѣрить, что на этомъ мѣстѣ стоялъ городъ, который считалъ себя вѣчнымъ и въ гордынѣ своей называлъ себя столицей міра"[2]). Эти слова пророка исполнились буквально и впослѣдствіи невозможно было даже опредѣлить мѣсто, гдѣ нѣкогда стояла гордая Ниневія. Пророки израильскіе, внимательно слѣдившіе за всѣми событіями въ жизни современныхъ народовъ, видѣли въ гибели Ассиріи новое подтвержденіе своей теоріи о вліяніи религіозно-нравственныхъ воззрѣній и обычаевъ на политическія судьбы народовъ. Ассирія,—говорили пророки,—пала потому, что она была порочна, жестока и высокомѣрна, и та же участь постигнетъ и всѣ величайшія монархіи, если народы ихъ также низко падутъ, какъ ассиріяне[3]).—Результатомъ гибели Ассиріи были весьма важныя политическія перемѣны во всей передней Азіи. Побѣдители ея раздѣлили между собою ея владѣнія, причемъ Мидія получила львиную долю наслѣдства, всѣ ея сѣверныя и восточныя области, союзнику же своему Набополосару Кіаксаръ предоставилъ лишь Вавилонію, Элимаисъ и право на владѣніе областями, расположенными по западному берегу Евфрата. Однако, всѣ эти области,—Сирію, Финикію, Самарію, Іудею, Филистимскую землю, Идумею и Заорданье,—во время осады Ниневіи захватилъ въ свои руки фараонъ Нехо. Не довольствуясь еще и этими обширными завоеваніями, египетскій царь стремился расширить ихъ областями, расположенными по восточному берегу Евфрата.

Тѣмъ временемъ Набополосаръ скончался. Нехо былъ увѣренъ, что ему не трудно будетъ одержать побѣду надъ его молодымъ преемникомъ. Но, несмотря на свою молодость, Невухаднецаръ (Невухадрецаръ, Набо-

[1]) Нахумъ гл. 3.
[2]) Цефанія 2, 13-15.
[3]) Іехезкель 31, 14 и дд.

колоссаръ), послѣ своего отца вступившій на вавилонскій престолъ (604—561), былъ не менѣе отважнымъ завоевателемъ, чѣмъ Нехо. Ему суждено было кореннымъ образомъ измѣнить политическія отношенія народовъ, жившихъ между Евфратомъ и Египтомъ. Когда Нехо съ своими египетскими полчищами, усиленными войсками покоренныхъ имъ народцевъ, переправился черезъ Евфратъ, ему навстрѣчу выступила вавилонская армія. Сраженіе произошло у Харкемиша (Circesium), города, лежавшаго у устья Абора, притока Евфрата. Въ Іерусалимѣ и всей Іудеѣ съ большимъ вниманіемъ слѣдили за исходомъ этого столкновенія. Народъ іудейскій желалъ пораженія Нехо за то, что онъ унизилъ его до полурабства. Іеремія какъ бы явился выразителемъ народныхъ чувствъ въ рѣчи, которую онъ въ это время произнесъ и въ которой предсказалъ гибель египетскаго войска.

„Исправьте щиты и копья ваши (о, египтяне), и готовьтесь къ бою. Сѣдлайте коней и садитесь на нихъ, всадники, вооружайтесь шлемами, обточите мечи ваши и надѣньте панцыри! Но что я вижу? Они робѣютъ, они пятятся назадъ, герои ихъ сражены, они отступаютъ, бѣгутъ безъ оглядки? Не убѣжитъ самый легконогій, не спасется храбрѣйшій! У берега Евфрата они споткнутся и упадутъ. Но кто это поднимается, какъ рѣка, какъ волны бушующаго потока? То Египетъ поднялся, какъ рѣка, какъ потокъ бушующій. Онъ говорилъ: „Я подымусь на всю землю, я покрою ее полчищами своими, я истреблю города и жителей ихъ!“ Садитесь же на коней, мчитесь на боевыхъ колесницахъ, выступайте въ походъ, вы, эѳіопы, и пунтійцы, щитоносцы, и вы, ливійцы, стрѣлки изъ луковъ! Наступилъ день Господа Саваоѳа, день отомщенія и воздаянія врагамъ Его. Мечъ пожретъ ихъ и насытится и упьется кровью ихъ... Иди въ Гилеадъ и запасись бальзамомъ, дщерь Египта! Но для тебя нѣтъ исцѣленія. Народы узнаютъ про твой позоръ, твои стоны наполнятъ землю, твои воины споткнутся о твоихъ же воиновъ и оба вмѣстѣ падутъ сраженные“[1]).

Нехо дѣйствительно понесъ у Харкемиша страшное пораженіе (604). Египетскому завоевателю пришлось не только оставить мысль о покореніи Вавилоніи, но и отказаться отъ всѣхъ ранѣе покоренныхъ имъ областей, отъ Евфрата до границъ Египта. По остаткамъ египетскаго войска, въ безпорядкѣ возвращавшимся во свояси, іудеи узнали, что пророчество Іереміи сбылось. Въ числѣ другихъ странъ послѣ пораженія у Харкемиша на время освободилась отъ египетскаго ига, по всей вѣроятности, и Іудея, народъ которой и въ особенности правители

[1]) Іеремія **46**, 1—12.

избавились такимъ образомъ отъ заботъ, которыя имъ внушала возможность близкой катастрофы. Ибо, если царь и его совѣтники мало обращали вниманія на мрачныя угрозы Іереміи, то все же втайнѣ и они опасались, какъ бы онѣ не исполнились. Теперь же, послѣ Харкемиша, ближайшій врагъ Іудеи, Египетъ, былъ разбитъ и ослабленъ, Ассирія же была вычеркнута изъ списка народовъ. Сосѣднія племена были не настолько сильны, чтобы нанести Іудеѣ рѣшительный ударъ. Мидія, унаслѣдовавшая большую часть ассирійскихъ владѣній и черезъ то ставшая великой державой, была слишкомъ далека отъ Іудеи, чтобы вмѣшаться въ ея судьбу. Вавилонія же, наконецъ, нечего было опасаться, потому что у нея своего дѣла было довольно: только что возникшее государство должно было прежде всего само укрѣпиться и организоваться. Такъ по крайней мѣрѣ казалось недальновиднымъ и безпечнымъ правителямъ Іудеи. Царь Іоакимъ и князья Іуды, избавившись такимъ образомъ отъ заботъ насчетъ будущаго своей страны, могли свободно предаться своимъ удовольствіямъ. Іоакимъ былъ одержимъ страстью къ великолѣпнымъ постройкамъ. Столицу, гибель которой онъ беззаконіями своими самъ ускорилъ, онъ какъ бы хотѣлъ предать въ руки враговъ въ видѣ пышно разукрашенной жертвы. Онъ построилъ себѣ новый обширный дворецъ съ многочисленными балконами и окнами, велѣлъ выкрасить его въ разные цвѣта и покрыть дорогимъ кедровымъ деревомъ. Разыгрывая второго Соломона, онъ изъ того же кедроваго дерева, доставленнаго съ Ливана, велѣлъ соорудить цѣлый рядъ другихъ великолѣпныхъ зданій. Но, въ противоположность Соломону, онъ для этихъ построекъ пользовался не ханаанейскими рабами, а свободными израильтянами, заставляя ихъ безвозмездно производить эти тяжелыя работы, непокорныхъ же забивая до смерти. „Онъ строилъ городъ насиліями и свой дворецъ—кровью гражданъ“,—говорили по этому поводу Іеремія и Хавакукъ. Стряхнувъ съ себя всякія заботы насчетъ безопасности государства, царь все свое время проводилъ въ веселыхъ пирахъ, въ кругу своихъ развратныхъ друзей.

Но если царь, его совѣтники и друзья безпечно предавались всякимъ излишествамъ, нарочито закрывая глаза на собиравшуюся надъ Іудеей грозу, то пророки и особенно неукротимый Іеремія отнюдь не дремали. Его пророческому взору было ясно, что съ паденіемъ Ассиріи вмѣшательство завоевателей съ береговъ Тигра и Евфрата въ судьбы странъ, расположенныхъ по сю сторону Іордана, не только не прекратится, но, наоборотъ, приметъ болѣе грозный характеръ. Іеремія предвидѣлъ поэтому рядъ кровавыхъ войнъ, опустошеніе Ханаана и изгнаніе его жителей въ далекія страны. Въ Халдеѣ, которая до того была извѣстна Іудеѣ лишь по имени, и въ особенности въ ея новомъ царѣ Невухаднецарѣ, пророкъ ви-

дѣлъ возникновеніе новой міровой державы, которая могуществомъ своимъ превзойдетъ самую Ассирію и повергнетъ въ изумленіе весь міръ. Вслѣдъ за первымъ выступленіемъ молодого вавилонскаго царя, вскорѣ послѣ его побѣды надъ Нехо, Іеремія уже предсказывалъ его будущія побѣды надъ народами и въ особенности окончательное покореніе имъ Іудеи. Воспользовавшись однимъ случаемъ, когда жители столицы и другихъ городовъ въ большомъ числѣ собрались въ храмѣ, пророкъ разсказалъ имъ о внушеніи, сдѣланномъ ему свыше, и въ неприкрашенныхъ словахъ возвѣстилъ имъ печальную участь, предстоявшую какъ самой Іудеѣ, такъ и всѣмъ ханаанскимъ племенамъ. Послѣ нѣсколькихъ вступительныхъ словъ, въ которыхъ онъ напомнилъ народу, что, кромѣ другихъ пророковъ, онъ самъ чуть ли не каждый день въ теченіе двадцати трехъ лѣтъ увѣщевалъ его возвратиться на путь истины, и что всѣ его мольбы и угрозы ни къ чему не привели,—Іеремія объявилъ слушателямъ своимъ, что давно предсказанная катастрофа разразится надъ Іудеей въ самомъ скоромъ времени. Исполнителемъ кары Божьей явится вавилонскій царь Невухаднецаръ, котораго Господь избралъ орудіемъ своего гнѣва. „Я поведу его, —говорилъ, по словамъ Іереміи, Господь,—черезъ эту страну и его руками превращу ее въ пустыню, опустошу ее и навѣки опозорю. И не будетъ въ ней никогда больше кликовъ радости и веселья, ликованій жениховъ и невѣстъ, прекратится стукъ жерновов и погаснетъ свѣтъ въ ея свѣтильникахъ“. Чтобы убѣдить своихъ слушателей въ истинности своего предсказанія, Іеремія разсказалъ имъ, что въ пророческомъ видѣніи Господь вручилъ ему кубокъ, наполненный ядомъ, приказавъ ему напоить имъ жителей Іерусалима, города Іудеи, царя египетскаго, его сановниковъ и подвластныя ему племена, царей и города филистимской земли, Эдома, Моава и Аммона, словомъ, всѣхъ, получившихъ свободу послѣ паденія Ниневіи и пораженія фараона Нехо. Онъ, пророкъ, по велѣнію Іеговы, долженъ сказать этимъ народамъ: „Пейте изъ этого кубка, упейтесь его ядомъ, падайте съ ногъ, и тогда вы не въ силахъ будете убѣжать отъ меча, который Я посылаю на васъ“[1]). А если они будутъ упираться, то онъ долженъ имъ сказать: „Непремѣнно всѣ пейте, ибо гибелью этого города, Моимъ именемъ названнаго, Я начинаю свои кары, на которыя Я всѣхъ васъ осудилъ. И никто изъ васъ отъ этой кары не долженъ быть избавленъ, ибо Я истребительную войну началъ противъ всѣхъ жителей земли“[2]). Но и эта рѣчь не образумила ни слушателей пророка, ни глухого и легкомысленнаго царя, ни его закоснѣлыхъ въ грѣ-

[1]) Іеремія 25, 15 и дд.
[2]) Т. же 25, 27.

хахъ приближенныхъ. Іеремія, однако, былъ неутомимъ и въ многочисленныхъ рѣчахъ продолжалъ напоминать народу о несчастіи, ему угрожавшемъ со стороны Халдеи и ея царя.

Одновременно и въ одномъ духѣ съ Іеремiей пророчествовалъ и Хавакукъ, имѣвшій съ нимъ большое сходство. Такого же мягкаго, чувствительнаго характера и въ такой же мѣрѣ, какъ онъ, удрученный заблужденіями и пороками своихъ современниковъ, онъ, подобно Іереміи выражалъ свои скорби не только въ пророческихъ рѣчахъ, но и въ такъ называемыхъ „плачахъ". Подобно сыну Хилкіи, и Хавакукъ былъ не только пророкомъ, но и псалмопѣвцемъ, и псалмы его дышатъ такой же мрачной скорбью, какъ и элегіи Іереміи. Самыя рѣчи Хавакука напоминаютъ траурные псалмы. Онъ, правда, не обладалъ ораторскимъ даромъ Іереміи, но его общедоступныя и весьма убѣдительныя рѣчи не лишены поэтическаго подъема и ироніи. Въ большей мѣрѣ, чѣмъ Іеремія, Хавакукъ обращалъ вниманіе на внѣшнюю форму своихъ рѣчей, прибѣгая въ нихъ въ особенности къ параллелизму мыслей и правильно построеннымъ строфамъ.— Когда Невухаднецаръ съ халдейскимъ войскомъ своимъ перешелъ Евфратъ, чтобы покорить тѣ области, которыя до него были завоеваны Нехо, Хавакукъ въ одной изъ своихъ элегій предсказалъ, что вавилонскій царь дойдетъ до Іудеи, исполнитъ приговоръ, произнесенный надъ ней Богомъ, и отомститъ ей за смертные грѣхи ея царя и князей.

„Доколѣ, Господи, я буду взывать къ Тебѣ, а Ты не внимаешь, буду вопіять къ Тебѣ объ обидахъ моихъ, а Ты не придешь мнѣ на помощь? Почему Ты заставляешь меня смотрѣть на всякую неправду и зло? Предо мною одни грабительства и насилія, одна вражда и раздоръ. Всякое поученіе безполезно здѣсь и справедливость тутъ никогда не торжествуетъ. Ибо тамъ, гдѣ злодѣй попираетъ ногами праведнаго, нѣтъ мѣста правосудію. Взгляните на народы, вокругъ васъ живущіе, присмотритесь къ тому, что дѣлается вокругъ васъ, и изумляйтесь. Ибо въ дни ваши совершится такое дѣло, которому вы не повѣрили бы, если бы вамъ про него разсказали. Я посылаю на васъ,—говоритъ Господь, халдеевъ, народъ жестокій и быстрый, который пройдетъ до краевъ земли, чтобы завоевать города, не ему принадлежащіе. Грозенъ и страшенъ этотъ народъ, право и власть отъ него самого исходятъ. Быстрѣе барсовъ, лютѣе волковъ пустыни кони его; издалека примчатся его всадники, налетятъ, какъ орлы, спускающіеся на добычу; идетъ народъ этотъ для грабежа и собираетъ по пути плѣнныхъ, какъ песокъ морской. Онъ смѣется надъ царями и издѣвается надъ князьями. Всякая крѣпость ему ни почемъ: насыплетъ осадный валъ и овладѣетъ ею. И затѣмъ, по прихоти своей, уйдетъ, ибо одинъ законъ для него—его сила"[1]).

[1]) Хавакукъ 1, 1-11.

Этимъ пророческимъ предсказаніемъ своимъ о великомъ несчастіи, угрожающемъ его народу, Хавакукъ самъ былъ глубоко потрясенъ. Будущій завоеватель Іудеи, Невухаднецаръ, въ его глазахъ былъ, правда, только исполнителемъ заслуженной кары Божьей. Но развѣ всѣ эти завоеватели могутъ и вправѣ обходиться съ людьми, которыхъ они призваны карать, „какъ съ рыбами въ морѣ, какъ съ пресмыкающимися, у которыхъ нѣтъ своего царя?“ Долго ли они будутъ въ сѣти свои ловить людей и неводу своему, какъ нѣкоторому кровожадному богу, приносить въ жертву цѣлые народы? Неужели Господь попуститъ, чтобы вмѣстѣ съ грѣшниками и злодѣями эти завоеватели истребили также и невинныхъ, чтобы они цѣликомъ уничтожили народъ, который при всѣхъ своихъ заблужденіяхъ, все же лучше, чѣмъ дикая орда, его истребляющая? И неужели Господь, ясными очами своими видящій всякое зло на землѣ и не мирящійся ни съ какой несправедливостью, неужели Онъ будетъ спокойно взирать на поголовное истребленіе своего народа? Съ этими и другими, столь же мучительными вопросами, пророкъ въ молитвахъ своихъ нерѣдко обращался къ Богу. И какъ бы въ отвѣтъ на то, ему въ новомъ видѣніи было внушено, чтобы онъ начерталъ на камнѣ разборчивыми письменами, что справедливые въ народѣ будутъ пощажены и что высокомѣрный, ненасытный, какъ смерть, завоеватель и самъ не уйдетъ отъ заслуженной имъ кары. Хавакукъ такимъ образомъ первый высказалъ мысль о незыблемости началъ правды и справедливости въ жизни народовъ, мысль о томъ, что народы-хищники рано или поздно сами должны сдѣлаться жертвою другихъ хищниковъ, что люди истребляютъ другъ друга безъ всякой для себя пользы, но что войны между націями прекратятся лишь тогда, когда всѣ люди постигнутъ Единаго Бога и проникнутся Его ученіемъ. Отъ этой послѣдней мысли Хавакукъ естественно возвращается къ крайне печальному положенію дѣлъ въ современной ему Іудеѣ, истиннымъ виновникомъ котораго онъ считалъ и прямо называлъ царя Іоакима.

„О ты, жаждущій одной корысти, высоко гнѣздо свое устроившій, чтобы спастись отъ несчастья, ты позоромъ покрылъ домъ свой.... Самые камни въ стѣнахъ твоихъ будутъ вопіять противъ тебя, воздвигающаго дворцы кровью и потомъ невинныхъ людей и путемъ беззаконій сооружающаго себѣ твердыню.... Горе тебѣ, опьяняющему ближнихъ своихъ ядомъ, чтобы смотрѣть на ихъ наготу. Ты, вмѣсто чести пресытившійся позоромъ, пей и самъ этотъ ядъ и отравляй себя! Самъ Господь вручитъ тебѣ наполненный ядомъ кубокъ, на сугубое посрамленіе имени твоего...“[1]).

Однако, какъ ни краснорѣчивы и убѣдительны были всѣ эти грозныя рѣчи Іереміи, Хавакука и другихъ пророковъ, никакого впечатлѣнія

[1]) Хавакукъ гл. 2.

на власть имущихъ и на массу іудейскую они не производили. Можетъ быть, именно потому, что пророки слишкомъ часто пугали народъ всевозможными несчастіями и чуть ли не каждый день повторяли все однѣ и тѣ же угрозы. Слушатели привыкли, притерпѣлись къ нимъ и относились къ нимъ съ полнымъ равнодушіемъ. Іудеи продолжали беззаботно жить изо дня въ день и смѣялись надъ пророками, угрозы которыхъ все не сбывались. „Гдѣ же эта кара Божья, — говорили они: отчего же она не приходитъ? Другіе прямо утверждали, что предсказанія пророковъ и впредь никогда не сбудутся: „никакое несчастье на насъ не придетъ, ни война, ни голодъ насъ не постигнутъ, пророки болтаютъ пустое и Господь не говоритъ ихъ устами!"[1]). Даже тѣ немногіе, которые вѣрили словамъ пророковъ, утѣшали себя тѣмъ, что несчастія ихъ самихъ не постигнутъ, ибо предсказанія пророковъ относятся къ позднѣйшимъ, отдаленнымъ временамъ: „Годы будутъ проходить за годами, а вмѣстѣ съ ними исчезнутъ и пророки съ ихъ предсказаніями"[2]). Ложныя же рѣчи мнимыхъ пророковъ окончательно обезцѣнивали угрозы Іереміи и его товарищей. Эти лжеучители успокаивали народъ и убаюкивали его надеждами на вѣчный миръ. За свои обличительныя рѣчи Іеремія сильно терпѣлъ, впрочемъ, не отъ нихъ однихъ. Даже его личные друзья тайкомъ его преслѣдовали и доносили на него. Пророкъ такъ былъ измученъ всѣми этими гоненіями, что его вѣра и упованіе на Божью помощь стали ослабѣвать. Въ озлобленіи своемъ онъ иногда доходилъ до жестокихъ выраженій и проклятій противъ своихъ притѣснителей. Онъ часто жаловался, что сталъ всеобщимъ посмѣшищемъ: „Я сдѣлался мишенью каждодневныхъ издѣвательствъ, всѣ смѣются надо мной, и когда я говорю, то бѣшенствомъ дышатъ мои рѣчи, ибо слово Господне обратилось для меня въ позоръ и надругательство"[3]).

Эти горькія чувства Іеремія излилъ въ слѣдующей молитвѣ-элегіи:

„Услышь, Господи, молитву мою. Внемли мнѣ и дай мнѣ отвѣтъ... Сердце мое трепещетъ въ груди моей и смертная тоска наполняетъ мою душу... Если бы кто-нибудь далъ мнѣ крылья, какъ у голубя, я улетѣлъ бы отсюда, чтобы найти покой, я удалился бы въ пустыню, гдѣ нашелъ-бы убѣжище отъ бурь и непогоды. Закрой, Господи, глаза у жителей сего града, разсѣки ихъ языкъ, ибо насиліями и раздорами преисполнена эта столица, беззаконія и злодѣянія—внутри нея, гибель—въ ея средѣ, и нѣтъ предѣла въ ней обману и лжи. Еслибы врагъ мой издѣвался надо мною, я бы это претерпѣлъ, еслибъ противникъ мой злословилъ на меня,

[1]) Іеремія 5. 12.13.
[2]) Іехезкель 12, 22.
[3]) Іеремія 20, 7-8.

я бы скрылся отъ него; но вы, товарищи, друзья и наставники мои, вы, съ которыми я вмѣстѣ держалъ совѣтъ, вмѣстѣ ходилъ въ Божій храмъ, —и вы противъ меня! Да придетъ же на васъ погибель, да снизойдете вы живыми въ могилу! Ибо злодѣи вы душой![1]).

Одинъ противъ цѣлаго города враговъ, противъ царя, князей, священниковъ, пророковъ и темной массы, Іеремія въ озлобленіи и негодованіи своемъ порою доходилъ до того, что проклиналъ самого себя: „Проклятъ да будетъ день, въ который я родился, проклятъ будетъ человѣкъ, который извѣстилъ отца моего о моемъ рожденіи и тѣмъ несказанно обрадовалъ его! Для чего не умертвили меня въ утробѣ матери моей? Не для того-ли явился я на свѣтъ, чтобы видѣть одно зло и беззаконіе и чтобы вся жизнь моя была однимъ сплошнымъ позоромъ?“[2]). Враги пророка не оставили даже въ покоѣ единственнаго ученика, оставшагося ему до конца вѣрнымъ, Баруха, сына Неріи, который слѣдовалъ по его стопамъ, какъ нѣкогда Элиша слѣдовалъ за Иліей.

Приближалось между тѣмъ время, когда предсказаніямъ пророковъ суждено было исполниться. Укрѣпивъ свою страну, Невухаднецаръ предпринялъ новый завоевательный походъ. Арамъ или Сирія, разбитая на мелкія владѣнія, покорилась ему, повидимому, безъ всякаго сопротивленія. За нею долженъ былъ признать себя его вассаломъ и финикійскій царь Итобалъ II. Главною цѣлью Невухаднецара были, однако, не эти мелкія царства, а могущественный и богатый Египетъ. Но прежде чѣмъ начать тяжелую и продолжительную войну съ страной фараоновъ, Невухаднецару необходимо было покорить всѣ мелкія государства, лежавшія между Сиріей и Египтомъ, т. е. Іудею, Филистимскую землю и Идумею. Какъ незначительны они ни были въ глазахъ вавилонскаго завоевателя, въ сравненіи съ его обширной монархіей, все же они, оставаясь независимыми, могли бы своими враждебными отношеніями къ завоевателю сильно мѣшать осуществленію его плана, тогда какъ съ ихъ покореніемъ всѣ препятствія были бы устранены. Невухаднецаръ потребовалъ поэтому отъ Іоакима, чтобъ онъ добровольно покорился ему со всѣмъ своимъ народомъ, если онъ не желаетъ быть окончательно раздавленнымъ. Съ другой стороны Египетъ поощрялъ іудейскаго царя къ сопротивленію, суля ему поддержку и соблазняя его всякими обѣщаніями. Какъ во времена Хизкіи, Іудея опять стала ареной борьбы двухъ великихъ державъ. И опять, какъ тогда, правители ея колебались, не зная, кому отдать предпочтеніе. Необходимо было на что-нибудь рѣшиться, стать на ту или другую сторону, а между тѣмъ

[1]) Псаломъ 55.
[2]) Іеремія 20, 14 и дд.

царь и его совѣтники, въ ожиданіи египетской помощи, или какого-нибудь чуда, откладывали рѣшеніе съ одного дня на другой.

Іерусалимъ тѣмъ временемъ былъ въ сильнѣйшей тревогѣ. Въ виду приближавшейся грозы былъ объявленъ (зимою 600 г.) всенародный постъ. Жители со всей Іудеи были приглашены въ столицу, чтобы вмѣстѣ съ нею помолиться Богу объ избавленіи отъ опасности. При всѣхъ своихъ религіозныхъ заблужденіяхъ народъ іудейскій въ эту важную минуту обратился не къ высотамъ и идоламъ своимъ, а къ старому іерусалимскому храму, въ надеждѣ, что Іегова и на этотъ разъ избавитъ его отъ могущественнаго врага. Принося многочисленныя жертвы, облачаясь въ знакъ скорби въ власяницы и посыпая главы свои пепломъ, народъ думалъ тѣмъ умилостивить Бога и предотвратить несчастіе. Охваченные паникой жители Іерусалима всѣ спѣшили въ храмъ, точно его старыя стѣны могли защищать ихъ отъ врага. Іеремія рѣшилъ воспользоваться этой тревогой для своей пророческой агитаціи. Онъ приказалъ своему вѣрному Баруху списать рѣчь, нѣкогда имъ произнесенную, и въ которой онъ предсказалъ, что всѣ сосѣднія съ Іудеей страны и сама она будетъ покорена только что возникшимъ тогда вавилонскимъ государствомъ. Когда Барухъ списалъ эту рѣчь, Іеремія приказалъ ему прочесть ее передъ народомъ, собравшимся въ храмѣ. Изъ нея слушатели узнаютъ, что столь близкую нынѣ бѣду пророкъ давно предвидѣлъ и предсказалъ. Іеремія надѣялся, что іудеи тогда опомнятся, отрекутся отъ своихъ заблужденій и въ великомъ горѣ своемъ вернутся къ своему истинному Богу. Въ этотъ день Іеремія почему то самъ не могъ идти въ храмъ и послалъ поэтому Баруха. Послѣдній сначала не хотѣлъ взять на себя столь опасное порученіе. Какъ онъ могъ читать народу рѣчь, въ которой отъ него требуется безусловнаго подчиненія Невухаднецару, когда онъ именно для того и собрался въ храмъ, чтобы помолиться Богу объ избавленіи отъ вавилонскаго завоевателя? Барухъ говорилъ: „Горе мнѣ, несчастному: къ прежнимъ моимъ испытаніямъ Господь прибавляетъ новое. Я измучился и не въ силахъ больше страдать“. На это Іеремія возразилъ: „Такъ говоритъ Господь: „Я разрушу все, что создалъ и вырву то, что насадилъ въ этой странѣ“. Ты же, Барухъ, желаешь быть исключеніемъ. Но не забудь, что въ минуту всенароднаго бѣдствія одинъ обязанъ жертвовать собою всѣмъ“. Барухъ, убѣжденный, повиновался и, отправившись въ храмъ, прочелъ предъ всѣмъ народомъ рѣчь своего учителя. Многіе изъ присутствовавшихъ по всей вѣроятности давно уже слышали эту рѣчь, но не обратили на нее тогда вниманія или просто забыли ее. Теперь же, въ виду близкой бѣды,— Невухаднецара, стоявшаго съ своимъ войскомъ недалеко отъ Іерусалима, —рѣчь эта произвела на слушателей сильнѣйшее впечатлѣніе. Итакъ, про-

рокъ за много лѣтъ предсказалъ, что вавилонскій царь вторгнется въ Іудею и опустошитъ ее, если народъ ея не покается, и вмѣстѣ съ іудеями будутъ обращены въ рабство и тѣ народы, на поддержку которыхъ они разсчитывали. Собраніе было глубоко потрясено этимъ предсказаніемъ. Одинъ молодой человѣкъ, Миха, сынъ Гемаріи, поспѣшилъ къ князьямъ, собравшимся во дворцѣ, чтобы сообщить имъ, что онъ услышалъ изъ устъ Баруха. Князья также не мало были удивлены, узнавъ о содержаніи читанной въ храмѣ рѣчи. Ихъ было много, и въ томъ числѣ счетчикъ ополченія, Элишамъ, въ покояхъ котораго князья собрались, Гемарія, отецъ Михы, и Элнатанъ, тотъ самый, который по приказанію Іоакима привезъ пророка Урію изъ Египта и казнилъ его. Князья пригласили къ себѣ Баруха и предложили ему прочесть имъ всю рѣчь. До глубины души потрясенные ея содержаніемъ, они тутъ же рѣшили ознакомить съ нею самого царя, надѣясь, что она и его заставитъ одуматься, заставитъ можетъ быть, отказаться отъ сопротивленія Невухаднецару. Князья, сторонники пророческой партіи, кромѣ того втайнѣ надѣялись, что чтеніе рѣчи Іереміи произведетъ на Іоакима такое-же впечатлѣніе, какое чтеніе книги Второзаконія нѣкогда произвело на царя Іошіи и что, подобно ему, и онъ, можетъ быть, раскается въ своихъ грѣхахъ и вернется на путь истины. Князья отправились къ царю и сообщили ему о происшедшемъ. Въ первый моментъ они питали нѣкоторую надежду, ибо Іоакимъ велѣлъ принести рукопись и прочесть ему рѣчь. По случаю холоднаго времени царь сидѣлъ передъ жаровней съ горящими угольями, а принцы и князья стояли кругомъ. Въ нетерпѣливомъ ожиданіи внимали они словамъ рѣчи, которую читалъ грамотный князь Іегуды, сынъ Нетаніи. По мѣрѣ того, какъ чтецъ прочитывалъ отдѣльные листы, Іоакимъ бралъ ихъ изъ его рукъ и спокойно бросалъ въ огонь. Съ ужасомъ увидѣвъ это, князья стали умолять царя не искушать Господа. Іоакимъ не обращалъ никакого вниманія на эти мольбы и молча продолжалъ бросать листы въ жаровню, пока вся рукопись не погибла въ огнѣ. Не одинъ царь впрочемъ, но и всѣ его приближенные и принцы также враждебно отнеслись къ предостереженіямъ и совѣтамъ Іереміи. По окончаніи чтенія Іоакимъ приказалъ розыскать пророка и его учениковъ и немедленно казнить ихъ, какъ незадолго до того былъ казненъ Урія. Къ счастью, князья - сторонники пророка успѣли уже принять свои мѣры и укрыть Іеремію и Баруха въ такомъ мѣстѣ, гдѣ царскіе тѣлохранители не могли ихъ найти. Пророкъ и его ученикъ были такимъ образомъ спасены.

Іерусалимъ въ этотъ день былъ въ сильнѣйшемъ возбужденіи: всенародный постъ, большія собранія въ храмѣ и во дворцѣ ни къ чему не

привели. Чтеніе рѣчи Іереміи не осталось, однако, безъ результата: оно привело къ расколу въ средѣ князей. Та, лучшая часть ихъ, которая вѣрила въ истину пророчества и позаботилась о спасеніи самого пророка, рѣшительно стала на сторону Іереміи и настаивала на безусловномъ изъявленіи покорности Невухаднецару: въ числѣ этихъ князей былъ и счетчикъ Элишамъ. А такъ какъ царь не могъ предпринять войны безъ согласія и даже участія этихъ князей, не рискуя самымъ трономъ своимъ, то онъ долженъ былъ сдаться. Іоакимъ прекратилъ сношенія съ Египтомъ, уплатилъ Невухаднецару наложенную на него дань и изъявилъ ему полную покорность. Это было началомъ вассальной зависимости Іудеи отъ Вавилона. Іеремія могъ послѣ этого оставить свое тайное убѣжище: царь, правда, по-прежнему былъ возбужденъ противъ него, но князья, сторонники его, обѣщали ему, что ни одинъ волосъ не упадетъ съ его головы. Князья сдержали это обѣщаніе и дѣйствительно берегли пророка; самъ Невухаднецаръ, узнавъ, что пророкъ предсказалъ ему блестящую будущность и настойчиво требовалъ отъ іудеевъ изъявленія ему покорности, взялъ его подъ особое покровительство. Идолопоклонство, конечно, не было упразднено, какъ многіе тогда надѣялись; царь ограничился только тѣмъ, что вмѣсто одного упраздненнаго культа тутъ же ввелъ другой. Упраздненъ былъ культъ такъ называемой „царицы неба", египетской богини Нейты. Іоакимъ опасался навлечь на себя гнѣвъ своего повелителя, вавилонскаго царя, если онъ оставитъ въ Іерусалимѣ какіе-либо внѣшніе знаки приверженности своей къ Египту. Вмѣсто отмѣненнаго египетскаго былъ вновь введенъ вавилонскій культъ небесныхъ свѣтилъ, которому дворъ сталъ всячески покровительствовать.

Самовластный Іоакимъ не могъ, однако, примириться съ вавилонскимъ игомъ, тѣмъ болѣе, что Невухаднецаръ нисколько его не щадилъ. По всей вѣроятности и египетскій царь съ своей стороны продолжалъ тайно возбуждать Іоакима къ отпаденію отъ Вавилона. Узнавъ, что финикійскій царь Итобалъ II возсталъ противъ Невухаднецара и укрѣпилъ свою столицу, Іоакимъ въ непонятномъ ослѣпленіи вдругъ отказался платить Вавилону дань и заключилъ союзъ съ Египтомъ и Финикіей. Невухаднецаръ тотчасъ собралъ свое войско, пошелъ на финикійскую столицу и сталъ ее осаждать. Осада эта длилась 13 лѣтъ и въ теченіе этого времени Невухаднецаръ не могъ предпринимать экспедиціи противъ мятежнаго іудейскаго царя. Іоакимъ убаюкивалъ себя поэтому надеждой, что онъ сохранитъ свою независимость. Не посылая противъ Іерусалима большого войска, Невухаднецаръ все же сильно тревожилъ Іудею при помощи отдѣльныхъ отрядовъ. Пользуясь этимъ, и сосѣднія идумейскія, моавитскія и аммонитскія разбойничьи орды вторгались въ страну и опустошали ея города. Это

было прелюдіей къ гораздо болѣе печальнымъ событіямъ. Тѣмъ временемъ Іоакимъ скончался. Онъ былъ преданъ землѣ въ новыхъ гробницахъ, сооруженныхъ Менаше для іудейскихъ царей. Это былъ послѣдній царь изъ дома Давида, погребенный въ родной землѣ. На престолъ вступилъ его восемнадцатилѣтній сынъ, Іоахинъ (также Іехонія или, сокращенно, Хонія). Фактически власть была въ рукахъ его матери Нехушты. Новый царь и его мать продолжали политику Іоакима, подобно ему не признавая власти Невухаднецара, не платя ему дани и также покровительствуя идолопоклонству. Ослѣпленіе Іоахина и его матери, однако, не долго продолжалось. Невухаднецаръ, взявъ финикійскую столицу, могъ, наконецъ, со всѣмъ своимъ войскомъ пойти на Египетъ, который открылъ уже военныя дѣйствія противъ него. Халдейское войско легко покорило всю ханаанскую страну до границъ Египта. Была завоевана въ томъ числѣ и вся Іудея, за исключеніемъ нѣкоторыхъ южныхъ городовъ ея, которые отстояли себя. Іоахинъ тѣмъ не менѣе продолжалъ сопротивляться, считая себя въ безопасности за крѣпкими стѣнами Іерусалима и все еще разсчитывая на помощь Египта. Невухаднецаръ отправилъ поэтому часть своего войска къ Іерусалиму, чтобы его осадить.

Іеремія, который въ послѣдніе годы царствованія Іоакима, повидимому, оставался въ бездѣятельности, выступилъ вновь во время осады. Пророкъ говорилъ теперь съ большей откровенностью, увѣренный, повидимому, что вліятельные князья, его единомышленники, и само населеніе столицы не дастъ его въ обиду. Чтобы придать болѣе вѣса своимъ рѣчамъ, онъ пользовался особымъ символическимъ знакомъ. Бродя по улицамъ и площадямъ города съ изорваннымъ поясомъ въ рукахъ, онъ говорилъ народу: „Такъ Я уничтожу гордыню Іудеи и Іерусалима,—говоритъ Господь; этотъ народъ, который Я привлекъ къ себѣ, какъ притягиваютъ поясъ къ своему тѣлу, уподобится этому поясу. Царей, сидящихъ на тронѣ Давида, князей, пророковъ и жителей Іерусалима Я сдѣлаю безумными и направлю ихъ другъ на друга, такъ что сынъ будетъ воевать съ отцомъ... Скажите царю и повелительницѣ вашей, чтобы они сѣли пониже, ибо съ ихъ головы упала уже корона. Южные города заперлись противъ врага, а никто не идетъ къ нимъ на помощь. Изгнанъ будетъ Іуда, весь онъ и навсегда уйдетъ въ изгнаніе. Подыми глаза свои, Іерусалимъ, и посмотри на тѣхъ, что идутъ съ сѣвера. Гдѣ твое стадо, которое тебѣ было дано, великолѣпное стадо твое?.. И если ты въ сердцѣ своемъ будешь вопрошать, за что съ тобою все это приключилось, то Я скажу тебѣ, что обиліемъ грѣховъ твоихъ вызванъ твой позоръ и твое рабство. Развѣ негръ воленъ измѣнить цвѣтъ своего лица? Развѣ пантера можетъ избавиться отъ пятенъ на своей шкурѣ? Точно

также и вы не можете стать лучше, закоснѣвъ во злѣ. И зато Я васъ развѣю вѣтромъ пустыни, какъ пухъ летающій"[1]).

„Взберись на Ливанъ и плачь, рыдай въ Башанѣ, громко вопи съ горъ Аварима, ибо всѣ друзья твои раздавлены. Я увѣщевалъ тебя во дни благоденствія твоего, но ты и слушать меня не хотѣлъ! Отъ самой юности твоей ты такъ себя велъ, и голосу моему никогда не внималъ. Всѣхъ друзей твоихъ вѣтеръ унесетъ и приближенные твои уйдутъ въ плѣнъ. И тогда ты устыдишься и посрамленъ будешь за злодѣянія свои. Сидя на Ливанѣ и ютясь среди его кедровъ, ты будешь стонать, какъ мать, рождающая въ мукахъ!... „И еслибы, говоритъ Господь, Хонія, сынъ Іоакима, царь іудейскій, былъ бы перстнемъ на моей десницѣ, то Я бы сорвалъ его съ нея и отдалъ бы его въ руки враговъ твоихъ, въ руки Невухаднецара. Я изгоню тебя, царь, вмѣстѣ съ матерью твоею въ чужую землю, въ которой вы не родились, и тамъ вы умрете"[2]).

Іоахину между тѣмъ было не до раскаянія и исправленія, такъ какъ съ осадой въ Іерусалимѣ наступила большая нужда. Засуха въ томъ году еще усугубила эту нужду. Іоахинъ вступилъ въ переговоры съ осаждавшими столицу вавилонскими полководцами объ условіяхъ сдачи ея, когда въ лагерь прибылъ самъ Невухаднецаръ. Тогда царь, мать его и весь дворъ изъявили покорность вавилонскому царю, дабы смягчить его гнѣвъ. Побѣдитель поставилъ, однако, Іоахину самыя тяжелыя условія. Самъ онъ съ матерью своею, женами, сестрами и придворными, долженъ былъ отправиться въ изгнаніе, въ Вавилонъ. И то уже было особой милостью со стороны Невухаднецара, что онъ оставилъ царя и князей въ живыхъ и вообще не пролилъ при этомъ крови. Онъ удовольствовался тѣмъ, что сослалъ въ Вавилонъ 10,000 іудеевъ, и въ томъ числѣ 7,000 воиновъ, 2,000 лицъ разныхъ сословій и между ними аронидовъ, левитовъ и веніаминтовъ, жившихъ въ столицѣ и, наконецъ, 1,000 оружейныхъ дѣлъ мастеровъ. Изъ іудеевъ же, жившихъ внѣ Іерусалима, онъ увелъ въ плѣнъ 3,023 человѣка. Конфискація всѣхъ сокровищъ, какія нашлись въ храмѣ и во дворцѣ, со стороны Невухаднецара не было особымъ насиліемъ: оно вполнѣ согласовалось съ тогдашними военными обычаями. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не упразднилъ самого государства іудейскаго, пощадилъ его столицу и даже укрѣпленія и не тронулъ храма. Первый покоритель Іерусалима поступилъ съ нимъ гораздо милостивѣе, чѣмъ многіе позднѣйшіе его завоеватели.

---

[1]) Іеремія 18, 1 и дд.
[2]) Т. же 22, 20-26.

ГЛАВА XII.

Паденіе іудейскаго царства.

Назначеніе царемъ Цидкіи. Его характеръ. Намѣренія Невуханецара. Вавилонская партія въ Іерусалимѣ. Положеніе Іудеи передъ ея паденіемъ. Іерусалимъ—красивый, богатый и многолюдный городъ. Земледѣліе и садоводство, оросительные каналы. Торговля столицы. Искусство и ремесла, постройки. Народныя письмена. Образованіе. Положеніе женщинъ. Хвалебная пѣснь въ честь самой добродѣтельной жены. Взаимныя отношенія половъ. Іерусалимъ—веселый, жизнерадостный городъ. Атлетическія игры. Насмѣшливость іерусалимцевъ. Антагонизмъ между городскимъ и сельскимъ населеніемъ. Образъ жизни іудейскихъ царей. Аристократическія семьи. Планы насчетъ отпаденія отъ Вавилона. Лживыя обѣщанія Египта. Фараонъ Псаммисъ. Египетская партія въ Іерусалимѣ. Итобалъ тирскій. Изгнанные Іудеи въ Вавилоніи. Лже-пророки въ Іерусалимѣ и Вавилоніи. Послы многихъ народцевъ у Цидкіи. Невухаднецаръ вовлеченъ въ войну. Предостереженія Іереміи. Усиленная вражда противъ него. Отпаденіе Цидкіи отъ Невухаднецара. Надежды на священный городъ и на храмъ. Пророкъ Іехезкель. Война и осада Іерусалима. Освобожденіе рабовъ. Помощь Египта. Страданія Іереміи. Голодъ и чума въ Іерусалимѣ. Взятіе послѣдняго. Поведеніе халдейскаго войска. Плѣнные въ Рамѣ. Разрушеніе Іерусалима и храма. Плачи.

(596—586).

Невухаднецаръ оставилъ также за Іудеей и тронъ Давида, посадивъ на него младшаго 21-лѣтняго сына Іошіи, Маттанію, который при вступленіи на престолъ назвалъ себя Цидкіей. Это былъ молодой человѣкъ мягкаго, не воинственнаго, податливаго характера. Вавилонскій завоеватель именно въ этомъ характерѣ Цидкіи усматривалъ гарантію того, что онъ ему никакихъ затрудненій дѣлать не станетъ. Но чтобы вполнѣ обезпечить себя съ этой стороны, Невухаднецаръ заключилъ съ назначеннымъ имъ царемъ торжественный союзъ и потребовалъ отъ него присяги на вѣрность. Іудея имѣла для вавилонскаго царя особое значеніе, какъ оплотъ противъ Египта, мысль о завоеваніи котораго его сильно занимала. Онъ потому и сослалъ въ Вавилонію князей іудейскихъ, чтобы эти упрямые и безумные совѣтники царя не возбуждали его къ отпаденію отъ Вавилоніи и къ военнымъ предпріятіямъ. По его мысли Іудея должна была остаться маленькимъ и слабымъ государствомъ, которое всецѣло зависѣло бы отъ Вавилоніи и отъ нея черпало-бы свою внѣшнюю силу. Невухаднецаръ оставилъ поэтому въ Іерусалимѣ только тѣхъ представителей аристократическихъ семей, въ преданности которыхъ онъ не сомнѣвался. Эти князья образовали ядро халдейской или вавилонской партіи, служившей Невухаднецару гарантіей въ томъ, что Іудея останется ему неизмѣнно вѣрной. Во главѣ этой партіи стоялъ внукъ Шафана, Гедалія, убѣжденный сторонникъ Невухаднецара, Іеремія не былъ членомъ этой партіи. Независимо отъ нея

и съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ она, пророкъ могъ способствовать сохраненію мирныхъ отношеній съ Вавилоніей. Ибо онъ и послѣ ухода Невуходнецара продолжалъ усердно проводить въ народѣ ту мысль, что самъ Богъ назначилъ Вавилонію быть владычицей надъ всѣми народами. Вполнѣ можно было разсчитывать на то, что пророкъ и его ученики будутъ проповѣдывать въ народѣ эту мысль и впредь. Невухаднецаръ въ своихъ же интересахъ желалъ, чтобы Іудея не только продолжала существовать, какъ отдѣльное государство, но и процвѣтала и внутренно развивалась, оставаясь, конечно, его вассаломъ. Не ожидая, чтобы она когда нибудь вздумала отложиться отъ Вавилоніи, онъ оставилъ Іерусалиму его крѣпкія стѣны и не разрушилъ также другихъ укрѣпленныхъ городовъ Іудеи,— Лахиша, Азеки и другихъ. Она только не могла мечтать о независимости. Іудея должна была,—какъ символически выразился тогда пророкъ Іехезкель—уподобиться низкорослой виноградной лозѣ съ висящими внизъ кистями, которая пускаетъ побѣги не вверхъ, а внизъ, къ глубоко подъ землею скрывающимся корнямъ.

Весьма возможно, что въ такомъ скромномъ положеніи іудейское царство могло бы еще долго просуществовать. Отъ тяжелыхъ ударовъ, Невухаднецаромъ ему нанесенныхъ, оно по всей вѣроятности скоро оправилось бы. Какъ ни обидно было для Іудеи изгнаніе столькихъ знатныхъ семействъ, ядра ея военной силы и цвѣта народа; въ какую глубокую скорбь ни повергло столицу и всю страну іудейскую порабощеніе ихъ вавилонскимъ завоевателемъ,—та и другая въ самомъ дѣлѣ поразительно быстро оправились отъ этихъ ударовъ и вскорѣ достигли прежняго своего благосостоянія. Фактъ почти невѣроятный, что черезъ короткое время послѣ того, какъ Невухаднецаръ опустошилъ дворецъ и храмъ іерусалимскій отъ ихъ сокровищъ, а уведенные въ Вавилонъ князья увезли съ собою въ изгнаніе все свое имущество,—послѣ всего этого Іерусалимъ былъ такъ богатъ, что дѣтей одѣвали въ пурпуръ, за который платили на вѣсъ золота. До самаго своего разрушенія Іерусалимъ считался самымъ богатымъ, красивымъ и многолюднымъ городомъ во всемъ Ханаанѣ. Сами жители величали его „вѣнцомъ красоты“, „гордостью и утѣхою земли“. Расположенная на живописныхъ холмахъ, окруженныхъ прекрасными долинами и горными вѣнцами, іудейская столица была украшена многочисленными великолѣпными зданіями. Рядомъ съ дворцомъ, сооруженнымъ Соломономъ, расширеннымъ и украшеннымъ Іоакимомъ, былъ цѣлый рядъ роскошныхъ дворцовъ, принадлежавшихъ князьямъ и сановникамъ и построенныхъ изъ громадныхъ каменныхъ плитъ, кедра и кипариса. Храмъ, исправленный и расширенный новыми дворами, представлялъ величественное зрѣлище.

Откуда эта маленькая страна, занимавшая узкую полосу земли отъ Іордана до Средиземнаго моря, черпала средства, необходимыя на всю эту роскошь? Ей вѣдь, кромѣ того довольно часто приходилось выплачивать, въ видѣ выкуповъ, огромныя суммы разнымъ завоевателямъ, угрожавшимъ ея столицѣ разрушеніемъ, и также весьма значительныя деньги въ видѣ ежегодной дани ассирійскимъ, египетскимъ, а затѣмъ и вавилонскимъ царямъ. Безъ постояннаго и весьма обильнаго источника доходовъ такія колоссальныя затраты были бы немыслимы. Этимъ неисчерпаемымъ источникомъ богатствъ была для Іудеи ея земля. Финикіяне вывозили изъ нея ежегодно большія количества превосходной пшеницы (такъ называемой „пшеницы-миннитъ“) меда, вина, оливковаго масла, бальзама и еще какого-то другого, весьма цѣннаго продукта, „паннагъ“, названія котораго лингвистамъ до сихъ поръ не удалось разгадать. Такъ какъ земли въ Іудеѣ было мало, а горъ очень много, то всѣ высоты до вершинъ были покрыты пахотными полями, виноградниками и оливковыми рощами. Въ Іудеѣ было немало искусныхъ садовниковъ, ухаживавшихъ за фруктовыми деревьями, виноградниками и оливковыми деревьями. Іудеи были также и отличными пахарями. Поля были покрыты сѣтью оросительныхъ каналовъ, въ изобиліи доставлявшихъ воду въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ выпадало мало дождей. Вмѣстѣ съ земледѣліемъ и садоводствомъ въ Іудеѣ развилась и обширная торговля. Сосѣдніе народы, которые сами обработкой земли не занимались, покупали сельско-хозяйственные продукты въ Іерусалимѣ. Съ теченіемъ времени торговыя сношенія Іудеи съ другими странами такъ разрослись, что финикіяне, торговля которыхъ въ то же время сильно упала, стали завидовать Іерусалиму, считая его своимъ самымъ опаснымъ конкурентомъ. Развитію торговыхъ сношеній въ значительной мѣрѣ содѣйствовали, впрочемъ, сами финикійскіе купцы, въ большомъ числѣ переселявшіеся въ Іерусалимъ и вывозившіе изъ него продукты Іудеи, какъ на свою родину, такъ и въ другія сосѣднія страны.

Значительное развитіе получили въ описываемую эпоху въ Іудеѣ также и нѣкоторыя искусства и ремесла. Большого совершенства—по тому времени—достигли іудеи въ искусствѣ сооруженія крѣпостей. Въ Іерусалимѣ былъ даже особый цехъ каменщиковъ (Masger), строившихъ крѣпости по всѣмъ правиламъ фортификаціоннаго искусства, пользуясь при возведеніи стѣнъ отвѣсами, циркулями и угломѣрами. Въ Іудею, какъ нѣкогда въ десятиколѣнное царство, проникло изъ Ассиріи литейное ремесло. Израильскіе литейщики, нисколько не считаясь съ предписаніями своей религіи, весьма искусно отливали разные идолы изъ серебра и золота. Были и опытные живописцы, разрисовывавшіе дома знатныхъ лицъ разными фигурами, а стѣны и полы украшавшіе мозаичной работой (Maskhit). Если

не во всей Іудеѣ, то въ столицѣ ея была широко распространена грамотность. Писали обыкновенно на свиткахъ изъ спеціально для этой цѣли приготовленныхъ лубяныхъ полосъ; если текстъ былъ особенно важенъ, то его вырѣзывали на деревянныхъ доскахъ или каменныхъ плитахъ. Существовали уже общеупотребительныя народныя письмена рядомъ съ другими, которыми пользовались лица особо посвященныя. Съ распространеніемъ грамотности большое развитіе получила и народная литература, въ видѣ разныхъ пѣсенъ, такъ называемыхъ „плачей" и притчъ. Пророки своими вдохновенными рѣчами, псалмопѣвцы—духовными гимнами, и мудрецы съ своими афоризмами составляли вмѣстѣ нѣчто вродѣ просвѣтительной школы для народа, который, въ особенности въ Іерусалимѣ, былъ всегда окруженъ многочисленнымъ классомъ людей, жившихъ одними высшими духовными интересами. Ораторскія красоты и изысканный языкъ пророковъ были, очевидно, разсчитаны на такихъ слушателей, которые знали толкъ въ этихъ вещахъ. Ѣдкія остроты и насмѣшливыя рѣчи, которыя пророкамъ нерѣдко приходилось отражать, указываютъ на то, что въ Іерусалимѣ было не мало людей, весьма высоко ставившихъ и любившихъ ораторское искусство.

Женщины іудейскія отнюдь не играли въ семьѣ и обществѣ той пассивной роли, на какую онѣ осуждены были тогда у всѣхъ другихъ народовъ. Съ одной стороны онѣ потворствовали дурнымъ страстямъ мужчинъ, заставляли ихъ вести роскошный образъ жизни, косвенно вызывали всякія насилія и беззаконія и поддерживали въ своихъ семьяхъ идолопоклонство; съ другой стороны не мало было и женщинъ высоко-добродѣтельныхъ, съ возвышеннымъ образомъ мыслей, преданныхъ всей душой истинной вѣрѣ, подобно той благородной сунемитянкѣ, которая пріютила у себя пророка Элишу (см. выше стр. 67). Второзаконіе предписываетъ поэтому, что и женщины должны присутствовать при чтеніи народу законовъ и принимать участіе въ „ученіи". Притчи, дающія наиболѣе яркое и полное представленіе о жизни іудейскаго народа въ данную эпоху, содержатъ много изреченій о счастіи, доставляемомъ супругу доброй женой и тѣхъ страданіяхъ, которыя ему приходится претерпѣвать отъ злой жены. Изъ всѣхъ этихъ изреченій слѣдуетъ, что израильтяне брали лишь по одной женѣ. И именно поэтому женщины и въ частной и въ общественной жизни пользовались довольно широкой свободой.

Одинъ поэтъ описываемаго времени рисуетъ идеалъ добронравной жены, пекущейся о мужѣ, дѣтяхъ и домѣ своемъ и въ то же время заботящейся о бѣдныхъ и сочиняющей мудрыя изреченія:

„Добронравная жена дороже жемчуга. Супругъ можетъ быть вполнѣ увѣренъ въ ней, ибо онъ не будетъ сомнѣваться, что она принесетъ ему

счастье въ домъ. Во всѣ дни жизни своей такая жена воздаетъ супругу добромъ, а не зломъ; она добываетъ шерсть и ленъ, и трудами рукъ своихъ приноситъ дому пользу; она встаетъ съ разсвѣтомъ, кормитъ всѣхъ домочадцевъ своихъ и раздаетъ работу на день своимъ прислужницамъ. Она затѣмъ берется за прялку и веретено; правую руку свою она протягиваетъ бѣдному, а лѣвую страдающему. Она ткетъ ковры для своего дома, виссонъ и пурпуръ для своихъ одеждъ, приготовляетъ тонкія ткани и пояса и продаетъ ихъ финикійскимъ купцамъ; проченъ и красивъ ея нарядъ и радостно смотритъ она на будущее. Языкъ ея полонъ мудрости, а уста ея пріятнымъ поученіемъ. Сыновья ея восхваляютъ свою мать, а супругъ—жену свою, и говорятъ:" Многія жены были добродѣтельны, но ты ихъ всѣхъ превзошла. Обманчива красота тѣлесная и славна одна лишь духовная красота". Воздайте же добронравной женѣ по заслугамъ ея и прославляйте ее въ народѣ за дѣла ея"[1]).

Это первая по времени похвала въ честь женщинъ, вышедшая изъ устъ поэта. И если даже набросанный этимъ пѣвцомъ образъ былъ лишь его идеаломъ, то все же слѣдуетъ признать, что положеніе женщины въ Іудеѣ не могло имѣть ничего общаго съ рабскимъ положеніемъ ея у другихъ древнихъ народовъ, разъ такого рода идеалъ могъ возникнуть хотя бы въ одномъ воображеніи поэта. Вообще въ взаимныхъ отношеніяхъ половъ въ Іудеѣ не существовало такой лицемѣрной строгости, какъ у другихъ народовъ. Молодые люди и дѣвушки часто сходились, проводили время въ танцахъ, пѣніи пѣсенъ, сопровождаемомъ игрой на бубнахъ,—въ особенности на свадьбахъ, народныхъ пирахъ и во время сбора винограда, причемъ молодые люди смѣялись и веселились, не нарушая вмѣстѣ съ тѣмъ приличій. Іерусалимъ вообще былъ веселымъ, жизнерадостнымъ городомъ. Молодые люди часто собирались и безъ дѣвушекъ, пили вино, пѣли пѣсни, играли на арфахъ и забавлялись атлетическими играми. Въ особенности распространена была игра, состоявшая въ подыманіи особыхъ тяжелыхъ и круглыхъ камней. Устраивались состязанія въ томъ, кто выше другихъ подыметъ наибольшое число такихъ камней. Остроумные молодые люди на такихъ собраніяхъ произносили иногда цѣлыя рѣчи противъ пророковъ и ихъ мрачныхъ предсказаній. Мѣткіе сарказмы ихъ и удачныя остроты передавались изъ устъ въ уста, обходили весь городъ и вызывали пророковъ на возраженія.—Такимъ образомъ іудейское государство, несмотря на ограниченность своей территоріи и политическую свою зависимость, могло бы, благодаря своей внутренней духовной силѣ, долго еще просуществовать, еслибы не процессъ разложенія, шедшій сверху,

[1]) Притчи 31,10 и дд.

еслибы привиллегированные классы своими грубыми политическими ошибками съ одной стороны и полной деморализаціей своей съ другой, не довели его до гибели. Когда какой нибудь народъ дошелъ до той ступени, при которой онъ о вещахъ и событіяхъ судитъ уже не безсознательнымъ инстинктомъ, а болѣе или менѣе изощреннымъ умомъ, и когда богатый историческій опытъ и развитое самосознаніе даютъ ему возможность проникнуть за предѣлы даннаго момента,—тогда неизбѣжно происходитъ распаденіе его на высшій, болѣе или менѣе образованный классъ, и на грубую народную массу. Связываютъ эти два класса лишь одинъ общій языкъ, вѣками усвоенныя привычки, да національное чувство, т. е. сознаніе общности происхожденія и общія историческія воспоминанія,—хотя въ массѣ это чувство, такъ сказать, дремлетъ и ощущается лишь весьма смутно. Въ своемъ политическомъ и культурномъ развитіи, въ воззрѣніяхъ своихъ и стремленіяхъ эти два класса въ дѣйствительности такъ сильно расходятся, словно они представляютъ два совершенно чуждые другъ другу народа. Такъ оно было и въ Іудеѣ. Высшій, болѣе образованный классъ, всѣ представители котораго жили въ столицѣ, далеко превосходилъ политическимъ и умственнымъ развитіемъ своимъ остальную массу населенія, жившую главнымъ образомъ въ деревняхъ и маленькихъ городахъ, занимаясь обработкой земли и скотоводствомъ и оставаясь въ полномъ невѣжествѣ. Столичная „аристократія" въ дѣйствительности была таковою только по имени. Въ своемъ самомнѣніи она считала себя высоко просвѣщенной и не нуждающейся ни въ какомъ поученіи. „Мы сами премудры", говорили они: „и ученіе Господне у насъ". Іеремія именно объ этихъ, считавшихъ себя непогрѣшимыми, мудрецахъ-аристократахъ говорилъ: „Мудрецъ да не хвалится разумомъ своимъ, храбрый да не похваляется своей силой, а богатый—сокровищами своими". Вслѣдствіе этого распаденія народа на столь далекіе одинъ отъ другого классы, сельское населеніе враждебно относилось къ жителямъ столицы, смотрѣвшимъ на него свысока, какъ на грубую, недостойную ихъ вниманія чернь. Старая антипатія между Іудой и Веніаминомъ вновь ожила въ другой формѣ. Ибо іудеи составляли главную массу сельскаго населенія страны, между тѣмъ, какъ веніамиты жили преимущественно въ городахъ; князья, сановники и царедворцы іерусалимскіе были также большей частью изъ веніамитовъ. Жители столицы, благодаря своему богатству или аристократическому происхожденію занимавшіе болѣе или менѣе видное положеніе, щеголяли „благородными" манерами и говорили изысканнымъ языкомъ. Своимъ краснорѣчіемъ и тонкимъ обхожденіемъ они привлекали на свою сторону простодушную массу, вербовали сторонниковъ и добивались своихъ цѣлей. Они сами похвалялись: „Рѣчью нашей мы сильны, и пока языкъ нашъ съ нами, никто не будетъ надъ нами господи-

номъ". Не мудрствовавшимъ лукаво, простымъ и честнымъ іудейскимъ пахарямъ и скотоводамъ этотъ шлифованный языкъ и изысканныя манеры были не по душѣ; они считали всѣхъ „столичныхъ" людьми лицемѣрными, лживыми и пустыми. Отсюда и тотъ глубокій антагонизмъ, который существовалъ между этими двумя классами одного и того же народа.

Знатныя столичныя семьи властвовали не только надъ народомъ, но и при дворѣ. Сами цари весьма мало занимались государственными дѣлами и почти все свое время проводили въ внутреннихъ покояхъ своего дворца, въ кругу своихъ женъ и интимныхъ друзей. Здѣсь они были недоступны: только ближайшіе родственники и фавориты пользовались привиллегіей лицезрѣть царя. Дворецъ былъ наполненъ многочисленной стражей изъ евнуховъ и эѳіоповъ, которые никого, кромѣ упомянутыхъ лицъ, къ царю не допускали. Въ то время, какъ подданные ихъ довольствовались одной женой, цари содержали цѣлые гаремы. Окружая себя большой помпой и почти все время свое отдавая женамъ и личнымъ друзьямъ своимъ, они отвыкали отъ государственныхъ дѣлъ, всецѣло предоставляя ихъ князьямъ и сановникамъ. Въ послѣднюю эпоху существованія государства они отказались и отъ спеціально на нихъ возложенныхъ закономъ высшихъ судебныхъ функцій, передавъ ихъ принцамъ и царедворцамъ. Но и эти весьма изнѣженные князья заботились не столько о правосудіи, сколько о собственныхъ персонахъ, прибѣгая къ разнымъ средствамъ для сохраненія своей красоты. При дворѣ вообще придавали гораздо больше значенія внѣшнему блеску и этикету, чѣмъ заботамъ о странѣ и ея народѣ. Фактически власть была такимъ образомъ въ рукахъ представителей немногихъ аристократическихъ іерусалимскихъ семей. Изъ представителей этихъ фамилій въ послѣднюю эпоху іудейскаго царства источники упоминаютъ о Сефатіи, сынѣ Маттана, Гедаліи, сынѣ Пашхура, Іегукалѣ, сынѣ Шелеміи и, наконецъ, о Пашхурѣ, сынѣ Малкіи. Къ этой же группѣ принадлежали и два другіе князя, Іаазанія, сынъ Ацура, и Пелатія, сынъ Бенаягу. О нихъ пророкъ Іехезкель упоминаетъ особо, потому что они открыто отреклись отъ вѣры своихъ отцовъ, перестали посѣщать храмъ и стали исповѣдывать ассирійско-вавилонскій культъ небесныхъ свѣтилъ[1]).

Только что поименованные князья и еще нѣкоторые другіе, особо въ источникахъ не поименованные, завѣдывали всѣми дѣлами управленія. Слабохарактерный, безвольный Цидкія не отваживался имъ въ чемъ либо противорѣчить. Царь этотъ былъ, правда, исполненъ добрыхъ намѣреній, не особенно привержевъ былъ идолопоклонству, скорбѣлъ душою о нравственномъ вырожденіи своего народа и охотно выслушивалъ пророковъ. Но онъ

[1]) Іехезкель 11, 1.

не имѣлъ силы воли, чтобы освободиться отъ безнравственной дворцовой клики, державшей его въ своихъ крѣпкихъ рукахъ. Цидкія, повидимому, намѣренъ былъ сдержать торжественно данное имъ Невухаднецару клятвенное обѣщаніе остаться его вѣрнымъ вассаломъ. Но и это не было въ его власти. За его спиной составляли заговоры и строили планы, о которыхъ онъ въ глубинѣ отрѣзанныхъ отъ всего міра внутреннихъ покоевъ своего дворца узнавалъ слишкомъ поздно. А если онъ иногда провѣдывалъ о нихъ во время, то онъ, безсиленъ былъ имъ помѣшать. Эта слабость царя съ одной стороны и безуміе его правителей съ другой, довели іудейское государство до гибели. Въ первое время послѣ изгнанія царя Іоахина и ссылки многихъ знатныхъ семействъ, страхъ и ужасъ, внушенный Невухаднецаромъ оставшимся князьямъ, дѣлалъ невозможной всякую мысль о возмущеніи противъ Вавилоніи и ея царя. Устрашенные князья кое-какъ примирились съ неизбѣжнымъ, тѣмъ болѣе, что со смерти Хизкіи въ Іерусалимѣ успѣли уже свыкнуться съ чужеземнымъ игомъ. Въ первые три или четыре года царствованія Цидкіи старые порядки или безпорядки оставались поэтому безъ измѣненій. Грубое идолопоклонство, неправосудіе, угнетеніе бѣдныхъ богатыми, всякія насилія и беззаконія вообще,—все это осталось въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ оно было при Іоакимѣ. Прекратилось лишь преслѣдованіе пророческой партіи, такъ какъ гораздо болѣе мягкій, чѣмъ его предшественникъ Цидкія самъ не прибѣгалъ ни къ какимъ насиліямъ и въ глубинѣ души своей вѣрилъ въ пророчества Іереміи. Послѣдній между тѣмъ не переставалъ настаивать на необходимости, во имя спасенія государства, примиренія съ верховенствомъ Вавилона и оставленія всякой мысли о возмущеніи противъ Невухаднецара.

Правители-князья Іудеи не обращали, однако, никакого вниманія на эти предостереженія пророка, составляли нелѣпые и преступные заговоры, которые мало по малу должны были довести Іудею до гибели. Не было недостатка также и въ постороннихъ давленіяхъ, въ систематическомъ возбужденіи правителей Іудеи противъ Невухаднецера извнѣ. Лживые и вѣроломные фараоны продолжали интриговать въ Іерусалимѣ, по прежнему соблазняя князей Іуды блестящими обѣщаніями въ случаѣ заключенія съ ними союза и по старому обѣщаній этихъ никогда не исполняя. Египетъ представлялъ для Іудеи,—какъ одинъ пророкъ на этотъ счетъ мѣтко выразился,—тонкую палочку, которая ломается на куски и обломками своими ранитъ въ бокъ того, кто вздумаетъ на нее опереться[1]). Въ то время въ Египтѣ царствовалъ Псаммисъ, или Псамметихъ II, сынъ Нехо (595-590). Одержавъ нѣсколько побѣдъ надъ эѳіопами и расширивъ предѣлы Египта

[1]) Іехезкель 29, 7.

насчетъ ихъ владѣній, онъ вздумалъ продолжать завоеванія, сдѣланныя его отцемъ въ области Евфрата. Но для этого ему прежде всего необходимо было заручиться поддержкой со стороны сосѣднихъ странъ и въ томъ числѣ Іудеи. Онъ обѣщалъ поэтому Цидкіи лошадей для его конницы и вспомогательное войско въ случаѣ, если онъ отложится отъ Вавилоніи и заключитъ съ нимъ союзъ. Въ Іерусалимѣ снова образовалась изъ представителей аристократіи и двора египетская партія, которая стала тайкомъ пропагандировать мысль объ отпаденіи отъ Вавилоніи. Изъ страха предъ Невухаднецаромъ партія эти своихъ симпатій къ Египту открыто не могла, разумѣется, выражать и проявила ихъ въ введеніи вновь египетскаго культа животныхъ. Іаазанія, сынъ Шафана, глава этой партіи, тайно приказалъ вырѣзать на стѣнахъ одного изъ притворовъ храма изображенія почитаемыхъ въ Египтѣ животныхъ и оказывать имъ божескія почести. Въ числѣ членовъ этой партіи было даже нѣсколько выродившихся ароидовъ.

Съ другой стороны возбуждалъ Іудею къ войнѣ съ Невухаднецаромъ и тирскій царь Итобалъ. Вавилонскій завоеватель все еще продолжалъ осаждать сильно укрѣпленный островъ Тиръ, когда Итобалъ и цвѣтъ его народа бѣжалъ съ собранными во всѣхъ концахъ свѣта сокровищами. Невухаднецаръ такъ сильно тѣснилъ осажденныхъ, что, будучи совершенно отрѣзаны отъ материка, они должны были запасаться провіантомъ и боевымъ матеріаломъ на о. Кипрѣ. Война сосѣднихъ народовъ съ Вавилоніей могла бы оказать Итобалу огромную услугу; она принудила бы Невухаднецара снять осаду, или по меньшей мѣрѣ сильно сократить число войскъ, осаждавшихъ финикійскій островъ. Итобалъ всячески старался поэтому склонить ханаанскихъ царей къ отпаденію отъ Вавилона. Цари Эдома, Моава и Аммона уже готовы были отложиться, оставалось лишь склонить къ вступленію въ ихъ союзъ и Цидкію. Іудею понуждали къ отпаденію отъ Вавилоніи еще и съ третьей стороны,—сосланные въ эту страну іудеи, которые поддерживали оживленныя сношенія съ своей родиной. Изгнанники возбуждали правителей Іудеи къ войнѣ, надѣясь, что она окончится пораженіемъ Невухаднецара и они тогда смогутъ вернуться на родину. Аристократы іерусалимскіе, очутившіеся въ Вавилонѣ, въ то же время интриговали и противъ Цидкіи, вмѣсто котораго они мечтали посадить на іудейскій престолъ низложеннаго Невухаднецаромъ и вмѣстѣ съ ними сосланнаго Іоахина. Лже-пророки, оракулы и всякіе чародѣи,—вѣроятно, по внушенію князей, членовъ египетской партіи,—ходили по площадямъ Іерусалима и по дворамъ храма, гдѣ собирался народъ, и говорили: „Вы не будете больше подвластны царю вавилонскому, а священная утварь храма будетъ ему возвращена.“ Такіе же лже-пророки явились и среди сосланныхъ въ

не имѣлъ силы воли, чтобы освободиться отъ безнравственной дворцовой клики, державшей его въ своихъ крѣпкихъ рукахъ. Цидкія, повидимому, намѣренъ былъ сдержать торжественно данное имъ Невухаднецару клятвенное обѣщаніе остаться его вѣрнымъ вассаломъ. Но и это не было въ его власти. За его спиной составляли заговоры и строили планы, о которыхъ онъ въ глубинѣ отрѣзанныхъ отъ всего міра внутреннихъ покоевъ своего дворца узнавалъ слишкомъ поздно. А если онъ иногда провѣдывалъ о нихъ во время, то онъ, безсиленъ былъ имъ помѣшать. Эта слабость царя съ одной стороны и безуміе его правителей съ другой, довели іудейское государство до гибели. Въ первое время послѣ изгнанія царя Іоахина и ссылки многихъ знатныхъ семействъ, страхъ и ужасъ, внушенный Невухаднецаромъ оставшимся князьямъ, дѣлалъ невозможной всякую мысль о возмущеніи противъ Вавилоніи и ея царя. Устрашенные князья кое-какъ примирились съ неизбѣжнымъ, тѣмъ болѣе, что со смерти Хизкіи въ Іерусалимѣ успѣли уже свыкнуться съ чужеземнымъ игомъ. Въ первые три или четыре года царствованія Цидкіи старые порядки или безпорядки оставались поэтому безъ измѣненій. Грубое идолопоклонство, неправосудіе, угнетеніе бѣдныхъ богатыми, всякія насилія и беззаконія вообще,—все это осталось въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ оно было при Іоакимѣ. Прекратилось лишь преслѣдованіе пророческой партіи, такъ какъ гораздо болѣе мягкій, чѣмъ его предшественникъ Цидкія самъ не прибѣгалъ ни къ какимъ насиліямъ и въ глубинѣ души своей вѣрилъ въ пророчества Іеремін. Послѣдній между тѣмъ не переставалъ настаивать на необходимости, во имя спасенія государства, примиренія съ верховенствомъ Вавилона и оставленія всякой мысли о возмущеніи противъ Невухаднецара.

Правители-князья Іудеи не обращали, однако, никакого вниманія на эти предостереженія пророка, составляли нелѣпые и преступные заговоры, которые мало по малу должны были довести Іудею до гибели. Не было недостатка также и въ постороннихъ давленіяхъ, въ систематическомъ возбужденіи правителей Іудеи противъ Невухаднецера извнѣ. Лживые и вѣроломные фараоны продолжали интриговать въ Іерусалимѣ, по прежнему соблазняя князей Іуды блестящими обѣщаніями въ случаѣ заключенія съ ними союза и по старому обѣщаній этихъ никогда не исполняя. Египетъ представлялъ для Іудеи,—какъ одинъ пророкъ на этотъ счетъ мѣтко выразился,—тонкую палочку, которая ломается на куски и обломками своими ранитъ въ бокъ того, кто вздумаетъ на нее опереться[1]). Въ то время въ Египтѣ царствовалъ Псаммисъ, или Псамметихъ II, сынъ Нехо (595-590). Одержавъ нѣсколько побѣдъ надъ эѳіопами и расширивъ предѣлы Египта

[1]) Іехезкель 29, 7.

насчетъ ихъ владѣній, онъ вздумалъ продолжать завоеванія, сдѣланныя его отцемъ въ области Евфрата. Но для этого ему прежде всего необходимо было заручиться поддержкой со стороны сосѣднихъ странъ и въ томъ числѣ Іудеи. Онъ обѣщалъ поэтому Цидкіи лошадей для его конницы и вспомогательное войско въ случаѣ, если онъ отложится отъ Вавилоніи и заключитъ съ нимъ союзъ. Въ Іерусалимѣ снова образовалась изъ представителей аристократіи и двора египетская партія, которая стала тайкомъ пропагандировать мысль объ отпаденіи отъ Вавилоніи. Изъ страха предъ Невухаднецаромъ партія эти своихъ симпатій къ Египту открыто не могла, разумѣется, выражать и проявила ихъ въ введеніи вновь египетскаго культа животныхъ. Іаазанія, сынъ Шафана, глава этой партіи, тайно приказалъ вырѣзать на стѣнахъ одного изъ притворовъ храма изображенія почитаемыхъ въ Египтѣ животныхъ и оказывать имъ божескія почести. Въ числѣ членовъ этой партіи было даже нѣсколько выродившихся ароидовъ.

Съ другой стороны возбуждалъ Іудею къ войнѣ съ Невухаднецаромъ и тирскій царь Итобалъ. Вавилонскій завоеватель все еще продолжалъ осаждать сильно укрѣпленный островъ Тиръ, когда Итобалъ и цвѣтъ его народа бѣжалъ съ собранными во всѣхъ концахъ свѣта сокровищами. Невухаднецаръ такъ сильно тѣснилъ осажденныхъ, что, будучи совершенно отрѣзаны отъ материка, они должны были запасаться провіантомъ и боевымъ матеріаломъ на о. Кипрѣ. Война сосѣднихъ народовъ съ Вавилоніей могла бы оказать Итобалу огромную услугу; она принудила бы Невухаднецара снять осаду, или по меньшей мѣрѣ сильно сократить число войскъ, осаждавшихъ финикійскій островъ. Итобалъ всячески старался поэтому склонить ханаанскихъ царей къ отпаденію отъ Вавилона. Цари Эдома, Моава и Аммона уже готовы были отложиться, оставалось лишь склонить къ вступленію въ ихъ союзъ и Цидкію. Іудею понуждали къ отпаденію отъ Вавилоніи еще и съ третьей стороны,—сосланные въ эту страну іудеи, которые поддерживали оживленныя сношенія съ своей родиной. Изгнанники возбуждали правителей Іудеи къ войнѣ, надѣясь, что она окончится пораженіемъ Невухаднецара и они тогда смогутъ вернуться на родину. Аристократы іерусалимскіе, очутившіеся въ Вавилонѣ, въ то же время интриговали и противъ Цидкіи, вмѣсто котораго они мечтали посадить на іудейскій престолъ низложеннаго Невухаднецаромъ и вмѣстѣ съ ними сосланнаго Іоахина. Лже-пророки, оракулы и всякіе чародѣи,—вѣроятно, по внушенію князей, членовъ египетской партіи,—ходили по площадямъ Іерусалима и по дворамъ храма, гдѣ собирался народъ, и говорили: „Вы не будете больше подвластны царю вавилонскому, а священная утварь храма будетъ ему возвращена.“ Такіе же лже-пророки явились и среди сосланныхъ въ

Вавилонъ, которые точно также сулили изгнанникамъ свободу, возвращеніе на родину, миръ и благоденствіе въ Іерусалимѣ.

На четвертомъ году царствованія Цидкіи (593) въ Іерусалимъ одновременно прибыли посланники отъ царей Эдома, Моава, Аммона, изъ Тира и Сидона, что бы предложить іудейскому царю примкнуть къ ихъ коалиціи противъ Невухаднецара. Заманчивыми обѣщаніями и грандіозными планами насчетъ будущаго послы старались завлечь нерѣшительнаго царя въ свой союзъ. Іудея могла бы гордиться тѣмъ, что всѣ за нею такъ ухаживали и добивались ея поддержки: она могла тогда считать себя въ нѣкоторомъ родѣ центромъ, отъ котораго зависѣлъ дальнѣйшій ходъ политическихъ событій. Какой отвѣтъ Цидкія далъ посламъ, неизвѣстно. Вѣроятнѣй всего, что онъ самъ ни къ какому рѣшенію не пришелъ. Съ одной стороны ему улыбалась мысль о независимости, а съ другой онъ боялся навлечь на себя и на весь свой народъ гнѣвъ могущественнаго вавилонскаго завоевателя. Но князья - правители повидимому обѣщали посламъ склонить Цидкію къ вступленію въ союзъ.

Однако, какія обстоятельства могли внушить ничтожнымъ ханаанскимъ царькамъ смѣлость открыто готовиться къ борьбѣ съ тѣмъ, кто всѣхъ ихъ могъ раздавить одной ногой? Что давало Цидкіи и его совѣтникамъ возможность принимать пословъ этихъ царей и вести съ ними переговоры о союзѣ противъ Вавилоніи? Какимъ образомъ даже изгнанники іудейскіе въ Вавилоніи могли чуть ли не на глазахъ у Невухаднецара проповѣдывать войну съ нимъ и предсказывать ему гибель? Дѣло въ томъ, что Невухаднецару было тогда не до этихъ, никакихъ опасеній ему не внушавшихъ, мятежниковъ. Занятому осадой Тира вавилонскому царю въ это время приходилось также вести серьезную войну съ эламитами. При раздѣлѣ ассирійскаго царства между Мидіей и Вавилоніей этотъ чрезвычайно воинственный народъ попалъ подъ власть послѣдней. Но власть надъ нимъ Вавилоніи была номинальная: дѣйствительно покорить его вавилонскимъ царямъ никакъ не удавалось. Эламиты съ необыкновенной стойкостью и отвагой отстаивали свою дикую свободу. Невухаднецаръ съ частью своихъ войскъ— другая часть занята была осадой Тира—отправился походомъ противъ этого неукротимаго народа, но повидимому потерпѣлъ пораженіе. Въ это время умеръ могущественный царь Мидіи Кіаксаръ, на дочери котораго Невухаднецаръ былъ женатъ. Съ преемникомъ его Астіагомъ вавилонскій царь не былъ въ дружбѣ. Онъ даже опасался съ его стороны вторженія въ Вавилонію, и, чтобы предупредить это нашествіе, онъ между Тигромъ и Евфратомъ, на границѣ Мидіи и Вавилоніи, возвелъ на протяженіи многихъ миль стѣну въ сто футовъ вышины и двадцать футовъ толщины. Вотъ это то небезопасное положеніе, въ которомъ Невухаднецаръ

въ то время самъ находился, и внушило ханаанскимъ царямъ, іерусалимскимъ правителямъ и вавилонскимъ изгнанникамъ безумную мысль о сверженіи вавилонскаго ига.

Іеремія со всей силой своего краснорѣчія выступилъ противъ этого всеобщаго помраченія умовъ. Въ тотъ моментъ для этого требовалось особое мужество. Пророкъ не могъ однако молчать. Онъ глубоко вѣрилъ, что ни эламиты, ни тѣмъ менѣе финикіяне не остановятъ Невухаднецара на его побѣдоносномъ пути, ибо онъ самимъ Богомъ призванъ былъ покорить всѣ народы. Пророкъ предостерегалъ поэтому Цидкію, жителей Іерусалима и священнослужителей не увлекаться пріятными, но несбыточными иллюзіями и примириться съ верховенствомъ Вавилона, если они не хотятъ быть стертыми съ лица земли могущественнымъ завоевателемъ. Чтобы подкрѣпить свои рѣчи нагляднымъ примѣромъ, пророкъ надѣлъ на себя однажды деревянное ярмо и съ этой эмблемой рабства отправился къ прибывшимъ въ столицу иноземнымъ посламъ. Именемъ Бога, Творца земли, онъ имъ возвѣстилъ, что Господь назначилъ Невухаднецару быть властелиномъ надъ всѣми народами и что Онъ укрѣпитъ его, дабы онъ могъ покорить себѣ всю землю. Цари Ханаана должны по этому добровольно склонить свою выю предъ вавилонскимъ царемъ, ибо въ противномъ случаѣ народы ихъ будутъ уничтожены войной, голодомъ и чумой. Іерусалимскому же населенію пророкъ съ полной увѣренностью въ истинѣ своего предсказанія заявилъ, что Невухаднецаръ не только не вернетъ храму его священной утвари, но что онъ сверхъ того увезетъ въ Вавилонъ всѣ украшенія, какія въ немъ еще остались: его колонны, „мѣдное море“ и бронзовые резервуары. Въ то время, какъ Іеремія, стоя въ храмѣ съ ярмомъ на шеѣ, убѣждалъ такимъ образомъ народъ терпѣливо сносить вавилонское иго, къ нему приблизился противникъ его, лжепророкъ *Ананія* (Хананія), снялъ съ его шеи ярмо и тутъ же сломалъ его. „Въ теченіе двухъ лѣтъ,— заявилъ при этомъ Ананія, обращаясь къ народу будто бы именемъ Бога,— власть Невухаднецара надъ народами будетъ такъ же сломлена, какъ это ярмо, а Іоахинъ со всѣми изгнанниками іудейскими вернется въ эту столицу“. На это Іеремія отвѣчалъ: „Аминь! Да сбудется слово твое!“, но тутъ же, по внушенію свыше, прибавилъ: „Вмѣсто деревяннаго, Невухаднецаръ наложитъ желѣзное ярмо на шею всѣхъ народовъ, которые противъ него возстанутъ“. Ананіи же Іеремія предсказалъ близкую гибель за то, что онъ лживыми ссылками на Бога вводилъ народъ въ обманъ и тѣшилъ его пустыми надеждами. Не прошло послѣ того и двухъ мѣсяцевъ, какъ Ананія внезапно скончался[1]).

[1]) Іеремія гл. 27.

Іеремія счелъ также нужнымъ сдѣлать надлежащее внушеніе и вавилонскимъ изгнанникамъ, и обратился къ нимъ съ посланіемъ слѣдующаго содержанія; „Такъ говоритъ Господь. Стройте дома и живите въ нихъ, разводите виноградники и вкушайте ихъ плоды, берите себѣ женъ и приживайте съ ними дѣтей; жените сыновей вашихъ и выдавайте своихъ дочерей,—тамъ, на чужбинѣ. Заботьтесь о благосостояніи того города, гдѣ вы находитесь въ изгнаніи, ибо съ его благополучіемъ связано и ваше. Не вѣрьте пустымъ обѣщаніямъ вашихъ пророковъ, ибо Я возвращу васъ въ Іудею не раньше какъ черезъ семьдесятъ лѣтъ". Лже-пророкамъ Ахаву и Цидкіи, обѣщавшимъ изгнанникамъ скорое освобожденіе, Іеремія въ томъ же письмѣ предсказалъ, что Невухаднецаръ сжаритъ ихъ на огнѣ и что они прокляты будутъ самими изгнанниками за то, что они ихъ ввели въ обманъ. Свое письмо Іеремія вручилъ посламъ, которыхъ Цидкія въ то время отправлялъ въ Вавилонъ съ дарами для Невухаднецара. Вопреки настроенію, господствовавшему при его дворѣ, Цидкія считалъ необходимымъ дать знать своему сюзерену, что онъ по прежнему остается его вѣрнымъ вассаломъ и не примкнулъ къ коалиціи, составленной противъ него ханаанскими царями. Пламенныя-ли рѣчи Іереміи удержали его отъ ложнаго шага, или совѣтники его, въ виду неожиданно наступившаго событія, это сдѣлали, Цидкія во всякомъ случаѣ оставался пока вѣрнымъ своей присягѣ, и Іудея такимъ образомъ два года еще (593—591) могла пользоваться сноснымъ миромъ. Но тѣ, что разсчитывали на войну съ Вавилоніей, были весьма недовольны, и недовольство это вымещали на Іереміи, считая его одного виновникомъ постигшаго ихъ разочарованія. Явно смѣясь надъ пророкомъ, они при встрѣчахъ съ нимъ, спрашивали его: „Что же съ угрозой твоего Іеговы?" Пророкъ неизмѣнно отвѣчалъ имъ: „Угроза гласитъ все то же,—что Господь васъ покинетъ и отвергнетъ". Сосланные въ Вавилонъ князья съ своей стороны интриговали противъ Іереміи. Одинъ изъ этихъ интригановъ, Шемая изъ Нехлеми, въ особомъ письмѣ жаловался правителямъ Іудеи на пророка и называлъ его измѣнникомъ за то, что онъ совѣтовалъ изгнанникамъ примириться съ своей ссылкой. Въ другомъ письмѣ, на имя смотрителя храма Цефаніи, Шемая горько упрекалъ послѣдняго зато, что онъ потакаетъ Іереміи и позволяетъ ему свободно проповѣдывать въ храмѣ, тогда какъ онъ, по мнѣнію Шемаи, долженъ былъ бы посадить въ темницу и даже подвергнуть пыткѣ какъ самого Іеремію, такъ и всѣхъ его единомышленниковъ. Въ трогательномъ согласіи съ этими вавилонскими сумасбродами были и іерусалимскіе безумцы. Лже-пророки то и дѣло разсказывали про свои сонныя видѣнія, въ которыхъ имъ будто бы являлся Господь и внушалъ имъ, что Іудеѣ предстоитъ блестящая будущность, если она свер-

гнетъ съ себя вавилонское иго. Шумныя рѣчи всѣхъ этихъ мнимыхъ спасителей отечества совсѣмъ заглушали одинокій голосъ Іеремія. Пророкъ, вопіявшій въ пустынѣ, изливалъ свою скорбь въ однихъ плачахъ: „Эти лживые пророки, обманывающіе народъ мой, разбили мнѣ сердце, все во мнѣ болитъ, я точно пьяный, не чувствующій ногъ подъ собою".

Противъ этихъ сумасбродныхъ рѣчей лже-пророковъ, давленія извнѣ со стороны Египта и сосѣднихъ народовъ и настояній честолюбивыхъ совѣтниковъ своихъ слабый Цидкія въ концѣ концовъ не устоялъ. Увлеченный этимъ политическимъ водоворотомъ, онъ не послалъ Невухаднецару дани, нарушилъ присягу свою и отложился отъ Вавилоніи (591). Жребій былъ брошенъ, сдѣланъ былъ шагъ, который долженъ былъ рѣшить судьбу іудейскаго народа. Соблюдая справедливость, нельзя вину за этотъ безумный шагъ вмѣнить одному іерусалимскому двору или воинственной египетской партіи. Умопомраченіе въ то время охватило уже большую часть народа, по крайней мѣрѣ въ столицѣ. Іеремія съ своими мрачными предостереженіями и угрозами былъ почти одинъ. Даже единомышленники его, преданнѣйшіе слуги Іеговы, твердо вѣрили, что Божій градъ Іерусалимъ и священная обитель Господа, Соломоновъ храмъ, не *могутъ* погибнуть, что съ какими бы несмѣтными полчищами врагъ не пришелъ, ему Сіона не одолѣть. Даже сосѣдніе языческіе народы и тѣ считали Іерусалимъ несокрушимымъ. „Всѣ цари земли и жители вселенной не вѣрили, чтобы непріятель могъ ворваться въ священный городъ"[1]). Если не считать вторженій Шишака и Іоаша, то іудейская столица за всѣ пятьсотъ лѣтъ своего существованія ни разу не была въ непріятельскихъ рукахъ. Одного этого факта достаточно было, чтобы внушить всѣмъ увѣренность въ ея неприкосновенности. Многіе пророки воспѣвали Іерусалимъ, какъ священное убѣжище, которое всегда будетъ служить оплотомъ для его благочестивыхъ обитателей и какъ птица, материнскими крыльями оберегающая своихъ птенцовъ, во вѣки вѣковъ будетъ защищать ихъ отъ враговъ[2]). Пророкъ Іоель, возвѣстившій наступленіе „страшнаго дня Господня" для грѣшниковъ и злодѣевъ, въ то же время предсказалъ, что Іерусалимъ будетъ прибѣжищемъ для „остатка", который Господь изберетъ и сохранитъ. Такое же предсказаніе сдѣлалъ и Іешая, говоря, что очистивъ Іерусалимъ отъ грѣховной бездны, Господь оставитъ въ немъ навсегда всѣхъ, предназначенныхъ имъ къ дальнѣйшей жизни[3]). Еще рѣшительнѣе говорилъ о несокрушимости священной горы сіонской, пророкъ

[1]) Плачи Іереміи 4, 12.
[2]) Іешая 31, 5.
[3]) Іешая 4, 3.

Цефанія, правда, лишь для „остатка смиренныхъ и бѣдныхъ, неправды не дѣлающихъ и лживо не говорящихъ“[1]).

Если даже пророки такъ категорически говорили о несокрушимости Іерусалима, то военная партія и подавно могла быть увѣрена, что отпаденіе отъ Вавилоніи никакого вреда іудейской столицѣ не причинитъ. Іаазанія, Пелатія и прочіе князья, настаивавшіе на отпаденіи отъ Вавилона, увѣренно и рѣшительно говорили народу: „Еще не такъ скоро (придетъ Невуханецаръ)! Продолжайте строить дома! Мы—горшокъ, а та (столица) —мясо, (которое не можетъ быть отъ него отдѣлено)“[2]). Не подлежитъ сомнѣнію, что правители приняли всѣ мѣры къ тому, чтобы стѣны Іерусалима могли выдержать любую осаду и чтобы гарнизонъ его былъ снабженъ боевымъ матеріаломъ и большими запасами провіанта. Городъ дѣйствительно могъ полтора года держаться противъ сильнѣйшаго непріятельскаго штурма. Населеніе столицы, однако, всѣ свои надежды возлагало не столько на стѣны города, сколько на ту необъяснимую духовную силу, которой священный городъ, по ихъ мнѣнію, обладалъ,—на чудесное спасеніе. Роли перемѣнились. При Іешаѣ, во время осады Іерусалима Санхеривомъ, пророкъ самъ указывалъ на духовное значеніе Сіона, какъ на священный оплотъ противъ врага, но народъ смѣялся надъ этимъ. Іеремія же, наоборотъ, въ своихъ рѣчахъ разрушалъ иллюзію насчетъ спасительной силы храма, въ которую народъ тогда сильно вѣрилъ. Іеремію, однако, въ послѣдніе годы слушали еще меньше, чѣмъ Іешаю. Дѣйствительность какъ будто оправдывала оптимистическія предсказанія лжепророковъ. Невухаднецаръ, узнавъ о нарушеніи Цидкіей данной ему присяги, не тотчасъ послалъ въ Іудею войска, чтобы уничтожить мятежную столицу. Прошелъ цѣлый годъ, пока онъ собрался въ походъ, а затѣмъ еще годъ съ лишнимъ до тѣхъ поръ, пока онъ сталъ осаждать Іерусалимъ.

Чѣмъ могло быть вызвано это замедленіе? Опредѣленныхъ данныхъ объ этомъ источники не сообщаютъ. Весьма вѣроятно, Невухаднецаръ медлилъ потому, что Іудея возстала противъ него не одна, а въ союзѣ со всѣми прочими его ханаанскими вассалами. *Баалисъ*, царь Аммона, въ это время открыто враждовалъ съ Вавилономъ. Тиръ съ своей стороны поддерживалъ мятежныхъ царей, снабжая ихъ деньгами на военныя приготовленія. Больше всѣхъ, однако, возбуждалъ Іудею и ея союзниковъ къ войнѣ съ Вавилономъ Египетъ, обѣщавшій всѣмъ помощь. Псамметиху II на египетскомъ престолѣ наслѣдовалъ его сынъ, *Априсъ* (Гофра, Хофра, Уафрисъ) весьма предпріимчивый фараонъ, довольно долго царство-

[1]) Цефанія **3**, 13.
[2]) Іехезкель **11**, 1—3.

вавшій (590—571). Онъ не только обѣщалъ Цидкіи подкрѣпленія войсками и лошадьми, но однажды даже пошелъ съ большимъ войскомъ въ Іудею, чтобы выгнать оттуда халдеевъ. Цидкія сталъ поэтому вѣрнымъ союзникомъ Априса, считая его будущимъ спасителемъ Іудеи. Въ виду этой коалиціи, заключенной противъ него всѣми народами отъ Ливана до границъ Египта, по обѣимъ сторонамъ Іордана, Невухаднецаръ, повидимому, считалъ небезопаснымъ тотчасъ же предпринять походъ противъ Цидкіи, чтобы наказать его за измѣну. Для этого похода необходимо было многочисленное и опытное войско и множество осадныхъ орудій, а для того, чтобы все это собрать, надо было много времени. Іудея и въ особенности населеніе ея столицы могло въ виду этого замедленія убаюкивать себя мечтою о томъ, что гнѣвъ вавилонскаго царя ея вовсе не постигнетъ. Пророки, изъ тѣхъ, которые возвѣщали іудеямъ одно благоденствіе, повидимому, были правы, Іеремія же съ своими мрачными предсказаніями какъ будто лгалъ народу. Даже тѣ, которые вѣрили ему, утѣшали себя тѣмъ, что его угрозы сбудутся не при нихъ, а когда-нибудь послѣ, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ.

Іерусалимъ ликовалъ и по прежнему веселился, видя, что грозный врагъ, котораго онъ такъ боялся, не показывается. Не менѣе велика была радость и въ средѣ вавилонскихъ изгнанниковъ, хотя имъ приходилось, разумѣется, болѣе или менѣе скрывать свои чувства. Страстное желаніе сосланныхъ князей поскорѣе вернуться на родину и вновь занять въ ней свое прежнее выдающееся положеніе, превращали отдаленную мечту въ близкую къ осуществленію надежду, а эту надежду—въ дѣйствительность. Лже-пророки, Ахавъ и Цидкія продолжали поддерживать въ изгнанникахъ этотъ самообманъ, предсказывали имъ благоденствіе въ Іерусалимѣ и тѣмъ самымъ какъ бы оправдывали всѣ беззаконія и злодѣянія, какимъ эти князья предавались и на чужбинѣ. Мнимымъ пророкамъ помогали и пророчицы, которыя ходили изъ дома въ домъ, предсказывали однимъ счастливую жизнь на родинѣ, а другимъ—вавилонянамъ—скорую гибель, и съ своей стороны поддерживая такимъ образомъ въ ссыльныхъ ихъ преступную и нелѣпую мечту. Хуже всего было то, что ссыльные князья были въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ князьями, оставшимися въ Іерусалимѣ: они такъ сказать подогрѣвали другъ въ другѣ эту вѣру въ скорое избавленіе.

Въ это время среди вавилонскихъ изгнанниковъ выступилъ настоящій пророкъ, которому, послѣ тяжелой борьбы, суждено было проложить путь болѣе трезвымъ взглядамъ. То былъ Іехезкель (Іезекіиль), сынъ Бузиса, аронидъ (род. около 620, сконч. около 570). Это былъ человѣкъ, одаренный отъ природы сильной увлекательной рѣчью, живой, роскошной фан-

тазіей и сладкимъ, чарующимъ голосомъ,—человѣкъ мужественный и стойкій, проникнутый тѣми высокими идеалами, которые израильскій народъ призванъ былъ осуществить. Прибывъ въ Вавилонію въ числѣ другихъ изгнанниковъ, онъ поселился въ Телъ-Абибѣ, у большого канала (Nehar-Kebar), который по приказанію Невухаднецара былъ сооруженъ для соединенія Евфрата съ Тигромъ. Въ этомъ мѣстѣ были водворены лишь видныя семьи изъ Іудеи, пользовавшіяся большой свободой и сохранившія здѣсь свою общинную организацію, съ старѣйшинами во главѣ. Въ этой средѣ Іехезкель прожилъ нѣсколько лѣтъ въ мирѣ, спокойно занимаясь своими личными дѣлами, въ кругу своей семьи. Но вдругъ ему стали являться необыкновенныя видѣнія. Оставаясь однажды въ уединеніи, онъ увидѣлъ, какъ небо разверзлось и громадное огненное облако, гонимое бурей, стало гнать предъ собою колесницу серебристо-золотого цвѣта; на колесницѣ была фигура съ четыремя лицами и столькими же крыльями. Спереди она походила на человѣка, сзади и съ боковъ—на орла, льва и быка. Надъ головами этихъ животно-образныхъ существъ былъ простертъ сводъ изъ хрусталя, а надъ сводомъ тронъ изъ сапфира; на тронѣ возсѣдало какое-то существо, человѣкообразное, но не имѣвшее въ себѣ ничего тѣлеснаго. Сверху оно было подобно свѣтлому лучу, и снизу сверкало, какъ радуга. Когда это существо стало махать крыльями, то Іехезкель услышалъ оглушительный шумъ, напоминавшій прибой морскихъ волнъ или гулъ военнаго лагеря. Іехезкелю при видѣ этого безтѣлеснаго существа показалось, что предъ нимъ на тронной колесницѣ—самъ Господь: разумъ (въ образѣ человѣка), мужество (левъ), быстрота (орелъ) и сила (быкъ), и среди ослѣпительнаго сіянія, его окружавшаго, заговорилъ къ нему. Оглушенный и ослѣпленный необыкновеннымъ явленіемъ, Іехезкель упалъ на землю. Небесный духъ разбудилъ его, поднялъ съ земли и именемъ Бога повелѣлъ ему пророчествовать „дому непослушанія", невѣрному израильскому народу. Съ своими рѣчами онъ долженъ былъ, по волѣ явившагося ему Іеговы, обращаться къ товарищамъ своимъ по изгнанію—все равно, будутъ ли они его слушать, или нѣтъ—дабы они узнали, что изъ ихъ среды выступилъ самимъ Богомъ вдохновенный пророкъ. Голосъ свыше вмѣстѣ съ тѣмъ возвѣстилъ ему, что ему придется не мало претерпѣть отъ своихъ единоплеменниковъ, потому что онъ можетъ возвѣщать имъ одно только горе и несчастія.

Было ли это видѣніе, въ ослѣпительномъ блескѣ явившееся Іехезкелю, дѣйствительностью или же одной галлюцинаціей, самъ онъ во всякомъ случаѣ вѣрилъ въ его реальность, чувствовалъ себя призваннымъ самимъ Богомъ въ пророки и готовъ былъ посвятить этой высокой миссіи свою жизнь. Впослѣдствіи Іехезкель оказался настоящимъ ясно-

видящимъ; событія, которыя должны были разразиться надъ народомъ іудейскимъ только въ будущемъ, онъ задолго предвидѣлъ и предсказалъ, и предсказанія эти въ точности сбылись. Въ первый моментъ, однако, необыкновенное видѣніе, ему явившееся, совершенно разбило его физически. Точно въ какомъ то чаду онъ вернулся въ свой домъ и въ теченіе семи дней не могъ придти въ себя. Очнувшись, онъ сталъ разсказывать своимъ товарищамъ по изгнанію о видѣніи, ему явившемся. Онъ говорилъ, что самъ Богъ повелѣлъ ему возвѣщать народу грядущія несчастія, вопреки мнимымъ пророкамъ, предсказывавшимъ ему одно благополучіе. Жители Тель-Абиба тотчасъ связали его, какъ умалишеннаго, и запретили ему публично говорить. Больше года (430 дней) Іехезкель провелъ въ принудительномъ или добровольномъ заключеніи, и при этомъ дѣлалъ вещи, странностью своей приводившіе зрителей въ изумленіе. Нарисовавъ на кирпичѣ родной Іерусалимъ, какъ бы находящійся въ осадѣ, онъ сталъ питаться грубымъ хлѣбомъ изъ разныхъ сортовъ муки, который ѣлъ только по разу въ день и пить воду небольшими глотками изъ маленькой мѣрки. Затѣмъ онъ остригъ себѣ волосы съ головы и бороды, третью часть ихъ сжегъ, другую треть изрубилъ мечомъ, а послѣднюю почти всю развѣялъ по вѣтру; весьма небольшое число оставленныхъ волосъ онъ завязалъ въ край своей одежды. Іудеи, свидѣтели этихъ странныхъ поступковъ, сначала думали, что онъ сошелъ съ ума. На ихъ вопросы, что всѣ эти манипуляціи означаютъ, пророкъ объяснилъ, что Іерусалимъ будетъ подвергнутъ изнурительной осадѣ, что у осажденныхъ не хватитъ ни хлѣба, ни воды, что большая часть іудеевъ будетъ истреблена огнемъ и мечомъ и развѣяна по вѣтру во всѣ стороны, что одно несчастіе будетъ слѣдовать за другимъ, что сама національная святыня будетъ осквернена и что изъ всего народа останется лишь небольшая горсть. Когда онъ все это въ сильной рѣчи объяснилъ своимъ слушателямъ, то окружавшіе его стали вѣрить, что предъ ними дѣйствительно Богомъ вдохновенный пророкъ. Старѣйшины съ тѣхъ поръ стали его часто посѣщать и слушать его рѣчи. Этого достаточно было для того, чтобы они уже наполовину были обращены на путь истины. Ибо своими пламенными рѣчами и самымъ голосомъ своимъ Іехезкель производилъ на слушателей своихъ неотразимое впечатлѣніе. Какъ проповѣдникъ, онъ воспиталъ себя на рѣчахъ Іереміи, котораго онъ безъ сомнѣнія часто слушалъ до своего изгнанія. Въ общемъ и цѣломъ его рѣчи напоминаютъ поэтому рѣчи анатотскаго пророка. Но ученикъ обладалъ болѣе живой фантазіей и болѣе яркимъ поэтическимъ талантомъ, чѣмъ учитель. Въ его рѣчахъ поэтому больше жара, онѣ богаче красками, въ нихъ больше художественныхъ красотъ, а потому онѣ и привлекательнѣе, чѣмъ рѣчи Іе-

реміи; пересыпанныя всякими загадками, аллегоріями и игрою словъ, онѣ увлекаютъ, захватываютъ читателя. Іеремія говорилъ сжато, строго держась той мысли, которую онъ проводилъ; его разсужденія проникнуты кроткой скорбью, точно онъ говорилъ со слезами на глазахъ. Іехезкель, наоборотъ, въ своихъ рѣчахъ обстоятельнѣе, сообщительнѣе, онъ исчерпываетъ свой предметъ до конца, даетъ полныя картины, не скупится на рѣзкія, даже прямо непристойныя выраженія; трогательной же скорби его учителя въ его рѣчахъ нѣтъ и слѣда. Прекрасны въ особенности его характеристики. Какъ красива, напримѣръ, его рѣчь въ которой онъ рисуетъ величіе Тира и предсказываетъ его паденіе! Онъ сравниваетъ финикійскую столицу съ большимъ и великолѣпнымъ купеческимъ кораблемъ, на которомъ собраны издѣлія всѣхъ странъ, съ которыми Финикія вела торговлю. Пророкъ съ такой обстоятельностью и съ такимъ реализмомъ описываетъ всѣ эти страны, ихъ естественныя богатства и всевозможныя издѣлія, что современный изслѣдователь, читая эту рѣчь, получаетъ полное представленіе о торговыхъ сношеніяхъ народовъ въ данную эпоху. Этотъ великолѣпный, нагруженный всякимъ добромъ корабль, качающійся на волнахъ, внезапно-налетѣвшая буря низвергаетъ въ морскую бездну. Такова будетъ судьба Тира[1]). Съ той же наглядностью и такими же яркими красками пророкъ рисуетъ и былое величіе Ассиріи и ея паденіе[2]).

Съ выступленіемъ этого богато одареннаго пророка въ средѣ вавилонскихъ изгнанниковъ сталъ замѣчаться нѣкоторый поворотъ къ лучшему. Іехезкель безпощадно разоблачалъ ихъ злодѣянія, какъ и беззаконія всего іудейскаго народа, безжалостно разрушалъ ихъ мечты о возвращеніи на родину, въ то же время опредѣленно и ясно указывая имъ путь къ спасенію. Подобно Іереміи, и Іехезкель говорилъ, что духовное воскресеніе народа совершится не въ самой Іудеѣ съ ея окончательно выродившимся населеніемъ, а въ Вавилонѣ. „Новое сердце и новый духъ",—въ этихъ немногихъ словахъ пророкъ резюмировалъ всѣ тѣ многообразныя явленія, которыя одни, по его мнѣнію, могли привести къ возрожденію израильскаго народа. Онъ не только требовалъ отъ товарищей своихъ по изгнанію, чтобы они пріобрѣли себѣ это новое сердце и новый духъ, но и предсказывалъ, что это такъ и будетъ, что ихъ каменныя сердца будутъ превращены въ мягкія, гибкія, воспріимчивыя сердца изъ плоти и крови. Чувство зависимости первобытнаго человѣка отъ силъ природы, которое у всѣхъ народовъ древняго міра выражалось въ отвратительномъ идолопоклонствѣ, отъ сосѣднихъ племенъ усвоенномъ и израильтянами,—это

[1]) Іехезкель гл. 27.
[2]) Т. же гл. 31.

грубое, примитивное чувство исчезнетъ, уступая мѣсто инымъ, болѣе возвышеннымъ чувствамъ,—чувству зависимости человѣка отъ высшаго нравственнаго порядка, чувству необходимости самоограниченія и подчиненія долгу. „Пророкъ изгнанія“ первый вполнѣ ясно формулировалъ мысль о необходимости и неизбѣжности для Израиля нравственнаго самоочищенія путемъ страданій. Эту основную мысль свою Іехезкель проводитъ уже въ первой рѣчи, произнесенной имъ послѣ своего освобожденія изъ заключенія предъ посѣтившими его старѣйшинами. Въ видѣніи, при этомъ ему явившемся, онъ почувствовалъ, какъ будто какая то небесная сила внезапно перенесла его въ Іерусалимъ. И онъ вновь увидѣлъ знакомыя картины: какъ на одномъ алтарѣ устанавливаютъ отвратительнаго идола, какъ семьдесятъ старѣйшинъ столицы молится поганымъ животнымъ, какъ женщины въ другомъ мѣстѣ плачутъ по Таммузѣ, какъ двадцать пять князей поворачиваются спиной къ храму и поклоняются солнцу, и какъ толпа израильтянъ тащитъ, наконецъ, въ храмъ столбъ съ срамнымъ изображеніемъ. Далѣе пророкъ видѣлъ, какъ Іегова, парившій надъ херувимами въ храмѣ, оставилъ послѣдній, сѣлъ на тронную колесницу свою и, покинувъ городъ, удалился на Масличную Гору. Это видѣніе означало, что Господь окончательно покинулъ столько разъ оскверненный храмъ іерусалимскій и грѣшный городъ, лишивъ ихъ навсегда своего покровительства. Далѣе пророкъ услышалъ голосъ свыше, повелѣвавшій архангеламъ безъ милосердія истребить всѣхъ жителей Іерусалима, стариковъ и юношей, женщинъ, дѣвушекъ и дѣтей, пощадивъ только тѣхъ, у которыхъ одинъ изъ архангеловъ сдѣлаетъ на лбу особый знакъ въ видѣ буквы ח, какъ у людей „скорбящихъ и стонущихъ о мерзостяхъ, творимыхъ Іерусалимомъ“. Пророкъ послѣ этого видѣлъ страшную картину повальнаго избіенія жителей столицы, видѣлъ въ ужасѣ, какъ храмъ и дворы его наполняются трупами и въ отчаяніи возопилъ къ Богу: „Неужели Ты истребишь весь остатокъ Израиля?“ И Господь отвѣчалъ ему на это: „Да, грѣхи Дома Израилева въ Іудеѣ чрезмѣрно велики, земля эта полна невинной крови, а городъ весь оскверненъ“. Далѣе Іехезкель услышалъ слова: „Къ твоимъ единоплеменникамъ, товарищамъ по изгнанію, жители Іерусалима будутъ говорить: „Удалитесь изъ Іудеи, ибо эта земля намъ дана въ наслѣдіе“. Однако, хотя Я ихъ и разсѣялъ между народами, но все же не оставлю ихъ, Я дамъ имъ новое сердце и новый духъ, дабы они слѣдовали Моимъ завѣтамъ, стали бы Моимъ народомъ, а Я—ихъ Богомъ“[1]).

Обо всѣхъ этихъ видѣніяхъ, явившихся Іехезкелю во время посѣщенія его старѣйшинами, онъ тоже имъ разсказалъ. И такимъ образомъ

[1]) Іехезкель 9, 9 и дд.

пророкъ съ самаго начала своей дѣятельности ясно формулировалъ и вторую основную мысль свою,—что Господь покинулъ Іудею и корнемъ, изъ котораго произрастетъ новый народъ израильскій, избралъ вавилонскихъ изгнанниковъ. Въ то время, какъ жители Іерусалима, даже лучшіе среди нихъ, стоявшіе близко къ пророку, продолжали считать свой городъ и храмъ несокрушимыми оплотами, недоступными врагу и обезпеченными отъ несчастій, Іехезкель, наоборотъ, утверждалъ, что Господь ихъ окончательно оставилъ и милости свои перенесъ на изгнанниковъ вавилонскихъ.

Эти изгнанники между тѣмъ были еще весьма далеки отъ того, чтобы вѣрить словамъ своего пророка и исправиться. Отпаденіе Іудеи отъ Невухаднецара, наоборотъ, еще болѣе укрѣпило въ нихъ вѣру въ близкое ихъ возвращеніе на родину. Іехезкель рѣчами и всякими символами старался разбить эту мечту. Облачившись въ одежду плѣнника, онъ днемъ бродилъ среди народа, переходя съ мѣста на мѣсто, а къ вечеру пробивалъ дыру въ стѣнѣ, покрывалъ лицо свое, чтобы не видѣть земли, и уносилъ на плечахъ свои пожитки. Когда его спрашивали, что это означаетъ, онъ объяснялъ, что это указаніе свыше на судьбу, предстоящую народу іудейскому и его царю. Народъ будетъ уведенъ въ плѣнъ, а царь покроетъ лицо свое, чтобы его не узнали, и черезъ отверстіе, пробитое въ стѣнахъ іерусалимскихъ, скроется въ темнотѣ изъ города[1]).

Съ каждой новой рѣчью вліяніе пророка на изгнанниковъ мало-по-малу возрастало. Тѣ изъ нихъ, которые прежде его вязали и пытали, стали его часто посѣщать, распрашивая его объ исходѣ предстоявшей ихъ родинѣ борьбы, за которой они слѣдили съ большимъ напряженіемъ. Благодаря своему краснорѣчію, глубинѣ своихъ мыслей и обаятельному голосу, Іехезкель пріобрѣталъ все больше и больше слушателей даже среди тѣхъ, которые нисколько не расположены были отречься отъ своихъ заблужденій. Многіе являлись къ нему за отвѣтами съ изображеніями своихъ идоловъ на груди. Такимъ пророкъ коротко заявилъ, что съ людьми, открыто объявляющими себя идолопоклонниками, онъ говорить не желаетъ. Эта угроза, повидимому, подѣйствовала, такъ какъ съ тѣхъ поръ число его посѣтителей значительно выросло, несмотря на то, что его отвѣты и рѣчи, вообще, многимъ посѣтителямъ его совсѣмъ не приходилось по вкусу.

Характеризуя въ одной изъ лучшихъ своихъ рѣчей грѣховность и неблагодарность Іерусалима, Іехезкель сравниваетъ іудейскую столицу со всѣми покинутой дѣвочкой-младенцемъ, валяющейся въ грязи. Богъ принялъ участіе въ этомъ ребенкѣ, вскормилъ и воспиталъ его; грязная дѣвчонка стала красивой дѣвушкой, щеголявшей богатыми нарядами и

[1]) Іехезкель 12, 3, и дд.

драгоцѣнностями. Но возгордившись своей красотой, дѣвица забыла Того, Кто осыпалъ ее милостями Своими, отплативъ Ему самой черной неблагодарностью; измѣняя данному ей Господомъ супругу, она стала распутствовать со всякимъ встрѣчнымъ и дошла, наконэцъ, до того, что зарѣзала своихъ собственныхъ дѣтей. Столь неблогадарная и развратная жена должна быть, разумѣется, строго наказана; въ справедливомъ негодованіи Своемъ Богъ будетъ судить ее за двоякое преступленіе, за прелюбодѣяніе и дѣтоубійство. Ибо она стала гораздо хуже еще, чѣмъ ея сестры *Содомъ* и *Самарія,* грѣхи которыхъ ничто въ сравненіи съ ужасными беззаконіями и злодѣяніями Іерусалима.

Тѣмъ, которые въ неизвлечимомъ ослѣпленіи своемъ все еще возлагали надежды на освобожденіе отъ вавилонскаго ига, Іехезкель прекраснымъ сравненіемъ съ двумя орлами и маленькой виноградной лозой, доказалъ, что безумная борьба съ Вавилономъ, начавшаяся измѣной, не можетъ имѣть успѣха, что Невухаднецару не нужно употреблять особыхъ усилій для того, чтобы уничтожить Іудею, и что расчеты на помощь Египта не оправдаются. Въ способѣ выраженія своихъ мыслей Іехезкель, вообще, весьма разнообразенъ, прибѣгая къ самымъ различнымъ пріемамъ, чтобы вѣрнѣе убѣдить своихъ слушателей и пользуясь то формой разсказа, то всякими сравненіями, а то и загадками.

Катастрофа тѣмъ временемъ приближалась. Собравъ огромное войско, Невухаднецаръ повелъ его въ Ханаанъ, чтобы наказать отложившихся отъ него царей, какъ возбунтовавшихся рабовъ. Аммонъ, Моавъ и Эдемъ, первые возбуждавшіе Цидкію къ отпаденію отъ Вавилоніи, съ приближеніемъ Невухаднецара первые же потеряли всякое мужество и униженно стали ползать въ ногахъ вавилонскаго завоевателя. Ближайшій къ Іудеѣ Эдомъ не удовольствовался этимъ и въ своемъ усердіи дошелъ до того, что сталъ воевать съ своей союзницей. Тиръ, самъ сильно тѣснимый Невухаднецаромъ, не могъ придти Іерусалиму на помощь. Іудея могла такимъ образомъ разсчитывать только на поддержку Египта. Но фараонъ не рѣшался еще вступить въ борьбу. Невухаднецару не трудно было поэтому покорить Іудею и взять почти всѣ ея укрѣпленные города, кромѣ Лахиша и Азеки, расположенныхъ южнѣе столицы, Не дошедши до нихъ, вавилонское войско въ десятый день десятаго мѣсяца (въ концѣ 588 или началѣ 587) подошло къ Іерусалиму. Іудейская столица тѣмъ временемъ успѣла укрѣпиться и запастись большими количествами провіанта и воды для продолжительной осады. Но съ приближеніемъ непріятеля жители ближайшихъ къ Іерусалиму городовъ и селъ съ семьями своими и стадами стали сбѣгаться туда, и такимъ образомъ во много разъ увеличили число людей, которыхъ столица могла прокормить. Прибыли въ Іерусалимъ также и реха-

виты съ своимъ главой *Іаазаніей,* потомкомъ основателя секты назиреевъ, Іонадава (см. стр. 44). Такъ какъ Цидкія, или князья-правители на требованіе о сдачѣ отвѣчали категорическимъ отказомъ, то Невухаднецаръ приступилъ къ правильной осадѣ. Вавилоняне возвели вокругъ города валы одной вышины съ его стѣнами, устроили на нихъ осадныя башни для обстрѣливанія подъ ихъ защитой города и стали штурмовать послѣдній съ помощью стѣнобитныхъ орудій.

Іерусалимъ, повидимому, мужественно и стойко защищался, такъ какъ осада длилась, съ небольшимъ перерывомъ, около полутора лѣтъ (отъ января 587 до іюня 586). Командовалъ гарнизономъ одинъ изъ царскихъ евнуховъ. Самъ Цидкія въ защитѣ столицы никакого участія не принималъ. Не будучи ни воиномъ, ни руководителемъ вообще, безпомощный царь въ эту тяжелую годину игралъ самую жалкую роль. Если событія, ареной которыхъ Іерусалимъ былъ со времени вступленія на престолъ злосчастнаго Іоакима, напоминаютъ гнусную комедію, то съ восшествіемъ на тотъ же престолъ Цидкіи она сразу переходитъ въ мрачную трагедію. И въ этой трагедіи, героемъ которой являлся цѣлый народъ, исторія страданій пророка Іереміи составляетъ одинъ изъ самыхъ печальныхъ эпизодовъ. Мучительную борьбу съ самимъ собой приходилось пророку переживать во время осады. Если онъ по преклоннымъ лѣтамъ своимъ не въ силахъ былъ самъ принимать участія въ защитѣ города, то чувство пламеннаго патріота повелѣвало ему ободрять по крайней мѣрѣ другихъ, внушать имъ мужество, возбуждать въ нихъ надежду. Ясновидящее же пророческое око его, да простой здравый разсудокъ обязывали его, наоборотъ, предупреждать защитниковъ города, что всѣ ихъ усилія тщетны, что они кровь свою проливаютъ совершенно напрасно и что гибель города за многіе грѣхи его неминуема. Въ это время никто, повидимому, не мѣшалъ Іереміи публично говорить, такъ какъ событія подтвердили всѣ его самыя мрачныя пророчества и сильно подняли его престижъ въ народѣ. Пророкъ могъ бы поэтому поднять массу столичную противъ царя и правителей, вырвать изъ ихъ рукъ власть, вступить въ переговоры съ Невухаднецаромъ и заключить съ нимъ миръ на болѣе или менѣе почетныхъ условіяхъ. Но если проповѣдникъ—моралистъ въ Іереміи часто переходилъ въ политическаго трибуна, то революціонеромъ онъ никогда не былъ. Въ началѣ осады онъ даже отдѣльнымъ лицамъ не совѣтовалъ переходить къ врагу ради личнаго спасенія [1]). Онъ и въ это время не выходилъ изъ своей роли, по прежнему требуя прекращенія всякихъ беззаконій. Цидкіи онъ говорилъ: „Ты, сидя-

[1]) Если въ одномъ мѣстѣ (Іеремія 21, 9) говорится, что онъ совѣтовалъ жителямъ Іерусалима сдаться Невухаднецару, то это было—какъ то видно изъ параллельнаго мѣста въ 38 главѣ—позже, когда въ столицѣ уже свирѣпствовалъ сильный голодъ.

щій на престолѣ царя Давида, и слуги твои, чинящіе судъ у воротъ этого града, судите по правдѣ и справедливости, освобождайте слабыхъ отъ рукъ ихъ грабителей, не давайте въ обиду пришельцевъ, вдовъ и сиротъ, не допускайте пролитія невинной крови въ этомъ городѣ!"[1]) Особенно близко пророкъ принималъ къ сердцу судьбу рабовъ. То были израильтяне, которые изъ крайней бѣдности продавали самихъ себя или дѣтей своихъ въ рабство, или же такіе, которыхъ обращали въ неволю ихъ кредиторы за неплатежъ долговъ. Съ закономъ, предписывавшимъ отпускать такихъ рабовъ на волю на седьмомъ году, также мало тогда считались, какъ и со всякими законами вообще. Іеремія энергично выступилъ на защиту несчастныхъ. Во дворцѣ, въ храмѣ и на всѣхъ площадяхъ іерусалимскихъ онъ неустанно твердилъ о святости субботы, о томъ, что въ этотъ день нельзя работать и въ особенности нельзя носить тяжестей. Въ связи съ святостью седьмого дня пророкъ указывалъ и на такую же святость седьмого года, когда рабы должны получить свободу. И онъ добился таки своего. Рѣчи ли пророка убѣдили князей и богачей іерусалимскихъ, или они просто боялись, какъ бы рабы не подняли бунтъ во время войны, но въ результатѣ Іерусалимъ въ одинъ прекрасный день былъ свидѣтелемъ необыкновеннаго зрѣлища. По приказу Цидкіи князья-представители царя, священники и народъ заключили торжественный союзъ, въ силу котораго всѣ рабы должны были быть отпущены на волю. Для скрѣпленія этого обязательства передъ храмомъ былъ совершенъ древній обрядъ. Закололи молодого вола, разрубили тушу его на двѣ половины и между ними прошли князья-правители, рабовладѣльцы и священнослужители: союзъ такимъ образомъ былъ освященъ. Рабы въ тотъ же день были отпущены. Многіе изъ нихъ вступили въ ряды защитниковъ осажденнаго города.

Цѣлый годъ почти длилась уже осада, когда Невухаднецаръ вдругъ получилъ извѣстіе, что царь *Априсъ* (Хофра) египетскій идетъ на него съ огромнымъ войскомъ. Вавилоняне поспѣшили снять осаду и пошли на встрѣчу египтянамъ (въ февралѣ или мартѣ 586). Велика была радость въ іудейской столицѣ. Когда ворота Іерусалима были открыты, все населеніе его высыпало въ поле, чтобы вновь почувствовать себя на свободѣ, взглянуть на свои нивы и виноградники и вмѣстѣ съ тѣмъ запастись новой провизіей на случай возобновленія осады.

Князья же и богачи, увѣренные, что Невухаднецаръ не вернется, вновь обратили въ неволю своихъ только что отпущенныхъ рабовъ и рабынь, несмотря на торжественно данное ими обязательство и клятву. Іеремія былъ до глубины души возмущенъ этимъ безчеловѣчнымъ посту-

[1]) Іеремія 21, 12; 22, 1—3.

комъ. Въ чрезвычайно сильной рѣчи онъ обвинялъ царя и князей въ клятвопреступленіи, и тутъ же предсказалъ, что вавилоняне скоро вернутся и возьмутъ столицу, которая погибнетъ отъ огня и меча, голода и чумы. Цидкія черезъ двухъ своихъ придворныхъ и смотрителя храма Цефанію просилъ пророка помолиться Богу о томъ, чтобы халдеи не вернулись, но Іеремія отвѣчалъ ему, что фараонъ вскорѣ уйдетъ въ свою страну, а Невухаднецаръ возобновитъ осаду, овладѣетъ Іерусалимомъ и сожжетъ его. „Пусть царь,—говорилъ онъ посланнымъ,—не тѣшитъ себя пустыми надеждами, ибо если бы даже іудеи разбили все войско халдейское и изъ него осталось бы только нѣсколько раненыхъ, то и они сожгутъ городъ". Князья-правители и до того еще были возбуждены противъ пророка. Но послѣдняя рѣчь его по поводу обращенія вновь въ рабство отпущенныхъ невольниковъ привела ихъ въ страшную ярость. И они не замедлили отомстить ему. Когда онъ однажды выходилъ изъ Іерусалима, отправляясь въ свой родной Анатотъ, начальникъ городской стражи задержалъ его по подозрѣнію въ намѣреніи перейти къ непріятелю. Несмотря на клятвенныя увѣренія пророка, что ему такая мысль и въ голову не могла придти, начальникъ стражи выдалъ его князьямъ. Расправляясь съ нимъ за его непочтительныя рѣчи, князья сперва избили его, а затѣмъ бросили въ темницу, на дно полувысохшаго колодца. Въ этой тѣсной и грязной ямѣ Іеремія оставался довольно долго. Злой и безсердечный тюремщикъ его, царскій счетчикъ *Іонатанъ* не допускалъ къ нему даже родныхъ. Князья не рѣшились, однако, наложить на пророка руки и предоставили Іонатану его извести.

Не долго пришлось князьямъ ликовать по поводу ухода халдеевъ. Разбивъ на голову египетское войско и обративъ его въ бѣгство, Невухаднецаръ вернулся подъ стѣны Іерусалима и, возобновивъ осаду, сталъ сильно тѣснить его, чтобы скорѣе съ нимъ покончить. Осажденные сильно упали духомъ. Многіе, думавшіе только о своемъ собственномъ спасеніи, тайно оставляли осажденный городъ и переходили къ непріятелю, либо бѣжали въ Египетъ. Цидкія только теперь понялъ, какую ужасную ошибку онъ сдѣлалъ, вздумавъ помѣряться силами съ могущественной Вавилоніей. Слабую надежду царь возлагалъ еще на одного Іеремію. Онъ тайно велѣлъ привести пророка во дворецъ и спросилъ его, не можетъ ли онъ ему сказать, чѣмъ кончится осада. „Да,—отвѣтилъ ему Іеремія,—я могу тебѣ сказать, что ты попадешь въ руки Невухаднецара, если ты не сдашься и не изъявишь ему покорности". Смиренно выслушалъ царь это мрачное предсказаніе и былъ настолько справедливъ, что ничего дурного пророку за него не сдѣлалъ. Мало того, уступая его просьбѣ, онъ освободилъ его изъ заключенія, велѣлъ помѣстить его въ одной изъ дворцовыхъ пристроекъ

и самъ ежедневно присылалъ ему по хлѣбу изъ царской пекарни. Въ этомъ помѣщеніи Іеремія пробылъ нѣсколько мѣсяцевъ какъ бы въ почетномъ заключеніи. Его вѣрный ученикъ Барухъ опять былъ при немъ.

Однажды къ нему изъ Анатота явился родственникъ его *Хананелъ* съ предложеніемъ купить у него семейный участокъ земли, который онъ одинъ имѣлъ право пріобрѣсти. Въ видѣніи, незадолго передъ тѣмъ ему явившемся, Іеремія былъ предупрежденъ объ этомъ посѣщеніи, причемъ ему было внушено, чтобъ онъ принялъ предложеніе и совершилъ покупку имѣнія съ особой торжественностью. Слѣдуя этому внушенію, Іеремія пригласилъ свидѣтелей, отвѣсилъ при нихъ количество серебра, соотвѣтствовавшее покупной суммѣ, согласно закону изготовилъ двѣ продажныя записи, одну запечатанную, а другую открытую, и когда свидѣтели ихъ подписали, вручилъ ихъ своему ученику Баруху, который долженъ былъ хранить ихъ въ особомъ сосудѣ. Пророкъ самъ, однако, не могъ не удивляться тому, что онъ сдѣлалъ: врагъ стоялъ у стѣнъ города, столица со дня на день должна была пасть, весь народъ пойти въ изгнаніе, а онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, покупалъ имѣніе! Когда Іеремія ломалъ голову надъ тѣмъ, чтобы это могло означать, его пророческій взоръ внезапно былъ перенесенъ изъ мрачнаго настоящаго въ отдаленное, но болѣе свѣтлое будущее. Пророкъ понялъ тогда: Іерусалимъ во всякомъ случаѣ и по заслугамъ попадетъ въ руки врага и будетъ разрушенъ. Но придетъ нѣкогда день, когда въ Іудеѣ люди снова станутъ пріобрѣтать на вѣсъ серебра землю, ибо изгнанные вернутся въ нее.

Въ переполненной людьми столицѣ тѣмъ временемъ сталъ чувствоваться голодъ. Потому ли, что во время непродолжительнаго отсутствія вавилонскаго населеніе успѣло истребить всѣ свои запасы, легкомысленно понадѣявшись на то, что Невухаднецаръ не вернется, или же оттого, что непріятель зорко слѣдилъ за тѣмъ, чтобы окрестные жители не доставляли въ городъ хлѣба черезъ тайные ходы,—по той ли или другой причинѣ, но запасы стали быстро истощаться, такъ что хлѣбъ приходилось выдавать жителямъ весьма умѣренными раціонами. Но вскорѣ и послѣдніе запасы были истощены, и насталъ настоящій голодъ со всѣми его ужасами. Точно во исполненіе мрачныхъ предсказаній пророковъ, въ теченіе двухсотъ лѣтъ предвѣщавшихъ іудейской столицѣ всѣ эти ужасы, на улицахъ Іерусалима происходили въ это время душу раздирающія сцены, которыхъ немногіе, ихъ пережившіе, никогда не могли забыть. Здѣсь малыя дѣти рыдали, умоляя своихъ матерей о кускѣ хлѣба и такъ и умирали, его не дождавшись; тамъ, какъ тѣни, бродили знатные старики, привыкшіе къ тонкимъ яствамъ, съ сухой кожей, прилипшей къ костямъ, и тутъ же на улицахъ падали замертво отъ изнуренія. Сбылось въ точности предсказаніе

Іехезкеля: богачи предлагали все свое серебро и золото за кусокъ хлѣба и не получали его [1]). Матери, по преданію, варили своихъ собственныхъ, умершихъ отъ голода, дѣтей и мясомъ ихъ утоляли свой голодъ [2]).

Всѣмъ, кто въ эти ужасные дни еще въ состояніи былъ его слушать, Іеремія говорилъ: „остающіеся въ городѣ погибнутъ отъ меча, голода или чумы, тѣ же, кто перейдутъ къ халдеямъ, спасутъ свою жизнь, ибо городъ будетъ взятъ и сожженъ!“ Когда князьямъ-правителямъ донесли объ этихъ рѣчахъ пророка, они стали требовать отъ царя, чтобъ онъ велѣлъ его казнить, какъ измѣнника. Безвольный и безпомощный Цидкія отвѣчалъ: „Онъ въ вашихъ рукахъ, я противъ васъ ничего не могу сдѣлать“. Князья тогда вновь приказали бросить пророка въ наполненную грязью яму. И на этотъ разъ они не рѣшались съ нимъ покончить, увѣренные, что онъ въ ямѣ и самъ погибнетъ. И онъ дѣйствительно скоро погибъ бы въ ней, если бы надъ нимъ не сжалился одинъ изъ царскихъ слугъ, эѳіопъ *Эведъ-Мелехъ*. Этотъ рабъ былъ возмущенъ жестокостью князей и безпомощностью царя, эту жестокость допускавшаго. Онъ обратилъ вниманіе Цидкіи на то, что пророкъ неминуемо умретъ въ ямѣ отъ голода и добился отъ него разрѣшенія освободить его. Яма была такъ глубока, а люди были до того истощены голодомъ, что тридцать человѣкъ едва были въ силахъ вытащить Іеремію. Жизнь пророка была спасена, но царь продолжалъ держать его взаперти, хотя и слѣдилъ за тѣмъ, чтобы князья его не убили. Въ глубинѣ души своей Цидкія не прочь былъ сдаться Невухаднецару, но по разнымъ соображеніямъ не рѣшался этого сдѣлать. И, чтобы положить конецъ терзавшимъ его сомнѣніямъ, онъ тайкомъ пригласилъ къ себѣ Іеремію и спросилъ его, окончательно ли рѣшена участь Іерусалима; а въ случаѣ, если онъ рѣшится перейти къ непріятелю, то не будутъ ли издѣваться надъ нимъ и не убьютъ ли его Іудеи, находившіеся въ халдейскомъ лагерѣ. Пророкъ самымъ рѣшительнымъ образомъ увѣрилъ царя, что онъ въ непріятельскомъ лагерѣ не подвергнется ни малѣйшему насилію и прибавилъ, что, наоборотъ, даже женщины въ его же дворцѣ будутъ смѣяться надъ нимъ, если онъ будетъ упрямо продолжать борьбу съ Невухаднецаромъ. „Твои союзники,—говорилъ ему Іеремія,—обманули тебя и, въ то время, какъ твои ноги вязнутъ въ грязи, они стоятъ въ сторонѣ“. Царь, повидимому, рѣшилъ было уже сдаться врагу и просилъ лишь пророка не передавать князьямъ, о чемъ онъ говорилъ съ нимъ, въ случаѣ если они узнаютъ объ ихъ свиданіи. У Цидкіи не хватило, однако, мужества сдѣлать рѣши-

[1]) Іехезкель 7, 19.
[2]) Плачи 2, 20; 4, 10.

тельный шагъ; онъ ничего не предпринималъ и покорно ждалъ своей участи. Онъ не въ силахъ былъ преодолѣть свою врожденную нерѣшительность. Это былъ послѣдній царь изъ дома Давида.

Голодъ, чума и осада тѣмъ временемъ продолжали свое истребительное дѣло. Число іудейскихъ воиновъ уменьшилось до того, что почти некому стало защищать крѣпостныя стѣны. Наконецъ, пробилъ послѣдній часъ Іерусалима. Въ день девятаго тамуза (Іюнь 586) въ цѣломъ городѣ не было ни куска хлѣба. Не встрѣчая никакого сопротивленія со стороны изнуренныхъ воиновъ, халдеи пробили въ стѣнахъ широкую брешь, черезъ которую и ворвались въ городъ. Невухаднецара при этомъ не было: онъ въ то время находился въ Ривлѣ, въ Сиріи, откуда руководилъ осадой все еще не сдавшагося Тира. Полководцы, его замѣнявшіе у Іерусалима, начальникъ тѣлохранителей *Невузарadанъ*, старшій магъ *Нергалъ-Шарецаръ* и другіе безпрепятственно дошли до центра города и здѣсь у среднихъ воротъ, соединявшихъ Нижній городъ (Милло) съ Сіономъ, разбили шатеръ и учредили „судъ“ надъ іудеями. Халдейскіе воины не встрѣтили, по всей вѣроятности, никакого сопротивленія со стороны истощенныхъ, еле влачившихъ ноги, жителей. Молодыхъ людей, которые на ихъ взглядъ могли еще оказать сопротивленіе, они просто убивали, а другихъ, послабѣе, заковывали въ цѣпи и уводили плѣнниками въ свой лагерь. Ожесточенные продолжительной осадой, халдеи не щадили ни женщинъ, ни дѣтей. Они вторглись также въ храмъ и учинили страшную рѣзню среди аронидовъ и пророковъ, которые бѣжали въ святилище, считая себя тамъ въ безопасности. Вмѣстѣ съ халдейскими воинами въ Іерусалимъ ворвались также и цѣлыя орды сосѣднихъ хищническихъ племенъ, примкнувшихъ къ Невухаднецару,—филистимлянъ, идумейцевъ и моавитовъ. Они грабили жителей, расхищали храмовое имущество и оскверняли святыни.

Съ остаткомъ воиновъ и съ приближенными своими Цидкія черезъ подземный ходъ ночью бѣжалъ, изъ города и направился къ Іордану. Бѣгство это, однако, было тотчасъ обнаружено; халдейскіе всадники, посланные за бѣглецами въ погоню, настигли ихъ въ одномъ горномъ проходѣ и загородили имъ путь. Сильно истощенные, еле влачившіе ноги, бѣглецы безъ труда были захвачены халдеями. Изъ іудейскихъ сановниковъ вавилонскіе сыщики нашли въ Іерусалимѣ только первосвященника *Сераю*, стотрителя храма *Цефанію*, евнуха, руководившаго защитой города, счетчика (сойфера) и нѣсколько царскихъ приближенныхъ, а также привратниковъ и до шестидесяти людей разнаго званія. Всѣ эти люди вмѣстѣ съ перебѣжчиками были закованы въ цѣпи и отправлены въ Раму впредь до полученія отъ Невухаднецара распоряженія, какъ съ ними поступить.

Iехезкеля: богачи предлагали все свое серебро и золото за кусокъ хлѣба и не получали его [1]). Матери, по преданію, варили своихъ собственныхъ, умершихъ отъ голода, дѣтей и мясомъ ихъ утоляли свой голодъ [2]).

Всѣмъ, кто въ эти ужасные дни еще въ состояніи былъ его слушать, Іеремія говорилъ: „остающіеся въ городѣ погибнутъ отъ меча, голода или чумы, тѣ же, кто перейдутъ къ халдеямъ, спасутъ свою жизнь, ибо городъ будетъ взятъ и сожженъ!“ Когда князьямъ-правителямъ донесли объ этихъ рѣчахъ пророка, они стали требовать отъ царя, чтобъ онъ велѣлъ его казнить, какъ измѣнника. Безвольный и безпомощный Цидкія отвѣчалъ: „Онъ въ вашихъ рукахъ, я противъ васъ ничего не могу сдѣлать“. Князья тогда вновь приказали бросить пророка въ наполненную грязью яму. И на этотъ разъ они не рѣшались съ нимъ покончить, увѣренные, что онъ въ ямѣ и самъ погибнетъ. И онъ дѣйствительно скоро погибъ бы въ ней, если бы надъ нимъ не сжалился одинъ изъ царскихъ слугъ, эѳіопъ *Эведъ-Мелехъ*. Этотъ рабъ былъ возмущенъ жестокостью князей и безпомощностью царя, эту жестокость допускавшаго. Онъ обратилъ вниманіе Цидкіи на то, что пророкъ неминуемо умретъ въ ямѣ отъ голода и добился отъ него разрѣшенія освободить его. Яма была такъ глубока, а люди были до того истощены голодомъ, что тридцать человѣкъ едва были въ силахъ вытащить Іеремію. Жизнь пророка была спасена, но царь продолжалъ держать его взаперти, хотя и слѣдилъ за тѣмъ, чтобы князья его не убили. Въ глубинѣ души своей Цидкія не прочь былъ сдаться Невухаднецару, но по разнымъ соображеніямъ не рѣшался этого сдѣлать. И, чтобы положить конецъ терзавшимъ его сомнѣніямъ, онъ тайкомъ пригласилъ къ себѣ Іеремію и спросилъ его, окончательно ли рѣшена участь Іерусалима; а въ случаѣ, если онъ рѣшится перейти къ непріятелю, то не будутъ ли издѣваться надъ нимъ и не убьютъ ли его Іудеи, находившіеся въ халдейскомъ лагерѣ. Пророкъ самымъ рѣшительнымъ образомъ увѣрилъ царя, что онъ въ непріятельскомъ лагерѣ не подвергнется ни малѣйшему насилію и прибавилъ, что, наоборотъ, даже женщины въ его же дворцѣ будутъ смѣяться надъ нимъ, если онъ будетъ упрямо продолжать борьбу съ Невухаднецаромъ. „Твои союзники,—говорилъ ему Іеремія,—обманули тебя и, въ то время, какъ твои ноги вязнутъ въ грязи, они стоятъ въ сторонѣ“. Царь, повидимому, рѣшилъ было уже сдаться врагу и просилъ лишь пророка не передавать князьямъ, о чемъ онъ говорилъ съ нимъ, въ случаѣ если они узнають объ ихъ свиданіи. У Цидкіи не хватило, однако, мужества сдѣлать рѣши-

[1]) Іехезкель 7, 19.

[2]) Плачи 2, 20; 4, 10.

тельный шагъ; онъ ничего не предпринималъ и покорно ждалъ своей участи. Онъ не въ силахъ былъ преодолѣть свою врожденную нерѣшительность. Это былъ послѣдній царь изъ дома Давида.

Голодъ, чума и осада тѣмъ временемъ продолжали свое истребительное дѣло. Число іудейскихъ воиновъ уменьшилось до того, что почти некому стало защищать крѣпостныя стѣны. Наконецъ, пробилъ послѣдній часъ Іерусалима. Въ день девятаго тамуза (Іюнь 586) въ цѣломъ городѣ не было ни куска хлѣба. Не встрѣчая никакого сопротивленія со стороны изнуренныхъ воиновъ, халдеи пробили въ стѣнахъ широкую брешь, через которую и ворвались въ городъ. Невухаднецара при этомъ не было: онъ въ то время находился въ Ривлѣ, въ Сиріи, откуда руководилъ осадой все еще не сдавшагося Тира. Полководцы, его замѣнявшіе у Іерусалима, начальникъ тѣлохранителей *Невузарадань*, старшій магъ *Нергалъ-Шарецаръ* и другіе безпрепятственно дошли до центра города и здѣсь у среднихъ воротъ, соединявшихъ Нижній городъ (Милло) съ Сіономъ, разбили шатеръ и учредили „судъ" надъ іудеями. Халдейскіе воины не встрѣтили, по всей вѣроятности, никакого сопротивленія со стороны истощенныхъ, еле влачившихъ ноги, жителей. Молодыхъ людей, которые на ихъ взглядъ могли еще оказать сопротивленіе, они просто убивали, а другихъ, послабѣе, заковывали въ цѣпи и уводили плѣнниками въ свой лагерь. Ожесточенные продолжительной осадой, халдеи не щадили ни женщинъ, ни дѣтей. Они вторглись также въ храмъ и учинили страшную рѣзню среди аронидовъ и пророковъ, которые бѣжали въ святилище, считая себя тамъ въ безопасности. Вмѣстѣ съ халдейскими воинами въ Іерусалимъ ворвались также и цѣлыя орды сосѣднихъ хищническихъ племенъ, примкнувшихъ къ Невухаднецару,—филистимлянъ, идумейцевъ и моавитовъ. Они грабили жителей, расхищали храмовое имущество и оскверняли святыни.

Съ остаткомъ воиновъ и съ приближенными своими Цидкія черезъ подземный ходъ ночью бѣжалъ, изъ города и направился къ Іордану. Бѣгство это, однако, было тотчасъ обнаружено; халдейскіе всадники, посланные за бѣглецами въ погоню, настигли ихъ въ одномъ горномъ проходѣ и загородили имъ путь. Сильно истощенные, еле влачившіе ноги, бѣглецы безъ труда были захвачены халдеями. Изъ іудейскихъ сановниковъ вавилонскіе сыщики нашли въ Іерусалимѣ только первосвященника *Сераю*, стотрителя храма *Цефанію*, евнуха, руководившаго защитой города, счетчика (сойфера) и нѣсколько царскихъ приближенныхъ, а также привратниковъ и до шестидесяти людей разнаго званія. Всѣ эти люди вмѣстѣ съ перебѣжчиками были закованы въ цѣпи и отправлены въ Раму впредь до полученія отъ Невухаднецара распоряженія, какъ съ ними поступить.

Ихъ нельзя было оставить въ Іерусалимѣ или его окрестностяхъ, такъ какъ онъ болшой массы не похороненыхъ труповъ воздухъ былъ тамъ зачумленъ. Среди отправленныхъ въ Раму былъ также и Іеремія; халдейскіе солдаоы, нашедшіе престарѣлаго пророка во дворцѣ, взяли и его въ плѣнъ, считая его однимъ изъ дворцовыхъ служителей. Вмѣстѣ съ кикъ взятъ былъ вѣроятно и ученикъ его Барухъ. Надсмотрщикомъ надъ всѣми плѣнными вавилонскіе полководцы назначали одного іудея изъ знатнаго рода, *Гедалію,* сына Ахикама, изъсемь и *Шафана,* которая съ самаго начала осады была на сторонѣ безусловной сдачи Невухаднецару, Послѣдняя надежда исчезла у несчастнаго остатки іудейскаго народа, когда въ опустошенномъ Іерусалимѣ получена была вѣсть, что и царь попалъ въ плѣнъ. Цидкія съ своей свитой быбъ настигнуть халдейскими всадниками у Іерихона, когда онъ былъ уже неподалеку отъ Іордана, переходъ черезъ который могъ сы его спасти. Немногіе воины, его сопровождавшіе, съ приближеніемъ погони разбѣжались, при чемъ одни успѣли переправиться черезъ Іорданъ, а другіе скрылись въ сосѣднихъ горахъ. Самъ же Цидкія съ сыновьями своими, принцами и князьями попалъ въ руки халдеовъ и былъ доставленъ въ далекую Ривну. Излиивъ свой гнѣвъ на несчастнаго царя за его вѣроломство, Невухаднецаръ назначилъ ему наказаніе, столь же ужасное, сколь и несправедливое. Если какой либо изъ вассаловъ Невухаднецара заслуживалъ снисхожденія, то это былъ именно Цидкія, который въ дѣйствительносзи былъ лишь безвольнымъ орудіемъ въ рукахъ своихъ царедворцевъ и правителей. Вавилонскій царь тѣмъ не менѣе приказалъ казнить у него на глазахъ всѣхъ его сыновей и прочихъ принцевъ его дома, и выколоть гзаза ему самому. Ослѣпленный царь былъ въ цѣпяхъ отправленъ въ Вавилонъ, гдѣ онъ, по всей вѣроятности. не долго пережилъ свое несчастіе.

Какая судьба должна была постигнуть Іерусалимъ? Столица Іудеи напоминала уже кладбище, но она еще продолжала существовать: полководцы холдейскіе, ее взявшіе, не получили еще приказанія, какъ съ ней поступить. Самъ Невухаднецаръ какъ будто колебался на этотъ счетъ. Онъ ни въ какомъ случаѣ не хотѣлъ обратить Іудею въ пустыню, ибо она ему была необходима на случай войны съ Египтомъ, который онъ теперь еще болѣе жаждалъ, чѣмъ когда либо. Безъ сплота и центра, въ видѣ большого города, страна эта между тѣмъ не могла существовать. Это соображеніе говорило въ пользу сохраненія Іерусалима. Съ другой стороны, дальнѣйшее существованіе мятежнаго города казалось Невухднецару небезопаснымъ. Что могло служить ему порукой въ томъ, что іудейскія столица, оправившись отъ нанесеннаго ей удара, не станетъ снова воевать съ нимъ? Эти опасенія взяли верхъ и Невухаднецаръ далъ начальнику

своихъ тѣлохранителей Невузарадану приказъ разрушить Іерусалимъ. Идумейскіе князья, ненавидѣвшіе іудеевъ, стали тогда возбуждать Невузарана къ тому, чтобы онъ снесъ Іерусалимъ до основанія. Вавилонскій полководецъ приказалъ своимъ воинамъ снести іерусалимскія стѣны, разрушить храмъ и дворцы и сжечь всѣ дома. Приказъ этотъ былъ въ точности исполненъ (10 Ава, августъ 586). Оставшіяся еще въ храмѣ сокровища, а именно художественно сработанныя мѣдныя колонны, „Мѣдное море", золотыя и серебряныя чаши для жертвоприношеній и драгоцѣнные музыкальные инструменты, были частью уничтожены, частью отправлены въ Вавилонъ. Іерусалимъ превратился въ груду развалинъ, а гора, на которой стоялъ Соломоновъ храмъ, опустѣла. Исполнились пророчества Іереміи и Іехезкеля, а также и Михи, за сто сорокъ лѣтъ до того предсказавшаго полное разрушеніе іудейской столицы.

Ни одинъ изъ великихъ городовъ древности, съ вершины своей славы поверженныхъ въ прахъ, не былъ въ паденіи своемъ такъ возвеличенъ, какъ Іерусалимъ. Въ цѣломъ рядѣ элегій, псалмовъ и молитвъ современные поэты воспѣли его трагическую судьбу въ такихъ трогательныхъ выраженіяхъ, что чтеніе этихъ скорбныхъ изліяній во всѣ времена вызывало у чувствительныхъ людей слезы. Поэзія свила вокругъ главы Іудеи мученическій вѣнецъ. Іеремія ли первый излилъ на развалинахъ Іерусалима свои скорбныя чувства, или его ученикъ Барухъ? Продолжали ли ихъ печальныя пѣсни и другіе еще пѣвцы? На эти вопросы никогда не будетъ отвѣта. Вѣрно лишь одно, что четыре элегіи по поводу перваго паденія іудейской столицы, до насъ дошедшія, были составлены не однимъ поэтомъ. Ибо содержаніе этихъ „Плачей" различное и оплакиваютъ онѣ четыре различныя, одна за другой слѣдовавшія стадіи этого паденія.

Первый плачъ составленъ, повидимому, непосредственно послѣ взятія Іерусалима. Городъ еще существовалъ, стѣны его, храмъ и дворцы не были еще разрушены, но жители были уже перебиты ворвавшимися въ столицу халдеями.

> „Одинока, какъ вдова, многолюдная столица! Великая среди народовъ, княгиня среди странъ стала рабыней. Она горько рыдаетъ по ночамъ и слезы текутъ по ея щекамъ. Нѣтъ у ней утѣшителя среди ея друзей, всѣ союзники измѣнили ей и стали ея врагами!"

Эта элегія оплакиваетъ, главнымъ образомъ, одиночество Іерусалима; величайшее горе она видитъ въ вѣроломствѣ союзниковъ Іудеи, которые теперь радуются ея паденію.

> „Сіонъ ломаетъ руки нѣтъ для него утѣшенія... Внимайте, всѣ народы земли, смотрите, какъ велико мое горе. Мои дѣвы и юноши уведены въ

плѣнъ. Я звалъ своихъ друзей, а они обманули меня, мои священники и старѣйшины погибли въ этомъ городѣ" [1])

Авторъ второго плача скорбитъ главнымъ образомъ о разрушеніи города и въ особенности его храма.

„О, какъ Господь во гнѣвѣ своемъ покаралъ дочь Сіона! Онъ красу Израиля низвергнулъ съ небесъ на землю... Онъ отвергъ всѣхъ своихъ, уничтожилъ святыню Свою, передалъ въ руки враговъ ея стѣны и башни!" [2])

Третья элегія оплакиваетъ гибель многихъ праведниковъ отъ голода и безнадежное положеніе небольшого остатка ихъ въ виду плѣненія царя:

„Какъ потускнѣло золото, во что превратился благородный металлъ! Камни святилища разбросаны по всѣмъ улицамъ, благороднѣйшіе сыны Сіона, чистому золоту подобные, стали какъ глиняные черепки, какъ грубое издѣліе горшечника... Кара, постигшая народъ мой, ужаснѣе гибели Содома, который исчезъ въ одинъ мигъ... Быстрѣе были наши враги, чѣмъ орлы поднебесные: по горамъ они за нами гнались, въ пустынѣ насъ подстерегали. Царя нашего, помазанника Божьяго, подъ сѣнью котораго мы думали жить въ мирѣ среди другихъ народовъ, они захватили въ свои сѣти" [3]).

Всю глубину несчастія, постигшаго Іудею, въ немногихъ словахъ выразилъ одинъ левитъ-псалмопѣвецъ изъ асафидовъ, котораго халдейскіе воины въ цѣпяхъ увели въ плѣнъ.

„О, Боже, народы вторглись въ наслѣдіе Твое, осквернили Твой священный храмъ, превратили Іерусалимъ въ груду развалинъ! Тѣла Твоихъ рабовъ они побросали птицамъ небеснымъ, трупы благочестивѣйшихъ Твоихъ слугъ они отдали на растерзаніе звѣрямъ полевымъ. Какъ воду, проливали они кровь вокругъ Іерусалима и не было никого, кто бы могъ убитыхъ предать землѣ! Мы стали позоромъ для сосѣдей нашихъ, посмѣшищемъ у окружающихъ насъ... Для чего другимъ народамъ спрашивать: „Да гдѣ же ихъ Богъ?". Предъ нашими глазами да отомщена будетъ кровь рабовъ Твоихъ! Да услышаны будутъ Тобою стоны закованыхъ въ цѣпи! Мощной десницей Твоей сохрани жизнь обреченныхъ на смерть! И воздай семикратно сосѣдямъ нашимъ за поношеніе, которое они Тебѣ нанесли! Мы же, народъ Твой и паства Твоя, будемъ во вѣки вѣковъ славить Тебя, и изъ рода въ родъ возвѣщать величіе Твое" [4]).

Все, все народъ іудейскій потерялъ, но не надежду

---

[1]) Плачи 1, 2, 17 и дд.
[2]) Т. же 2, 1. 6 и дд.
[3]) Т. же 4, 1, 6, 19—20 и дд.
[4]) Псаломъ 79.

ГЛАВА XIII.

Послѣдствія паденія Іудеи.

Истребленіе народа. Іудейскіе бѣглецы. Вражда идумейцевъ. Бѣглецы въ Финикія. Остатки іудейскаго войска. Элегіи. Планъ Невухаднецара относительно Іудеи. Гедалія—намѣстникъ въ Мицпѣ. Убійство его Измаиломъ. Іоханамъ бенъ-Кореахъ мститъ за это убійство. Разсѣяніе остатка іудеевъ. Переселеніе въ Египетъ. Опустѣніе Іудеи. Враждебныя отношенія идумейцевъ. Надежды переселившихся въ Египетъ. Увѣщеванія Іереміи. Пораженіе и гибель Хофры. Послѣдній плачъ Іереміи.

(586—572).

Едва тысяча лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ колѣна израильскія, съ сильнымъ вождемъ во главѣ, мужественно и преисполненныя надеждъ перешли Іорданъ и твердой ногой стали въ Ханаанской странѣ; пять вѣковъ всего миновало съ тѣхъ поръ, какъ первые цари изъ дома Давида подняли страну израильскую до степени великой державы—и какой позорный конецъ! Большинство колѣнъ безъ вѣсти пропало въ отдаленныхъ странахъ, изъ немногихъ же оставшихся въ странѣ одни были истреблены войной, голодомъ или чумой, другіе уведены въ плѣнъ, а остальная небольшая горсть переселилась въ Египетъ, разбѣжалась во всѣ стороны, либо скрывалась еще въ самой странѣ, трепеща предъ безжалостнымъ побѣдителемъ. Въ точности исполнилось пророчество Іехезкеля о Іудеѣ: „Одни изъ васъ,—говорилъ онъ о жителяхъ Іерусалима,—погибнутъ отъ голода, другихъ сразитъ непріятельскій мечъ, а третьи будутъ разсѣяны по всѣмъ вѣтрамъ. Но враги и этотъ остатокъ изъ васъ будутъ преслѣдовать, и станетъ онъ позоромъ среди народовъ“[1]). Многочисленные враги—сосѣди іудеевъ—дѣйствительно стали яростно преслѣдовать этотъ жалкій остатокъ, какъ бы для того, чтобы окончательно стереть съ лица земли все израильское племя. Эпилогъ іудейской трагедіи былъ также страшенъ, какъ и послѣдній ея актъ.

Послѣдніе іудейскіе воины, вмѣстѣ съ Цидкіей бѣжавшіе изъ Іерусалима, съ приближеніемъ халдейской погони разбѣжались во всѣ стороны. Немногіе изъ нихъ, подъ предводительствомъ князя изъ царской семьи, *Измаила,* сына Нетаніи, успѣли перейти Іорданъ, нашли пріютъ у аммонитскаго царя *Баалиса* и поселились въ его странѣ, а также и въ сосѣднемъ Моавѣ. Остальные предпочли бѣжать въ Египетъ, куда еще до того переселились многія іудейскія семьи, надѣявшіяся на покровительство бывшаго союзника Іудеи, фараона Хофры. Но чтобы добраться до Египта, бѣглецы эти должны были пройти черезъ Идумею. Здѣсь же ихъ подстерегалъ злой, непримиримый врагъ. Не взирая на огромное несчастье, по-

[1]) Іехезкель 5, 12 и дд.

стигшее іудеевъ и не довольствуясь добычей, доставшейся имъ въ Іерусалимѣ, идумейцы въ ненависти своей дошли до того, что подстерегали у своихъ границъ іудейскихъ бѣглецовъ и безпощадно убивали ихъ, либо выдавали ихъ халдеямъ, чтобы подслужиться имъ. Истребляя своихъ бывшихъ сосѣдей, идумейцы преслѣдовали, впрочемъ, и политическія цѣли. Они разсчитывали со временемъ овладѣть всей территоріей, принадлежавшей израильскому народу. Кровавымъ преслѣдованіемъ іудеевъ они надѣялись въ весьма скоромъ времени добиться этой цѣли. Если Іудеи—думали они—будутъ поголовно истреблены, то ихъ страна останется безъ людей и Невуходнецаръ, которому они съ такимъ усердіемъ служили, изъ чувства благодарности отдастъ имъ ее въ вѣчное владѣніе. Идумейцы открыто говорили, что оба царства израильскія будутъ имъ принадлежать. Съ такимъ же злорадствомъ относились къ несчастнымъ бѣглецамъ и филистимляне и даже аммониты и финикіяне, которые однако до того сами воевали съ Невуходнецаромъ. Открыто они какъ будто благоволили къ іудеямъ, втайнѣ же радовались гибели Іерусалима. Жители Сидона, напримѣръ, явно преслѣдовали бѣглыхъ іудеевъ. И только немногія іудейскія семьи нашли пріютъ въ нѣкоторыхъ финикійскихъ городахъ—въ *Сарептѣ* (Цафратъ), Сидонѣ и *Арадѣ*. Финикія была впрочемъ, слишкомъ далека отъ Іудеи и многіе бѣглецы были переловлены халдеями, прежде чѣмъ они успѣли туда добраться.

Однако, большинство іудейскихъ военачальниковъ и ихъ людей, вмѣстѣ съ Цидкіей бѣжавшихъ изъ Іерусалима, предпочли остаться на родинѣ, точно не будучи въ силахъ съ нею разстаться. То были *Іохананъ* изъ семьи *Кареахъ, Серая* изъ семьи *Танхуметъ, Бене-Эфаи* изъ веніаминтскаго города *Нетофа* и *Іезанія,* сынъ Шемаи, изъ семьи *Маахатъ*. Имъ приходилось скрываться въ разныхъ потаенныхъ мѣстахъ, чтобы не попасть въ руки къ оставшимся въ странѣ халдеямъ. Они скрывались въ горныхъ ущельяхъ, пещерахъ или среди развалинъ разрушенныхъ городовъ, отъ времени до времени выходя изъ своихъ убѣжищъ, чтобы добыть себѣ пищи или же напасть на отдѣльныхъ халдеевъ и ихъ сторонниковъ[1]). Они жили слабой надеждой на лучшія времена и говорили: „Авраамъ былъ одинъ, а между тѣмъ получилъ въ наслѣдіе эту страну, насъ же еще много и мы добьемся того, что она снова будетъ нашей". Положеніе этихъ смѣльчаковъ было чрезвычайно опасное. Когда они попадались въ руки халдеямъ, то ихъ ждала позорная смерть или не менѣе позорное рабство: стариковъ вѣшали, молодыхъ же уводили въ неволю. Въ этомъ ужасномъ положеніи одинъ пѣвецъ, находившійся среди этихъ

[1]) Іеремія 40, 7-8.

воиновъ, составилъ слѣдующій за душу хватающій плачъ, короткіе, отрывистые стихи котораго напоминаютъ горькія рыданія:

„Вспомни, о, Боже, что сталось съ нами, воззри на нашъ позоръ! Наслѣдіе наше досталось завоевателямъ, дома наши—чужимъ. Сиротами стали мы, безъ отцовъ родныхъ, матери наши подобны вдовамъ. За свою же воду мы должны платить деньгами, за собственныя дрова—серебромъ... Въ шею гонятъ насъ, изнурены мы и нѣтъ намъ отдыха. Отцы наши грѣшили, но ихъ уже нѣтъ, а мы должны расплачиваться за ихъ грѣхи. Рабы господствуютъ надъ нами и некому освободить насъ изъ ихъ рукъ... Какъ печь обожжена кожа наша отъ жгучаго голода... Старцы изгнаны изъ собраній, юноши наши перестали пѣть. Исчезла всякая радость изъ нашего сердца, въ горкій плачъ превратились былыя веселія. Упалъ вѣнецъ съ головы нашей. О горе намъ, согрѣшившимъ! Оттого скорбитъ сердце, потому померкли глаза наши, что опустѣла гора Сіонъ, что шакалы по ней бродятъ. О, Господи Боже Вѣчносущій, за что ты предалъ насъ забвенію, за что оставилъ насъ на вѣки?"[1])

Одинъ моментъ казалось, какъ будто этимъ несчастіямъ, обрушившимся на покоренныхъ и въ частности этому истребленію бѣглецовъ наступилъ конецъ. Невуходнецаръ, не хотѣлъ совсѣмъ опустошить Іудею: она ему нужна была, какъ этапъ на пути въ Египетъ, на случай войны съ нимъ. Если бы онъ совершенно обезлюдилъ Іудею, то она скоро превратилась бы въ пустыню, населенную одними дикими звѣрями и было бы опасно проходить черезъ нее. Идумейцамъ же изъ-за ихъ сношеній съ Египтомъ, или по другимъ причинамъ, Невуходнецаръ не хотѣлъ ее отдать. Онъ рѣшилъ поэтому оставить ее существовать, какъ маленькое и вполнѣ зависимое отъ него государство. Царя изъ іудеевъ онъ не могъ поставить во главѣ этого государства, не довѣряя князьямъ изъ дома Давида, послѣ того, какъ трое изъ нихъ одинъ за другимъ возстали противъ него. Дать іудеямъ чужого царя не позволяло благоразуміе, потому что такой князь не могъ бы вернуть разсѣявшихся во всѣ стороны іудеевъ на родину, собрать ихъ и снова связать въ одинъ народъ. Невуходнецаръ рѣшилъ поэтому поставить во главѣ Іудеи *Гедалію,* сына Ахикама, изъ дома Шафана, котораго онъ считалъ надежнѣйшимъ своимъ приверженцемъ. Онъ долженъ былъ собрать остатки іудейскаго народа, удержать ихъ въ странѣ и всячески поощрять къ воздѣлыванію родной земли, дабы страна не превратилась въ пустыню. Согласно съ этимъ Невузараданъ получилъ приказаніе оставить все сельское населеніе Іудеи, земледѣльцевъ и виноградарей въ странѣ. Они были надѣлены земельными участками, въ качествѣ ленныхъ владѣній съ условіемъ обрабатывать ихъ и вообще не давать странѣ опустѣть. Во главѣ этого населенія поставленъ

[1]) Плачъ 5.

былъ Гедалія, въ качествѣ намѣстника (Pechah) вавилонскаго царя. Онъ долженъ былъ жить въ *Мицпѣ*, въ полутора часахъ пути къ северо-востоку отъ Іерусалима.

Лучшаго выбора Невухаднецаръ не могъ сдѣлать. Гедалія былъ какъ разъ тотъ человѣкъ, который нуженъ былъ Іудеѣ въ томъ чрезвычайно тяжеломъ положеніи, въ какомъ она тогда находилась. Для того, чтобы исцѣлить ея глубокія, сочившіяся еще кровью раны, нужна была мягкая рука, нуженъ былъ человѣкъ, глубоко преданный своему народу и готовый всецѣло принести себя ему въ жертву. Такимъ именно человѣкомъ и былъ намѣстникъ Невухаднецара, ученикъ пророка Іереміи, другомъ и покровителемъ котораго былъ его отецъ Ахикамъ. Гедалія, можетъ быть, былъ даже слишкомъ мягокъ, слишкомъ много разсчитывалъ на хорошія стороны людей, на ихъ благодарность. Невузарадавъ поставилъ его во главѣ всѣхъ не уведенныхъ въ плѣнъ іудеевъ, землевладѣльцевъ и садоводовъ, общее число которыхъ едва ли превышало тысячу человѣкъ, не считая женщинъ и дѣтей и въ ихъ числѣ дочерей царя Цидкіи, а также и его евнуховъ.

Невухаднецарь хотѣлъ дать Гедаліи въ помощники и совѣтники Іеремію. Еще до того онъ приказалъ Невузарадану обходиться съ пророкомъ съ большой снисходительностью и удовлетворять всѣмъ его желаніямъ. Со времени своего восшествія на престолъ, Невухаднецаръ, по всей вѣроятности, много разъ слышалъ о предсказаніяхъ Іереміи и убѣдился въ его высокомъ пророческомъ дарѣ; ему, кромѣ того не мало льстило то, что такъ далеко отъ него стоявшій пророкъ враждебнаго ему народа называлъ его могущественнымъ царемъ и непобѣдимымъ воиномъ. Послѣ разрушенія Іерусалима Невузарадавъ отправился въ Раму, гдѣ были собраны всѣ плѣнные іудеи, для того, чтобы распорядиться, кого изъ нихъ оставить въ странѣ и кого отправить въ Вавилонъ. Въ числѣ этихъ закованныхъ въ цѣпи былъ также престарѣлый Іеремія. Невузарадавъ приказалъ освободить его отъ цѣпей и предоставилъ ему на выборъ либо переселиться въ Вавилонъ, гдѣ онъ будетъ принятъ со всѣми подобающими ему почестями, либо остаться въ Іудеѣ, избравъ какое ему угодно мѣстожительство. Съ своей стороны, Невузарадавъ посовѣтовалъ ему, однако, отправиться въ Мицпу къ Гедаліи. Іеремія, горько жаловавшійся всегда на то, что Господь судилъ ему быть свидѣтелемъ ужасныхъ несчастій, постигшихъ его народъ, долженъ былъ присутствовать и при тѣхъ печальныхъ сценахъ, какія разыгрались въ Рамѣ, когда плѣнныхъ іудеевъ, закованныхъ въ цѣпи, отправляли въ Вавилонъ. Душу раздирали рыданія и стоны этихъ несчастныхъ, которыхъ въ цѣпяхъ уводили въ далекую чужбину. Іеремія старался утѣшить ихъ надеждами на лучшее будущее. „Вопли и рыданія ваши,—говорилъ онъ имъ,—

будутъ услышаны Господомъ. Рахиль оплакиваетъ дѣтей своихъ и не можетъ утѣшиться, а потому Господь говоритъ: „Удержи голосъ твой отъ рыданій и глаза твои отъ слезъ, ибо есть утѣшеніе горю твоему: они возвратятся изъ вражеской земли, есть надежда для твоего потомства: оно вернется въ свою страну".

Іеремін очень трудно было сдѣлать выборъ. Сердце тянуло его къ товарищамъ по страданіямъ, къ несчастнымъ изгнанникамъ, тѣмъ болѣе, что въ опустѣвшей странѣ не было почти никакого поприща для его дѣятельности. Какъ пророку, ему къ тому же давно было возвѣщено, что именно эти изгнанные въ Вавилонъ, а не оставшіеся въ странѣ, одни призваны возродить израильскій народъ. Самъ Іеремія сравнивалъ этихъ изгнанниковъ съ ароматными ранними фигами, оставшихся же въ Іудеѣ— съ плохими перезрѣлыми плодами, сброшенными бурей съ дерева. Онъ неоднократно совѣтовалъ Цидкіи сдаться побѣдителю и переселиться въ Вавилонъ, потому что въ конецъ испорченное населеніе Іудеи предано проклятію и должно погибнуть. Оставаясь вѣрнымъ самому себѣ, Іеремія долженъ былъ бы такимъ образомъ и самъ переселиться въ Вавилонъ. Но ему очень трудно было разстаться съ родиной, хотя въ то же время ему также нелегко было и примкнуть къ Гедаліи. Онъ справедливо опасался, что оставшіеся въ странѣ опять будутъ обвинять его въ излишней приверженности къ жестокому побѣдителю; осужденные же на изгнаніе съ своей стороны весьма косо смотрѣли на пророка за то, что онъ хотѣлъ остаться, такъ какъ они черезъ него, бывшаго въ милости у Невухаднецара, надѣялись добиться нѣкотораго облегченія своей ужасной участи. Обуреваемый этими противуположными чувствами и непримиримыми желаніями, Іеремія долго боролся съ самимъ собой и въ одномъ изъ своихъ плачей излилъ волновавшія его въ это время чувства. „О горе мнѣ, мать моя родная, горе человѣку, которому всю жизнь суждено служить яблокомъ раздора для людей. Ни у кого я денегъ не занималъ, ни кого ими не ссужалъ, а между тѣмъ всякій и каждый бранитъ меня!" Тогда ему свыше было внушено, чтобы онъ остался въ странѣ, присоединился къ Гедаліи и продолжалъ свою пророческую дѣятельность среди оставшихся на родинѣ іудеевъ. Самъ пророкъ возвѣстилъ объ этомъ именемъ Іеговы своимъ слушателямъ въ Рамѣ. „Воистину Я сохранилъ твою жизнь къ добру, въ минуту несчастія смягчивъ для тебя сердце врага. Если ты вернешься къ нимъ, то Я снова велю тебѣ быть ихъ наставникомъ, дабы ты служилъ Мнѣ. И если ты изъ низкаго сумѣешь извлекать высокое, то ты будешь какъ бы Моими устами. Они обратятся къ тебѣ, но ты къ нимъ не присоединишься. Я для этого народа сдѣлаю тебя крѣпкой мѣдной стѣной: они будутъ воевать съ тобою, но не смогутъ одолѣть тебя, ибо Я буду

съ тобою, чтобы помогать тебѣ; Я избавлю тебя отъ руки злыхъ и отъ насилій притѣснителей твоихъ"[1]).

Съ сокрушеннымъ сердцемъ Іеремія отправился въ Мицпу къ Гедаліи. Его ученикъ Барухъ сопровождалъ его. Пророкъ не надѣялся сдѣлать что нибудь путное изъ того жалкаго сброда, который остался въ странѣ. Если онъ въ теченіе сорокалѣтней дѣятельности своей такъ мало успѣлъ среди знатныхъ и болѣе или менѣе просвѣщенныхъ жителей Іерусалима, то тѣмъ менѣе могъ онъ расчитывать на какой бы то ни было успѣхъ среди грубой и невѣжественной черни. Онъ, однако, долженъ былъ покориться. Невухаднецаръ хотѣлъ, чтобы онъ остался въ Іудеѣ и такъ дорожилъ имъ, что прислалъ ему подарки и даже назначилъ ему особое содержаніе. Его присутствіе въ Мицпѣ дѣйствительно внушило оставшимся въ странѣ больше довѣрія къ будущему. Намѣстникъ объявилъ, что всѣ бѣглецы, которые присоединятся къ нему, не понесутъ никакого наказанія. Они могутъ вновь поселиться въ городахъ и деревняхъ и безъ всякихъ опасеній вернуться къ прежнимъ своимъ занятіямъ. Вслѣдствіе этого бѣглецы, скрывавшіеся въ сосѣднихъ странахъ, но не чувствовавшіе себя тамъ въ безопасности, стали мало-по-малу стекаться къ Гедаліи, обязываясь передъ нимъ оставаться вѣрными подданными халдейскаго царя. Земледѣльцы вернулись къ своимъ полямъ и снова стали засѣвать ихъ хлѣбомъ, разводить виноградники и сады. Земля опять стала давать обильные плоды, а такъ какъ поселянъ было немного и имъ поэтому достались гораздо большіе участки земли, чѣмъ прежде, то они стали получать большіе доходы. Нѣкоторые города снова поднялись изъ развалинъ. Гедалія построилъ новое святилище въ Мицпѣ, такъ какъ Іерусалимъ уже не существовалъ и храмъ не могъ быть возстановленъ.

Мицпа издавна считалась священнымъ мѣстомъ, такъ какъ пророкъ Самуилъ нѣкогда построилъ тамъ алтарь и сдѣлалъ этотъ городъ сборнымъ пунктомъ для богомольцевъ. Полу-израильская, полу-языческая колонія такъ называемыхъ хутейцевъ въ Сихемѣ, Шиломѣ и Самаріи признала это святилище и стали ходить туда на поклоненіе съ своими жертвоприношеніями и куреніями, тѣмъ болѣе, что священнослужители въ Бетелѣ были перебиты, а алтарь въ этомъ мѣстѣ разрушенъ. Мицпа стала центромъ маленькаго вассальнаго государства. „Остатокъ Іуды", во главѣ котораго стоялъ Гедалія, въ виду оставленныхъ Невухаднецаромъ въ Мицпѣ соглядатаевъ, долженъ былъ, правда, всегда помнить о своей зависимости отъ Вавилона. Эти халдейскіе стражи наблюдали за народомъ и за самимъ намѣстниковъ, дабы они не затѣяли новаго мятежа. Но при

[1]) Іеремія 15, 16 и дд.

наличныхъ условіяхъ, въ виду огромнаго несчастія, на страну обрушившагося, положеніе этого остатка было еще довольно сносно и во всякомъ случаѣ лучше, чѣмъ этого можно было ожидать. Эта горсть іудеевъ по крайней мѣрѣ была на родной землѣ и относительно свободна.

Утомившись бродячей жизнью въ горахъ и пустыняхъ, борьбой съ дикими звѣрями и съ еще болѣе дикими халдеями, ихъ преслѣдовавшими, бывшіе іудейскіе военачальники, не пожелавшіе сначала признать надъ собою власть Невуxаднецара, въ концѣ концовъ также рѣшились присоединиться къ Гедаліи и покориться вавилонскому царю. Іоxананъ, сынъ Кореаха и другіе князья вступили въ переговоры съ намѣстникомъ. Послѣдній далъ имъ клятвенное обѣщаніе, что если они признаютъ власть Невуxаднецара, то имъ будетъ прощена ихъ вина и они никакому наказанію не будутъ подвергнуты. Военачальники и князья въ виду этого также примирились съ положеніемъ, сложили оружіе, стали обрабатывать свои поля и возстанавливать города изъ развалинъ, въ которыхъ они до того скрывались. Съ своими людьми они составили довольно многочисленную группу. Въ качествѣ же воиновъ, закаленныхъ въ продолжительной борьбѣ со всевозможными опасностями, они могли служить слабому остатку Іуды крѣпкимъ оплотомъ.

Въ числѣ присоединившихся военачальниковъ былъ также и *Измаилъ,* сынъ Нетаніи. Съ этимъ коварнымъ и жестокимъ человѣкомъ злой духъ вошелъ въ Мицпу, какъ бы для того, чтобы окончательно погубить ту горсть іудеевъ, которая едва начинала оправляться послѣ только что перенесенныхъ несчастій. Наружно Измаилъ какъ будто заключилъ миръ съ Гедаліей и халдеями и изъявилъ имъ покорность, въ душѣ же онъ затаилъ вражду и ненависть къ обоимъ. Изъ личной ли зависти и злобы къ намѣстнику, простому князю, которому онъ, принцъ царской крови, долженъ былъ покориться, или же изъ патріотическаго фанатизма, но онъ рѣшилъ убить Гедалію. Къ этому преступленію Измаила подстрекалъ въ особенности аммонитскій царь Баалисъ, у котораго онъ скрывался послѣ своего бѣгства изъ Іерусалима и который весьма косо смотрѣлъ на возрожденіе той Іудеи, гибели которой онъ самъ такъ много содѣйствовалъ. Прочіе военачальники и главнымъ образомъ Іоxананъ, сынъ Кореаха, своевременно узнавъ о гнусномъ злодѣяніи, задуманномъ Измаиломъ, не замедлили предупредить о немъ Гедалію и не только предложили ему свою помощь, но сами даже просили у него позволенія избавить его отъ злодѣя, дабы только что вздохнувшій остатокъ Іуды не погибъ окончательно. Гедалія, однако, не обратилъ вниманія на эти предостереженія. Онъ, повидимому, смотрѣлъ на нихъ какъ на интригу со стороны военачальниковъ, бывшихъ товарищей по оружію Измаила, либо

на основаніи однихъ подозрѣній не рѣшался лишить Измаила клятвенно обѣщаннаго ему покровительства, либо онъ, наконецъ, опасался какъ бы преслѣдованіе столь виднаго лица не вызвало новаго раскола. Чѣмъ бы однако Гедалія въ данномъ случаѣ ни руководился, но его неосторожность оказалась роковою и для него самаго, и для едва имъ устроеннаго, всего четыре года до того основаннаго, маленькаго государства.

Въ сопровожденіи десяти друзей своихъ, участниковъ заговора, Измаилъ прибылъ однажды на пиръ, устроенный Гедаліей въ Мицпѣ по случаю народнаго праздника. Во время пира, когда прочіе гости, опьяненные виномъ, ничего дурного не подозрѣвали, Измаилъ и его товарищи внезапно обнажили мечи и убили сперва Гедалію, а затѣмъ и прочихъ іудеевъ, присутствовавшихъ на пиру, а также и халдейскихъ воиновъ, составлявшихъ гарнизонъ Мицпы. Измаилъ учредилъ затѣмъ надзоръ за всѣми остальными жителями города, дабы только что совершенное имъ злодѣяніе не было разглашено. Узнавъ, что на другой день должны прибыть въ Мицпу восемьдесятъ человѣкъ изъ Сихема, Шилома и Самаріи на праздникъ, Измаилъ вышелъ къ нимъ на встрѣчу, перебилъ изъ нихъ семьдесятъ человѣкъ, оставивъ въ живыхъ остальные десять, которые обѣщали ему выдать спрятанный провіантъ. Тѣла убитыхъ 70 человѣкъ Измаилъ велѣлъ бросить въ колодезь, вырытый въ окрестностяхъ Мицпы царемъ Асой. Совершивъ это злодѣяніе, Измаилъ и его товарищи забрали въ плѣнъ все населеніе Мицпы, состоявшее преимущественно изъ женщинъ и дѣтей, и въ томъ числѣ дочерей царя Цидкіи; въ число плѣнниковъ попалъ также и престарѣлый пророкъ Іеремія и его ученикъ Варухъ. Со всѣми этими людьми и съ разбойничьей шайкой своей Измаилъ направился къ Іордану, чтобы перейти во владѣнія аммонитовъ. Здѣсь Измаилъ надѣялся укрыться отъ преслѣдованій Невухаднецара, который не замедлилъ бы жестоко отомстить ему за убійство его намѣстника и гарнизона Мицпы.

Злодѣяніе Измаила не могло, однако долго оставаться въ тайнѣ. Іохананъ и прочіе іудейскіе военачальники немедленно узнали о немъ и были крайне возмущены тѣмъ, что лишились опорнаго пункта и такимъ образомъ снова должны были вернуться къ бродячей жизни. Быстро вооружившись, они бросились въ погоню за Измаиломъ. На первомъ же привалѣ, до котораго убійцы вмѣстѣ со своими плѣнниками дошли, у Гивеонскаго пруда, они были настигнуты Іохананомъ. При видѣ его многочисленнаго отряда, обрадованные плѣнники поспѣшили присоединиться къ нему. Послѣдовала рукопашная схватка, въ которой Измаилъ потерялъ двухъ человѣкъ. Не продолжая неравнаго боя, онъ съ остальными восемью соучастниками своими бѣжалъ изъ Гивеона, перешелъ Іорданъ

и скрылся въ аммонитской землѣ. Злодѣйское дѣло, имъ задуманное, вполнѣ удалось: только что родившееся подобіе новаго іудейскаго государства съ убійствомъ Гедаліи перестало существовать.

Положеніе Іоханана, его товарищей и освобожденныхъ имъ изъ плѣна людей было самое отчаянное. Что они могли предпринять? Вернуться въ Мицпу и вообще остаться въ странѣ они боялись, опасаясь, что Невуxаднецаръ объявитъ ихъ соучастниками въ убійствѣ его намѣстника и его воиновъ и жестоко съ ними за это расправится. Но и помимо этихъ опасеній, какъ они могли держаться въ странѣ? Кто могъ и имѣлъ право стать во главѣ ихъ? Кто сталъ бы ихъ защищать отъ сосѣдей-враговъ, которые только о томъ и думали, чтобы ихъ уничтожить безъ остатка, дабы самое имя Израиля перестало существовать? Въ виду этого безвыходнаго положенія они, недолго думая, рѣшили уйти въ Египетъ раньше, чѣмъ Невуxаднецаръ успѣетъ что либо противъ нихъ предпринять. Военачальники, съ Іохананомъ во главѣ, повели такимъ образомъ эту толпу на югъ. У Бетлехема, который тогда уже, вѣроятно, былъ разрушенъ, они сдѣлали привалъ. Между тѣмъ странники, по дорогѣ успѣвшіе немного прійти въ себя, одумались: у многихъ изъ нихъ явилась мысль, не благоразумнѣе ли будетъ остаться на родинѣ, чѣмъ идти на встрѣчу неизвѣстности въ чужую страну. Эту мысль, повидимому, подалъ Барухъ, и нѣкоторые военачальники съ нимъ согласились. Однако, большинство вождей съ Іезаніей во главѣ объ этомъ и слышать не хотѣли. Въ виду такого разногласія вожди рѣшили предоставить рѣшеніе вопроса на усмотрѣніе Іереміи. Военачальники стали просить пророка, чтобы онъ обратился къ Богу и вымолилъ у него пророческое указаніе о томъ, какой путь имъ избрать и что имъ вообще дѣлать. При этомъ они поклялись именемъ Іеговы, что каково бы ни было его указаніе, они ему безпрекословно подчинятся.

Десять дней Іеремія провелъ въ горячихъ молитвахъ, надѣясь, что его разумъ озаритъ истинное пророческое откровеніе. Но неимовѣрныя страданія, которыя ему пришлось перенести въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, повидимому, нѣсколько омрачили столь ясный до того взоръ престарѣлаго пророка. Настроеніе вождей между тѣмъ было уже иное: они всѣ и окончательно рѣшили уйти въ Египетъ. Іеремія, не смотря на это, созвалъ народъ и объявилъ ему, что онъ долженъ остаться въ странѣ и не бояться Невуxаднецара, ибо Господь сжалился надъ ними и желаетъ, чтобы они остались на родинѣ и вновь укоренились въ ней. Объявивъ все это народу, Іеремія замѣтилъ, однако, что слушатели его весьма недовольны его рѣшеніемъ. Пророкъ счелъ поэтому нужнымъ прибѣгнуть къ угрозѣ и прибавилъ, что если они переселятся въ Египетъ, то ихъ и тамъ по-

стигнетъ та печальная участь, которой они думаютъ избѣжать, уходя на чужбину. Ни одинъ изъ нихъ никогда больше не увидитъ своей родины, а всѣ они вмѣстѣ погибнутъ въ Египтѣ отъ меча, голода и моровой язвы. Едва Іеремія окончилъ свою рѣчь, какъ Іезанія и Іохананъ крикнули ему: „Ты лжешь именемъ Бога: не Господь тебѣ внушилъ эти слова, а твой ученикъ Барухъ!“ Не раздумывая больше, вожди собрались и пошли въ Египетъ, увлекая за собою добровольно или безсознательно слѣдовавшую за ними толпу. Сами Іеремія и Барухъ должны были присоединиться къ нимъ, ибо какъ они могли оставаться одни въ пустынной странѣ? Мало-по-малу народъ этотъ дошелъ такимъ образомъ до египетскаго города *Тафне* (Тахпанхесъ), у пелузійскаго рукава Нила. Царь Хофра дружественно принялъ ихъ; изъ признательности, а можетъ быть и изъ сожалѣнія къ тѣмъ, которые вслѣдствіе его же подстрекательствъ попали въ такое несчастное положеніе, онъ оказалъ имъ гостепріимство. Пришельцы нашли уже въ Египтѣ довольно большое число іудеевъ, ранѣе туда переселившихся. Они жили въ Мигдолѣ, Мемфисѣ и Саисѣ (Патросѣ?), но сборнымъ пунктомъ ихъ былъ, повидимому, Тафне. Такимъ образомъ, около тысячи лѣтъ послѣ исхода изъ Египта, израильтяне снова попали въ эту страну. Но, какъ сильно съ тѣхъ поръ измѣнились обстоятельства! Тогда это были сильныя и многочисленныя пастушескія племена, правда, съ весьма ограниченнымъ кругозоромъ, но не испорченные, не разбитые, преисполненные надеждъ. Потомки же ихъ явились въ ту же страну измученными цѣлымъ рядомъ пережитыхъ ими несчастій, съ истерзанной душой и померкшимъ разумомъ. Съ одной стороны національное и религіозное чувство было въ нихъ не настолько сильно, чтобы они могли находить утѣшеніе въ вѣрѣ въ своего Бога и неискоренимость своей народности; съ другой же—они не настолько еще порвали съ своимъ Богомъ и народомъ, чтобы слиться съ другими націями и безслѣдно раствориться въ ихъ массѣ. Подобно всѣмъ потерявшимъ независимость народамъ, эти іудеи жили въ Египтѣ иллюзіями, слѣдили за каждымъ новымъ политическимъ вѣяніемъ, въ надеждѣ, что оно дастъ имъ возможность возвратиться на родину и снова зажить тамъ на прежней волѣ.

Іудея тѣмъ временемъ совершенно обезлюдѣла. Невухаднецаръ довольно строго отнесся къ событіямъ въ Мицпѣ. Онъ нашелъ что сдѣлалъ большую ошибку, предоставивъ Іудеѣ дальнѣйшее существованіе въ видѣ особаго, хотя и весьма слабаго государства, и рѣшилъ по этому окончательно отъ нея избавиться. Согласно съ этимъ рѣшеніемъ онъ поручилъ, Невузарадану собрать весь остатокъ іудеевъ и отправить его въ Вавилонъ. Князей, вождей и военачальниковъ, какъ и Іоханана съ его товарищами, Невузараданъ въ Іудеѣ не засталъ. Въ ней оставались еще одни земле-

дѣльцы, виноградари и садовники. Этихъ людей, вмѣстѣ съ ихъ женами и дѣтьми, а всего 745 человѣкъ, Невузараданъ отправилъ въ Вавилонъ. (около 582). Это было третье изгнаніе іудеевъ со времени Іоахина. Безвинные и на этотъ разъ должны были расплачиваться за виновныхъ. Что сталось съ Измаиломъ и его соучастниками, осталось неизвѣстнымъ. Имя же Гедаліи и разсказы о его насильственной смерти долго еще сохранялись въ памяти народа. День его кончины у вавилонскихъ изгнанниковъ въ теченіе долгаго времени былъ днемъ народнаго траура.—Послѣ убійства своего намѣстника и гарнизона Мицпы, Невухаднецаръ, какъ сказано, рѣшилъ не оставить въ Іудеѣ ни одного израильтянина. Такъ какъ они не только не оправдали оказаннаго имъ довѣрія, но, наоборотъ, не смотря на свои многократныя обѣщанія и присяги, каждый разъ ему измѣняли ради Египта, то дальнѣйшее ихъ пребываніе въ странѣ, даже въ самомъ ограниченномъ числѣ, могло ему только вредить. Іудея по этому была очищена отъ всякаго населенія и осталась безъ людей и даже безъ домашнихъ животныхъ. Страна была предоставлена однимъ дикимъ звѣрямъ. Одинъ изъ позднѣйшихъ пророковъ горько жаловался на это полное опустошеніе его несчастной родины. „Священные города,—говорилъ онъ,—превратились въ груды развалинъ, Сіонъ сталъ пустыней, а Іерусалимъ населенъ одними шакалами". Почва Іудеи могла теперь долго отдыхать и непрерывно праздновать тѣ юбилейные годы, которыхъ іудеи такъ долго не соблюдали. Кое какія южныя области Іудеи присвоили себѣ, съ разрѣшенія или безъ позволенія вавилонскаго царя, сосѣдніе хищники-идумейцы, расширившіе такимъ образомъ свои владѣнія до Средиземнаго моря въ прибрежной низменности („Шефела"). Противъ этихъ хищниковъ, которые свое злорадство по поводу гибели Іерусалима усугубляли грабежами, выдачей іудейскихъ бѣглецевъ халдеямъ и присвоеніемъ ихъ земли, вавилонскіе изгнанники питали поэтому страшную ненависть. Два пророка, жившіе среди изгнанниковъ, дали яркое выраженіе этимъ чувствамъ. То были *Овадія* и другой пророкъ, имя котораго не сохранилось. Оба они возвѣщали идумейцамъ всякія несчастія, которыя постигнутъ ихъ въ наказаніе за все зло, ими причиненное іудеямъ.—Овадія жилъ, по всей вѣроятности, среди тѣхъ добровольныхъ изгнанниковъ, которые послѣ разрушенія Іерусалима бѣжали въ финикійскіе города. Утѣшая и обнадеживая своихъ товарищей по изгнанію, пророкъ этотъ произнесъ слѣдующую грозную рѣчь противъ Эдома:

„Такъ говоритъ Господь. Я сдѣлалъ тебя, Эдомъ, самымъ незначительнымъ въ средѣ народовъ, наиболѣе презираемымъ изъ всѣхъ, но гордыня твоя тебя совратила. Пріютившись на высокихъ скалахъ, ты говоришь: „Кто меня низвергнетъ?" Но если бы ты леталъ также высоко, какъ

орелъ поднебесный, если бы ты устроилъ гнѣздо свое среди звѣздъ, то Я и оттуда свергнулъ бы тебя. За насилія твои надъ братомъ твоимъ Яковомъ я покрою тебя позоромъ, и ты на вѣки будешь уничтоженъ. Въ тѣ дни, когда завоеватели расхищали добро Іуды, когда чужіе врывались въ его владѣнія и метали жребій о Іерусалимѣ, ты былъ среди нихъ и спокойно взиралъ на несчастія своего брата... Не слѣдовало тебѣ злорадствовать въ день гибели сыновъ Іудеи; ты не долженъ былъ бы вторгаться въ владѣнія моего народа, когда его постигло несчастіе, не долженъ былъ ты стоять на распутьяхъ, чтобы убивать его бѣглецовъ, и не слѣдовало тебѣ выдавать врагу остатокъ Іуды во дни его великаго горя. Но близокъ день возмездія: какъ ты поступалъ, такъ будетъ поступлено съ тобой.... И какъ вы на священной горѣ Моей упивались изъ чаши съ ядомъ, такъ и всѣ народы съ вами будутъ пить изъ нея до тѣхъ поръ, пока они не упьются, разумъ ихъ не помутится и они будутъ, какъ бы ихъ не было. А на гору Сіонъ придетъ спасеніе, она вновь будетъ священной и Израилю возращено будетъ его наслѣдіе. Домъ Якова будетъ какъ огонь, домъ Іосифа какъ пламя, а домъ Исава (Эдомъ)—какъ солома: они сожгутъ его и уничтожатъ и ничего отъ него не останется. И вновь овладѣетъ домъ Якова югомъ, горою Исава и Шефелой, землею филистимлянъ; вновь завоюетъ онъ поля Эфраима и Самаріи, владѣнія Веніамина и страну Гилеадъ. Придутъ спасители, взойдутъ на гору Сіонъ и свершатъ судъ надъ горою Исава. И господствовать надъ землею будетъ самъ Господь!"[1]).

Другой пророкъ того времени, проповѣдывавшій гдѣ то въ изгнаніи, въ единственной, дошедшей до насъ, рѣчи также набросалъ мрачную картину опустошенія, которое по его словамъ постигнетъ Идумею и ея злой народъ.—Несмотря на то, что сосѣдніе народы такъ безжалостно обращались съ іудейскими бѣглецами и на то, что Іудея была окончательно завоевана и совершенно опустошена халдеями, добровольные изгнанники, пріютившіеся въ Египтѣ, убаюкивали себя еще надеждой, что они въ скоромъ времени вернутся на родину и заживутъ въ ней по прежнему. Современныя военно-политическія событія какъ будто поддерживали въ нихъ эту надежду. Египетскій царь Хофра какъ разъ въ это время собрался въ большой походъ. Невуходнецаръ послѣ тринадцатилѣтней осады острова Тира и черезъ годъ послѣ разрушенія Іерусалима заключилъ съ финикіянами миръ, условія котораго они, сильно истощенные продолжительной осадой, должны были принять, не смотря на всю ихъ тяжесть и унизительность. Невуходнецаръ оставилъ Тиру его государственное устройство, его судоходство и обширную торговлю, но взамѣнъ жители его должны

[1]) Овадія 1.

были признать надъ собой его верховную власть и обязаться доставить ему, въ случаѣ надобности, флотъ. Царя ихъ, Итобала, Невухаднецаръ увелъ плѣнникомъ въ Вавилонъ и вмѣсто него посадилъ на тирскій престолъ другое лицо. Въ то время какъ Невухаднецаръ считалъ себя съ этой стороны вполнѣ обезпеченнымъ, Хофра предпринялъ обширный походъ противъ Кипра. Поддерживаемый, по всей вѣроятности, греческимъ флотомъ, онъ завоевалъ этотъ островъ, высадился затѣмъ въ Финикіи, взялъ Сидонъ и другіе города, вступилъ въ бой съ тирскимъ флотомъ и, разбивъ его, вернулся въ Египетъ съ богатой добычей, доставшейся ему въ финикійскихъ городахъ. Въ виду этого удачнаго похода, іудеи надѣялись, что Хофра такимъ же образомъ завоюетъ и ихъ бывшую страну и имъ ее возвратитъ. Престарѣлый Іеремія старался разбить эти пустыя надежды. Пророкъ вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшилъ обратиться къ нимъ съ грозной рѣчью противъ ихъ языческихъ нравовъ. Не взирая на всѣ свои несчастія, нисколько ими не наученные и не исправленные, іудеи, попавъ въ Египетъ, снова стали поклоняться мѣстной богинѣ Нейтъ (такъ называемой „царицѣ неба"). Въ этой страсти къ обожанію всего чужого, они съ непостижимымъ ослѣпленіемъ все же какъ будто не забывали и своего, и по прежнему продолжали призывать имя Іеговы и клясться имъ. Въ послѣдній разъ передъ тѣмъ, какъ сойти въ могилу, пророкъ хотѣлъ имъ сказать, что они съ ужасными заблужденіями своими не могутъ расчитывать на то, чтобы вновь увидѣть свою родину. Съ этой цѣлью Іеремія созвалъ всѣхъ іудеевъ, жившихъ въ разныхъ городахъ Египта, на большое собраніе въ Тафне. Пророкъ пользовался еще среди переселенцевъ такимъ уваженіемъ, что они всѣ явились на его зовъ. Іеремія обратился къ многочисленному собранію съ слѣдующими словами. „Для чего вы сами накликаете на себя несчастія и стараетесь, чтобы и слѣда отъ васъ не осталось, продолжая издѣваться надъ вашимъ Богомъ поклоняясь идоламъ здѣсь, и на чужбинѣ? Развѣ вы уже забыли тѣ несчастія, которыя постигли вашихъ отцовъ, а затѣмъ и васъ самихъ? И вотъ говоритъ Господь: „Я всѣхъ поселившихся въ Египтѣ также накажу, какъ я наказалъ жителей Іерусалима: мечемъ, голодомъ и чумой. Въ Іудею же, о которой вы мечтаете, вы вернетесь развѣ лишь бѣглецами". Языческіе нравы, однако, такъ глубоко уже укоренились въ сердцахъ этихъ неисправимыхъ грѣшниковъ, что они открыто похвалялись ими и прямо въ лицо говорили пророку, что они ни за что не оставятъ своихъ идоловъ. Самымъ безстыднымъ образомъ вели себя при этомъ женщины. „Словъ твоихъ,—говорили онѣ Іереміи,—которыя ты произносишь именемъ Господа, мы слушать не хотимъ, обѣты же, данные нами царицѣ неба, мы будемъ исполнять, какъ то дѣлали всегда и отцы наши въ городахъ Іудеи и на улицахъ Іерусалима. Мы имѣли тогда хлѣбъ

въ изобиліи, намъ было хорошо и никакой бѣды мы не видѣли; съ тѣхъ же поръ какъ мы перестали приносить жертвы царицѣ неба, мы стали во всемъ нуждаться и гибнемъ отъ меча и голода. Іеремія возмущенный этими наглыми, словами отвѣчалъ: „Продолжайте же исполнять ваши обѣты и всѣ вы, іудеи страны египетской, погибнете отъ меча и голода, пока вы не исчезнете съ лица земли. Только весьма немногіе изъ васъ, убѣжавъ отъ меча, достигнутъ Іудеи. И тѣ наконецъ убѣдятся, кто былъ правъ и чье слово сбудется, мое ли, или ваше". Въ видѣ знаменія пророкъ тутъ же возвѣстилъ, что царь Хофра, на котораго они возлагали всѣ свои надежды, попадетъ въ руки своихъ враговъ, какъ Цидкія попалъ въ руки Невухаднецара[1]).

Какъ разъ въ это время (около 571) вавилонскій царь выступилъ съ большимъ войскомъ противъ Египта. Свое завѣтное желаніе, которое онъ питалъ съ самаго вступленія своего на вавилонскій престолъ—покореніе страны Нила—онъ теперь тѣмъ болѣе жаждалъ исполнить, что Хофра осмѣлился завоевать подвластную ему Финикію. Іеремія въ Египтѣ и Іехезкель въ Вавилонѣ оба предсказали, что могущественный вавилонскій завоеватель разобьетъ на голову египетскія войска. Однако и этотъ походъ противъ Египта не увѣнчался успѣхомъ. Сильное землетрясеніе, происшедшее въ тотъ моментъ, когда халдейскіе воины были уже у границъ Египта, привело полководцевъ Невухаднецара въ такой ужасъ, что они повернули и ушли обратно въ Вавилонію. Предсказанія о покореніи Египта Невухаднецаромъ такимъ образомъ не исполнились. Но другое пророчество—о томъ, что Хофра погибнетъ насильственной смертью—въ точности сбылось. Въ одномъ походѣ противъ Кирене египетское войско потерпѣло пораженіе и военная каста, недовольная предпочтеніемъ, оказаннымъ Хофрой наемнымъ воинамъ изъ карійцевъ и іонійцевъ, возмутилось противъ него. Одинъ египтянинъ, по имени Амазисъ, сталъ во главѣ мятежниковъ, нанесъ Хофрѣ пораженіе, свергнулъ его съ престола и велѣлъ его удавить (571-570).

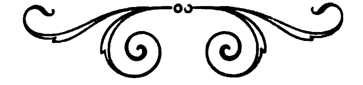
Новый фараонъ всѣми силами старался привлечь на свою сторону египтянъ и вмѣстѣ съ тѣмъ заслужить симпатіи грековъ, но нисколько не интересовался іудеями, поселившимися въ Египтѣ. Они были въ большомъ пренебреженіи и мало по малу должны были разстаться съ своей мечтой о томъ, что они съ помощью Египта возвратятся на свою родину. Іеремія, повидимому, дожилъ еще до этого переворота въ настроеніи переселенцевъ. Осмѣянный ими за то, что его предсказаніе о пораженіи Египта Невухаднецаромъ не сбылось, пророкъ передъ смертью горько жаловался на пре-

[1]) Іеремія 44. 15 и дд.

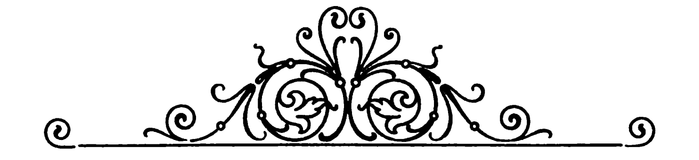
слѣдованія со стороны своихъ соотечественниковъ, которые говорили, что Богъ его совсѣмъ оставилъ.

„Ты надежда моя, Господь, упованіе мое отъ самой юности моей. На Тебя я опирался съ самыхъ раннихъ лѣтъ, въ Тебѣ вся моя слава. Твоимъ словомъ звучатъ всѣ рѣчи мои. Для многихъ я былъ лишь глупцомъ, но Ты мой крѣпкій оплотъ.... Не покидай же меня въ старости моей, не оставь меня слабаго и дряхлаго, ибо враги мои сговариваются противъ меня и, подстерегая меня, говорятъ: „Богъ оставилъ его, преслѣдуйте же и ловите его безъ боязни, ибо никто не вступится за него!"... Господь Всемогущій, Ты отъ юности моей меня наставлялъ и до нынѣ я возвѣщаю людямъ величіе Твое. Приди же мнѣ на помощь въ безсиліи моемъ... Ты посылалъ мнѣ великія и лютыя бѣдствія, но удержалъ меня въ живыхъ— оживи же меня вновь и извлеки меня вновь изъ бездны земли"[1]).

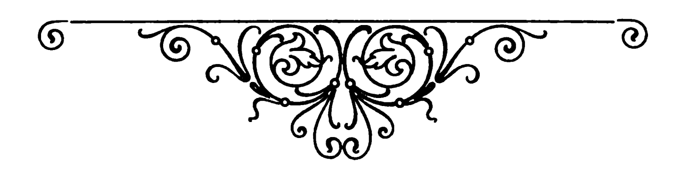
Глубокая скорбь все болѣе и болѣе овладѣвала великой душей пророка въ старости. Ибо, не смотря на всѣ его страданія, ему такъ до конца не удалось „извлечь высокое изъ низкаго": окружавшіе его, остатокъ Іуды въ Египтѣ, продолжали коснѣть въ своихъ ужасныхъ заблужденіяхъ и порокахъ. Но труды Іереміи не пропали даромъ. Сѣмена, имъ посѣянныя и взращенныя его учениками и послѣдователями, дали на другой почвѣ великолѣпные ростки. Его завѣтъ,—не только разрушать, но и строить и вновь насаждать,—нашелъ себѣ достойныхъ исполнителей въ иномъ мѣстѣ.



[1]) Псаломъ 71.



ПРИМѢЧАНІЯ.



Примѣчанія.

I.

Пророки, какъ историки.

1. Гошеа, Амосъ и Іоель

Пророческая литература представляетъ, какъ извѣстно, богатый матеріалъ для исторіи евреевъ въ библейскій періодъ, и безъ нея цѣлыя эпохи этой исторіи представляли-бы, подобно арабской, одно сухое перечисленіе историческихъ фактовъ. Произведенія пророковъ, это рельефная, полная жизни картина, вправленная въ мертвую лѣтописную рамку „Книгъ Царей“. „Слова“ многихъ такъ называемыхъ „Малыхъ“ пророковъ и нѣкоторыхъ большихъ не снабжены, однако, хронологическими указаніями. Комментаторы сильно расходятся поэтому въ опредѣленіи времени, когда эти пророки жили и говорили. Точное установленіе этого времени между тѣмъ безусловно необходимо, если мы хотимъ пользоваться тѣмъ или другимъ пророкомъ, какъ историческимъ матеріаломъ. Отчасти на основаніи соотвѣтственныхъ изслѣдованій нашихъ предшественниковъ а, главнымъ образомъ, нашихъ собственныхъ изысканій, мы попытаемся здѣсь установить хронологію пророковъ на прочныхъ основаніяхъ. Начнемъ съ самыхъ старыхъ, произведенія которыхъ до насъ дошли.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Гошеа, Амосъ и Іоель выступили приблизительно въ одно время. О первомъ въ заголовкѣ его рѣчей сказано, что онъ проповѣдывалъ при царяхъ Узіи и Іеровеамѣ II, а текстъ подтверждаетъ это указаніе, ибо въ четвертомъ стихѣ первой же его главы упоминается домъ Іегу. О второмъ, Амосѣ, въ десятомъ и слѣдующихъ стихахъ седьмой главы его сказано, что онъ жилъ при томъ же Іеровеамѣ, а въ

заголовкѣ еще точнѣе указывается, что онъ выступилъ за два года до землетрясенія, происшедшаго въ царствованіе Узіи. Фактъ землетрясенія подтверждается Захаріей (**14**, 5). Изъ самыхъ же рѣчей Амоса видно, что онъ предсказалъ это происшествіе (**2**, 13 и дд; **3**, 14 и дд). Однако, ко времени до землетрясенія относятся однѣ первыя три главы его, четвертая же и прочія принадлежатъ къ позднѣйшему времени. Ибо стихъ **4**, 11 говоритъ о бѣдствіяхъ, причиненныхъ землетрясеніемъ, какъ о минувшемъ фактѣ. Стихи **8**, 8 и **9**, 5-6 также трактуютъ о событіяхъ во время землетрясенія. Въ то же время Амосъ говоритъ и о нашествіи саранчи, какъ о уже происшедшемъ событіи (**4**, 9) а также и о сопровождавшихъ это нашествіе засухѣ и голодѣ (**4**, 6-8). Изъ рефрена ולא שבתם עדי довольно ясно видно, что и здѣсь рѣчь идетъ исключительно о фактахъ уже совершившихся, и глаголы въ перечисленныхъ стихахъ должны читаться въ прошедшемъ совершенномъ времени, не смотря на то, что многіе изъ нихъ поставлены въ несовершенномъ прошедшемъ и даже въ будущемъ. О нашествіи саранчи подробно разсказываетъ еще пророкъ Іоель, рѣчи котораго всецѣло ему посвящены. Изъ всего этого слѣдуетъ, что вторую часть своихъ рѣчей, начиная четвертой главой, Амосъ произносилъ послѣ Іоеля; первую же ихъ часть (главы 1-3)—до него. Выводъ этотъ подтверждается тѣмъ фактомъ, что Іоель (**2**, 10, 11) говоритъ объ уже происшедшемъ землетрясеніи и сопутствовавшихъ ему явленіяхъ. Этими и другими моментами (о чемъ ниже) вполнѣ доказывается современность этихъ двухъ пророковъ, но съ оговоркой, что Амосъ свою первую рѣчь произнесъ до Іоеля. Въ виду этого стихъ **4**, 16 послѣдняго долженъ быть признанъ заимствованнымъ у Амоса (**1**, 2).—Что же касается Гошеи, то онъ, повидимому, говорилъ нѣсколько позднѣе Амоса и Іоеля. Это слѣдуетъ изъ того, что въ обѣихъ своихъ рѣчахъ онъ выступаетъ исключительно противъ введеннаго въ десятиколѣнномъ царствѣ культа Ваала (**2**, 10, 15, 18) и противъ идоловъ Астарты и Гаммона; Амосъ же возстаетъ противъ поклоненія быку въ Бетелѣ (**3**, 14; **4**, 4; **5**, 4), противъ того же культа въ Данѣ (**8**, 14) и противъ истукановъ самарійскихъ, но ни однимъ словомъ не упоминаетъ о культѣ Ваала. Ясно, что этотъ культъ распространился въ Самаріи лишь позднѣе, а именно при Іеровеамѣ II, послѣ того, какъ онъ присоединилъ къ своимъ владѣніямъ Дамаскъ и Хаматъ (*Цари II.* **14**, 28). Ибо, если бы фактъ существованія этого культа, противъ котораго Іегу такъ воевалъ,

не былъ засвидѣтельствованъ Гошеей, то невозможно было бы допустить, что одинъ изъ потомковъ Іегу его опять ввелъ. Полустихъ 6 въ (*Царяхъ II*, XIV, 6) וגם האשרה עמדה בשמרון не противорѣчитъ этому, такъ какъ онъ очевидно искаженъ. Реставрацію культа Ваала при Іеровеамѣ II необходимо поэтому отнести къ наипозднѣйшему періоду этого царствованія. Именно противъ этой реставраціи и говорилъ Гошеа, замѣчая, что потомки Іегу ему измѣнили и что кровь въ Іезреелѣ была напрасно пролита (I, 4). Первые „литературные" пророки слѣдуютъ такимъ образомъ въ такомъ хронологическомъ порядкѣ: 1) Амосъ 2) Іоель, 3) Гошеа. То, что послѣдній въ книгахъ Пророковъ фигурируетъ первымъ, объясняется двусмысленностью начала второго стиха первой главы этого пророка (תחלת דבר ה" בהושע). Этому, проповѣдывавшему при Іеровеамѣ II Гошеѣ, принадлежатъ, впрочемъ, однѣ три первыя главы, остальныя должны быть отнесены къ другому, гораздо позднѣе жившему пророку, о которомъ рѣчь ниже.

Рѣчи этихъ трехъ древнѣйшихъ пророковъ между тѣмъ даютъ весьма много историческаго матеріала. Но чтобы пользоваться ими, какъ таковымъ, необходимо выяснить, къ какому въ точности времени они относятся; необходимо прежде всего установить, говорилъ ли Амосъ въ началѣ, или, какъ нѣкоторые утверждаютъ, въ концѣ царствованія Узіи. Руководящимъ указаніемъ въ этомъ случаѣ можетъ и должно служить вполнѣ ясное замѣчаніе Амоса о томъ, что Іудея въ его время была еще „мала и слаба". Въ послѣдней своей рѣчи онъ называетъ эту страну „развалившейся хижиной Давида" (IX, 11). Мысль его при этомъ та, что Богъ за вину Іеровеама II разсѣетъ Домъ Израиля, „Хижину же Давида" подниметъ изъ развалинъ и возвеличитъ. Таковъ смыслъ и 8-го стиха той же 9-й главы. Подъ „Грѣшнымъ Царствомъ" Амосъ подразумѣваетъ здѣсь десятиколѣнное царство, а подъ „Домомъ Іакова"—Іудею. И въ другихъ мѣстахъ пророкъ называетъ Іуду „малымъ и слабымъ". Такъ, когда Господь открываетъ ему, что Самарія будетъ опустошена саранчей и огнемъ, то Амосъ умоляетъ его: מי יקום יעקב כי קטן הוא (VII, 2, 5). Ибо, если саранча и огонь опустошатъ Самарію, то бѣдствіе это не можетъ ограничиться одной этой страной, а неизбѣжно должно захватить также и Іудею. „Но кто же возстановитъ ее,—восклицаетъ пророкъ, столь маленькую и слабую?" Вотъ единственный правильный смыслъ этого стиха, изъ котораго такимъ образомъ слѣдуетъ, что въ то время, когда Амосъ говорилъ, т. е. при Узіи, Іудея

дѣйствительно была въ сильномъ упадкѣ; это была „развалившаяся хижина". А такъ какъ Узія впослѣдствіи возвеличилъ свою страну,—о чемъ единогласно свидѣтельствуютъ и Хроники, и Книги Царей, и Іешая,—то ясно, что Амосъ жилъ и говорилъ не въ концѣ этого царствованія Узіи, въ періодъ его расцвѣта, а въ его началѣ, къ какому времени должно быть отнесено также и землетрясеніе.

Кто собственно и въ какой мѣрѣ довелъ Іудею до этого упадка? Самъ Амосъ весьма опредѣленно отвѣчаетъ на это, что виновникомъ паденія была Идумея (I, 11). „Исавъ (Эдомъ).—говоритъ онъ,—преслѣдовалъ мечомъ своего брата (Якова, Іуду), подавилъ въ себѣ свое братское чувство и въ гнѣвѣ своемъ долго свирѣпствовалъ противъ него". Трещины и развалины, о которыхъ говоритъ пророкъ, причинило Іудеѣ такимъ образомъ разбойничье племя идумейцевъ, изъ мести за то, что предшественникъ Узіи, Амація взялъ ихъ столицу и покорилъ ихъ. (См. выше, стр. 72). Амосъ въ тоже время предсказывалъ всякія несчастія филистимскимъ городамъ и жителямъ Тира за то, что они выдавали идумейцамъ іудейскихъ изгнанниковъ и бѣглецовъ (I, 6, 9) и пророчилъ, что Іуда вновь покоритъ идумейцевъ и овладѣетъ ихъ страной (IX, 12), когда „развалившаяся хижина Давида" будетъ возстановлена. О преслѣдованіи іудеевъ ихъ сосѣдями-иноплеменниками и страданіяхъ, причиненныхъ имъ въ особенности идумейцами, говоритъ также и Іоель (IV. 17, 19). Этотъ пророкъ скорбитъ также и о плѣнныхъ іудеяхъ, разсѣянныхъ другими народами по разнымъ далекимъ странамъ (IV, 1) и о враждѣ, выказанной къ Іудѣ Тиромъ, Сидономъ и филистимскими городами. Словомъ, Іоель и Амосъ оба трактуютъ о смиреніи и ослабленіи Іуды въ особенности идумейцами и въ началѣ царствованія Узіи. Ибо въ такомъ жалкомъ положеніи Іудея могла быть только во время несовершеннолѣтія этого царя, такъ какъ вскорѣ послѣ своего вступленія на престолъ Узія вновь присоединилъ къ Іудеѣ идумейскую гавань Айлатъ (*Цари II.* XIV, 22), изъ чего слѣдуетъ, что идумейцы опять были побѣждены іудеями. (Ср. т. I. стр. 334, 335), гдѣ доказано, что временный упадокъ Іудеи, о которомъ говоритъ Амосъ, долженъ быть отнесенъ къ междуцарствію, продолжавшемуся отъ смерти Амаціи до вступленія на престолъ Узіи. Іоель и Амосъ, рисуютъ такимъ образомъ тогдашнее положеніе, какъ современники и очевидцы.

Счастливый оборотъ, наступившій съ воцареніемъ Узіи, подтверждается и слѣдующимъ соображеніемъ. Узія вновь завоевалъ

и укрѣпилъ портъ Айлатъ. Для чего? Очевидно, въ видахъ возстановленія судоходства по Красному морю. Но для этого нужны были корабли. Іешая между тѣмъ свидѣтельствуетъ, что въ его время Іудея имѣла суда „Таршишъ", т. е. большіе парусные корабли (II, 16). Эти суда не могъ построить ни Іотамъ, ни Ахазъ. Слѣдовательно, они были сооружены въ айлатской бухтѣ при Узіи. Корабли эти снова доставили въ Іудею много золота и серебра (т. же ст. 7). Этимъ стихомъ Іешаи вполнѣ подтверждается извѣстіе (*Хроника II*, XXVI, 15 в.) о томъ, что Узія былъ чрезвычайно богатъ. Разсказъ, изложенный въ ст. IX, 13 т. же о башняхъ и водоемахъ, построенныхъ Узіей въ Іерусалимѣ, также подтверждается Іешаей (т. же 15). Можно, слѣдовательно, допустить, что и другое извѣстіе *Хроникъ* (т. же 6—8) о томъ, что Узія завоевалъ филистимскіе города и обложилъ данью арабовъ и *маонеевъ*, и что слава о его подвигахъ дошла до Египта—также исторически достовѣрно. Но если все это такъ, если Узія дѣйствительно былъ очень богатъ и силенъ, то весьма естественно допустить, что онъ пожелалъ отомстить тѣмъ сосѣднимъ племенамъ, которыя до того такъ сильно притѣсняли его народъ. Тотъ фактъ, что *Хроники* упоминаютъ въ 7 ст. о весьма рѣдко фигурирующихъ въ источникахъ маонеяхъ, служитъ также въ пользу исторической достовѣрности этого извѣстія. По Страбону народецъ этотъ жилъ у Краснаго моря. А такъ какъ Узія завоевалъ расположенный у этого моря Айлатъ, то онъ не могъ не прійти въ соприкосновеніе съ этимъ народцемъ. А то, что это извѣстіе не упоминается въ Книгахъ Царей, нисколько не свидѣтельствуетъ противъ него. Въ этихъ Книгахъ мы не находимъ вообще весьма многихъ достовѣрнѣйшихъ историческихъ фактовъ, либо не отмѣченныхъ собирателями, либо просто пропущенныхъ переписчиками.

2. Гошеа II и Захарія I.

Каждый гебраистъ знаетъ, что по формѣ и содержанію первыя три главы Гошеи настолько же далеки отъ остальныхъ, насколько послѣднія шесть главъ Захаріи отличны отъ первыхъ восьми. Первая часть Гошеи изобилуетъ символическими образами, во второй же ихъ нѣтъ и слѣда; первая даетъ спокойное и послѣдовательное изложеніе фактовъ, вторая же состоитъ изъ однихъ отрывистыхъ лирическихъ изліяній, перемѣшанныхъ афоризмами. Въ виду столь рѣзкихъ различій комментаторы дѣлятъ

рѣчи этого пророка на двѣ части. Этого, однако, не достаточно, ибо обѣ части никоимъ образомъ не могутъ принадлежать одному и тому же автору, и пророкъ, говорившій еще въ царствованіе Іеровеама II, не могъ проповѣдывать пятьюдесятью годами позже. Нѣкоторыя мѣста второй части видимо относятся ко времени, непосредственно предшествовавшему паденію десятиколѣннаго царства. Въ заголовкѣ между тѣмъ сказано, что Гошеа говорилъ еще во времена Хизкіи. Послѣднее можетъ быть вѣрно, но то не былъ уже тотъ самый Гошеа, а какой-то другой пророкъ, который по всей вѣроятности носилъ то же имя; именно поэтому, надо полагать, „слова“ ихъ были перемѣшаны и стали фигурировать въ качествѣ рѣчей одного и того же пророка. Точно также, какъ необходимо допустить существованіе по меньшей мѣрѣ двухъ пророковъ съ именемъ Захарія, слѣдуетъ также принять двухъ Гошей. Въ пользу перваго предположенія—о двухъ Захаріяхъ—имѣется прямое указаніе въ самыхъ источникахъ. Младшаго, жившаго послѣ изгнанія, Захарію Эзра (V, 1 и VI, 14) называетъ זכריה בר עדוא, старшаго же, проповѣдывавшаго при Ахазѣ, Іешая (VIII, 2) называетъ זכריה בן יברכיהו. Такъ какъ этотъ послѣдній названъ однажды, вмѣстѣ съ первосвященникомъ Уріей, „довѣреннымъ свидѣтелемъ“ (עד נאמן), то онъ, вполнѣ вѣроятно, былъ пророкомъ. И такимъ образомъ объясняется, почему авторъ Книги Захаріи въ заголовкѣ къ ней (а также и въ ст. I, 4) названъ זכריה בן ברכיה בן עדו, а въ другомъ—просто „сыномъ Идо“. Вслѣдствіе того, что обѣ группы рѣчей, т. е. принадлежащія Бенъ-Берехіи и Бенъ-Идо, были включены въ одно собраніе, и произошло это превращеніе двухъ совершенно различныхъ пророковъ въ одного, который будто бы былъ сыномъ Берехіи и внукомъ Идо.

Что же касается Гошеи, то мы въ источникахъ не находимъ соотвѣтственнаго указанія, но, несмотря на это, мы точно также должны допустить существованіе двухъ пророковъ съ этимъ именемъ. Младшій Гошеа и старшій Захарія были современниками. Коментаторы не могли не замѣтить, что Гошеа II или, какъ они выражаются, вторая часть Гошеи, говоритъ о междуцарствіи, которое въ дѣйствительности наступило лишь послѣ Іеровеама II. То же самое относится и къ Захаріи I, ибо то, что главы 9, 10, 11 и 13, 7-9 составляютъ одно связное цѣлое, не требуетъ доказательствъ. Заключеніемъ 9 главы служатъ 1-2 ст. 10 главы. За этими стихами слѣдуетъ разсказъ о пастыряхъ или князьяхъ

רעים), и угроза противъ безсовѣстныхъ пастырей въ XI, 3 и дд. продолжается до конца. Именно въ этомъ мѣстѣ упоминается между тѣмъ о гибели трехъ такихъ пастырей или князей Самаріи въ теченіе одного мѣсяца (XI, 8). Весьма важно поэтому выяснить, о какихъ именно царяхъ здѣсь идетъ рѣчь. Гипотеза Эвальда о томъ, что пророкъ говоритъ здѣсь о быстро одинъ за другимъ погибшихъ іегуидахъ Захаріи, Шалумѣ и нѣкоемъ „Кобалъ-Амѣ" (согласно *Царямъ II.* XV, 10 и дд.), не выдерживаетъ критики, такъ какъ קבל-עם не можетъ быть личнымъ именемъ, а только названіемъ мѣстности (искаженнымъ изъ Іиблеамъ, см. выше стр. 96). Между тѣмъ въ разсказѣ(*Книги Царей II.*XV, 19-25) о заговорѣ Пекаха противъ Пекахіи ясно названы три имени: Пекахіи и нѣкоихъ Аргова и Арье. Повидимому Захарія имѣетъ въ виду именно этотъ фактъ, когда онъ говоритъ объ убійствѣ трехъ пастырей въ теченіе одного мѣсяца. Въ пользу этого мнѣнія говоритъ еще и то обстоятельство, что подъ „глупымъ, безсовѣстнымъ царемъ" (XI, 15 и дд., XIII, 7 и дд.) Захарія не могъ подразумѣвать никого другого, кромѣ Пекаха. Комментаторы, какъ Берто, Креднеръ и другіе, совершенно правильно поэтому относятъ рѣчи Захаріи къ царствованію Пекаха. Ст. XI, 16 הנה אנכי מקים רעה בארץ отнюдь не указываетъ на появленіе „глупаго пастыря" въ будущемъ, а представляетъ лишь отчетъ пророка о томъ, что Богъ ему еще до того возвѣстилъ,—какъ это и видно изъ ст. XI, 4. Далѣе ст. XI, 14 намекаетъ на то, что десятиколѣнное царство стало враждебно относиться къ Іудеѣ, что произошло именно и только при Пекахѣ, воевавшемъ съ нею. Въ одномъ изъ нашихъ изслѣдованій [1]) мы доказали, что Захарія говорилъ еще до нашествія Тиглатъ-Пилесера, т. е. задолго до Ахаза и Іотама. Изгнаніе одной части израильтянъ въ Ассирію, о которомъ Захарія упоминаетъ въ ст. 10—11 десятой главы, относится къ нашествію Фула и частичной ссылкѣ израильтянъ. Изъ этого такимъ образомъ слѣдуетъ, что старшій Захарія произнесъ двѣ рѣчи: одну (гл. 9-10) послѣ нашествія Фула и другую (гл. 11 и 13, ст. 7-9)—незадолго до вторженія Тиглатъ-Пилесера, въ царствованіе Пекаха.

Гошеа II говоритъ между тѣмъ о гибели многихъ израильскихъ царей (VII, 7), о томъ, что въ его время вовсе не было царя (X, 3 и XIII, 11) и о томъ, наконецъ, что цари и вожди

---

[1]) Frankel-Greatz Monatschrift 1874, стр. 486 и дд.

часто смѣняли при немъ одинъ другого (VIII, 3 и 10). Всё это могло, разумѣется, происходить только въ междуцарствіе, наступившее послѣ смерти Пекаха (ср. т. I стр. 336—338). Пророкъ во многихъ мѣстахъ (V, 12; VII, 11; X, 6; XII, 2) говоритъ, что десятиколѣнное царство добивалось дружбы то Ассиріи, то Египта. Эти же ухаживанія могли имѣть мѣсто только между царствованіями Тиглатъ-Пилесера и Салманасара. Такимъ образомъ Гошеа II, младшій современникъ Захаріи, былъ послѣднимъ пророкомъ въ десятиколѣнномъ царствѣ. Само собою разумѣется, что онъ былъ притомъ и современникомъ Іешаи.

Необходимо, однако, допустить, что существовалъ и еще одинъ, третій Захарія. Ибо гл. 12-13 (безъ ст. 7-9) и 14 въ стилистическомъ отношеніи весьма далеки отъ тѣхъ главъ, которыя принадлежатъ старшему Захаріи и въ такой же мѣрѣ отъ тѣхъ, которыя принадлежатъ младшему. Въ нихъ нѣтъ ни символизма, ни намёковъ на реставрированный храмъ, какъ въ рѣчахъ послѣдняго, ни частыхъ упоминаній Эфраима, какъ у перваго. Указанныя главы занимаются исключительно Іудой и говорятъ о Египтѣ, какъ о его врагѣ (XIV, 18-19). Что эти главы составляютъ одно цѣлое и не могутъ быть раздроблены, станетъ очевидно, если сопоставить ст. XII, 2: וגם על יהודה יהיה במצור על ירושלם со ст. XIV, 14 גם יהודה תלחם בירושלם. Изъ обоихъ этихъ стиховъ видно, что въ то время, когда пророкъ говорилъ, вся Іудея была весьма враждебно настроена противъ Іерусалима. Съ другой стороны и столица презрительно относилась къ сельскому населенію Іудеи (XII, 7). Такъ какъ о Эфраимѣ и Самаріи въ этихъ трехъ главахъ вовсе не упоминается, то ясно, что эта часть рѣчей Захаріи могла быть произнесена лишь послѣ паденія десятиколѣннаго царства. А такъ какъ въ ней, съ другой стороны, говорится о Египтѣ, какъ о главномъ врагѣ Іуды, бичуются идолопоклонники и лжепророки (XIII, 2 и дд.), то слѣдуетъ признать, что *этотъ*, третій Захарія говорилъ послѣ смерти Іошіи, въ злополучное царствованіе Іоакима.

3. Овадія.

Слѣдуетъ сказать также нѣсколько словъ и о пророкѣ Овадіи, котораго одни комментаторы относятъ къ царствованію Іорама (894—888), а другіе къ эрѣ селевкидовъ, т. е. почти на 600 лѣтъ позже. Время, въ которое этотъ пророкъ говорилъ, между тѣмъ довольно точно опредѣляется самой его рѣчью. Уже Ибнъ-Эзра указалъ на то, что дѣятельность Овадіи слѣдуетъ отнести къ вре-

мени, слѣдовавшему непосредственно за вавилонскимъ изгнаніемъ, что довольно ясно видно изъ ст. 10—17 его рѣчи. Слова וירשו בית יעקב את מורשיהם напоминаетъ о надеждахъ идумейцевъ на то, что они получатъ во владѣніе или наслѣдіе страну Іуды, о чемъ говоритъ и Іехезкель (XXXV, 10): יען אמרך את שני הגוים ואת שתי הארצות לי תהיינה וירשנוה Ст. 20 גלות ירושלם также весьма ясно говорить о гибели Іерусалима и о „переселеніи" одной части его жителей въ כפרד. Подъ этимъ послѣднимъ именемъ ни въ какомъ случаѣ, конечно, не слѣдуетъ понимать Испанію, какъ то переводитъ Таргумъ, и не Босфоръ, какъ это почему то думаетъ Іеронимъ,—это просто Финикія. На то указываетъ первый полустихъ וגלת החל הזה לבני ישראל אשר (בארץ) כנענים עד צרפת; подлежащее וגלת החל какъ и החיל, можетъ просто относиться къ одной части іудейскаго войска, которая разбѣжалась послѣ взятія Іерусалима и бѣгства Цидкіи во всѣ стороны. גלות означаетъ не только насильственное изгнаніе, но и полу-добровольное выселеніе. Передъ паденіемъ Іерусалима многіе бѣглецы переселились такимъ образомъ въ разныя сосѣднія страны. Ср. Плачи I, 3: גלתה יהודה מעני ומרב עבדה היא ישבה בגוים לא מצאה מנוח. На это и указываетъ въ 14 стихѣ Овадія: ואל תעמד על הפרק להכרית את פליטיו. Бѣглецы изъ Іудеи пробрались такимъ образомъ и въ Финикію; одна часть изъ нихъ поселилась въ צרפת, Сарептѣ, а другія въ ספרד. Послѣднее слово, по всей вѣроятности, искажено изъ ארוד, іудейскаго названія финикійскаго города Арада. 18 стихъ, въ которомъ говорится о בית יוסף, нисколько не противорѣчитъ тому, что Овадія говорилъ послѣ изгнанія, ибо изъ слѣдующаго же стиха ясно видно, что при немъ Эфраимъ и Самарія уже не существовали. Это просто пророчество о томъ, что съ будущимъ возрожденіемъ Іудеи вернутся въ страну не только Іуда, но и домъ Іосифа или Эфраима т. е. всѣ десять колѣнъ. Не подлежитъ такимъ образомъ сомнѣнію, что Овадія произнесъ единственную свою рѣчь непосредственно послѣ вавилонскаго изгнанія.

На основаніи всѣ этихъ данныхъ можно считать установленнымъ, что пророки слѣдовали одинъ за другимъ въ такомъ хронологическомъ порядкѣ:

I. Пророки эпохи до изгнанія.

1. При Іеровеамѣ и Узіи: *Амосъ, Іоель, Гошеа I.*

2. При Іотамѣ, Ахазѣ, Хизкіи, Пекахѣ и Гошеѣ: *Іешая, Миха, Захарія I, Гошеа II.*

3. При Менаше (вѣроятно) *Нахумъ*.
4. При Іошіи: *Цефанія, Іеремія* и авторъ части *Іешаи* 44-27.
5. При Іоакимѣ и Цидкіи: *Іеремія, Захарія II и Хавакукъ*.

II. Пророки эпохи, слѣдовавшей непосредственно за изгнаніемъ.

1) *Овадія* и 2) авторъ части Іешаи 34—35.

III. Пророки эпохи изгнанія.

1) *Іехезкель,* 2) 30 лѣтъ позже: авторъ 13 и 14 главъ Іешаи, 3) авторъ одной части Іереміи XLXI, 7—22; L-LI, 4) авторъ части Іешаи XXI, 1—10.

IV. Пророки эпохи послѣ изгнанія.

1) *Хагай*. 2) Его современникъ *Захарія III*. 3) *Малеахи*, жившій около ста лѣтъ послѣ нихъ и 4) авторъ книги *Іоны*, которая имѣетъ, впрочемъ, другой характеръ, чѣмъ рѣчи пророковъ собственно.

II.

Іудейская аристократія.

Одному весьма важному фактору въ исторіи развитія государственной жизни Іудеи, возникновенію могущественной аристократіи, историки до сихъ поръ удѣляли слишкомъ мало вниманія, несмотря на то, что многія событія въ жизни этого маленькаго государства только этимъ факторомъ и могутъ быть надлежащимъ образомъ объяснены. И въ Іудеѣ, какъ почти во всѣхъ древнихъ государствахъ, изъ первоначальнаго патріархально-республиканскаго строя постепенно развилась абсолютная монархія, а съ нею, какъ неизбѣжная ея спутница, народилась и аристократія. Исторія взаимныхъ отношеній между царской властью и этой аристократіей должна быть поэтому разсматриваема генетическимъ путемъ. Послѣдній іудейскій царь Цидкія съ тайной болью въ душѣ отвѣчалъ князьямъ Іуды, когда они отъ него потребовали казни Іереміи: „Онъ въ вашихъ рукахъ, ибо царь ничего противъ вашей воли не можетъ сдѣлать“: כי אין המלך יוכל אתכם דבר (Іеремія XXXVIII, 5). Самъ царь такимъ образомъ признавалъ, что онъ безсиленъ противъ князей. Бесѣда, которую онъ тайкомъ имѣлъ съ Іереміей, должна была, по его настоятельному требованію, оставаться въ секретѣ, дабы князья о ней не провѣдали (т. же ст.

24—26. Однако, эта зависимость Цидкіи отъ его царедворцевъ и сановниковъ можетъ быть объяснена несчастнымъ положеніемъ, въ какомъ тогда находилась Іудея, слабохарактерностью самого царя, а также и недовольствомъ князей его нерѣшительной политикой. Зависимость царей отъ окружавшей ихъ аристократіи весьма рельефно проявляется, однако, и значительно раньше, еще при Хизкіи. Изъ рѣчи Іешаи къ Шевнѣ (XXII, 15—25) видно, какую подчиненную роль игралъ по отношенію къ князьямъ уже этотъ царь. Шевна носилъ титулъ 'סכן' онъ былъ 'על הבית' смотрителемъ дворца, и имѣлъ власть майордома. Изъ рѣчи Іешаи слѣдуетъ, что эта должность была *постоянная*. Ибо, предсказывая паденіе Шевны, Іешая тутъ же прибавляетъ, что его мѣсто займетъ болѣе достойный Эліакимъ, сынъ Хилкіи. Эліакимъ этотъ происходилъ изъ дома Давида (ст. 22—24): והיה לכסא כבוד לבית אביו ותלו עליו כל כבוד בית אביו А до того говорится: ונתתי מפתח בית דוד על שכמו, —что „онъ будетъ носить на плечахъ своихъ ключи дома Давида", будетъ „отпирать и запирать" и т. д., и мѣсто, на которое Богъ его поставитъ, будетъ „престоломъ славы для отчаго дома его". Изъ всего этого слѣдуетъ, во первыхъ, что Эліакимъ происходилъ изъ царскаго дома, во вторыхъ, что онъ долженъ былъ занять мѣсто Шевны, и въ третьихъ, что съ этой должностью (מעמד, מצב) была связана обширная власть. Торжественность тона, съ которой Іешая обѣщаетъ Эліакиму, что къ нему перейдетъ постъ, который до того занималъ Шевна ומםשלתך אתן בידו, доказываетъ, что должность этого סכן была сопряжена съ обширною властью. Это слѣдуетъ и изъ словъ того же стиха: והיה לאב ליושב ירושלם ולבית יהודה,— онъ будетъ отцомъ, т. е. *главой,* не только для жителей столицы, но и для всего дома Іуды. Такъ какъ пророкъ возвѣщаетъ, что Эліакимъ, какъ болѣе достойный, займетъ мѣсто Шевны, то не подлежитъ сомнѣнію, что та огромная власть, о которой пророкъ тутъ же говоритъ, связана съ лицомъ סכן, или начальника дворца. Въ 25 стихѣ Іешая говоритъ поэтому о паденіи Шевны תמוש היתד התקועה במקום נאמן: —„гвоздь вбитый въ твердое мѣсто будетъ сломанъ",— т. е. что Шевна потеряетъ высокое мѣсто, которое онъ занималъ. Но если „сохенъ" или смотритель дворца имѣлъ въ своихъ рукахъ столь обширную, почти неограниченную власть надъ всей Іудеей, то что же дѣлалъ царь? И отвѣтъ на это гласитъ весьма просто: Le roi regnait, mais il ne gouvernait pas. Его номинальная власть стушевывалась передъ фактической властью смотрителя

дворца, ибо этотъ послѣдній, а не царь, былъ „старшимъ въ домѣ".

Но если это такъ, то необходимо допустить, что приготовленія къ войнѣ съ Санхеривомъ велъ не царь Хизкія, а его major domus. Такимъ образомъ пророчество Іешаи, на которое мы ссылаемся, представляетъ одно цѣлое, и его незачѣмъ разбивать на двѣ отдѣльныя части. Оно просто состоитъ изъ двухъ вполнѣ связанныхъ между собою половинъ. Въ первой половинѣ пророкъ возстаетъ противъ вооруженій, отъ которыхъ однихъ, а не отъ Бога ждали въ Іерусалимѣ спасенія; во второй онъ обращается прямо въ Шевнѣ и предсказываетъ ему паденіе. Пророкъ очевидно желаетъ этимъ сказать, что приготовленія къ войнѣ съ Санхеривомъ началъ и продолжалъ онъ одинъ. Такимъ образомъ устраняется та несообразность, что пророкъ бичуетъ недостаточную вѣру въ Бога какъ разъ въ царствованіе Хизкіи, несмотря на то, что этотъ царь всѣми единогласно характеризуется, какъ правитель богобоязненный и глубоко вѣрующій. Противорѣчія тутъ никакого нѣтъ, потому что самъ Хизкія былъ очень благочестивъ, но князья, его окружавшіе, и въ особенности Шевна, гораздо больше вѣрили въ силу меча, чѣмъ въ Бога. Поэтому Іешая во всѣхъ рѣчахъ, относящихся къ времени Хизкіи, совсѣмъ умалчиваетъ объ этомъ царѣ, который всецѣло зависѣлъ отъ князей-правителей, или вѣрнѣе, былъ совершенно безсиленъ, какъ безсиленъ былъ послѣ него Цидкія. Власть фактически была въ рукахъ аристократовъ, во главѣ которыхъ стоялъ сохенъ. Въ пророчествѣ, о которомъ идетъ рѣчь, Іешая съ своими обличеніями и угрозами обращался поэтому исключительно къ князьямъ Іуды и ихъ вождю, готовившимся къ войнѣ съ Ассиріей независимо отъ царя и вѣроятно противъ его воли. И въ другихъ рѣчахъ, къ этому времени относящихся, Іешая также возстаетъ противъ князей. Ср. напримѣръ (XXVIII, 14): אנשי לצון משלי העם הזה. Въ рѣчи противъ союза съ Египтомъ пророкъ прямо говоритъ, что этотъ союзъ былъ дѣломъ однихъ князей, которые шли въ Египетъ и вели съ нимъ тайные переговоры (XXX, 4): כי היו בצוען שריו ומלאכיו חנס יגיעו, „князья были въ Танисѣ и послы ихъ прибыли въ Тафне" Противъ этихъ князей направлена и иронія пророка (XXXII, 1, 5): ולשרים למשפט ישרו,—т. е. царь нѣкогда доведетъ князей до того, что они не будутъ злоупотреблять своей властью и будутъ управлять страной по правдѣ; לא יקרא עוד לנדיב נבל,—„преступника не будутъ называть вельможей". Могущественная іудейская ари-

стократія яркими чертами характеризуется въ этой рѣчи. Негодованіе Іешаи, какъ и другихъ пророковъ, главнымъ образомъ и направлено было противъ этихъ аристократовъ, изъ которыхъ Шевна былъ лишь самымъ могущественнымъ и самымъ недостойнымъ.

Немыслимо допустить, чтобы Шевна былъ иноземцемъ, котораго Ахазъ назначилъ на столь высокій постъ. Въ Іудеѣ во всякомъ случаѣ еще до того не дошло, чтобы иноземцы занимали въ ней первыя должности. Шевна не принадлежалъ лишь къ дому Давида, какъ Эліакимъ, но онъ безспорно былъ Іудеемъ. Въ самомнѣніи своемъ онъ дошелъ до того, что позволилъ себѣ изсѣчь для себя гробницу въ царскихъ усыпальницахъ. Поэтому то Іешая и обращается къ нему (XXII, 16). מה לך פה ומי לך פה כי חצבת לך פה קבר, „что ты *здѣсь* имѣешь и кто у тебя *тутъ,* что ты себѣ *здѣсь* приготовляешь гробницу?“ Это „здѣсь“ относится къ царскимъ усыпальницамъ на горѣ Сіонъ. Должность сохена не была создана лишь при Хизкіи: она существовала еще до него. Сановникъ על הבית „дворца“, повидимому, всегда былъ его управителемъ. Слѣдуетъ думать, что этотъ важный постъ обыкновенно занималъ какой нибудь дальній родственникъ царя. Боковой линіей Давидова дома былъ домъ Натана, который одинъ пророкъ (Захарія XII, 12) ставитъ на одну доску съ домомъ Давида: וספדה הארץ משפחות משפחות לבד משפחת בית דוד לבד . . . משפחת בית נתן לבד. Подъ словами „Семья дома Натана“ здѣсь безъ сомнѣнія слѣдуетъ понимать семью Натана, сына царя Давида, которая ближе всѣхъ княжескихъ фамилій стояла къ царскому дому. Такъ какъ эта рѣчь Захаріи II была сказана при царѣ Іоакимѣ (см. выше, стр. 328), то изъ этого слѣдуетъ, что семья Натана удержалась до самаго паденія царства.

Іудейская аристократія состояла изъ трехъ классовъ. Въ составъ перваго входили принцы (בני המלך), дядья и двоюродные братья даннаго царя и потомки младшей линіи. Второй классъ состоялъ изъ князей собственно, которыхъ называли ראשי האבות, а также זקנים и קצינים. Наконецъ третій классъ представляли придворные и всякіе сановники, такъ называемые עבדי המלך. Іеремія (XXXIV, 19) называетъ ихъ שרי יהודה ושרי ירושלם и вслѣдъ затѣмъ (ст. 21) צדקיהו ושריו. Первые два класса составляли родовую, а послѣдній—придворную аристократію. Изъ Іешаи (V, 8 и дд,) видно, что могущество іудейской знати было основано на такъ называемыхъ латифундіяхъ, т. е. незаконномъ владѣніи госу-

дарственной земельной собственностью, которую они, пользуясь слабостью царей, мало-по-малу всю захватили въ свои руки.

Къ какому времени должно быть отнесено возникновеніе іудейской аристократіи, фактически упразднившей почти царскую власть? Вполнѣ опредѣленныхъ указаній мы на этотъ счетъ въ источникахъ не находимъ. Можно, однако, думать, что уже при Іотамѣ этотъ привиллегированный классъ достигъ довольно высокой степени могущества. Амація палъ жертвой заговора, который, по всей вѣроятности, былъ устроенъ аристократами, а другой такой же заговоръ стоилъ жизни царю Амону (Цари II, XXI, 23). Узія провелъ свои послѣдніе годы въ домѣ для прокаженныхъ, и въ это время регентомъ былъ его сынъ Іотамъ, въ то время бывшій еще въ молодыхъ лѣтахъ. Аристократія повидимому, воспользовалась этимъ весьма благопріятнымъ для нея обстоятельствомъ, чтобы упрочить и расширить свою власть. Іотамъ не обладалъ сильнымъ характеромъ и не въ состояніи былъ оказать серьезное сопротивленіе этому натиску со стороны энергичныхъ князей. Въ первой большой рѣчи своей (гл. 2—5), относящейся къ этому времени, Іешая уже бичуетъ этихъ аристократовъ за ихъ насилія и самомнѣніе: женщины, противъ излишней роскоши, кокетства и тиранніи которыхъ надъ мужьями Іешая выступилъ въ такихъ рѣзкихъ выраженіяхъ, были женами аристократовъ. Лишь начиная съ этого времени, при Іотамѣ, Ахазѣ и Хизкіи שרי יהודה стали играть при дворѣ вліятельную роль. Въ рѣчи, которую пророкъ Цефанія держалъ во время несовершеннолѣтія Іошіи, онъ жалуется на принцевъ и князей за то, что они ввели въ іудеѣ чужіе нравы и языческіе обычаи (I, 8): ופקדתי על השרים ועל בני המלך ועל כל הלבשים מלבוש נכרי. Лишь принимая въ соображеніе всѣ эти, обстоятельства и можно объяснить все то, что представляется загадочнымъ въ іудейской исторіи. Такъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Хизкія искоренилъ въ странѣ идолопоклонство, а между тѣмъ уже при его сынѣ Манаше оно снова и быстро расцвѣло и держалось въ странѣ до 18-го года Іошіи. Само собою разумѣется, что Манаше самъ не могъ его вновь ввести, такъ какъ въ началѣ своего царствованія онъ былъ еще ребенкомъ. Ввели его, слѣдовательно, аристократы. Они же ввели его вновь послѣ смерти Іошіи, такъ что религіозная реформа его оказалось такой же призрачной, какъ и реформа Хизкіи. Пророки именно потому съ такой силой и ополчались противъ аристократовъ, что они прибрали къ своимъ

рукамъ всю власть и фактически дѣлали въ странѣ все что только хотѣли. Пророки почти исключительно съ ними одними и воевали, называя ихъ то שמעו נא ראשי יעקב (Миха III, 1), то בית מלך יהודה (Іеремія XXI, 11 и дд.), и понимая подъ этими словами родовую и придворную аристократію. Но даже и тамъ, гдѣ пророки ихъ прямо не называютъ, они только ихъ и имѣютъ въ виду, такъ какъ они одни задавали тонъ въ странѣ, одни распространяли все то зло, противъ котораго „Божьи люди“ такъ усердно воевали.

III.

Пророческая школа Іешаи.

Историки библейской эпохи до сихъ поръ не удѣляли никакого вниманія весьма важной дѣятельности Іешаи, какъ учителя, и молодой пророческой школѣ, имъ основанной. Объясняется это тѣмъ, что самый фактъ существованія такой школы съ перваго взгляга представляется не въ такой мѣрѣ очевиднымъ, какъ у Самуила, Иліи и Элиши, о пророческихъ школахъ которыхъ источники говорятъ вполнѣ ясно, называя ихъ въ одномъ случаѣ חבל נביאים, а въ другомъ בני הנביאים. Въ самыхъ рѣчахъ Іешаи мы находимъ между тѣмъ достаточное число указаній, свидѣтельствующихъ въ пользу существованія школы и у него. Въ ст. VIII,16 пророкъ вполнѣ ясно говоритъ צור תעודה חתום תורה בלמדי „Завяжи (на память) это предостереженіе и запечатлѣй это поученіе среди (въ умахъ) моихъ учениковъ“. Это למודים употреблено здѣсь въ томъ же значеніи, что и למודי ה׳ въ ст. LIV, 13 и дважды въ L, 4. Слово למוד есть старая форма позднѣйшаго תלמיד. Объ этихъ, безъ сомнѣнія, ученикахъ самъ пророкъ говоритъ, что они ישבים לפני ה׳ „сидятъ передъ Господомъ“, т. е. въ храмѣ. Къ нимъ же относится пророчество (Іешая XXIII,18) о томъ, что собранныя Тиромъ послѣ его возстановленія богатства достанутся тѣмъ, которые „сидятъ передъ Богомъ“, дабы они могли ѣсть вдоволь и носить великолѣпныя одежды. Прежде всего здѣсь рѣчь идетъ, конечно, о левитахъ, имѣвшихъ постоянное пребываніе въ храмѣ. Одинъ изъ нихъ въ составленномъ имъ псалмѣ говоритъ, что наивысшее его желаніе это, чтобы онъ могъ до конца своихъ дней оставаться въ храмѣ и созерцать благость Господню: שבתי בבית ה׳ כל ימי חיי XXVII,4). Этотъ левитъ вмѣстѣ съ тѣмъ говоритъ о себѣ, какъ о

пѣвцѣ и поэтѣ (ст. 6); ואזבחה באהלו זבחי תרועה אשירה ואזמרה לה׳ „Я жертвы радости буду приносить Господу, я буду воспѣвать и прославлять Его.“ Такое же желаніе выражено и въ псалмѣ XXIII,6: ושבתי בבית ה׳ לארך ימים, гдѣ ושבתי ошибочно поставлено вмѣсто ישבתי:. Такимъ образомъ למודי ה׳, „ученики Бога“, и ישבים לפני ה׳ „пребывающіе въ храмѣ“ тождественны. Остается, однако, доказать, что такіе „ученики Бога“ группировались вокругъ Іешаи.

Ст. Іешаи XXIX, 22-23 לא עתה יבוש יעקב ולא עתה פניו יחורו כי בראתו ילדיו מעשה ידי בקרבו יקדישו שמי והקדישו את קדוש יעקב ואת אלהי ישראל יעריצו всегда считался темнымъ. Эвальдъ, напримѣръ, совершенно его не понявъ, находилъ, что изъ него необходимо выбросить слово ילדיו, на томъ ничѣмъ не доказанномъ основаніи, что оно будто бы попало въ стихъ по недоразумѣнію. Слово это имѣется ,однако, во всѣхъ безъ исключенія старыхъ версіяхъ, и мы должны поэтому его сохранить и постараться уяснить. Мы и думаемъ, что если его правильно понять, то окажется, что оно-то и составляетъ центръ стиха. Яковъ, какъ народъ, несмотря на всѣ свои заблужденія и пороки, не будетъ посрамленъ и „не поблѣднѣетъ въ лицѣ“, „Ибо, когда онъ въ своей средѣ увидитъ своихъ дѣтей—дѣло рукъ Моихъ, Мое созданіе—увидитъ, что они (эти дѣти) чтутъ имя Мое, то и онъ (Яковъ) станетъ чтить Бога Іакова и Израиля“. Смыслъ стиха такимъ образомъ совершенно ясенъ: „народъ поставитъ себѣ въ примѣръ своихъ дѣтей. Слова מעשה ידי составляютъ такъ называемое „приложеніе“ къ ילדיו : дѣти, чтущіе Господа, являются его „дѣломъ“. Это послѣднее выраженіе пророки примѣняютъ не только къ вещамъ, но и къ людямъ. Ср. напримѣръ у того же Іешаи LX, 21 ועמך כלם צדיקים . . . מעשה ידי להתפאר . Слово בקרבו относится къ Іакову въ един. числѣ, такъ что стихъ слѣдуетъ читать: כי בראתו בקרבו ילדיו מעשה ידי. Во второмъ же полустихѣ „Яковъ“ въ значеніи народа поставленъ въ множ. числѣ, такъ какъ собирательныя имена употребляются то въ одномъ, то въ другомъ числѣ. Смыслъ стиха, слѣдовательно, таковъ: народъ приметъ за образецъ вышедшихъ изъ его среды, или въ его средѣ живущихъ „дѣтей“, онъ *подобно имъ*, будетъ чтить и прославлять одного Іегову. Эти дѣти должны служить примѣромъ. Замѣтимъ тутъ же, что рѣчь идетъ не о дѣтяхъ пророка, а о сынахъ Якова, всего народа Израильскаго. Эти же „дѣти“, въ то же время называемые „дѣломъ Божьимъ“, могутъ быть отождествляемы только съ „учениками Божьими“, Подъ ними слѣдуетъ понимать юношей, которые

не мирились съ современными нравами и стремились къ чистой, праведной жизни. Эти юноши—мы не упускаемъ изъ виду нашей основной мысли—должны были, по мысли Іешаи, служить примѣромъ и образцомъ для своихъ отцовъ.

Мы можемъ теперь пойти дальше. Въ другомъ мѣстѣ (VIII,18) Іешая о тѣхъ же „ученикахъ Господнихъ" говоритъ „Я и дѣти, данные мнѣ Господомъ, служимъ знаменіями и примѣрами („ הנה אנכי והילדים אשר נתן לי ה' לאותות ולמופתים ") во Израилѣ". Уже старые комментаторы правильно считали этихъ „дѣтей" учениками Іешаи. Слово ילדי въ самомъ дѣлѣ нельзя иначе понимать. Ибо, если-бы пророкъ имѣлъ здѣсь въ виду своихъ собственныхъ дѣтей, какъ другіе комментаторы думаютъ, то онъ поставилъ бы мѣстоименіе и сказалъ бы ילדי. Іешая не могъ къ тому же сказать о своихъ родныхъ дѣтяхъ—во множественномъ числѣ—что ихъ имена должны служить пророческимъ предзнаменованіемъ для будущихъ поколѣній. Ибо у него былъ лишь одинъ сынъ, носившій символическое имя שאר ישוב. Имя другого его сына מהר שלל חש בז имѣло лишь преходящее значеніе и означало, что добыча Рецина и Пекаха вскорѣ достанется врагу. О такомъ эфемерномъ имени Іешая не могъ сказать, что оно будетъ служить предуказаніемъ на будущее Израиля. Что же касается Иммануэля, то онъ былъ сыномъ не Іешаи, какъ это ошибочно допускали старые экзегеты, а его עלמה. У пророка былъ такимъ образомъ только одинъ сынъ, объ имени котораго можно было сказать, что оно символизируетъ будущее народа, а именно Шеаръ-Іашувъ. Когда Іешая говоритъ о „дѣтяхъ" онъ, слѣдовательно, не можетъ имѣть въ виду своихъ собственныхъ сыновей.

Если обратить должное вниманіе на удвоеніе пророкомъ выраженія לאותות ולמופתים, то станетъ ясно, что оно у него имѣетъ глубокій смыслъ. Иммануэль долженъ былъ служить Ахазу лишь „знакомъ" того, что если печальное предсказаніе пророка исполнится, то это будетъ служить порукой въ томъ, что и возвѣщенное пророкомъ спасеніе также наступитъ (7,11.14 и дд). Наоборотъ, шествованіе пророка по улицамъ Іерусалима нагимъ и босымъ самъ Іешая называетъ (XX, 3-4) אות ומופת. „Знакомъ", порукой въ чемъ нибудь этого считать невозможно,—это просто предуказаніе и наглядный примѣръ. Какъ Іешая ходилъ по городу голымъ и босымъ, такъ точно ассирійскій царь отправитъ въ ссылку голыми и босыми плѣнныхъ жителей Египта и Эѳіопіи. Слово מופת у Іешаи означаетъ такимъ образомъ предуказующій примѣръ. Въ этомъ значеніи его употребляетъ и Іехезкель (XII, 6. 11). מופת נתתיך לבית ישראל „Я для васъ

служу примѣромъ: то, что я сдѣлалъ, будетъ сдѣлано и вамъ". Точно также и т. же въ ст. XXIV,24: והיה יחזקאל לכם למופת ככל אשר עשה תעשו,—„Что онъ сдѣлалъ, то и вы будете дѣлать!" מופת употребляется также и въ значеніи высокаго примѣра, образца, идеала, которому другіе должны слѣдовать, какъ напримѣръ у Захаріи (XIII,8): אתה ורעיך הישבים לפניך כי אנשי מופת המה „ты и товарищи твои, служащіе народу образцами". Въ этомъ же смыслѣ слѣдуетъ понимать и вышеприведенный стихъ Іешаи: „Я и дѣти (или юноши), данные мнѣ Богомъ (въ товарищи), мы служимъ знаменіемъ и предуказующимъ примѣромъ отъ Господа Саваоѳа". Только потому, что Богъ далъ ему въ помощь этихъ товарищей, которые должны служить для народа образцомъ, Іешая надѣялся еще, что Господь, отвергнувшій тогда Іакова, המסתיר פניו מבית יעקב впослѣдствіи смилуется надъ нимъ и тогда наступятъ лучшія времена: возрожденіе народа будетъ, слѣдовательно, совершено этими примѣрными, образцовыми юношами. Это приблизительно тоже, что, какъ мы видѣли, говорится въ ст. XXIX, 22-23. И здѣсь и тамъ рѣчь идетъ объ однихъ и тѣхъ же ילדים, или что тоже למודים.

И такъ, эти „юноши" или למודים или "ученики" принадлежали къ кругу Іешаи. Господь ихъ ему далъ, т. е. пророкъ ихъ завербовалъ, воспиталъ и обучилъ. Онъ, слѣдовательно, основалъ школу,—изъ пѣвцовъ, левитовъ и другихъ молодыхъ людей, о которыхъ говорится, что они „сидѣли передъ Богомъ", т. е. въ храмѣ. Мы можемъ теперь пойти далѣе. Непосредственно передъ тѣмъ, какъ Іешая говоритъ объ этихъ благочестивыхъ юношахъ, онъ упоминаетъ и о „кроткихъ" и „бѣдныхъ", которые въ виду поворота къ лучшему, будутъ радоваться о Господѣ (XXIX, 19) ויספו ענוים בה' שמחה ואביוני אדם . . . יגילו. И говоритъ о тѣхъ и другихъ въ такой связи, что они должны быть отождествены. „Кроткіе" и „бѣдные" (Анавимъ)—это все тѣ же примѣрные юноши, которыхъ пророкъ называетъ „твореніемъ Божьимъ". Такимъ образомъ ученики Іешаи называются также „кроткими" и „страждущими". Эти обозначенія—не пустыя слова: подъ ними подразумѣваются высокія добродѣтели. ענוה, „кротость", прославляется пророками въ такой же мѣрѣ, какъ справедливость и вѣрность. ענוים въ то же время характеризуется какъ אביונים, или еще сильнѣе, какъ אביוני אדם, „бѣднѣйшіе среди людей". Этимъ „кроткимъ" Іешая придавалъ огромное значеніе: онъ видѣлъ въ нихъ „ядро" Израиля, единственную надежду на спасеніе народа, которое только ради нихъ и придетъ. Въ рѣчи, сказанной послѣ

смерти Ахаза, Іешая говоритъ (**14**, 28, 32) главнымъ образомъ о двухъ будущихъ событіяхъ,—о томъ, что филистимская земля будетъ опустошена и что „бѣдные" процвѣтутъ. Важенъ въ особенности послѣдній стихъ: ומה יענה מלאכי גוי כי יהוה יסד ציון ובה יחסו עניי עמו : посламъ народовъ, по совѣту Іешаи, царь или его правители должны отвѣчать, что Богъ, основавшій Сіонъ, будетъ его защищать, и бѣдные Его народа найдутъ въ немъ своего Покровителя. Особое вниманіе здѣсь удѣляется такимъ образомъ „бѣднымъ народа"—עניי עמו : только они найдутъ защиту въ Сіонѣ. Ту же мысль пророкъ высказываетъ и въ ст. **4**, 3: тѣ, которые будутъ оставлены въ Сіонѣ, будутъ называться святыми и, наоборотъ, всѣ тѣ, которымъ свыше суждено спастись, соберутся въ Іерусалимѣ. Святой градъ будетъ охранять святыхъ. Эти „святые" тождественны съ עניי עמך , съ „Бѣдными Божьяго народа", т. е. съ ענוים . Въ другомъ пророчествѣ своемъ, относящемся къ времени Хизкіи (гл. 10-11), Іешая также придаетъ весьма важное значеніе этимъ ענוי ארץ (**11**, 4), какъ и въ псалмѣ 72. „Кроткіе" называются у пророковъ и псалмопѣвцевъ еще „Божьимъ народомъ". Отсюда и параллелизмъ въ пс. **72**, 2 ידין עמך בצדק ועניך במשפט ибо эти „Анавимъ", „Кроткіе", „Бѣдные", или „Страждущіе" были по преимуществу „Ищущими Бога" (пс. **22**, 27): יאכלו ענוים וישבעו והללו ה׳ דרשיו (пс. **69**, 33): ראו ענוים ישמחו דרשי אלהים. Они же тождественны съ „Благочестивыми" и „Идущими прямымъ путемъ" (пс. **32**, 11): שמחו בה׳ וגילו צדיקים והרנינו כל ישרי לב и съ тѣми, которые исполняютъ Божьи законы (Цефанія **2**, 3): בקשו את ה׳ כל ענוי הארץ אשר משפטו פעלו. Они назывались также „уповающими на Бога" החסים בו или חוסי בו и прямо „святыми" (пс. **34**, 10): יראו את ה׳ קדשיו כי אין מחסור ליראיו . На этихъ דלים, אביונים, ענוים пророки и псалмопѣвцы смотрѣли какъ на ядро, сердце народа, какъ на группу людей, которая одна только и составляла настоящій Божій народъ, ради котораго въ будущемъ должны были произойти чудесныя событія и полный переворотъ. Этотъ классъ уповающихъ на Бога и ищущихъ Его сохранился до самаго изгнанія, въ видѣ отдѣльной общины. Когда пророки изгнанія возвѣщали освобожденіе и возвращеніе на родину, а псалмопѣвцы объ этомъ пѣли, то они всегда прибавляли, что этотъ чудесный переворотъ Господь произведетъ въ пользу Анавимъ. Что послѣдніе дѣйствительно составляли отдѣльную общину, на это въ источникахъ имѣются прямыя указанія. Такъ въ пс. **89**, 6 есть выраженіе קהל קדשים, „собраніе святыхъ".

Это выраженіе отнюдь не относится къ ангеламъ на небѣ, а къ „Благочестивымъ“, какъ въ пс. 34 и въ Второзаконіи **33**, 3. Смыслъ стиха таковъ: „Небеса прославляютъ чудеса Твои и Твою вѣрность (которую Ты проявляешь) въ собраніи святыхъ“. Такъ же точно слѣдуетъ понимать и ст. 8 того же псалма אל נערץ בסוד קדושים רבה — „Господь будетъ почитаемъ въ большомъ собраніи святыхъ“. Объ ангелахъ въ этихъ мѣстахъ совсѣмъ не можетъ быть рѣчи. Параллель къ этому даетъ пс. **111**, 1: בסוד ישרים ועדה. Здѣсь совершенно ясно говорится о собраніи или совѣтѣ общины „идущихъ прямымъ путемъ“, т. е. Благочестивыхъ, Анавимъ, Святыхъ. Но если праведники были объединены въ союзъ, то это необходимо должна была сдѣлать какая нибудь выдающаяся личность, а таковою могъ быть только пророкъ. А такъ какъ—мы это выше доказали—пророкъ Іешая сгруппировалъ вокругъ себя учениковъ למודים, или юношей ילדים, на которыхъ покоились его надежды, что они станутъ для дома Якова образцомъ, то мы имѣемъ полное право придти къ заключенію, что именно Іешая, а не другой пророкъ, основалъ союзъ Анавимъ. Учениками пророка, въ точномъ смыслѣ этого слова, они едва ли были, такъ какъ послѣ Амоса источники объ ученикахъ пророковъ вообще нигдѣ не упоминаютъ. Эти בני הנביאים принадлежали исключительно десятиколѣнному царству. Въ качествѣ учениковъ и послѣдователей Иліи и Элиши они соблюдали обычаи назиреевъ, какъ это видно изъ Амоса. У Анавимъ же назирейства не было и слѣда. Они представляли новую и самостоятельную организацію, чисто іудейскую, которая во всякомъ случаѣ имѣла нѣкоторое сходство съ школой молодыхъ пророковъ въ десятиколѣнномъ царствѣ, но въ главныхъ чертахъ была весьма далека отъ нея. Основателемъ этой общины былъ, какъ мы уже говорили, Іешая. Среди ея членовъ были, конечно, и левиты, имѣвшіе постоянное мѣстопребываніе въ храмѣ, гдѣ они пѣніемъ и игрою на струнныхъ инструментахъ славили Бога. Въ пользу этого свидѣтельствуетъ большое число псалмовъ, ибо кто же кромѣ нихъ могъ ихъ составить? При Хизкіи они играли большую роль, а во время вавилонскаго изгнанія они составляли такъ называемыхъ חרדים על דבר ה׳.

IV.

Тора. Кѣмъ, когда и какъ она была составлена.

Всестороннее историко-критическое освѣщеніе вопроса о составѣ и времени составленія Пятикнижія потребовало бы цѣлой книги; опроверженіе же всевозможныхъ псевдо-теорій или однихъ неосновательныхъ мнѣній, по этому вопросу высказанныхъ, потребовало бы цѣлыхъ томовъ. Историка библейской эпохи это обстоятельство ставитъ въ большое затрудненіе. Онъ никоимъ образомъ не долженъ обойти этого вопроса и въ то же время не можетъ трактовать его съ надлежащей обстоятельностью, если онъ не желаетъ, чтобы примѣчаніе, вродѣ настоящаго, разрослось въ цѣлый трактатъ. Освѣщая этотъ весьма важный вопросъ и попутно излагая свою точку зрѣнія, авторъ принужденъ поэтому ограничиться самымъ необходимымъ. Онъ не теряетъ, однако, надежды, что и въ настоящей сжатой замѣткѣ ему можетъ быть удастся очистить критическій аппаратъ къ Пятикнижію, въ настоящемъ его видѣ представляющій почти необозримое поле, отъ огромной массы его балласта и въ немногихъ словахъ дать надлежащую оцѣнку тѣмъ теоріямъ, формуламъ и гипотезамъ, которыя въ теченіе послѣдняго столѣтія были нагромождены учеными и которые неосвѣдомленныхъ людей весьма легко могутъ ввести въ заблужденіе. Для того, чтобы дать такимъ читателямъ возможность составить себѣ самостоятельное сужденіе о составѣ и времени составленія Торы, прежде всего необходимо разсмотрѣть въ генетическомъ порядкѣ упомянутыя гипотезы, такъ какъ всѣ ошибки и заблужденія, допускаемыя при трактованіи этого вопроса, происхожденіе свое ведутъ отъ старыхъ, давно выставленныхъ и до сихъ поръ принимаемыхъ на вѣру quasi-теорій.

Первый, выразившій сомнѣніе въ цѣлости Пятикнижія, былъ не богословъ и не историкъ, а еврейскій врачъ при одномъ мавританско-испанскомъ дворѣ, Исаакъ Ибнъ-Кастаръ Бенъ Яшушъ (ум. 1056), извѣстный подъ именемъ *Ицхаки*. Правда, до него еще Іеронимъ называлъ Эзру „Instaurator Pentateuchi", но онъ этимъ отнюдь не думалъ выставлять новую теорію о происхожденіи Пятикнижія, а просто передалъ мнѣніе своихъ еврейскихъ учителей, о томъ, что Эзра, распространявшій Тору, въ тоже время былъ и ея реставраторомъ. Ицхаки же, наоборотъ, прямо заявилъ, что разсказъ о царяхъ Эдома (Бытіе **36**, 30 и дд,) былъ

включенъ въ Пятикнижіе только при Іосафатѣ. Ибнъ-Эзра впослѣдствіи сильно возставалъ противъ этого мнѣнія, но самъ, какъ извѣстно, высказалъ по данному вопросу еще болѣе рискованное предположеніе. Ему кажется, что не все Пятикнижіе принадлежитъ Моисею, во первыхъ потому, что во всѣхъ четырехъ книгахъ Торы—кромѣ Второзаконія—Моисей говоритъ о себѣ въ третьемъ лицѣ, во вторыхъ потому, что въ нихъ говорится объ оставшихся еще въ странѣ ханаанейцахъ, и въ третьихъ потому, что въ нихъ имѣются намеки на гору Морію, на которой впослѣдствіи стоялъ храмъ. Критическія указанія Ибнъ-Эзры послужили, какъ извѣстно, *Спинозѣ* исходной точкой для его гипотезы о томъ, что настоящимъ авторомъ Второзаконія, какъ и остальныхъ четырехъ книгъ Торы, былъ никто иной какъ Эзра. Послѣдній, по мнѣнію Спинозы, написалъ сначала Второзаконіе, а затѣмъ и другія четыре книги, но смерть помѣшала ему ихъ закончить и этимъ объясняются тѣ пробѣлы и противорѣчія, какія замѣчаются въ текстѣ Четверокнижія. Спиноза безспорно первоклассный корифей въ области философіи, но въ исторіи и исторической критикѣ онъ былъ также слабъ, какъ и всѣ его современники. Однако, при всей абсурдности этой гипотезы, она въ свое время нашла большое число сторонниковъ. Одинъ столь же мало освѣдомленный диллетантъ, которому вздумалось выступить противъ Спинозы и доказать историческую достовѣрность Книги Бытія, еще болѣе запуталъ вопросъ. То былъ французскій врачъ *Жанъ Астрюкъ* (ум. 1766), авторъ трактата „Conjectures sur les mémoires originaux, dont il paroit, que Moyse·s'est servi pour composer les livres de Genése (Bruxelles 1753)". Для того, чтобы объяснить и примирить противорѣчія, будто бы встрѣчающіяся въ Книгѣ Бытія, Астрюкъ, исходя изъ того, что въ этой книгѣ имя Бога обозначается то словомъ אלהים, то словомъ יהוה, допустилъ существованіе двухъ главныхъ текстовъ-источниковъ исторіи до-моисеевой эпохи, которые неизвѣстно какимъ образомъ слились въ одинъ. Первый источникъ (А) излагаетъ исторію названной эпохи, употребляя Elohim, а второй (В) въ изложеніи той же исторіи, только кое гдѣ измѣненной, употребляетъ имя Ihwh. Сверхъ этихъ двухъ главныхъ Астрюкъ допускаетъ еще существованіе многихъ второстепенныхъ и небольшихъ текстовъ, вплетенныхъ въ книгу Бытія. Такими второстепенными источниками онъ считаетъ разсказы о Кедарлаомерѣ въ 14 главѣ, о Лотѣ и Авраамѣ, о Лотѣ и его дочеряхъ (**19**, 29-38), о потомствѣ Нахора (**22**, 20-24), о

потомкахъ Измаила (25, 12-18) и еще нѣкоторые другіе. Разсказъ о потопѣ, по мнѣнію этого врача, составленъ по тремъ источникамъ: 7, 19 принадлежитъ къ источнику А, ст. 21 къ В, ст. 20 къ С, ст. 22 опять къ А, ст. 23 къ С, стихъ же 24 будто бы фигурировалъ во всѣхъ трехъ источникахъ. Эта удивительная гипотеза была принята съ шумнымъ одобреніемъ экзегетами-раціоналистами и въ протестантскихъ богословскихъ кругахъ считалась настолько непогрѣшимой, что подъ ея вліяніе подпали даже комментаторы-спиритуалисты. Астрюкъ съумѣлъ соблюсти чувство мѣры настолько, что свою теорію о различіи элогистскаго и іеговистскаго текстовъ Книги Бытія распространилъ лишь на однѣ первыя главы Книги Исхода, такъ какъ частая смѣна двухъ именъ Бога здѣсь бросается въ глаза. Послѣдующіе же экзегеты пошли дальше его и примѣнили его гипотезу и къ тремъ остальнымъ книгамъ Торы. Нѣкоторые изъ нихъ считали смѣну именъ столь надежнымъ критеріемъ, что они и въ псалмахъ стали различать элогистскія и іеговистскія части. Но такъ какъ съ теченіемъ времени этотъ критерій все таки оказался недостаточнымъ для установленія наличности двухъ текстовъ во всемъ Четверокнижіи (почти всѣ экзегеты исключили изъ этой гипотезы Второзаконіе), то послѣдователи Астрюка стали искать вспомогательныхъ критеріевъ. Въ особенностяхъ стиля и языка Торы они думали найти доказательство различнаго происхожденія ея текстовъ, и на этомъ основаніи считали себя вправѣ раздроблять тѣсно связанныя между собою части, приписывать ихъ разнымъ авторамъ или редакторамъ и разносить ихъ по разнымъ эпохамъ. Но такъ какъ текстъ вопіялъ противъ такихъ насилій, то упрямые толкователи, вмѣсто того, чтобы усумниться въ основательности своихъ операцій, стали еще болѣе дробить библію. Одни довольствовались раздѣленіемъ Пятикнижія на три части, а именно: на основной текстъ, іеговистскій, и еще третью, дополнительную, „обработанную“ часть, при чемъ это дополненіе или обработку нѣкоторыя стали называть „вторымъ элогистскимъ текстомъ“. Безъ всякихъ критическихъ основаній иные для чего то пожаловали этимъ тремъ частямъ новыя названія: анналистской (лѣтописной), теократической (религіозной) и пророческой. Другіе въ своей страсти къ дробленію пошли еще дальше, какъ напримѣръ Эвальдъ и Кнобель, которымъ, однако, не удалось согласиться другъ съ другомъ. Насъ завело бы слишкомъ далеко, если бы мы вздумали здѣсь перечислять всѣ тѣ, совершенно произвольныя догадки и фантастическія

„теоріи“, къ которымъ подала поводъ гипотеза Астрюка[1]); скажемъ лишь, что это стремленіе во что бы то ни стало разбивать Тору на многочисленныя клѣточки, у толкователей библіи—которымъ имя легіонъ—превратилось въ какую то манію, если не во что либо худшее еще. Нѣтъ такихъ двухъ задающихъ тонъ экзегетовъ или критиковъ, которые, исходя изъ одной и той же теоріи, были бы согласны между собою на счетъ отнесенія какой-либо главы къ одному или другому „источнику“ и на счетъ времени ея составленія. Иные толкователи сами должны были признать несостоятельность своихъ прежде высказанныхъ положеній и замѣнили ихъ другими, столь же несостоятельными. Не даромъ Мерксъ называетъ гипотезу Астрюка „роковой“.

Поверхностнаго знанія еврейскаго языка совершенно достаточно для того, чтобы не безъ успѣха оперировать въ области библейской критики, чтобы въ одномъ мѣстѣ ампутировать какой нибудь членъ, а въ другомъ вырѣзать совершенно здоровый органъ—ибо безъ подобныхъ насильственныхъ операцій „школа“, о которой идетъ рѣчь, ровно ничего не можетъ сдѣлать—и увѣрить затѣмъ себя и другихъ, что съ помощью увѣчій созданъ организмъ, имѣющій руки и ноги. Въ Торѣ, а именно въ трехъ послѣднихъ книгахъ Четверокнижія, составляющихъ законченное цѣлое, имѣются обширныя чисто-законодательныя части, происхожденіе которыхъ никоимъ образомъ не можетъ быть объяснено искусственными теоріями элогизма, іеговизма и девтеро-элогизма. При внимательномъ разсмотрѣніи оказывается, что эти законы составляютъ ядро, квинтъ-эссенцію всего Пятикнижія, его самая существенная часть, историческая же часть составляетъ лишь придатокъ, наглядную иллюстрацію къ нимъ, фактическое подтвержденіе важности и спасительности ихъ. Притомъ обѣ части, лѣтописная и законодательная, такъ связаны и переплетены между собою, что составляютъ одно нераздѣльное цѣлое, преслѣдующее однѣ и тѣ же поучительныя, религіозно-нравственныя цѣли. Вопросъ объ авторахъ и редакторахъ Пятикнижія не имѣетъ поэтому существеннаго значенія. Объ этомъ вопросѣ мы, впрочемъ, обстоятельнѣе поговоримъ еще ниже. Сейчасъ же мы прежде всего желаемъ показать, что элогистско-іеговистская теорія есть

[1]) Интересующіеся этимъ вопросомъ могутъ довольно детально познакомиться съ нимъ у Кейля -Lehrbuch der historisch-kritischen Einleitung in das alte Testament (3 Aufl.)

ничто иное, какъ плохая выдумка, не заслуживающая названія научной гипотезы.

Мы приведемъ сейчасъ изъ Книгъ Бытія и Исхода рядъ стиховъ, въ которыхъ главнымъ образомъ фигурируетъ имя Іегова, но имѣется и имя Элогимъ, и наоборотъ,—чтобы такимъ путемъ наглядно показать, что теорія Астрюка и его послѣдователей построена на пескѣ. Въ гл. 4 Богъ десять разъ названъ יהוה, но въ 25 ст. сказано כי שת-לי אלהים; 16 ст. 7 главы гласитъ: ברוך ה׳ אלהי שם ... יפת אלהים. 26-27 ст. 9 гл.: צוה אתו אלהים ויסגר יהוה בעדו. Съ другой стороны, гл. 17 какъ будто вся элогистская, а между тѣмъ въ первомъ же стихѣ говорится וירא ה׳ אל אברם; въ **28**, 20-21 въ одной и той же молитвѣ сказано אם יהיה אלהים עמדי ... והיה ה׳ לי לאלהים; гл. 30 также вся элогистская, но въ ст. 24 говорится יסף ה׳ לי בן אחר, и точно также въ слѣдующей 31 гл., посреди элогистской части, въ ст. 49 יצף ה׳. Въ Исходѣ, въ прекрасномъ и законченномъ разсказѣ о первомъ откровеніи Моисею въ третьей гл. въ 15 стихахъ 7 разъ фигурируетъ אלהים и столько же разъ יהוה, а въ четвертомъ стихѣ, рядомъ וירא ה׳ ... ויקרא אליו אלהים. Т. же въ ст. **6**, 3, и также подрядъ: וידבר אלהים ... אני ה״. А затѣмъ гл. **20**, заповѣди, начинается словами: וידבר אלהים את כל הדברים האלה ... אנכי ה״ אלהיך. Самыя искусныя ухищренія гг. элогистовъ и іеговистовъ безсильны противъ этихъ фактовъ. Точно самъ авторъ Книги Исхода хотѣлъ показать всю нелѣпость этой теоріи о двухъ текстахъ: онъ какъ бы нарочито употребляетъ מלאך אלהים какъ разъ въ такъ называемой „іеговистской“ главѣ (**14**, 19), между тѣмъ какъ въ другихъ мѣстахъ всегда говорится מלאך ה׳, даже въ „элогистскихъ“ частяхъ, какъ напримѣръ въ Бытіи **22**, 11. Чтобы убѣдиться въ томъ, до какихъ курьезовъ послѣдователи Астрюка доходятъ въ своихъ безсильныхъ потугахъ доказать многоразличность происхожденія Торы, стоитъ заглянуть въ таблицы Ветте-Шрадера. („Lehrbuch der Einleitung in das alte Testament“, стр. 274 и дд., 280 и дд., 289 и дд.). Яркій примѣръ произвола этихъ „комментаторовъ“ даетъ 1-9 ст, **12** гл. Бытія. Тора въ этомъ мѣстѣ характеризуетъ богобоязненность и миролюбіе Авраама и разсказываетъ, что онъ, слѣдуя внушенію Бога, переселился въ Ханаанъ, не зная даже его имени; не смотря на то, что эта страна, была ему вся обѣщана въ собственность, онъ не остался въ плодородной области Сихема, такъ какъ она уже до него была занята хананейцами; не желая вступить съ послѣдними въ борьбу, онъ перекочевалъ въ безплодную, но ни-

кѣмъ не занятую мѣстность между Бетелемъ и Аи. Вотъ этотъ-то связный и цѣльный разсказъ Ветте-Шрадеръ разбиваетъ на мелкіе кусочки и доказываетъ, что они принадлежатъ тремъ различнымъ авторамъ. Ст. 1-4 а имѣетъ, по его мнѣнію, авторомъ какого-то „пророка-іеговиста", второй полустихъ 4 и ст. 5 принадлежитъ „анналисту", или къ „основному элогистскому тексту", начало ст. 6 есть произведеніе „теократическаго" разсказчика, или „второго элогиста", а конецъ его והכנעני אז בארץ , составляющій центръ всего разсказа, есть будто-бы прибавка іеговиста. Ст. 8 въ свою очередь разбивается на три крошечныя части. И такого рода манипуляціи Ветте-Шрадеръ и другіе продѣлываютъ надъ всей Книгой Бытія, Исхода, Чиселъ и даже Второзаконія. Это не критика, а безсмысленный и никому ненужный произволъ.

Эйлеръ въ своей Theologie des Alten Testaments (1873-1875) снесъ до послѣдняго камня фундаментъ, на которомъ была построена эта гипотеза о двухъ или трехъ источникахъ Торы и, такъ сказать, повернулъ остріе копья, такъ что всѣ доказательства въ пользу этой теоріи оказались доказательствами противъ нея. Изъ того факта, что ст. 2,4 и дд. Бытія, какъ будто подводитъ итогъ предыдущему разсказу אלה תולדות השמים והארץ בהבראם и въ то же время служитъ какъ бы введеніемъ къ новому разсказу, въ которомъ вмѣсто прежняго אלהים всюду фигурируетъ יהוה אלהים ,—изъ этого факта Астрюкъ поторопился сдѣлать выводъ, будто съ ст. 4 начинается новый текстъ, отличительный признакъ котораго—въ новомъ, двойномъ названіи Бога. А комментаторы и изагогисты, за немногими исключеніями, принялись хоромъ вторить ему. Эйлеръ (op. cit I. 77. Прим. 3) по этому поводу замѣчаетъ: „Еслибы ст. 2, 4-9 дѣйствительно представляли новый и независимый отъ предыдущаго разсказъ о сотвореніи міра, то авторъ, конечно, началъ бы его съ сотворенія неба и земли, т. е. съ начала, а не съ созданія человѣка, т. е. съ конца. Но въ томъ-то и дѣло, что этотъ quasi-второй разсказъ представляетъ просто продолженіе перваго. Что же касается словъ . . . אלה תולדות השמים והארץ, то для меня совершенно ясно, что они относятся къ предыдущему, а не къ послѣдующему". Эйлеръ далѣе весьма убѣдительно доказываетъ, что второй разсказъ вполнѣ гармонируетъ съ первымъ, что оба они составляютъ одно цѣлое и безъ всякаго сомнѣнія принадлежатъ одному и тому же автору. Что же касается до связи стиха אלה תולדות съ послѣдующимъ разсказомъ, то Эйлеръ ея почему-то

не доказалъ. Между тѣмъ путемъ параллелей не трудно убѣдительнѣйшимъ образомъ доказать, что мѣстоименіе אלה всегда служитъ связью; ибо если хотятъ указать на то, что два одинъ за другимъ слѣдующихъ разсказа разнаго содержанія не имѣютъ между собою связи, то всегда ставится ואלה, а не אלה. Такъ въ гл. 10 Бытія самостоятельный разсказъ начинается словами ואלה תולדת בני נח и заключается въ ст. 31 словами: אלה בני שם, и въ ст. 32: אלה משפחת בני נח. Т. же въ гл. 25, ст. 7, 12, 19 три самостоятельные разсказа, не имѣющіе между собою связи, всѣ начинаются словомъ ואלה, а именно ст. 7, о кончинѣ Авраама, начинается словами ואלה ימי שני חיי אברהם, ст. 12, о родословіи Измаила; ואלה תלדת ישמעאל, и, наконецъ, о родословіи Исаака, ст. 19: ואלה תולדת יצחק בן אברהם. Далѣе гл. 36 начинается перечисленіемъ потомковъ Исава,—ничего общаго не имѣющимъ съ изложеннымъ въ предыдущей главѣ разсказомъ о Яковѣ—словами ואלה תלדות עשו. Эта часть Книги Бытія вообще весьма поучительна въ смыслѣ различнаго употребленія слова אלה, съ ו или безъ соединительнаго ו, ибо здѣсь это мѣстоименіе часто мѣняется, и всегда אלה оказывается заключительнымъ словомъ. Столь же назидательно въ этомъ отношеніи мѣсто **46**, 8 и дд. начинающееся словами ואלה שמות בני ישראל и заканчивающееся въ ст. 15. אלה בני לאה, а также и ст. 25 אלה בני בלהה. Начало Книги Исхода, гдѣ излагается исторія совершенно новой эпохи, начинается словами ואלה שמות בני ישראל. Интересно еще мѣсто Исхода **6**, 14 и дд. Стихъ начинается словами אלה ראשי בית אבתם, относящимся къ Моисею и Арону, т. е. къ предыдущему, и, слѣдовательно, служащими заключеніемъ къ нему. Въ такомъ же заключительномъ значеніи אלה употреблено въ концѣ того же 14 стиха, אלה משפחת ראובן, и въ 15 в: אלה משפחת שמעון. Въ той же главѣ ואלה שמות בני לוי въ ст. 16 составляютъ вступленіе, а אלה משפחת הלוי въ ст. 19в—заключеніе. Ср. еще Исходъ гл. 21 ואלה המשפטים. Числа **2**, 32 и **3**, 1; **4**, 37. 45; **13**, 16; **26**, 7. 14. 18 и дд., 51. Всюду и вездѣ мѣстоименіе אלה является формулой, заключающей, заканчивающей какой нибудь разсказъ или описаніе, и указывающей на то, что въ дальнѣйшемъ идетъ рѣчь о другомъ. Такимъ образомъ замѣчаніе Эйлера о томъ, что ст. **2**, 4 Бытія относится къ предыдущему разсказу, неопровержимо вѣрно. Первая глава разсказа о сотвореніи міра заканчивается, слѣдовательно, такъ: ויכלו השמים והארץ ... וישבת ביום השביעי ... ויברך אלהים...כי בו שבת... אשר ברא אלהים לעשות, אלה תולדות השמים והארץ ... ביום

עשות ה" אלהים. Въ одномъ и томъ же мѣстѣ мы здѣсь имѣемъ и ה' אלהים и אלהים: все зданіе элогизма и іеговизма распадается такимъ образомъ, какъ карточный домикъ. Замѣчательно, что двойное имя ה' אלהים встрѣчается только во 2 и 3 главахъ Бытія,—уже въ слѣдующей 4 главѣ его нѣтъ: ясно, что авторъ употребляетъ его намѣренно. Съ какой именно цѣлью онъ это дѣлалъ, намъ неизвѣстно, но не подлежитъ сомнѣнію, что въ этой смѣнѣ именъ лежитъ своя система и что авторъ Торы нарочито употребляетъ въ началѣ Бытія и Исхода אלהים, въ одной части первой Книги ה' אלהים, а затѣмъ то одно אלהים, то одно יהוה.

Приверженцы теоріи о различныхъ текстахъ Торы ссылаются, однако, не только на различныя названія Бога, но и на мнимыя различія въ стилѣ этихъ текстовъ вообще. Эту вторую и не менѣе хрупкую подпорку гипотезы Астрюка, съ которой его ученые послѣдователи носятся, какъ съ великимъ открытіемъ и неопровержимымъ аргументомъ, вышеупомянутый Кейль превратилъ въ пухъ и прахъ. „Всѣхъ выраженій, — говоритъ онъ на 153 стр. своего трактата, — на которыхъ элогисты и іеговисты ссылаются въ подтвержденіе своей гипотезы, оказывается ровнымъ счетомъ три: ארם נהרים, הקים ברית и הוליד, вмѣсто которыхъ „іеговистскій" текстъ будто бы употребляетъ другія, а именно: פדן ארם, כרת ברית и "ילד". Кейль основательно замѣчаетъ, что ארם נהרים нисколько не соотвѣтствуетъ פדן ארם, ибо первымъ обозначалась вся Мессопотамія, тогда какъ второе было названіемъ только одного округа этой страны, области Харана. Тотъ же Кейль не съ достаточной рѣшительностью, однако, разоблачилъ невѣжество, съ которымъ эти quasi-ученые отождествляютъ כרת ברית съ הקים ברית. Первое выраженіе употребляется лишь тогда, когда рѣчь идетъ о союзѣ особенно важномъ, торжественномъ и закрѣпляемомъ какимъ либо символическимъ обрядомъ, второе же означаетъ союзъ обыкновенный, договоръ, обѣщаніе или *обѣтованіе*. Кейль напрасно также не опровергнулъ аргумента о мнимомъ тождествѣ ילד и הוליד. Perfectum этого глагола употребляется безразлично и о мужчинѣ и о женщинѣ и означаетъ, слѣдовательно „произвелъ (а) на свѣтъ"; Imperfectum же съ ו или аористъ употребляется относительно однѣхъ лишь женщинъ. Слѣдовательно, если глаголъ употребляется въ этомъ времени, то въ формѣ Hiphil обязательно нужно сказать ויולד. Такимъ образомъ отпадаетъ и этотъ аргументъ. О прочихъ же, болѣе мелкихъ доказательствахъ, выдвинутыхъ въ пользу своей

теоріи сторонниками Астрюка, мы говорить не станемъ: всѣ они основательнѣйшимъ образомъ опровергнуты Кейлемъ и Штракомъ.

Послѣ всего сказаннаго не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что Книга Бытія и связанныя съ нею историческія части Книги Исхода представляютъ однородное и цѣльное произведеніе, написанное *однимъ* авторомъ. Тѣ, которые для чего-то находятъ нужнымъ разбивать это произведеніе на нѣсколько текстовъ и разрѣзываютъ его на кусочки, не имѣютъ никакого понятія о литературныхъ произведеніяхъ вообще. А съ такими людьми всякій споръ совершенно безполезенъ. Даже де-Ветте не могъ не признать, что вся Книга Бытія и начало Исхода какъ бы изваяны изъ одного куска, или, какъ онъ неясно выразился, „напоминаютъ эпическое произведеніе". Комментаторы, о которыхъ идетъ рѣчь, признаютъ также, что Тора преслѣдуетъ дидактическія цѣли, что авторъ ея, — или авторы, какъ они думаютъ,—имѣлъ въ виду не литературно-художественныя цѣли, а исключительно религіозно-нравственныя. Именно въ этихъ строго-поучительныхъ цѣляхъ разсказъ написанъ возвышеннымъ, а въ иныхъ мѣстахъ и прямо поэтическимъ языкомъ. Остается лишь выяснить, какое именно поученіе Тора желаетъ преподать. Выяснивъ ея основную тенденцію, мы тѣмъ самымъ докажемъ, что отдѣльные ея эпизоды находятся одинъ съ другимъ въ тѣсной связи. Ибо иные разсказы включены въ нее и извѣстнымъ образомъ сгруппированы между собою, очевидно, лишь для того, чтобы наиболѣе рельефнымъ образомъ выдвинуть эту основную мысль. Такъ привѣтливость и гостепріимство Авраама противопоставляются безсердечности жителей Содома (гл. 18-19); развращенность человѣческаго рода вообще характеризуется въ **6**, 1-7 для того, чтобы ею мотивировать исправленіе людей путемъ потопа: указаніе на то, что все человѣчество произошло отъ Адама и Ноя должно показать, что всѣ люди братья; яфетиты (арійцы)—братья семитовъ и могутъ „жить съ ними въ однихъ шатрахъ": въ этихъ словахъ Тора, очевидно, осуждаетъ расовую вражду; одни ханаанейцы-хамиты исключены изъ союза людей, но только—за свою нечестивость и противоестественный развратъ. Если вникнуть въ смыслъ каждаго отдѣльнаго разсказа Книги Бытія, то нетрудно убѣдиться, что каждый изъ нихъ помѣщенъ на своемъ мѣстѣ намѣренно и вполнѣ осмысленно, и что онъ находится въ неразрывной связи съ предшествующимъ и послѣдующимъ. Нитшъ

называлъ Книгу Бытія „Догматикой Закона", а Эйлеръ извлекъ изъ исторической части Пятикнижія теологію и догматику. Но съ гораздо бо̀льшимъ правомъ Тору можно назвать „Этикой". События въ ней, въ самомъ дѣлѣ, всегда изображаются не съ религіозной или юридической, а съ этической точки зрѣнія, которая сквозитъ въ каждой ея главѣ и формулирована въ цѣломъ рядѣ законовъ чисто-нравственнаго характера. Въ самомъ началѣ уже, въ стихѣ о сотвореніи животныхъ и растеній (**1**, 29) словами למינהו или למיניהם обращено особое вниманіе на то, что виды и роды не должны быть скрещиваемы: тутъ ясно имѣется въ виду отвратительный грѣхъ скотоложства, запрещенный затѣмъ особымъ закономъ (Левитъ, **18**, 23). Еще раньше, въ стихѣ **1**, 14, гдѣ говорится о сотвореніи небесныхъ свѣтилъ, точно указано ихъ назначеніе,—для того, чтобы израильтяне имъ не поклонялись. Въ разсказѣ о сотвореніи человѣка неоднократно указывается на то, что онъ „образъ и подобіе" самого Бога, для того, чтобы онъ дорожилъ своимъ ближнимъ и не проливалъ человѣческой крови (**9**, 5 и дд.).

Разсказъ о пребываніи первыхъ людей въ раю представляетъ не только высоко-художественное произведеніе, но и проникнутое высокой моральной идеей. Трудно въ болѣе простой и въ тоже время поэтической формѣ изобразить мысли о полномъ равенствѣ мужа и жены, объ этическомъ значеніи брака или точнѣе единобрачія. То, что кажется непристойнымъ въ этомъ разсказѣ—эпизодъ съ змѣей—перестаетъ быть таковымъ, если вспомнить, что и высоконравственные пророки прибѣгали къ той же аллегоріи. Видѣніе Михи (*Цари I* **22**, 19 и дд.) и прологъ къ Іову могутъ тому служить примѣрами. Какъ въ этихъ разсказахъ читатель ни на минуту не сомнѣвается, что онъ имѣетъ дѣло не съ дѣйствительными происшествіями, а съ притчами, точно такъ онъ понимаетъ, что разсказъ о райской землѣ, какъ и исторія съ валаамовой ослицей, представляютъ ничто иное какъ параболы, аллегоріи. Объ ослицѣ говорится, по крайней мѣрѣ, что Богъ далъ ей языкъ (Числа **22**, 28), о дарѣ же слова у змѣи въ разсказѣ ни словомъ не упомянуто, ибо авторъ его и въ виду не имѣлъ кого либо увѣрять, что эта искусительница дѣйствительно говорила. И если змѣю считать только тѣмъ, за что её Тора выдаетъ, т. е. за символъ, то разсказъ получаетъ глубокій этическій смыслъ. Змѣя—ничто иное, какъ воплощеніе хитрости, лукаваго мудрствованія: злое же начало или такъ на-

зываемый корень зла въ ней вовсе не олицетворенъ. Книга Бытія изображаетъ её просто софисткой. Первый грѣхъ—не наслѣдственный—былъ совершенъ первыми людьми изъ мудрствованія и высокомѣрнаго желанія считаться въ своихъ поступкахъ съ однимъ своимъ разумомъ, да съ своими вожделѣніями. Неразумная и неопытная на столько, что она не знала даже чувства стыдливости, первая человѣческая чета тѣмъ не менѣе пренебрегла велѣніемъ Божьимъ и захотѣла сама, по своему усмотрѣнію, рѣшить, что добро и что зло. Первородный грѣхъ характеризуется такимъ образомъ не столько, какъ ослушаніе, сколько какъ людское самомнѣніе, самонадѣянность. Кара, на эту чету наложенная, соразмѣрна совершенному ею грѣху и представлена, какъ чисто воспитательная мѣра. Человѣкъ путемъ опыта долженъ былъ убѣдиться, что онъ не вправѣ самъ рѣшать вопроса о томъ, что хорошо и что дурно, не вправѣ что либо дѣлать по своему усмотрѣнію, пренебрегая Божьими велѣніями и Его законами.

Въ разсказѣ о Каинѣ и Авелѣ представлены далѣе гибельныя послѣдствія перваго грѣха, но въ то же время и способность человѣка обуздать свои грѣховныя вожделѣнія (4, 7: ואתה תמשל בו); раскаяніе изображается, какъ средство примиряющее Бога съ человѣкомъ. Лемехъ, правнукъ Каина, взялъ себѣ въ жены двухъ женщинъ, тогда какъ его отецъ, дѣдъ и прадѣдъ имѣли только по одной. Отъ этихъ женъ Лемехъ имѣлъ трехъ сыновей: *Явала,* пастуха, *Ювала,* „отца всѣхъ игравшихъ на арфахъ и свирѣли“ и *Тузаль-Каина,* перваго кузнеца, и дочь *Нааму.* Буттманъ (Mythologus I, 163 и дд.) остроумно и убѣдительно объяснилъ истинное значеніе этихъ четырехъ именъ. Первыя два, Явала и Ювала, онъ отождествляетъ съ именемъ Аполлона, этимологически доказывая это тождество ссылкой на древнѣйшую форму греческаго имени бога солнца, Abelios, сохранившуюся въ староитальянскомъ Apello, происшедшемъ изъ Abello путемъ простой смѣны губныхъ. Явалъ и Ювалъ—сыновья одной матери. „Если кромѣ этого,—говоритъ Буттманъ,—обратить вниманіе на весьма близкое сходство этихъ именъ, то мы не можемъ не считать весьма вѣроятнымъ, что первоначально они оба составляли одно лицо. Греки точно также соединяли оба божества въ одно, то приписывая богу пастуховъ Пану изобрѣтеніе флейты, то превращая флейтиста Аполлона въ покровителя пастуховъ“. Цѣлымъ рядомъ примѣровъ Буттманъ доказываетъ, что въ миѳологіи часто одно лицо или одинъ типъ имѣетъ два имени. Такъ Inachos и Bacchos,

Ромулъ и Ремъ первоначально были однимъ божествомъ. Тотъ же ученый далѣе отождествляетъ библейскаго Тувалъ-Каина съ греческимъ Telchines, который по Діодору „изобрѣлъ много искусствъ“ и первый выдѣлывалъ идоловъ, а по Страбону первый сталъ обрабатывать желѣзо и мѣдь. „Въ библейскомъ Тувалкаинѣ—говоритъ далѣе тотъ же Буттманъ,—всякій гебраистъ, знакомый съ арамейскимъ языкомъ, легко узнаетъ искаженное имя, которое первоначально должно было звучать Twalkin или Twalkan, изъ чего болѣе мягкое греческое произношеніе въ одномъ случаѣ, путемъ опущенія первой согласной, сдѣлало Vulcan, а въ другомъ, выпустивъ вторую согласную,—Telchin“. Этотъ первоклассный авторитетъ въ области греческой этимологіи находитъ въ указанныхъ еврейскихъ и греческихъ именахъ большое сходство съ скандинавскимъ Dwalinn, названіемъ карликовъ или демоновъ, которые по сѣверной миѳологіи были величайшими мастерами въ искусствѣ изготовленія мечей и всякаго оружія вообще. Одинаковое значеніе и этимологическое тождество этихъ *четырехъ* именъ, — Тувалкаинъ, Двалиннъ, Телхинъ и Вулканъ,— исключаетъ, по мнѣнію Буттмана, всякую мысль о возможности здѣсь случайнаго созвучія. Съ своей стороны, мы въ пользу тождественности этихъ четырехъ именъ можемъ привести еще слѣдующее, не отмѣченное имъ обстоятельство. Сестра Тувалкаина названа въ Книгѣ Бытія Наамой. Эта Наама весьма близко напоминаетъ Афродиту или Венеру, греческую богиню красоты и любви. Эта богиня между тѣмъ была женой Вулкана (Гефеста), котораго „Иліада“ рисуетъ кузнецомъ съ могучими руками, работающимъ молотомъ и наковальней. Книга Бытія такимъ же изображаетъ и своего Тувалкаина: תובל קין לטש (אבי) כל חרש נחשת וברזל : „Тувалъ-Каинъ, кузнецъ, *отецъ* всѣхъ кующихъ орудія изъ мѣди и желѣза“; ибо слово אבי здѣсь должно быть вставлено, какъ въ двухъ предыдущихъ и параллельныхъ стихахъ: אבי כל תפש כנור ועוגב и אבי ישב אהל. Какъ остроумно Буттманъ ни проводитъ свою во всякомъ случаѣ весьма любопытную параллель между 4, 20-22 Книги Бытія и греческими миѳами, онъ, однако, ошибается, считая это мѣсто Библіи отголоскомъ древне-азіатской миѳологіи (стр. 169: „Іегова, верховный богъ, Явалъ или Ювалъ, богъ музыки и пастуховъ, Тувалкаинъ, богъ кузнецовъ должны соотвѣтствовать Jovis, Apollo и Vulcan'у“). Буттманъ ошибается въ этомъ потому, что Книга Бытія отнюдь не изображаетъ эти легендарныя существа, какъ боговъ, а лишь—какъ потомковъ братоубійцы

Каина, которые также распространяли зло на землѣ, какъ и онъ. Тувалкаинъ-Телхинъ или Вулканъ изобрѣлъ человѣкоубійственное орудіе, мечъ, которымъ Лемехъ убивалъ людей. Ювалъ изобрѣлъ не только арфу, но и עוגב или syrinx, ту „любовную флейту", которой Панъ зажигалъ въ людяхъ половую страсть. А развратная сестра ихъ Наама, библейская Венера или Уранія, покровительница свободной любви, была, въ качествѣ внучки Каина, такой же распространительницей зла и гибели на землѣ, какъ ея братья. Съ этой, и только съ этой точки зрѣнія Книга Бытія смотритъ на потомковъ братоубійцы Каина... И тутъ, значитъ, Тора остается вѣрна своимъ дидактическимъ цѣлямъ.

Эти же этическія цѣли лежатъ въ основаніи и слѣдующихъ разсказовъ. Потомство третьяго сына Адама и Евы также много грѣшило, какъ и родъ Каина, и только Ной „шествовалъ съ Богомъ", т. е. слѣдовалъ Его велѣніямъ и не полагался на свой разумъ. До него же семиты сильно грѣшили: чѣмъ больше они размножались, тѣмъ порочнѣе и нечестивѣе они становились; среди нихъ явились люди-исполины (נפילים, גברים), которые вели между собою непрерывныя братоубійственныя войны, угнетали слабыхъ, насильно похищая у нихъ, напримѣръ, ихъ дочерей. Много вѣковъ спустя объ этихъ войнахъ первобытныхъ исполиновъ говорилъ пророкъ Іехезкель (32, 27) ולא ישכבו את גבורים נפלים מערלים (ערלים) . . . כי חתית גבורים בארץ חיים . Похищеніе женщинъ Книга Бытія, вѣрная своимъ этическимъ цѣлямъ, приписываетъ однимъ грѣшникамъ-исполинамъ. Долгое время люди такимъ образомъ жили не по правдѣ и „земля наполнилась насиліемъ". И только съ Ноемъ наступаетъ поворотъ къ лучшему, отъ него начинается перевоспитаніе человѣческаго рода путемъ закона.

Независимо отъ своихъ моральныхъ тенденцій, Книга Бытія передаетъ много чисто-историческихъ фактовъ. Перечисленіе народовъ „населившихъ всю землю" послѣ потопа (гл. 10), представляетъ одинъ такой фактъ. Безпристрастный этнографъ Кюно (Forschungen im Gebiete der alten Völker I, 265) замѣчаетъ, что „списокъ народовъ, который мы находимъ въ Библіи, является единственнымъ въ своемъ родѣ и неоцѣнимымъ вкладомъ въ науку исторической этнографіи; онъ важенъ въ особенности потому, что группировка народовъ по семьямъ сдѣлана въ немъ по такой системѣ, которой во всѣхъ прочихъ памятникахъ древности нѣтъ и слѣда и до которой впервые послѣ Библіи додумалась лишь около ста лѣтъ тому назадъ наука сравнительнаго языкознанія".

Происхожденіе Терахидовъ (авраамидовъ) изъ ארפכשד, или, какъ теперь окончательно установлено, изъ Arrapachitis'а, у южнаго склона Кардухскихъ горъ, и переселеніе ихъ изъ Уръ-Каздима, одного изъ городовъ кардухійцевъ или гордіоновъ, исторически достовѣрно. Такъ какъ халдеи и כשדים составляютъ одинъ и тотъ же народъ, то замѣна въ этихъ двухъ именахъ одного звука другимъ можетъ быть объяснена лишь тогда, если ихъ связать съ гордіенами или кардухійцами. И дѣйствительно изъ כרדו или קרדו, путемъ смѣны плавныхъ, получились съ одной стороны „халдеи", а съ другой, путемъ столь же обычной въ семитическихъ языкахъ замѣны ר на ש, имя כשד. Тождество гордіеновъ или кардухійцевъ съ халдеями, на которое указалъ еще Голіусъ, подтверждается также замѣчаніемъ Ксенофонта, что халдеи жили въ Кардухскихъ горахъ, нынѣшнемъ Курдистанѣ. Изъ одного стиха Іешаи (23, 13) слѣдуетъ, что ассирійскіе цари нанимали воиновъ среди этихъ כשדים или халдеевъ. Это повидимому дѣлалъ Невуходнецаръ, или еще его отецъ, и именно потому, что его полчища главнымъ образомъ состояли изъ халдеевъ, Вавилонія и получила названіе „Страны Каздимъ", или „Халдеи". Это послѣднее названіе такимъ образомъ позднѣйшаго происхожденія. Когда вавилонское царство было затѣмъ завоевано персами, то „халдеями" стали называть астрологовъ и маговъ, потому что послѣднихъ среди халдеевъ или вавилонянъ было особенно много. У позднѣйшихъ греческихъ и римскихъ писателей, а также у Даніила слова „халдеи" и „Каздимъ" употребляются уже только въ этомъ нарицательномъ значеніи.— Родина Авраама и Терахидовъ вообще, אור כשדים, могла такимъ образомъ лежать только въ Кардухскихъ горахъ, какое бы значеніе слово אור ни имѣло.

Вернемся однако къ нашей главной темѣ,—составу, построенію и характеру Торы. Связность отдѣльныхъ частей ея становится очевидной, если мы въ каждой изъ нихъ прослѣдимъ ея этическую основу. Въ историческихъ частяхъ Пятикнижія эти моральныя тенденціи наиболѣе очевидны—въ біографіяхъ праотцевъ. Уже Филонъ правильно понялъ и отмѣтилъ основную мысль этихъ жизнеописаній. Онъ называетъ еврейскихъ патріарховъ „воплощеніями разумныхъ законовъ". Въ особенности это относится къ Аврааму, котораго Тора съ особой любовью рисуетъ, какъ идеалъ патріарха. Она изображаетъ его не только богобоязненнымъ, но и необыкновенно добродѣтельнымъ и чрезвычайно миролюбивымъ человѣкомъ, врагомъ всякой несправедливости.

Рисуя Авраама столь идеальными чертами, Тора какъ бы ставитъ его въ примѣръ и образецъ его потомкамъ, какъ бы внушаетъ имъ, чтобы они усвоили себѣ его добродѣтели. Въ ней (Бытіе **18**, 19) такъ прямо и говорится, что Господь возлюбилъ Авраама потому, что онъ не только за себя, но и за весь свой родъ обязался „блюсти пути Господни" и жить по правдѣ и справедливости. На этихъ добродѣтеляхъ покоится спасеніе и благодать, которыя отъ него и его потомства перейдутъ на весь родъ людской. Носителями и насадителями спасенія должны были быть одни дѣти его отъ добродѣтельной Сары. Этическія требованія лежатъ также въ основѣ обряда обрѣзанія, который впервые совершилъ надъ собою тотъ же Авраамъ. Обрядъ этотъ долженъ служить внѣшнимъ знакомъ духовнаго очищенія человѣка, умерщвленія въ себѣ жестокосердія, т. е. злыхъ чувствъ и дурныхъ помысловъ. Отсюда столь часто встрѣчающіяся у пророковъ выраженія „необрѣзанная плоть" и „необрѣзанное сердце" (ערלי בשר, ערלי לב), а также выраженіе: „обрѣзать крайнюю плоть сердца". Введеніе къ закону объ обрѣзаніи (Бытіе **17**, 1) התהלך לפני והיה תמים совершенно ясно говоритъ о нравственномъ значеніи этого обряда, который вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ служить памятью и знаменіемъ союза, заключеннаго Богомъ съ Авраамомъ.

Однако, рядомъ съ добродѣтелями патріарховъ, выставляемыми какъ достойный подражанія примѣръ, Тора раскрываетъ и ихъ ошибки и грѣхи, въ видѣ предостереженія ихъ потомкамъ. Мнимый обманъ, учиненный будто бы Яковомъ надъ Исавомъ, часто былъ предметомъ насмѣшекъ, хотя въ дѣйствительности этотъ патріархъ присвоилъ себѣ одно лишь умственное первородство, на которое самъ Исавъ совершенно не претендовалъ, и хотя Яковъ только по настоянію своей матери рѣшился получить отъ отца благословеніе обманнымъ путемъ. Издѣваться тутъ рѣшительно не надъ чѣмъ,—наоборотъ, можно только удивляться безпристрастію Торы, ничуть не скрывающей того, что достойно порицанія въ ея герояхъ. Она, напримѣръ, откровенно и подробно разсказываетъ о кровавомъ насиліи, учиненномъ Симеономъ и Леви надъ сихемцами и о связи Іуды съ мнимой блудницей Тамарой. Эти разсказы, вмѣстѣ съ разными эпизодами изъ жизни патріарховъ, отнюдь не являются произвольными вставками въ текстъ, а вмѣстѣ съ ними представляютъ одно строго выдержанное цѣлое. Такъ, какъ будто совершенно ненужное и ни съ чѣмъ не связанное перечисленіе потомства Нахора (**22**, 20 и дд.) при-

водится ради Ревекки, которая впослѣдствіи должна была стать женою Исаака. Далѣе, разсказъ о второмъ бракѣ Авраама съ Кетурой (**25**, 1 и дд.) приводится для того, чтобы отмѣтить, что мидіаниты,—о которыхъ въ немъ главнымъ образомъ идетъ рѣчь,— суть то самое племя, изъ котораго вышли тесть Моисея Реуэлъ (Исходъ **2**, 18), его шуринъ Іитро (т. же **3**, 1 и дд.) и родственный израильтянамъ народецъ кениты (Числа **10**, 29; Судьи **1**, 16 и др.), чтобы указать, слѣдовательно, что и мидіаниты также происходили отъ Авраама, какъ измаильтяне и идумейцы. Но къ наслѣдованію благословенія Божія они не были пріобщены. Изъ многихъ мѣстъ книги Бытія видно, что побочные сыновья патріарховъ пользовались всѣми матеріальными благами преимущественно предъ ихъ прямыми потомками, которые получили въ наслѣдіе одно божественное Ученіе. Измаилъ, напримѣръ, раньше всѣхъ своихъ братьевъ получилъ осѣдлость. Бытіе **25**, 18: על פני כל אחיו נפל; ср. 16, 12: ועל פני כל אחיו ישכן. Точно также и Исавъ, или Эдомъ, имѣлъ уже свою территорію и своихъ царей задолго до того, какъ настоящіе авраамиды осѣли въ обѣтованной Аврааму землѣ. Послѣднимъ пришлось пройти черезъ цѣлый рядъ всевозможныхъ мытарствъ и очень долго скитаться на чужбинѣ, прежде чѣмъ они могли вступить въ обладаніе отведенной имъ страной. Яковъ-патріархъ жаловался на свои страданія и скитальческую жизнь (Бытіе **47**, 9), а вмѣстѣ съ нимъ имѣлъ такое же право жаловаться на это и Яковъ-народъ. Недаромъ Книга Бытія въ двухъ, одна за другой слѣдующихъ, главахъ (37 и 38) противуполагаетъ „счастливымъ спокойнымъ днямъ" Эдома „безпокойныя скитанія" Якова. Надо не имѣть ни капли художественнаго чутья и пониманія литературныхъ произведеній для того, чтобы отдѣлить одну отъ другой эти двѣ, столь тѣсно связанныя между собой части, приписать ихъ разнымъ авторамъ и эпохамъ и изъ этого вдобавокъ дѣлать выводы!

Мнимое повтореніе Торой въ разныхъ мѣстахъ нѣкоторыхъ законовъ (Исходъ **23**, 14-19 и **34**, 18-26) кажется дробителямъ ея достаточнымъ основаніемъ къ тому, чтобы эти повторенія отнести къ различнымъ источникамъ и приписать ихъ разнымъ авторамъ. Законоположенія, о которыхъ идетъ рѣчь, были занесены въ Книгу Союза (т. же **24**, 7) и сообщены народу непосредственно послѣ провозглашенія десяти заповѣдей. Но вслѣдъ затѣмъ народъ сотворилъ себѣ золотой телецъ и тѣмъ нарушилъ

первую заповѣдь. Необходимо было поэтому еще разъ напомнить ему эти законоположенія. Отсюда и повтореніе, которое отличается, однако, отъ первой версіи тѣмъ, что въ немъ особенное вниманіе удѣляется идолопоклонству (**34**, 13-17). Повтореніе, слѣдовательно, вполнѣ мотивировано и происхожденіемъ своимъ ничуть не обязано какому-то другому источнику.

Что же касается связи между отдѣльными группами законовъ, то въ различныхъ мѣстахъ трехъ среднихъ книгъ Торы упоминается, что онѣ были даны народу въ различное время; при этомъ часто даются указанія на то, по поводу какихъ именно событій тѣ или другіе законы были даны. Эти указанія составляютъ историческую рамку къ каждой группѣ законовъ и на нихъ надо обратить особенное вниманіе, когда хотятъ выяснить связь между отдѣльными законоположеніями. Начиная съ 25 гл. Книги Исхода, связь эту не трудно прослѣдить. Эта глава посвящена закону, имѣющему переходной характеръ,—о постройкѣ для странствовавшаго въ пустынѣ народа подвижного храма-шатра, въ которомъ долженъ быть установленъ ковчегъ завѣта съ каменными скрижалями и два жертвенника. Къ этому закону примыкаютъ, разумѣется, постановленія о священнослужителяхъ временнаго храма и о его освященіи. Къ этой же группѣ (**31**, 12-18) относится и слѣдующій за нею законъ о субботнемъ отдыхѣ, присоединенный къ ней, очевидно, для того, чтобы указать, что постройка святилища и принадлежностей для него не должны производиться по субботамъ. Далѣе слѣдуетъ разсказъ о самой постройкѣ и освященіи храма-шатра, прерываемый исторіей о золотомъ тельцѣ. Изложивъ эту исторію и непосредственно ею вызванныя новыя узаконенія, Тора разсказываетъ далѣе о постройкѣ временнаго храма и при этомъ, съ указанной уже выше цѣлью, повторяетъ законъ о субботнемъ отдыхѣ (**35**, 1-3). Къ слѣдующему далѣе разсказу объ освятительныхъ жертвахъ примыкаютъ законы о жертвоприношеніяхъ вообще (Левиты гл. 1-7). Такимъ образомъ начало Книги Левита точно также непосредственно продолжаетъ Книгу Исхода, какъ послѣдняя продолжаетъ Книгу Бытія. Дѣйствительно, разсказъ объ освященіи храма-шатра заканчивается лишь въ гл. 8-9 Левита. При этомъ разсказывается о гибели двухъ сыновей Арона, наказанныхъ смертью за то, что они внесли въ святилище огонь извнѣ (гл. **10**, 1-5). Все послѣдующее имѣетъ прямое отношеніе къ этой смерти. Къ находящемуся съ этимъ случаемъ въ прямой связи стиху (**10**, 10) о

томъ, что священнослужители должны учить народъ различію между святымъ и оскверненнымъ, между чистымъ и нечистымъ, примыкаетъ вся большая группа законоположеній о чистотѣ и нечистотѣ вообще (гл. 11-16). Книга возвращается затѣмъ къ гибели сыновей Арона (**16**, 1) и вслѣдъ за этимъ излагаетъ новый законъ, согласно которому ни Аронъ, ни всякій другой первосвященникъ не пользуются правомъ входа въ Святую-Святыхъ во всякое время (въ чемъ прегрѣшили сыновья Арона), а могутъ входить въ нее только единственный разъ въ году, для молитвы объ искупленіи народа, духовенства и самой святыни. Этимъ единственнымъ днемъ установлено десятое число седьмого мѣсяца. Указанная группа законовъ представляетъ такимъ образомъ одно связное цѣлое, какъ необходимое продолженіе и поясненіе разсказа о гибели сыновей Арона и ихъ грѣхѣ. Далѣе, рядъ законоположеній, изложенныхъ въ слѣдующихъ (17-20) главахъ, составляютъ также одно вытекающее изъ предыдущаго связное цѣлое; на это правильно указалъ еще Берто, который думаетъ также, что гл. 17 первоначально имѣла связь съ **20**, 1-9 и должна была быть помѣщена не передъ гл. 18-19, а послѣ нихъ. Группа эта начинается законами о кровосмѣшеніи, непосредственно примыкающими къ предписанію насчетъ дня искупленія. Не подлежитъ сомнѣнію, что и здѣсь есть извѣстная связь идей. Она, повидимому заключается въ томъ, что въ день покаянія должны быть главнымъ образомъ искупаемы смертные грѣхи кровосмѣшенія и нецѣломудрія, которыми такъ заражены были египтяне и хананейцы и отъ которыхъ израильтяне должны были всѣми мѣрами оберегать себя (гл. 18). День искупленія, прямо говорится въ законѣ, установленъ прежде всего для покаянія въ проступкахъ противъ нравственности и связанномъ съ ними грубо-чувственномъ идолопоклонствѣ, а также и для очищенія святыни отъ грязи, среди которой она находилась и свидѣтельницей которой она цѣлый годъ бывала (Левитъ **16**, 16). Израильтяне должны смыть съ себя всю эту грязь, должны быть чистымъ, святымъ народомъ, стремиться къ высшей нравственности (гл. 19). Въ эту группу входятъ и законы, запрещающіе скрещиваніе породъ, которое ведетъ къ противоестественному разврату. Въ понятіе о святости входитъ также строгое воздержаніе отъ языческихъ обычаевъ. Родители должны слѣдить въ особенности за тѣмъ, чтобы дочери ихъ не отдавали своей дѣвственности въ жертву чужимъ богамъ (ст. 29) אל תחלל את בתך להזנותה ולא תזנה הארץ ומלאה הארץ זמה.

Это весьма важный законъ, имѣвшій цѣлью искорененіе въ средѣ израильтянъ культа Милитты (Астарты, Ашеры, Белтисъ, Афродиты-Ураніи), богини освященнаго разврата, — культа, который изъ Финикіи, Вавилоніи и Ассиріи распространился на Лидію, о. Кипръ, Грецію и до самой Сициліи. Этотъ отвратительный культъ получилъ распространеніе и въ десятиколѣнномъ царствѣ, и въ Іудеѣ (см. выше, стр. 35, 40-42, 214). Неудивительно поэтому, что Тора энергично борется съ нимъ и свои запретительныя противъ него постановленія включило въ группу весьма строгихъ законовъ о кровосмѣшеніи. Статьи о почитаніи старшихъ и о вниманіи къ пришельцамъ (**19**, 32-34) заключаютъ эту группу законовъ напоминаніемъ (ст. 37): ושמרתם את כל־חקתי. Слѣдующая 20-ая глава, а равно и 17-ая, обѣ опредѣляющія наказанія за перечисленныя до того прегрѣшенія, могли бы считаться прямымъ продолженіемъ 19-ой главы. Но въ этомъ случаѣ слѣдующія затѣмъ группы законовъ потеряли бы связь съ предшествующими; было бы непонятно, почему постановленія о субботѣ и праздникахъ въ гл. 23, имѣющія прямую связь съ законами о субботнемъ и юбилейномъ годахъ въ гл. 25, отдѣлены одна отъ другой не имѣющей къ нимъ никакого отношенія главой 24-ой. Если же за исходный пунктъ взять разсказъ о богохульствѣ, изложенный въ этой послѣдней, 24-ой главѣ, то связь будетъ вполнѣ возстановлена. А именно: сперва слѣдуетъ законъ, опредѣляющій наказанія за богохульство (ст. 16), затѣмъ перечисляются наказанія за другіе пороки (ст. 17-22) и, наконецъ, кары за разныя преступленія вообще (гл. 20 и 17). Къ гл. **17**, 15-16, въ которыхъ говорится объ оскверненіи черезъ падаль, примыкаютъ далѣе правила для священнослужителей, предписывающія имъ остерегаться всякаго оскверненія (гл. **21**. **22**, 1-16), затѣмъ законъ о безукоризненности жертвенныхъ животныхъ (**22**, 17-33; ст. 22, аналогичный 21, 18 и дд.), далѣе постановленія о праздникахъ и праздничныхъ жертвахъ (гл. 23) и затѣмъ опять положеніе о субботнемъ и юбилейномъ годѣ (гл. 25). Вся эта группа законовъ заключается повтореніемъ чрезвычайно важнаго напоминанія насчетъ идолопоклонства и новымъ внушеніемъ о праздничномъ отдыхѣ и почитаніи святынь (**26**, 1-2). Заключеніе гл. **26**, 3-45, обѣщаніе наградъ за исполненіе и угроза карами за нарушеніе „уставовъ", доказываетъ, что всѣ эти законы составляютъ одно неразрывное цѣлое.

Книга Чиселъ, имѣющая преимущественно историческій ха-

рактеръ, точно также представляетъ непосредственное и связное во всѣхъ своихъ частяхъ продолженіе предыдущей части Торы. Такимъ образомъ все Четверокнижіе представляетъ одно тѣсно связанное цѣлое. Непрерывный историческій разсказъ доведенъ до обнародованія законовъ, а послѣдніе излагаются въ связи съ дальнѣйшими историческими событіями; только весьма немногія мѣста во всѣхъ четырехъ книгахъ какъ будто не имѣютъ связи со всѣмъ остальнымъ текстомъ. Что же касается пятой книги Торы, Второзаконія, то она представляетъ самостоятельный сводъ законовъ, предполагающій существованіе древнѣйшаго кодекса (Второзаконіе 28, 69). Единство этой книги не требуетъ никакихъ доказательствъ; самый ярый противникъ нераздѣльности Торы долженъ признать, что Второзаконіе какъ бы все вылито изъ одного куска, а каждый стихъ его вполнѣ связанъ какъ съ предыдущимъ, такъ и съ послѣдующимъ. Три составныя части этой книги: историческія воспоминанія, поученія и законы смѣняются одна другой. Вопросъ о томъ, кто написалъ или составилъ оба собранія законовъ—Четверокнижіе и Второзаконіе—какъ много и на всѣ лады объ этомъ ни трактовали—не можетъ быть рѣшенъ путемъ исторической критики. Вопросъ объ авторствѣ въ данномъ случаѣ сводится къ вопросу о времени и долженъ быть формулированъ такъ: когда были обнародованы отдѣльныя части Пятикнижія? Относительно Второзаконія время это въ точности установлено, но и для другого, болѣе древняго собранія законовъ должно быть опредѣлено время, когда оно стало извѣстно. Ибо при всѣхъ художественныхъ красотахъ Четверокнижія, совершенно очевидно, что оно составлено было не съ литературными цѣлями, а исключительно для наставленія и поученія народа. На этотъ счетъ имѣются прямыя указанія въ самой Библіи. Такъ, когда свитокъ Второзаконія, найденный въ храмѣ, былъ представленъ царю Іошіи, то онъ прежде всего приказалъ, чтобы его прочитали всему народу (Цари II. 23, 2). Точно также и Моисей читалъ народу свою Книгу Союза (Исходъ 24, 7). „Каменныя скрижали, заповѣди и законы написаны для поученія народа“ — להורתם (т. же ст. 12). Если вопросъ формулировать такимъ образомъ, то время, когда первый сводъ законовъ былъ заключенъ и сталъ извѣстенъ можно хронологически установить. У пророка Гошеи II (ср. выше стр. 324-326) есть одинъ стихъ (8, 12), который въ настоящемъ своемъ видѣ совершенно непонятенъ: אכתוב לו רבו תורתי כמו־זר נחשבו. Слово רבו здѣсь просто безсмысленно: „полно-

та моего ученія" въ дѣйствительности ничего не означаетъ. Keri, правда, вмѣсто רבו даетъ רבי, во множественномъ числѣ, которое здѣсь во всякомъ случаѣ необходимо, такъ какъ въ противномъ случаѣ сказуемое נחשבו не согласуется. Однако и множественное число нисколько не выясняетъ дѣла. Само собой напрашивается поправка דברו, которая даетъ стиху вполнѣ осмысленное содержаніе: אכתוב לו דברו תורתי כמו־זר נחשבו. Глаголъ אכתוב, согласно съ глаголомъ נחשבו долженъ считаться аористомъ. Смыслъ стиха, слѣдовательно таковъ: „Я написалъ ему (народу) слова Моего ученія, но на нихъ смотрѣли, какъ на нѣчто чужое". Тутъ мы имѣемъ ясное указаніе на существованіе Торы во время Гошеи II. Подтверждается наше предположеніе тѣмъ, что именно у этого пророка мы находимъ нѣсколько цитатъ изъ Торы. Укажемъ, во первыхъ, на глава 9, 10: המה באו בעל־פעור וינזרו לבשת, представляющій ничто иное, какъ краткое изложеніе происшествія въ Баалъ-Пеорѣ, подробно описаннаго въ 25 гл. Книги Чиселъ. Далѣе Гошеа (12, 4-5) цитируетъ Книгу Бытія (32, 25-31): בבטן עקב את אחיו ובאונו שרה את אלהים וישר אל מלאך בכה ויתחנן לו. Наконецъ въ стихѣ 12, 13 онъ говоритъ: ויברח יעקב שדה ארם ויעבד ישראל באשה ובאשה שמר. Предъ нами, слѣдовательно, два мѣста изъ Книги Бытія и одно изъ Чиселъ. Случайность ли это? Но у другого пророка, современника Гошеи II, Михи, мы также находимъ (6, 5) цитату изъ Книги Чиселъ עמי זכר נא מה יעץ בלק מלך מואב ומה ענה אתו בלעם בן בעור, которая даетъ право думать, что Миха зналъ весь разсказъ о Балакѣ и о благословеніи Билеама. Наконецъ и у третьяго пророка, Іешаи, мы находимъ (4, 5) намекъ на разсказъ объ огненномъ и облачномъ столбѣ, сопровождавшемъ израильтянъ въ ихъ странствованіяхъ по пустынѣ: ענן יומם ונגה אש להבה לילה, и другой такой же ясный намекъ на разсказъ Книги Исхода (14, 21) о томъ, что Моисей простеръ руку на воды Краснаго моря при переходѣ его израильтянами (10, 26 b): ומטהו על הים ונשאו בדרך מצרים. Не можетъ быть случайностью, что какъ разъ эти три пророка, всѣ жившіе въ эпоху Ахаза и Хизкіи, одни цитируютъ разныя мѣста изъ Торы, между тѣмъ, какъ всѣ прочіе, до нихъ жившіе пророки не приводятъ изъ нея ни одного слова. Если мы вникаемъ въ смыслъ упомянутаго стиха изъ Гошеи („Я писалъ ему слова Моего ученія, но они казались ему чужими") то мы неизбѣжно должны будемъ придти къ заключенію, что въ эпоху, когда этотъ пророкъ жилъ, Тора была общеизвѣстна и при томъ не только въ Іудеѣ, гдѣ проповѣдыва-

ли Іешая и Миха, но и въ десятиколѣнномъ царствѣ, гдѣ пророчествовалъ самъ Гошеа. Извѣстна же могла быть Тора, или отдѣльныя ея части, только оттого, что ихъ читали народу. Сравните разсказъ объ Аталіи и о разрушеніи храма Ваала, идоловъ и алтарей въ Іерусалимѣ при вступленіи на царство Іоаша (цари II. **11**, 17-18) съ стихами **33**, 12-17 Исхода, строго предписывающими израильтянамъ не сочетаться бракомъ съ ханаанейскими женщинами, дабы ихъ сыновья не стали идолопоклонниками, и разрушать алтари и колонны ханаанейцевъ,—сравните то и другое, и вы придете къ заключенію, что первосвященникъ Іояда навѣрное читалъ эту часть Исхода іерусалимскимъ жителямъ, послѣ гибели ханаанеянокъ Изевели и Аталіи, когда царь Іоашъ и народъ, по его, Іояды, настоянію, заключили „союзъ" съ Богомъ. Если мы къ тому же примемъ во вниманіе, что при этомъ царѣ было предпринято также исправленіе храма, доведенное до конца лишь съ большими трудностями, то мы легко допустимъ, что тогда по всей вѣроятности часто читали народу и разсказъ о сооруженіи въ пустынѣ храма-шатра и о томъ, съ какой щедростью народъ дѣлалъ въ пользу этого перваго храма доброхотныя приношенія. Далѣе разсказъ о Корахѣ и его товарищахъ, самовольно совершившихъ куреніе на алтарѣ, о наказаніи, за то ихъ постигшемъ, и о законѣ, въ силу котораго одни потомки Арона могутъ совершать куреніе и должны слѣдить за тѣмъ, чтобы міряне не преступали порога святилища (Числа гл. 17-18)—весь этотъ разсказъ въ свою очередь наводитъ на мысль, что его неоднократно должны были читать народу при царѣ Узіи, когда этотъ царь однажды вздумалъ совершить куреніе въ Святой святыхъ *(Хроники II* **26**, 16 и дд.)—Первыя четыре Книги Торы, по всѣмъ этимъ соображеніямъ, должны были быть составлены въ царствованіе Ахаза и, по всей вѣроятности, тогда же были обнародованы. Если бы пессимистическая критика обратила должное вниманіе на то, что Книги Бытія, Исхода и Чиселъ были извѣстны уже Гошеѣ II, Михѣ и Іешаѣ въ томъ самомъ видѣ въ какомъ онѣ дошли до насъ, то она была бы болѣе осторожна съ своими категорическими заявленіями относительно позднѣйшаго якобы происхожденія и авторства Пятикнижія. Ибо Книги эти, какъ выше доказано, представляютъ однородное художественное и историческое цѣлое, и въ виду этого не подлежитъ никакому сомнѣнію, что названные пророки имѣли предъ собою всю Тору, какъ вполнѣ законченное твореніе. Обнародованіе Пятикнижія должно было

такимъ образомъ послѣдовать, самое позднее, въ царствованіе Ахаза. Сынъ же его Хизкія пользовался уже Торою, какъ руководствомъ во всѣхъ своихъ дѣлахъ и мѣропріятіяхъ.

Все, что кромѣ и послѣ того говорилось насчетъ составленія и авторства Торы не имѣетъ за собой даже мнимыхъ доказательствъ. Совершенно безсмысленно предположеніе, впервые высказанное Спинозой, о томъ, что Эзра одинъ написалъ все Пятикнижіе. Столь же нелѣпы утвержденія новѣйшихъ критиковъ будто тотъ же Эзра вставилъ въ нее отдѣльныя мѣста. Послѣдняя гипотеза недавно вновь была выдвинута Веллгаузеномъ. Этотъ ученый выступилъ, какъ извѣстно, съ теоріей о позднѣйшемъ происхожденіи такъ называемаго „священнослужительскаго кодекса", т. е. всего Левита съ примыкающими къ нему книгами Исхода и Чиселъ, и старается доказать, что эти три книги гораздо моложе еще, чѣмъ Второзаконіе. Но для того, чтобы серьезно утверждать что-либо подобное, надо быть совершенно слѣпымъ. Второзаконіе самымъ рѣшительнымъ образомъ предполагаетъ существованіе Книгъ Левита, и явилось оно только для того, чтобы дать изложеннымъ въ ней законамъ иную форму, другой характеръ—сообщить ея чисто-ритуальнымъ постановленіямъ этическій смыслъ. Надо написать книгу вдвое толще Веллгаузеновской, чтобы опровергнуть всѣ его заблужденія и ошибки. Онѣ вытекаютъ изъ недостаточнаго пониманія текстовъ, и оттого онъ все ставитъ вверхъ ногами. Съ перваго взгляда озлобленіе Веллгаузена противъ такъ называемаго имъ „священослужительскаго кодекса" представляется совершенно непонятнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, для выясненія значенія Пятикнижія, какъ первоисточника, дающаго наиболѣе полное представленіе о религіозномъ и этическомъ міросозерцаніи израильтянъ, въ сущности вѣдь совершенно безразлично, была ли написана вся Тора или какая нибудь часть ея въ пятомъ вѣкѣ до Р. Х. или нѣсколькими столѣтіями позже. Въ этомъ „священнослужительскомъ кодексѣ" мы находимъ предписанія чисто этическаго характера, пожалуй еще въ бо̀льшемъ числѣ, чѣмъ въ самихъ заповѣдяхъ. „Изъ своего урожая ты долженъ оставить часть бѣднымъ и часть неимущимъ пришельцамъ.—Вы не должны красть, отпираться и лгать одинъ во вредъ другому.—Вы не должны ложно присягать именемъ Бога.—Ты не долженъ притѣснять своего ближняго, не долженъ грабить его и не вправѣ удерживать плату, причитающуюся рабочему, до захода солнца.—Вы не должны чинить неправды на судѣ.

Не взирай на слабаго и сильнаго: по одной справедливости ты долженъ судить своего ближняго.—Ты не долженъ клеветать и злословить въ твоемъ кругу.—Когда проливается кровь твоего ближняго, ты не долженъ равнодушно стоять въ сторонѣ. Не носи ненависти въ сердцѣ своемъ на твоего брата.—Не будь злопамятенъ, никому не мсти, ты долженъ любить своего ближняго какъ самого себя. Все это и многое другое, какъ законы о цѣломудріи и кровосмѣшеніи, находится въ этомъ „священнослужительскомъ кодексѣ" и отчасти даже только въ немъ. Эта книга содержитъ такимъ образомъ не одни ритуальныя правила, но и всѣ тѣ чисто этическіе законы, которые составляютъ основу общечеловѣческой морали вообще. Не безразлично-ли въ такомъ случаѣ, было-ли ученіе, въ ней заключенное, провозглашено нѣсколькими вѣками раньше, или позже, и принадлежитъ-ли оно Моисею или Эзрѣ?

Цѣль, которую Веллгаузенъ преслѣдуетъ, низводя три среднія части Торы до степени простого ритуала и относя ихъ къ позднѣйшей эпохѣ, совершенно ясна. Она сильно отдаетъ предвзятой тенденціей. Веллгаузену хочется доказать, что эти три книги представляютъ продуктъ не самого народа израильскаго, а одной ничтожной, ограниченной секты. Веллгаузенъ—убѣжденный сторонникъ направленія, въ настоящее время доминирующаго въ нѣмецкой исторіографіи, такъ называемаго „субъективнаго" направленія, сущность котораго состоитъ въ преклоненіи предъ успѣхомъ, въ возвеличеніи единоличной силы, въ культѣ героевъ. Старая формула Бокля, доказывавшаго, что міръ двигается впередъ не отдѣльными личностями, а народными массами, подвергнута осмѣянію. На первый планъ всемірной исторіи выдвигаются не народы, классы и общественныя группы, а императоры и короли, полководцы и министры, ихъ военныя доблести и дипломатическія побѣды. Все, что слабо, что побѣдители топчутъ своими „титаническими" ногами, эта историческая школа трактуетъ съ явнымъ презрѣніемъ. Vae victis! Павшихъ въ бою за прогрессъ человѣчества новѣйшіе исторіографы подсчитываютъ лишь для того, чтобъ ихъ лаврами увѣнчать чело какого нибудь завоевателя и яркими красками разрисовать того или другого „великаго" короля. Оказывается, между тѣмъ, что до сихъ поръ существуетъ народъ, который при всей своей слабости и, несмотря на безчисленныя свои пораженія, не только остался непобѣжденнымъ, но и успѣлъ сыграть весьма крупную роль въ судьбахъ человѣчества. Исторія Израиля представляетъ исключеніе слишкомъ очевидное,—для тѣхъ

разумѣется, которые желаютъ видѣть,—это исторія народа, который безъ насильственныхъ средствъ исполнилъ до конца великую культурную миссію. Прежніе историки, не мудрствовавшіе лукаво и считавшіеся только съ неоспоримыми фактами, этого очевиднаго историческаго факта и не думали отрицать. По мнѣнію же новѣйшихъ историковъ этого не только нѣтъ, но и не должно быть. Широкій цивилизаторскій потокъ Іудеи долженъ исчезнуть въ водахъ Виѳлеема и Назарета. Веллгаузенъ думаетъ даже, что то вовсе не былъ потокъ, а ничтожный ручеекъ, который съ теченіемъ времени совершенно изсякъ бы, если бы мистическій мессіанизмъ не подхватилъ его и не проложилъ для него новаго русла. Исторія Израиля, сочиненная Веллгаузеномъ, такимъ образомъ, можно заранѣе предсказать, будетъ еще болѣе тенденціозна, чѣмъ столь фальшивый трудъ Эвальда. И не подлежитъ сомнѣнію, что въ извѣстныхъ сферахъ она встрѣтитъ такое же одобреніе.

Надо, какъ мы уже сказали, написать цѣлый фоліантъ для того, чтобы доказать всю безпочвенность и лживость его выводовъ. Для непредупрежденныхъ читателей будетъ, однако, достаточно нѣсколькихъ примѣровъ, чтобы они убѣдились въ нелѣпости заявленія Веллгаузена, будто единственнымъ авторомъ Пятикнижія, за исключеніемъ нѣкоторыхъ его частей, есть никто иной, какъ Эзра. Мы выше видѣли, что въ введеніи къ законамъ о кровосмѣшеніи, Тора предостерегаетъ израильтянъ, чтобъ они не заразились дурнымъ примѣромъ египтянъ и ханаанейцевъ, предававшихся всякому противоестественному разврату (Левитъ 18). Но развѣ Эзра или его сотрудники по составленію Торы могли въ этомъ случаѣ ссылаться на египтянъ и ханаанейцевъ? Оба эти народа потеряли уже при нихъ всякое значеніе, они были покорены персами, израильтяне же—или, какъ это пріятнѣе звучитъ въ ушахъ г. Веллгаузена, евреи—не состояли уже съ ними ни въ какихъ отношеніяхъ. Если бы Эзра хотѣлъ показать израильтянамъ примѣры разврата, то онъ долженъ былъ-бы сослаться не на египтянъ и ханаанейцевъ, а на аммонитовъ и моавитовъ, съ которыми Іудея еще въ его время враждовала. Немыслимо поэтому отнести эту часть Левита къ эпохѣ Эзры: она должна была быть написана задолго до него и въ такое время, когда израильтяне поддерживали еще сношенія съ Египтомъ и Финикіей.

Любопытно, какого мнѣнія Велгаузенъ объ аграрныхъ законахъ, изложенныхъ въ Левитѣ (гл. 25)? Неужели онъ допус-

каетъ, что для ничтожной еврейской общины, существовавшей еще при Эзрѣ, послѣдній фабриковалъ законы о субботнемъ и юбилейномъ годѣ, о покупкѣ и продажѣ земель и домовъ въ крѣпостяхъ, о землевладѣльцахъ и ихъ отношеніи къ рабамъ и т. д. ? Современникъ Эзры, Нехемія, жалуется: „Въ землѣ, которую ты намъ далъ, мы—рабы, доходы съ нея идутъ чужимъ царямъ, которые властвуютъ надъ нами самими и надъ нашимъ скотомъ“ (9, 36). И для этихъ-то несчастныхъ рабовъ, не имѣвшихъ своего угла, Эзра составлялъ законы о покупкѣ и продажѣ земель! Можно ли выдумать что нибудь болѣе несуразное? Далѣе въ книгѣ Чиселъ (гл, 36) подробно разсказывается исторія дочерей Целафхада, и, въ связи съ ней, излагается законъ, по которому израильтянки—наслѣдницы родового имущества---могутъ выходить замужъ лишь за членовъ своего же колѣна, для того, чтобы это имущество не переходило къ другому колѣну. Смыслъ этого закона тотъ, что первоначальные удѣлы колѣнъ должны оставаться неприкосновенными. Но какой смыслъ могъ такой законъ имѣть для современныхъ Эзрѣ іудеевъ? Въ его время и рѣчи не могло быть о какихъ либо удѣлахъ, ни даже о колѣнахъ. Бывшіе изгнанники всѣ безъ различія назывались просто יהודים, іудеями. Если въ эту эпоху изрѣдка упоминается еще о веніамитахъ, то лишь, какъ о *бывшемъ* колѣнѣ, своихъ владѣній уже не имѣвшемъ и жившемъ среди бывшаго же колѣна Іудина. Для кого же и для чего Эзра могъ писать законъ о неотчужденіи родовыхъ имѣній? Къ чему, впрочемъ, распространяться объ этомъ очевидномъ абсурдѣ, который не имѣетъ даже интереса новизны, разъ какъ задолго еще до Веллгаузена онъ съ такимъ же апломбомъ былъ провозглашенъ Спинозой. Гипотеза объ Эзрѣ, какъ авторѣ законодательной части Торы, разумѣется, ровно ничего не прибавитъ къ лаврамъ великаго амстердамскаго философа. Спинозѣ можно, однако, простить тотъ своего рода дальтонизмъ, который мѣшаетъ ему различать оттѣнки библейскаго стиля. Въ его время даже гебраисты не научились еще различать эти оттѣнки. Неудивительно поэтому, что Спиноза не замѣтилъ разницы между классическимъ стилемъ Пятикнижія и языкомъ Эзры, которые, однако, столь же далеки одинъ отъ другого, какъ аттическая рѣчь отъ византійской. Языкъ Эзры и его современника Нехеміи мы знаемъ по тѣмъ отрывкамъ, которые приведены въ хроникахъ: онъ не только нечистъ, но и прямо некрасивъ, лексически и синтаксически. Мыслимо ли, чтобы онъ же писалъ тѣмъ безуко-

ризненно чистымъ языкомъ, какимъ написаны въ особенности историческія части Торы? Со временъ Іехезкеля въ еврейскую письменную рѣчь вошло много арамаизмовъ, отъ которыхъ не свободна даже прекрасная книга Руѳь. Вліяніе арамейскаго языка на еврейскій съ тѣхъ поръ не только не ослабѣвало, но, наоборотъ, все болѣе росло. Такимъ образомъ, если бы Тора была написана послѣ изгнанія, то текстъ ея неминуемо былъ бы испещренъ арамаизмами. Можно между тѣмъ обѣщать какую угодно премію тому, кто во всѣхъ пяти книгахъ ея найдетъ хотя бы одно такое выраженіе, и можно вмѣстѣ съ тѣмъ ручаться за то, что ни одинъ гебраистъ за такой трудъ не возьмется. Безразсудно вообще относить составленіе Торы къ эпохѣ полнаго упадка еврейской литературы, давшей однѣ лишь „Хроники". И безразсудство это, повторяемъ, можно простить Спинозѣ, но никакъ не Веллгаузену.

Приходится только изумляться тому, съ какими „гипотезами" насчетъ происхожденія ветхозавѣтной литературы иные ученые временами выступали. Тотъ самый Ренанъ, напримѣръ, который высмѣиваетъ педантизмъ германскихъ экзегетовъ и защищаетъ Тору отъ ихъ нападокъ, самъ же выступаетъ съ такими же произвольными теоріями, свидѣтельствующими о томъ, что онъ не вполнѣ владѣетъ своимъ матеріаломъ. Въ своей работѣ о происхожденіи Библіи (Les origines de la Bible, histoire et legende, Revue des Deux Mondes 1886, mars) онъ говоритъ: „L'idée du Sabbat est originaire de Babylone. Elle a du éclore non chez des nomades au travail intermittant, mais dans une civilisation bâtissante, fondée sur le travail servile. Такимъ образомъ суббота, по мнѣнію Ренана, не израильскаго происхожденія, а вавилонскаго[1]). Но въ такомъ случаѣ израильтяне могли узнать и ввести ее у себя лишь во время изгнанія! А между тѣмъ на нарушеніе субботняго отдыха жалуется еще пророкъ Амосъ, жившій за два вѣка до того. И тоже самое повторяетъ за сто лѣтъ до изгнанія Іешая, а за нимъ и Іеремія. Но и помимо того, существовалъ-ли въ древности хотя бы одинъ народъ, у котораго не было бы того, что Ренанъ называетъ „une civilisation bâtissante, fondée

[1]) Эта теорія о вавилонскомъ происхожденіи субботы въ послѣднее время была независима отъ Ренана выдвинута Фр. Деличемъ въ его нашумѣвшей лекціи „Babel und Bibel" и блистательно опровергнута затѣмъ цѣлымъ рядомъ гебраистовъ, какъ евреевъ, такъ и христіанъ (см. выше стр. 14-15). *Ред.*

sur le travail servîle"? У египтянъ, напримѣръ, грандіозныхъ сооруженій, а слѣдовательно и рабовъ, было еще больше, чѣмъ у вавилонянъ. И израильтянамъ незачѣмъ было такимъ образомъ заимствовать субботу у далекихъ вавилонянъ, когда они гораздо раньше могли это сдѣлать у своихъ бывшихъ господъ и ближайшихъ сосѣдей египтянъ. Но развѣ у послѣднихъ когда либо существовалъ законъ, или законодатель, который предписывалъ бы имъ давать своимъ рабамъ разъ вь недѣлю отдыхъ? Смѣшно и въ то же время грустно видѣть, до какихъ курьезовъ доходятъ даже самые солидные ученые, какъ только они принимаются за библейскіе законы, или за Библію вообще.

Ренанъ чрезвычайно гордится другой лично имъ изобрѣтенной теоріей, по которой вся ветхозавѣтная литература—первоначально имѣвшая простонародный характеръ—нѣкогда состояла изъ пѣсенъ, вошедшихъ въ особое собраніе, называемое „Книгой Іашаръ". Въ своей только что цитированной монографіи онъ посвящаетъ этому Іашару, или Ha-Iaschar'у, очень много мѣста и труда. Онъ думаетъ, что это собраніе содержало пѣсни, составленныя въ древнѣйшую, до царя Давида, эпоху. Въ это царствованіе, говоритъ онъ, было положено начало израильской исторіографіи, и „Іашаръ" съ тѣхъ поръ не получилъ уже никакого приращенія. Теорія эта совершенно безвредна, но правды въ ней нѣтъ ни слова. Ибо мы во-первыхъ имѣемъ неоспоримое доказательство, что въ это собраніе включено было нѣчто въ родѣ пѣсни еще послѣ Соломона. Это доказательство находится въ греческомъ переводѣ *Книги Царей* (I, 8, 53). При разсказѣ объ освященіи храма Соломона въ этомъ переводѣ имѣется прибавка, относящаяся собственно къ 12 ст. той же главы. Прибавка эта гласитъ: „такъ написано въ Книгѣ Пѣсенъ". Ни одинъ гебраистъ, ни самъ Ренанъ не станетъ спорить противъ этой прибавки, неопровержимо доказывающей между тѣмъ, что рѣчь, сказанная Соломономъ при освященіи храма, фигурировала въ томъ самомъ собраніи пѣсенъ, о которомъ Ренанъ утверждаетъ, что оно было закончено еще до Давида. Такимъ образомъ, гипотеза Ренана опровергается вдвойнѣ. Во-первыхъ, включеніе пѣсенъ въ собраніе Ha-Schir продолжалось еще въ эпоху Соломона, а во-вторыхъ ясно, что въ это собраніе вносились не однѣ пѣсни, но и произведенія религіознаго содержанія. Ренанъ, такъ категорически разсуждающій о происхожденіи Библіи, ни въ коемъ случаѣ не долженъ былъ упустить изъ виду эту выдающую его головой прибавку.

Далѣе Ренанъ весьма пространно и столь же категорически „доказываетъ“, что одна половина исторической части Пятикнижія была записана въ десятиколѣнномъ царствѣ, а другая въ Іудеѣ,—не приводя разумѣется, въ пользу этой новой теоріи ни одного серьезнаго аргумента. „Въ царствованіе Хизкіи“, говоритъ онъ, когда въ Іудеѣ стала распространяться грамотность, впервые были скомбинированы обѣ части Торы, взятыя изъ двухъ различныхъ источниковъ и которыя нѣмецкіе библейскіе критики называютъ „элогистскимъ“ и „іеговистскимъ“. Съ своей весьма живой фантазіей Ренанъ кстати прибавляетъ: „Въ тотъ моментъ, когда оба эти источника были слиты въ одно, христіанство и исламъ были уже въ зародышѣ!“ Удивительное воображеніе! Послушать Ренана, можно подумать, что христіанство и исламъ были вызваны на свѣтъ легендами о сотвореніи міра, о потопѣ, о похищеніи Сарры, о дочеряхъ Лота и т. д.! Въ дѣйствительности дѣятельность апостола Павла и Магомета вызваны были, какъ извѣстно, къ жизни полной непримиримостью монотеизма съ идолопоклонствомъ и чистой морали съ языческими заблужденіями; важнѣйшими факторами въ данномъ случаѣ были, слѣдовательно, не историческія, а законодательныя части Пятикнижія.

Это замѣчаніе мы, впрочемъ, дѣлаемъ лишь мимоходомъ. Возвращаясь къ занимающему насъ сейчасъ вопросу—о происхожденіи, составѣ и авторствѣ Пятикнижія—мы должны сказать, что только что упомянутое мнѣніе Ренана по этому вопросу не выдерживаетъ самой снисходительной критики. Мыслимо-ли, въ самомъ дѣлѣ, чтобы первые еврейскіе историки взялись за свой по тому времени весьма нелегкій трудъ, только для того, чтобы преподнести своему народу всякія старыя сказки, и ничего больше? Но этого мало, послѣ перваго „историка“, жившаго, по свѣдѣніямъ Ренана, въ десятиколѣнномъ царствѣ, тотчасъ является другой, на этотъ разъ уже въ Іудеѣ, и вступаетъ съ нимъ въ конкурренцію, изложивъ тѣ же самыя сказки на другой ладъ. Это до смѣшного нелѣпо. Надо вѣдь думать, что эти историки писали не для собственнаго самоуслажденія и не для развлеченія толпы; у нихъ необходимо долженъ былъ быть свой извѣстный и по тому времени весьма просвѣщенный кругъ читателей. Но развѣ этихъ читателей могли интересовать легенды о сотвореніи міра, о потопѣ, о вавилонской башнѣ и т. д.? Въ самомъ дѣлѣ, держась въ вопросѣ о происхожденіи Торы конкретной почвы, прежде всего необходимо дать себѣ отчетъ, изъ какихъ именно

сферъ она могла произойти. А на этотъ вопросъ можетъ быть только одинъ отвѣтъ: первыми по времени израильскими писателями могли быть только пророки и священнослужители, либо близко къ нимъ стоявшіе круги. Неужели же эти благочестивѣйшіе и праведные мужи не имѣли для своего народа или для своихъ читателей иной духовной пищи, кромѣ старыхъ легендъ? Довольно трудно себѣ это представить. Пророки, по скольку мы ихъ знаемъ, отъ перваго изъ нихъ, записавшаго свои рѣчи, Амоса и до послѣдняго, были истинно Божьими людьми, всю свою жизнь ратовавшими за чистую вѣру, за строгое соблюденіе законовъ за правду и справедливость. Точно также и священнослужители были люди глубоко-религіозные и высоконравственные. Если такіе люди взялись за составленіе Торы, т. е. поученія, то, разумѣется, не для того, чтобы разсказывать сказки. И если они ихъ въ Тору все же внесли, то не ради того интереса, который онѣ представляютъ сами по себѣ, а исключительно ради тѣхъ высшихъ религіозно-нравственныхъ цѣлей, которыя они составленіемъ Торы одни преслѣдовали,

И въ этомъ вся суть занимающаго насъ вопроса, его punctum saliens. Разсказы Книги Бытія о доисторическихъ временахъ не имѣютъ абсолютно никакого историческаго и литературнаго значенія, онѣ написаны съ предвзятой и строго-опредѣленной цѣлью. Цѣль же эта не можетъ быть иной, какъ иллюстрированіе извѣстныхъ религіозно-нравственныхъ истинъ, для поученія читателей и обращенія народа на путь истины. Развѣ можно отрицать, что, напримѣръ, разсказъ о принесеніи въ жертву Исаака на горѣ Моріи служитъ прямымъ указаніемъ на храмъ, на той же самой горѣ расположенный? И если мы на минуту допустимъ, что разсказъ о потопѣ заимствованъ изъ одной ассирійской легенды—что тутъ же замѣтимъ, далеко еще не доказано[1])—то мы не должны упускать изъ виду того чрезвычайно важнаго обстоятельства, что въ Книгѣ Бытія эта легенда имѣетъ глубокій этическій смыслъ, историческое же въ ней—весьма второстепеннаго значенія. То же самое относится и къ разсказу о Содомѣ и Гоморѣ, о вавилонской башнѣ и т. д. Тѣ, кои утверждаютъ, что всѣ эти легенды составляютъ самостоятельный, не имѣющій связи съ остальными частями Торы, циклъ, и что авторъ одного текста Книги Бытія держался пессимистическихъ взглядовъ на жизнь

[1]) См. выше стр. 12-14. *Ред.*

а другой былъ оптимистомъ, страдаютъ просто галлюцинаціями. Эти люди не уяснили себѣ, или не подумали о томъ, что Книга Бытія, какъ и прочія части Торы, могла быть составлена лишь въ кругу пророковъ,—они же, какъ извѣстно, всѣ придерживались оптимистическихъ воззрѣній на жизнь. Книга Бытія со всѣми ея легендами была для ея авторовъ лишь введеніемъ къ главнымъ частямъ Торы, содержащимъ сводъ религіозныхъ и нравственныхъ законовъ.

Но возвратимся къ Веллгаузену. Ссылаясь на основное значеніе слова תורה, первоначальный смыслъ котораго есть „поученіе", а не „законъ", этотъ ученый приходитъ отсюда къ выводу, что въ эпоху старшихъ пророковъ не было еще никакого писаннаго закона,—не было даже десятисловія! Но и это его заявленіе доказываетъ лишь, что онъ незнакомъ съ тѣми самыми книгами, о которыхъ онъ вкривь и вкось разсуждаетъ. Какъ и многое другое, Веллгаузенъ не замѣтилъ, что въ разныхъ мѣстахъ первыхъ пророковъ имѣются прямыя указанія на то, что въ ихъ время уже существовалъ писанный законъ. Старѣйшій изъ пророковъ, Амосъ, еще въ девятомъ столѣтіи ставилъ іудеямъ на видъ, что они не соблюдаютъ Божьихъ законовъ (**2**, 4): על מאסם את תורת ה׳ ואת חקיו לא שמרו. Что же собственно означаетъ חקים? Этимологически ничто иное, какъ писанныя (точнѣе, вырѣзанныя на камняхъ) постановленія! Далѣе самъ Веллгаузенъ допускаетъ, что Книга Бытія старше Второзаконія. А въ ней между тѣмъ Аврааму вмѣняется въ заслугу (**26**, 5): וישמר משמרתי מצותי חקתי ותורתי. Изъ этого очевидно слѣдуетъ, что въ эпоху составленія Книги Бытія, должно было существовать собраніе законовъ, которое было уже разбито на различныя части и разряды. Далѣе изъ Іешаи (**10**, 1) мы знаемъ, что въ его время писались „несправедливые законы". Неужели же самъ Іешая, современные ему пророки или ихъ школы, не чувствовали въ виду этого потребности написать законы справедливые и нравственные? Что такіе законы во время Іешаи дѣйствительно были уже записаны, подтверждается еще кромѣ того вышеприведеннымъ стихомъ изъ Гошеи (**8**, 11): „Я написалъ для него (народа) слова моего ученія, но онъ на нихъ смотрѣлъ, какъ на нѣчто чужое". Слово תורה можетъ такимъ образомъ имѣть значеніе не только устнаго поученія, но и писаннаго закона. Вышеупомянутая ссылка Веллгаузена теряетъ, слѣдовательно, всякое значеніе. И если не прибѣгать къ смѣшной уверткѣ нѣкоторыхъ ученыхъ, увѣряю-

щихъ, что первое собраніе законовъ не тождественно съ изложеннымъ въ Торѣ, а было затеряно, то необходимо слѣдуетъ признать, что въ эпоху старшихъ пророковъ существовала уже по крайней мѣрѣ значительная часть того свода законовъ, который затѣмъ вошелъ въ Пятикнижіе.

Что же касается такъ называемаго „священнослужительскаго кодекса“, то только люди явно предубѣжденные могутъ распространяться насчетъ его „молодости“. Во всѣхъ трехъ книгахъ кодекса встрѣчаются слова, свидѣтельствующія наоборотъ, въ пользу его весьма „преклоннаго возраста. „Слово אזכרה, этимологически до сихъ поръ не объясненное, безспорно древнѣйшаго происхожденія. Также стары выраженія: פדר, תנוך אזן, חשב האפד, חשן, יותרת הכבד, названія нечистыхъ птицъ и разновидностей саранчи סלעם и חרגל, различныхъ проказъ и другихъ болѣзней, принадлежностей храма-шатра קרסים, קרשים, ברכב, לולאות и различныхъ драгоцѣнныхъ камней, а также глаголы מקבילות, מלק, רכם, משזר, משלבות. На такого рода „мелочи“ Веллгаузенъ обращаетъ также мало вниманія, какъ и на правильное пониманіе текстовъ вообще. Мало того, въ угоду своимъ теоріямъ онъ допускаетъ полный произволъ въ разграниченіи тѣхъ „источниковъ“ или „текстовъ“, изъ которыхъ Тора, по его мнѣнію, была „скомбинирована“. Если нахожденіе какого нибудь мѣста въ одномъ текстѣ мѣшаетъ его теоріи, то онъ его просто на просто переноситъ въ другой, безъ всякаго вниманія къ его связи съ предыдущимъ или послѣдующимъ; также произвольно онъ объявляетъ то или другое мѣсто „молодымъ“ или „старымъ“, считаясь и при этомъ исключительно съ своей теоріей. Это безцеремонное обращеніе съ текстами оскорбляетъ эстетическое чувство еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ религіозное.

Посмотримъ теперь, какимъ образомъ въ Тору, по мнѣнію Спинозы, Веллгаузена и ихъ послѣдователей, въ позднѣйшую эпоху включены были законы. Эзра и его помощники, если принять на вѣру все, что эти господа имъ навязываютъ, представляются намъ какой то шайкой поддѣлывателей, которые сговорились нарочито фальсифицировать Тору, выбросивъ изъ нея все, что имъ не нравилось и вставить вмѣсто того свое. Но развѣ во времена Эзры на всемъ свѣтѣ существовалъ только одинъ экземпляръ Торы, надъ которымъ эти мнимые фальсификаторы могли безнаказанно производить свои операціи? А если въ то время существовали еще другіе свитки Торы, то неужели поддѣ-

лыватели не боялись, что ихъ уличатъ въ этихъ продѣлкахъ? Замѣтимъ, что въ своей хроникѣ Эзра и Нехемія сами ссылаются на Тору, или на „Книгу моисеева ученія", подъ которой они понимаютъ не только Второзаконіе, но и все законодательство вообще, изложенное въ первыхъ четырехъ книгахъ. Ихъ современникъ, пророкъ Малеахи, именемъ Бога говорилъ израильтянамъ: (3, 22): „Помните ученіе Моисея, Моего раба, которое Я ему далъ на Хоревѣ для всего Израиля, такъ же, какъ и законы и постановленія חקים ומשפטים". Для всѣхъ нихъ—для Эзры, Нехеміи и Малеахи—Тора *во всемъ ея цѣломъ* была такимъ образомъ священной, божественной а, слѣдовательно, и неприкосновенной книгой. И при такомъ на нее взглядѣ они стали бы самовольно уродовать ее своими вставками и передѣлками? Какая безсмыслица! Нѣтъ, тѣ книжники, которые изъ эвфемизма хотѣли иногда исправлять замѣченныя ими въ текстѣ Торы ошибки, въ дѣйствительности дѣлали это гораздо осторожнѣе, а, главное, честнѣе: они отмѣчали при этомъ תקון סופרים, „поправка соферовъ" или קרי или כתיב. Отъ умышленной же и ничѣмъ не оговоренной фальсификаціи священнаго для нихъ текста Эзра и его помощники отступили бы съ такимъ же трепетомъ, какъ всякій благочестивый еврей въ наше время.

Разсмотримъ, однако, нѣсколько ближе главные аргументы нашихъ противниковъ и мы убѣдимся до чего они пусты и ничтожны. По свѣдѣніямъ этихъ ученыхъ законъ о первенцахъ (Исходъ **13**, 12) въ первоначальной своей редакціи долженъ былъ гласить: והבערת פטר רחם „Все, что открываетъ чрево матери, ты долженъ сжигать". Старый законъ такимъ образомъ будто бы требовалъ принесенія въ жертву на огнѣ всѣхъ первенцовъ. Но такъ какъ этотъ законъ позже, при болѣе гуманныхъ религіозныхъ взглядахъ, показался слишкомъ жестокимъ, то его измѣнили въ томъ смыслѣ, что первенцы должны быть не сжигаемы на алтаряхъ, а выкупаемы. Соотвѣтвенно съ этимъ слово והבערת было измѣнено въ והעברת. Веллгаузенъ и его единомышленники должны быть весьма плохого мнѣнія о столь протежируемыхъ ими передѣлывателяхъ Торы, чтобы навязать имъ такой подлогъ. Вмѣсто того чтобы просто выбросить этотъ старый варварскій законъ, они оставляютъ слѣды его какъ бы нарочито для того, чтобы ихъ поддѣлка могла сейчасъ же быть обнаружена! Однако Гицигъ и другіе комментаторы положительно знаютъ, что при Іехезкелѣ закона о выкупѣ перворожденныхъ въ Торѣ еще не

было. На чемъ основано это свѣдѣніе? На толкованіи одного стиха Іехезкеля (**18**, 25), за которое комментаторамъ должно бы быть стыдно, хотя первымъ это толкованіе далъ самъ Спиноза. Пророкъ въ этомъ стихѣ будто бы говорилъ отъ имени Бога: „Я имъ (израильтянамъ) далъ дурные законы и осквернилъ ихъ тѣмъ, что велѣлъ сжигать всѣхъ первенцовъ". Итакъ Богъ сознается, что онъ давалъ дурные законы! И это говоритъ пророкъ! Этого абсурда опровергать, конечно, не стоитъ. Но и помимо того, надо не имѣть никакого представленія объ исторіи израильскаго народа, чтобы утверждать, что человѣческія жертвоприношенія, и въ особенности принесеніе въ жертву первенцовъ, когда либо фигурировали въ еврейскомъ законодательствѣ. Нѣтъ, и тысячу разъ нѣтъ! Этотъ чисто-языческій обычай былъ лишь въ царствованіе Ахаза заимствованъ отъ сосѣднихъ народовъ. И противъ него энергично воевали не только пророки Миха, Іеремія и самъ Іехезкель (**16**, 20-21), но и тѣ самые законы, на которые Спиноза и Гицигъ ссылаются (Левитъ **20**, 1-7, **18**, 21).

Второй главный доводъ этой псевдокритической школы въ пользу позднѣйшихъ вставокъ въ текстѣ Торы относится къ закону о празднованіи дня искупленія. По мнѣнію этой школы, законъ этотъ былъ введенъ въ Книгу Левита (**16**, 29 и дд. **23**, 27 и дд.) и въ Числа (**29**, 7 и дд.) лишь въ позднѣйшую эпоху, такъ какъ ни первоначальный законъ (Исходъ **23**, 14 и дд.), ни повтореніе его (т. же **34**, 18), ни, наконецъ, Второзаконіе (гл. 16) и Іехезкель этого закона не знаютъ. Мнимый аргументъ этотъ есть результатъ того же незнанія и непониманія текстовъ, которые эти „экзегеты" такъ часто демонстрируютъ. Первоначальный законъ („Книга Союза") и его повторенія трактуютъ исключительно о праздникахъ, связанныхъ съ хожденіемъ къ святымъ мѣстамъ; въ этихъ праздникахъ принимали участіе всѣ взрослые мужчины, которые должны были являться къ нимъ въ храмъ съ своими жертвоприношеніями: שלש רגלים תחג לי בשנה ... יראה כל זכורך ... ולא יראו פני ריקם, день же искупленія не былъ такимъ всенароднымъ праздникомъ. Одинъ первосвященникъ обязанъ былъ въ этотъ день совершить искупленіе, безъ участія въ томъ міранъ, которые должны были лишь поститься въ этотъ день, каждый въ своемъ домѣ. Такъ какъ Книга Союза, какъ первоначальный кодексъ, говоритъ лишь о трехъ праздникахъ, а о днѣ искупленія не упоминаетъ, то само собой разумѣется, что о немъ ничего не можетъ быть и въ повтореніи этого кодекса (см. выше

стр. 161). Второзаконіе затѣмъ также трактуетъ только о тѣхъ же трехъ праздникахъ, оно называетъ ихъ „праздниками радости" и напоминаетъ народу, что къ трапезамъ въ эти дни веселья должны быть привлекаемы бѣдные, покинутые и пришельцы (ср. выше стр. 235). Скорбный день искупленія здѣсь былъ бы, конечно, не у мѣста. Что же касается Іехезкеля, то и онъ о немъ ничего не говоритъ, но онъ же не упоминаетъ и про другой праздникъ, „недѣльный", въ третьемъ мѣсяцѣ, который всѣ комментаторы считаютъ, однако, очень старымъ. Пророкъ говоритъ лишь о пасхѣ, о семидневномъ праздникѣ неокисленнаго хлѣба и о семидневномъ же праздникѣ въ седьмомъ мѣсяцѣ. Одно изъ двухъ: либо молчаніе Іехезкеля о днѣ искупленія ничего не доказываетъ, либо „законъ союза", почитаемый, какъ самый древній, вовсе не старъ и былъ включенъ въ Тору лишь послѣ изгнанія. Въ дѣйствительности молчаніе пророка ровно ничего, конечно, не доказываетъ. У Іехезкеля вообще немало уклоненій отъ стараго закона. Онъ возвѣщаетъ совершенно новый порядокъ и игнорируетъ не только законы, изложенные въ Исходѣ и Левитѣ, но и во Второзаконіи, которое однако, какъ всѣ критики допускаютъ, было составлено и обнародовано до него. Можно во всякомъ случаѣ сказать, что при Іехезкелѣ храмъ и узаконенія о праздникахъ еще существовали; но изъ того, что онъ о днѣ искупленія особо не упоминаетъ отнюдь нельзя выводить, что онъ при немъ еще не существовалъ.

Извѣстный французскій оріенталистъ Дози на основаніи одного мѣста изъ Іереміи доказываетъ, что этотъ пророкъ обвиняетъ современныхъ книжниковъ въ фальсификаціи законовъ. „Пророкъ, говоритъ Дози—взываетъ къ своимъ современникамъ: Почему говорите вы, что вы мудры и что законъ Бога у васъ, когда предательское перо писцовъ вашихъ его поддѣлало?" Но имѣется ли дѣйствительно у Іереміи такой стихъ? Фактически у него сказано лишь: איכה תאמרו חכמים אנחנו ותורת ה׳ אתנו אכן הנה לשקר עשה עט שקר ספרים (8, 8). Стихъ этотъ во всякомъ случаѣ неясенъ, но того, что Дози въ него желаетъ вложить, въ немъ нѣтъ. Пророкъ упрекаетъ народъ, или точнѣе, царей, князей, священнослужителей и ложныхъ пророковъ, въ томъ, что они осквернили храмъ, поставивъ въ немъ языческіе идолы и сжигаютъ на алтарѣ въ Тофетѣ своихъ сыновей и дочерей (7, 30 и дд.). И Іеремія возмущается тѣмъ, что грубѣйшимъ образомъ нарушая законъ, они тѣмъ не менѣе кичатся своей мудростью и

своимъ знаніемъ Божественнаго ученія. Пророкъ заключаетъ этотъ укоръ словами (8, 9): הנה בדבר ה׳ מאסו וחכמת מה להם : „Они отвергаютъ слово Божіе, какая же у нихъ мудрость?“ Итакъ, пророкъ бичуетъ въ этихъ стихахъ не фальсификацію закона, а суесловіе тѣхъ, которые похваляются знаніемъ его, а поступаютъ вопреки ему. Стихъ 8, 8 можетъ имѣть только этотъ смыслъ. Нѣкоторыя сомнѣнія вызываютъ лишь глаголъ עשה, такъ какъ въ предложеніи нѣтъ относящагося къ нему предмета рѣчи. Приблизительно вѣрно переводитъ этотъ стихъ Септуагинта, согласно которой слово לשקר употреблено здѣсь въ смыслѣ „напрасно, безцѣльно“, какъ у Самуила (I. 25, 21) и какъ שקר вообще равнозначущее съ שוא и חנם. Такимъ образомъ, начало стиха должно быть переведено: „Онъ (законъ) сталъ ненуженъ, безполезенъ“ или „Онъ (Богъ) напрасно его сдѣлалъ“; заключеніе же стиха можетъ имѣть только такой смыслъ: „излишне (безполезно) перо писца“ (списывающаго законъ). Такое опущеніе подлежащаго, когда оно уже разъ было поставлено при сказуемомъ, въ еврейскомъ стихѣ нерѣдко встрѣчается: ср. напримѣръ כמאך אלהים, דרכך זמה и др. Пророкъ въ иронической формѣ говоритъ, слѣдовательно, не о фальсификаціи законовъ, а объ ихъ безполезности, въ виду систематическихъ его нарушеній. Это тотъ же укоръ, какой мы находимъ въ одномъ изъ псалмовъ (50, 16-17): ולרשע אמר אלהים מה לך לספר חקי ותשא בריתי עלי פיך ואתה שנאת מוסר ותשלך דברי אחריך : „Преступнику же Господь говоритъ: „Зачѣмъ ты прославляешь Мои законы и носишь завѣтъ Мой (Мое ученіе) на устахъ своихъ, если ты ненавидишь всякое послушаніе и отвергаешь Мои предписанія“. Изъ Іереміи слѣдуетъ такимъ образомъ какъ разъ обратное тому, что Дози изъ него хочетъ доказать. Законъ существовалъ, писцы списывали его и распространяли въ народѣ, но никто его не исполнялъ. Тотъ же упрекъ Іеремія высказываетъ и въ другомъ мѣстѣ (2, 8): ותפשי התורה לא ידעוני, „носители закона (священники) не уважаютъ его или его не знаютъ.

Резюмируя вкратцѣ все вышеизложенное, повторимъ, что Пятикнижіе въ своихъ двухъ частяхъ (Четверокнижіе и Второзаконіе) представляетъ однородное, строго выдержанное въ духѣ эпохи и вполнѣ связное цѣлое; оно было закончено и обнародовано задолго до изгнанія, по всей вѣроятности въ царствованіе Ахаза. Никакихъ вставокъ, поддѣлокъ или искаженій въ текстѣ его никогда не было внесено, и всѣ доказательства въ пользу такихъ фальсификацій рѣшительно ни на чемъ не основаны.

УКАЗАТЕЛЬ

Оглавленіе.

Стр.

Глава V.

Глава VI.

Глава VII.

Глава VIII.

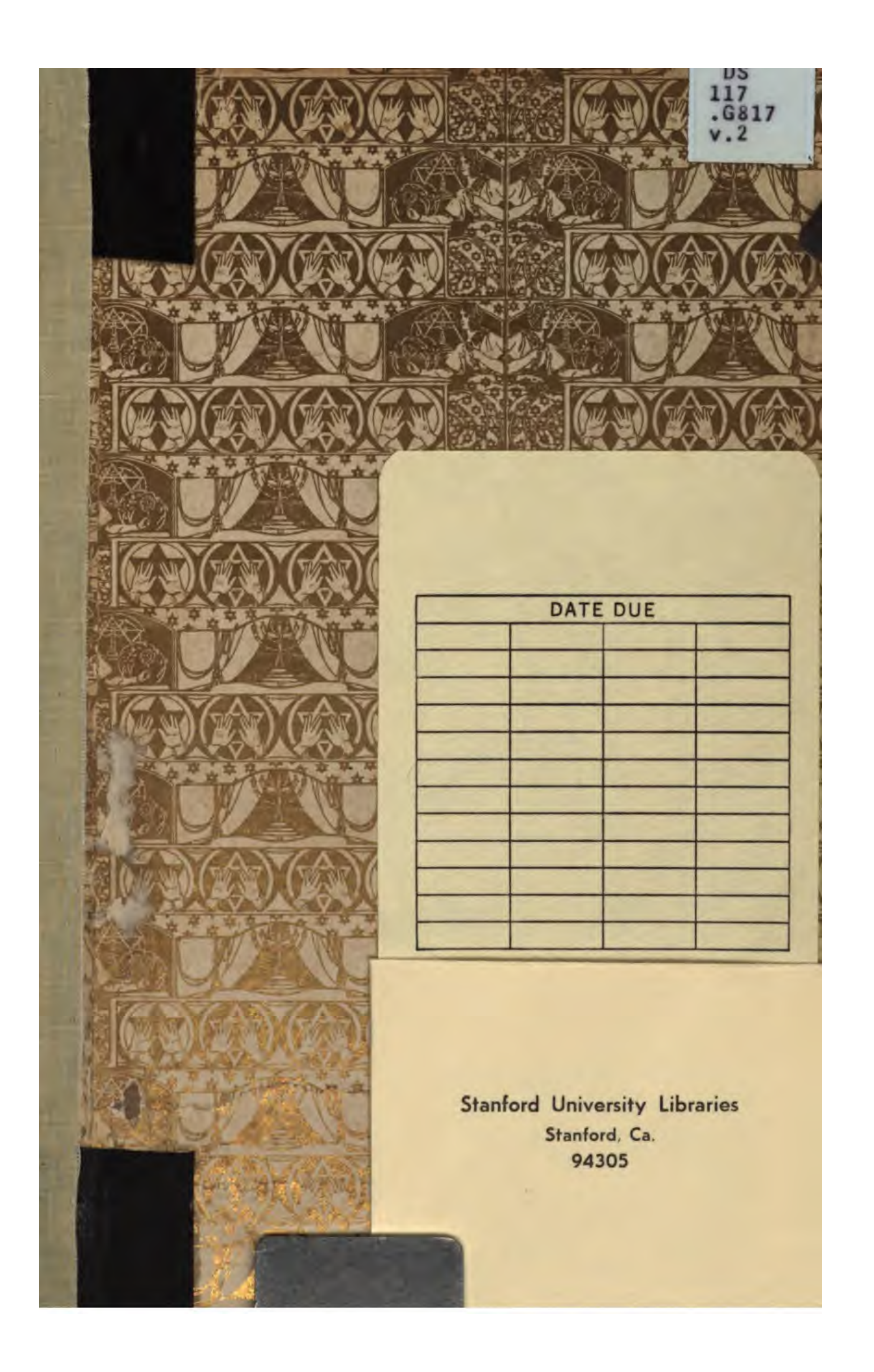
Глава IX.

Примѣчанія.

Погрѣшности и опечатки.

Стран.	*Строка*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
4	17 снизу	Рима	Рима
„	16 „	Германія	Германія
14	6 „	вникнуть	вникнуть
25	21 „	Израиль	Израиль
26	8 сверху	времени	времени
28	4 сверху	во Іудею	въ Іудею
29	17 „	современи	со времени
31	1 снизу	Пророки	Пророки
48	7 снизу	пророрческій	пророческій
52	10 „	Рамоть-Гилеаду	Рамотъ-Гилеаду
63	12 сверху	позаранѣе	во заранѣе
67	4 „	принималъ	принималъ
71	3 сверху	воспользоватся	воспользоваться
„	18 „	восмидесяти	восьмидесяти
78	18 „	Іакова	Якова
80	15 „	територію	территорію
81	18 снизу	Пирѣ	Тирѣ
90	7 „	пораскажите	пораскажите
103	8 сверху	царями[1])	царями[2])
„	2 снизу	[1]) Іешая 5, 26-29; т. же 36, 4; 10,8	[1]) Іешая 5, 26-29
„	1 „	[1]) Іешая 36, 4; 10, 8	[2]) Іешая 36, 4; 10, 8
107	6 сверху	нечто	ничто
111	1 снизу	[2]) Іешая 2, 5-21	[2]) Іешая 2, 11-21
115	12 сверху	ограниченна	ограничена
126	8 снизу	Іиіона	Іона
138	6 „	טובות	טוב
140	9 „	ארץ הנוד	ארץ הנד
„	9 „	הנדו-ארץ הנור-Индію	הנדו-ארץ נור-Индію
„	8 „	Kannidsch	Kannudsch
143	5 „	של	אשר

Стран.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
155	8 сверху	подслушанные	подслушанныя
158	1 снизу	²) Исходъ 18, 8-12	²) Исходъ 18, 11 и дд.
160	1 „	...цари I, 18, 39	...Цари I. 18, 39
165	16 „	Chamuschin	Chamuschim
168	1 „	впаденія, въ язычество	впаденія въ язычество
172	10 „	Ассирію"²)	Ассирію"¹)
„	1 „	²) Гошеа...	¹) Гошеа...
174	2 „	⁴) Т. же 5, 5; 5, 5-6; 6, 4	⁴) Т. же 5, 5-6; 6, 4
„	1 „	⁵) Т. же 6; 8, 13	⁵) Т. же 6, 6; 8, 13
182	1 сверху	которго	котораго
„	1 снизу	¹) Цари II. 18, 4, 21	¹) Цари II. 18, 4, 22
185	1 „	¹) Іешая 29, 4	¹) Іешая 29, 14
194	11 сверху	трехъ сотъ	трехсотъ
195	16 снизу	не очищенныя, не перевязанныя	неочищенныя,неперевязанны
197	5 сверху	съ цѣлю	съ цѣлью
204	7 „	Но склонѣ	На склонѣ
„	18 снизу	миръ	міръ
205	14 „	рѣчи, пророковъ	рѣчи пророковъ
206	10 „	авторамъ, матеріаломъ	авторамъ матеріаломъ
207	1 „	⁴) т. же 28, 5	⁴) Т. же 28, 15
216	1 „	Народъ твой	Народъ Твой
217	3 сверху	взираетъ"¹)	взираетъ".
„	1 снизу	¹) Цари II 21, 16	¹) Псаломъ 94
218	2 сверху	землѣ"²)	землѣ"¹)
„	8 „	рукахъ³)	рукахъ²)
„	14 снизу	Вавилонъ⁴)	Вавилонъ³)
„	10 „	Асархадонъ	Асархаддонъ
„	4 „	²) Псаломъ 58	¹) Псаломъ 58
„	3 „	³) Пророкъ...	²) Пророкъ...
„	1 „	⁴) Хроники...	³) Хроники...
219	20 сверху	Асархадонъ	Асархаддонъ
221	1 снизу	¹) Цефанія 1, 15-18	¹) Цефанія 1, 17-18
230	6 „	¹)Второзаконіе 4,35, 30; 3, 24	¹)Второзаконіе 4,35,39; 3,24
232	3 „	...19, 9; 30; 16...	...19, 9; 30, 6; 16...
236	2 „	²) Т. же 19 21	²) 19, 16 и дд.
237	2 „	³) Т. же 23, 16	³) Т. же 23, 10-15
241	3 „	надъ народамъ	надъ народомъ
244	16 сверху	Гиномъ	Гинномъ
249	1 снизу	¹) Второзаконіе 24, 15-17	¹) Второзаконіе 21, 15-17
251	1 сверху	первый	новый
267	17 снизу	Іегуды	Іегуди
278	8 сверху	то онъ,	то онъ
291	11 „	неизлечимомъ	неизлѣчимомъ
296	12 снизу	Іудеи	іудеи
301	5 сверху	Іоханапъ-бенъ-Кореахъ	Іоханапъ-бенъ-Кареахъ
307	10 „	Кореаха	Кареаха
„	7 снизу	„	„


DS
117
.G817
v.2
DATE DUE
Stanford University Libraries
Stanford, Ca.
94305